

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Институт иностранной филологии
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская
универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко»

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы III международной научно-практической конференции

*Симферополь
25 – 27 апреля 2019 года*

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2019

УДК 81'25
ББК 81.2–7
П 27

Главный редактор:

д. филол. н., доц. М. В. Норец.

Заместитель главного редактора:

к. филол. н., доц. М. А. Шевчук-Черногородова.

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь, Россия);
д. филол. н., проф. А. Э. Левицкий (Москва, Россия);
д. филол. н., проф. Т. А. Казакова (Санкт-Петербург, Россия);
д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (Горловка, ДНР);
д. филос. н., проф. О. Р. Демидова (Санкт-Петербург, Россия);
д. филол. н., проф. М. А. Новикова (Симферополь, Россия);
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта, Россия);
д. филол. н., проф. О. В. Резник (Симферополь, Россия);
д. филол. н., доц. О. А. Джумайло (Ростов-на-Дону, Россия).

П 27 Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы
III международной научно-практической конференции, Симферополь,
25–27 апреля 2019 г. / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ»,
2019. – 492 с.

ISBN 978-5-907162-42-6

В сборнике представлены статьи по докладам участников III международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 25–27 апреля 2019 г. Рассматриваются актуальные проблемы теории и практики перевода, современного литературоведения, прикладные аспекты и жанровые стратегии перевода, перевод и межкультурная коммуникация, а также вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин и научно-библиографической деятельности библиотек.

УДК 81'25
ББК 81.2–7

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность данных, цитат, имен и названий ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-907162-42-6

© Коллектив авторов, текст, 2019

© М. А. Шевчук-Черногородова, верстка, дизайн, 2019

© ИТ «АРИАЛ», 2019

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ
ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕНСТВЕННОСТЬ»
СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО
ЯЗЫКОВ**

С. Я. Абдурашитова,

преподаватель кафедры английской филологии, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь

А. О. Ганиева,

обучающаяся четвертого курса специальности крымскотатарский язык и литература, английский язык и литература, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь

Аннотация. В настоящей статье произведена попытка сопоставительного исследования языковой объективации концепта «женственность» на материале английского и крымскотатарского языков. Концепт «женственность» универсален и является составной частью языковой картины мира каждого народа. Однако для носителей различных языков данный концепт приобретает оригинальные когнитивные признаки. Автором анализируется структура концепта «женственность» в указанных языках, выделяются семантические поля в рамках данного концепта.

Ключевые слова: концепт «женственность», когнитивная лингвистика, семантическое поле, сопоставительный анализ, английский язык, крымскотатарский язык.

Summary. The following article is dedicated to the comparative analysis of linguistic embodiment of the femininity concept via English and Crimean Tatar languages. The femininity concept is generic to almost all linguistic cultures and is an integral part of the world's language picture of many nations. Yet the concept bears authentic cognitive features for different languages' speakers. The authors analyze the femininity concept's structure of the investigated languages as well as discriminate the semantic fields within the framework of the concept.

Key words: femininity concept, Cognitive linguistics, semantic field, comparative analysis, English language, Crimean Tatar language.

В современной лингвистике ведущими являются направления, изучающие природу языка и системы концептов, которые её отображают. На сегодняшний день важным является исследование и анализ проблемы связи человеческого познания и языка, национальной специфики концептосфер, а также языковых единиц, их составляющих.

Концепт «женственность» универсален и является составной частью языковой картины мира в каждом языке, хотя для носителей различных языков данный концепт приобретает оригинальные когнитивные признаки. Изучение концепта «женственность» в английской и крымскотатарской

лингвокультурах, а также сопоставление языкового проявления данного концепта в исследуемых языках с целью выявления и сопоставления систем эталонов национальных культур важно и представляет ценность для дальнейших исследований в области сравнительной когнитивной лингвистики.

Тема женщины и женственности в английской культуре раскрывается больше в русле социальных и гендерных исследований, нежели когнитивной лингвистики и концептологии [4; 5; 6; 9; 11].

Тема концепта «женственность» в крымскотатарском языке рассматривалась в нашей работе [1]. Для описания актуального коммуникативного восприятия концепта «женственность» носителями крымскотатарского языка нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, ход и результаты которого были описаны в другой научной статье [2].

Целью данной работы является сопоставительный анализ семантических полей концепта «женственность» в английском и крымскотатарском языках.

Для определения состава семантических полей (СП) концепта «женственность» в английском языке нами были использованы данные лексикографических источников [8], Британский Национальный Корпус [3], а также онлайн ресурсы [7].

Согласно трактовке Webster's New World College Dictionary «женственность» это – *the sum of all attributes that convey womanhood* [8]. В английском языке концепт «женственность» выражается существительными и прилагательными. Базовыми лексемами, выражающими данный концепт, являются слова *femininity* и *feminine*. Данные лексеммы впервые были зафиксированы в конце XIV в. у Дж. Чосера и являются общеупотребимыми, поскольку их использует около 93 % носителей английского языка, они также известны большинству детей дошкольного возраста [10].

Смысловые составляющие концепта «женственность» находятся в парадигматических отношениях, а лексеммы *femininity* и *feminine* являются гиперонимами. Ядро концепта «женственность» составляет ряд лексем: *femininity*, *feminineness*, *femineity*, *feminality*, *femineity*, *womanhood*, *womanliness*, *womanishness* и *feminine*, *womanly*, *womanlike*, *womanish*. Околоядерную зону образуют следующие лексические единицы: *femaleness*, *unmanliness*, *sassiness*, *muliebrity* и др. Вышеперечисленные лексеммы отличаются от таких лексических единиц как *effeminacy*, *effeminate* «изнеженность» и *effete* «изнеженный» семой «негативной оценки».

Периферийную зону концепта «женственность» в английском языке составляют элементы, объединённые следующими интегральными семантическими признаками: «мягкость характера» (*gentleness*; *delicacy*; *docility*; *kindness*; *softness*; *precious*, *ornamental and fragile*); «красивая

внешность» (*she's very pretty and feminine and men like that*); «реализация с биологической стороны» (*sexuality, fertility, fecundity*); «поведение, ожидаемое от женщины» (*smile and beguile feminine; act shy and sigh feminine*); «зависимость от мужчины» (*isolation; dependency; femininity signifies inferiority*); «творческая профессия» (*arts are associated with femininity; women's work is always described in the same way: decorative, fragile*). Таким образом, все лексические единицы нами были распределены по следующим СП:

1. «Тип мировоззрения» (*woman philosophy; an ideology of adolescent femininity; ideas of motherhood; common-sense constructions of femininity*).

2. «Сущность женщины» (*women's identity; feminine nature is intuitive; the essence of femininity*).

3. «Этическая категория» (*ladylike; appropriate behaviour; aesthetic and moral ideals; the femininity rule; exquisitely candid femininity; a vision of moral femininity; neat and tidy, a model of feminine beauty and virtue*).

4. «Стереотип» (*the way women are meant to be; clichéd ideas of femininity; the ideal of the frilly frock and girly giggle as the symbols of femininity; lack of financial sufficiency; the thing that keeps women obedient to men; feminine implies hysterical, illogical and unreasonable; femininity is to be associated with motherhood*).

5. «Социальный конструкт» (*femininity as a social construct; white femininity; rural femininity; Asian femininity; the ethnic variety of femininity; social phenomenon; the culture of femininity; traditional femininity*).

6. «Область научных исследований» (*the issue of gender; concept of femininity; category of femininity; discourses of femininity; psychology associates subjectivity with femininity*).

7. «Внешняя привлекательность» (*face glows with femininity; pure elegance; dress in a way that pays attention; female sexuality; femininity, something that is beautiful; being the centre of attention; feminine shape; long, flowing hair; clear skin; a narrow waist; no body or facial hair*).

8. «Противоположность понятию мужественности» (*unmanliness; masculine style means sacrifice your femininity*).

9. «Средство достижения целей» (*femininity as a weapon; one of our greatest charms; utilize your femininity; feminine charms; feminine allure*).

10. «Экстратеррестриальность» (*Yin is a true womanhood; Aphrodite is a primeval, oceanic femininity*).

11. «Понятие, не исследованное в полной мере» (*the dark unexplored continent; the figure of ambiguity and multiplicity; femininity as an implicit goal*).

Для определения состава СП концепта «женственность» в крымскотатарском языке мы использовали данные проведённого нами свободного ассоциативного эксперимента, который является синхронным срезом восприятия женственности крымскими татарами [2].

В связи с тем, что современный крымскотатарский язык не имеет столь широкого распространения, а количество отраслей функционирования языка ограничено, лексема *къадынлыкъ*, репрезентирующая концепт «женственность» практически не используется в разговорной речи крымских татар. Прилагательные *зариф* и *незакетли*, указанные нами в качестве лексических единиц, входящих в ядро концепта «женственность», хотя и наиболее близки к обозначению понятия «женственность», однако раскрывают лишь часть данного концепта. Тем не менее, это не говорит об отсутствии концепта «женственность» в сознании представителей крымскотатарского народа. Об этом свидетельствует проведённый нами ассоциативный эксперимент, в ходе которого выяснилось, что в структуре концепта «женственность» в крымскотатарском языке присутствуют как понятийная основа и компоненты чувственного образа, так и оценочные, национально-культурные и индивидуально-личностные компоненты. Следовательно, структура концепта «женственность» в крымскотатарском языке проявляется не чётко. Смысловые составляющие концепта «женственность» находятся в парадигматических отношениях, а лексемы *къадынлыкъ* и *зариф* служат гиперонимами. Ядро и околоядерную зону концепта «женственность» составляет ряд таких лексических единиц как *къадынлыкъ*, *зарифлик*, *незакет*, *летафет*, *къадынлыкъ зарифлиги* и *зариф*, *незакетли*, *муляйим*, *лятиф*, *джильвели*, *хош*.

Периферийная зона концепта «женственность» в крымскотатарском языке находится рядом с ядром и перекликается с его элементами. Итак, периферийную зону концепта составляют элементы, объединённые следующими интегральными семантическими признаками: «мягкость характера» (*назик*, *мераметли*); «красивая и опрятная внешность» (*дюльбер*, *гузель*, *темиз*, *мот кийинген*, *бакъымлы*, *эстетик*, *эlegant*); «неразрывная связь с мужем» (*акъайынынъ мемнюиетини къазана*; *акъайыны динълей*), «род деятельности» (*кейф ичюн чалыша*; *озь зенаатыны севип чалыша*). Таким образом, все лексические единицы нами были распределены по следующим СП:

1. «Предназначение женщины» (*балларыны тербиелей*; *лезетли аш пишире*; *эвде отура*; *эв ишлерини беджере*; *эвли*; *балалы*; *даима озь акъайынен берабер олмакъта*; *акъайына къол тута*).

2. «Этическая категория» (*ахлякълы*; *къорантасынынъ тербиесини косьтере*; *тербиели*; *алчакъгонъюлли*; *намуслы*; *сыраны билъген*).

3. «Стереотип» (*къаракъашлы*; *къаракозлю*; *янагъында бенъи вар*).

4. «Привлекательность» (*дюльбер*; *гузель*; *узунсачлы*; *индже белли*; *сагълам*; *чечек киби къокъуй*; *муляйим сесли*; *сулю сесли*; *парлакъ*).

5. «Основа для благополучной жизни» (*тынчлыкъ ве раатлыкъны тимсаль эте*; *яшайынынъ аэнклигини ярата*; *дюньяны яраштыра*; *эвни яраштыра*).

6. «Источник вдохновения» (*акъайыны ильхамландыра; этрафтакилерге кучь бере; дестеклей*).

7. «Личностное совершенствование» (*тыш-къыяфетини эйилештире; окъуй; эр мевзуда музакере эте биле; озь маневийлигини инкишаф эттире*).

Проведенный нами лингвистический анализ семантики языковых единиц, репрезентирующих концепт «женственность» в английском и крымскотатарском языках позволяет сделать следующие выводы:

1. Восприятие женственности носителями указанных лингвокультур не идентично. Отличия обусловлены разным историческим, культурным и религиозным фоном. Некоторые характеристики исследуемого концепта имеют отличительный культурный окрас, передавая те же значения.

2. Наиболее характерными концептуальными признаками вербализации концепта «женственность» для английской лингвокультуры являются «особая манера поведения»; «внешняя красота»; «внутренняя энергия» и «уверенность в себе». Для крымскотатарской лингвокультуры специфичными являются следующие концептуальные признаки: «привлекательность»; «отношения в семье»; «положительные черты характера»; «самосовершенствование».

4. Концептуальные признаки вербализации исследуемого концепта в английской и крымскотатарской лингвокультурах многим схожи. Среди общего в реализации исследуемого концепта в английской и крымскотатарской лингвокультурах доминируют следующие признаки: «подлинная сущность женщины»; «образец женщины»; «настоящая женщина»; «особенная женщина» и «женщина, красивая внешне и внутренне».

Список использованных источников

1. Ганиева А. О. Национальная специфика языковой объективации концепта «женственность»: на материале английского и крымскотатарского языков / А. О. Ганиева, А. С. Мазинов // Сопоставительная лингвистика. – 2017 г. – № 6. – С. 52–58.
2. Ганиева А. О. Макрокомпонентная структура концепта «женственность» в крымскотатарском языке / А. О. Ганиева, А. С. Мазинов // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы III Международного Научного Конгресса. – 2018 г. – С. 334–339.
3. British National Corpus (BYU-BNC) [Electronic resource], 1980–2018. Mode of access: URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/>. (Дата обращения: 13.01.2018).
4. Gordon F. E. Self-image and stereotypes of femininity: Their relationship to women's role conflicts and coping // Journal of Applied Psychology, Vol 59(2). 1974.

5. Kotthoff H. Gender in Interaction: Perspectives on Femininity and Masculinity in Ethnography and Discourse. John Benjamins Publishing, 2001.
6. Newman K. Fashioning Femininity and English Renaissance Drama. Women in Culture and Society. University of Chicago Press, 1991.
7. Wade R. The Feminine Woman [Electronic resource]. 2017. Mode of access: URL: <http://www.thefemininewoman.com/>. (Дата обращения: 03.04.2018)
8. Webster's New World College Dictionary Cambridge: Advanced Learner's: Dictionary fourth edition / Under the editorship of M. Agnes. IDG Books Worldwide, Inc., 1999.
9. Welter B. The Cult of True Womanhood: 1820-1860 // American Quarterly, Vol. 18. 1966. №2, Part 1.
10. Word Panda [Electronic resource]. 2017. Mode of access: URL: <https://wordpanda.net/definition/femininity>. (Дата обращения: 08.04.2018).
11. Yeo E. Radical Femininity: Women's Self-representation in the Public Sphere. Manchester University Press, 1998.

УДК 378

УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ПРОЦЕСС И ПРЕДМЕТ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Н. В. Абрамова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов*

Аннотация. В статье анализируются лингвистические особенности устной речи и условия, которые влияют на её характер, рассматриваются вопросы обучения устной иноязычной речи. Определены условия, влияющие на характер устной речи. Основное внимание в работе акцентировано на таких компонентах устной речевой деятельности как говорение, монологическая и диалогическая речь. Проанализирован коммуникативный подход к обучению устной иноязычной речи.

Ключевые слова: устная речь, иностранный язык, говорение, аудирование, диалогическая речь, монологическое высказывание.

Summary. The linguistic features of oral speech and conditions affecting its character are analyzed, the issues of teaching foreign language speech are considered. The conditions influencing the character of oral speech are defined. The focus of the work is on such kinds of speech activity as speaking, monologue and dialogue speech. The communicative approach to teaching foreign language is analyzed.

Key words: oral speech, foreign language, speaking, listening, dialogical speech, monological speech.

Обучение устной речи представляет собой сложный процесс, который включает в себя формирование и совершенствование лексико-грамматических навыков, а также умение использовать их для развития

неподготовленной речи. Устная речь как форма речевой деятельности связана с пониманием звучащей речи и созданием речевых фраз в звуковой форме. Таким образом, устная речь представляет собой двусторонний процесс, складывающийся из умения говорить на иностранном языке (экспрессивная сторона речи) и умения понимать речь других людей (рецептивная устная речь). На характер устной речи оказывают влияние условия внеязычного (экстралингвистического) порядка (ситуация, обстановка, в которой протекает речевая деятельность, возраст и уровень развития говорящего, тема разговора, жесты и т.д) [4].

На основе анализа речевой деятельности А. А. Леонтьев разработал модель создания речевого высказывания, которая не зависит от конкретного языка, и которая лежит в основе языкового оформления речевого высказывания. Данная модель включает следующие ступени: система мотивов (внеречевые факторы); речевая (коммуникативная) интенция; внутренняя программа речевого действия; реализация внутренней программы, которая предполагает два относительно независимых процесса: семантическую реализацию и грамматическую реализацию; акустико-артикуляционная и моторная реализация программы; звуковое осуществление высказывания [8].

И. А. Зимняя выделяет следующие фазы порождения речевого высказывания: побудительно-мотивационная, аналитико-синтетическая и исполнительская. Согласно этим фазам выделяют три уровня порождения высказывания: а) мотивационно-побуждающий; б) формирующий; в) реализующий [6].

Благодаря языковым средствам, которые использует говорящий, устная речь приобретает определённые черты, отражающие языковой стиль устной речи. Для стиля устной речи характерно употребление вводных слов, междометий и т.д. При обучении устной речи преподаватель должен в своей работе использовать определенные методы и приёмы, которые способствуют эффективному усвоению данного навыка [7].

В своих работах В. Л. Скалкин и другие полагают, что речевые умения формируются в три этапа: формирование лексико-грамматических навыков устной речи; совершенствование лексико-грамматических навыков устной речи; развитие умений неподготовленной устной речи. Важным моментом является соблюдение последовательности данных этапов, так как для формирования речевых механизмов необходим определенный уровень лексико-грамматических навыков говорения. Обучающиеся возникают трудности в воспроизведении неподготовленной речи, если в процессе обучения были недостатки. В данном случае вся речь обучающихся будет представлять собой воспроизведение готового текста. [11]. Для формирования и совершенствования лексико-грамматических навыков преподаватель должен использовать тренировочные упражнения, которые закрепляют у обучающихся лексику, грамматические структуры

высказываний. Данные структуры предложений можно отрабатывать с обучающимися хором, индивидуально, их можно использовать во время организации различных форм учебной работы.

Для общения на иностранном языке и для понимания иноязычной речи необходимо знать грамматический строй, фонетику и лексику данного языка. Но использование этих знаний в устной речи и понимании будет происходить по-разному, так как говорение связано с воспроизведением определённых языковых явлений в речи; для понимания же требуется лишь узнавание определённых языковых явлений в речи. Человек, который умеет говорить на данном иностранном языке, хорошо понимает и устную речь, а тот, кто понимает устную речь, не всегда умеет говорить на иностранном языке. По сравнению с чтением и письмом устная речь проходит в быстром темпе и для её воспроизведения необходимы автоматизированные навыки.

Овладение устной речью неразрывно связано с чтением и с письменной речью, поскольку письмо имеет много общего с говорением, а чтение написанного – со слушанием. Отличие стиля устной речи от стиля письменной речи заключается в большей краткости выражения, в ситуативности. В ходе устного общения трудные моменты в понимании становятся ясными для говорящих из-за самой ситуации. В письменном же стиле, для правильного понимания смысла речи, настроения говорящего необходимы объяснения. Для устной речи характерно богатство интонационного оформления, так как с помощью интонационного оформления высказывание отражает не только общий смысл, но и различные настроения и переживания собеседника [1].

Обучение устной речи включает в себя основные виды речевой деятельности: чтение, аудирование, говорение, диалогическую и монологическую речь. Цель обучения говорению – это развитие у обучающихся способности в соответствии с их реальными потребностями и интересами осуществлять устное речевое общение в разнообразных ситуациях. Поэтому преподаватель должен на занятии создать условия, которые способствовали бы коммуникации обучающихся, учитывая при этом такие специфические принципы говорения, как 1) мотивированность (человек говорит, так как у него есть мотив); 2) целенаправленность (любое высказывание преследует какую-либо цель); 3) активность (в говорении прослеживается взгляды коммуникантов к окружающей действительности); 4) связь с личностью (личность проявляет активность в своей точке зрения, которую она выражает в речи); 5) темп речи, который должен укладываться в нормы общения; 6) ситуативность говорения (соотношение речевых единиц с основными компонентами процесса общения).

Устная речь включает в себя чтение, аудирование, говорение, диалогическую и монологическую речь. При обучении устной речи устной речи необходимо учитывать особенности диалогической и монологической речи. Диалог представляет собой серии высказываний и реплик, которые

возникают друг за другом в ситуации непосредственного общения двух или нескольких собеседников. В диалоге говорящие высказывают своё мнение, обмениваются фразами, репликами. В диалоге присутствуют вопросы, дополнения, повторение отдельных слов и фраз, междометий и т.д. Для развития навыков диалогической речи преподаватель предлагает обучающимся простые диалоги, в дальнейшем будут использоваться более сложные ситуации. Кроме того, необходимо проводить беседу – диалог по прочитанному или прослушанному материалу, где каждая тема будет начинаться с введением нового лексического и грамматического материала. После того, как обучающиеся читают и заучивают готовые диалоги, они формируют навык ведения беседы и могут уже сами составлять и воспроизводить свои диалоги. С помощью коммуникативных упражнений преподаватель задает ситуацию, а обучающиеся говорят на предложенную тему, используя усвоенный материал.

Монолог – это вторая разновидность устной речи. Монолог – это речь одного лица, обращенная к одному или многим лицам. Это может быть рассказ преподавателя, развернутый ответ обучающегося, доклад и т.п. Поскольку на характер диалогической и монологической речи оказывают влияние содержание беседы, деятельность коммуникантов или слушателей, их возраст, общий кругозор, заинтересованность в разговоре и многие другие факторы, необходимо научить обучающихся применять усвоенный языковой материал для выражения своих мыслей в соответствии с речевой ситуацией [2]. Для понимания речи других людей требуется лучшее владение языковым материалом, чем для пользования речью. Речь собеседника мы не можем упростить или изменить по своему усмотрению, мы должны понимать иноязычную речь в том виде, в каком её создаёт собеседник. В понимании чужой речи главную роль играет процесс узнавания языкового материала, в говорении – процесс его воспроизведения [3]. Цель обучения монологической речи – это формирование речевых умений коммуникативно-мотивированно, логически последовательно, лингвистически правильно выражать свои мысли в устной форме. Монологическая речь имеет большую сложность в построении. Она характеризуется завершенностью мысли, строгим соблюдением грамматических правил, строгой логикой и последовательностью изложения. При построении монологической высказываний требуется думать на иностранном языке и представлять то, что необходимо сказать. Поэтому обучение монологической речи представляет большие трудности по сравнению с обучением диалогической речью и строится из нескольких этапов. Работая над развитием монологической речи у обучающихся, преподаватель сначала вводит новую лексику, отрабатывает её на занятии, проводит работу над текстом по теме. После этого обучающимся дается самостоятельное задание подготовить монологическое высказывание по изученной лексической теме, рассказать устно на иностранном языке тему.

Особенности языковой структуры монологической речи связаны с коммуникативной функцией данного вида речи. Монологическая речь всегда обращена к одному или нескольким лицам, следовательно, коммуникативная функция монологической речи заключается в связном и непрерывном изложении мыслей одним лицом. Монологическая речь в коммуникации занимает большое место и выражается в устных и письменных выступлениях. Основная особенность монологической речи – это её непрерывность, с помощью которой достигается завершенность, законченность мысли говорящего. Поэтому монологическая речь должна быть ясна и понятна без помощи неязыковых средств. Монологическое высказывание должно быть логично, последовательно в изложении мысли [1]. Обучение монологической речи основывается на коммуникативном подходе.

Коммуникативный подход представляет собой обучение речевой иноязычной деятельности, овладение коммуникативной компетенцией, в основе которой лежит владение иноязычной речевой деятельностью в актуальных для обучающихся сферах коммуникации, выбор и реализация программ речевого поведения [12]. Разработкой коммуникативного направления в иноязычном обучении занимались многие учёные, методисты, психологи. Среди них – А. А. Леонтьев, В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова, А. Н. Щукин, М. Н. Вятютнев, Л. Бим, П. Б. Гурвич, И. А. Зимняя, И. Е. Пассова, Г. В. Рогов, Э. П. Шубина, Г. Лозанов, Г. Э. Пифо, Р. Олрайт и другие.

Первый этап – это программирование речи, где отбирается только важная информация, которую необходимо донести до слушателя. Второй этап – построение синтаксической структуры предложения, то есть выбираются грамматические конструкции, необходимый лексический материал, формируется общая конструкция фразы. Третий этап – это проговаривание, сформированное высказывание. С помощью данных этапов реализуется процесс говорения [9].

Основная трудность при обучении устной речи заключается в том, что лингвистическим материалом необходимо владеть как средством общения, а не просто для узнавания. Например, обучающийся при необходимости может возвращаться к тому материалу, который остался непонятен при чтении. А при слушании необходимо улавливать речь и подчиняться темпу речи говорящего с первого раза.

Аудирование – рецептивный вид речевой деятельности, который представляет собой одновременное восприятие и понимание речи на слух и как самостоятельный вид речевой деятельности имеет свои цели, задачи, предмет и результат. Основная цель обучения аудированию – развитие у обучающихся способности понимать речь на слух. В содержание обучения аудированию входят лингвистический, психологический, методологический компоненты [5]. Аудирование тесно связано с

говорением. Вопросами обучения говорению и аудированию занимались такие исследователи как Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, Е. И. Пассов и др. [10].

Для эффективного процесса обучения устной иноязычной речи широко применяются такие методы как ролевые игры, метод проектов, метод анализа инцидентов, обучение действием, «кейс-стади», работа в малых группах и др. Использование инновационных методов в изучении языкового материала обеспечивают обучающихся новыми знаниями из различных областей деятельности, позволяет больше общаться на иностранном языке, что обеспечивает формирование иноязычной коммуникативной компетенции у обучающихся [2].

Список использованных источников

1. Абрамова Н. В. Особенности языковой структуры и функционально-стилевая типология монологической речи в немецком языке // Лингвометодические аспекты преподавания иностранного языка в вузе: межвузовский сборник научных статей. Пенза: РИО ПГСХА, 2014. С. 5-9.
2. Абрамова Н. В. Обучение в сотрудничестве как эффективная форма обучения иностранному языку (на примере немецкого языка) / Язык и мир изучаемого языка сборник научных статей. Саратов, 2018. С. 195-199.
3. Абрамова Н. В. Профессионально-ориентированное обучение как важнейший фактор повышения эффективности обучения иностранным языкам в юридическом вузе / Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 178-181.
4. Абрамова Н. В. К вопросу о психолингвистических особенностях иноязычной устной речи / Н. В. Абрамова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Пенза: РИО ПГСХА, 2014.
5. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2006. 336 с.
6. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. М.: Логос, 2002. 384 с.
7. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном. М.: Просвещение, 1978. 159 с.
8. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». М.: Смысл, 1999. 287 с.
9. Миролубов А. А. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 2010. 223 с.
10. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Рус. яз., 1989. 276 с.
11. Скалкин В. Л. Обучение монологическому высказыванию: Пособие для учителей. Киев, 2011. 238 с.
12. Шеляхина Н. В. Стратегические принципы коммуникативного поведения в вузе // Практика коммуникативного поведения в социально-

гуманитарных исследованиях: Матер. межд. науч.-практ. конф. 5-6 дек. 2010 г. Пенза – Ереван – Прага: ООО Науч.-изд. центр «Социосфера». С. 65-67.

УДК: 811.11

**СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТОВ НА
ЗАНЯТИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ В МАГИСТРАТУРЕ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЛИНГВИСТИКА»**

Н. Э. Аносова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Н. В. Попова,

доктор педагогических наук, профессор кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Н. И. Алмазова,

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Санкт-Петербург

Аннотация. Целью данной статьи является изучение возможностей фасилитации учебного процесса на занятиях по переводу в магистратуре по направлению “Лингвистика” в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого, а также демонстрация эффективности совместной работы преподавателя и студентов для повышения профессиональных компетенций студентов и развития навыков перевода.

Методы исследования включают анализ учебных планов переводческих дисциплин и обзор текущей успеваемости студентов.

Авторы делают вывод о том, что использование фасилитации и внедрение совместной работы преподавателя и студентов на занятиях по переводу, а также обмен информацией в образовательном процессе приводит к более высокому уровню компетентности будущих специалистов в области перевода.

Ключевые слова. Фасилитация, совместная работа, сотворчество, устный перевод, профессиональная компетентность, навыки перевода.

Abstract. The aim of this paper is to discuss collaborative tasks for the students of linguistics in Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University and show the effectiveness of such tasks for enhancing the professional competences of the students majoring in Linguistics and developing their translation skills.

The methods of the study included the analysis of the syllabi of the translation disciplines and the survey of students' current performance.

The conclusion is made that the introduction of collaborative learning and information sharing in the process of training results in a higher level of students learning competence.

Key words. Facilitator, collaborative tasks, creative activities, interpreting, professional competence, translation skills.

В процессе обучения совместная деятельность, сотворчество преподавателя и студентов является необходимым условием эффективной профессиональной подготовки магистрантов, обучающихся по направлению “Лингвистика”. В настоящее время интерактивные методы позволяют организовать обучение таким образом, чтобы все студенты в равной степени были вовлечены в переводческую деятельность, приближенную к реальности. Немаловажным фактором оптимизации обучения выступает повышение познавательной активности студентов, чему в значительной степени способствует использование педагогической фасилитации.

Понятие фасилитации было введено в 50-е годы двадцатого века исследователем К. Роджерсом совместно с другими представителями гуманистической психологии [4]. Фасилитация – это особый вид межличностного общения, который усиливает эффективность обучения участников образовательного процесса и стимулирует развитие профессиональных навыков у студентов вследствие особого стиля общения преподавателя со студентами и личности самого преподавателя [3].

В отечественной науке фасилитация рассматривается как особый вид взаимодействия преподавателя и студентов, в ходе которого создаются условия, стимулирующие интенсивное и продуктивное саморазвитие участников образовательного процесса. В своем исследовании Е. Г. Врублевская выделяет основные педагогические условия, обеспечивающие развитие способности преподавателя к такому взаимодействию, и определяет необходимые условия [2]. В условиях такого обучения с применением фасилитации возрастают и расширяются требования к профессионализму преподавателя, в частности, к его умению выстраивать оптимальные взаимоотношения со студентами. Педагогическая фасилитация обеспечивает более высокий уровень обучения студентов, который максимально соответствует современным требованиям. Будучи активными участниками процесса, студенты более восприимчивы к усвоению нового материала. Самостоятельный поиск и подготовка учебных материалов (тематических сообщений, рефератов и пр.) помогает им лучше усваивать тему, перерабатывать новую информацию [1]. Следует отметить, что даже тщательное планирование и подготовка преподавателем занятий, логически выстроенное изложение

материала не будет эффективным, если студенты будут являться пассивными слушателями.

При фасилитации образовательного процесса преподаватель применяет нестандартные методы и приемы, которые стимулируют творческое осмысление новой информации, учат рассуждать и анализировать пройденный материал. Создание условий для творческого самовыражения студентов, признание ценности их мнений и позиций, сотворчество преподавателя и студентов создают фундамент для повышения познавательной активности студентов, их эффективной профессиональной подготовки.

В данной статье рассматривается перспективы развития совместной деятельности, сотворчества преподавателя и студентов в рамках дисциплин «Переводческий тренинг с использованием информационных технологий» и «Электронные ресурсы переводчика», входящих в блок переводческих дисциплин в магистратуре по направлению «Лингвистика» в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого.

Основной целью изучения дисциплины «Переводческий тренинг с использованием информационных технологий» является формирование профессиональной компетентности у студентов магистратуры по направлению «Лингвистика». Данная дисциплина знакомит студентов с особенностями письменного и устного перевода в современных условиях, в паре языков: английский и русский. Курс направлен на подготовку студентов к реальной переводческой практике. Учебный план дисциплины составлен в соответствии с учебным планом высших учебных заведений лингвистического профиля.

В результате изучения данной дисциплины студенты-лингвисты приобретают навыки эффективного использования электронных словарей и лингвистических корпусов в переводческой деятельности, развивают умение использовать современные технологии машинного перевода и методы постредактирования машинного перевода. Изучение информационных систем и интернет-сайтов, таких как <http://www.abc.net.au/rn/scienceshow>, <http://www.podfeed.net/>, <http://www.merriam-webster.com/> и т.п., способствует развитию речевых навыков и лингвистической компетенции будущих переводчиков. Для перевода страноведческих реалий целесообразно использовать такие интернет-ресурсы, как <http://info.ox.ac.uk/bnc>, www.thesaurus.com, <https://context.reverso.net> и т.д. Все эти интернет-ресурсы способствуют достижению условий адекватности и эквивалентности перевода и могут использоваться в режиме совместной работы преподавателя и студентов. Примеры таких задач представлены ниже.

Одно из заданий представляет собой поиск и обмен информацией для осуществления перевода в рамках заданной тематики. На таких занятиях по устному переводу учащиеся вовлечены в процесс обмена информацией, а

также в процесс активного сотрудничества друг с другом, а преподаватель выступает в роли инструктора и координатора процесса, а также в роли фасилитатора, участвуя в выполнении задания вместе со студентами. В рамках своего домашнего задания студенты должны найти соответствующий тематике текст и проанализировать его, составить список слов, которые будут использоваться при выполнении задания по переводу на занятии, а также выделить моменты, которые могут оказаться трудными для переводчика, с точки зрения лексики, культурных и страноведческих реалий, терминологии, стилистики и грамматических конструкций.

Непосредственно на занятиях студенты начинают работу с обмена информацией, изучения и анализа подготовленных списков слов и выбора наиболее подходящего перевода для соответствующих слов и словосочетаний. Эта задача выполняется в парах. Преподаватель, являясь фасилитатором процесса, подключается к обсуждению в каждой из пар по очереди, а также устанавливает строгий временной интервал для выполнения этого задания, чтобы сделать процесс сотрудничества максимально эффективным. На этом этапе учащиеся могут использовать любые доступные в Интернете источники, такие как поисковая система Google, онлайн-словари, платформа MOODLE, чаты, социальные сети и т.п.

Когда процесс поиска и обмена всей необходимой информацией завершен, студенты переключаются на устный перевод в парах, причем один студент выступает в роли репортера, а другой – в роли переводчика. Поскольку каждый из них готовит заранее перевод своего сообщения, оба они участвуют в процессе интерпретации. На этом этапе следует соблюдать строгие сроки выполнения задания, контролировать и, при необходимости, исправлять технику речи и манеру поведения студентов в соответствии с правилами риторики и профессионального этикета устных переводчиков.

Данное задание по устному переводу может также выполняться в полных студенческих группах, при наличии лингафонного кабинета. В таком случае один студент выступает в качестве репортера, а другие – в качестве переводчиков, при этом все используют наушники и записывают свой перевод (кроме репортера), с последующим прослушиванием и анализом ошибок и неточностей. Очень эффективной практикой здесь является активное участие преподавателя перевода, который совместно со студентами играет роль переводчика и, по окончании процесса перевода, не только оценивает работу студентов, но и позволяет прослушать и оценить свой собственный перевод.

Существуют разные способы организации процесса экспертной оценки и самооценки. Прежде всего, студенты могут оценить себя, прослушав свой записанный последовательный перевод, и проанализировать свои собственные ошибки. Они также могут обмениваться наушниками и прослушать перевод друг друга, конспектируя наиболее очевидные ошибки для последующего обсуждения в минигруппах и/или с

участием преподавателя. Непосредственное участие в переводе преподавателя, совместная деятельность преподавателя и студентов значительно мотивирует студентов к получению знаний, способствует росту авторитета преподавателя и повышает доверие к нему со стороны студентов.

Следующее задание, подразумевающее совместную деятельность преподавателя и студентов, выполняется в рамках дисциплины «Электронные ресурсы переводчика». Используется система Memsource, поскольку она считается наиболее удобной для выполнения большинства переводческих задач. Совместный режим выполнения задания студентами обеспечивается 1,5-часовой работой в парах, после чего результаты совместной переводческой работы проверяются экзаменаторами, причем один из экзаменаторов представляет переводческую компанию, а другой работает в университете.

Эта задача является попыткой добиться сочетания методов переводческих компаний с методами, приемлемыми для практической университетской дисциплины, что дает студентам возможность приблизиться к реальной практике перевода, существующей на современном рынке переводческих услуг. Алгоритм этой задачи приведен ниже:

1. Загрузите любые новости о внешней политике (например, о проблемах Brexit, политике Макрона, митингах в Германии или Франции и т.п.) в формате *.html с сайта cnn.com.
2. Создайте глоссарий к статье для перевода в системе Memsource.
3. Создайте задачу для перевода в Memsource, затем создайте базу данных Translation Memory и подключите к ней созданный глоссарий.
4. Переведите статью, добавив новые термины в глоссарий.
5. Окончательный результат задания: глоссарий перед переводом в формате *.xlsx, глоссарий после перевода в формате *.xlsx, перевод в форматах *.html и *.mxliff и база памяти переводов в формате *.tmx.

Как показывает практический опыт, студенты высоко ценят совместную деятельность и возможность обмениваться информацией со своими сверстниками и преподавателем на занятиях по переводу, а также возможность оценивать себя. Совместные задания являются предпосылкой для дальнейшего участия студентов в профессиональной проектной работе, которая обычно основана на взаимных усилиях участников. Сотворчество, совместная деятельность преподавателя и студентов также имеют решающее значение в процессе подачи заявок на гранты.

По определению, обучение носит социальный характер. Мы обмениваемся идеями и делимся своей точкой зрения с другими участниками образовательного процесса. По мнению М. Клиффорд, «сотрудничество (преподавателя и студентов) должно стать неотъемлемой составляющей учебного процесса. При правильном применении такое сотрудничество может стать мощным инструментом, который позволит

преподавателям эффективно внедрять новые идеи и новую информацию» [5].

Роль преподавателя в организации студенческого сотрудничества нельзя переоценить. Преподаватель как фасилитатор образовательной деятельности выступает в роли инструктора, координатора и даже соученика, что дает студентам больше свободы и, следовательно, ответственности за учебный процесс. Несомненно, результатом этого является повышение активности студентов, большая заинтересованность в приобретении новых знаний и развитии новых навыков и, как следствие, повышение эффективности образовательного процесса.

Список использованных источников

1. Роджерс К. Гуманистическая психология. Теория и практика. Изд-во: МОДЭК, Московский психолого-социальный университет, 2013. – 456 с.
2. Николаева Л. В., Саввинова Р. В. Взаимодействие преподавателя и студента как условие эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов // Современные наукоемкие технологии. – 2015. – № 12-2. – С. 351-354; URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=35270> (дата обращения: 24.01.2019)
3. Врублевская Е. Г. Учитель на пути к смыслам человекообразования // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 4. – С. 174–188.
4. Ахмедова Х. О. Сотрудничество преподавателя и студента – творческий потенциал // Молодой ученый. – 2014. – №14. – С. 261-263. – URL <https://moluch.ru/archive/73/12436/> (дата обращения: 24.01.2019).
5. Clifford M. Facilitating Collaborative Learning: 20 Things You Need to Know From the Pros (2012). (онлайновая база данных) <https://www.opencolleges.edu.au/informed/features/facilitating-collaborative-learning-20-things-you-need-to-know-from-the-pros/>

УДК 811.161.2

ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ Н. НОСОВА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ И ЕГО ДРУЗЕЙ»)

Е. Л. Ачилова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

В. П. Ачилова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье проанализированы приемы передачи имен собственных (ИС), функционирующих в сказке. В результате исследования выявлено, что ИС, мотивированные именами нарицательными, в украинском переводе чаще всего передаются с помощью эквивалентов, а в английском – с использованием вариантных и контекстуальных соответствий и лексических трансформаций. С целью всесторонней лингвистической характеристики ИС использована комплексная методика, предусматривающая применение как основного описательного метода, а также методов сопоставительного, словообразовательного и этимологического анализа.

Ключевые слова: оним, имя собственное, эквивалент, вариантные соответствия, лексические трансформации, перевод, окказионализмы.

Summary. The article analyzes the methods of transferring proper nouns (PN), which function in a fairy tale. The study revealed, that PN, motivated by common nouns, in the Ukrainian translation most often transmitted using equivalents, and in the English translation, using variant and contextual correspondences and lexical transformations. It used a complex methods providing for use as the main descriptive method as well as methods of comparative, derivational and etymological analysis for the purpose of comprehensive linguistic characteristics PN.

Key words: onym, proper name, equivalent, variant correspondences, lexical transformations, translation, occasionalisms.

Имена собственные (ИС), как известно, являются одним из важнейших компонентов литературного произведения. Это объясняется тем, что ИС в комплексе с языком и стилем произведения становятся особым изобразительным средством, своеобразным стимулом для развертывания сюжета произведения и основой его художественного образа [6, с. 30].

Литературная ономастика как отдельный раздел языкознания сформировалась в 70-80-е годы XX века. У её истоков стоял преподаватель нашего факультета В. Н. Михайлов, написавший первую в СССР диссертацию в этой области – «Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и XIX вв., их функции и словообразование» (1956 г.).

Одним из актуальных направлений современной литературной ономастики являются переводоведческие изыскания. В связи с этим особый интерес представляет сопоставление приемов передачи ИС, используемых при переводе текста на близкородственный и удаленный языки, в частности, на украинский и английский.

Цель данной статьи – анализ приёмов воспроизведения ИС исходного текста в переводных текстах. Материалом исследования послужила первая часть трилогии Николая Носова о Незнайке – «Приключения Незнайки и его

друзей», её перевод на украинский язык Фёдора Макивчука и перевод на английский язык Маргарет Уэттлин (Margaret Wettlin).

К лексическим приёмам передачи ИС традиционно относят транскрипцию, транслитерацию и калькирование [1, с. 176]. Они применимы при воспроизведении языковых знаков, реально функционирующих в языке в качестве ИС. Однако в вымышленном мире сказки продуктивной моделью значимого имени является имя нарицательное, выступающее в роли функционального эквивалента ИС персонажа [4, с. 57]. Такое ИС мотивировано значением апеллятива, что необходимо учитывать переводчику при работе с текстом оригинала.

Онимное пространство исследуемой сказки формируют 57 ИС: 43 функциональных эквивалента антропонимов, 1 зооним, 11 топонимов и 2 гидронима.

В произведении автор дал пояснения, почему города, городские объекты и реки называются тем или иным образом, поэтому в переводном тексте эти онимы должны быть переданы наиболее точно. Исходя из теории закономерных соответствий Я. И. Рецкера [5, с. 11–12], можно констатировать, что для большинства этих ИС переводчики подобрали постоянные эквиваленты: *Цветочный город* – *Квіткове місто, Flower Town*; *Зелёный город* – *Зелене місто, Greenville* (с типичным суффиксом для образования топонимов); *Змеёвка* – *Зміївка, Kite Town*; *улица Колокольчиков* – *вулиця Дзвіночків, Blue-bell Street*; *Огурцовая река* – *Огіркова річка, Cucumber River*. В украинском переводе к ИС *аллея Ромашек* и *улица Маргариток* подобраны их соответствия *алея Ромашок, вулиця Маргариток*, однако в английском переводе эти ИС названы одинаково – *Daisy Lane* (переулок Маргариток). Некоторые ИС воспроизведены украинскими эквивалентами с морфологической или словообразовательной модификацией: *улица Одуванчиков* – *Dandelion Street*, *вулиця Кульбаби* (ед. число), *Арбузовая река* – *Water-Melon River*, *річка Кавунка* (существительное ж.р.). Часть украинских ИС являются лексическими трансформациями: *улица Больничная* – *Hospital Lane* (переулок), *Лікарська вулиця* (вместо *Лікарняна*); *площадь Яблочная* – *Apple Square*, *площа Яблунева* (вместо *Яблучна*).

Получить представление о сказочном мире малышей-коротышей помогают подобранные автором ИС персонажей. Многие из этих имен имеют суффиксы, придающие словам уменьшительно-ласкательное значение. В украинском языке есть возможность передать эту коннотацию: *Галочка* – *Галочка*, *Ёлочка* – *Ялиночка*, *Белочка* – *Білочка*, *Соломка* – *Соломка*, *Пушинка* – *Пушинка*, *Мушка* – *Мушка*, *Кнопочка* – *Кнопочка*, *Заинька* – *Заїнька*, *Кисонька* – *Киценька*, *Снежинка* – *Сніжинка*, *Синьглазка* – *Синьоочка*, *Пулька* – *Кулька*, *Винтик* – *Гвинтик*, *Шпунтик* – *Шпунтик*, *Цветик* – *Квітик*, *Гвоздик* – *Цвяшок*, *Пудик* – *Пудик*, *Топик* – *Топик*, *Микроша* – *Мікроша* (в последнем ИС на крошечный размер указывает и

корень слова). Способствуют такому восприятию также однозвучные с диминутивными суффиксами части корня ИС: *Маргаритка – Маргаритка, Ромашка – Ромашка, Кубышка – Кубушка, Булька – Булька, Пончик – Пончик, Тюбик – Тюбик*.

Некоторые онимы в украинском переводе отличаются большей интенсивностью коннотации: *Ласточка – Ластівонька, Самоцветик – Квітонька*. Отметим, что в русском ИС *Самоцветик* наблюдается языковая игра, построенная на омонимичности корней *цвет*¹ (о цвете) и *цвет*² (о цветах): поэт *Цветик* – поэтесса *Самоцветик*, тогда как в украинском переводе актуализировано только второе значение, выбранное переводчиком для создания общего художественного пространства на основании созвучия: поэт *Квітик* – поэтесса *Квітонька*.

В случае с ИС оригинала *Пуговка* и *Стрекоза* надо отметить мастерство переводчика, подобравшего удачные аналоги. Рус. *пуговка* – укр. *гудзичок* (имя сущ. муж. рода), поэтому в украинском тексте читаем *Кирпонька* (рус. курносик), что метафорически отсылает к форме носика, который может напоминать пуговку. Поскольку эквивалентом рус. номена *стрекоза* является укр. номен *бабка*, то во избежание ненужных ассоциаций переводчик выбрал ИС *Дзита* (рус. юла), вполне подходящее для подвижной малышки.

В отличие от славянских языков с развитой системой уменьшительно-ласкательных суффиксов в английском языке, как отмечает И. Е. Пенская, «эмоциональная коннотация и значение уменьшительности, заключенные в деривате, могут передаваться с помощью метода семантической экспликации» [4, с. 56].

Так, часть ИС передана с помощью стилистически модифицированных эквивалентов или вариантных (аналоговых) соответствий: *Пулька – Shot* (пуля), *Растеряйка – Scatterbrain* (ротозей), *Пуговка – Button* (пуговица), *Кисонька – Kitty* (детск. – котик, киска), *Заинька – Bunny* (кролик). Для воспроизведения некоторых ИС использованы английские аналоги с добавлением разнообразных суффиксов, которые вместе с заглавной буквой призваны сигнализировать о том, что нарицательное имя перешло в ИС. Так, ИС *Винтик* и *Шпунтик* переводчик передал созвучными окказ. *Bendum* и *Twistum* (от синонимичных корней *bend* и *twist*) с суффиксом *-um*, не присущим английскому языку. С этой целью использованы также суффиксы *-s*, *-y*: *Тюбик – Blobs* (*blob* – капля, клякса), *Пудик – Turnips* (*turnip* – репа), *Гвоздик – Nails* (*nail* – гвоздь), *Молчун – Mums* (*mum* – тихий); *Swiftly – Торопыжка* (быстрый) и др.

В ряде случаев переводчик применил лексическую трансформацию по принципу метафоры или метонимии: *Микроша – Midge* (мошка), *Пончик – Roly-Poly* (1. пухлый человек; 2. пудинг с джемом), *Стрекоза – Flitty* (*to flit* – порхать) и др.

Имена нескольких персонажей, имеющие в русском языке семантику звучания, в переводах также получили «звучащие» имена. Причем окказиональное ИС *Гуся* передано окказиональным украинским эквивалентом *Гуся*, а в английском – *Trills* (дрожащие звуки, трели). Украинский эквивалент онима *Бурчун* представляет собой окказионализм *Бурчун* (нормат. буркотун, буркун), созданный для созвучия с ИС *Молчун* – *Мовчун*. В основу английского имени *Crumps* тоже положена звуковая характеристика, но *ворчать* означает монотонное бормотание, а *crump* – громкий глухой звук.

Некоторые ИС в переводном тексте не соответствуют референту языка-оригинала и являются лексическими трансформациями: *Белочка* – *Chippy* (щепка, осколок), т.е. нечто маленького размера; *Синеглазка* – *Cornflower* (василек) и *Снежинка* – *Snowdrop* (подснежник) сохраняют значение цвета. Любопытен выбор переводчиком слова для передачи ИС *Соломка* – *Thistle* (*чертополох*). Эти английские аналоги хорошо сочетаются с реалиями сказочного Цветочного города. В отдельных случаях причиной лексических трансформаций может быть трудность в установлении связи между ИС и референтом в исходном тексте: поэт *Пудик* (уменьшительно-ласкательное от слова *пуд*?) получил имя *Turnips* (Turnip – репа), *Тоник* – *Sinker* (сленг. пончик), *Кубышка* – *Fluff* (пушок), причем имя *Fluff* в переводе получила и малышка *Пушинка*.

Удачными являются украинские эквиваленты со словообразовательной модификацией ИС (*Знайка*, *Незнайка*, *Растеряйка* – *Знайко*, *Незнайко*, *Забудько*), состоящей в использовании этнично маркированной формулы образования мужских имён на *-ко*. По этой же формуле образованы и модифицированные эквиваленты к авторским окказионализмам *Торопыжка*, *Авоська*, *Небоська*, *Гунька* (ср. *Поспішайко*, *Якосьбудько*, *Либонько*, *Гуньо*). В английском переводе персонажи *Знайка* и *Незнайка* получили имена *Doono* и *Dunno*, образованные путем сращения (*Do know* (знаю) и *Do not know* (не знаю)) и переданные в форме разговорного произношения. Фонетически модифицированными эквивалентами являются имена персонажей *Авоськи* и *Небоськи* – P'gars и Prob'ly (англ. *perhaps* и *probably* – рус. *авось* и *небось*).

Удачные модификации подбирает украинский переводчик к ИС с типичным для русских фамилий суффиксом *-ин*: *Стекляшкин* – окказ. *Скелко* (нормат. скельце), *Пилюлькин* – *Пілюлька*. В английском переводе *Стекляшкин* – *Glass-Eye* (сращение слов, буквально: стеклянный глаз), а *Пилюлькин* – *Pillman* (от *pill* – пилюля; использована модель: основа слова + *man*).

Адекватно воспроизведено в украинском переводе ИС *Медуница* – *Медуниця*. В английском тексте – *Honeysuckle* (*жимолист*, но буквально: *honey* – мёд и *suckle* – вскармливать). Как видно, в обоих словах присутствует слово *мёд* (*honey*), в результате чего переводчику частично

удалось сохранить игру слов, так как Медунца лечила малышей мёдом. Однако в русском языке корень *мед* имеет двойную мотивацию, он апеллирует и к мёду, и к медицине (персонаж был медицинским работником), а в английском – только к мёду.

Ониму *Сахарин Сахаринич* (разгов. форма) *Сирончик* соответствует украинский стилистический эквивалент *Сахарин Сахаринович* (литерат. форма) *Сирончик*, а в английском переводе использовано говорящее имя *Treacly-Sweeter* (приторно-сладкий). Окказионализму *Смекайло* в тексте оригинала соответствует украинский окказиональный эквивалент *Метикайло*.

Таким образом, приёмы передачи ИС зависят от типа онимов и от лексико-грамматического строя языка перевода. В воспроизведении топонимов и гидронимов преобладают эквиваленты, а при передаче имен персонажей продуктивными являются как эквиваленты, так и их грамматические, фонетические, словообразовательные, стилистические модификации, аналоги, лексические трансформации, а также окказионализмы в разных пропорциях в зависимости от языка перевода.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Носов М. М. Пригоди Незнайка та його друзів. К.: Веселка, 1976. – 170 с.
3. Носов Н. Н. Приключения Незнайки и его друзей. М.: Самовар, 2014. 160 с.
4. Пенская И. Е. Имена собственные в русских народных сказках и способы их передачи на английский язык: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 187 с.
5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика : Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2008. 244 с.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. – 366 с.
7. Nikolai Nosov: The Adventures of Dunno and His Friends; Translated from the Russian by Margaret Wettlin (c) Progress Publishers Moscow, 1980. 142 p.

УДК 81.25; 378.147

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА С ПОЗИЦИЙ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

В. Н. Базылев,

*доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков
им. М. Тореза, Московский государственный лингвистический
университет, Москва*

Аннотация. Доклад посвящен вопросам дидактики перевода в современном российском вузе. Определяется объем и структура

образовательного процесса. Предлагается ответ на два основных вопроса педагогики современной российской высшей школы: *чему учить?* и *как учить?*

Ключевые слова: дидактика, педагогика высшей школы, перевод как вид речевой деятельности, компетенции ФГОС, дидактика перевода

Summary. The report is devoted to the issues of translation didactics at the modern Russian University. The structure of the educational process is determined. The answer to two main questions of pedagogy of modern Russian higher education is offered: *what to teach?* *how to teach?*

Key words: didactics, pedagogy of higher education, translation as a type of speech activity, competence, didactics of translation

Дидактика (др.-греч. Διδακτικός – обучающий) – раздел педагогики; теория образования и обучения; раскрывает закономерности усвоения знаний, умений и навыков, определяет объём и структуру содержания образования. Исходя из данного понимания дидактики, мы сегодня, организуя преподавание теории и практики перевода в вузе, должны ответить на два основных вопроса: *чему учить?* и *как учить?* Речь идет, разумеется, об общей теории перевода, а не о частной.

Предварительно отвечая на вопрос *чему учить?* – учить метаязыку перевода, истории перевода, рефлексии процесса перевода в качестве упражнения при выработке навыка, в качестве ремесла – *технэ*, в качестве акта творчества. Предварительно отвечая на вопрос *как учить?* – формировать компетенции. От первичного умения к навыку и от навыка ко вторичному умению.

Дидактика перевода, тем самым, учитывает все научные достижения следующих направлений переводоведения – общей теории перевода, специальной теории перевода, транслатологии текста, процессуальной транслатологии, теории отдельных видов перевода, научной критики перевода, прикладного переводоведения, гуманитарного осмысления перевода, истории перевода [1].

Перевод в культуре всегда имеет свою обособленную историю: в какой-то момент эта общественно значимая культурная практика становится константой и, тем самым, доминантой в обучении последующих поколений профессионалов. Несмотря на возможные варианты переводческой практики в культуре доминирует, явно или неявно, только одна приоритетная. Она не исключает сосуществование иных практик, но переводчик всегда должен выбрать что-то одно, а для этого ему нужно иметь представление о диапазоне возможностей.

Знакомство и знание иных возможностей – осуществляется через ознакомление и опыт. Опыт – это положительное влияние (перенос) или ошибки (интерференция).

Основой этого знакомства и знания иных возможностей является, по мнению Н. К. Рябцевой, освоение профессионального метаязыка. Таким образом, перед современным переводоведением встают две важные

взаимосвязанные практические задачи: подготовка преподавателей перевода и обучение будущих переводчиков творческому «переводческому» мышлению. Для их решения знаний, представленных в переводоведческой терминологии, недостаточно: необходимы специальные лингвистические, точнее, металингвистические знания, позволяющие просто, ясно и последовательно описывать закономерности межъязыковых соответствий и тем самым объяснять переводческие решения [8].

Следовательно, организация учебного процесса должна учитывать вариативность дидактического контекста обучения – тип учебного заведения, вариант изучения иностранного языка, уровень владения иностранным языком; вариативность переводческих потребностей обучаемых – по профилю специальности, отраслевого и общекультурного плана [2].

Диапазон типов занятий можно представить следующим образом: введение в общую методику обучения переводческой деятельности, занятия по обучению переводческой деятельности при подготовке профессиональных переводчиков, занятия по обучению переводу как аспекту профессиональной коммуникативной деятельности; занятия по иностранному языку с включением переводческого компонента в языковое образование в неязыковом вузе, занятия по обучению письменному переводу, занятия с комплексом познавательных-поисковых заданий для ознакомления с общепереводческими трудностями.

В соответствии с изложенным выше дидактические цели, которые ставит перед собой вуз, формулируются следующим образом: первичное знакомство студентов с основными положениями современной теории перевода, получение представления об антропоцентричной значимости данного фрагмента знания о языке и речи для процессов межкультурной коммуникации, формирование системного оценочного подхода к актуальным проблемам современной теории перевода; рефлексия проблем освоения перевода как вида речевой деятельности на занятиях по иностранному языку и формирование способности теоретического планирования занятий (фрагмента занятия) по переводу.

В современных условиях целью обучения, как известно, становится формирование компетенций. В результате освоения переводческой дисциплины студент должен: 1) знать метаязык перевода; модели перевода; методы перевода; практические задачи, решаемые в курсе иностранного языка по формированию перевода как вида речевой деятельности; 2) уметь определять характер межкультурной коммуникации; определять цели и виды переводческих действий; 3) владеть моделированием языкового материала с позиций современной отечественной и зарубежной теории и практики перевода; системой справочников как вспомогательным источником информации; использованием мультимедийных средств при разработке плана осуществления перевода; принципами аранжировки

переводимого материала; принципами осуществления различных видов самоконтроля при верификации полученной переводческой продукции.

Особо оговорим, что освоение метаязыка перевода в рамках предлагаемой дидактической модели сегодня следует осуществлять, ориентируясь на новейшую серию изданий, подготовленных в рамках проекта ИНИОН РАН [4-7].

Таким образом, перечисленные выше дескрипторы, способствует формированию следующих компетенций, предусмотренных ФГОС-3.

Владение культурой мышления; способность к восприятию, анализу, обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения. Способность принимать организационно-управленческие решения в нестандартных ситуациях и готовность нести за них ответственность. Стремление к саморазвитию, повышению квалификации и мастерства.

Способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории перевода. Владение базовыми навыками сбора и анализа языкового материала для решения переводческих задач на занятиях по переводу.

Способность применять полученные знания в области теории перевода в собственной научно-исследовательской деятельности. Способность проводить под научным руководством фрагментарные исследования на основе существующих парадигм, методов и методик в области теории перевода.

Владение навыками перевода различных типов текстов с иностранных языков и на иностранные языки. Умение организовать самостоятельный профессиональный трудовой процесс.

Учебный процесс, соответственно, необходимо структурировать в соответствии с образовательными и воспитательными задачами, решаемыми системой образования в стране: его содержание пересекается с проблематикой культурологической, антропологической, поэтической, психологической, философской, социологической, литературоведческой, так как в основе подачи материала необходимо положить тезис о языке и переводе как специфическом способе существования культуры, средстве ее функционирования, как отражении и выражении опосредованной переводом в культуре действительности и основном факторе формирования культурных кодов, наряду с усвоением культурной информации.

Таким образом, в центре внимания дидактического подхода находится идея о связи языка и народа, оформленная впервые в качестве научной теории в работах В. Гумбольдта; тезис Ф. де Соссюра о том, что «обычаи нации отражаются на ее языке, а, с другой стороны, в значительной мере именно язык формирует нацию»; «гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа»; а также идеи Лейденской школы, школы когнитивной антропологии и школы «вторичных моделирующих систем» (иначе, Московско-Тартусской школы семиотики).

Принцип построения и, соответственно, освоения, дисциплины предполагают использование следующей дидактической схемы: а) собственно информационный блок (модульные установочные лекции и задания для самостоятельной работы), отличающийся реферативно-аналитическим характером, который предназначен для самостоятельной работы студента, в том числе для повторения и самообразования; кроме того, этот блок содержит хрестоматийное предъявление первичных текстов, что обеспечивает сохранение исследовательской традиции, отсылку к авторитетам, а также представление последовательности развития научного знания [3]; б) тренинговый и контрольный блок заданий для виртуальной работы, для семинаров и коллоквиумов, для дискуссий, а также темы докладов и рефератов; в) глоссарные тренинги и тест-тренинги, служащие саморегулятивной деятельности студента; при этом характер тренингов основан не только на материале учебного пособия, но создает предпосылки для самостоятельной работы студента с первоисточником; г) рекомендуемая литература для текущей работы и для самообразования.

Тем самым, помимо сугубо информативно-образовательной целеустановки, предлагаемый дидактический подход призван способствовать реализации в учебном процессе важных воспитательных функций: структурирование у социализуемого в профессиональном плане поколения одного из отделов картины мира, который бы имел следствием адекватную социально-ориентированную деятельность, обеспечение процесса саморегуляции личности в процессе социализации, адекватное понимание и осмысление, имеющие выход в деятельность, как «своих», так и «чужих» культурных структур.

Список использованных источников

1. Базылев В. Н. Дидактика перевода. М.: Флинта - Наука, 2016. 224 с.
2. Базылев В. Н. Самоопределение студентов в семиотическом пространстве конкурирующих ценностей // Психолого-педагогическое сопровождение в образовательных учреждениях Российской Федерации формирования человека как личности на этапе межпоколенческого перехода молодежи: сборник статей. М.: МСПУ, 2010. С. 256–259.
3. Базылев В. Н., Красильникова В. Г. Дидактика перевода: хрестоматия и учебные задания. М.: Флинта–Наука, 2010. 128 с.
4. Основные понятия переводоведения. Отечественный опыт: терминологический словарь-справочник / Базылев В. Н., Захарова Л. Д., Раренко М. Б. М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.
5. Основные понятия англоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник / Базылев В. Н., Захарова Л. Д., Раренко М. Б. М.: ИНИОН РАН, 2011. 250 с.
6. Основные понятия немецкоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник / Базылев В. Н., Захарова Л. Д., Трошина Н. Н. М.: ИНИОН РАН, 2013. 258 с.

7. Основные понятия художественного перевода: терминологический словарь-справочник / Базылев В. Н., Захарова Л. Д., Трошина Н. Н. М.: ИНИОН РАН, 2014. 379 с.

8. Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения. М.: Флинта–Наука, 2014. 254 с.

УДК 81'25

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

М. В. Баканова,

ФГОУ ВО Пензенский государственный университет, Пенза

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей такого пласта лексики как окказионализмы и способов их перевода на английский язык. Описаны основные трудности перевода окказионализмов и возможные приемы перевода на английский язык. Приведены примеры русских окказионализмов и переводческие решения на материале произведений В. В. Маяковского.

Ключевые слова: окказионализм, переводческий прием, калькирование, описательный перевод, функциональная замена

Summary. The article is devoted to the analysis of such type of lexis as occasionalisms and the ways of its translation into English. The main difficulties of interpretation of occasionalisms and possible ways of its translation into English are described. The examples of Russian occasionalisms, taken from the works of V. V. Mayakovsky, and interpreter's solutions are represented.

Key words: occasionalism, ways of translation, loan translation, descriptive translation, functional replacement

Окказионализмы – это созданные автором слова, которые характеризуются своей уникальностью, новизной и необычностью, поэтому перед переводчиком стоит цель не только правильно перевести окказионализм, но также сохранить его оригинальность.

Рассматривая такое понятие как окказиональные слова, мы, в первую очередь, исследуем творческий аспект языка. Эти слова основываются не на существующих правилах языка, а на его потенциальных возможностях и на умении говорящего реализовать их в речи. Другими словами, окказионализмы – это факты речи, а не языка.

Окказионализмы – это слова, созданные поэтом или писателем под влиянием контекста, ситуации коммуникативного акта с какой-либо конкретной целью, главным образом для выражения смысла, необходимого в данном случае; создаются на основе существующих в языке моделей вопреки сложившейся литературной норме.

Иначе говоря, окказионализмы намеренно создаются и живут только в определенном контексте, в той или иной мере нарушая грамматические, словообразовательные и лексико-семантические нормы языка.

Окказионализм образуется на основе соединения нового семантического значения с новой грамматической формой, т.е. при создании окказионального слова новая идея закладывается в новую для существующего языка форму.

Перевод окказиональных слов представляет собой процесс достаточно творческий, который требует от переводчика определенных качеств, например, смысленности, изобретательности, находчивости и т. д. Однако, так как окказионализмы образуются по общепринятым словообразовательным моделям языка, с процессом перевода данных слов также связано такое явление, как стереотипность.

Из этого следует, что взаимодействие стереотипности и творчества присутствуют не только на этапе восприятия и понимания окказионального слова, но также и при его переводе на другой язык. Иначе говоря, в процессе интерпретации окказионализма переводчик, основываясь на уже существующей модели словообразования, разделяет слово на составляющие компоненты и, используя знания о грамматической семантике каждой морфемы слова, соединяет значения отдельных элементов данного слова в его полное значение.

Однако этот вариант относится в большей степени к окказионализмам с четко выраженной, «прозрачной» структурой, в то время как, более сложные образования могут породить большее разнообразие способов перевода.

Также необходимо отметить, что, так как окказиональное слово обладает свойством экспрессивности и целиком зависит от контекста, при его переводе важно сохранить стилистическую окраску и художественную уникальность исходного текста.

Как уже было сказано, окказионализм – это созданное конкретным автором слово, которое не имеет аналогов ни в исходном языке, ни в языке перевода, т.е. относится к безэквивалентной лексике, что в свою очередь во многом затрудняет их перевод.

Итак, трудности при переводе окказиональных слов могут быть связаны:

- с пониманием и интерпретацией окказионального слова в исходном языке;
- с выбором средств языка перевода для его передачи.

Следует брать во внимание тот факт, что перевод носит личностный характер, т.е. переводчик передает текст так, как он его понимает. Так как окказиональное слово основывается одновременно на нескольких аспектах языка и всегда обладает экспрессивной окраской, бывает довольно трудно

понять его семантику. Согласно Е. В. Поздеевой, для лучшего понимания окказионализма необходимо обращать внимание не на интерпретацию значений, а на интерпретацию ассоциаций его отдельных компонентов [3, с. 107].

Стоит подчеркнуть, что контекст принято считать одним из основных параметров понимания окказионализмов, так как он помогает уменьшить количество возможных вариантов перевода окказионального слова, что в свою очередь влечет за собой появления более правильной интерпретации.

Таким образом, в теории перевода выделяют такие способы и стратегии интерпретации окказионализма на другой язык, которые могут использоваться при переводе любой безэквивалентной лексики. Рассмотрим данные приемы подробнее:

1) Калькирование – это способ, который находится между абсолютно переводимыми и непереводаемыми приемами интерпретации окказиональных слов. «Беспереводаемость» данного метода заключается в том, что сохраняется внутренняя форма слова. Например: разжемчуженный, разбриллиантенный – jeweled, gemmed; стоглазое – hundred-eye [2].

Калькирование основывается на существовании двусторонних межъязыковых соединений между лексическими единицами, которые служат материалом для создания такой же лексической и морфемной формы окказионализма в языке перевода. Иначе говоря, при данном способе перевод происходит с помощью лексических средств другого языка, при этом сохраняя внутреннюю форму слова языка оригинала.

Калькирование как прием создания эквивалента можно сравнить с буквальным переводом – эквивалент целого создается при помощи сложения эквивалентов его составных частей.

Калькирование несомненно обладает преимуществом в плане краткости и естественности созданного им эквивалента, при соотношении которого с оригиналом достигается совершенная обратимость соответствий. Данный метод зачастую является единственным способом правильно и точно перевести окказионализм.

Однако, стоит отметить, что применение калькирования как способ интерпретации окказионального слова не всегда уместен. Принято выдвигать следующие факторы, при наличии которых переводчик не может использовать данный метод:

- перевод фразеологизмов, внутренняя форма которых не совпадает с внутренней формой обычных лексических единиц;
- различия между деривационными моделями языка и нормами употребления слов;
- требования контекста перевода.

2) Описательный перевод – это метод, при котором дается более-менее развернутое объяснение значения иноязычной единицы и является

непосредственно ее переводом. Как правило, такой способ применяется при интерпретации безэквивалентной лексики, т.е. в тех случаях, когда язык перевода не обладает соответствующими понятиями или явлениями по какой-либо причине.

Необходимо отметить, что, в свою очередь, описательный перевод может осуществляться различными способами:

Первый способ – это объяснительный перевод, который представляет собой больше толкование слова, но данный метод все же остается переводом и имеет все права применяться на практике. Однако при таком виде перевода могут возникнуть такие проблемы, как многословность и в некотором роде изменяемость эквивалента в языке перевода. Например: глаза наслезненные – *tears from my eyes*, крылатый – *creature with wings* и т.д. [2].

И второй прием – это подстановочный перевод, способ интерпретации окказионализма с помощью уже существующего в языке перевода единицы, которая не является окказионализмом, но обладает общим значением с переводимым словом. Например: изругивался, вымаливался – *swore, pleaded*, прошамкаю – *tumbling*, выпяливают – *bulge out* и т.д. [2].

3) Функциональная замена – способ, при котором переводчик прибегает к контекстуальному переводу с целью создания окказионализма в языке перевода. Данный метод часто применяется для интерпретации авторских окказионализмов, особенно в тех случаях, когда ни один из других способов перевода не может адекватно передать смысл переводимого окказионального слова. Например: изласкает – *coddle*; выреветь – *bellow out* и т.д. [2].

Стоит отметить, что при использовании функциональной замены следует быть осторожным, чтобы в желании сохранить экспрессивность окказионализма, не потерять его денотативное значение.

Также сюда можно отнести и такой способ перевода, как создание переводчиком собственных окказионализмов. Главной целью такого перевода является сделать новое слово понятным для реципиента текста перевода, при этом сохранив его уникальность. Например, заляскали – *ta-ra-bang*, исхлестать – *whip raw* [2].

Таким образом, при переводе окказиональных слов важную роль играет внешняя форма и то, насколько она отклоняется от общепринятых словообразовательных моделей языка перевода. Еще одним из главных аспектов качественного перевода окказионализма является его контекст, так как он помогает понять значение окказионального слова и в результате сократить количество вариантов его перевода.

Список использованных источников

1. Земская Е. А. Окказионализмы и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы словообразования. Самарканд, 1972. – Ч. 1. – 21 с.

2. Маяковский В. Избранные стихотворения. Двухязычная версия (русский-английский) Перевод Алика Вагапова [Электронный ресурс]: http://zhurnal.lib.ru/a/as_w/mayak-biling2.shtml (дата обращения 20.01.2019).
3. Поздеева Е. В. Оказиональное слово: восприятие и перевод. На материале произведений русскоязычных и англоязычных писателей: дисс. канд. филолог. наук. Пермь, 2002. 203 с.

УДК 81'25

ГИБРИДНЫЙ ДЕТЕКТИВ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Е. А. Бармина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей гибридного детектива. На материале произведений Д. Адамса «Детективное агентство Дирка Джентли» и «Долгое чаепитие души» рассматривается проблема воспроизведения в переводе особенностей гибридного детектива.

Ключевые слова: жанр, перевод, идиостиль, гибридный детектив, холистический детектив.

Summary. The paper focuses on hybrid detective story peculiarities. The author analyzes the problem of rendering hybrid detective peculiarities in translation of the detective novels by D. Adams *Dirk Gently's Holistic Detective Agency* and *The Long Dark Tea-Time of the Soul*.

Key words: genre, translation, idiostyle, hybrid detective story, holistic detective story.

Обзор литературы, посвященной детективной прозе, свидетельствует о том, что до начала XXI века изучение детектива осуществлялось, прежде всего, литературоведами. Известные литературоведы из различных стран (А. Вулис, Т. Кестхейи, Ю. В. Ковалев, Г. А. Анджапаридзе, Н. Н. Вольский и другие) рассматривали особенности жанра и его структуры, изучали историю возникновения детектива, давали их классификацию. Вопросы языка и стиля детективных произведений редко привлекали внимание исследователей, что объяснялось шаблонностью языка произведений и усредненностью его стиля. Ни один из перечисленных выше авторов не ставил своей задачей анализ детективных текстов, а только упоминал о данном аспекте исследования. В конце XX и начале XXI веков ситуация коренным образом поменялась. В современных исследованиях предметом изучения становится дискурс. Исследователи рассматривают содержание и структуру детективного дискурса, выявляют специфику взаимодействия детективного текста и дискурса, дают описание элементов и моделей, формирующих дискурсивное пространство детектива.

Новые тенденции в литературоведении привели к тому, что на смену негативной позиции о массовой литературе пришел более объективный и взвешенный подход, предполагающий отказ от стереотипов и стремление к адекватной оценке. Основой для творчества некоторых представителей экспериментальной литературы постмодернистской эпохи становится именно детектив. Исследователи отметили такие свойства детектива, как гибкость, уникальная формульная структура. Таким образом, жанр вышел за пределы развлекательной литературы, расширил свои границы. Появилась возможность создать новые виды или субжанры в рамках детектива. Вследствие таких преобразований в жанре возник спор о жанровых наименованиях. Так, в английском языке детективный жанр описывается целым рядом понятий: *detective story*, *detective fiction*, *mystery story*, *thriller*, *crime fiction* и т.д. По мнению, Н. В. Киреевой [1], решение проблемы можно свести к двум основным подходам: широкое толкование жанра и сужение его границ до одной разновидности. Второй подход предполагает сосредоточить внимание на различных моделях детектива, детально анализируя одну из них. В свою очередь стремление толковать детектив предельно широко позволяет рассматривать различные типы детектива, появившееся в результате его жанровой эволюции, как отдельные субжанры, взаимодействующие друг с другом. Попытки выделить один жанр, объединяющий черты отдельных жанров, вызван тенденцией к росту изменений в пределах одного жанра.

Основной целью любого перевода является интерпретация текста переводчиком, что подразумевает не просто передачу сообщения, а толкование и разъяснение. Однако, интерпретация невозможна без глубокого понимания исходного текста и его анализа. Как отмечает Е. С. Кубрякова, необходимы не только знания о языке, но и знания о мире и ситуации общения. Это означает, что сведения лингвистического порядка постоянно соотносятся с другими типами знания, а также с теми знаниями опытного порядка, которые хранятся в эпизодической памяти человека [2]. При этом важно «не просто извлечь содержательную информацию о внешнем мире, но и уяснить механизмы ее кодирования, и обосновать правомерность и продуктивность используемых приемов и способов декодирования информации» [3, с. 18].

В процессе филологического анализа текста необходимо учитывать все его жанровые признаки, наблюдая за отступлением от жанрового канона и взаимодействием нескольких жанров. Если мы говорим о переводе произведения с одного языка на другой, то осведомленность переводчика в вопросе жанровых категорий обязательна для создания качественного перевода. Прежде чем приступить к работе с произведением, жанр которого невозможно определить однозначно, специалисту в области перевода следует подробно изучить особенности жанровых составляющих произведения, проследить их взаимосвязь, уделить внимание стилистике

повествования и добиться необходимой реакции со стороны рецептора перевода. В противном случае предполагаемый эффект и задумка автора не будут воспроизведены в переводе должным образом.

Примером историй, сочетающих в себе жанровые признаки детективов нескольких типов, могут послужить детективы Дугласа Адамса под названием «Детективное агентство Дирка Джентли» и «Долгое чаепитие души». Сам автор определяет оба произведения как «холистический детектив» (от греч. ὅλος – целый, весь). Холизм как философское течение рассматривает высший принцип целостности мира, охватывая все его сферы (физическую, биологическую, социальную, психическую, духовную). Применительно к детективному повествованию, такой подход означает, что все события во Вселенной взаимосвязаны, и именно поэтому главный герой расследует дела не обычными методами, а действует по обстоятельствам. В расследуемых делах он устанавливает причинно-следственные связи между всеми событиями, произошедшими за определенный период времени.

Необходимо отметить, что оба детектива содержат черты классического варианта. В обеих историях главное действующее лицо – частный детектив, талантливый и незаурядный человек, который распутывает загадку быстрее полиции. В первом произведении он действует вместе со своим напарником, который не так сообразителен, как сам главный герой. Читатель следует необычной логике повествования, знакомится с ограниченным кругом действующих лиц, описанием процесса расследования. Кроме того, автор использует имена исторических персонажей, отсылки к различным временным эпохам.

Расследование описано с юмором, с элементами абсурда, с помощью своего персонажа автор высмеивает распространенный в классической детективной прозе метод дедукции, подменяя его «холистическим». Читатель может проследить скрытую иронию самого рассказчика, так как поиск преступника представлен нам своего рода игрой или экспериментом. Однако, в конечном итоге все оказывается неслучайным и все, что казалось нелепым и странным, выстраивается в одну логическую цепочку.

Причиной преступления в обоих случаях стали весьма необычные и странные обстоятельства. Как выясняется, происшествия связаны с использованием машины времени, порталов и других научно-технических открытий, появлением фантастических существ.

Исходя из всего выше перечисленного, мы можем утверждать, что произведения Д. Адамса «Детективное агентство Дирка Джентли» и «Долгое чаепитие души» построены по классической жанровой формуле детектива, но при этом обладают чертами иронического произведения и научной фантастики. Произведение рассчитано на внимательного и вдумчивого читателя, в тексте присутствует много аллюзий и несколько сюжетных линий. Романы о Дирке Джентли не вписываются в

общепринятые рамки жанров. Это детектив гибридного жанра, который помимо различных жанровых компонентов вобрал в себя и особенности авторского стиля. Для переводчика такого рода произведения представляют особый интерес, так как ставят перед ним определенные задачи. В обоих произведениях элементы парадоксального, комического и фантастического служат для освещения проблем и пороков человечества XX века. Появление альтернативных реальностей практически во всех работах автора также помогают выполнить сатирическую функцию, а такие понятия, как сновидения и параллельные вселенные, являются важными сюжетообразующими элементами. Взаимодействие с фантастическими и вымышленными существами помогает лучше раскрыть характер главных персонажей, показать их достоинства и недостатки. Фантастический элемент помогает читателю переосмыслить уже известное о мире, о человечестве. Таким образом, Д. Адамс исследует мировоззрение человека и его желание найти во всем смысл. Кроме того, фантастические вселенные Д. Адамса служат для того, чтобы отразить социальную динамику, а также основную философию общества XX века.

Повествование ведется в комической форме, при этом многократно используется такая стилистическая фигура, как аллюзия. Поскольку аллюзия является лишь намеком на событие, то у читателя должен быть достаточный объем знаний, чтобы распознать идею автора и дать ее верное истолкование относительно сюжета. В случае рассматриваемых нами произведений, автор прибегает к отсылкам на поэму «Сказание о старом мореходе», написанную С. Кольридом, что является практически сюжетообразующей аллюзией в совокупности с некоторыми фактами из биографии С. Кольрида и других исторических персонажей. Это делает текст стилистически выразительным, а намеки автора более понятными. Автор также обращается к скандинавской мифологии, делая главными героями скандинавских богов, а именно Тора и Одина.

В детективах Д. Адамса в целом все повествование ведется в ироническом ключе: описывая холистический метод расследования, автор высмеивает общепринятые каноны детектива, включая дедуктивный метод. Также в тексте мы имеем дело с ситуативной иронией, которая в основном связана с описанием и высказываниями главного героя повествования – Дирка Джентли. Главный герой никак не подходит под определение частного сыщика, которого привыкли видеть читатели, он попадает в курьезные ситуации, что не мешает ему раскрывать преступления.

Так как ироническая составляющая – один из важных компонентов анализируемого нами текста, при его переводе необходимо сохранить должный эффект повествования путем правильного выбора оттеночного значения слова, сохранить сарказм и насмешки, присущие некоторым диалогам. Перевод стилистических приемов, влияющих на образность произведения, часто вызывает затруднения у переводчиков из-за

национальных особенностей стилистических систем разных языков. Лингвисты подчеркивают необходимость сохранения образа оригинала в переводе, справедливо полагая, что, прежде всего переводчик должен стремиться воспроизвести функцию приема, а не сам прием. При передаче стилистических фигур речи переводчику каждый раз нужно решить: целесообразно сохранить лежащий в их основе образ или в переводе его следует заменить другим.

Задача любого перевода – обеспечить межъязыковую коммуникацию, при которой переведенный текст выступает в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала. Равноценность восприятия перевода и оригинала определяется равной силой воздействия на читателя. Перевод художественного текста изначально связан с широким диапазоном методов работы с текстом и переводческих приемов. Принимая во внимание задачу переводчика приблизить продукт перевода в максимально возможной мере и на всех уровнях эквивалентности к исходному тексту, авторский идиостиль следует рассматривать как ключевой аспект выбранного для перевода художественного текста.

Таким образом, перевод художественного текста, включающего в себя черты различных детективных жанров и характерные черты идиостиля, представляет собой трудную задачу. Переводчик должен обладать высоким уровнем фоновых знаний, уметь распознавать различные виды иронического контекста, иметь представление об авторе и временной эпохе, которую он представляет.

Список использованных источников

1. Киреева Н. В. Приключения детектива: массовый жанр в зеркале западного литературоведения 2-й половины XX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/priklyucheniya-detektiva-massovyy-zhanr-v-zerkale-zapadnogo-literaturovedeniya-2-y-poloviny-hh-v> (дата обращения 28.01.2019).
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 560 с.
3. Псурцев Д. В. К проблеме перевода и интерпретации художественного текста: об одном критерии адекватности // Вестник МГЛУ. – 2002. – Выпуск 463. – С. 16–26.
4. Норец М. В. Детективный и шпионский роман: «клеточная» модель жанроформирования / М. В. Норец // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск. – 2015. – № 3 (49). – С. 430-441.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

К. В. Бойченко,

магистрант второго года обучения кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В данной статье мы кратко рассматриваем юридический дискурс, его основные особенности и функции. Анализируем юридическую терминологию и ее классификацию с использованием примеров. Помимо этого, мы изучаем трудности перевода данной лексики на русский язык, приводим основные правила и способы ее интерпретации, которые позволяют корректно передать ее значение на русский язык.

Ключевые слова: юридический дискурс, особенности и функции юридического дискурса, терминология.

Summary. The article is devoted to analyses of juridical discourse in a concise way, its main peculiarities and functions. In our work, we analyses legal terminology, show its classification with examples. Furthermore, we review translation difficulties of legal terms from English into Russian, and give basic translation methods, which are capable of adequate translation of its meaning into Russian language

Key words: juridical discourse, and functions of the juridical discourse, terminology, legal terms

В настоящее время в лингвистике достаточно актуальным является изучение терминологии юридического дискурса. Но чтобы охарактеризовать юридический дискурс, сначала необходимо дать определение понятию с более широким значением: дискурс.

Дискурс это «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическими планами» [4].

Дискурс может быть разделен на следующие типы: 1) дискурсы повседневного общения; 2) институциональные дискурсы; 3) публичный дискурс; 4) политический дискурс; 5) медиадискурсы; 6) арт-дискурсы; 7) дискурс деловых коммуникаций; 8) маркетинговые дискурсы; 9) академические дискурсы; 10) культурно-мировоззренческие дискурсы [1].

Рассматриваемый нами с настоящей статье юридический дискурс относится к институциональным дискурсам. Цель данного дискурса заключается в «нормировании и урегулировании общественных отношений, а его участниками являются государство и граждане» [2].

Из основных особенностей юридического дискурса можно выделить следующие: 1) преобладание официально-делового и научного стиля:

рубрикация, единое графическое оформление, употребление юридической терминологии, клишированное построение предложений, четкость и однозначность формулировок, преобладание пассивных конструкций и конструкций, подчеркивающих всеобщность закона, усложненный синтаксис, нейтральность (неэкспрессивность) изложения и т.д.; 2) использование приемов логики; 3) отсутствие эмоциональности [7]. Исходя из этих особенностей, мы можем сделать вывод, что главная цель данного дискурса заключается в донесении смысла закона до адресата в однозначной трактовке.

К основным функциям юридического дискурса относятся следующие: 1) прескриптивная функция, 2) аргументирующая функция, 3) агитационная функция и 4) информативная функция. Прескриптивная функция выражается в том, что «многие юридические высказывания представляют собой прямые или косвенные предписания реципиенту совершить определенные действия или воздержаться от их совершения». Такие высказывания входят в тексты таких жанров, как судебное решение, закон, постановление, директива, указ и др. Информативная функция определяется тем, что «всякий юридический жанр – это сообщение о принятом решении, происшедшем факте». Сообщения такого характера содержатся, в частности, в судебных решениях, законах, договорах, жалобах и т.п. Аргументирующая функция присуща жанрам «судебного дискурса, среди которых центральными являются различные виды жалоб, исковое заявление, отзыв на исковое заявление и, конечно, судебное решение. Их коммуникативной целью является обоснование той или иной позиции». И, наконец, декларативная функция «проявляется в провозглашении определенных социальных и правовых ценностей и идей» [5].

В юридическом дискурсе используется специальная терминология. Терминология юридической науки – это термины, используемые в правовой доктрине (науке о праве). Сферой ее существования и фиксации является научная и учебная юридическая литература.

Терминологию юридического дискурса можно разделить на несколько подгрупп: 1) общезначимые термины (потерпевший/victim); 2) специальные юридические термины (преюдиция / prejudice); 3) специальные технические термины (транзакция / transaction) [9].

Так же юридические термины разделяются:

I) Исходя из научной сферы, термины могут быть специально-неюридические (перевозка / conveyance, кибернетика / cybernetics) и специально-юридические (активное соучастие / active complicity, судимость / criminal record).

II) Исходя из специфики употребления термины могут быть общеправовые (право на защиту / right of defense), межотраслевые (правонарушение/ offence) и отраслевые. Отраслевые термины, в свою очередь делятся на термины конституционного права (Конституционные

гарантии /constitutional guarantee или constitutional protection, автономия личности / private autonomy), административного права (административное правонарушение / administrative infraction или administrative offence, монополистическая деятельность / monopolistic activity), гражданского права (виндикация / vindication, аффилированное лицо/ affiliated person), семейного права (брак / marriage, раздел имущества / division of property; separation of property), уголовного права (кража со взломом / burglary, вымогательство / blackmail) и других отраслей права.

III) По количеству значений они делятся на термины с одним значением (преступление / crime) и со значением более одного (залог / bail, floating charge (в зависимости от типа права)).

IV) В зависимости от глубины понятия, которое он обозначает можно выделить термины точного значения (вменяемость/ criminal capacity) и термины, выражающие оценочные понятия (право на гражданство / right to citizenship)

V) В зависимости от времени использования юридические термины делятся на устоявшиеся (договор / contract) и новые (контртеррористическая организация/ counter-terrorist organization).

VI) В зависимости от глубины, отражаемого термином понятия можно выделить: термины родового значения (sentence) и термины видового значения (suspended sentence).

VII) В зависимости от наличия дефиниции обозначаемого термином понятия термины можно подразделить на дефинированные (местное самоуправление/ local self-government) и недефинированные (полевые условия (Статья 168.1ТК)).

VIII) В зависимости от использования юридического термина в контексте можно выделить контекстные (закон/law) и неконтекстные (преступление/crime) термины.

IX) В зависимости от территории возникновения юридические термины принято делить на русскоязычные («правило», «действие») и иностранные (акцепт / acceptance, виндикация / vindication, цессия/ cession) [6].

В английском языке существует три основных способа образования терминов: 1) употребление общенародных слов в качестве термина (dole – обман; пособие по безработице); 2) заимствование иноязычных слов (property / собственность (из старофранцузского “propriete”); estate / наследство (англ-сакс. “astat”); lease / аренда (англ-сакс. “les”); tenant / владение собственностью (англ-сакс. “tenaunt”); 3) использование лексики, заимствованной из латыни (habeas corpus / право арестованного быть доставленным в суд для пересмотра решения об избрании меры пресечения, alibi / алиби, оправдание, veto / запрет) [8, 10].

Как показывает практика, при переводе английских юридических терминов на русский язык возникают трудности, возникающие по следующим причинам: 1) многозначность терминов; 2) номинативная

детализация, когда близкие понятия, отличающиеся каким-то признаком, имеют отдельные номинации; 3) лакунарность называемых ими реалий в русской терминологической системе; 4) межвариантной вариативностью, когда одно и то же понятие имеет разные обозначения в разных вариантах английского языка.

Например, слово writ может означать: 1) повестку в суд; 2) предписание; 3) исполнительный лист; 4) ордер; 5) королевский приказ и т.д. Так же трудности возникают из-за использования транслитерированных иноязычных терминов (coroner, misdemeanor).

В теории переводоведения существуют рекомендации по переводу терминов, не имеющих устоявшихся эквивалентов в русском языке. Если в языке перевода нет эквивалента иноязычному термину, то возможны четыре случая.

1) Материальное заимствование иноязычного термина с соблюдением определенных правил его транскрибирования или транслитерации и кратким толкованием (solicitor – солиситор).

2) Семантическое калькирование иноязычного термина, что возможно в том случае, если он появился в результате семантического переноса (Grandfather clause -дедушкина оговорка). Grandfathers clause-это принцип, по которому инвестор находится под защитой от изменения законодательства стороны, принимающей инвестиции или введения каких-либо международных санкций или торговых ограничений.

3) Пословный перевод, при котором необходимо учитывать тенденции терминообразования в разных языках, например, возможность передачи некоторых английских терминов-словосочетаний русскими сложными терминами (Department of Justice / Министерство юстиции).

4) Перевод иноязычного термина с помощью описательного оборота. Описательный перевод используется для перевода термина-словосочетания forum shopping – «удачный суд» – процесс, при котором сторона судебного процесса старается подать дело в тот суд, где можно получить лучший исход».

При переводе многозначного термина рекомендуется, во-первых, установить к какой правовой системе он относится (к англо-американской или континентальной); Во-вторых, определить к какой отрасли права относится предмет описываемого текста (деликтное право, прецедентное право, плюралистическое право и т.п.), 2) тип текста (договор аренды, доверенность и т.п.). В том случае, если значение термина так и не выяснено следует обратиться к юридическим словарям. После выбора нужного значения слова следует проверить его на соответствие узкому контексту, т.е. подходит ли выбранное значение по смыслу переводимого предложения, абзаца [3].

Таким образом, в данной статье мы рассказали о терминологии юридического дискурса, охарактеризовали основные особенности,

рассмотрели ее классификацию, а также обобщили способы перевода терминов на русский язык и трудности, возникающие при этом.

Список использованных источников

1. Болсуновская Л. М., Диденко А. В. Дискурсология: анализ теоретических подходов к исследованию дискурса // Вестник Читинского государственного университета. – 2010. – № 7. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=15238454> (дата обращения 28.12.2018).
2. Борисова Л. А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация, социальная среда. – 2016. – № 14. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=27211843> (дата обращения 28.12.2018).
3. Волокушина И. В., Хайрова Х. Ж. Особенности перевода юридической терминологии // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=22498086> (дата обращения 29.12.2018).
4. Клубжева М. Б. Понятие «дискурс» в отечественной риторике // Рефлексия. – 2016. – № 4. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=27253400> (дата обращения 30.12.2018).
5. Крапивкина О. А., Непомилев Л. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 9. – <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения 2.01.2019).
6. Толстик В. А. Проблемы классификации юридической терминологии // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=19100933> (дата обращения 3.01.2019).
7. Торгашева М. В. Функционально-стилистические особенности юридического дискурса // Юрислингвистика. – 2011. – № 1. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=26252756> (дата обращения 3.01.2019).
8. Шамсеева Г. Х. Специфика английской юридической терминологии // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 5. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=16208337> (дата обращения 4.01.2019).
9. Юридический энциклопедический словарь // <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392199426.html> (дата обращения 6.01.2019).
10. Kolarkova O. G., Savina A. A. Borrowings of legal terminology in the English language // Филологические науки. вопросы теории и практики. – 2017. – № 11. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=30295098> (дата обращения 7.01.2019).

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ НАУЧНОМУ ПЕРЕВОДУ ОБУЧАЮЩИХСЯ ФАУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ

Т. В. Бочкарева,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков №2, Институт
иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Цель данной статьи обосновать важность обучения научному переводу, выяснить специфику данного вида перевода. Используется анкетирование, метод наблюдения. Перевод текстов профессиональной направленности способствует развитию профессионально-ориентированного обучения и установлению междисциплинарных связей. Автор статьи концентрирует внимание на необходимости правильного подбора текстов для перевода в соответствии с научными предпочтениями обучающихся. В результате перевода текстов профессиональной направленности у обучающихся увеличивается словарный запас научных терминов, формируются навыки самостоятельной работы, улучшается мотивация.

Ключевые слова: перевод, термин, стиль, текст, тема, словарь

Summary. The aim of the article is to justify the importance of teaching scientific translation and to find out the peculiarities of this type of translation. Questionnaires, the method of observation are used in the article. The translation of profession-oriented texts contributes to the development of profession-oriented education and to the formation of interdisciplinary connections. The author of the article focuses on the necessity of the correct choice of texts in accordance with scientific preferences of students. As a result of the translation of profession-oriented texts students' vocabulary of scientific terms increases, skills of independent work are formed, motivation is improved.

Key words: translation, term, style, text, theme, dictionary.

Специалисты в сфере психологии консультируют клиентов руководствуясь новейшими достижениями в различных областях данной науки. Они должны регулярно совершенствовать свои знания, знакомиться с письменными материалами, научными текстами зарубежных коллег, лучших учёных мира. Без достаточного владения навыками перевода данная проблема не будет решена. К сожалению, в последнее время наблюдается тенденция предпочтения переводов, выполненных при помощи компьютера. Данный вид перевода также популярен в среде обучающихся высших учебных заведений. Перед преподавателями иностранных языков стоит задача убедить студентов в необходимости переводить научные тексты самостоятельно, не прибегая к помощи компьютерной техники. Компьютерный перевод может быть неточным, выбор лексических единиц является случайным. Перевод нужен для совершенствования навыков

владения иностранным языком, для закрепления знаний по ключевому для обучающихся предмету. Умение переводить существенно влияет на профессиональную компетентность современного специалиста, так как постоянно появляется новая информация, необходимая для совершенствования профессиональных знаний. Перевести – значит точно выразить средствами одного языка, то что выражено средствами другого. “Для осуществления перевода студенту необходимо владеть достаточным набором лексических единиц, в том числе специальной терминологией в специальной области знаний, владеть грамматическими знаниями, техникой перевода, уметь эффективно пользоваться специальными словарями, глоссариями, справочниками по специальности и обладать определенными профессиональными знаниями, поскольку перевод научного, научно-популярного или технического текста требует не просто знания иностранного языка, но глубокого понимания узкопрофессиональной тематики“ [2, с. 163].

При подготовке текстов для перевода преподавателю следует учитывать научные предпочтения обучающихся, чем интереснее текст для студента, тем больше времени и внимания он уделит процессу перевода, тем точнее будет перевод. Возможно посоветовать провести анкетирование группы студентов с целью выявления научных предпочтений. Тексты должны представлять собой отрывок с законченным содержанием, имеющим не только языковой, но и познавательный интерес для обучающихся. Текст должен соответствовать уровню знаний, полученному при изучении профессионально-направленных учебных дисциплин. Если дисциплина, например, такая отрасль психологии, как нейролингвистика ещё не была изучена, возникнут сложности с пониманием смысла всего текста. Необходимо ознакомление обучающихся с особенностями научного стиля, характеризующегося эмоциональной нейтральностью, однозначностью, логичностью изложения, объяснить, что переводчик должен стремиться не к переводу отдельного элемента, а к передаче смысловой и стилистической функции, которая заложена контекстом. По мнению А. В. Фёдорова «...чтобы перевести, необходимо прежде всего понять, точно уяснить, истолковать самому себе переводимое (с помощью языковых образов, т.е. уже с элементами перевода), мысленно проанализировать (если оригинал представляет ту или иную сложность), критически оценить его» [4, с.17]. Основным критерием отбора научных текстов является практическая полезность этого текста для будущей профессиональной деятельности.

Обязательным является знакомство со спецификой лексического материала научного текста. В лексике научного стиля преобладают абстрактные существительные, употребляются многозначные слова, большую долю составляют интернационализмы. Терминология – ядро научного стиля, термин воплощает в себе основные особенности научного

стиля. При условии регулярности практики перевода, обучающиеся овладевают особенностями научного стиля, терминологией, определенными клише не только иностранного, но и родного языка. Также, проходит ознакомление с грамматическими особенностями научного стиля. В английском языке грамматические структуры обладают конструктивной сложностью: причастные, герундиальные и инфинитивные обороты. Студентам, изучающим английский язык нужно знать то, что в английских научных текстах встречаются пассивные конструкции гораздо чаще, чем в русском языке, в английском языке часто употребляются сокращения.

Задача преподавателя – заинтересовать обучающимся процессом перевода, сняв некоторые трудности, показав примеры способов перевода, которые чаще употребляются при переводе научной литературы. Это способы транслитерации, калькирования, способов описательного, антонимического и других видов перевода. Обучающиеся должны быть ознакомлены с таким явлением как полисемия, для того чтобы выбрать верный вариант перевода. Термины имеют несколько вариантов перевода, например, to treat – лечить, обращаться; technique – техника, метод. Перевод-транслитерация – самый распространённый вид перевода терминов, однако, во избежание повторов в тексте ПЯ представляется возможным дать также описательный перевод, например: intellectuals – интеллектуалы или люди, занимающиеся умственным трудом. Способ конкретизации значения общеупотребительного слова позволяет адекватно передать содержание терминологического словосочетания в переводе: forensic treatment – судебная психолого-психиатрическая помощь.

Обучающиеся должны знать, что продукт перевода должен отвечать следующим требованиям: эквивалентности, адекватности, информативности, логичности и четкости изложения. Переводчик научного текста должен быть не только ознакомлен с темой переводимого материала, он обязан хорошо в ней разбираться. Перед началом процесса перевода возникает необходимость тщательного прочтения исходного текста. Как считает Н. К. Грабовский «...виды скоростного чтения несовместимы с переводческим восприятием исходного текст, так как предполагают лишь поверхностное ознакомление с содержанием речевого произведения» [1, с. 115]. Из нескольких вариантов перевода следует выбирать оптимальный, из ряда синонимов следует выбрать наиболее точно раскрывающий значение. Все это способствует подготовке специалиста, умеющего грамотно и логично изложить свои мысли как на родном, так и на иностранном языке. Приёмы расшифровки словосочетаний, использование догадки, умение работать со словарем, самостоятельно разбираться в незнакомых конструкциях, умение охватить основной смысл читаемого и, где нужно, использовать элементы анализа – всё это и составляет умение чтения и перевода, которые необходимы специалисту в его будущей работе.

На протяжении периода обучения иностранному языку преподаватель проводит наблюдение над совершенствованием переводческой компетенции обучающихся. Преподаватель указывает на достоинства и недостатки переводов, сравнивает варианты переводов, выполненные обучающимися одной группы, предлагает студентам найти сильные и слабые стороны перевода, выясняет трудности и намечает пути их устранения. Наряду с изучением правил перевода нужно показать удачные и не вполне удачные переводы, для того, чтобы выработать правильную оценочную установку. У студентов вырабатывается сознательное отношение к своим и “чужим” переводам. Они вместе с преподавателем участвуют в оценке и критике перевода, постоянно увеличивая словарный запас.

В результате регулярной практики обучающиеся работают над текстом перевода творчески, осознают свои достижения, повышается мотивация, в последующих переводах наблюдается меньшее количество ошибок. Студенты употребляют различные способы перевода, осознают радость успешного перевода, понимают, что овладение компетенцией перевода, создание нового текста невозможно без ежедневного труда, без регулярной практики. В процессе перевода обучающиеся приобретают навыки самостоятельной работы, осваивают практические приёмы перевода, вырабатывается исследовательский подход к переводческой деятельности.

Список использованных источников

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. Москва: Юрайт, 2016. 413 с.
2. Ермоленко О. В. Языки профессиональной коммуникации: когнитивные аспекты перевода специальных текстов. // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II Международной научно-практической конференции, 26–28 апреля 2018 г. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». С. 162–165.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Москва: Издательский Дом «Филология три»; Санкт-Петербург, СПбГУ Филологический факультет, 2002. 416 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ САМАНТЫ СМИТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ США

М. В. Варлагина,

*старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»,
Институт общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет, Севастополь*

Аннотация. Цель исследования – определить жанровые особенности политической карикатуры на материале работ американских карикатуристов, неизвестных советской и российской аудитории, которые объединены общей темой – визитом американской школьницы Саманты Смит в Советский Союз в 1983 году по приглашению Ю. В. Андропова. На основе анализа примеров выявлены приёмы и средства повышения информативности в вербальной части политических карикатур, графические приёмы в невербальной части.

Ключевые слова: политическая карикатура, креолизация, политическая лингвистика, Саманта Смит, США, СССР, Юрий Андропов, холодная война, детская дипломатия, посол мира.

Summary. The objective of our research is to define genre peculiarities of editorial cartoons based on US cartoonists` works, unknown to Soviet and Russian audience. These editorial cartoons are devoted to the theme of Samantha Smith`s visit to the USSR due to the invite of Yuri Andropov in 1983. The means and devices of such category as information value in their verbal parts, and graphic means in their non-verbal part are specified in the samples given.

Key words: editorial cartoon, creolisation, political linguistics, Samantha Smith, USA, USSR, Yuri Andropov, cold war, children diplomacy, America`s Youngest Ambassador.

Изучение политической карикатуры как особого жанра политического текста - актуальное направление современной политической лингвистики. Политический текст – сложный объект для исследования. Он находится на пересечении таких областей науки, как политология, социальная психология, лингвистика, журналистика и медиакommunikation.

Е. В. Середина делает вывод, что общепринятого определения политического текста на сегодняшний день не существует. *В. З. Демьяненко* пишет, что назначение политического текста в средствах массовой информации – не просто «описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [1]. *Е. В. Середина* отмечает, что «политические тексты имеют ряд характеристик, среди которых основополагающей является коммуникативная установка на воздействие и убеждение, объектом которого являются самые широкие слои населения. Для выполнения данной

цели в настоящее время всё чаще используются так называемые **креолизованные тексты** [3].

Авторы **Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов** считают, что **креолизованные тексты** – это «тексты, фактура которых состоит из двух гомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [4]. Невербальный компонент креолизованного текста может быть представлен иллюстрациями (фотографиями, рисунками), схемами, таблицами, символическими изображениями, формулами. Вербальные и изобразительные компоненты в нём связаны по содержанию, композиции и языку. **Е. В. Середина** предлагает деление политического текста на три группы: **тексты без изображения (нулевая креолизация), тексты с частичной креолизацией и тексты с полной креолизацией**. В последних двух типах оба вида информации преобразовываются в одно целое. В нашей работе мы рассматриваем политическую карикатуру как **один из видов политического текста с частичной или полной креолизацией**.

У **Е. В. Серединой** мы находим следующее определение «политическая карикатура является одновременно рисунком и текстом, которые передают информацию в политической коммуникации. Текст подписи в карикатуре традиционно является актуализацией того или иного события, или дополнительной характеристикой того или иного политического деятеля. Информационное воздействие на реципиента в основном происходит через графическое изображение, однако, текст служит важным составляющим в понимании смысла карикатуры» [18].

Другими словами, «политическая карикатура — рисунок, обычно содержащий также текстовый комментарий, сюжет которого, как правило, связан с текущими событиями или личностями. Художественное мастерство в таких изображениях обычно сочетается с гиперболой и сатирой, чтобы высмеять и привлечь внимание властей и общества к коррупции и другим социальным проблемам» [2].

Поездка Саманты Смит в СССР сопровождалось самым пристальным вниманием прессы по всему миру. Не обошёл своим вниманием **«самого юного посла Америки»** и жанр **политической карикатуры**. Поразительно, как остро отреагировала именно американская пресса на миссию Саманты в Советском Союзе. В 1983 году (год поездки Саманты в СССР) на страницах разных изданий появляются 16 (!) карикатур, отражающих отношение американских политиков и аналитиков к этому визиту. Оригиналы некоторых из них - достояние коллекции Музея штата Мэн (США). Фонд Саманты Смит представляет полную коллекцию в оцифрованном виде.

Е. В. Середина подчёркивает, что «карикатуре как тексту свойственны информативность и информационная насыщенность. Информационная насыщенность текста понимается как общее количество информации, заложенной автором, тогда как информативность текста

предполагает его новизну, неожиданность и полезность для читателя. Общая информация в политической карикатуре состоит из сочетания семантических систем – графики и языка. Следовательно, новая информация будет заключаться в тексте карикатуры» [3].

В США имя **Саманты Рид Смит (Samantha Reed Smith)** вошло в учебники и энциклопедии как имя «**самого юного посла Америки (America's Youngest Ambassador)**». В СССР и России Саманту Смит принято называть «**послом мира**». Приезд юной американки в СССР в разгар «холодной войны» получил самое широкое освещение в советской и мировой прессе, начиная с 1983 года. Дипломатическая миссия Саманты не забыта до сих пор – есть много современных интернет-публикаций на эту тему. Однако политическая карикатура США на эту тему в России не освещена и мало изучена. В Советское время это объяснялось сложностью доступа к первоисточникам (где же можно было приобрести газеты и журналы США?) и работой цензуры. Сейчас, когда Интернет обеспечивает открытый доступ к цифровым коллекциям библиотек, музеев, фондов – работать с архивным материалом стало проще. Для этого требуется знание английского языка и интерес к конкретной тематике. Нам удалось впервые обобщить и проанализировать на русском языке весь материал о феномене Саманты Смит, представленный именно в **жанре американской политической карикатуры**.

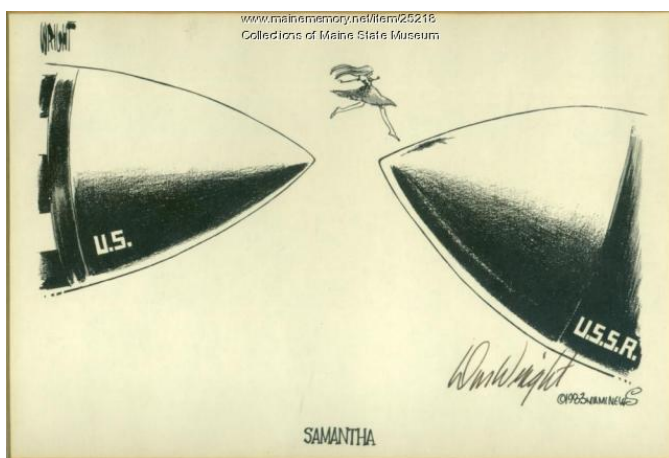

Рис. 1
«САМАНТА». Тип: чернила, бумага. Экземпляр своей работы Дон Райт отправил Саманте. Карикатура находится в коллекции Музея штата Мэн [5]. Карикатура **Дона Райта** в издании *Miami News* просто и элегантно отображает, что произошло, когда школьница из г. Манчестер начала дискуссию о ядерной войне и мире – появилась надежда, что девочка сможет перекинуть мостик там, где, казалось бы, взят курс, неотвратимо ведущий к войне [5]. Отношение автора здесь можно охарактеризовать как достаточно мягкий юмор. Видно, что образ Саманты нарисован с теплотой и любовью. Текст сведён к минимуму, не только аббревиатуры-названия

Рассмотрим карикатуру американского художника **Дона Райта (Don Wright)** на рис.1. Художник изображает две ядерные головки. На левой написано «США», на правой – «СССР». Девочка, похожая на хрупкую балерину, перепрыгивает с одной ракеты на другую. Этот хрупкий образ намекает на хрупкость мира между двумя державами в тот период. Внизу подпись:

обеих стран, но и имя девочки внизу написаны заглавными буквами. Т.о. данный пример – политический текст *с полной креолизацией*. Эта, как и все последующие карикатуры, датированы только 1983 годом. В электронных архивах музеев и Фонда Саманты Смит нами не найдено работ более позднего периода, скорее всего, ввиду их отсутствия. Это обусловлено максимальной *актуальностью* – карикатуры печатались на главных полосах газет параллельно с самим событием: знакомили простого американского читателя с новым фактом (поездкой Саманты), выполняя новостную функцию, и формировали отношение (идеологическая функция).

Рис. 2

Ещё одна острая политическая карикатура в *Colorado Springs* от **Чак Эсэя (Chuck Asay)** (см. рис.2). На рисунке: Ю. Андропов открывает дверь в дом Смитов и дарит Саманте букет цветов. Девочка радуется: «*Боже мой! Спасибо, дедушка Юрий, ты такой хороший!*» Андропов гладит её по голове, а сам держит за спиной садовые ножницы, которыми «добрый» дедушка только что срезал «ростки» американской прессы прямо на газоне Смитов. Эта карикатура – также яркий пример *графической метафоры*. В этом примере автор также использует *символику* – на рукаве у Ю. Андропова – повязка с серпом и молотом. Здесь примечателен тот факт, что Андропов «находится на американской земле». Ведь он стоит прямо под домом девочки (мы видим табличку на двери с надписью «ДОМ САМАНТЫ»). Такой ход не случаен. Скорее всего автор выражает общее настроение прессы США, что СССР зашёл слишком далеко в своей пропаганде, т.е. вторгся прямо в страну через дружбу с маленькой девочкой. Тип: чернила, бумага [6].

На многих карикатурах обязательно фигурирует Ю. Андропов. Появляется и Р. Рейган, действующий на тот момент президент США, и даже Ленин (см. рис. 3–5).

Так, издание *The Christian Science Monitor* высмеивает тот факт, что Ю. Андропов так и не встретился с Самантой (см. рис.3) [6]. Карикатурист **Тим Кэмпбелл (Tim Campbell)** показывает, как сильно ждёт президент Рейган последних «вестей от Саманты» (см. рис.4) [6]. В газете *The Hartford Courant* появляется едкое сатирическое изображение (см. рис.5). Портреты Саманты Смит и В. И. Ленина красуются рядом. Огромная надпись: «Добро пожаловать, Саманта!» На фоне портретов члены Политбюро проводят смотр парада на Красной площади: мимо проезжают танки, готовятся к движению ракетные установки. В толпе зрителей диалог следующего

содержания: «Мой брат как-то написал Андропову». – «Да? И что получил?» – «Два года в Сибири» [6]. Также автор карикатуры намекает на посещение Самантой Мавзолея. В ходе запланированной экскурсии семью Смит пустили туда без очереди.

Политическая карикатура – это жанр политического текста и вид креолизированного текста, обладающий набором графических приёмов (для невербальной части) и стилистических (для языковой), который создаётся как отклик на актуальные события и формирует определённое отношение у адресата, т.е. носит не только информативный, но и идеологический характер.

Рис. 3

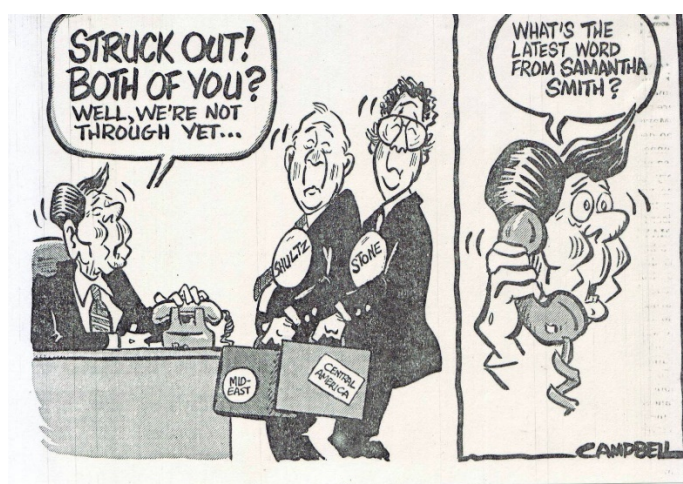

Рис.4

Рис.5

Список использованных источников

1. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / Отв. ред. М. Н. Володина. [Электронный ресурс]. – Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2003. – С. 116 – 133. URL: www.infolex.ru/SMI1.htm (дата обращения 01.02.2019).

2. Политическая карикатура. [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия: сайт. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая_карикатура (дата обращения: 30.01.2019).
3. Середина Е. В. Категория информативности в политической карикатуре США // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. №24 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-informativnosti-v-politicheskoy-karikature-ssha> (дата обращения: 29.01.2019).
4. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: 1990. – С. 180 – 186.
5. Wright cartoon on Samantha Smith, 1983. URL: <https://www.mainmemory.net/artifact/25218> (дата обращения: 30.01.2019).
6. Archives: Political cartoons [Electronic resource] // Samantha Smith Foundation. – Mode of access: URL: <http://samanthasmith.info/index.php/archives/category/11-political-cartoons> (дата обращения: 30.01.2019).

УДК 1751

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ УБЕЖДЕНИЯ

Л. Р. Вартанова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский Федеральный университет, Ставрополь, Россия

О. А. Юрченко,

студентка пятого курса кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский Федеральный университет, Ставрополь, Россия

Аннотация. Целью работы выступает представление и описание языковых средств убеждения в военной полемике, а также концептуальное обособление определенных скрытых потенциалов речевой единицы. В работе применены такие методы исследования, как общий, теоретический и эмпирический. В качестве основного результата выступает выведенный факт о том, что тексты военной специализации наполнены теми или иными средствами коммуникативного воздействия не меньше иных типов текста. В результате был сделан вывод, что, следуя той или иной поставленной коммуникативной задаче, автор наделяет свой текст средствами, способствующими в нужной мере повлиять на адресата, а конкретно выделялись потенциалы, реализуемые через использование простых и сложных, коротких и длинных осложненных предложений.

Ключевые слова: речевое воздействие, убеждение, манипуляция, военная полемика, гипоним, гипероним.

Summary. The objective of the work is the presentation and description of the persuasive linguistic means in the sphere of the military polemic and the visionary segregation of the particular obscure potentials of the verbal unit. There were employed such methods of the investigation as general, theoretical and experiential. The main result can be seen as follows: the texts of the military specialization are full of particular means of communicative impact not less than the other text types. In conclusion, following one or another set of communicative tasks, the author allocates the text with means that contribute to impact with the desired extent on the addressee, and specifically there were highlighted the potentialities realized through the use of simple and complex, short and long complicated sentences.

Key words: communicative impact, persuasion, manipulation, military polemic, hyponym, hyperonym.

«Кто слишком усердно убеждает, тот никого не убедит»

Никола де Шамфор

Лексические единицы обладают рядом особых возможностей. Они информируют, обобщают, выделяют, имеют эмоциональную составляющую, эстетическую, познавательную и многое другое. Среди целого спектра таких возможностей наиболее замысловатой считается воздействие. «Речевое воздействие – это воздействие на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д.» [1, с.242]. Убеждение и манипуляция выделяются как скрытые потенции стратегии речевого воздействия. В пределах семиотического механизма той или иной единицы могут быть реализованы скрытые потенции как убеждения, так и манипуляции. Однако при дифференциации двух понятий первое представляет собой процесс, в котором достичь определенного результата можно при помощи различных средств и методов, в том числе с помощью такой потенции как манипулирование. Другими словами, предлагается принять убеждение как гипероним, а манипуляцию как гипоним.

В науке феномен убеждения или манипуляции сознанием стал развиваться во второй половине XX века. Убеждать – значит навязывать свою точку зрения собеседнику, доказывать свою истину, вселять в собеседника уверенность в своих словах. В убеждении используется логика и эмоциональное давление. Структура убеждения может строиться так: «Во-первых.... Во-вторых... Поверь, так оно и есть! Это действительно так! И другие так думают. Я это точно знаю! Ну почему ты не веришь? Поверь мне, это действительно так...». Основой убеждения выступает психологическое давление, эмоциональный напор, в том числе авторитет собеседника – часто используемая основа убеждения.

В рамках данной статьи мы уделим внимание двум аспектам убеждения – вербальному и невербальному. Вербальное убеждение – это убеждение при помощи слов. В процессе вербального убеждения важны такие аспекты, как речевая форма, в которой мы выражаем свою мысль, слова, что кому передаем, говорим, последовательность произнесения, громкость и интонация. Невербальное убеждение – это убеждение посредством несловесных единиц, сопровождающих речь (внешность говорящего, мимика, жесты, поведение в процессе речевого общения, дистанция до собеседника и др.). Правильно структурированное вербальное и невербальное убеждение обеспечивают нам эффективность и успех общения.

Эмпирическим материалом исследования послужили тексты военной тематики в английском оригинале, а именно группа текстов, объединенная под темой «Ядерная политика США» [2], сопровождаемые переводами, выполненными группой студентов. В исследованном нами материале были выявлены лексические средства убеждения в вербальном значении, присущие конкретному типу текстов, такие как вводные слова, лексические обособления, оценочная лексика и т.д. Однако, приоритетным лексическим средством убеждения в данном материале послужили сочетания коротких простых и длинных сложных или осложненных разнообразными оборотами предложений, помогающих передать эмоциональный настрой автора и способствующий уверить слушателя (читателя). Ниже представлены некоторые примеры этого лексического средства убеждения с переводом:

a) Integrate with U.S. interagency. Effectively expanding the competitive race requires combined actions with the U.S. interagency to employ all dimensions of national power. – Интегрируйте с межведомственной деятельностью США. Эффективное расширение конкурентного пространства потребует совместных действий с межведомственной организацией США, чтобы задействовать все измерения национальной власти.

b) Prioritize preparedness for war. Achieving peace through strength requires the Joint Force to deter conflict through preparedness for war. – Приоритет – готовность к войне. Достижение мира через силу требует, чтобы Объединенные силы предотвратили конфликт путем обеспечения боеготовности.

c) Nuclear forces. The Department will modernize the nuclear triad – including nuclear command, control, and communications, and supporting infrastructure. – Ядерные силы. Министерство будет модернизировать ядерную триаду – ядерное командование, контроль и связь, а также поддерживать инфраструктуру.

Как видно из приведенных выше примеров убеждение в военной сфере явление частое. Убеждение здесь состоит из волевого, эмоционального и в большей степени из рационального компонентов.

Изменение социально-политической ситуации в странах, коммерциализация политической и военной сфер требуют переосмысления тех областей деятельности, которые связаны с общественной деятельностью. «В условиях агрессивной информационной среды, созданной крушением прежних общественных идеалов снижается критическое и рациональное отношение к миру, создаются препятствия к самоактуализации творческого потенциала личности» [3, с. 165]. Наряду с этим появляются иные способы убеждения, способствующие некой социальной деградации.

Проведенный лингвопереводческий анализ лексических средств убеждения, позволил нам прийти к выводу о том, что тексты военной специализации наполнены теми или иными средствами коммуникативного воздействия не меньше иных типов текста. Следуя той или иной поставленной коммуникативной задаче, автор наделяет свой текст средствами, способствующими в нужной мере повлиять на адресата, а конкретно в исследуемых нами материалах выделялись потенции, реализуемые через такое коммуникативное средство, как использование простых и сложных, коротких и длинных осложненных предложений. В данном эмпирическом материале это средство являлось доминирующим.

Кроме того, проведенный анализ позволил определить, какую роль играет убеждение и какую функцию выполняет на современной арене. Функция убеждения – навязывание мнения и побуждение к действию, являющемуся в определенный момент времени приоритетным и «правильным». Роль убеждения – возможность установления норм и правил, взглядов и верований, распространение их в сознании миллионов людей, то есть управление людьми.

Список использованных источников

1. Стернин И. А. Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука. Теоретические и прикладные проблемы языкознания–Воронеж: «Истоки», 2008. – С.238-353.
2. Источник эмпирического материала [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dod.defense.gov/News/Publications/>
3. Хлопков К. А. Манипулятивные технологии в современном информационном обществе [электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2009. – №3. – С. 165-168. –Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/3/195/> (дата обращения: 16.09.2018).

**СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО НАЗВАНИЙ (В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА)**

В. Е. Веретенникова

*Ассистент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики,
Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики,
Удмуртский государственный университет, Ижевск*

Т. А. Краснова

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистической
типологии и лингводидактики, Институт удмуртской филологии, финно-
угроведения и журналистики, Удмуртский государственный университет,
Ижевск*

А. Ф. Леонтьева

*Магистрант кафедры лингвистической типологии и лингводидактики,
Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики,
Удмуртский государственный университет, Ижевск*

Н. Н. Тимерханова

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистической
типологии и лингводидактики, Институт удмуртской филологии, финно-
угроведения и журналистики, Удмуртский государственный университет,
Ижевск*

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты анализа адекватности переводов названий произведений русской классической литературы на немецкий язык. Перевод названий произведений вызывает особый интерес с точки зрения социокультурного аспекта перевода. Не ко всем социокультурным понятиям России можно найти аналог в немецком языке, о чем свидетельствует сопоставительный анализ переводов названий произведений русских писателей на немецкий язык.

Ключевые слова. Русская классическая литература, название художественного произведения, социокультурный аспект перевода, адекватный/не адекватный перевод, языковая синонимия.

Summary. The results of the analysis of adequate translation of the titles of Russian classical literature works into German language are given in the article. The translation of the titles of literature works draws special attention from the point of view of the socio-cultural aspect of translation. Not all socio-cultural notions of Russia can have analogies in German language and comparative analysis of the titles of Russian classical literature into German well proves it.

Key words. Russian classical literature, the title of literature works, socio-cultural aspect of translation, adequate/not-adequate translation, language synonymy.

Принцип определения соответствия заголовка переводу на немецкий язык. Как отмечает Л. И. Чернавина, «перевод заголовков вызывает затруднение у переводчиков, так как расхождение в наборе языковых средств в русском и немецком языках здесь особенно велики. Это трудности лингвистического характера. Но переводчику приходится ещё и решать проблемы, связанные с информативной значимостью заголовков» [1, с. 143].

Перевод очень ответственная деятельность филолога. Он должен передать все нюансы произведения, все социальные реалии, знания о самом писателе и его стиле, то есть, уметь передать концептуальное содержание произведения не искажая его. В этом отношении к заголовку отводится важнейшая роль. Анализ адекватности переводов названий произведений классиков русской литературы на немецкий язык проводился на основе субъектно-объектного анализа текста художественного произведения по системе автора Бориса Осиповича Кормана. В основу анализа названий художественных произведений были взяты труды основателя перевода Андрея Бенедиктовича Федорова и его учеников Г. Гачечиладзе, С. И. Влахова, О. А. Иванова и др.

Исследованию подверглись 23 произведения русских классиков (А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, К. Чуковского, А. С. Пушкина) и 26 переводов названий этих произведений.

Было выявлено 2 принципа определения соответствия и несоответствия заголовка переводу: 1. Вдумчивое прочтение, анализ и синтез произведения опираясь на труды Б. О. Кормана. 2. Выявление причины названия произведения русским автором.

Опираясь на выше названные принципы, были проанализированы следующие произведения и переводы их названий на немецкий язык.

Произведения А. П. Чехова. «Пересолил». Два разных переводчика перевели название этого рассказа по-разному: Фокшеннаме перевел «Der Fehltritt», а Траутман «Eine schlimme Sache». Перед тем как сказать, адекватны ли эти переводы, следует вспомнить содержание этого увлекательного рассказа.

Землемер Глеб Гаврилович Смирнов добравшийся до усадьбы, куда его вызвали для межевания нанял на станции здоровенного, угрюмого и рябого мужика Клима с лошадежкой. По дороге ему стало страшновато, и он начинает запугивать мужика, да оказывается, что пересолил. Клим убегает от страха, но потом, к счастью землемера, идет обратно.

Вернемся к переводам названий. «Der Fehltritt»: **Fehltritt** m 1. неправильный шаг; 2. ошибка, проступок [9]. С одной стороны верно. Но оно не говорит о сути той ошибки, в отличие от названия «Пересолил». Назвать просто «Ошибка» либо «Неверный шаг» очень примитивно.

«Eine schlimme Sache» – «Плохо (скверно либо дурно) дело». **Schlim** – 1. плохой, скверный, дурной; die Sache steht ~ дело обстоит плохо, дело дрянно; es geht ~ aus это кончится плохо; 2. больной (напр., о пальце) [3].

Этот перевод совершенно не соответствует концептуальному содержанию рассказа. Было бы лучше, если эти переводчики оставили название таким же, а не придумывали новые. В немецком языке есть эквиваленты слову пересолить. **Пересолить** 1. versalzen (прямое значение); 2. перен. разг. ubertreiben, etw. (A) zu weit treiben [5]. Нужно было перевести «Ubertreiben» или «Es zu weit getrieben». Либо обратиться к вольному переводу и назвать «Hat sich ruckversichert» **ruckversichern, sich** неотд. (inf с zu **ruckversichern**) перестраховаться (тж. перен.) [3].

«**Попрыгунья**». Л. Фокшеннаме перевел «Windbeutel», Бергер «Eine kunstliebende Frau», Локкенберг «Irrwisch». Вспомним содержание рассказа. Здесь речь идет об Ольге Ивановне, которая замужем за Дымовым Осипом Степановичем. Ольга Ивановна талантлива, поет, рисует и играет роли в своих же театральных сценках. В отличие от компании Ольги Ивановны, ее муж Осип Степанович весьма зауряден. Ольга Ивановна любит мужа, но ей не хватает романтики и она изменяет мужу с художником Рябовским, с человеком непостоянным и уезжает вместе с ним. Но когда понимает, что любит Дымова, возвращается. Через некоторое время к ней снова возвращаются чувства к Рябовскому. Отсюда и название «Попрыгунья».

Вернемся к переводу названия «Попрыгунья». «Windbeutel» и «Irrwisch» близки к «Попрыгунье». **Windbeutel** m 1. метеор, конусный ветроуказатель, ветровой конус; 2. разг. ветреник, ветрогон; 3. корзиночка с кремом (из взбитых сливок) (пирожное) [3]. **Irrwisch** m -(e)s, e 1. см. Irlicht; 2. миф. домовый; 3. разг. непоседа; сорванец; попрыгунья [2].

Перевод «Eine kunstliebende Frau» Бергера не верный, потому что он отметил лишь любовь Ольги Ивановны к искусству. Это название слишком простое, оно не раскрывает содержания рассказа. Здесь также вольный перевод не стал удачным. «Windbeutel» и «Irrwisch» адекватны и раскрывают концептуальное содержание произведения.

«**У знакомых**». Р. Траутман назвал рассказ в своем переводе «Ta und Wa». Рассказ очень простой и название тоже очень простое, но переводчик начинает изоощряться, пытаясь передать отдельные кусочки объективной действительности в рассказе, которые не отражают полностью содержания произведения. Отсюда такой перевод названия рассказа как «Ta und Wa».

Следует пояснить: в конце 19-го века, в начале 20-го, среди интеллигентного слоя общества России была традиция называть сестер в многодетной семье первым слогом имени. Татьяна и Варвара, героини рассказа, подписывались Та и Ва. Но главным героем, чувства, мысли которого описывает автор, является Михаил Подгорин. Название «Ta und Wa» Траутман взял из письма Подгорину, которое было подписано коротко: Та и Ва, и где они просили его приехать в имение Кузьминки.

Назвав рассказ «Ta und Wa» переводчик сфокусировал внимание на них, хотя Та, Ва и На не являются главными персонажами рассказа. Следует сделать вывод, что Переводчик поступил неверно. Здесь было бы уместно оставить авторское название – «Bei der Bekannten».

«Ионыч». Филипп Реклам перевел так — «Das Katzchen». Это неправильный перевод. «Das Katzchen» – так переведено прозвище девушки, героини рассказа, Екатерины Ивановны Туркиной, которую в семье ласково называли Котик. В России часто Катю называют Котенком либо Котиком. Назвав рассказ «Das Katzchen» переводчик сфокусировал внимание на этой девушке, которая не играет главной роли в этом рассказе. Здесь речь идет о судьбе Дмитрия Ионовича Старцева, о докторе, который влюбляется в эту девушку, поэтому Чехов назвал свой рассказ «Ионыч». И совершенно неадекватно переименовывать рассказ. Уместно было бы просто оставить «Jonysch», как сделал переводчик Г. Дик.

«Мужики». Г. Дик перевёл название повести «Die Bauern». В повести речь идет о жизни в Жуковке, где живут свободные крестьяне, которые раньше служили у генерала Жукова. Мужики – это простой люд, то есть не из благородных. Есть и богатые мужики, имеющие фабрики, лавки, постоянные дворы, есть и бедные, которые все пропивают. В повести Чехов подробно описывает жизнь этих мужиков, отсюда и название. А название «Die Bauern» не совсем адекватно, так как крестьяне – это и женщины, и мужчины. В авторском названии фигурируют именно мужики, и стоило оставить «Die Mushiks», чтобы сохранить национальный колорит.

«Архиерей». Г. Дик перевёл «Der Bischof». Главным героем повести является Преосвященный Петр, архиерей служащий в Панкратиевском монастыре.

Архиерей – греческое слово по происхождению [гр. archiereus первосвященник] – общее название для высших чинов духовенства (епископа, архиепископа, митрополита). **Архиерей** – m. Erzpriester, m. Erzbischof, kirchlicher Wurdenträger, m. Bischof (епископ) [6]. **Bischof** m – епископ [4]. Отсюда следует сделать вывод, что der Bischof – это все-таки епископ, а архиерей – der Erzpriester либо der Erzbischof. Поэтому перевод Г. Дика частично адекватен.

Полностью адекватными можно считать следующие переводы:

Рассказ «Тоска» Вольф Дювель перевел «Gram». **Тоска** ж 1. (грусть) Gram m 1, Schwermut f; Trauer f (печаль)', ~ по чём-л. [по ком-л.] sehensucht nach etw. [nach jem.]; Nostalgie ~ по родине Heimweh n 1; 2. разг. (скука) Lang(e)weile f.

В рассказе речь идет именно о тоске, о грусти старого человека, извозчика, сын которого умер от болезни.

«Душечка» – Г. Дик перевёл «Herzchen», значения этих слов полностью эквивалентны. И перевод адекватен.

Причины усомниться в адекватности перевода не вызывают и следующие переводы названий: «Крыжовник» – «Die Stachelbeeren» (Г. Дик), «Студент» – «Der Student» (М. Ерб), «Дама с собачкой» – «Die Dame mit dem Hundchen» (Херба фон Шутц), «О любви» – «Von der Liebe» (Г. Дик).

Произведения Н. В. Гоголя. «Мертвые души». Ф. Шафтготш перевел «Die toten Seelen». Этот перевод неадекватен. Под словом «Seelen» немцы, в первую очередь, поймут душу, как внутренний мир, как сердце и мысли. А у Гоголя душа, как человек, человеческая единица. Здесь следовало бы перевести так: «Die toten Leibeigenen». **Seele f=, -n 1.** душа [4].

«Шинель». Ф. Шафтготш перевел «Der Mantel». Перевод частично адекватен. Акакий Акакиевич, герой этого рассказа, титулярный советник, заказал себе шинель портному Петровичу, так как не было средств на более дорогое пальто. А шинель – это пальто, но военное, из специфического сукна. **Шинель ж Mantel m 1d; Uniformmantel m; солдатская ~ Soldatmantel m.** Если бы переводчик перевёл «Der Uniformmantel», было бы более адекватно. Поэтому перевод Ф. Шафтготша частично адекватен.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» – «Die Abende auf dem Vorwerk». Этот буквальный перевод удачен. Хутор и das Vorwerk являются эквивалентами. **Vorwerk n -(s), -у 1.** хутор; фольварк; мыза; 2. воен. передовое оборонительное сооружение; передовой фронт (крепости) [4].

Произведения Л. Н. Толстого переведенные Эрнстом Штрэнге.

«Война и мир» Штрэнге перевел «Krieg und Frieden» и это совершенно неадекватно. Под словом мир Толстой имел в виду не мирное время, а светское общество, свет. В оригинале название романа выглядит так «Война и мирь». Чтобы разобраться в этом, нужно ознакомиться с содержанием этого трёхтомного романа. В романе описывается светское общество во время войны с Наполеоном в 1812 году. Отношение света к войне, светские балы, жизнь семейства Болконских, Ростовых. Моментов, где описываются военные действия, очень мало. Следовало перевести «Krieg und die Welt» либо «Krieg und Gesellschaft». **Welt f=, -en 1.** мир, свет; вселенная; земной шар; 2. человечество, люди; 3. свет, общество; die grosse ~ большой свет, высшее общество... [4].

Следующие переводы названий не вызывают сомнений: «Утро помещика» – «Der Morgen eines Gutbesitzers»; «Анна Каренина» – «Anna Karenina»; «Власть тьмы» – «Die Macht der Finsternis»; «Живой труп» – «Der lebende Leichnam».

Произведения А. С. Пушкина переведенные М. Пфайфером: «Барышня-крестьянка» – «Das Adelsfraulein als Bauerin», «Капитанская дочка» – «Die Hauptmannstochter».

Проведённый анализ позволяет установить степень адекватности переводов названий классических произведений на немецкий язык, которые включают в себя полную адекватность, частичную адекватность и полное отсутствие (неадекватность) перевода.

Степень эквивалентности переводов названий:

а) заголовки, не вызывающие противоречивых толкований (адекватный перевод): «**Windbeutel**», «**Irrwisch**» («Попрыгунья»), «**Gram**» («Госка»), «**Die Stachelbeeren**» («Крыжовник»), «**Herzchen**» («Душечка»), «**Der Student**» («Студент»), «**Die Dame mit dem Hiindchen**» («Дама с собачкой»), «**Von der Liebe**» («О любви») А. П. Чехова; «**Die Abende auf dem Vorwerk bei Dikanka**» («Вечера на хуторе близ Диканьки»), «**Taras Bulba**» («Тарас Бульба») Н. В. Гоголя; «**Der Morgen eines Gutbesitzers**» («Утро помещика»), «**Anna Karenina**» («Анна Каренина»), «**Die Macht der Finsternis**» («Власть тьмы»), «**Der lebende Leichnam**» («Живой труп») Л. Н. Толстого; «**Darüber**» («Про это») К. Чуковского; «**Das Adelsfraulein als Bauerin**» («Барышня-крестьянка»), «**Die Hauptmannstochter**» («Капитанская дочка») А. С. Пушкина;

б) заголовки, не полно отражающие концептуальное содержания произведения (частично адекватный перевод): «**Der Bischof**» («Архиерей»), «**Die Bauern**» («Мужики») А. П. Чехова; «**Der Mantel**» («Шинель») Н. В. Гоголя;

в) заголовки, искажающие концептуальное содержание произведения (неадекватный перевод): «**Eine kunstliebende Frau**» («Попрыгунья»), «**Eine schlimme Sache**», «**Der Fehltritt**» («Пересолил»), «**Das Katzchen**» («Ионыч»), «**Ta und Wa**» («У знакомых») А. П. Чехова, «**Die toten Seelen**» («Мертвые души») Н. В. Гоголя; «**Krieg und Frieden**» («Война и мир») Л. Н. Толстого.

Таким образом, почти половина рассмотренных переведенных названий не отражают, либо только лишь частично отражают концептуальное содержание произведения. Следует отметить, что ошибкой всех немецких переводчиков является отсутствие глубокого проникновения в смысл произведения (анализа) либо незнание реалий русской жизни.

Список использованных источников

1. Чернавина Л. И. Перевод заголовков английских и американских научно-технических статей // Лингвометодические основы преподавания иностранных языков: (Сб. статей); (Под ред. М. Я. Цвиллинг). – М.: Наука, 1979. С. 143–151.
2. Москальская О. И. Большой немецко-русский словарь. В 3 т. Т. 1 / под ред. О. И. Москальской. М.: Русский язык-Медия, 2004. 768с.
3. Москальская О. И. Большой немецко-русский словарь В. 3т. Т. 2 / под ред. О. И. Москальской. М.: Русский язык-Медия, 2004. 681 с.
4. Мальцева Д. Г. Большой немецко-русский словарь / под ред. К. Лейн, Д. Г. Мальцевой. М.: Русский язык, 2001. 1040 с.
5. Цвиллинг. М. Я. Русско-немецкий словарь / под ред. О. Н. Никоновой, М. Я. Цвиллинг. М.: Русский язык, 1977. 760 с.
6. Цвиллинг. М. Я. Русско-немецкий словарь / под ред. М. Я. Цвиллинг. М.: Русский язык–Медия, 2003. 688 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА В ЗОНЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Т. С. Вершинина,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и педагогики, Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург

С. В. Разумовская,

кандидат философских наук, руководитель проекта «Славянский мост», Дом Учителя Уральского федерального округа, Екатеринбург

Аннотация. В статье анализируются особенности перевода в зоне этноконфессиональных конфликтов на примере сербского и хорватского языков на основе переводческой практики в Балканском регионе в ходе сопровождения гуманитарных акций с 1997 года и авторских исследований по вопросам национальной идентичности молодежи. Рассматриваются синтаксические и морфологические различия указанных языков, этноментальные проблемы перевода на новооформленные южнославянские языки, специфика коммуникативных конфликтов, условия использования лексических единиц, выступающих маркерами национально-культурной самоидентификации южнославянских народов. Делаются выводы о необходимости корреляции вербальных кодов и этнокультурных концептуальных структур, даются рекомендации о подборе лексических единиц и морфологических форм с учетом ментальных и культурных особенностей носителей языка.

Ключевые слова: перевод, южнославянские языки, новооформленные языки, этноконфессиональные конфликты, маркеры национально-культурной специфики, ментальная модель мира.

Summary. The article analyzes the features of translation in the zone of ethno-religious conflicts on the example of the Serbian and Croatian languages. The article is based on the author's research on national identity of young people and translation practice in the Balkan region in the course of accompanying humanitarian actions since 1997. This research is devoted for the syntactic and morphological differences of these languages, ethno-mental problems of translation into newly formed contemporary South Slavic languages, the specifics of communicative conflicts, the conditions for using lexical units, which are markers of the national-cultural identity of South Slavic peoples. Made conclusions indicate about the necessity of correlation of verbal codes and ethnocultural conceptual structures. The selection of lexical units and morphological forms are recommended according the mental and cultural characteristics of native speakers.

Key words: translation, South Slavic languages, newly formed languages, ethno-confessional conflicts, markers of national-cultural specifics, mental model of the world.

Жизнь человечества за последние двадцать лет отмечена множеством кровопролитных этнических и религиозных конфликтов, вызванных процессами глобализации с одной стороны, распадом государств и усилением национализма и сепаратизма, с другой.

Национально-религиозные конфликты вспыхивают на Балканах постоянно, с давних времен и на протяжении всей истории этого региона. В 90-х годах 20 века, на фоне распада союзного государства Югославии на несколько республик, антагонизм на этноконфессиональной почве выплеснулся в жестокие кровавые столкновения, послужившие поводом для бомбардировок территории Югославии силами НАТО.

Локальные военные конфликты между албанцами и сербами, сербами и хорватами, хорватами и боснийцами, боснийцами и сербами сопровождалась массовыми репрессиями, убийствами мирного населения и этническими чистками. Были разрушены многие памятники средневековой культуры, имевшие статус мирового наследия ЮНЕСКО.

Причиной крупных региональных конфликтов могут быть различие идеологий, мировоззренческих концепций, экономических интересов, деление общества на «мы» и «они», «свои» и «чужие», «друзья» и «враги» [1]. Ранее бывшие «своими» народы республик бывшей Югославии после распада страны стали «чужими». Обладая едиными этническими корнями и единым языком в разновидностях нескольких диалектов, сербы, хорваты, боснийцы, черногорцы под влиянием политических и идеологических факторов стали расширять зону отчуждения.

Часто причиной политических, социальных, национально-этнических конфликтов является язык. Причиной их может служить неверный или «некачественный» перевод, сделанный без учета социокультурных особенностей языка, подвергшегося изменениям вследствие политических трансформаций, либо без должного внимания к специфическим чертам ментального мира носителей языка перевода. «Ментальность, или менталитет, определяет мировоззренческую структуру сознания, те глубинные формы мирозерцания, которые определяются категориями и формами родного языка» [2, с.115].

Говоря о мировоззренческой структуре сознания, нельзя исключить пространство культуры, которое в своем семантическом проявлении обуславливается в той или иной степени рамками языка этноса. Практика перевода на новооформленные южнославянские языки показала, что основные проблемы связаны с недостаточной проработкой вербального оформления переводимых конструкций и конструкторов; иными словами когнитивные структуры, подвергаемые ментальным операциям, кодируются в рамках общепринятых подходов перевода на тот или иной

южнославянский язык без учета изменений, произошедших в них во время Балканского кризиса, приведшего к структурно-семантическим изменениям в ходе выделения и оформления новых языков на территории созданных государств. Вследствие указанных обстоятельств переводчик, руководствуясь содержанием собственного ментального мира и традиционным алгоритмом как своей культуры, так и культуры стран, существовавших до Балканского кризиса, использует заведомо ошибочные коды, обращаясь к знаковым системам социумов, существовавших до оформления новых языков, отличие которых проявляется и в изменении вербальных кодов, что проявляется в наличии общих зон, зон пересечения и зон с особыми условиями использования лексических единиц [3]. Последние выступают маркерами национально-культурной специфики образа мира носителей нового языка и отражают их представление о действительности, месте своего народа в ней и позволяют с точностью определить принадлежность говорящего к «своим» или «чужим».

Обостренное стремление южнославянских народов к национальной самоидентификации требовало внешней фиксации ее результатов, например, в документах международного права – регистрации национальных языков (в частности, черногорский язык с новыми звуками и буквами).

Момент, в котором языковое обособление и национальная самоидентификация совпали с требованиями глобализации и европейской интеграции, – это реформы новооформленных южнославянских языков, направленные на расширенное использование латиницы или полный отказ от использования кириллицы равно как коммунистически окрашенного, так и православно окрашенного культурного рудимента.

Формальное единство языков вводит в заблуждение неопытного переводчика, не погруженного в вековые историко-культурные противоречия, обостренные в ходе этноконфессиональных конфликтов последних десятилетий, и слабо ориентирующегося в социокультурном пространстве, в которое будет встраиваться текст перевода.

Профессиональный перевод, не противоречащий ментальной модели мира лингвокультурного мира, выраженного на новооформленном языке, позволит избежать коммуникативного конфликта, если в нем будет учтена корреляция вербальных кодов и этнокультурных концептуальных структур.

В процессе современного размежевания сербского и хорватского языков и их вычленения из языка сербохорватского произошло негласное разделение синтаксических конструкций и морфологических форм.

Например, практика показывает, что в хорватском языке отдается предпочтение структурам сложноподчиненного предложения и формам будущего времени в соответствии со стилистическими и морфологическими нормами литературного хорватского языка. В сербском языке предпочтение

отдается упрощенным синтаксическим конструкциям и кратким морфологическим формам.

При переводе с русского на сербский или хорватский языки следует учитывать и такой аспект, когда одна и та же лексическая единица на сербском и хорватском языке может иметь разные смыслы именно с учетом историко-культурного контекста. В то время как при обратном переводе этой же лексической единицы такой проблемы не возникает.

Особого внимания переводчиков заслуживает перевод прецедентных феноменов, связанных с событиями Первой и Второй мировых войн, современными локальными военными конфликтами. При их переводе необходимо быть особенно точным, недопустимо проявление собственной оценки, а также и трансляция чьей-либо сторонней оценки или использование в переводе усредненного безоценочного варианта.

При внешней «схожести» русского языка с сербским и хорватским не только переводчики-любители, но порой и профессиональные переводчики с академическим образованием, но без достаточного опыта работы непосредственно в Балканском регионе, допускают политико-стилистические ошибки, к примеру, в подборе синонимов. В частности, этнонимы заменяются на термины, обозначающие принадлежность к политической или боевой группировке и наоборот. Например, некорректный переводчик именуется хорватов словом «ustaše», ошибочно полагая, что это синоним и разговорный вариант этнонима «хорваты», в то время как «ustaše» («повстанцы») является обозначением принадлежности к профашистской националистической организации, возглавлявшей в годы Второй мировой войны Независимое государство Хорватия (Ustaša — Hrvatski revolucionarni pokret). Аналогично, если бы русские всех немцев или граждан Германии называли фашистами. Подобные подмены и политико-стилистические ошибки допускаются при подборе синонимов в отношении боснийцев или албанцев.

Новые государства устремились на поиски и придумывание часто не существующих оппозиционных лексических значений как источников самоидентификации, стремясь принадлежать к особенному языковому и культурному пространству, защищенному от идеологического уравнивания и этнокультурного обобщения.

Так, многие синонимы, присутствовавшие в сербохорватском языке, негласно поделенные между сербами и хорватами, стали признаками не только «чужого» языка, но и «врага». В условиях локальных конфликтов произнесенное в сербском кругу «хорватское» слово могло быть расценено по специфической шкале идентификации произнесшего его человека – от «чужака» до «шпиона».

Примерами знаковых лексических оппозиций могут являться следующие безобидные синонимы, ставшие политически окрашенными антагонистами и маркерами национально-культурной самоидентификации:

семья – породица (**серб.**) / obitelj (**хорв.**); хлеб – хлеб (**серб.**) / kruh (**хорв.**); Родина – отаџбина (**серб.**) / domovina (**хорв.**) и др.

В силу исторического и географического положения Балкан как перекрестка народов, культур, религий и их векового противостояния обычаи и традиции культуры южнославянских народов объединены характерным смысло-жизненным ориентиром: выжить, победить, оставить здоровое потомство, способное побеждать.

В практике перевода нельзя недооценивать эту черту этнического сознания, определяющую поведение участников конфликта, категоричность их высказываний и оценок, скрытый исторический контекст противоборства ценностей и противостояния языковых различий.

Правильный подбор лексических единиц с учетом ментальных и культурных особенностей, построение синтаксических конструкций и подбор морфологических форм являются диагностическим показателем уровня погруженности переводчика в культуру страны и языка, а также степень его уважения к народу – носителю этого языка. Тем более, если это братские славянские народы, разобщенные навязанными внешне геополитическими играми в интересах мировых держав.

Русский переводчик в таких условиях независимо от своего желания является лицом своей страны – России как миротворца в международных переговорах. Его профессиональный успех зависит от доверия, с которым к нему относятся одновременно – и сербы, и хорваты, и боснийцы, и черногорцы, убежденные в том, что его перевод строится и на точном знании языка, и на глубоком понимании историко-культурных причин их поступков и высказываний, которые он переводит.

Каждый язык уникален, и даже близкородственные языки прекрасны в своем разнообразии. Уникальность истории любого языка есть уникальность его происхождения и уникальность его развития. Каждый язык достоин уважения. Неконфликтное речевое поведение, толерантность присущи народу, уважающему себя, свою культуру, свой язык – а, значит, уважающему другие народы, их культуру и язык.

Список использованных источников

1. Вильданов Х. С. Национальные ценности в структуре этнокультурной и национальной самоидентификации индивида [Электронный ресурс] // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 9-1. – С. 214-218. – <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34672> (дата обращения 15.11.2018).
2. Колесов В. В. *Жизнь происходит от слова...* СПб., 1999. 368 с.
3. Фесенко Т. А. К вопросу о лингво-ментальном аспекте переводческой деятельности [Электронный ресурс]. – <http://study-english.info/article121.php#ixzz5e51LLkEh> (дата обращения 13.10.2017).

УДК: 82-193

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДУШНАЯ НОЧЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Т. С. Воложанина,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
английского языка в сфере философии и социальных наук, Санкт-
Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Н. Г. Талашова,

*кандидат филологических наук, ведущий специалист, Санкт-
Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена лингвостилистическим особенностям перевода ранней лирики Б. Л. Пастернака. Отмечаются особенности литературного стиля писателя и принципы, которыми должен руководствоваться переводчик при переводе поэзии. Проводится анализ перевода стихотворения «Душная ночь» на английский язык.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, перевод, поэзия.

Summary: The article is devoted to linguostylistic characteristics of the translation of the early poetry written by B. L. Pasternak. The article studies characteristic features of the poet's literary pen-craft and principles that should be followed by translators. The authors analyze the translation of the poem «Sultry night» into the English language.

Key words: B. L. Pasternak, translation, poetry.

Борис Леонидович Пастернак – русский писатель, поэт, переводчик, настоящий мастер слова, удостоенный Нобелевской премии по литературе за значительные достижения в современной лирической поэзии. Произведения этого ярчайшего представителя русской литературы XX века оставили значительный след в мировой культуре, вошли в золотой фонд русской и зарубежной литературы.

Широкому кругу читателей Б. Л. Пастернак известен благодаря роману «Доктор Живаго» и художественному переводу «Гамлета» У. Шекспира и «Фауста» И. Гёте. Мы же в этой статье хотим обратиться к ранней лирике поэта и ее переводу на английский язык. Многие исследователи сходятся во мнении, что перевод стихов Б. Л. Пастернака – очень сложная задача, так как в них присутствует особая «русскость», что является преградой в стремлении переводчика сохранить исходные смыслы, стилистику и стихотворные ритмы при переводе на английский язык.

А. К. Жолковский определял центральную тему лирики поэта как «общенье восторга с обиходом» [2, с. 11]. Человек в своем сиюминутном существовании испытывает чувство причастности к чуду единого, вечного бытия, все малое и обычное также причастно к бесконечному огромному бытию. Такая тема «великолепного единства» стоит за присущими

Пастернаку способами представления предметов мира и использования стилистических приемов для их изображения. «Единство» и «великолепие» строится на контрасте – наблюдается единство разного и далекого, великолепие обыденного и низкого.

Б. Л. Пастернак по-особенному обращается с языком: отмечается пристрастие к аллитеративному фонетическому сближению разных слов, вплоть до параномазии (незастекленный небосклон, шлюзы жалюзи), а также, например, к однородным синтаксическим конструкциям, которые сближают далекие явления (Нас много за столом, приборы, звезды, свечи), к каламбурам, сравнениям, метафорам и метонимии. Для лирики Б. Л. Пастернака также характерны жесткий консонантизм, трудные скопления согласных, употребление множественного числа неисчисляемых существительных (В громах других отчизн), повторения одного и того же слова. Все эти кажущиеся крайними, новаторскими и парадоксальными эффекты представляют трудность при переводе стихотворений на английский язык, так как английская поэзия – это образец качественного стихосложения: в ее основе лежит чередование определенных лексических единиц, качественно отличающихся друг от друга, чередование как ударных, так и неударных слогов, что создает определенный ритм. Ритм, согласно В. М. Жирмунскому, «есть реальное чередование ударений в стихе, возникающее в результате взаимодействия идеального метрического закона и естественных фонетических свойств данного речевого материала» [1, с. 41]. В английском языке присутствует большее количество односложных слов, поэтому строфа в английском варианте может содержать больше слов, чем в русском. Но, чем больше слов, тем больше художественных образов и явлений. Этот аспект оказывает влияние на ритмику стихотворения и отражается на работе переводчика. На тон английской поэзии также влияет долгота гласных звуков, отсутствующая в русском языке, что заставляет переводчика искать определенные инструменты перевода [4, с. 2].

В английском языке, как и в русском выделяют следующие стихотворные размеры: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий и анапест, а вот стихотворные формы рассматриваемых языков имеют отличия. Например, особенностью английской поэзии является белый стих (blank verse). Он сближает поэзию и прозу, нарушая рифму; ключевым признаком того, что перед читателем стих, является ритм. Примером такой формы служит драматическая поэзия У. Шекспира. Сонеты У. Шекспира – еще одна особенная форма, которая не допускает отклонений от канонической формы (жесткое композиционное разделение на три части, размер и количество строк, тема чувств к любимой женщине и другу).

Следует отметить, что при переводе поэзии следует осуществлять как прямой, так и косвенный перевод. Под прямым переводом понимается дословный перевод, использование калькирования, заимствований, а под

косвенным – поиск эквивалента, транспозиция, адаптация и модуляция [5, с. 57]. Переводчик также должен руководствоваться принципами ориентированности на читателя, учета национальной специфики, в которой развивалась национальная литература языка перевода, литературной традиции языка перевода и максимального тождества перевода и оригинала произведения. Человек, читающий перевод, должен погрузиться в то же состояние, что и тот, кто читает оригинал, считает французский лингвист Жюль Марузо, но отмечает, что это практически невозможно [6, с. 150].

Принимая во внимание все вышесказанное, рассмотрим насколько удачно был осуществлен перевод стихотворения Б. Л. Пастернака «Душная ночь» сестрой поэта Лидией Пастернак-Слейтер. Стихотворение написано в 1915 году и является образцом пейзажной лирики поэта. Стихотворная форма данного произведения – сонет, строфа из 14 строк пятистопного ямба. В данном случае Б. Л. Пастернак отходит от своей привычной темы творчества, в этом стихотворении он пишет не о чувствах к женщине, а чувствах к природе родной земли:

*Накрапывало, - но негнулись
И травы в грозном мешке,
Лишь пыль глотала дождь в пилулях,
Железо в тихом порошке.*

*It drizzled, but not even grasses
Would bend within the bag of storm;
Dust only gulped its rain in pellets,
The iron roof – in powder form.*

Первая строфа текста перевода идеально передает заложенное поэтом ощущение несущего облегчение от зноя и духоты летнего дня дождя. Добавляется лишь буквальное значение железной крыши (the iron roof), по которой барабанят «порохообразные» (in powder form) от пыли капли дождя.

*Селенье не ждало целенья,
Был мак, как обморок, глубок,
И рожь горела в воспаленье,
И в лихорадке бредил бог.*

*The village did not hope for healing.
Deep as a swoon the poppies yearned
Among the rye in inflammation,
And God in fever tossed and turned.*

Во второй строфе в тексте перевода переводчик использовала инверсию, т.е. перестановку, нарушающую обычный порядок слов. Прием использован для соблюдения звуковой и слоговой тональности. Довольно точно передан изначальный смысл, несмотря на то, что селенье (село в

русской традиции – большое и статусное сельское поселение, ключевым признаком которого было наличие храма) было переименовано в деревню (village), а Бог не только бредил в лихорадке, но и делал это довольно буйно – «ворочаясь и переворачиваясь» (tossed and turned).

*В осиротелой и бессонной,
Сырой, всемирной широте
С постов спасались бегством стоны,
Но вихрь, зарывшись, коротел.*

*In all the sleepless, universal,
The damp and orphaned latitude,
The sighs and moans, their posts deserting,
Fled with the whirlwind in pursuit.*

В третьей строфе очень удачно был проведён обмен прилагательными между второй и третьими строками: широта в переводе последовательно стала «бессонной» (*sleepless*), всемирной (*universal*), влажной (*damp*) и осиротевшей (*orphaned*), нарушив заданную поэтом очерёдность без ущерба для передачи смысла и чувств. Однако имеющее ярко выраженную специфическую окраску выражение «спасались бегством, покидая свои посты» (*their posts deserting fled*) привнесло в сельский пейзаж военную тему. Военная тема также влияет на восприятие читателем первой и второй строф – совершенно иной смысл обретают «порохообразные» капли дождя и горячечные метания, похожие на конвульсии тяжело раненного солдата.

*За ними в бегстве слепли следом
Косые капли. У плетня
Меж мокрых веток с ветром бледным
Шел спор. Я замер. Про меня!*

*Behind them ran blind slanting raindrops
Hard on their heels, and by the fence
The wind and dripping branches argued
My heart stood still-at my expense.*

Следующая строфа продолжает развивать «военную» тему, привнесённую переводчиком: косые капли, спасающиеся бегством вслед за стонами, в буквальном смысле «наступают им на пятки» (*hard on their heels*). Превращение плетня в «забор» (*fence*) следует признать допустимым без ущерба для смысла стихотворения, поскольку дословный перевод – wattle явно нарушал бы слоговую гармонию композиции, к тому же в таком случае терялась бы идеальная рифма *fence* – *expense*.

*Я чувствовал, он будет вечен,
Ужасный, говорящий сад.
Еще я с улицы за речью
Кустов и ставней - не замечен,*

*Заметят - некуда назад:
Навек, навек заговорят [3, с. 141].*

*I felt this dreadful garden chatter
Would last forever, since the street
Would also notice me, and mutter
With bushes, rain and window shutter.*

*No way to challenge my defeat
They'd argue, talk me off my feet [7, с. 128].*

В этих строчках переводчик хорошо передал ощущение грядущей бури, мастерски изображенное Б. Л. Пастернаком в последней строфе перешёптыванием тронутых собирающемся ливнем тёмных веток деревьев в саду с порывами ветра. Однако переводчик снова ставит военную тему на первый план: «не смогу оспорить своё поражение» (*no way to challenge my defeat*), «собьют меня с ног» (*off my feet*).

Итак, читатель наблюдает особое восприятие природы Б. Л. Пастернаком, в стихотворении она – не объект, а субъект произведения. Переводчик сумел глубоко прочувствовать смысл стихотворения, хотя и внес в него военную тему, что, на наш взгляд, не влияет на изначально заложенный смысл, а придаёт стихотворению особый, совершенно неповторимый колорит.

Таким образом, мы можем заключить, что переводы стихотворений Б. Л. Пастернака на английский язык смогли познакомить англоязычное сообщество с творчеством одного из талантливых русских поэтов XX века. Хотя сам поэт неоднозначно воспринимал перевод своих стихотворений, нужно отметить, что некоторые из них (например, произведение, представленное в данной статье) выполнены в соответствии со всеми профессиональными литературными стандартами.

Список использованных источников

1. Жирмунский В. М. Введение в метрику. Л.: Academia, 1925. 290 с.
2. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с.
3. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений в 11 т. Том 1. М., 2005.
4. Рожкова Н. А. Особенности стихотворной системы английского и русского языков (на материале двух стихотворений Р. Л. Стивенсона и их переводов) // Концепт. Спецвыпуск №1. 2014.
5. Чужакин А. В. Мир перевода или вечный поиск взаимопонимания. М. Р. Валент, 1999. 192 с.
6. Marouzeau J. La Traduction // Cahiers de l'Association internationale des études françaises, 1956. – Numéro 1.
7. Pasternak Boris. Poems [Electronic resource]. Classic Poetry Series. The World's Poetry Archive. 2012. – Mode of access: URL:

УДК 811.133.2

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО СТРАХОВАНИЮ

Ю. Б. Выборнов,

*ассистент кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии, Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные аспекты перевода юридической документации, а акцент исследования направлен на алгоритм работы переводчика юридических текстов по теме: страхование. Во время написания данной статьи были использованы различные методы: описательно-аналитический метод, метод частичной выборки лексических единиц из словарей, метод сравнительного анализа. В рамках проведенного исследования были выявлены важные моменты на разных этапах работы переводчика.

Ключевые слова: юридический перевод, общее страхование, страхование жизни, медицинское страхование, перестрахование, практика перевода, правовой документ, корректный и адекватный перевод, менталитет страны, редактирование.

Summary. This article considers the main aspects of legal documents translation, and the focus of the research focuses on the algorithm of the translator of legal texts on the topic: insurance. The following methods such as a descriptive-analytical method, the partial sample lexical items from the dictionary, comparative analysis are used in this article. Different stages of the translator's work are identified as well.

Key words. Legal translation, general insurance, life assurance, medical insurance, reinsurance, practice of translation, legal document, correct and adequate translation, the mentality of the country, proofreading .

Каждый юридический документ имеет свои отличительные характеристики и непосредственно связан с менталитетом и культурой страны. Перевод текстов страховых документов обычно делают юристы, а так как договаривающиеся стороны по договору страхования несут юридическую ответственность, то подобные переводы представляют определенную трудность. Перевод подобных текстов и особенно качество зависят от подготовленности, профессионализма, опытности переводчика.

Договор страхования – это соглашение между страхователем и страховщиком, в соответствии с условиями которого страховщик обязуется компенсировать ущерб в той или иной форме либо выплатить страхователю определенную денежную сумму при наступлении предусмотренного

договором страхового случая. Страхователь по договору страхования обязуется выплатить страховщику страховую премию, выполнять ряд других обязанностей и соблюдать предусмотренные соглашением ограничения. Закон предусматривает письменную форму заключения договора. Несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора страхования, за исключением договора обязательного государственного страхования. Начинающие переводчики должны знать законы страхования и иметь фоновые знания о страховом рынке и о его особенностях.

К числу стран с наиболее развитой системой страхования относится Франция, страна с высоким уровнем культуры страхования и организационно-правовыми формами страховых компаний. Французский страховой рынок – один из крупнейших страховых секторов Европейского Союза. Интерес представляет и исторически сложившаяся система закрепленных во французском страховом кодексе (Code d'assurances) отраслей и способы распространения страховых продуктов. Франция предлагает свои примеры решения ряда проблем в страховом бизнесе. Как же организовано страховое дело во Франции? Рассмотрим классификацию французского страхового продукта. Обратимся к учебнику Национальной школы страхования Франции «Международное страховое дело» (“Manuel international de l'assurance, Paris, 2005”). Автор этой книги Жером Йетман – выпускник юридического факультета Парижского института политических исследований, а сейчас он работает в головном офисе директором международного отдела. Жером Йетман выделил несколько блоков. «Первый блок страхования – это “Общее страхование” (“assurances dommages”), в которое входит страхование имущества (assurances de choses) и страхование ответственности (“assurances de la responsabilité”). Страхование ответственности делится на страхование гражданской, профессиональной, личной и семейной ответственности. Вся отрасль “Общее страхование” подчиняется принципу возмещения ущерба, в соответствии с которым суммы, выплачиваемые страховщиком страхователю в результате наступления страхового случая, не должны превышать реального ущерба, понесенного страхователем. Второй блок – это “Личное страхование” (“assurances de personnes”). Сюда относятся страхование жизни (“assurances sur la vie”) и “индивидуальное страхование от несчастных случаев и медицинское страхование” (“assurances individuelle accidents et maladie”). “Личное страхование” подчиняется принципу возмещения ущерба на основании заранее твердо зафиксированной сумме» [2, с.50].

В Едином страховом кодексе представлены 25 отраслей страхования, которые охватывают практически все типы контрактов и страховых покрытий от медицинского страхования до коллективного страхования.

Французский страховой рынок характеризуется быстрым развитием страхования жизни, в частности контрактов по сохранению сбережений. Это происходит благодаря предоставленным налоговым льготам и в результате некоторых модификаций в области страхового законодательства, отвечающим усилиям страховщиков в совершенствовании условий контрактов и их доходности, а также за счет снижения издержек за счет снижения расходов на управление и маркетинг. «В течение последних лет структура страхового рынка Франции отмечена следующими моментами: – государство, начиная с 1987 года, приватизировало существующие национальные товарищества (MGF, UAP, AGF); – французские банки начали предоставлять различные виды страхования; и сегодня банки лидируют на страховом рынке Франции, продавая от своего имени весь спектр услуг по страхованию; – появились товариществ взаимного страхования, таких, как: «L'ancienne Mutuelle de Rouen» и «Groupe AXA», которые стремительно развиваются за счет выкупа предприятий во Франции и за рубежом; «AXA» выкупила «AGF», а после этого в 1996 г. объединилась с «UAP». В рамках французского страхового рынка активно развивается рынок перестрахования.

Основные перестраховщики:

- SCOR, Societe Commerciale de Reassurance;
- AXA Re, группы AXA;
- Sorema Mutuelles Agricoles;
- SAFR (акционерное общество по перестрахованию, купленное в 1997 г. фирмой Partner`s Re);
- CCR, Caisse Centrale de Reassurance – занимается в основном сельскохозяйственными рисками и природными катастрофами, но также заключает договора по перестрахованию» [2, с. 51-52].

Большую роль на рынке страхования Франции играют фирмы, занимающиеся страхованием жизни, использующие широкую сеть продавцов своих услуг, дополняя ее агентами и куртье (фр. courtier).

При переводе юридических текстов по страхованию языковые штампы нередко совпадают по содержанию, но отличаются по внутренней форме. Это связано с тем, что в современном русском языке меньше устоявшихся штампов, нежели во французском языке. Для того, чтобы максимально правильно перевести текст, сохранив при этом синтаксические и лексические конструкции подлинника, используется прием дословного перевода языковых клише. Для достижения максимально адекватного перевода и соблюдения контекстуальных соответствий, в процессе перевода юридических текстов необходимо использовать переводческие трансформации. Чаще всего транскрибирование, калькирование и транслитерацию, так как в текстах обычно много терминов и имен собственных. Часто используется антонимический перевод, а вот генерализация реже, поскольку документы требуют точности.

Непереводимые слова и сокращения транслитерируются. Необходимо сохранять оригинальную орфографию:

- сокращений названий марок авто, приборов и других изделий;
- слов, написанных не на языке оригинала;
- названий различных печатных изданий других стран.

В тексте перевода обычно переводятся:

- названия отделов учреждений и организаций;
- названия должностей, званий, титулов, ученых степеней;

В тексте перевода транскрибируются:

- иностранные фамилии, имена с учетом их традиционного написания;
- наименования иностранных фирм, компаний, акционерных обществ, корпораций, промышленных объединений, концернов и монополий;
- фирменные названия машин, приборов, веществ, изделий, материалов;
- адреса зарегистрированных офисов компаний.

Географические названия и специальные технические термины заменяются русскими эквивалентами. Мы страхуем автомобили, дома, другую собственность, а страховка при выезде за рубеж является обязательным атрибутом. Компании оформляют страховки для обеспечения торговой деятельности, они страхуют товары, грузы и оборудование. Говоря о видах страхования, можно выделить еще такие как добровольное и обязательное. На сегодняшний день переводы страховых документов очень востребованы. Чаще всего переводят страховые полисы и сертификаты, экспертные заключения страховые договора и документы для осуществления выплат. А еще тогда, когда страховой случай наступил за границей или же при заключении международных контрактов. Для оформления визы во Францию страховка нужна по умолчанию. Но даже если виза многократная, а поездка не первая, то необходимо иметь страховку при каждом путешествии. И в такой цивилизованной стране может случиться травма или другая неприятность, а медицинские услуги во Франции стоят дорого. Чтобы правильно передать содержание страхового договора, требуется переводчик – узкий специалист в области страхования со знанием терминологии данного направления. Чаще всего квалифицированный перевод страховых документов выполняет переводчик с лингвистическим и юридическим образованием или же имеющий большой опыт такого рода деятельности. Кроме опытных специалистов в сфере языковых переводов и юриспруденции часто требуются специалисты-медики.

В отдельных случаях страховые компании предлагают своим клиентам возместить расходы на лечение и медикаменты после возвращения на родину, а для этого нужно предоставить соответствующие документы. Такие документы как счета, квитанции и медицинские справки будут составлены на иностранном языке и подлежат переводу на русский

язык. Начинающий переводчик легко справится со счетами и квитанциями, но перевод медицинских заключений требует особого подхода, и доверить такую задачу нужно только опытному переводчику и лучше с медицинским образованием. Такой специалист должен точно передать содержание документа из лечебного учреждения другой страны, а любая ошибка или неточное толкование ведут к серьезным последствиям. Дополнительная сложность работы с подобными документами состоит еще и в том, что переводчик часто имеет дело с текстом, написанном от руки, а о почерке врачей знает весь мир. “Для осуществления перевода необходимо владеть достаточным набором лексических единиц, в том числе специальной терминологией в специальной области знаний, владеть грамматическими знаниями, техникой перевода, уметь эффективно пользоваться специальными словарями, глоссариями, справочниками по специальности и обладать определенными профессиональными знаниями, поскольку перевод требует глубокого понимания узкопрофессиональной тематики“ [1, с.163].

Во Франции нет опасных насекомых и животных, никаких прививок перед поездкой делать не нужно. Самые распространенные причины обращения к врачу среди туристов – это солнечные ожоги и удары и их последствия, а также желудочно-кишечные расстройства из-за незнакомой кухни и переедания. Тем, кто планирует пересечь страну на велосипеде, на лодке или выходить на пробежки, нужно оформить страховку для активного отдыха, так как базовая страховка не покроет расходы на лечение травмы, полученной при таком активном отдыхе. А тем, кто отправляется на горнолыжные курорты Франции, нужна страховка для горнолыжников.

Главной причиной необходимости перевода документов физических лиц является необходимость придания им юридической силы. При переводе страховых документов встречаются некоторые особенности, такие как: наличие специфической лексики и лексических шаблонов, а также особые формы построения предложений. Начинающие переводчики должны изучить специфические особенности перевода документов и учесть: предпочитаемый заказчиком перевод названий сторон, имен собственных, имен подписантов и всех упомянутых лиц в документах, предназначение и формат перевода. При переводе документов по страхованию необходимо учитывать особенности составления юридических текстов и придерживаться установленных правил их написания для конкретной страны, учитывая ее обычаи, культуру и менталитет. Важно сохранить насколько это возможно синтаксическую структуру оригинала текста. Сначала нужно определить типа документа и, только после этого, приступать к переводу. А завершающим этапом является редактирование и проверка однородности терминологии по всему тексту. Особенностью стиля является точное и четкое изложение материала при полном отсутствии эмоциональных элементов. Все положения, трактуемые в

оригинале, должны быть изложены в переводе. Ясность, сжатость и лаконичность языка перевода не должны отражаться на полноте передачи лексики оригинала. Переводчик должен учитывать то, что произвольное толкование смысла в юридических текстах практически исключено. Текст перевода должен соответствовать нормам литературного языка.

Список использованных источников

1. Ермоленко О. В. Языки профессиональной коммуникации: когнитивные аспекты перевода специальных текстов. // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II Международной научно-практической конференции, 26–28 апреля 2018 г. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 162–165.
2. Выборнов Ю.Б. Основные аспекты перевода юридическо- правовой документации // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 77-81.
3. Давтян М. А. Формирование денежно-кредитной системы ес и перспективы развития интеграционных связей с Россией. Режим доступа: [http://old.fa.ru/dep/vestnik/Documents/Vestnik3\(31\)-2004_2a.pdf](http://old.fa.ru/dep/vestnik/Documents/Vestnik3(31)-2004_2a.pdf)– (дата обращения: 20.02.2019).
4. Зеленцова М.Г., Козлова А.Т. Предтермины в англоязычном экономическом дискурсе: переводческий аспект // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 177-182.
5. Норец М.В., Норец Н.К. Сущность понятия «механизм» в современной экономике // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2018. – № 3 (44). – С. 131-134.
6. Yeatman J. Manuel international de l'assurance, Paris, 2005. 403 p.

УДК 81'255.2

«ВЕЧНАЯ ЖЕНА» К. Э. ДАФФИ: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД

Л. Н. Глухенькая,

*аспирант 1 года обучения кафедры русской и зарубежной литературы,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Е. К. Беспалова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье приводится пример современной англоязычной поэзии поэта-лауреата К. Э. Даффи и ее переводы, выполненные С. Г. Дубовицкой, И. Соколовым и Л. Н. Глухенькой. Цель исследования состоит в изучении особенностей перевода поэзии

К. Э. Даффи. Используемые методы: типологический, герменевтический, интертекстуальный, сопоставительный и метод символической интерпретации.

Ключевые слова: К. Э. Даффи, «Вечная жена», поэзия, перевод.

Summary. The article presents an example of modern English poetry by poet-laureate C. A. Duffy. The research is aimed at reflecting the features of translation of C. A. Duffy's poetry. Methods used are: hermeneutic, intertextual and the method of symbolic interpretation.

Key words: C. A. Duffy, The World's Wife, poetry, translation.

Начиная с 50-х гг. XX века литературная Британия пережила поэтический «бум». Спектр разрабатываемых тем охватывает ряд проблем, от государственного устройства (в социально-политической лирике Т. Харрисона, Дж. Фентона, С. Армитиджа и др.) до личностной самоидентификации человека в обществе потребления (в философской лирике Д. Патерсона, П. Леви, Дж. Хилла, М. Донахи, Э. Стивенсон). Особый интерес представляют британские поэты-лауреаты последних лет (Т. Хьюз, Э. Моушен, К. Э. Даффи). Наблюдается отказ от традиционных канонов поэтического творчества: создание стихотворений, написанных при помощи разговорного языка, полное или частичное отсутствие стихотворного размера, обилие графических средств выразительность, любовь к стилизации.

Цель нашего исследования состоит в изучении творчества К. Э. Даффи путем сравнения ее оригинальных поэтических произведений, вошедших в сборник «Вечная жена» (The World's Wife), с русскоязычными переводами, и выявлении переводческих проблем, возникающих при переводе поэзии К. Э. Даффи на русский язык.

Ярким представителем английской литературы второй половины XX века является Кэрол Энн Даффи, к отличительным особенностям поэзии которой относят отказ от рифмы и четкой структуры, обилие графических средств выразительности, аллюзий, высокий уровень стилизации. Автор обращается к античной мифологии, Священному писанию, другим произведениям с целью их переосмысления.

Наиболее известный сборник поэтессы – «Вечная жена», в котором в полной мере разработана теория «женского» взгляда. Лирические героини поэтессы – женщины, которые «оказались в тени своих мужей, так как политическая и культурная жизнь общества была ориентирована в первую очередь на мужчину» [3, с. 64]. Её «жены» – супруги известных государственных деятелей, ученых, писателей, мифологических и библейских персонажей и литературных героев (царей Ирода, Мидаса, Сизифа, древнегреческого баснописца Эзопа, английского натуралиста Дарвина, ветхозаветного судьи Самсона и др.).

В стихотворении «Энн Хэтауэй» (Anne Hathaway) главной героиней выступает вдова У. Шекспира. Женщина с любовью вспоминает время,

проведенное вместе с возлюбленным, и обещает вечно хранить воспоминания о муже. В центре стихотворения – ряд метафор, отображающих чувства женщины к возлюбленному. Уже в первых строках мы находим чувственный, проникновенный женский монолог: «The bed we loved in was a spinning world/ of forests, castles, torchlight, cliff-tops, seas/ where he would dive for pearls» [6, с. 53].

Авторский перевод выполнен с акцентом на временной фактор. Такие слова, как «дворец», «факел», «малахит», «гладь» ярко характеризуют эпоху, в которую жили Шекспир: «Наша постель была летящим в неизведанное вихрем миром,/ где леса малахит, дворцов убор, жар факела, гряда холмиста,/ гладь морей, нырни скорей – ждуг жемчуга на дне» [4, с. 135].

В переводе И. Соколова тоже сохранена метафоризация действительности: «Кровать, где он меня любил, была как ось земная:/ водили хоровод леса, холмы, светила, бездны,/ куда на ловлю жемчуга нырял любимый» [1].

Перевод С. Г. Дубовицкой оказался наиболее лаконичным, похожим на т.н. «подстрочник»: «Вмещало наше ложе целый мир,/ его леса, и скалы, и моря/ что жемчуга полны» [6, с. 53].

Поцелуи любимого женщина сравнивает со звездами: «My lover's words/ were shooting stars which fell to earth as kisses/ on these lips» [6, с. 52].

В первом переводе автор сохраняет метафору: «И лира/ звезд дождем с небес прольется и в поцелуе шелковистом/ контур алых уст сомкнется» [4, с. 135].

В переводе И. Соколова сравнение опущено, присутствует аллюзия на Библию: «Из рая/ его слова, как звёздный дождь, слетали, поэзия/ дышала мне в лицо» [1].

Следует также отметить, что слово «поэзия» отсутствует в оригинале, но в обоих переводах оно вынесено на первый план. Перевод С. Г. Дубовицкой и здесь отличается буквализмом, что не сказывается на адекватности перевода: «Его слова/ Срывались звездами и на уста мои ложились поцелуями» [6, с. 53].

Женщина у Даффи – это слабая рифма, имя существительное, мужчина – сильная рифма, глагол: «my body now a softer rhyme/ to his, now echo, assonance; his touch/ a verb dancing in the centre of a noun./ Some nights I dreamed he'd written me, the bed/ a page beneath his writer's hands. Romance/ and drama played by touch, by scent, by taste» [6, с. 52].

Эта метафора в точности сохранена в переводе И. Соколова: «Я становилась женской рифмой/ к его мужской, иль эхом, ассонансом; его ласки –/ глаголом, пляшущим посередине существительного./ Порой мне снилось, будто я его творенье, а кровать –/ огромный лист бумаги под его пером. Роман/ и драма, где герои – ласки, запах, вкус» [1].

В авторском переводе наблюдается прием сужения, ведущий скорее к вариациям на тему творчества и поэзии: «Вьется рифма между нас, издаст/ лишь эхо мой канцон – с твоим в созвучии поется он,/ глагол и имя вступят в пляс, его движение – мой указ./ Как часто снился мне тот сон, полож кровати – небосклон –/ раскинет тени, а постель – бумаги лист нагой. Поэма иль/ драма из-под руки выйдет творца – в союзе чувства рождена» [4, с. 135].

Кровать в спальне супругов автор сравнивает с листом бумаги. Поэма и драма, написанные пером возлюбленного, – это ответные чувства женщины. В переводе С. Г. Дубовицкой: «И тело мое служило просто женской рифмой/ к его, мужскому, эхом ассонансом. Его прикосновение –/ глаголом, врезающимся в имя существа./ Порой мне грезилось, он выдумал меня,/ страницей представлялось наше ложе,/ где драма с лирикой разыграны на ощупь, по запаху, на вкус» [6, с. 53].

В первом переводе переводчик останавливает выбор на родовом понятии «чувства», чтобы сохранить ритм стихотворения. Во втором и третьем переводах отмечается следование оригиналу при переводе видовых понятий: ласки (на ощупь), запах, вкус.

Обратим также внимание, что аллитерация «*My living laughing love*» [6, с. 52] сохранена только в авторском переводе: «Моя любовь, мой ласковый луч солнца» [4, с. 135]. В переводе И. Соколова: «О пламя буйное любви» [1]. В переводе С. Г. Дубовицкой: «Моя любовь, а я тебя храню» [6, с. 53].

Даффи – мастер аллюзий на известные поэтические формы. Вышеупомянутое стихотворение «Энн Хэтауэй», как и положено сонету, состоит из 14 строк. На удивление, автор не выбрала форму шекспировского сонета. Стихотворение имеет рифмовку во «французской» последовательности. В катренах рифма перекрестная, в терцетах – смежная.

Встречаются среди стихотворений Даффи и малые формы, такие как, например, трехстишие «Миссис Дарвин» (*Mrs Darwin*), являющееся образцом реализации немаловажного аспекта поэзии Даффи – ее шуточного, насмешливого настроения: «*Went to the Zoo./ I said to Him –/ Something about that Chimpanzee over there reminds me of you*» [6, с. 36].

В переводе С. Г. Дубовицкой: «Пошли в Зоопарк./ И ему заметила я: Что-то там в шимпанзе, почему – не пойму, так/ напомнило вдруг/ тебя» [6, с. 37]

В творчестве К. Э. Даффи важное место занимают интертекстуальные техники: цитирование, стилизация, заимствования, аллюзии, ирония.

Например, эпиграф к стихотворению «Сестра-близнец Элвиса Пресли» (*Elvis's Twin Sister*) содержит строчки из известной песни Пресли:

«*Are you lonesome tonight? Do you miss me tonight? Elvis is alive and she's female: Madonna*» [6, с. 14]. В переводе важно сохранить диалогическую связь. В переводе С. Г. Дубовицкой: «Тебе грустно в ночи? Ждешь меня ты в ночи? Элвис жив, он женского рода. Мадонна» [6, с. 15].

В авторском переводе: *Ты одна в эту ночь? Не хватает меня? Элвис – жива, он – Мадонна* (перевод мой – Л. Н.).

Займствованным можно назвать сюжет стихотворения «Жена Пилата» (Pilate's Wife), в основу которого положен суд Пилата над Христом. Отмечается не только аллюзия на библейский сюжет, но и обыгрывание его в женском ключе: «His face? Ugly. Talented./ He looked at me. I mean he looked at me. My God./ His eyes were eyes to die for» [6, с. 32].

В переводе С. Г. Дубовицкой: «Каким был лик его? Ужасен. Гениален./ Он на меня взглянул. Подумать только: на меня взглянул! О Боже!/ И этих глаз я не забуду ввек» [6, с. 33].

В переводе важно сохранить не только пафос, но также игру с выражением «looked at me». В авторском переводе это удается за счет игры синонимов «взглянуть» и «смотреть», переводчик выделяет последний курсивом: *А его лицо? Измучено. Одарено./ Он на меня взглянул. Он на меня смотрел. О Боже!/ За глаза эти можно в грудь сто стрел* (перевод мой – Л. Н.).

Кульминацией стихотворения становятся финальные строки: «Was he God? Of course not. Pilate believed he was» [6, с. 32]. В переводе С. Г. Дубовицкой сохранен кольцевой повтор: «А был ли Богом он? Конечно, нет. Хотя Пилат уверен – он был Богом» [6, с. 33]. В авторском переводе появляется рифма: *Господь он? Нет, разумеется! Пилат надеется* (перевод мой – Л. Н.).

Иногда в займствованных сюжетах появляются вымышленные персонажи. Как известно, в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» горбун Квазимодо не был женат, но в стихотворении «Жена Квазимодо» (Mrs Quasimodo) мы находим монолог его супруги: «We lived in the cathedral grounds./ The bellringer./ The hunchbacks wife./ (The Quasimodo's. Have you met them. Gross.)» [6, с. 62].

В переводе С. Г. Дубовицкой была предпринята попытка сохранить иронический тон лирической героини: «Мы жили в это время при соборе:/ горбун-звонарь,/ а с ним его жена./ (Знакомы вы с семейством Квазимодо? Уроды, прям иначе не сказать)» [6, с. 63].

В авторском переводе насмешка, в отличие от оригинала, относится только к самому Квазимодо: *Потом зажили мы в соборе./ Звонарь./ Супруга Горбуна./ (Ну Квазимодо. Встречать не довелось? Вот это лось!)* (перевод мой – Л. Н.).

Поэзия К. Э. Даффи представляет собой двойной код: массовый и элитарный. Достижение релятивизма происходит посредством полисемии, перестройки грамматических конструкций, гибридизации жанров и плюрализма стилей.

Продолжая исследовать стихотворение, где лирической героиней выступает сестра-близнец Элвиса Пресли, находим, что женщина является монахиней при монастыре. Здесь Даффи прибегает к двойному

кодированию посредством полисемичного слова «sister». Об этом мы узнаем уже из начальных строк: «In the convent, y'all/ I tend the gardens,/ watch things grow,/ pray for the immortal soul/ of rock 'n' roll/ They call me/ Sister Presley here» [6, с. 114].

Разговорный стиль важно сохранить при переводе, но в переводе С. Г. Дубовицкой речь главной героини нельзя назвать разговорной: «В монастыре же, хорошие вы мои,/ за садиком я хожу,/ наблюдаю за тем, как все там растет,/ и при этом неистово я молюсь/ за рок'н'ролла бессмертную душу./ Здесь зовут меня просто – Сестра Пресли» [6, с. 115].

В авторском переводе речь главной героини более схожа с оригиналом. Также появляется перекрестная рифма, которая есть и в оригинале: Эй, вы, в монастырь ушла,/ ухаживаю за садами,/ слежу, как рассада взошла,/ молюсь за душу бессмертную я/ рок-н-ролла короля/ Все меня зовут/ Сестра Пресли тут (перевод мой – Л. Н.).

В заключение можно сказать, что поэзия К. Э. Даффи – интеллектуальна, в ней множество аллюзий и реминисценций, в то время как темы, которые автор поднимает в своих произведениях, – актуальны. Это находит, как того и желает автор, отклик у читателя. С переводческой точки зрения, проблематика передачи реинтерпретированных художественных смыслов сводится к множественности интерпретаций. Можно говорить, что на практике процесс реинтерпретации художественных смыслов находит свое выражение через вторичную переводческую игру.

Список использованных источников

1. Соколов И. Стихи. Anne Hathaway // Энн Хэтэуэй [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2011-4/sokolov/> (дата обращения: 20.01.2019).
2. В двух измерениях: Современная британская поэзия в русских переводах / под ред. М. Я. Бородицкой, Г. М. Кружкова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 528 с.
3. Ганин В. Н. Жизнь, смерть и ненависть мисс Хэвишем (Ч. Диккенс «Большие надежды» и К. Э. Даффи «Хэвишем») // Филологическая регионалистика. 2012. – № 1 (7). С. 64–66.
4. Глухенькая Л. Переводы победителей конкурса молодых переводчиков / Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. – № 4 (12). С. 113–135.
5. Лукинова М.Ю., Глухенькая Л.Н. Игра перевода языковой игры (на материале детской поэзии к. Э. Даффи) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 337-342.
6. Даффи К. Э. Сборник стихов «Вечная жена». Двухязычный. Перевод на русский язык Дубовицкой С. Г. М.: Издательство «Перо», 2012. 134 с.

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

О. Н. Голубкова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается дидактический потенциал художественного перевода, который заключается в осознании переводчиком особенностей межъязыковой коммуникации, осуществляемой с учетом принципов гуманистической ценности, показана роль и ответственность переводчика, совершающего отбор средств языка перевода для воспроизведения художественно-эстетического смысла текста-оригинала. Рассматриваются аналитические и творческие составляющие художественного перевода, а также описаны особенности сопоставления оригиналов и переводов художественных произведений.

Ключевые слова: художественный перевод, профессиональная подготовка переводчиков, межъязыковая коммуникация.

Abstract. The article discusses the didactic potential of literary translation, which consists in the translator's understanding of the interlingual communication features carried out taking into account the principles of humanistic value, shows the role and responsibility of the translator making the selection of the translation language to reproduce the artistic and aesthetic meaning of the original text. Analytical and creative components of literary translation are considered, and also features of comparison of originals and translations of literary works are described.

Key words: literary translation, professional training of translators, interlingual communication.

Коммуникативная природа переводческой деятельности требует особых подходов к проектированию содержания переводческих образовательных программ и требует включения таких курсов и дисциплин, которые позволят будущим переводчикам освоить закономерности межъязыковой переводческой коммуникации.

Результативно-целевой основой переводческого образования является развитие личности переводчика как субъекта отечественной культуры, человека нравственного, готового отстаивать гуманистические ценности, способного на основе владения способами межъязыковой коммуникации осуществлять переводческие действия. [5] Показателем качества и состоятельности принятия переводческих решений в процессе переводческой деятельности являются интересы отечественной культуры.

Особую роль в подготовке переводчика играет художественный перевод как традиционная форма межлитературного взаимодействия,

обеспечивающего диалог культур. Следует отметить, что, с одной стороны, потребность в переводчиках художественной литературы ограничена, и этот вид перевода является делом самых подготовленных филологов, литературоведов и лингвистов, готовых проявить не только аналитические, но творческие способности, с другой стороны, художественный перевод широко применяется в переводческих программах, так как он обладает значительным обучающим потенциалом, что позволяет причислить художественный текст к важнейшим дидактическим материалам в подготовке будущих переводчиков. Художественные тексты используются для выполнения учебных переводов, что требует от обучающихся значительных усилий по проникновению в замысел автора.

Художественный перевод представляет собой форму межъязыковой и межлитературной коммуникации, которая осуществляется при передаче художественно-эстетической информации от автора произведения одного языка, к читателю, воспринимающему текст на языке перевода. Характеризуя текст художественного произведения, И. С. Алексеева относит его к типу примарно-эстетических, подчеркивая его художественно-эстетическую направленность [1, с. 266]. Коммуникативное задание переводчика такого текста – донести до читателя перевода художественно-эстетический смысл оригинала, его идейно-тематическое своеобразие средствами языка перевода. В этом возникают трудности, связанные с невозможностью воспроизвести все значимые смысловые особенности оригинала из-за несовпадения языкового строя, при этом возможности отбора и воспроизведения в переводе обязательных компонентов определяется решением переводчика и требуют осознания ответственности переводчика за свои действия.

Сопоставление текста художественного перевода с текстом оригинала является наукоемким предметом исследования для студентов-переводчиков, так как анализ текстового материала и установление степени эквивалентности исследуемой единицы перевода в обоих текстах дает значительный эмпирический и теоретический материал для поиска закономерностей, что впоследствии становится положительной программой использования при реализации переводческих действий и операций. Такое сопоставление предполагает изучение особенностей идиостиля писателя, определения комплекса доминирующих средств выразительности, выявляемых в ходе стилистического анализа с учетом их переводимости, то есть их потенциальной возможности воплощаться в соответствующую форму средствами языка перевода.

Идиостиль писателя всегда сопряжен со стилевыми особенностями литературного направления, к которому принадлежит изучаемый писатель. Это становится очевидным при обращении к фактам истории отечественного перевода. Например, отечественный перевод эпохи классицизма стремился к достижению «идеала», что выражалось в том, что

переводчики стремились дать несколько вариантов перевода в поисках лучшего, идеального [4; 6, с. 57]. Перевод периода романтизма характеризуется вниманием к воспроизведению духа народности, фольклорных элементов, символики цвета и света, синестезии [1, с. 317].

Важнейшее умение переводчика – находить богатый вариативный фонд для передачи того или иного явления оригинала, а затем принимать точное переводческое решение и выявлять только один возможный для данного текста способ перевода. Изучение стилистических особенностей переводов, выполненных профессионалами и высоко оцененные переводческой критикой, дает богатый материал для совершенствования умений студентов-будущих переводчиков анализировать текст, определять закономерности в отборе средств языка перевода, уровня их соответствия художественно-эстетической программе текста, и видеть последовательность переводческих действий.

Важно учитывать и направление перевода при выборе текстов оригиналов и их переводов, так как планируемые результаты сопоставления текста-оригинала на английском языке с его переводом на русский могут быть ориентированы на анализ путей адаптации текста к восприятию читателем на русском языке, на соответствие переводческих решений высоким традициям русской литературы. В случае работы с переводами произведений русской литературы на английский язык, например, рассказов А. П. Чехова, произведений Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина и др. интерес представляет анализ переводческих потерь при передаче средств художественной выразительности, лексико-грамматических особенностей текста.

Исторический экскурс в изучение традиций художественного перевода в отечественной литературе показывает, что на протяжении разных этапов его развития наблюдалась дискуссия о взаимодействии его аналитической и творческой составляющих, ставился вопрос о том, является ли перевод художественной литературы наукой или искусством. В случае рассмотрения художественного перевода как творческого процесса, нацеленного на получение результата в виде текста перевода, полученного эвристическими методами, то вопрос переводимости оказывается обусловленным поиском переводческого вдохновения. П. М. Топер, исследующий художественный перевод в системе сравнительного литературоведения, называет его творчеством, поясняя, что переводчик «заново творит произведение искусства» и «художественный перевод – это создание новых культурных ценностей и закономерности его лежат, в конечном счете, в сфере искусства» [6, с.30].

А. К. Латышев и А. Л. Семенов выделяют творческое и автоматическое начала в профессиональной деятельности переводчика, причем под «творческим» они понимают умения вырабатывать нестандартные решения, а под автоматическим – умения эффективно

применять имеющиеся переводческие соответствия. [3, с. 153] Тренировка таких умений оказывается действенной на материале художественного перевода, так как смысловая насыщенность текста обуславливает возможность выработки неожиданных и эффективных переводческих действий.

Сочетание аналитической и творческой составляющих переводческого труда сопряжены с этапами осуществления переводческого процесса, включающего в себя изучение текста-оригинала и создание текста-перевода, где аналитическая составляющая относится к этапу восприятия текста-оригинала, а творческая – к этапу создания речевого произведения на языке перевода [2].

Художественная литература имеет значительный развивающий и воспитательный потенциал, если изучаемые произведения и их переводы тщательно отобраны, предъявляются в дидактически обусловленной последовательности, а для анализа выбираются только релевантные для данного текста содержательные и языковые параметры, что позволяет совершенствовать знания языка исходного текста и языка перевода, а также навыки перекодирования, необходимые для осуществления профессиональной межъязыковой коммуникации.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Голубкова О. Н. Моделирование процесса перевода как средство интеллектуализации переводческой деятельности [Электронный ресурс] // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2015. – <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-protsesssa-perevoda-kak-sredstvo-intellektualizatsii-perevodcheskoy-deyatelnosti> (дата обращения 4.08.2019)
3. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
4. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория перевода в России. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
5. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.
6. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.

СТРУКТУРНАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВЫПОЛНЕННЫХ СПРАВОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В. В. Гончарова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка
и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. Цель работы – характеристика структурных и текстовых особенностей виртуальных справок социально-гуманитарной тематики, выполненных с использованием отечественных лексикографических информационных ресурсов. Базой исследования послужили архивы выполненных справок библиотек разного типа Российской Федерации.

Ключевые слова: лексикография, выполненная справка, справочно-библиографическое обслуживание.

Summary. The aim of the work is to characterize the structural and textual features of virtual references of social and humanitarian subjects, made using Russian lexicographic information resources. The study was based on the archives of references of libraries of different types of the Russian Federation.

Key words: lexicography, made reference, reference bibliographic service.

Специалистами были разработаны как традиционные, так и web-формы запросов. Одна из первых отечественных web-форм была предложена Е. Д. Жабко для тематического запроса [5, с. 380]. В ходе данного исследования были проанализированы 39 web-форм выполненных справок лексикографического профиля [3]. Кроме того, решались задачи прикладного характера:

- разработка типового формата справки;
- анализ различий в компонентах оформления и содержательной части справок;
- нормализация сведений в справках.

В каждой библиотеке разрабатывается свой шаблон ответа, выполненной справки, что является не только представительским лицом библиотеки, показателем культуры межличностного и делового общения, но и официальным документом и, соответственно, должно подлежать требованиям отечественного делопроизводства.

Компоненты данных в структуре выполненной справки лексикографической направленности:

1. Порядковый номер.
2. Дата поступления запроса.
3. Дата ответа.
4. Данные о пользователе:
 - имя,
 - населенный пункт.

5. Формулировка запроса потребителем:
 - виды формулировок запроса: краткая и полная.
6. Цель запроса.
7. Отрасль знания.
8. Ключевые слова.
9. Рубрики каталога, тематического рубрикатора.
10. Содержательная часть справки.
11. Оценка ответа и комментарии пользователя для библиографа.
12. Возможность распечатать.
13. Постоянная ссылка на запрос.

Перечисленные компоненты сопровождают справку в большем числе ВСС. Это позволяет проследить в архивах динамику спроса на лексикографическую информацию с учетом региона проживания пользователей, целей запроса (кроме ВСС, работающих в режиме форумов) [4].

Основное внимание уделялось в ходе исследования содержательной части справок. Выявлены многие новые компоненты, в сравнении с классическими формами библиографической продукции:

1. Приветствие.
2. Текстовая часть справки с рекомендациями.
3. Использованные источники для поиска нужной информации с шифрами хранения изданий в библиотеке.
4. Наименование отдела библиотеки.
5. Аннотации к рекомендуемым источникам.
6. Ссылки на выполненные справки.
7. Методические рекомендации для самостоятельного поиска пользователю.
8. Аргументированная причина справки с отрицательным ответом.
9. Сведения об использовании дополнительных платных услуг.
10. Сведения об использовании внешних информационных ресурсов на платной основе.
11. Заключительная форма вежливости.
12. Сведения об исполнителе.

Позитивно отмечается общая тенденция в массиве справок: мягкое, эмоционально насыщенное отношение к пользователю отмечается многими элементами справки – в приветствии (в 29 библиотеках), в обращении к пользователю по имени, в наличии индивидуализированных по запросу оценочных аннотациях, в неформализованных рекомендациях, пришедших на смену сухому перечню источников. Этот перечень хорошо дополняется разными, но теплыми вариантами заключительной фразы: «Всего доброго!», «Успехов!», «Желаем удачи!», «Ждем Вас в библиотеке.», «Успешных поисков!»

Достаточно сильные факторы (внешние «конкуренты» библиотек, позитивный опыт интернет-сервисов, открытая форма общения) позволили преодолеть коммуникативный порог строгим библиографам.

Примечательно, что в рамках одной виртуальной справочной службы только один из её отделов употребляет в справках заключение фразы в вежливой форме (Информационный центр международного сотрудничества Сахалинской областной универсальной научной библиотеки).

Личностное начало в текстах справки, иногда даже с элементами юмора, особенно важно и для молодых, и для взрослых пользователей ВСС, порождая доброжелательные отношения и настрой на дальнейшее общение. В запросах также нередко эмоционально окрашенные просьбы: «Кроме Вас уж не знаю к кому обратиться. Помогите, пожалуйста!». У библиотек существует кредит доверия среди пользователей, который важно оправдывать.

Безусловно, библиографы должны иметь представление о правилах деловой переписки и использовать их на практике. В их арсенале есть и особые ресурсы лингвистики – учебные пособия по деловой переписке и основам русской деловой речи, словари деловой переписки и т.д.

Следовательно, виртуальная справка сегодня – это отражение не только персонализированных знаний библиографа, но и его такта, эрудиции и авторско-стилистических особенностей.

Интернет-ресурсы по теме приводятся пока не часто (в справках 5 ВСС). В основном это электронные ресурсы библиотеки – электронный каталог, полнотекстовые БД, тематические сайты, путеводители по ресурсам Интернета и др.

Книжные шифры, аннотации на статьи из журналов, ссылки на уже выполненные справки по теме включают от 14 до 7 библиотек. Методические рекомендации для самостоятельного поиска нужной информации пользователю предлагают 8 библиотек. В основном они касаются электронного каталога библиотеки.

Наиболее сложной для формулировки является аргументация отрицательного ответа пользователю, неполного ответа, либо передача перечня труднодоступных публикаций вместо ожидаемого пользователем конкретного ответа в виде фактографической или аналитической справки. В этих случаях применяются следующие доводы: для просмотра текстов нужно заказывать издания из хранилища; ограниченные кадровые ресурсы; действующие по Положению данной ВСС различные ограничители (например, определение только одного термина по запросу).

Чаще библиографы, указывая ограничители в справке, все же осуществляют поиск ответа в текстах с фразой «в качестве исключения». Такое положение понятно: любые новации в библиотеке осуществляются без увеличения штата. Дополнительно не финансируются даже масштабные

проекты библиотек. Сведения об использовании дополнительных платных услуг привели лишь три библиотеки.

Данные об исполнителе виртуальной справки даются, чаще всего персональные: ФИО, должность, отдел, либо просто – библиограф Ирина (в 10 службах). Иногда указывается только подразделение – Информационно-библиографический отдел. Подробные примеры приведены в «Корпусе виртуальных выполненных справок лексикографической направленности» [2].

Основной текст выполненной справки лексикографической направленности представлен в трех вариантах:

1. Тематический библиографический список источников;
2. Обзорный текст;
3. Комбинированный текст справки (схема 1).

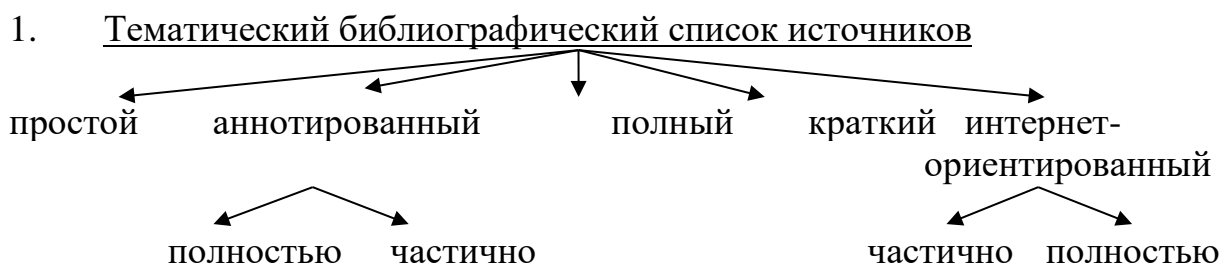
Обзорный текст представлен в следующих вариантах: авторский текст, написанный библиографом без ссылок на источник информации; с одной или многими ссылками на русскоязычные работы либо с включением зарубежных работ в разном сочетании по видам лексикографических источников (книги, статьи, сайты).

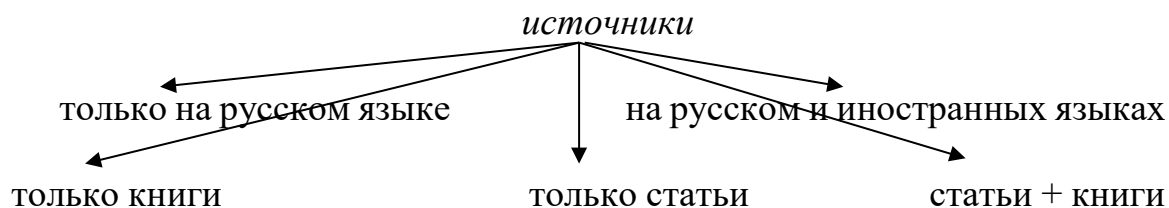
Все чаще в справках последних лет пользователю предлагается аналитический вариант текстовой части справки в соответствии с классическими требованиями к обзорно-аналитическим справкам: авторский обзорный текст + ссылки на источники + комментарии библиографа с рекомендациями. Справки представлены тематической рекомендацией библиографа (уточнением темы запроса пользователя – сужение/расширение тематических границ предмета изучения) либо лексикографической рекомендацией для осуществления самостоятельного лексикографического поиска.

Комбинированный текст справки может быть обозначен как «дефиниционно-библиографический», включающий определения понятий со ссылками на лексикографические источники [1].

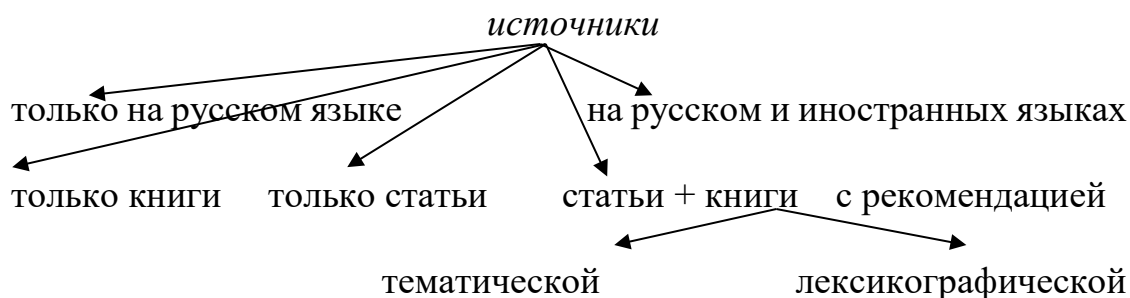
Схема 1

Структурное разнообразие выполненных справок лексикографического характера

2. Обзорный текст

Таким образом, типовой формат виртуальной справки еще не сложился, как и web-формы запросов. Особое внимание разработке форматов общения с пользователями пока уделяют лишь корпоративные службы и коммерческие информационные фирмы.

Для содержательной части справок пока сохраняется неравноценное отношение к печатным и электронным лексикографическим ресурсам. Безусловно, что этот разрыв нужно преодолевать, особенно для удаленных пользователей ВСС. Отмечен также приоритет какой-либо одной разновидности изданий в справках отдельных ВСС: только печатные издания, только издания из собственного фонда, только статьи из периодических изданий, только ссылки на поисковые системы. В отдельных справках очевидно необоснованное сужение круга источников информации.

Список использованных источников

1. Гончарова В. В. Виртуальная выполненная справка лексикографической направленности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7-3 (61). – С. 80–82.
2. Гончарова В. В. Корпус виртуальных выполненных справок лексикографической направленности : справ. пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 260 с.
3. Гончарова В. В. Лексикографические информационные ресурсы в виртуальной среде. СПб. : Изд-во СПбГЭУ. 2018. 263 с.
4. Гончарова В. В. Результаты анализа структуры запросов в виртуальные справочные службы библиотек: на материале архивов выполненных

справок // Труды Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2015. – Т. 211. С. 70–76.

5. Жабко Е. Д. Справочно-библиографическое обслуживание в электронной среде: теория и практика: монография. СПб.: Изд-во РНБ, 2006. 388 с.

УДК 82.035=111

В ПОИСКАХ ИДЕАЛА: ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Е. Б. Гришаева,

доктор филологических наук, профессор кафедры делового иностранного языка, Институт экономики, управления и природопользования, Сибирский федеральный университет, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одного из центральных феноменов переводческого процесса, а именно, достижению эквивалентности. В основу теоретического изучения положен этно- и социокультурный подход, с помощью которого раскрывается суть интегративной модели перевода как интерлингвальной повторной конкретизации значения. Многовекторная направленность деятельности переводчика с учетом прагмалингвистического, социокультурного и субъективно-индивидуального векторов анализа обосновывает его посредническую роль в достижении эквивалентных семантических, синтаксических и идейно-понятийных смыслов в процессе перевода с языка оригинала на язык перевода.

Ключевые слова: эквивалентность, теория перевода, функциональная лингвистика, интерлингвальная повторная конкретизация значения.

Summary. The paper deals with a focal issue of the process of translation through the lens of the rhetoric-ethnographic approach. Equivalence is considered one of the marks of the high quality translated text into a target language. The study questions where the equivalence stems from and elucidates the process of translation as interlingual re-instantiation via pragmalinguistic, sociocultural and individual analyses. In order to transfer the force of the source text in the way it was originally intended, the translator should convey the same pragmatic force in the target language to attain semantic, syntactical and ideational meanings.

Key words: equivalence, theory of translation, functional linguistics, interlingual re-instantiation.

Для практикующего переводчика феномен эквивалентности был и остается центральной темой. Оценивая качество выполненного перевода, приходится опираться на определенный набор критериев, который, по сути, заложен в основу принципов перевода.

Говоря о теории перевода, приходится констатировать, что она отстает от переводческой практики. В подавляющем большинстве теории перевода ориентируются на конечный продукт, тот текст, который получается в результате перевода. Иными словами, теории ограничиваются критериями или принципами, которыми оперируют при оценке эффективности перевода. В то время, как сам процесс перевода, как правило, не подвергается теоретическому осмыслению.

Перевод как интерлингвальная и межкультурная деятельность не может быть понят без привлечения данных и методов широкого спектра дисциплинарных областей знания, как-то лингвистики, психологии, социологии, литературоведения, семиотики, культурной антропологии, теории коммуникации, информатики и эстетики [1, с. 18].

В свое время Найда отмечал, что «пальма первенства» принадлежит филологии, лингвистике и семиотике [2, с. 157]. Изучая природу языка, лингвистика имеет разные векторы своего развития. Так, Halliday and Matthiessen дифференцировали лингвистику по двум основным направлениям [3]. Во-первых, они выделяли лингвистику, опирающуюся на логику и философию. В этом случае язык рассматривается как набор правил. Во-вторых, лингвистика, ориентированная на риторiku и этнографию, рассматривающая язык как ресурс, также имеет право на существование. Как видим, эти векторы различаются между собой по *степени трактования значения*. Логико-философский подход является трансцендентным – значение формируется за пределами языка, в то время как во втором случае значение выступает имманентной сущностью языка. Кроме того, указанные направления различаются по так называемым «квантам» значения, а именно, в первом случае основной семантической единицей выступает предложение, тогда как во втором случае – текст, поскольку язык функционирует в контексте. Наконец, заявленные подходы разнятся метафункциональным объемом своих семантических моделей. В первом случае логико-философский подход сводится к мыслительной функции; при этом значение тесно связано с представлением, отсылками, денотацией и, в конечном итоге, расширением значения. Во втором случае метафункциональный объем состоит не только из мыслительной функции, но и межличностной и текстообразующей; значение при этом тесно связано с контекстом и риторикой.

В качестве *цели* данной статьи выступает изучение эквивалентности в рамках общетеоретического риторико-этнографического подходов и, как следствие, объяснение процесса перевода и субъективной позиции переводчика с точки зрения функциональной лингвистики. Для достижения указанной цели необходимо найти ответы на следующие вопросы: 1) что лежит в основе эквивалентности? 2) если перевод определяется как интерлингвальная (межъязыковая) повторная конкретизация значения,

какую информацию приходится перерабатывать переводчику с целью достижения максимальной эквивалентности?

Существующие теории перевода ориентированы на конечный продукт перевода, т.е. создание текста на языке перевода. При этом основное внимание уделяется критериям и принципам перевода. Для китайской переводческой традиции, например, характерно следование трем переводческим принципам, а именно: *верности, гладкости и элегантности*, которые были заложены Яном (Yan) в 1896 г. в предисловии к переводу на китайский язык труда Т.Н. Huxley “Evolution and Ethics” [4]. Современник Яна, Ма Jian Zhong, также занимался изучением свойств идеального перевода и предложил впоследствии учредить институт перевода [5]. Исследователь уделял первостепенное значение пониманию переводчиком исходного текста и безупречному владению им двумя языками. Он также отмечал, что «с целью достижения читателями необходимого эффекта от прочитанного на языке перевода переведенный текст должен быть эквивалентным оригинальному тексту, не содержать добавлений или опущений. Только в этом случае перевод может считаться верным и идеальным» [5, с. 2].

Любопытным будет заметить, что впервые термин «эквивалентность» был введен в научный обиход Найдой, который писал: «Об адекватности перевода традиционно судят по тому, насколько точно соответствуют друг другу лексикон и грамматика исходного и переводного языков. Такое соответствие часто определяется термином «эквивалентность», даже если последний не всегда употребляется. Существует, однако, серьезная проблема, всякий раз возникающая, когда речь заходит об адекватности переводного текста, его лексических и грамматических свойствах или даже синтаксических структурах. *Перевод означает коммуникацию*; этот процесс зависит от того, что получают люди, которые слышат или читают перевод. <...> Важно, в каком объеме реципиент понимает и оценивает переводной текст. Соответственно, особо важным является, чтобы функциональная эквивалентность утверждалась бы в терминах сравнения степени понимания и оценки оригинального текста носителями языка с соответствующей степенью понимания и оценки переводного текста» [Op. cit., p. 116].

Исходя из приведенной цитаты, можно заключить, что понимание эквивалентности Найдой также ориентировано на конечный продукт, на переводной текст. По справедливому замечанию Zhong Yang, подобная трактовка эквивалентности сводится к перлокуции, т.е. речевому воздействию на читателя, несмотря на то, что эквивалентность может пониматься по-другому, например, как разное измерение языка и текста либо как некое отклонение [1, с. 20].

Подобная точка зрения высказывалась Venuti: «<...> достижение эквивалентности, когда перевод может производить на читателей тот же

эффект, что и текст на иностранном языке на иностранного читателя, невозможно: поскольку такой перевод игнорирует многочисленные контекстуальные потери, которые возникают при переводе» [6, с. 159].

Сходной точки зрения придерживается Nisckey, говоря, что переводчику доступно произвести на читателя лишь потенциальный эффект. Ему предпочтителен более осторожный термин «перлокуционная аналогия», под которой подразумевается, что «переводной текст способен производить «аналоговые» перлокуционные эффекты на своих читателей. Использование прилагательного «аналоговый», а не «подобный» / «эквивалентный», обусловлено фактом, что не все читатели исходного текста и не все контексты одинаковы, равно как и не все читатели переводного текста одинаково воспринимают прочитанное на переводном языке [1, с. 20].

Halliday отмечал, по крайней мере, что существует шесть измерений эквивалентности: мета функция, стратификация, подтверждение примерами, степень, чувствительность и центричность. Переводчики, при этом, знают из собственного опыта, что перечисленные свойства эквивалентности зачастую конфликтуют с потребностями перевода [7, с. 17].

Matthiessen полагает, что эквивалентность при переводе и переводческие сдвиги являются двумя противоположными полюсами в континууме неограниченного количества различий между исходным и переводным языками, от максимальной конгруэнтности до максимальной не конгруэнтности между ними. При этом исследователь пишет «о принципе контекстуализации: чем шире пространство перевода, тем выше степень переводческой эквивалентности; чем уже переводческое пространство, тем выше степень переводческих сдвигов» [8, с. 78].

Итак, несмотря на то, что эквивалентность рассматривается в качестве идеального свойства переводного текста, ее достижение зависит от глубокого понимания переводческого процесса, от того, как исходный текст интерпретируется переводчиком, и как восстанавливается его значение в переводном тексте. Поскольку перевод представляет собой межкультурную коммуникацию посредством языка и текста, крайне важно, чтобы переводчик понимал взаимоотношения между языком и культурным контекстом, а также между текстом и ситуативным контекстом. С недавнего времени на эти отношения пролили свет ученые, работающие в сфере системной функциональной лингвистики, рассматривающей язык как многомерную и многоуровневую систему, как источник для формирования значения. Контекстуально обусловленная коммуникативная цель говорящего / слушающего реализуется дискурсивной семантикой через лексику, грамматику, фонологию и графологию.

В системной функциональной лингвистике термин «повторная конкретизация значения» (*instantiation*, по версии Matthiessen) обозначает

континуум постепенных переходов, связывающих язык как систему и текст как реализацию языка в его употреблении. Язык как система получает развитие в контексте культуры, в то время как текст генерируется в ситуативном контексте.

De Souza предложил системно-функциональную модель перевода с помощью которой перевод рассматривается как интерлингвальная повторная конкретизация значения – «процесс, посредством которого один конкретный пример истолковывает потенциальное значение данного примера из языка-источника» [9, с. 109]. Благодаря функциональному подходу процесс перевода может быть рассмотрен следующим образом.

1. Перевод создается из потенциальных смысловых значений, которые существуют в языке перевода в соответствии с дискурсивным контекстом языка-источника. Действия переводчика обусловлены системой переводного языка и актуализацией смысла в контексте языка оригинала.

2. Так как текст генерируется в ситуативном контексте, перевод как интерлингвальная повторная конкретизация значения неизменно требует повторной контекстуализации языка перевода. Другими словами, переводчик должен быть уверен, что язык перевода соответствует по жанровым характеристикам языку оригинала.

3. Для достижения максимальной эквивалентности переводчику необходимо понимать разницу между системами двух языков и контекстами обеих культур.

4. От переводчика требуется понимание прочитанного на языке оригинала и безупречное владение языком перевода. Иными словами, основной фазой перевода выступают логические выводы и реконструкция смысла.

Закодированная информация на языке оригинала обладает дискурсивным значением. В результате тщательного прочтения и расшифровки переводчику удастся передать его средствами переводного языка. На подсознательном уровне переводчик, выступая медиатором, владеет языком оригинала и знает соответствующую культуру, а также понимает, как ситуативный контекст порождения дискурса на языке-источнике, так и ситуативный контекст, в рамках которого оформляется речь на языке перевода. Поскольку оба языка задействованы равным образом в процессе перевода, знание всех перечисленных компонентов на подсознательном уровне способствует достижению конечной цели перевода. Представленная интегративная модель перевода отражает сложность переводческого процесса как интерлингвальной повторной конкретизации значения, в основе которой лежит безупречное владение переводчиком двух языков.

Список использованных источников

1. Yang Z. 2015. "Subjectivity in translation as interlingual re-instantiation". *Journal of World Languages*, Vol. 2, № 1, P. 18-31.

<http://dx.doi.org/10.1080/21698252.2015.1010249>

2. Nida E. A. 1993. Language, Culture, and Translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
3. Halliday M. A. K, and C. M. I. M. Matiesen. 1999. Construing Experience through Meaning: A Language-Based Approach to Cognition. London: Cassell.
4. Yan F. 1896. "Preface to Tian Yan Lun". In A Collection of Translation Studies, China Translators Association 1984. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.
5. Ma J. Z. 1894. "A Proposal to Establish the Institute of Translation". In A Collection of Translation Studies, China Translators Association 1984. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.
6. Venuti L. 2009. "Translation, Intertextuality, Interpretation". Romance Studies 27 (3): 157-173. Doi: 10.1179/174581509X455169.
7. Halliday M. A. K. 2009. "The Glossy Ganoderma: Systematic Functional Linguistics and Translation". Chinese Translators Journal 1: 17-26.
8. Matiesen C. M. I. M. 2001. "The Environments of Translation". In Exploring Translation and Multilingual Texts Production: Beyond Context, edited by E. Steiner and C. Yallop, 41-124. Berlin: Mouton de Gruyter.
9. de Souza L. M. F. 2010. «Interlingual Re-instantiation: A Model for a New and Comprehensive Systematic Functional Perspective on Translation». PhD diss. Universidade Federal de Santa Catarina and University of Sydney.

УДК 811.12

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПРОЗЕ С. МОЭМА

В. В. Гузикова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург*

Аннотация. Статья рассматривает типы фразеологизмов, используемые в художественных текстах, в частности в произведениях С. Моэма, в качестве средства создания национального характера персонажей. С учетом лингвокультурологического анализа выявляются способы воплощения элементов культуры в содержании фразеологизмов и идиом, а также определения смысла их культурно-национальных коннотаций, благодаря которым фразеологические единицы в процессе их употребления воспроизводят характерологические черты народного менталитета. В заключении делается вывод о том, что в художественных текстах данного автора встречаются фразеологизмы различной стилиевой окраски, при этом преобладающую роль играют разговорные ФЕ, которые вносят в речь оттенок непринужденности, колорита, придают тексту более яркую эмоциональную окраску. Во многих случаях они являются характеристикой

персонажей и эффективным средством выражения человеческих эмоций и чувств.

Ключевые слова: фразеологическая единица, национальный характер, проза, лингвокультурологический анализ, просторечие, калькирование, полный эквивалент, аналог.

Summary. The article considers the types of phraseological units used in literary texts, in particular in the works of S. Maugham, as a means of creating a national character. Taking into account the linguistic and cultural analysis the ways of the embodiment of elements of culture in the content of phraseological units and idioms are revealed, as well as the determination of sense of their cultural and national connotations, thanks to which phraseological units in the process of their use reproduce the characteristic features of the national mentality. In conclusion, it is said that in the literary texts of this author there are phraseological units of different stylistic coloring, while the predominant role is played by colloquial phraseological units, which give the text a shade of ease, a brighter emotional coloring. In many cases they are considered to be a characteristic of the characters and an effective means of expressing human emotions and feelings.

Key words: phraseological unit, national character, prose, linguistic and cultural analysis, colloquialism, loan translation, full equivalent, analogue.

The problems of comparative phraseology attracted the attention of many linguists and was reflected in the works of such scientists as N. N. Amosova (1963), E. F. Arsenyeva (2006), Arkhangelsky V. L. (1964), A. M. Babkin (1970), L. K. Bayramova (1982), V. V. Vinogradov (1947), V. P. Zhukov (1986), A. V. Kunin (1972), V. M. Mokienko (1990), A. I. Molotkov (1977), A. G. Nazaryan (1974), R. N. Popov (1976), L. I., Roizenon (1973), A. I. Smirnitsky (1954), V. N. Telia (1996), I. I. Chernysheva (1970), N.M. Shansky (1985), D. N. Shmelev (1970), A. P. Cowie (2001), A. Naciscione (2001), I. G. Rey (2002) and many more.

The definition of the object of phraseology intersects with the problems of the classification of phraseological units. It should be noted that phraseological units are classified taking into account the peculiarities of their use (Shansky, 1985); taking into account the characteristics of origin (Kopylenko, Popova, 1978); given the correlation of phraseological units with certain parts of speech (Zhukov, 1986; Shansky, 1985; Arsenyeva, 2006); taking into account the semantic labeling (Zhukov, 1986); the composition of phraseological units is differentiated in terms of temporal characteristics by A.I. Molotkov (1977); V.N. Telia (1996) classifies phraseological units based on the linguo-culturological principle of describing idioms (the nominative and ideographic classification).

In addition, in modern science there are several variants of classifications of phraseological units (PUs) in terms of their stylistic coloring. Most linguists distinguish three classes of phraseological units, depending on the predominant sphere of their use: book, colloquial and neutral. Book PUs are defined as PUs,

primarily or exclusively used in a written language, namely, in the poetic, journalistic, scientific, official business areas of communication, etc. Units are referred to colloquial idioms, mostly or exclusively used in oral speech; such phraseological units in explanatory and bilingual dictionaries are highlighted with special marks: 'colloquial', 'vulgar', 'abusive', 'scornful', 'rough and colloquial', 'slangy', etc. Neutral or inter-style phraseological units are considered as phraseological units used in all styles of the language [1, c. 46].

Among the phraseological units, some scholars distinguish a layer of colloquial units (N.M. Shansky, A.I. Molotkov). It should be emphasized that the concept of lexical colloquialisms in the English linguistic science differs ambiguously (I.V. Arnold, S.S. Berkner, A.N. Morokhovsky).

The question of how to study idiomatic phraseology with its inherent cultural and national features in the composition of verbal and artistic creativity is complex. In literary works speech is significantly different from both scientific and everyday one and serves to implement a certain emotional and artistic impact. The speech of literary characters is, as a rule, stylized and is characterized by a special selection of words and expressions which, in turn, are means of the art image of a character of the literary work. It is known that a stylization assumes an imitation a manner or a style of the speech typical for this social environment or an era. As V.V. Vinogradov (1971) pointed out, "fiction gives an esthetically transformed reflection and reproduction of the 'speech life' of the people according to the socially determined esthetic and ideological directions and methods of creativity dominating in it during this period" [2, c. 156].

The English literature, in particular S. Maugham's prose, is one of the most influential and significant in the world. Within the framework of linguistic and cultural analysis the methods of the embodiment of elements of culture in the content of phraseological units and idioms and phraseological combinations (based on the artistic texts by S. Maugham), as well as the definition of the meaning of their cultural and national connotations, through which phraseological units in their use reproduce the characteristic features of the national mentality, are revealed.

In one of his essays, G. K. Chesterton wrote about the English national character: "The English character is like the sea – apparently imperturbable and even. These depths and the colors are the English romanticism and the English sensitiveness – we do not expect to find such things, but they exist. And – to continue my metaphor – the fish are the English emotions, which are always trying to get up to the surface, but don't quite know how. For the most part we see them moving far below, distorted and obscure. And occasionally we see that beautiful creature the flying fish, which rises out of the water altogether into the air and the sunlight. English literature is a flying fish. It is a sample of the life that goes on day after day beneath the surface; it is a proof that beauty and emotion exist in the salt, inhospitable sea" [6, p. 242].

In S. Maugham's prose the following phraseological units (PUs) which serve as a characteristic of the characters are found: 1) book phraseological units: *a chink in smb.'s armor* is someone's weak, vulnerable spot, an Achilles' heel, etc.; 2) colloquial phraseological units which are used mainly in styles of informal conversation: *box smb.'s ear(s)* – to give someone a slap in the face, etc.; 3) commonly used, or inter-style phraseological units: *at second hand* – at second hand, etc.

By expressive emotional tones, i.e., by the nature of the speaker's attitude to the called phenomenon, all phraseological units are also divided into three groups: 1) phraseological units expressing a positive assessment: *a tower of strength* – a reliable support, a person you can rely on; *an angel of light* – a dear person, beloved by all; and others; 2) idioms expressing a negative assessment: *the hub of the Universe* – (humorous) the center of the universe, the navel of the Earth; *with one's tail between one's legs* – humiliated, chickened out, coward, tucked tail, like a beaten dog, etc.; 3) idioms devoid of emotionally expressive shades: *all and sundry* – everything in a row, all to one; *on smb.'s account* – for smb., because of; etc.

Here are some examples of translation of PUs into Russian in the works of S. Maugham.

“Poor lamb, he must be *as poor as a church mouse*” (‘Theatre’). – «Ах ты, ягненок! Видно, **беден как церковная мышь**» («Театр», пер. Г. Островской). The PU ‘*as poor as a church mouse*’ (беден как церковная мышь (или крыса) [4, с. 11] is translated into Russian with the help of a full phraseological equivalent.

The translation by means of partial equivalents is presented in the following examples: “All the same *she kept her eyes open*, and if she noticed that any woman had predatory intentions on Charles she took care to queer her pitch” («Theatre»). (*keep one's eyes open* – смотреть в оба, держать ухо востро). 2) ‘He abandoned you when you were crippled’, Maria Perez went on, ‘and now that you are a celebrity and the whole city is talking about you he comes running back *with his tail between his legs*’ (S. Maugham, ‘Catalina’, Ch. 22). – «Он оставил тебя, когда с тобой случилось несчастье, – продолжала Мария, – а как только ты стала знаменитостью, о тебе заговорил весь город, сразу прибежал, **поджав хвост**» (пер. В. Вебера) [5, с. 122].

In the following example, the Russian translator used a phraseological analogue for the adequate translation of *as dead as mutton* (разг. утративший силу, отживший свой век [4]). “Mr. Crabbe was *as dead as mutton*, but Mr. Crabbe continued to write moral stories in rhymed couplets” (S. Maugham, ‘The Moon and Sixpence’, Ch. II). – «Мистер Крэбб **безнадежно отстал от жизни**, но Мистер Крэбб все же продолжал писать нравоучительные истории рифмованными двустишиями» (пер. Н. Ман) [5, с. 121].

Let us turn to the non-phraseological methods of translation. “Darling you’ll make me *as vain as a peacock*” (‘Theatre’). «Любимая, я стану

тщеславен, как павлин» («Театр», пер. Г. Островской). In this case, G. Ostrovskaya uses such a technique as loan translation, the technique which, according to V.N. Komissarov, is most effectively applicable for the transfer of figurative phraseological units, especially if the figurative basis is actualized, played up in the context [3, с. 173].

Despite the complexity and versatility of the meanings and forms of phraseological units and the presence of some difficulties in the use of phraseological units in a fluently spoken language, they are perhaps the most prominent tool for the expression of human emotions. The percentage of phraseological units in a language is closely related to the indicator of the development of a culture of a nation, since phraseological units and their etymology are the expression of that culture itself. Traditions and customs are considered to be the unofficial founders of the emergence of phraseological units in speech. But you cannot continue to use all phraseological units in a live colloquial speech, without exception. Many of them become obsolete over time and their use may seem ridiculous. This is especially true for those who are learning a foreign language.

English in terms of the presence in its extensive system of phraseological units and phraseological phrases is perhaps one of the richest. Phraseological units occupy a huge layer in its structure. All events taking place in the UK are reflected in phraseology: political life, sports, cultural events, everyday life – this is just an incomplete list of subjects reflected in English phraseological units. Many become obsolete, but they are always replaced by new, lively, bright and witty ones. So, we can say with confidence that the phraseological system of the English language will evolve every day, acquire new outlines, enrich itself and enrich the inner world of each individual inhabitant of the Foggy Albion.

Thus, in S. Maugham's prose and its translation into Russian we have revealed various types, kinds and varieties of PUs that demonstrates, first, that the phraseological systems of the Russian and English languages are comparable although there is an obvious linguistic and cultural specificity of many English phraseological units, which include certain national and cultural components, and secondly, that this writer widely uses phraseology in his works as an effective means of creating a national character.

References

1. Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). Казань: Издательство Казанского университета, 2006. 172 с.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. 501 с.

5. Моэм С. Избранное. М.: Иняз, 2006. С. 121–123.

6. Честертон Г. К. Писатель в газете. М.: Прогресс, 1984. 384 с.

УДК 656.11

СЛОВАРЬ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

Н. А. Давыдова,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Цель статьи – представить методику контроля усвоения студентами = будущими переводчиками – англо-русской части знаменитого словаря П. Р. Палажченко. Автор считает необходимым изменить существующую практику и изучать оба тома словаря одновременно. Трудности в освоении культурно-лингвистического материала пособия обусловлены прежде всего лимитом учебного времени, что заставляет преподавателя объединять словарные статьи разных буквенных разделов и производить отбор лексических единиц, опираясь на собственные, возможно, субъективные, представления.

Ключевые слова: лингводидактика перевода, обучение переводу, культурно-лингвистический материал, тестовый материал.

Summary. The article aims to present a set of tests aimed to control students' knowledge of the English-Russian part of the famous dictionary for translators and interpreters. The author of the article emphasizes the importance of studying both volumes simultaneously, which is not current practice. The difficulties arising in the course of studies are due to the limited time the teacher can allocate for this type of work, which results in the necessity to combine cultural and linguistic material for the tests into comparatively large portions. It may also lead to a certain degree of partiality in selecting lexical units.

Key words: educational linguistics, teaching translation, cultural and linguistic material, test material.

В предельно упрощенной формулировке перевод – это глоссарий эквивалентов, своего рода словарь, который переводчик составляет для себя многие годы, иногда всю жизнь. Изучение знаменитого в переводческой среде двухтомника П. Р. Палажченко «Мой несистематический словарь» (далее МНС) позволяет будущим переводчикам не только приобрести уникальные сведения лексикологического и культурно-лингвистического характера, но и воспользоваться эквивалентами, найденными, безусловно, авторитетнейшим профессионалом в этой области. В данной статье предлагается методика контроля усвоения содержащегося в МНС материала, точнее, англо-русской его части, студентами отделений перевода и переводоведения.

Адаптация контента МНС для учебных целей является весьма нелёгкой задачей, поскольку отбор лексических единиц (ЛЕ) осуществляется на основании субъективных представлений. По нашему мнению, главным ориентиром здесь должен быть сам текст П. Р. Палажченко, те выражения и оттенки значения, на которые автор счел нужным сделать акцент, что, впрочем, не делает подход к отбору материала свободным от субъективизма. Другим фактором, с которым сталкивается преподаватель, является лимит учебного времени, в результате чего приходится объединять ЛЕ двух и более буквенных разделов.

Методика работы определяется принципом целесообразности: студентам задаётся для самостоятельного изучения определённая «порция» страниц МНС, после чего в аудитории производится контроль изученного в виде письменных тестов. Студентам зачитывается английский оригинал слова или - чаще – словосочетания из приведённых в словаре, для которого они дают соответствующий русский эквивалент или, в случае необходимости, несколько эквивалентов.

При составлении тестов туда не вошла сравнительно небольшая часть словарных статей, в основном те ЛЕ, которые показались менее важными и не представляющими особых трудностей для студентов как с лингвистической, так и с переводческой точки зрения. Большую роль сыграло стремление не перегружать материал и ориентироваться не только на самых сильных и мотивированных студентов. Собственно, учебная задача изначально сводилась к созданию контрольно-тестовых заданий на базе как I, так и II тома книги.

Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо, поскольку попытки изучения МНС и контроля усвоения содержащегося в нём материала предпринимались и ранее, также в рамках практического курса перевода, однако второй том, вероятно потому, что вышел в свет несколькими годами позже первого, практически оставался неохваченным. Вместе с тем второй том не только дополняет уже существующую информацию по значительному числу словарных статей, но и добавляет большое количество новых. Поэтому, по нашему убеждению, следует изучать оба тома одновременно. Точно так же нецелесообразно, как это делалось ранее, проводить контроль в виде перевода примеров из прессы, поскольку это зачастую приводит к закреплению более узких, контекстуальных значений.

Из-за лимита учебного времени проверка знаний лексических единиц, содержащихся в словарных статьях двухтомника, не может отнимать больше 15-20 минут. В идеале такая проверка должна осуществляться еженедельно, на каждом практическом занятии по переводу, однако практика свидетельствует, что некоторые разделы, главным образом в силу большого объёма материала, требуют от студентов более длительной подготовки.

Если первоначально на дом планировалось задавать «порции» в объёме двух букв английского алфавита, например, *A* и *B*, что составляет в общей сложности 41 страницу в обоих томах, то впоследствии пришлось брать только по одной букве, что увеличило количество аудиторного времени. Более того, во многих случаях внутри текста, содержащего ЛЕ на ту или иную букву, крайне важно выделять материал, представляющий самостоятельный интерес для изучения.

Например, материал литеры *F* является столь насыщенным, что его проработка представляет существенную трудность для студентов, поэтому первоначальный вариант контрольной работы было решено разделить на две части, одна из которых содержит иностранные заимствования, собранные П. Р. Палажченко в разделе *foreign words*. Главным фактором такой «расточительности» в плане учебного времени был не столько объём материала, сколько его польза для повышения уровня знаний и расширения кругозора, столь необходимые будущим переводчикам.

Таким образом, при использовании учебно-тестовых заданий на основе МНС преподаватель сталкивается, с одной стороны, с необходимостью учитывать скудный лимит учебного времени, а с другой – с насыщенным и крайне нужным студентам материалом, скорость усвоения которого часто может противоречить этой необходимости.

Как можно заметить, главную, если не единственную трудность для преподавателя при работе с МНС представляет отбор необходимых для студентов ЛЕ. Рассмотрим, например, раздел МНС на букву *D*. В первом томе ей отведено 6 страниц, вмещающих 9 словарных статей. [1, с.170-176]. Во втором томе количество страниц такое же, и, хотя статей всего четыре, три из них достаточно объёмные и содержат много ценной информации [2, с. 104-111].

Первичный отбор ЛЕ начинаем с I тома и первой словарной статьи, которую автор озаглавил “*dead, hungry, all right* и т.д.” Очевидно, что написанное в ней следует просто принять к сведению, поэтому переходим к статье “*defensive, defensively*”. Из неё целесообразно вычленим для контроля новое, «домысленное», по выражению автора, значение этих модных слов американской газетной лексики - «настороженно, не без раздражения». Также интерес представляет словосочетание *defensive driving* – «навыки осторожного вождения». Так сказать, «в резерве» оставим выражение *defensive answer/reply* – «осторожный ответ», поскольку, предупреждает автор, его русский перевод эквивалентен не во всех контекстах.

Следующая статья – “*delicious*”, – содержит информацию в том числе культурно-лингвистического характера, но не представляет особого интереса с переводческой точки зрения. За ней идёт глагол *deliver*, которому посвящена целая страница. Автор, как всегда, приводит несколько примеров из американской прессы, делая акцент на появившемся сравнительно

недавно «обобщенном» значении этого глагола: «выполнение обещаний (обязательств)». Поскольку далеко не все знатоки английской лексики знакомы с этим значением, целесообразно включить его в «основной состав». Здесь же упоминаются вошедшее в моду слово *deliverable*, как правило, во множественном числе, означающее «ожидаемые результаты», например: *project deliverables* = «ожидаемые результаты проекта», *public deliverables* – «общественно значимые результаты». В нынешнем варианте тестовых заданий первое из этих словосочетаний отсутствует ввиду недостаточной частотности, но в будущем, возможно, его следует включить.

Следующая словарная статья рассматривает глагол *to deter* и существительное *deterrence*. Здесь, как представляется, при отборе ЛЕ можно ограничиться клишированным выражением *the policy of nuclear deterrence* – «политика ядерного устрашения (сдерживания)». Достаточно легко вычленяется нужная лексема и в словарной статье, озаглавленной автором “*difference: to make a difference*”. Помимо известных всем «проводить различия» и «иметь значение», фраза *to make a difference* приобрела смысл «положительно повлиять на что-либо, принести пользу» и т.п.

Не представляет особого труда разобраться и в значениях лексем с выражающей отрицание приставкой *dis-*, о которой речь идет дальше. Здесь, как справедливо указывает автор, в некоторых случаях надо просто знать эквивалент. Для тестовых материалов были отобраны *waste disposal* – «удаление отходов» и *disincentive* – «антистимул (негативный стимул)», но «в резерве» осталось несколько крайне интересных лексем.

Следующая статья I тома озаглавлена “*down*. Слова, начинающиеся с *down* и *up*”. Здесь отбор ЛЕ для контроля очень затруднён, поскольку подавляющее большинство упомянутых в словарной статье лексем отличаются большой частотностью. В тестовые задания вошли следующие ЛЕ: *corporate downsizing*, что можно перевести как «реструктуризация, сокращение штатов, структурные сокращения»; *upstream/downstream oil costs* – «стоимость добычи/ переработки и сбыта нефти»; *upfront payment/down payment* – авансовый платёж; *upscale neighborhood* – престижный (элитный) район; *downtime*- «время отдыха», простой в работе по вине компьютера и другой техники».

Наконец, в последней из статей первого тома «за бортом» отбора осталось словосочетание *due process of law* – П.Р. Палажченко предлагает для него эквивалент «соблюдение процессуальных норм». Более важными с точки зрения частотности представляются лексема *date due* или просто *due*, означающая срок оплаты, и распространённое выражение *due diligence*. Последнее целесообразно закрепить в качестве терминов: «проверка благонадёжности делового партнёра» или «проверка юридической чистоты сделки», – но приемлем и обобщённый вариант «необходимые

формальности». Употребление *due diligence* в переносном смысле можно просто принять во внимание.

Первая и самая объёмная словарная статья II тома МНС на букву *D* посвящена существительному *dating*, трудности перевода которого, указывает автор, связаны с социокультурными изменениями последних лет. Из статьи “*default*” важным представляется термин *default value* – «значение, принимаемое по умолчанию», пришедший из точных наук, а также родственное ему *by default* – «по умолчанию», но в последние годы всё чаще «автоматически» и «неизбежно». Другие термины и словосочетания с *default* похожи на русские и не представляют, на наш взгляд, особого интереса.

То же самое касается слова *designated*, для которого автор МНС предлагает контекстуальные соответствия. Значение глагола *designate* – «определять, устанавливать, указывать» и т.д. – позволяет переводчику найти нужное соответствие, что избавляет нас от необходимости закреплять эту лексему.

Напротив, прилагательное *dysfunctional* требует внимания, поскольку, как указывает П. Р. Палажченко, употребляется далеко не только в медицинском контексте. Например, для словосочетания *dysfunctional government* он предлагает эквивалент «недееспособная власть», а на основании проводимых в статье рассуждений можно было бы принять вариант «из рук вон плохо работающее правительство» или даже «власть хронически не справляется со своими обязанностями».

В заключение позволим себе сделать следующий вывод: адаптация содержащегося в профессиональных словарях материала в учебных целях – дело трудное, но не безнадежное и открывает большие перспективы.

Список использованных источников

1. Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика. В 2-х тт. Том I. – 10-е изд., стереотип. М.: Р. Валент, 2012. – 304 с.
2. Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика. В 2-х тт. Том II. 4-е изд., стереотипное. М.: Р. Валент, 2015. – 248 с.

УДК 130.2 : 314.743

RETRANSLATION: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

О. Р. Демидова,

доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье анализируется феномен повторного перевода, рассматриваемый в процедурах культурфилософского анализа. Автор воссоздает историю вопроса в современном западном переводоведении и

сопоставляет существующие в теории перевода подходы к проблеме, сосредоточивая внимание на культурфилософских основаниях повторного перевода и обосновывая понимание данного феномена как основного механизма формирования и функционирования культуры в целом.

Ключевые слова: перевод, повторный перевод, культура, теория перевода, подход, язык оригинала / перевода.

Summary. The article is devoted to the phenomenon of retranslation treated in the cultural and philosophical perspective. The author reconstructs the history of retranslation scholarship in modern Western translation studies comparing basic theoretical approaches to the problem and concentrating on cultural and philosophical roots of the phenomenon leading to its understanding as the major cultural formal and functional mechanism.

Key words: translation, retranslation, culture, translation theory, approach, original / target language.

Проблема повторного перевода сделалась предметом обсуждения специалистов по теории перевода с 1990 года – именно тогда в западном переводоведении (translation studies) была предложена т. наз. «гипотеза повторного перевода», авторы которой, П. Бенсимон и А. Берман, сформулировали не узко-лингвистическое, а переводоведческое понимание сути рассматриваемого феномена в границах, заданных двумя языками и, соответственно, двумя культурами: оригинала и перевода [8, с. 233]¹. По их мнению, первичный перевод любого произведения на иностранный язык имеет основной целью приближение его к нормам языка и культуры перевода (target language and culture), тогда как повторный перевод вызван потребностью приблизить (вернуть – О. Д.) переводимый текст к языку и культуре оригинала (original language and culture). В англоязычном переводоведении означенные процедуры получили название domesticating / foreignising strategies и впоследствии в транслитерированном виде вошли в терминологический аппарат отечественной теории перевода.

Как ни парадоксально, указанная потребность формируется и осознается в культуре перевода благодаря изменяющемуся со временем статусу переведенного текста и тому месту, которое он обретает в ценностной иерархии этой культуры, – не всегда, впрочем, сопоставимыми с исходными статусом и местом в ценностной иерархии культуры оригинала. Иными словами, казалось бы, повторный перевод призван восстановить историко-культурную справедливость, приведя эстетические характеристики двух текстов в соответствие друг с другом. Вместе с тем, более поздние исследования [11] убедительно продемонстрировали, что предложенная гипотеза и выведенная на ее основании модель далеки от

¹ В отечественной науке о переводе принята предложенная значительно раньше Ю. Д. Левиным теория переводной множественности, основанная на учете разного рода (общекультурных, идеологических, политических, эстетических) потребностей воспринимающей культуры [3].

универсальности и не столько разрешают проблему, сколько упрощают ее, сводя все многообразие возможных в переводческой практике вариантов к весьма условному единому инварианту. Очевидно, что принципиальная некорректность подобной процедуры обусловлена, как минимум, двумя факторами эстетического порядка: во-первых, природой переводимого текста; во-вторых, спецификой переводческой деятельности. Кроме того, в самом процессе повторного перевода отсутствуют какие-либо исходно присущие ему, в отличие от первичного перевода, свойства, обуславливающие непреложность «стратегического» сдвига от доместикиции к форенизации.

Вероятно, выбор той или другой стратегии или их сочетание в границах одного перевода будет прежде всего обусловлен а) соотношением уровня развития обоих задействованных языков и культур, б) степенью знакомства культуры перевода с культурой оригинала, в) потребностями воспринимающей культуры, г) непосредственными прагматическими и эстетическими задачами, которые ставит перед собой переводчик. Сочетание всех этих факторов как обуславливает потребность / возможность появления нового перевода, так и задает его эстетические, художественные и собственно языковые характеристики. Оно же объясняет различную частотность и количество повторных переводов в различных культурах в разные периоды их развития и – не в последнюю очередь – выбор иноязычных произведений для перевода: в зависимости от совокупности указанных факторов одно и то же иноязычное произведение может оказаться неоднократно переведенным в одну эпоху и окончательно забытым – в другую (ср., напр., динамику переводов произведений европейских авторов в России в XVIII–XX вв. [2; 4; 5; 6]).

Еще одним значимым фактором, особенно в индустриальную и постиндустриальную эпохи, становятся требования рынка, диктующего необходимость повторных переводов и/или переиздания уже имеющихся и определяющего корпус наиболее «продаваемых» авторов и текстов, новые переводы которых оправдают издательские затраты и принесут максимальную прибыль. Глобальная культура как особый тип ориентированной на массовость и единообразие культуры наднациональной, при этом по преимуществу потребительской, весьма способствует востребованности повторных переводов одних и тех же произведений, почти одновременно издаваемых во всем мире на различных языках. Представляется, что намеренное стирание национально-культурной специфики как основная установка глобализации отражается и на деятельности переводчиков: стратегии *domesticating* и *foreignising* постепенно нивелируются, вытесняясь новым «стратегическим» подходом, который позволительно с некоторой долей условности назвать *global unification*.

Несмотря на устойчивый исследовательский интерес к проблеме и наличие значительного корпуса посвященных ей работ, до сих пор не существует единого собственно переводоведческого определения феномена повторного перевода. Однако в многочисленных определениях терминов «retranslate» и «retranslation», предлагаемых в современных англоязычных словарях², основными являются семы трансформации, повторного действия и новизны: некий текст определенным образом трансформируется в нечто в смысловом, а иногда и в формальном отношении новое в результате заново предпринятого по отношению к нему действия по переводу, т.е., актуализации имплицитно/латентно присущих ему смыслов. Очевидно, что в каждом новом переводе экспликации подлежат некие новые, не выявленные прежде, смыслы, оказавшиеся ко времени повторного перевода востребованными культурой-реципиентом и созвучные ей, – при условии, что эти востребованность и созвучие будут «уловлены» переводчиком. Разумеется, не исключен и другой вариант: отвечая на потребности культуры перевода или на свое представление о них, переводчик привносит («вчитывает») в переводимый текст новые смыслы, отсутствующие в оригинале. В этом случае речь следует вести не о собственно переводе, а о создании нового текста «по мотивам» или «на основе» оригинального с исключительной ориентацией на воспринимающую культуру. Однако в любом случае наиболее актуальными для повторных переводов оказываются тексты с максимально плотной семиотической составляющей, открывающей множественные возможности для переосмысления³.

Кроме собственно вербальных, результатом повторных переводов являются различные невербальные версии исходного произведения, при этом перевод осуществляется не на границе различных национальных языков и культур, а на границе различных культурных форм внутри одной культуры: театра, кино, телевидения, изобразительного искусства, музыки, танца⁴, и каждая эпоха предлагает свой вариант интерпретации известного текста, основанный на комплексе смыслов, в режиме палимпсеста сложившихся в культуре к определенному моменту. Это вполне объясняет и делает допустимыми различного рода трансформации: перенос действия в иную эпоху и культуру; переосмысление и новые трактовки проблематики; «осовременивание» и другие изменения стилистических характеристик языка персонажей; минимализацию или полную нейтрализацию национально-культурной специфики и др.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что, следуя предложенному Макурой определению культуры как перевода [10], вполне

² См., напр.: «1) to translate something already translated in different wording or into a different language; 2) to change the form of something into something new» [7]; «A text that is a translation of something that has already been translated» [9].

³ О корпусе подобных текстов см. в: [12].

⁴ Подробнее о подобном переводе вербальных текстов см., напр., в: [1].

допустимо понимать retranslation как основной механизм ее формирования и функционирования, обеспечивающий возможность поступательного развития культуры во времени, основанного на непрекращающемся процессе повторного перевода рождающихся в пространстве определенной эпохи и национальной культуры текстов на языки иных культур и последующих эпох.

Список использованных источников

1. Демидова О. Р. Экранизация как вариант культурного перевода: «Пиковая дама» по-английски // Филологические науки. – 2019. – № 3.
2. Катарский И. М. Диккенс в России: середина XIX века. М.: Наука, 1960. 426 с.
3. Левин Ю. Д. К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность / Под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1980. С. 365–372.
4. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. 299 с.
5. Русские писатели о переводе: XVIII–XX вв. / Под ред. Ю. Д. Левина и А. В. Федорова. Л.: Советский писатель, 1960. 696 с.
6. Шекспир в русской культуре / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.: Наука, 1965. 831 с.
7. American Heritage Dictionary of the English Language. Fifth Edition. – Houghton Mifflin Publishing Company, 2016. [Электронный ресурс] <https://ahdictionary.com/word/search.html?q=retranslation> (дата обращения 25.01.2019).
8. Baker M. & Saldanha G. (eds.). Routledge Encyclopaedia of Translation Studies. 2nd Edition. London: Routledge, 2011. – 704 pp.
9. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged. 12th Edition. L.: HarperCollins, 2014. [Электронный ресурс] <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 25.01.2019).
10. Macura V. Culture as Translation // Translation, History, and Culture. London: Cassell, 1995. P. 71–78.
11. Paloposki O. and Koskinen K. A Thousand and One Translations: Revisiting Retranslation // Hansen J., Malmkjaer K., Gile D. (eds.). Claims, Change and Challenges in Translation Studies: Selected Contributions from the EST Congress, Copenhagen 2001. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 27–38.
12. Venuti L. Retranslations: The creation of Value // Bucknell Review. 2004. - # 47(1). P. 25–38.

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА РОБЕРТА ГРЕЙВСА

Э. К. Джанарова,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению жизни и творчества известного английского литературоведа XX века Роберта Грейвса. Представлен краткий анализ его поэтических, прозаических и литературно-критических работ, изданных в различные периоды литературной деятельности. Указывается, что поэтические и прозаические работы Роберта Грейвса отражают душевное состояние Роберта Грейвса в различные периоды жизни. Подчеркивается, что неоднозначная и оригинальная мифокритическая концепция Роберта Грейвса является объектом интереса в современной мировой литературе и требует более глубокого анализа в отечественном литературоведении.

Ключевые слова: мифология, поэзия, проза, мифокритика, образ, анализ, концепция, мировая литература.

Summary. The article is devoted to the study of the life and work of the famous English literary critic of the twentieth century Robert Graves. A brief analysis of his poetic, prosaic and literary and critical works published in different periods of his literary activity is presented. The poetic and prosaic works of Robert Graves are indicated to reflect Robert Graves's state of mind during various periods of his life. It is emphasized that the ambiguous and original myth and critical concept of Robert Graves is an object of interest in modern world literature and requires a more in-depth analysis in the world literary criticism.

Key words: mythology, poetry, prose, myth and criticism, image, concept, analysis, world literature.

Одним из наиболее популярных мифокритиков XX столетия является известный английский поэт, писатель, интерпретатор мифов Роберт Грейвс (Robert Ranke Graves (1895 – 1985), чье творчество внесло огромный вклад в развитие мировой литературной мысли.

Высокая эрудиция Роберта Грейвса позволила ему не только написать прозаические произведения мирового масштаба, такие как «Я, Клавдий» (1934), «Божественный Клавдий» (1935), «Золотое Руно» (1944), «Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии» (1948), «Мифы Древней Греции» (1955), «Иудейские мифы» (1955), «Дочь Гомера» (1955), поэтические сборники «Over the Brazier» (1916), «Collected Poems» (1965), «Poems Selected by Himself» (1966), но и стать автором многочисленных переводов и критических работ по теории поэзии и мифа.

Цель статьи – представить анализ творчества выдающегося английского деятеля XX века и факторы, повлиявшие на формирование его мифокритической концепции.

Родился Роберт Грейвс в семье Альфреда Персеваля Грейвса, известного ирландского поэта, его дед по линии матери был немецким историком. Родители Роберта уделяли особое внимание воспитанию и образованию сына. С детства он прочитал огромное количество книг по античности, мифологии. Степень бакалавра литературы Роберт Грейвс получил в Оксфордском университете, который окончил в 1926 году, затем читал лекции в Каирском университете. Роберт Грейвс обладатель литературных наград и премий.

Несмотря на популярность Роберта Грейвса в англоязычном мире, он мало известен отечественному читателю по причине недостаточной изученности различных аспектов его работ в нашей стране. Мифокритические изыскания и его произведения изучены известными учеными А. С. Козловым, А. А. Тахо-Годи, Т. М. Шадринной.

Для анализа становления и развития мифотворческого мышления Роберта Грейвса кратко рассмотрим поэтическую, прозаическую и литературно-критическую деятельность.

Свою литературную деятельность Роберт Грейвс начал с поэтических произведений. Первый сборник стихотворений Роберта Грейвса «Over the Brazier» («Сквозь пекло») был опубликован в 1916 году. О его фронтовом лирическом наследии российский исследователь его творчества А. А. Тахо-Годи пишет: «Страшный опыт войны, пережитый молодым Грейвсом, трансформировался в его поэзии в систему символов стихии, ужаса, хаоса, смерти, слепой судьбы, мучений, пытки, огня» [5].

Роберт Грейвс в ряде своих работ указывает, поэзия является его основным занятием. В работе «Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии» Роберт Грейвс заявляет: «Моя профессия – поэзия...» [1, с. 34] и отмечает, что «никогда не брался за дело и не вступал в отношения, которые были несовместимы с моими поэтическими принципами...» [1, с. 17]. Поэзией Роберт Грейвс начал заниматься с пятнадцати лет и всю жизнь использовал поэзию для «оттачивания своего понимания совершенно другой природы поэзии» [1, с. 17]. Поэзия Роберта Грейвса была оригинальна, потому что обладала особым стилем и колоритом.

В поэтических трудах Роберта Грейвса функционируют различные мифологические образы: образы растений и животных, образы природных явлений, образ женщины и другие. Тематика стихотворений также же разнообразна: тема любви, тема жизни и смерти и др. В его мифологических стихотворениях прочитывается поклонение Белой Богине, которая выступает в различных обликах: она – Муза, она – Тройственная Богиня, она – Луна, она – Белая Богиня.

Стихотворения, которые писал Грейвс практически до конца жизни, прошли сложный творческий путь – от юношеского романтизма и увлечения модернистской поэзией, от фронтовой поэзии, навеянных страшными событиями к глубоко философски насыщенной поэзии последних лет. Основной темой его стихотворений была тема любви, по его мнению, любовь печальна и безнадежна. Это мы можем увидеть в стихотворении “Love Without Hope“ («Безнадежная любовь»):

*Love without hope, as when the young bird-catcher
Swept off his tall hat to the Squire's own daughter,
So let the imprisoned larks escape and fly
Singing above her head, as she rode by [6, с. 23].*

*Любовь безнадежна, как когда молодой птицелов
Снял свою высокую шляпу перед дочерью сквайра,
Так, что позволил жаворонкам вырваться и летать
И петь над её головой, когда она парит рядом (перевод наш – Э. Д.).*

Данное стихотворение состоит всего из четырех строк, но в нем заключен глубокий смысл. Птицелов является олицетворением поэта, нашедшего свою Музу, воплотившуюся в дочь сквайра. Социальное неравенство птицелова и дочери сквайра подчеркивает идею о преимуществе женщины, ее статусе настоящей Богини, и вторичности мужчины, восприятие его как полубога. Поэт, снимая шляпу перед Музой, высказывает ей тем самым заслуженный почет и уважение. А жаворонки, вылетающие из клетки – символизируют поэзию, которая разлетается во все края, прославляя Белую Богиню, которая «парит рядом». Но влюбленный обречен, его любовь безнадежна, она все равно покинет его, таков закон природы, считает Роберт Грейвс.

Следует отметить, что поэзия Роберта Грейвса с годами усложнялась, приобретая глубокое философское значение. Поэтому, читателю необходимо вчитываться в стихотворение и путем логического размышления разгадать замысел автора, поскольку в каждом слове скрыта мифологическая загадка поэта.

Прозаическое творчество Роберта Грейвса ориентировано на демонстрацию оригинальной системы художественного мировидения, а именно трансформации мифа в художественном произведении. Являясь автором работ для широкого круга читателей, Роберт Грейвс пишет детские рассказы и исторические романы. Всем известны шедевры литературы романы «Золотое руно», «Я, Клавдий», «Божественный Клавдий». За исторический роман «Я, Клавдий» Роберт Грейвс был удостоен несколькими престижными литературными премиями, в том числе премии Готорна и премии Эдинбургского университета.

Исторические романы Роберта Грейвса «Я, Клавдий», «Божественный Клавдий» носят автобиографический характер. Романы Роберта Грейвса, увлекающие читателя глубиной содержания и смысла, переведены на

многие языки, экранизированы как художественные фильмы и пользуются популярностью в нашей стране.

Фундаментальными исследованиями в области литературной критики являются работы Роберта Грейвса «Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии», «Об английской поэзии».

В работе «Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии» Роберт Грейвс представляет концепции по вопросам мифа, мифотворчества, литературного анализа, а также аспекты происхождения и развития поэзии. Роберт Грейвс пытается использовать Луну в качестве поэтического символа. Известный ученый А. С. Козлов, отмечая положительные моменты в исследованиях Роберта Грейвса, считает он «является первым мифокритиком, попытавшимся с помощью нового метода решить ряд кардинальных проблем поэзии», «предложил оригинальный подход к анализу поэтических произведений» [4, с. 22]. Отрицательным в творчестве Роберта Грейвса А. С. Козлов считает использование так называемой «лунарной теории мифа», которая в тот период полностью утратила научную ценность.

Новые перспективы путей изучения английской поэзии описаны в работе «Об английской поэзии». В работе Роберт Грейвс пишет о назначении поэта и поэзии. «Поэтом нельзя стать, им нужно родиться» – в этом уверен Роберт Грейвс. Он объясняет это тем, что «природа поэзии слишком таинственна, чтобы ее можно было исследовать, гораздо таинственнее, чем природа королевской власти, потому что королями можно не только родиться, но и сделаться, да и цитируемые высказывания покойного короля не имеют никакого веса ни для проповедника, ни для адвоката» [1, с. 17].

Таким образом, обзор работ, посвященных творческому наследию Роберта Грейвса, подтверждает своеобразие его поэтического, прозаического и литературно-критического наследия, которое внесло значительный вклад в развитие мифокритической мысли на современном этапе развития литературы. Исследования Роберта Грейвса вывели американское мифологическое литературоведение на качественно новый уровень развития.

Список использованных источников

1. Грейвс Р. Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии // пер. с англ. Л. И. Володарской. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 656 с.
2. Грейвз Р. Божественный Клавдий и его жена Мессалина / пер. Г. Островской. СПб: Художественная литература, 1994. 528 с.
3. Грейвз Р. Золотое Руно // Пер. с англ. Т. Усовой, Г. Усовой. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. 448 с.
4. Козлов А. С. Литературоведение Англии и США XX века. М.: Московский лицей, 2004. 256 с.

5. Лукинова М. Ю. Переводческая деятельность – один из факторов формирования мировосприятия // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация Сборник научных трудов к юбилею профессора Г.Г. Молчановой. Москва, 2015. С. 369-374.
6. Тахо-Годи А. А. Роберт Грейвс – мифолог-поэт // Грейвс Р. Мифы Древней Греции: в 2 кн. / пер. с англ. К. Лук'яненко; предисл. А. А. Тахо-Годи. М.: Прогресс-Традиция, 1999. Кн. 1. С. 5
7. Graves R. Poems Selected by Himself. Edinburgh: Penguin Books, 1966. 222p.

УДК 8081:821.111(73):004.421

**МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ЛИНГВИСТИКЕ:
ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В СИСТЕМЕ
МАШИННОГО ПЕРЕВОДА**

О. В. Ермоленко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
№ 1, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь,*

И. И. Горев,

*магистрант 1-го года обучения факультета математики и информатики
Таврической академии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь.*

Аннотация. В статье рассматривается проблема машинного перевода на основе применения модели нейронных сетей. Авторы статьи делают акцент на актуальности использования математических методов в лингвистике, способствующих преодолению различных трудностей в интердисциплинарных исследованиях, в частности, в эволюции создания техники машинного перевода.

Ключевые слова: машинный перевод, нейронные сети, математические методы, статистический подход.

Summary. The article inspects the problem of machine translation based on the application of the neural network model. The authors of the article emphasize the relevance of the use of the mathematical methods in linguistics, which promote various difficulties in interdisciplinary researches overcoming. In particular, the evolution of the development of the machine translation techniques is stressed.

Key words: machine translation, neural networks, mathematical methods, statistical approach.

Интенсивное проникновение математических методов в литературоведение и лингвистику началось в середине XX в., что повлекло за собой острую дискуссию о мере и границах применения методологии точных наук в науках гуманитарных. Тем не менее, во второй половине XX

столетия наблюдалось усиление применения математических методов в текстологии, стиховедении, стилистике, фольклоре. 1950-1960-е гг. стали периодом зарождения математической лингвистики, когда активно использовались методы математической логики и теории множеств, а методы математической лингвистики, в свою очередь, стали эксплуатироваться для конструирования и реконструирования различных структур, таких как литературные тексты или отдельные уровни текстов с помощью набора принципов и операций – алгоритмов. Идеи и методы математической логики позволили сделать описание языковых явлений более формальным, а, значит, более строгим, тогда как применение количественных методов к большим объёмам лингвистических данных позволило обнаруживать незаметные на первый взгляд связи и закономерности, обрабатывать тексты на естественном языке: например, исправлять опечатки или переводить тексты с одного языка на другой. Роль статистических алгоритмов усилилась в процессе эволюции компьютерных технологий. Таким образом, основной целью математической лингвистики стала разработка алгоритмов для описания языков как естественных, так и искусственных с использованием математических методов алгебры, различных теорий, в том числе теории вероятностей.

На сегодняшний день использование математической модели, а также её программной или аппаратной реализации, построенной по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей (сетей нервных клеток живого организма) лежит в основе новой нейронной технологии переводов, которую с недавнего времени используют корпорации «Google» и «Microsoft», называемой «нейронный машинный перевод Google» (GNMT). Система нейронного машинного перевода Google на основе системы обучения «на миллионах примеров» была представлена в 2016 г. Отметим, что отправной точкой машинного перевода считается 1954 г., когда был проведен Джорджтаунский эксперимент, заключавшийся в переводе 60 предложений по специальной химической тематике с русского на английский язык, в основе чего лежало 60 предложений с 250 специализированными терминами и шестью грамматическими правилами. Далее зарождается первое поколение машинного перевода (первая половина 1960-х гг.), основанное на технике пословного перевода, второе поколение (вторая половина 1960-х гг., начало 1970-х гг.) было основано на синтаксических структурах и грамматических правилах входного языка, в 1990-х гг. появляются системы семантического типа. Системы, основанные на правилах, подразделяются на два подтипа: трансферные (например, система PROMT) и интерлингвистические, с общей идеей связи входного и выходного предложения. В конце XX в. преобладающим оказался статистический подход – обучение машины на примере сотен тысяч параллельных текстов на разных языках одинакового содержания («Яндекс. Перевод») с дальнейшим принятием самостоятельных решений.

Правильная «конвертация» грамматических конструкций одного языка средствами другого считается пределом для статистического машинного перевода.

В 2016 г. был запущен нейронный машинный перевод, ставший, по мнению специалистов, эпохальным событием в истории машинного перевода. Проект был инициирован в 2011 г. в секретной исследовательской лаборатории «Google X». Система NMT внутри «Google. Переводчик» использует большую искусственную нейронную сеть, подходящую для глубинного обучения. Данная сеть изучает миллионы примеров и улучшает, тем самым, качество перевода, используя более широкий контекст для вывода наиболее удобоваримого перевода, затем результат перестраивается и адаптируется соответственно грамматическим нормам. Система GNMT не создавала собственный внутренний универсальный язык, а искала нечто общее между многими языками, что в большей степени должно было заинтересовать лингвистов, чем специалистов в области информационных систем. Стоит обратить внимание на то, что перевод во многих языковых парах осуществлялся через промежуточный перевод на английский язык, когда на целевой язык переводится искаженный английский язык с неминуемыми при машинном переводе неточными фрагментами: на первичную деформацию происходит наложение второго слоя. Осуществление перевода с английского языка или на английский язык обеспечивает качество, при котором очевидны достоинства работы сервиса перевода: точный перевод терминов, перевод имен, названий, фразеологизмов, нередко правильный выбор лексического значения слова в зависимости от контекста. Для обработки текстов используются рекуррентные нейронные сети (RNN), поскольку они «запоминают» предыдущий результат, предыдущие слова в предложении. Рекуррентные нейронные сети применяются также в алгоритмах распознавания речи в Siri (считывается и обрабатывается последовательность звуков, где каждый зависит от предыдущего), подсказки слов на клавиатуре (запоминаются предыдущие и угадываются следующие слова), генерация музыки. Примечательно, что архитектуры нейронных переводчиков значительно разнятся. Сначала исследователи использовали обычные рекуррентные нейронные сети, затем перешли на двунаправленные, поскольку система перевода учитывала не только слова до нужного слова, но и последующие слова, что обеспечивало большую эффективность перевода, далее использовались многослойные рекуррентные нейронные сети с LSTM-ячейками для длительного хранения контекста перевода.

В 2016 г. система перевода стала работать в обе стороны для девяти языков: английского, немецкого, французского, испанского, португальского, китайского, японского, корейского, турецкого, а весной 2017 г. был запущен русский язык, хинди, вьетнамский, иврит и арабский языки, но английский язык сохранил роль языка-посредника, хотя структура

предложений и выбор лексических единиц на целевых языках по-прежнему определялась английским переводом, представив более адекватную перефразировку, перегруппировку или перестановку слов в предложении, если этого требовали правила языка перевода. В отличие от предыдущего уровня, нейронная система перевода до определенной степени трансформирует предложения, анализирует их как единое целое и устанавливает соответствия «из конца в конец» – сквозное преобразование, непрерывная трансформация многообразия данных с одного входа на выход. Главным достижением системы машинного перевода 2017-го года стало более твердое распознавание структуры предложения и передача грамматических значений на целевых языках. В процессе использования модели нейросети грамматические связи стали теряться реже чем при использовании программ статистического перевода; также стали удачно распознаваться редко употребляемые многокоренные слова (хотя навык анализа искусственным интеллектом сохраняет зависимость от выбранного языка), появилась возможность прямого перевода с одного языка на другой без языка-посредника.

«Яндекс» запустил программу нейросетевого перевода в 2017 г., главным отличием которого была заявлена гибридность. Программа-переводчик «Яндекса» переводит предложение одновременно двумя методами – статистическим и нейросетевым, а потом с помощью алгоритма CatBoost находит наиболее подходящий вариант перевода. Считается, что нейронный перевод плохо справляется с короткими фразами, при переводе замысловатых словосочетаний нейронные сети могут «нафантазировать» лишнего, тогда как простой статистический перевод найдёт оба слова без особых проблем.

Таким образом, несмотря на значительный прогресс в области машинного перевода за последние несколько лет, полноценное решение задачи машинного перевода не реализовано; к примеру, исследователи пытаются воплотить в жизнь программу устного синхронного машинного перевода или научить нейронные сети самостоятельно пополнять свой словарный запас.

Список использованных источников

1. Дроздова К. А. Машинный перевод: история, классификация, методы // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб.: Свое издательство, 2015. С.139–141. URL [https:// moluch.ru/conf/phil/archive/138/8497/](https://moluch.ru/conf/phil/archive/138/8497/) (дата обращения: 29.01.2019).
2. Ртищева Н. Г. Оценка качества работы систем машинного перевода [Электронный ресурс] // Решетневские чтения. – 2017. – <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-raboty-sistem-mashinnogo-perevoda> (дата обращения: 20.01.2019).

3. [Электронный ресурс] <https://www.linguisticsociety.org/resource/machine-translation> (дата обращения: 20.01.2019).
4. [Электронный ресурс] <https://link.springer.com/journal/10590> (дата обращения: 20.01.2019).

УДК 378.1

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОНЛАЙН РЕСУРСА LEARNINGAPPS.ORG В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

П. В. Законова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омск*

Аннотация. В статье подчеркивается роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в организации самостоятельной работы обучающихся. Рассматриваются особенности образовательного онлайн ресурса LearningApps.org, который может быть использован при обучении разным предметам, включая иностранные языки. На примере английского языка раскрываются способы работы с различными видами упражнений, а также возможности создания собственного банка заданий. Статья может быть полезна преподавателям иностранного языка, работающим с учащимися разных возрастов и уровней подготовки, а также студентам факультетов иностранных языков.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, образовательные онлайн ресурсы, информационно-коммуникационные технологии, организация самостоятельной работы, LearningApps.org.

Summary. The article underlines the role of information-communication technologies (ICT) in organizing students' self-study work. It also describes the features of an online resource LearningApps.org, which can be used while teaching various subjects, including foreign languages. Ways of dealing with different types of exercises and opportunities to create your own exercises are revealed on the example of the English language. The article can be of interest to teachers of foreign languages working with students of different age and levels, and also to students of faculties of foreign languages.

Key words: teaching foreign languages, educational online resource, information-communication technologies, organizing self-study work, LearningApps.org.

В настоящее время в области обучения – в том числе и в области обучения иностранным языкам – можно говорить о нескольких тенденциях. В рамках данной статьи хотелось бы подчеркнуть две из них. Это широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и увеличивающуюся долю самостоятельной работы обучающегося.

Использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) посвящено большое количество научных работ и статей.

Организация учебного процесса с помощью ИКТ уже не является «экспериментальным» опытом, скорее это реальность: во многих школах учителя работают с интерактивными досками, мультимедиа средствами; в вузах создана электронная образовательная среда, позволяющая решать как организационные, так и содержательные вопросы процесса обучения. В учебных заведениях есть компьютерные классы, мультимедиа аудитории, а использование обучающимися сети Интернет (посредством wi-fi) позволяет делать процесс обучения интересным, эффективным. Благодаря ИКТ можно формировать у учащихся новые знания, умения, компетенции; применять разнообразные формы работы на занятии; развивать творческие и интеллектуальные способности учащихся; реализовывать индивидуальный и дифференцированный подход к обучающимся [2].

В рамках дисциплины «иностраный язык» мы можем говорить о том, что ИКТ помогают расширить объем лингвистических и лингвокультурологических знаний; повысить мотивацию к изучению иностранного языка; развивать речевую компетенцию; развивать способность и готовность к самостоятельному изучению иностранного языка.

Что касается самостоятельной работы, то ее роль, важность эффективной организации также подчеркивается во многих работах. Так, в рамках РПД в вузах обязательно прописано методическое обеспечение самостоятельной работы студентов (СРС), с указанием темы, заданий для самостоятельной работы, списка основной и дополнительной литературы с указанием страниц, форм контроля. Самостоятельная работа может быть организована и в аудитории, и вне ее. Ключевым моментом в такой деятельности является то, СРС планируется и управляется преподавателем, но без непосредственного его участия [1]. Иными словами, преподаватель оказывает методическое сопровождение СРС.

В рамках школьного обучения также можно говорить об увеличении времени, которое учащимся приходится выделять на самостоятельное изучение материала, причем не только при подготовке к ЕГЭ, но и при подготовке к обычным урокам.

Как раз на этом этапе и происходит пересечение двух вышеупомянутых тенденций, что может быть эффективно использовано в процессе обучения, в том числе и иностранному языку. Возможности ИКТ позволяют обучающимся совершенствовать лексические и грамматические навыки, являющиеся базовыми для овладения видами речевой деятельности; развивать умения аудирования, чтения, письма и, при определенных условиях (например, *skype*-обучение) и умения говорения. При этом учащиеся могут делать это самостоятельно. Не секрет, что Интернет предоставляет огромные возможности в обучении иностранному языку. В последнее время большую популярность приобрели онлайн сервисы (иногда их называют онлайн платформами, существует и термин

«онлайн ресурсы») изучения иностранного языка, такие как Lingualeo, Interpals, Duolingo, MosaLingua и другие. Основная схема работы с такими сервисами заключается в том, что учащийся регистрируется и выполняет различные задания, имея при этом возможность выбрать уровень сложности и отследить свой прогресс. Задания, представленные на этих онлайн сервисах, часто объединены грамматической или лексической темой или сгруппированы по уровню сложности.

Очевидно, что идеальный сервис (платформа) не существует; в каждом могут быть свои недостатки: так, например, часть заданий Lingualeo доступна только на платной основе; слова, предлагаемые для тренировки, не относятся к одной теме и для уровня «начальный» могут быть не совсем подходящие и т.д.

В рамках данной статьи хотелось бы более подробно остановиться на онлайн ресурсе LearningApps.org. (на примере английского языка). LearningApps.org является приложением Web 2.0 для поддержки обучения и процесса преподавания с помощью интерактивных модулей. Существующие модули могут быть непосредственно включены в содержание обучения, а также их можно изменять или создавать в оперативном режиме. Целью является также собрание интерактивных блоков (приложений, или упражнений) и возможность сделать их общедоступным. Они имеют свою ценность, а именно – интерактивность [3]. Все упражнения созданы пользователями. Однако для простого выполнения заданий регистрация на сайте не требуется.

Зайдя в категорию «английский язык» можно увидеть группы упражнений, объединенных по определенным параметрам: возраст (2–11 класс), лексические темы (Animals, Body parts, London, Mass Media, Travelling, Weather) – всего около 30 тем; грамматика (Tenses, Adjectives, Pronouns, Verbs, word-building, Irregular verbs) – около 20 тем; виды деятельности (Reading, Listening Comprehension). Интерес представляют и упражнения страноведческого характера (London, Great Britain). Большинство категорий озаглавлено на английском языке, так как сайт имеет международный доступ (и несколько языков просмотра контента), однако, помимо подразделения на классы, уже появились русскоязычные категории «перевод на русский», «правила чтения», предназначенные для русскоязычных обучающихся.

LearningApps.org дает возможность выбора уровня заданий, для чего предусмотрена шкала в верхней правой части экрана («Ступени»). На уровне «для начинающих» показаны упражнения по базовым темам (Family, Animals, House и т.д.). По мере изменения уровня на «Профессиональное обучение» можно увидеть упражнения на Phrasal Verbs, Conditionals, а также на отработку профессиональной лексики. Таких упражнений меньше.

На наш взгляд, ценность образовательного ресурса LearningApps.org состоит, во-первых, в огромном количестве и видах представленных там

заданий и упражнений. Так, например, в теме Fruit представлено 25 упражнений, а в теме Present Simple – 60. С одной стороны, легко «потеряться» в таком разнообразии, с другой – можно учитывать уровень подготовки, возраст и даже интересы учащегося. К некоторым упражнениям имеются комментарии, к каким темам и учебникам они могут служить дополнением. Кроме того, ресурс предлагает воспользоваться поиском (по теме, типу упражнения).

Все упражнения интерактивны. На LearningApps.org представлено 19 видов упражнений: «найти пару», «классификация», «хронологическая линейка», «ввод текста», «викторина с выбором правильного ответа», «заполнить пропуски», «аудио/видео контент», «пазл», «кроссворд», «слова из букв», «кто хочет стать миллионером?» и другие. Как видно из названий, многие упражнения – игрового характера, при этом языковое наполнение может быть не обязательно на уровне «Elementary». Например, достаточно сложные словосочетания по теме «Travelling» нужно составить в рамках упражнения «найди пару». Увидеть, какого типа упражнение, можно, подведя курсор к иконке. Любое упражнение можно развернуть в полноэкранный режим.

По окончании выполнения показан результат в процентах и/или количественном выражении (например, 5/5, если упражнение содержит несколько заданий) и дан краткий комментарий (Good job! Well done!). Если выполнение упражнения не предполагает моментальное подтверждение правильного ответа, то можно кликнуть на значок «проверить» и увидеть результат.

Говоря о работе с упражнениями, в качестве небольших недостатков можно отметить некорректную работу отдельных упражнений (например, наложение картинок друг на друга при «matching»), непродуманность некоторых упражнений (например, при отработке лексики по теме определение нужно сопоставить только с картинкой, а само слово учащийся не видит). Имеет некоторые недочеты и навигация по сайту – выполнив задание, нельзя вернуться «назад», в каталог по теме или даже «английский язык», система возвращает пользователя в главный каталог, где представлены разные предметы.

Еще одним весомым достоинством работы с ресурсом LearningApps.org можно считать то, что пользователь может сам создавать упражнения по любой теме. Для этого нужно пройти простой процесс регистрации. При создании упражнения необходимо выбрать его вид, наполнить содержание, сохранить на этом ресурсе. При наличии огромного количества упражнений по разным темам, иногда складывается ситуация, что ни одно упражнение в полной мере не устраивает преподавателя, по уровню сложности или содержанию. LearningApps.org дает преподавателю возможность дифференцировать процесс обучения иностранному языку, в полной мере использовать те плюсы ИКТ, о которых говорилось выше.

Безусловно, подбор, а тем более создание собственных упражнений требует от преподавателя временных затрат: должно быть четкое представление о цели выполнения задания; соответствие вида упражнения его содержанию; учет уровня владения иностранным языком. Кроме того, можно порекомендовать заранее подобрать необходимые тексты, аудиофайлы, картинки, поскольку на LearningApps.org нет своей базы данных, все материалы берутся из открытых интернет источников. Несмотря на кажущийся «игровой» характер предлагаемых упражнений, их содержание вполне можно выстроить на уровне Advanced, что представит интерес для старшеклассников и студентов.

Работа обучающихся с LearningApps.org скорее всего будет носить самостоятельный характер. Имея рекомендации (задания по определенной теме) от преподавателя, они сами могут выбирать для себя темп и последовательность выполнения заданий. К разработке заданий можно привлечь и самих студентов (например, студентов факультетов иностранных языков), причем выполнение упражнений может быть направлено не только на совершенствование лексических навыков, навыков чтения, но и навыков перевода, в том числе сложных конструкций. Всесторонняя самостоятельная проработка материала по заданной теме «изнутри», создание учебного материала для своих одноклассников поможет сделать процесс обучения иностранному языку более значимым, персонифицированным, эффективным.

На наш взгляд, ресурс LearningApps.org обладает хорошим методическим потенциалом. Обобщая вышесказанное, можно выделить достоинства этого ресурса:

- свободный доступ, простая регистрация и навигация;
- наличие большого количества интерактивных упражнений разного вида и уровня сложности, по разным темам;
- возможность создания своих упражнений;
- возможность выполнения упражнений самостоятельно, без присутствия и оценки со стороны преподавателя;
- наличие упражнений не только по английскому, но и по другим языкам;
- отсутствие навязчивой контекстной рекламы, которая может отвлекать обучающегося от выполнения заданий.

Проведенный нами анализ образовательного ресурса LearningApps.org еще раз подтверждает положение о том, что возможности ИКТ при организации самостоятельной работы учащихся огромны, процесс обучения иностранному языку может быть увлекательным, результативным и значимым для самого обучающегося.

Список использованных источников

1. Горбунова Т. В., Григорьевская М. Ю., Васильева Р. М. Организация самостоятельной работы студентов по социально-педагогическим

дисциплинам [Электронный ресурс] // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 2 (часть 1) – С. 70-73. – <https://www.top-technologies.ru/ru/article/view?Id=35574> (дата обращения 20.01.2019).

2. Падерин А. В. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе вуза [Электронный ресурс] // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта». – 2016. – № 8 (138). – С.167-175 <http://lesgaft-notes.spb.ru/ru/node/9371> (дата обращения 18.01.2019)

3. Learningapps.org [Electronic Resource] <https://learningapps.org>. (дата обращения 15.01.2019)

УДК 811.11.25

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ИДИОМАТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

А. Т. Козлова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос идиоматичности экономических терминов английского языка и сопоставление их с русскоязычными в процессе перевода. Целью данной работы является определить фразеологические единицы, употребляемые в англоязычной сфере бизнеса и описать основные трудности идиоматики терминологических единиц и способы их перевода на русский язык. Проанализированы общие способы перевода терминов-идиом, выявлены трудности восприятия подобных единиц, учитывая разницу культуры ведения бизнеса в англоязычной и русскоязычной средах в ходе переводческого процесса.

Ключевые слова: идиома, идиоматика, межъязыковая идиоматичность, внутриязыковая идиоматичность, экономический дискурс, экономический термин, перевод.

Summary: The article considers some useful insights into the problem of the criteria of economic terms idiomaticity in English in comparison with their possible equivalents in Russian while translating. The purpose of this article is to identify idioms related to the sphere of economics as well as to describe their idiomaticity and possible ways of translation. Common ways of idiom translation are analyzed; some difficulties in their comprehension are elicited with cultural diversity of running a business being taken into account.

Keywords: idiom, idiomaticity, interlingual idiomaticity, intralingual idiomaticity, economic discourse, translation.

Язык деловой коммуникации не предполагает наличия эмоциональной лексики. И, тем не менее, не существует без эмоционального общения, активирование эмоции «вуалируется» идиоматичностью речи. «Идиоматичность языковых единиц является фундаментальным свойством естественного языка, а наличие в нем идиоматичных средств выражения необходимо и полезно для развития человеческой культуры и самого языка» [5].

Как отмечает Н. М. Шанский: «Язык экономических текстов идиоматичен, насыщен фразеологизмами разных структурных типов и разной стилистической окраски. Отмечается, что идиоматичность пронизывает все уровни структуры языка, а идиоматичность фразеологизмов является лишь ее частным случаем» [14]. Наличие идиоматичности в традиционном понимании, как «невыводимости значения целого из суммы значений составляющих», признано также за единицами, не входящими в традиционную области фразеологии (Н. Sweet, А. И. Смирницкий, Е. С. Кубрякова, Т. З. Черданцева, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский) [9, с. 684].

Необходимо отметить, что концепция идиоматики соотносится с фразеологией. «Сложность дифференциации фразеологизмов, возникших и функционирующих в профессиональной среде, объясняется их специфическими языковыми и когнитивными характеристиками» [8, с. 58].

Идиомы не являются редким явлением в сфере языка сферы экономики. «Сочетая в себе свойства фразеологии (идиоматичность, непроницаемость структуры и постоянство состава) и специальной лексики (номинативный характер, принадлежность к определенной области знания, соотнесенность с профессиональным понятием или концептом), данные единицы выступают особым способом вербализации профессионально значимой информации – на стыке профессионального и обыденного знания» [3, с. 58].

В свою очередь, некоторые ученые, такие как И. А. Мельчук, М. М. Копыленко и З. Д. Попова, В. Н. Телия, В. М. Савицкий и др. «создали учение о межъязыковой идиоматичности (специфике лексической сочетаемости), которая присуща не только фразеологизмам» [8]. Идиоматичность – свойство единиц языка (слов, сочетаний слов, предложений), состоящее в неразложимости их значений на значения единиц, вычлняемых в их формальном строении, и соответственно в несводимости значения целого к значениям частей в данной их структурно-семантической связи [10, с. 137]. Различают внутриязыковую идиоматичность и межъязыковую идиоматичность. Межъязыковая идиоматичность – это структурная специфика единиц разных языков, вписывающихся в одну и ту же межъязыковую двухплановую модель [11].

Однако, наличие межъязыковой идиоматичности не может служить основанием для того, чтобы называть языковую единицу идиомой. Лишь те языковые единицы, которые обладают внутриязыковой идиоматичностью, целесообразно называть идиомами» [5] и признается важнейшим свойством любого естественного языка и представляет собой структурную специфичность языковой единицы по отношению к другой подсистеме языка, выявляет разницу в знаковой структуре переосмысленной единицы и ее буквального прототипа. В. М. Савицкий так определяет внутриязыковую идиоматичность как «структурное своеобразие семантически осложненных языковых единиц по отношению к их неосложненным аналогам» [11, с. 58].

В рамках данной статьи анализируются фразеологические единицы как особый тип терминологической номинации с точки зрения их межъязыковой и внутриязыковой идиоматичности в англоязычном экономическом дискурсе, при этом выявлены их особенности и возможные способы перевода на русский язык. Особенностью фразеологических единиц в экономических текстах является вторичное переосмысление с приобретением дополнительной экономической коннотации; при этом они «подвергаются различного рода трансформациям при обыгрывании отдельных частей идиомы для придания повествованию дополнительную выразительность, игривость и частично снимает излишнюю серьезность рассматриваемой проблемы» [13, с. 69–70]. На особые свойства терминологических фразеологизмов указывали Л. А. Капанадзе, В. А. Татарин, В. П. Даниленко, Е. Н. Никулина, В. М. Лейчик, Е. И. Голованова и др. Так, терминолог В. П. Даниленко признает в качестве терминов-фразеологизмов лишь неразложимые словосочетания, обращая при этом внимание на статус входящих в словосочетание компонентов – терминологический / нетерминологический и, учитывая степень слитности данных компонентов, признает лишь фразеологические сращения, или идиомы [3, с. 57; 4, с. 37]. Как известно, главным критерием для выделения фразеологических групп разных видов стала обычность, или узус употребления [12].

Базой для развития фразеологии в отечественной русистике стали положения В. В. Виноградова, который выделял три основных типа фразеологических единиц (пословицы и поговорки в данной классификации не выделялись и не упоминались в явном виде). Однако, оригинальной выглядела теория фразеологии, предложенная И. Е. Аничковым, который определил «идиомы» как «устойчивые сочетания слов с частичной или полностью целостным значением» [1, с. 3]. И. Е. Аничков предложил классифицировать сочетания слов на основе нескольких признаков и выделил два класса фразеологических словосочетаний: 1) совпадающий с фразеологическими сочетаниями В. В. Виноградова; 2) включающий пословицы и поговорки, а также образные клише, которые В. В. Виноградов называл фразеологическими единствами [2, с. 78–80]. «Первоосновой для

классификации он считал выделение структурных признаков частей речи и их синтаксических функций с опорой на разработанную им же концепцию частей речи» [7, с. 12]. Выделив идиоматику как отдельную науку, И. Е. Аничков определил ее место в ряду лингвистических наук между синтаксисом и семантикой [1].

Идиоматика И. Е. Аничкова является теорией, способной представить (в отличие от фразеологии) более целостную научную картину в области неоднословных (многокомпонентных) сочетаний. «Идиоматичность любой языковой единицы, в том числе – терминов, возникает вследствие утраты регулярной мотивированности отношений между планом содержания и планом выражения языковой единицы за счет переосмысления составляющих ее элементов» [6, с. 22]

Проведенное сопоставления идиоматичных терминов английского и русского языков выявило, во-первых, близость некоторых образных структур терминов, во-вторых, иноязычная культура охотно принимает новые понятия вместе с образом, в-третьих, есть небольшая доля единиц, обладающая абсолютной межъязыковой идиоматичностью, в-четвертых, наличие определенного количества идиом, которые характеризуют англоязычный стиль ведения бизнеса и коммуникации и поэтому не имеют соответствующей единицы в языке перевода.

Итак, среди общих способов перевода ФЕ выделяют: 1) метод фразеологического эквивалента; 2) метод фразеологического аналога; 3) метод экспликации; 4) антонимический перевод; 5) комбинированный перевод.

В результате можно выделить идиомы, которые переводятся с помощью фразеологического эквивалента: *rolling in money* (купаться в деньгах), *to blow money* (пускать деньги на ветер), *up to the ears in debt* (быть по уши в долгах). Из-за отсутствия фразеологического эквивалента, английское выражение *save for a rainy day* звучит как «скопить на дождливый день», в русском же языке есть аналог «отложить на «черный» день» переведено с помощью фразеологического аналога. При отсутствии эквивалента или аналога в ПЯ переводчик может использовать описательным переводом (экспликация) с переосмыслением его значения на экономическую тему: *to make a killing* (совершить убийство) переводится на русский язык как «получать высокие доходы», *fat cat* не толстая, жирная кошка, а «очень состоятельный человек», *wild cat* не дикий кот, а «рискованное предприятие, афера», *to get cold feet* не иметь холодные стопы ног, а «бояться риска в бизнесе». Антонимический перевод не часто встречается, однако, такую английскую идиому как *to keep one's head above water* следует переводить как «не влезать в долги». А вот применяя комбинированный метод, стоит отметить его особенность. Каждый язык имеет неповторимый план выражения и таким образом фиксирует национальный колорит языка. Из-за этого большая часть фразеологизмов не

переводится на другие языки, например: *big hat but no cattle* (lots of pretensions but few results) – «много претензий, да мало результата» или возможно дать русский эквивалентный перевод как: выше головы не прыгнешь; *cut the mustard* или *up to snuff* означает «оправдать ожидания и соответствовать определенным требованиям».

Особо необходимо отметить те идиомы, которые имеют неповторимый план выражения, где фиксируется национальный колорит языка и реалии англоязычного ведения бизнеса. Из-за этого большая часть идиом не переводится, а лишь можно дать переводческий комментарий. Например: *Brownie points* – первоначально Brownie Guide, т.е. младшая девочка-скаут, которая носит коричневую (brown) форму. Когда-то девочек-скаутов награждали баллами (points) за любые заслуги, старание и т.п. Однако сегодня эта фраза означает любое достижение, похвальное поведение или же похвалу; *Cookie-cutter* – так называют неоригинальную идею или продукцию, заурядную, посредственную, ничем не отличающуюся от других; *To put a stake in the ground* – положить начало чему-то, сделать первый шаг или приложить усилия, чтобы начать что-то и др.

Идиомы в английском языке – чрезвычайно интересная и вместе с тем сложная тема для изучения. По мере развития самой экономической науки растет и информационная емкость самых понятий бизнеса, где степень их идиоматичности варьируется в широких пределах как в английском, так в русском языке.

Список использованных источников

1. Аничков И. Е. Идиоматика в ряду лингвистических наук // Труды по языкознанию. СПб., 1997.
2. Апресян Ю. Д. О работах И.Е. Аничкова по идиоматике // Труды по языкознанию. СПб., 1997. С. 70–87.
3. Голованова Е. И. Фразеологизм как особый тип терминологической номинации // Термінологічний вісник, вип. 2 (1), 2013. С. 56–66.
4. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / Отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1977. 245 с.
5. Ерохина Н. В. Структура и функции идиом: На материале субстантивных устойчивых словосочетаний и сложных существительных английского языка / дис. к.филол.н.. Самара, 1999. [Электронный ресурс] Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/struktura-i-funksii-idiom-na-materiale-substantivnykh-ustoichivyykh-slovosochetanii-i-slozhn#ixzz5dne8qi5k> (дата обращения 6.01.2019).
6. Комарова З. И. Проблема идиоматичности термина в языке науки / Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 22–26.
7. Красса С. И., Дудкина В. Г. Фразеология vs идиоматика: теоретические и прикладные аспекты / Современная теория языка. Ставрополь. 2011. С 11–14.

8. Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4.
9. Зеленцова М.Г., Козлова А.Т. Предтермины в англоязычном экономическом дискурсе: переводческий аспект // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 177-182.
10. Норец М.В., Норец Н.К. Сущность понятия "механизм" в современной экономике // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2018. – № 3 (44). – С. 131-134.
11. Мочалина К.Н. К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 13, № 2 (3), 2011. С. 680–685.
12. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 721 с.
13. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1966.
15. Тусубаева Н. А. Функциональные особенности новых слов в области экономики (на материале русскоязычной периодической печати 2003-2006 гг.) // Теория перевода. Типология языков. Межкультурная коммуникация: Материалы III Международной конференции. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 232–240.
16. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985.

УДК 81-11

**«ЛОВЯЩИЙ ВО РЖИ», ИЛИ ОЧЕРЕДНОЙ ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ
СЭЛИНДЖЕРА**

А. С. Изволенская,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Переводом знаменитой повести Дж. Д. Сэлинджера занимается вот уже не одно поколение переводчиков. Голос главного героя повести Сэлинджера до сих пор находит отклик в сердцах русских читателей, и подтверждение тому – пять ныне известных переводов («Над пропастью во ржи» Риты Райт-Ковалёвой 1960 г.; «Обрыв на краю ржаного поля детства» Сергея Махова 1998 г.; «Ловец на хлебном поле» Макса Немцова 2008 г.; «Ловящий во ржи» Ярослава Вала 2009 г. и, наконец, «Над

пропастью во ржи» Якова Лотовского 2010 г.). Анализу одного из них (перевод Я. Вала) посвящена данная статья.

Ключевые слова: Сэлинджер, «Над пропастью во ржи», перевод

Summary. Undoubtedly one of the most influential books of all time, “The Catcher in the Rye” has occupied the minds of generations of Russian interpreters. So far, there have been five renditions of the book (by Rita Rait-Kovaleva 1960, Sergei Makhov 1998, Max Nemtsov 2008, Yaroslav Val 2009 – the original’s title in all four translated differently; and the fifth one by Yakov Lotovskiy 2010), and the voice of its protagonist, Holden Caulfield, still reverberates in the hearts of Russian readers. This paper presents a brief outlook of one of the recent translations made by Yaroslav Val.

Key words: Salinger, The catcher in the rye, translation

Искусство перевода заключается не столько в знании языка, сколько в знании самого себя.

Нед Порем

Перевод любого художественного текста – задача нетривиальная. “The catcher in the rye” Сэлинджера – один из исключительных случаев, когда речевой портрет героя особенно важен. И трудность заключается не только в передаче молодёжного сленга, хотя это тоже важно. Как известно, хороший переводной текст не должен производить впечатления перевода. В то же время, читатель должен понимать, что перед ним текст, созданный на ином языке, в иной культуре. Этот баланс – между сохранением «иностранныости» текста и его органичности с точки зрения языка перевода – важнейшая задача, стоящая перед очередным переводчиком повести Сэлинджера.

«Ловящий во ржи» – таково название одного из последних переводов на русский язык повести Сэлинджера, выполненного Ярославом Валом. Повесть продолжает переводиться спустя почти полвека после самого первого, ставшего классическим перевода Риты Райт-Ковалёвой. Как сказал Т. С. Элиот, каждое новое поколение должно само переводить для себя. Однако проблема перевода повести, герой которой «пару раз ругнулся» [2], не ограничивается только вопросом нормы. В конце концов, отдельные слова каждое новое поколение будет переводить по-своему. Молодёжный сленг – подвижная система, подверженная значительному варьированию «даже от школы / университета к школе / университету» [4, с. 24]. Добавим, что даже от подростка к подростку. Одним покажется, что дословный, недостаточно эмоциональный перевод «bastard» как «сукин сын» (Райт-Ковалёва) [5, с. 21] или «прохиндей» (Лотовский) [9] надо непременно усилить и заменить «брехливым сукиным сыном» (Вал) [8], иные дойдут до «фуфлового гада» (Немцов) [6] и «хитрожопого дуболома» (Махов) [7].

Учитывая, что текст повести представляет собой повествование-рассуждение от первого лица, живую разговорную речь, переводчику крайне важно уловить настроение и отношение говорящего к излагаемому.

Многими признаётся тот факт, что Райт-Ковалёвой удалось создать целостный, хоть и не тождественный оригиналу образ Холдена. Этой целостности не достаёт новым переводам. Так, в переводе Вала в самом начале повести Холден признаётся, что ненавидит слово “grand”: Grand. There's a word I really hate. It's a phony [10, с. 10]. Вал переводит это слово как «великолепный» [8]. Однако после этого валовский Холден произносит его раз десять – так переведены слова damn good, повторяющиеся в разных, часто ироничных контекстах gorgeous и terrific. Это несмотря на то, что Холдена, как он сам признаётся, «тошнит» от этого слова [10, с. 10].

Если Райт-Ковалёва намеренно смягчила речь Холдена, то Вал, следуя примеру Сергея Махова и Макса Немцова [см. подробнее 4, с. 306–309], намеренно её огрубляет. Для сравнения: «Было дело?» [5, с. 50] у Райт-Ковалёвой и «Трахал?» [8] у Вала.

Перевод Вала не лишён буквализма. К примеру, предложение «Вдруг я подумал о чем-то, что помогло мне осознать то, что меня к чертям выгнали» [там же] звучит неестественно для разговорной речи подростка, а нагромождение придаточных предложений особенно контрастирует с завершающими словами. Многие предложения начинаются с «Потому, что» как результат членения сложноподчинённых предложений с союзом because.

Буквализм сменяется достаточно вольным переводом: «цобэ» [там же] (перевод hot-shot [10, с. 30]), или неточным и ошибочным (из эссе Холдена по истории: «Египтяне были древней расой кавказского происхождения» [8] – «an ancient race of Caucasians в оригинале» [10, с. 12] – древней белой расы). Некоторые фрагменты предложений вовсе опущены. Так Холден говорит о поведении своей фехтовальной команды после того, как он подвёл всех, забыв спортивное обмундирование в метро: The whole team ostracized me the whole way back on the train. It was pretty funny, **in a way** [10, с. 3]. Читаем в переводе: «Всю дорогу обратно в поезде никто из команды со мной не разговаривал. **Даже смешно**» [8]. Казалось бы, маленькая фраза, однако её опущение привносит эмотивность, которой в оригинале нет.

Калькирование переводчиком слов, фраз и синтаксиса английского языка приводит к тому, что сквозь переводной текст беззастенчиво просвечивает оригинал, и текст звучит по-иностранному чудно: «Что я решил сделать, так это я решил спуститься вниз и посмотреть» (так, дословно переведено почти каждое «псевдо-расщеплённое» предложение с What); «Это заняло довольно приличное время» [там же] (калькирование предложений с эксплетивным it) и др.

Далее, Вал переводит you как «вы» там, где местоимение следует опустить: «Такой, как Стрэдлэйтер – он никогда никому не передаст ваш

привет» [там же] (Для сравнения перевод Якова Лотовского: «Такие, как Стрэдлэйтер, никогда не передают привет» [9]). В подобном английском предложении местоимение ни к кому не апеллирует, сохранение же его в переводе приносит некоторую смысловую нелепость: «Что он сделал, так он открыл сеть похоронных домов по всей стране, где **вы** можете похоронить членов своих семей за пять долларов с носа» [8] (у Сэлинджера: «...you could get members of your family buried for about five bucks apiece» [10, с. 18]).

Обнаруживаются и речевые ошибки («Она всё волновалась, что у неё ноги испортятся» [8] – «it might make her legs lousy» [10, с. 33]); «не по годам по-детски» [8] («I act quite young for my age sometimes» [10, с. 9]). «Она вдруг **на глазах** становилась ужасно приветливой» [8] – о голосе девушки по телефону («She was getting friendly as hell, all of a sudden» [10, с. 70]).

Иные речевые ошибки – результат калькирования, например, «грандиозный человек» [8] («He's a grand person» [10, с. 70] – слово, употреблённое стриптизёршей и от которого «тошнит» Холдена), «Вы звучите немного молодо» [8] («You sound a little on the young side» [10, с. 70]), «она немного слишком чувствительна» [8] («she's a little too affectionate» [10, с. 73]) и т.д.

Несмотря на ряд удачных мест в переводе (например, употребление просторечных форм для передачи разговорной речи – «Те нравится?» «Ты чё, хочешь, чтобы я себе голову отрезал?» [8]), в целом в переводе ощущается противоречие между стремлением переводчика передать аутентичность, с одной стороны, и желанием приблизить текст к русскоязычному читателю – с другой. Однако намеренная форенизация текста производит обратный эффект, превращая умного, ироничного подростка в полуграмотного двоечника.

Ярослав Вал раскритиковал «жутко топорный» [1] перевод Райт-Ковалёвой, впрочем, как и переводы Махова и Немцова. Однако отказ от «творческих манипуляций» [там же] приводит к другой крайности – «английскому русскому». В итоге голос Холдена звучит грубовато, инфантильно, безграмотно и по-иностранному неестественно.

Наконец, предложенный Валом перевод названия, «Ловящий во ржи», только доказывает тщетность попыток очередных, штурмующих повесть Сэлинджера переводчиков отойти от так полюбившегося всем варианта Райт-Ковалёвой. Ни «ловец», ни «ловящий» (кстати, кого или что ловящий?), ни даже «ловитель» (употреблённое Валом в том месте, где Холден говорит сестрёнке о своих грёзах [8]) на ржаном поле/ во ржи не вызывают у русскоязычного читателя тех же ассоциаций, что catcher in the rye – у англоязычного.

Таким образом, ошибочно проводимое (в который раз!) тождество между близостью к оригиналу и буквализмом, разговорной речью и

грубостью приводят к серьёзному искажению речевого портрета персонажа, и Холден становится жертвой очередного переводческого эксперимента.

Список использованных источников

1. Вал Я. О «Ловящем во ржи». [Электронный ресурс]. 2009. Дата обновления: 07.07.2018. URL: http://zhurnal.lib.ru/editors/j/jaroslav_w/dlyataniminasyan.shtml
2. Идов М. Эффект хлебного поля // Коммерсант.ru. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 12.12.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1091065>
3. Изволенская А. С. О личности переводчика: непричёсанный сленг, или ещё один перевод Сэлинджера // Сборник научных трудов конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация.» С. 306–309.
4. Полубиченко Л. В. К вопросу о норме в художественном переводе // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Т. XV. – Вып. 1. – 2018. С. 22–28.
5. Сэлинджер Джером Д. Над пропастью во ржи. Москва: АСТ, 2004.
6. Сэлинджер Дж. Д. Ловец на хлебном поле. Москва: Издательство «Э», 2017.
7. Сэлинджер Дж. Д. Обрыв на краю ржаного поля детства. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/selindger_dgerom/obriv_na_krayu_rganogo_polya_detstva.html#0
8. Сэлинджер Джером Д. Ловящий во ржи. [Электронный ресурс]. 2009. Дата обновления: 28.04.2010. URL: http://samlib.ru/j/jaroslav_w/catcherintheye.shtml
9. Сэлинджер Джером Дэвид. Над пропастью во ржи. [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer2/Lotovsky1.php>
10. Salinger J. D. The catcher in the rye. London: Penguin Books, 2010.

УДК 82. 035

ПОЭЗИИ А. БЛОКА В УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Б. А. Илёсов,

*кандидат филологических наук, доцент, свободный соискатель
Термезского государственного университета, г. Термез, Узбекистан*

О. Х. Кадырова,

*кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой Термезского филиала Ташкентского государственного педагогического университета,
г. Термез, Узбекистан*

Аннотация. В статье изучены особенности воссоздания поэзии символизма в узбекском языке. Объектом ее стали отдельные узбекские переводы из творчества А. Блока, осуществленные в 60-90-е гг. Перевод поэзии символизма представляет большую трудность. Это испытали в своей практике узбекские переводчики 60-70-х гг. В статье раскрыты причины

регресса тех лет в переводах поэзии символизма: в частности, непонимание сути символизма как литературного направления; передача в переводе или переносного или прямого значения символа. В заключение выдвинута мысль об устаревании имеющихся переводов и необходимости переперевода классиков русской и мировой литературы на современный узбекский язык.

Ключевые слова: воссоздание, интерпретация, художественный метод, художественный перевод, символизм, адекватность, переперевод.

Summary. The article deals with the studies of recreating peculiarities of the poetry of symbolism in the Uzbek language. Separate translations from the poetry of A. Blok are analyzed in comparative-contrastive discourse. The translation of the poetry of symbolism seems to be very difficult and Uzbek translators of the 60-70s experienced this in their practice. The article describes the causes of the regression of those years in the translation of the poetry of symbolism.

Keywords: recreation, interpretation, artistic method, literary translation, symbolism, adequacy, re-translation.

А. Блок в русской поэзии XX столетия имеет такое же значение, как и А. Пушкин в литературе XIX века. Его произведения переведены на многие языки мира, в том числе на узбекский язык. Сложность художественного метода и стиля его произведений может создать дополнительные трудности даже для известных мастеров поэтического перевода. Это можно наблюдать в процессе сравнительного анализа узбекских переводов стихотворения «Скифы» и других отдельных лирических произведений А. Блока, осуществленных в разное время.

«Скифы» – это глубоко философский монолог гражданина XX века. Проблемы войны и мира, истории и современности, Запада и Востока рассматриваются в этом произведении с точки зрения высококультурной, цивилизованной личности, человека Вселенной, который любит свою Родину и народ, который ради жизни на Земле предпочитает мир войне. Высокий гуманизм позиции лирического героя «Скифов», близкой внутренней культуре автора, заключается в том, что он последнее слово оставляет за своим соперником, призывая его опомниться, приглашая его на «братский пир труда и мира» [1, с. 546]. Народный поэт Узбекистана Э. Вахидов, который создал блестящие переводы произведений С. Есенина, А. Т. Твардовского, М. Светлова, А. Дементьева, в переводе «Сикифов» сумел сохранить основной замысел оригинала. Однако здесь обнаруживается больше потерь, чем в других его переводах из русской поэзии XX в.

Узбекский поэт испытывал затруднение, прежде всего, в толковании смысла символических образов. Читателя настораживает интерпретация переводчиком строки «Миллионы вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы» [1, с. 546]. Данная строка как бы предваряет композиционный строй всего

произведения, т.е. здесь ощущается контрастность образов-символов, картин, чувств и переживаний героев, идей, сторон света, внешних и внутренних состояний миров: «вас → нас»; «миллионы → тьмы, и тьмы...» Перевод звучит несколько иначе, хотя в строфе и ощущаются элементы контраста, но не совсем точно, неконкретно, расплывчато: «Бизлар миллионлармиз. Биз – олам жахон» [2, с. 19] («Нас (вместо «вас») – миллионы. Нас – целый мир, множество»). В переводе исчезает контраст «вас – нас», что приводит к потере мысли, заключенной в самой экспозиции стиха, а также к сужению информации о двух противостоящих друг другу силах с их бесконечными возможностями, ибо в интерпретации Э. Вахидова черты противников («вас») перенесены на скифов («нас»). В результате, противоположная сила, с которой полемизирует лирический герой, отходит на второй план, теряя свою рельефность.

Что означает слово «тьма»? Нет ли в словарном запасе языка перевода более подходящего эквивалента, способного наиболее точно передать картину оригинала, ибо символические и реальные значения предметов и понятий в поэзии А. Блока «пересекаются, создавая сложный многоаспектный образ, сочетающий в себе вещь и символ» [5, с. 25], а передача или только реального, или только символического значений образа может привести к искажению стиля поэта.

Для толкования символа «тьма» в «Русско-узбекском словаре» содержатся созвучное ему слово «туман», а русский фразеологический оборот «тьма тьмущая» может быть передан сочетанием слов «лак-лак» [7, с. 607], которые зачастую используются при изображении батальных сцен в узбекских народных поэмах. Случайно ли здесь созвучие слов «тьма» и «туман», и есть ли нечто общее в их смысле? Если бы переводчик задавался такими вопросами, он бы обнаружил, что «туман» означает: «1. уст(аревшее), десять тысяч... 2. ист(орический термин) тумен (войсковая единица из десяти тысяч всадников)» [7, с. 451]. В исходном тексте трехкратное употребление слова «тьма», противопоставляемого более конкретной цифре «миллионы», создает ощущение бесконечности. Эти нюансы утеряны в переводе.

Метафора «скифы» в контексте оригинала звучит как символ мужества и бесстрашия. Монолог произносится от лица самого скифа. Здесь как бы «сквозь зубы» (М. Кушмаков) исторгаются строки, звучащие как ответ его оппоненту:

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами! [1, с. 546].

В переводе этих строк символы истолкованы не совсем верно, не в том смысле, не в той поэтической функции, в каких они отражены в исходном тексте. Автор так иронично изображает взгляд противоположной силы на скифов образами «азиаты – мы», с «жадными очами». В первой строке

перевода ирония не чувствуется, читатель воспринимает ее в прямом значении:

Ха, биз скифлармиз. Осиёий қон,
Қийиқ кўзларимиз қаттол ва хунхор [2, с. 19].

(Да, мы скифы. Азиатская кровь, // Раскосые глаза наши жестокие и кровожадные).

Символ «скифы» здесь транслитерирован и оставлен без примечаний, слово «азиаты» передано в смысле «азиатская кровь» без того уничижительного оттенка, что содержит бранное слово «азиат», когда оно произносится по отношению к грубому, отсталому человеку [7, с. 695]. В интерпретации переводчика строка «С раскосыми и жадными очами» также не передает авторскую иронию. Воспринятые в прямом значении два определения языка перевода к «очам» – «**қаттол ва хунхор**» (т.е. «жестокие и кровожадные») искажают авторскую концепцию образа скифов, вызывая к ним антипатию читателей перевода.

Некоторые эпитеты, определяющие символы исходного текста, либо опущены переводчиком (например, «враждебные»), либо заменены неточными вариантами языка перевода. В результате допущена нивелировка: эпитеты «**сумрачный**» и «**дымный**», определяющие человека и город, переданы на узбекский язык одним и тем же понятием: «**туманли**» (туманный). Сравним:

1. Нам внятно все – и острый галльский смысл,

И **сумрачный германский гений** [1, с. 547]:

Англаймиз туманли немис даҳосин,

Галл сўзин маъною камолотин ҳам [2, с. 20] (Понимаем туманного немецкого гения, // И смысл и совершенства слова галл). Или:

2. И Кельна дымные громады... [1, с. 547]:

Кельннинг туманли биноларини [2, с. 20]. (Туманные здания Кельна).

По этому переводу узбекский читатель затрудняется создать в своем воображении образ «немецкого гения», хотя здесь утверждается, что это не трудно («англаймиз», т. е. понимаем). Для этого, видимо, целесообразно было бы в виде ссылок или комментариев дать толкование слов и словосочетаний: «Кельн», «галл», «сумрачный...гений» и др. Отметим, понятие «галл» вполне можно было бы передать узбекским архаичным словом «фаранг», что означает: «француз; европеец; французский; европейский» [9, с. 487]. Кроме того, в процессе транслитерации следует учитывать по мере возможности орфоэпию реалии переводимого языка (например, при передаче названия древнейшего города Германии следовало бы сохранить его звучание: «Кельна» - Кёльннинг).

Сочетание «туманли немис даҳоси» в обратном переводе звучит как «туманный немецкий гений». Кое-что еще можно понять в переводе второго примера (т. е. «туманные здания Кельна»), который частично и неполно

отражает смысл сочетания оригинала «дымные громады». Но понять сочетание слов «туманли немис дахоси» вряд ли представляется возможным. Следующий недостаток также является результатом неверного толкования понятия «сумрачный», что в прямом смысле означает «тускло освещенный, в переносном – «угрюмый, печальный»» [6, с. 463].

В переводе «Скифов» обнаруживаются неточности и другого характера, связанные с трансформацией стилистически окрашенных слов, поэтических единиц исходного текста. В поэзии А. Блока слова-просторечия, выполняя важную роль в реализации замысла автора, выступают в качестве символов. В оригинале, например, руки скифов названы «лапами»:

Виновны ли мы, коль хрустнет ваш скелет
В **тяжелых, нежных** наших **лапах**? [1, с. 547].

Перевод Э. Вахидова звучит так:

Бизлар гуноҳқорми, сўнгақларингиз

Синса бизнинг **оғир, нозик кўлларда**? [2, с. 21] (Мы виноваты ли, если кости ваши будут сломаны в наших тяжелых, нежных руках).

Символ-просторечие (в) «лапах»», переданный словом «кўлларда» (в руках) звучит нейтрально, без стилистической окраски, хотя можно было бы найти для него наиболее удачный эквивалент из богатого лексического словарного запаса узбекского языка. Например, для толкования слова «**лапа**» наиболее употребительными были бы слова «**панжа**», «**чангал**» и устойчивые обороты «чангалига тушмоқ», «чангалидан чикмоқ» – прямые эквиваленты русских фразеологизмов «попасть в лапы» и «вырваться из лап» [8, с. 506]. Уместное использование одного из этих вариантов (скажем, «**чангал**») способствовало бы более точному отражению в переводе функции поэтической фигуры-оксюморона «нежные лапы» («нозик чангал»), что, на наш взгляд, частично компенсировано сочетанием эпитетов «тяжелые, нежные руки».

В 80-е гг. переводчики нового поколения С. Рахман и А. Джалил издали свои переводы из творческого наследия А. Блока. Не всегда удавалась С. Рахману трансформация сложных метафор-символов русского поэта («На поле Куликовом»). Он или интерпретирует их в противоположном оригиналу смысле, или создает образ лирического героя, не вписывающегося в контекст А. Блока («Пушкинскому дому»). Можно это проиллюстрировать на примере сравнения двух строк стихотворения «Опять с вековой тоскою»:

Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны. [22, с. 434].

Ваҳший жаҳдлар кутулиб кетди

Кемтик ойнинг домидан нари [20, с. 14]. (Освободились дикие страсти // От ига ущербной луны). В оригинале символ «ущербная луна» означает покровительствующую «дикие страсти» силу. Здесь имеется в виду иго

Золотой орды – феодального государства, долгое время разорявшего Россию: символы лирики А. Блока на историческую тему основаны на картинах реальности.

А. Джалил перевод лирических произведений А. Блока начинает с изучения литературно-критических работ его современников о творчестве поэта, со знанием особенностей его стиля. Поэтому переводы А. Джалила поэтичнее, чем интерпретации М. Икроми, Шукруллы. Однако было бы неправомерно требовать от переводчиков 60-х гг. того, что должно соответствовать вкусам читателей 80-х и начала 90-х гг. или современных читателей.

В заключение следует отметить, что: 1) для верной трансформации символических образов лирики поэтов-символистов необходимо исходить из социально-исторических особенностей эпохи, действительности, отраженных в оригинале; 2) в поэтическом переводе, особенно в переводе поэзии символизма, упущение или недопонимание художественной функции любого знака исходного текста может негативно повлиять на качество перевода; 3) читатель получит наиболее полноценный перевод в том случае, если в фокусе внимания переводчика окажется авторская концепция подлинника и если произойдет совпадение методов, мировоззрений, мировидения, эстетических целей и задач автора и переводчика; 4) художественные переводы со временем устаревают. Язык перевода обогащается новыми изобразительно-выразительными, поэтическими средствами, развивается вкус читателей художественной литературы, вследствие чего возникает необходимость в перепереводе классиков мировой литературы. Однако это не говорит о категорическом отказе от прежних переводов и опыта их переводчиков: во-первых, параллельно может функционировать несколько высокохудожественных переводов одного и того же произведения; во-вторых, современный перевод будет приемлем для читателей, если он по всем критериям художественности превзойдет прежние переводческие редакции.

Список использованных источников

1. Блок А. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1988. 432 с.
2. Блок А. Шеърлар. Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1967. 87 б.
3. Блок А. Шеърлар // Гулистон. – 1980. – № 11. – 15–16 б.
4. Блок А. Ёз оқшоми. Тошкент: Ёш гвардия, 1990. 20 б.
5. Еремина Л. И. Текст и слова в поэтике А. Блока // Образное слово А. Блока. М.: Наука, 1980. С. 5–88.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 816 с.
7. Русско-узбекский словарь. В 2-т. Ташкент: Узб. энциклопедия, 1983. Т. 2. 800 с.
8. Русско-узбекский словарь. В 2-т. Ташкент: Узб. энциклопедия, 1983. Т. 1. 808 с.
9. Узбекско-русский словарь. М.: Госиздат, 1959. 804 с.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Э. Ш. Исаев,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

О. В. Исаева,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт
иностранной филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу современных подходов к определению понятия «языковая картина мира» с точки зрения современной теории коммуникации. Целью статьи является определение основных характеристик языковой картины мира. Для решения поставленных задач применяются следующие методы социолингвистического исследования: индуктивно-дедуктивный метод, метод сопоставительного анализа и описательный метод. Подчеркивается особая роль исследований по межкультурной коммуникации в языковом, историческом, эстетическом, бытовом и других аспектах, а также необходимость междисциплинарного диалога лингвистов, социологов, психологов, этнологов, педагогов и специалистов сферы теории коммуникации.

Ключевые слова: социолингвистика, коммуникация, межкультурная коммуникация, языковая картина мира.

Summary. The article analyzes current approaches to the definition of “linguistic view of the world” in terms of modern theory of communication. The purpose of the article is to define the basic characteristics of the linguistic view of the world. To solve the problems posed, the following methods of sociolinguistic research are used: inductive-deductive method, method of comparative analysis and descriptive method. The special role of intercultural communication investigations in the language, aesthetic, historic, domestic and other aspects is stressed, as well as the need for interdisciplinary dialogue of linguists, sociologists, psychologists, ethnologists, pedagogues and experts in the field of theory of communication.

Key words: sociolinguistics, communication, intercultural communication, linguistic view of the world.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью описания особенностей межкультурного общения для достижения наиболее полного взаимопонимания участников коммуникации в условиях усиливающихся процессов глобализации.

По справедливому утверждению А. Д. Петренко [5, с. 6], «лингвисты исходят в своих исследованиях из необходимости всестороннего и углубленного рассмотрения форм языковой вариативности, соотносимой с определенными социальными (и иными) признаками носителей языка».

Представители отдельных направлений гуманитарной науки по-разному интерпретируют понятие картины мира. Предметом анализа филологов является языковая картина мира. В лингвистическом плане удачным принято считать определение О. А. Корнилова [2, с. 4], согласно которому «картина мира должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка».

Опираясь на идеи В. Гумбольдта [1] о понятии духа народа как манифестации культуры со временем, были сформулированы следующие положения:

1) о взаимовлиянии языка и мышления («благодаря разнообразию языков для нас открывается богатство мира и богатство того, что мы познаем в нем; языки образно и действительно предлагают нам разные способы мышления и восприятия») [1, с. 349];

2) о взаимосвязи языка и мировосприятия («слова и формы слов создают и определяют понятия и разные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются разными мировидениями») [1, с. 370];

3) о сравнении языков («анализ строения и составляющих частей отдельных языков демонстрирует способ использования языка человеком и, кроме этого, только с его помощью можно делать вывод о родственных связях языков и народов») [1, с. 371];

4) о языковой картине мира («разные языки – это отнюдь не разные обозначения одной и той же самой вещи, а отличные ее видения... Благодаря многообразию языков перед нами открывается богатство мира и разнообразие того, что мы познаем в нем; человеческое существование становится для нас более многоплановым, поскольку языки разборчиво и действительно предлагают нам разные способы мышления и восприятия») [1, с. 349];

5) об изучении языков («Изучение языков мира – это также и история мыслей и чувств человечества. Она должна описывать людей всех стран и всех ступеней культурного развития; к ней необходимо привлечь все, что касается человека») [1, с. 349].

Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: коммуникативную, информативную, эмотивную и, что особенно важно с позиций сегодняшнего дня для исследований в сфере межкультурной коммуникации, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Одной из основных характеристик языковой картины мира является ее стабильность, ее основное предназначение – сохранять и передавать из поколения в

поколение определенное структурирование окружающего мира, обеспечивать преемственность языкового мышления носителей данного языка традиционно сложившимися категориями.

Как отмечает Н. Б. Мечковская [4, с. 16], еще в дошкольный период в сознании ребенка формируются (не названные и до обучения не осознанные) представления о времени и пространстве, о действии, о количестве, признаке, реальности и нереальности и многих других закономерностях окружающего мира.

Ценность именно языковой картины мира состоит в том, что она отражает спонтанное, целостное восприятие мира человеком. Б. В. Раушенбах [6, с. 23] отмечает следующее: «Внелогическое знание старше логического. Его невозможно постичь, основываясь на рациональной логике. Механизма его действия мы не знаем... Мир в целом воспринимает внелогическая часть человеческого духа». Человечество давно знает, что Земля вращается вокруг Солнца, но никто не перестал говорить: «Солнце встает и садится». Никто не предлагает заменить сочетание «Луна светит» на более корректное с точки зрения физиков «солнечный свет отражается от поверхности Луны».

Мир воспринимается через призму философских воззрений, религиозных верований, культурных традиций, нравственных ценностей, стереотипов и предрассудков. Характер картины мира коммуниканта зависит от того, каким образом «в ней уравниваются универсальный, культурно-специфический и личностный компоненты» [3, с. 122]. Важным условием успешной межкультурной коммуникации является готовность коммуниканта к восприятию различий и расширению картины мира при столкновении с незнакомыми или отличными явлениями действительности.

В современных условиях обострившихся противоречий в межкультурной сфере актуальной становится проблема интеллектуального освоения точки зрения на мир, выработанной другим народом в других условиях и под воздействием иных факторов.

При межкультурных контактах происходит столкновение двух или более национальных языковых картин мира. Человек, попадающий в иное культурно-языковое пространство, приносит с собой образ мировосприятия, который отличается от языковой картины мира, доминирующей в новой для него лингвокультуре. Первое, что всегда бросается в глаза, – это природные и социальные объекты, которые не имеют аналогов (или существенно отличаются по своим характеристикам) в родной культуре коммуниканта. Например, выходец из постсоветского пространства отметит наличие велодорожек (Radwege) и тротуаров (Fusswege) в Германии, как в черте города, так и за ее пределами, не останется не замеченным и немецкий «автобан» (Autobahn), обратит внимание на немецкие рождественские ярмарки (Weihnachtsmärkte). В Греции нельзя не заметить частое использование оливкового масла (ελαίολαδο) в греческой кухне, традиции

общения за бокалом фраппэ (φραππές), иной жизненный ритм большей части населения. Гирос (γύρος), сувлаки (σουβλάκι), фраппэ (φραππές), узо (ούζο) – это такие же неотъемлемые составляющие греческой языковой картины мира, как Autobahn, Bratwurst, Glühwein – немецкой, а борщ, вареники, сало – украинской.

В этой связи справедливым выглядит утверждение О. А. Корнилова [2, с. 133] о том, что любой национальный язык – это «вместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества, которым можно пользоваться не только для конкретных нужд общения, сообщения и хранения информации, оформления логических операций, но и для того чтобы просто наслаждаться им, созерцать его богатство и неповторимость».

Именно национально-специфическая периферия языковой картины мира представляет наибольший интерес для исследователя. Постичь чужую национальную языковую картину мира – это значит встать на место носителя иностранного языка, на его точку «миропонимания», т.е. через лексическую систему получить представление о национальной ментальности (национальной логике) и национальном характере (эмоциях и средствах их выражения, нравственных приоритетах и т.д.).

К примеру, во всех национальных языках есть понятие «завтра», но немецкое «morgen» отнюдь не является тождественным греческому «αύριο». Обещание выполнить работу завтра „morgen“ вызовет у немца полную уверенность в достижении результата именно завтра, дополнительно конкретизированы могут быть место и время окончания работы. То же самое высказывание в греческой интерпретации „αύριο“ может означать, например, что результат можно будет ожидать на протяжении недели. Каждый по-своему детализирует любую из универсалий, опираясь на национальную ментальность и национальный характер.

Моделирование и исследование межкультурной коммуникации должно происходить на уровне междисциплинарного диалога лингвистов, этнологов, социологов, педагогов, психологов и специалистов сферы теории коммуникации.

Актуальными для обсуждения вопросами являются следующие: изучение роли языка в межкультурных контактах и контекстах, в установлении взаимопонимания между иностранцами; исследование процессов восприятия «чужого» в ксенологическом аспекте и причин конфликтов при межэтнической коммуникации; подготовка к работе за рубежом с учетом межкультурных особенностей региона, а также для передачи межкультурных знаний, например, в рамках подготовки специалистов по иностранной филологии и межкультурной коммуникации; анализ культурно-специфических особенностей коммуникативных процессов на мультинациональных предприятиях; изучение роли изобразительного искусства, кино, театра, литературы как посредников

между культурами, межкультурной коммуникации в и при помощи современных медийных средств.

Список использованных источников

1. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. 348 с.
3. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005. 352 с.
4. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.
5. Петренко А. Д., Бухаров В. М., Петренко Д. А., Храбскова Д. М., Бридко Т. В., Пономарёва А. В., Мележик К. А., Исаев Э. Ш., Перепечкина С. Е., Евстафьева Н. М., Лихачёв Э. В., Федотова Ю. Б. Социофонетика и фоностилистика: опыт, актуальная проблематика, перспективы. Москва, 2018. 370 с.
6. Раушенбах Б. В. Интервью в журнале «Спутник». – 1997. – № 4. С. 23.

УДК: 82.512.19

ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АШЫКА УМЕРА

У. Р. Кадырова,

младший научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь

Аннотация. В данной статье на основе изданных книг и доступных материалов предпринята попытка анализа истории и особенностей перевода лирических произведений яркого представителя средневековой крымскотатарской ашыкской лирики XVII века – Ашыка Умера. В исследовании использованы структурно-описательный метод, метод обобщения и метод сопоставительного анализа художественного перевода с подстрочным переводом и оригиналом. Над переводом произведений Ашыка Умера работало немало поэтов, переводчиков и исследователей. Особого внимания заслуживают переводы, выполненные С. Дружинином и Н. Абдульваапом. Анализ одного из произведений поэта показал, что при переводе автор использовал замены, опущения и добавления слов. Эти трансформации могут быть, так как при переводе особое внимание было уделено рифме и размеру стихотворения.

Ключевые слова: Ашык Умер, художественный перевод, подстрочный перевод, методы перевода, переводческие трансформации.

Summary. In this article based on the published books and available materials an attempt to analyze the history and peculiarities of the translation of the lyrical works of the prominent representative of the medieval Crimean Tatar Ashyk lyricism of the XVII century – Ashyk Umer is made. The study uses the

structural-descriptive method, the method of generalization and the method of comparative analysis of literary translation with interlinear translation and the original. A lot of poets, translators and researchers worked on translating the works of Ashyk Umer. Particularly noteworthy are the translations made by S. Druzhinin and N. Abdulvaap. Analysis of one of the works of the poet shows that the author uses substitutions, omissions and adding words when translating.

Key words: Ashyk Umer, literary translation, interlinear translation, translation methods, translational transformations.

Над переводом лирических произведений Ашыка Умера работало немало исследователей и, тем не менее, данная область литературоведения требует еще более глубокого и детального изучения. Впервые переводы стихотворений поэта были изданы в 1983 году в Москве в сборнике наиболее известных народных певцов-ашыков под названием «Турецкая ашыкская поэзия». В книге читателю предлагается 10 стихотворений, переведённых на русский язык. Переводы осуществлены ленинградским переводчиком Н. Х. Романовой [10, с. 111-120].

В 1988 и 1990 годах увидели свет подготовленные Ризой Фазылом два тома стихотворений Ашыка Умера [1; 2]. В книгах приводятся стихи Ашыка Умера как в оригинале, так и в вариантах, приближенных к современному крымскотатарскому языку (то есть сложные арабские и персидские слова автора упрощаются и так предоставляются вниманию читателя). Труды Р. Фазыла дают возможность читателям ознакомиться с богатым наследием Ашыка Умера, а исследователям проанализировать особенности поэтики поэта.

Большую роль в ознакомлении с творчеством Ашыка Умера сыграли две антологии, подготовленные филологом, знатоком крымскотатарской литературы периода средневековья Н. Абдульваапом и крымским поэтом, переводчиком С. Дружинином. Первая антология – «Гульшен хаяллары – Грезы розового сада» вышла в свет в 1999 году, в ней даны пять произведений Ашыка Умера и их переводы на русский язык [7, с. 80-81]. В 2003 году увидела свет вторая антология – «Грезы любви», в которой вниманию читателей представляются переводы 9-ти стихотворений поэта на русский язык [6, с. 37-45]. Это дополненное издание 1999 года. Следует отметить, что переводы, представленные в этих двух изданиях одни из самых успешных, так как в них сохранены рифмы, размеры стихов, ритм и стиль произведений.

В этом же году (2003 г.) издается антология крымскотатарской литературы XIII–XX вв. «Окрушина сонця – Кунештен бир парча», подготовленная Ю. Кандымом и М. Мирошниченко. В антологии даны четыре произведения Ашыка Умера, впервые переведенные на украинский язык [9, с. 120-127]. Переводы стихотворений выполнены украинскими поэтами, переводчиками М. Мирошниченко и В. Ляхевичем.

В 2008 году выходит стихотворный сборник «В саду любви...», подготовленный известной крымской поэтессой, переводчиком О. Голубевой. В книге представлены оригиналы и переводы на русский язык произведений крымскотатарских поэтов, среди которых шесть стихотворений Ашыка Умера [4].

Следующие переводы датируются 2016 годом. В книге «Полная луна» под авторством Юлдуз (Рябчикова В. Э.) [12] представлены два произведения Ашыка Умера. В сборнике «Дворец под звездами» [8], куда вошли произведения средневековых классиков, поэтов XIX-XX веков и современных крымскотатарских писателей, даны переводы пятнадцати стихотворений Ашыка Умера. Это художественные переводы, выполненные в предыдущие годы разными авторами (С. Дружинин, О. Голубева, Юлдуз) и новые переводы, осуществленные Юлдуз (5 произведений) и В. Басыровым (1 четверостишие).

Все упомянутые переводы лирики поэта – это художественные переводы, когда переводчики должны учитывать форму, размер и структуру стиха. Художественный перевод крайне важен для развития литературы, так как это не просто способ познакомиться с культурой другого народа, но и возможность обогатить собственный литературный процесс. Этот же аспект подчеркивает и Г. Д. Воскобойник, отмечая, что «перевод – есть любая попытка межъязыкового посредничества» [3, с. 6]. Посредством переводческой литературы творчество авторов становится доступным широкому кругу читателей, появляется возможность сравнения и анализа различных переводов одного и того же произведения.

Ученые-переводоведы отмечают, что при художественном переводе нужно учитывать такие особенности, как *точность, сжатость, ясность и литературность*. Кроме этого, при переводе лирических произведений нужно уделять должное внимание переводческим (межъязыковыми) трансформациям. Переводческие трансформации – это преобразования, посредством которых осуществляется переход языковых единиц оригинала к единицам перевода. Среди исследователей существуют разные классификации данных трансформаций. Нам интересна классификация В. Е. Щетинкина, который выделяет следующие переводческие трансформации: *лексические* (адаптация, амплификация, антонимический перевод, генерализация, компенсация, конкретизация, смысловое согласование, экспликация); *стилистические* (модуляция); *грамматические* (добавления, замены, опущения, перестановки) [11, с. 28].

В данной статье нам хотелось бы проанализировать художественный перевод одного из произведений Ашыка Умера, выполненный талантливым переводчиком С. Дружинином. Отметим, что именно его переводы стали яркой страницей отсчета, началом активных переводов средневековой крымскотатарской литературы на русский язык. Для анализа перевода С. Дружинина хотелось бы привести оригинал произведения,

художественный перевод и наш подстрочный перевод одного и того же семай Ашыка Умера:

Дили бульбуль рухлери гуль Фаригь олмаз гоньюль сенден Къапунъда бен бир геда къул Фаригь олмаз гоньюль сенден.	<i>Щека-бутон, речь соловья, Душа тебе не скажет «нет»; Я нищий раб в твоих дверях, Душа тебе не скажет «нет».</i>	Речь - соловей, ланиты - розы Не откажется душа от тебя. В дверях твоих я нищий раб Не откажется душа от тебя.
Агъларым достум гелиндже Дердима дерман булунджа. Ах эфендим та олюндже. Фаригь олмаз гоньюль сенден.	<i>Глаза в слезах, но медлит друг, Лекарства нет от горьких мук, До смерти, что наступит вдруг, Душа тебе не скажет «нет».</i>	Я плачу, пока не придет друг, Пока не будет найдено лекарство от страданий Ах, эфендим, до самой смерти Не откажется душа от тебя.
Сакъларым ашкъын бендедир Диване гонълум сендедир Нитеким джан бу тендедир Фаригь олмаз гоньюль сенден.	<i>Любовь мою храню в себе, А душу скорбную – в тебе, Пока хожу я по земле, Душа тебе не скажет «нет».</i>	Спрячу любовь к тебе в себе Моя обезумевшая душа в тебе Пока душа в этом теле Не откажется душа от тебя.
Достум юзюнь гёрмейиндже Беденден джан вермейиндже Омер къабре гирмейиндже Фаригь олмаз гоньюль сенден.	<i>Пока душа и плоть – одно, Пока не пуст мой ветхий дом, И жив Омер в жилище том, Душа тебе не скажет «нет».</i>	Мой друг, пока я не увижу твой лик Пока душа не покинет тело Пока Омер не войдет в могилу Не откажется душа от тебя.

Как видно из перевода, он максимально приближен к оригиналу. П. А. Вяземский выделял два метода перевода: *независимый* и *подчиненный* [5, с. 10]. Сразу видно, что художественный перевод С. Дружинина – подчиненный перевод. Переводчик максимально постарался сохранить форму, то есть размер, строфику и метрику оригинала. Кроме того, учтены порядок рифм, особенности звуковой организации произведения, сохранен реди́ф. Переводчик предельно постарался передать дух времени, в котором написано семай. Эстетическая составляющая произведения (чувства и эмоции) передана профессионально. В этом переводе содержание и форма – единое целое.

Переводчиком соблюдена структура произведения. Как и оригинал, художественный перевод состоит из четырех четверостиший, в которых сохранена рифмовка *abab, cccb, dddb, eeeb*. В переводе максимально сохранены лексические единицы оригинала, но иногда видны замены слов другими, так как это было необходимо для сохранения формы.

Например, в первой строке первого четверостишья – *Щека-бутон, речь соловья*, в оригинале *щека-роза*. Переводчик использовал замену одного слова другим.

В первой строке второго четверостишья: *Глаза в слезах, но медлит друг*, в оригинале глагол использован в настоящем времени: *Я плачу пока не придет друг*. Переводчик использовал замену частей речи (глагол «я плачу» на словосочетание существительное + существительное «*глаза в слезах*») и

синонимическое значение глаголов (в переводе «медлит», в оригинале «пока не придет»).

Во второй строке второго четверостишья: *Лекарства нет от горьких мук*, просто констатируется факт отсутствия лекарства, тогда как в оригинале: *Пока не будет найдено лекарство от страданий*, то есть в данном предложении предшествующая (*я плачу пока не придет друг*) и последующая ситуация (*пока не будет найдено лекарство от страданий*) непосредственно соприкасаются во времени. Заметим, что союз *пока* вносит в предложение информацию о конечной границе ситуации, представленной в главной части. Здесь нужно отметить опущение одного из членов предложения.

В третьей строке второго четверостишья переводчик опускает вздох сожаления и обращение автора, которое есть в оригинале (*Ах, эфендим*), но наряду с этим использует прием лексического добавления и вводит наречие *вдруг*, которого нет в тексте Ашыка Умера.

В первой строке третьего четверостишья переводчик использует синонимическую замену глагола (в оригинале – *спрячу* в переводе – *храню*). В третьей строке третьего четверостишья также использовано синонимическое значение – *Пока хожу я по земле*, тогда как в оригинале – *Пока душа в этом теле*.

В первой строке четвертого четверостишья переводчик говорит только о лирическом герое (*Пока душа и плоть – одно*), тогда как в оригинале лирический герой говорит о возлюбленной и обращается к ней (*Мой друг, пока я не увижу твой лик*), то есть, акцентируя внимание читателя на лирическом герое, снова использован прием опущения. Во второй строке в переводе применены синонимические значения существительного: (в оригинале – *тело*, в переводе – *мой ветхий дом*) и замену (глагол «не покинет» заменяется прилагательным «не пуст»). Кроме того, в переводе опущено существительное *душа*, которое есть в оригинале. В третьей строке этого же четверостишья переводчик использует синонимическое значение лексических единиц (*И жив Омер... – Пока Омер не войдет...*), использует прием добавления – вводит в контекст существительное «*в жилище том*» и опускает существительное «*в могилу*», которое есть в оригинале.

Подробный анализ художественного перевода, оригинала и подстрочного перевода семаи Ашыка Умера показал, что при переводе автор использовал замены, обращался к синонимическим значениям, заменяя ими значения оригинала, опущения и добавления слов. В количественном соотношении переводчик использовал: замен – 8, опущений – 5, добавлений – 2. Наименее употребительным в этом стихотворении оказался прием добавления. Частота применения опущений и замен связана с тем, что русский и крымскотатарский языки по морфологическим признакам относятся к разным типам языков –

флективный и агглютинативный. Наряду с этим, так как при переводе лирического произведения автор уделял особое внимание рифме и размеру стихотворения, в произведении могут быть некоторые лексические изменения.

Список использованных источников

1. Ашыкъ Умер. Шиирлер ве гъазеллер. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1988. 472 с.
2. Ашыкъ Умер. Ашыкънынъ йырлары. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1990. 496 с.
3. Воскобойник Г. Д. Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестник МГЛУ. – Серия Лингвистика. – Вып. 499. М., 2004. 181 с.
4. В саду любви... Из крымскотатарской поэзии. Переводы О. Голубевой. Симферополь: «Доля», 2008. 80 с.
5. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Том 10. СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1886. 418 с.
6. Грезы любви. Поэзия крымских ханов и поэтов их круга. Пер. С. Дружинина, сост., коммент. и послесл. Н. Абдульваапа. Симферополь: Доля, 2003. 71 с.
7. Грезы розового сада. (Из средневековой крымскотатарской классической поэзии). Симферополь: «Сонат», 1999. 88 с.
8. Дворец под звездами. Крымско-татарская поэзия XV-XIX веков в современных переводах на русский язык. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. 140 с.
9. Окрушина сонця: Антология кримськотат. поезії XIII-XX ст. К., 2003. 792 с.
10. Турецкая ашыкская поэзия / Сост. предисл. и коммент. Х. Короглы. Москва: Художественная литература, 1983. 192 с.
11. Щетинкин В. Е. Пособие по переводу с французского языка на русский. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
12. Юлдуз (Рябчикова В. Э.). Полная луна. Стихотворения и переводы. Симферополь: ООО «Форма». 2016. 104 с.

УДК 81'25

КУЛЬТУРОНИМ КАК ИНФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕВОДА

Т. А. Казакова,

*доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация: В статье рассматриваются структурно-содержательные свойства особого типа лексических единиц, обозначаемых различными терминами в лингвистике и переводоведении. Терминологический ряд

включает несколько наиболее употребительных вариантов, в частности: культуроним, реалия, национально-детерминированная лексема и т.п. Исследовательские подходы основываются преимущественно на внешних свойствах данного типа лексики (классификации по предметным разрядам) и на функциональной типологии (классификации по происхождению и степени укорененности в лексиконе). В условиях перевода универсальные лексемы, имеющие устойчивые, на первый взгляд, межъязыковые словарные соответствия, в различных ситуациях составляют неожиданную проблему и требуют специальных переводческих решений. В разряд такой «странной лексики», не имеющей стандартных признаков культуронима, могут попадать практически любые слова. Для исследования этого феномена предлагается ввести информационно-семиотический критерий.

Abstract: The paper covers structural and informative features of the specific type of vocabulary denoted by a number of different terms in linguistics and translation studies. Among most widely used are such terms as culturonym, realia, nationally-determined lexical unit, etc. Researchers are usually based on either external features of such vocabulary (according to subject classification) or its functions (according to etymology and/or degree of acceptance in a lexicon). In translation, universal lexical units with standard lexical counterparts in another language may become a sudden challenge to require a special translator solution. Actually, any lexical unit without a sign of culturonym characteristics can appear in the «strange category». To explore this phenomenon, the informational-semiotic criterion may be useful.

Ключевые слова: культуроним; объем информации; ассоциативный потенциал; культурный стереотип; переводческое решение.

Key words: culturonym; volume of information; association potential; cultural stereotype; translator solution.

Согласно распространенной, с легкой руки Р. Якобсона, точке зрения, «все, что сказано на одном языке, может быть выражено на другом» [8, р. 233]. Все ли?

Современные исследователи все больше внимания уделяют «странной лексике», которую называют по-разному: в переводоведении более принят термин «реалия»; в лингвокультурологии употребляется общий термин «культуроним», а также его разновидности «полионим», «идиокультуроним», «ксеноним» (подробная классификация разработана в трудах В.В. Кабакчи и ученых его школы [2, с. 32-34]. Понятие «культурема» [2, с. 140-142; 4, с. 9] используется практически как синоним «культуронима» и подчеркивает различие между «реалиями» (объектами материально-духовной культуры) и языковыми знаками, обозначающими эти объекты. Большинство авторов определяют эти знаки как национально-детерминированные или культурно-обусловленные единицы языка [5, с. 120]. При внешнем различии терминов сущность проблемы очевидна: существуют языковые знаки, требующие специальных решений в условиях

перехода от одного языка к другому, в частности, в условиях перевода. Возможно, наиболее общим, способом обозначения для таких знаков, употребительным в большинстве филологических наук, можно считать термин «культурема», получивший развитие в работах по лингвострановедению [2, с. 140] и переводоведению [4, с. 9-10]. В. Г. Гак дает развернутое определение культуремы, из которого явствует, что этот термин понимается как «явление культуры, имеющее языковое выражение»:

Культуремы, имеющие языковое выражение, соотносятся с определенным элементом действительности для выражения и обозначения некоторой реалии–предмета, ситуации, функции, обычая, факта поведения и т.п. Как единицы языка культуремы сопоставляются на уровне их структурных компонентов: форм, содержания и реалий. [2 с. 142]

Легко видеть, что этому определению присуща некоторая двойственность, что вызвало необходимость уточнения: введено понятие «лингвокультуремы» как понятие комплексной единицы, сочетающей языковое значение и культурный смысл [1, с.49] Учитывая эту понятийную двойственность, выраженную в виде дихотомии культурама—лингвокультурема, в данной работе мы будем пользоваться термином «культуроним» как более приближенным к языковому знаку, обращаясь по мере необходимости к определениям и функционально-содержательным критериям, разработанным для понятий «реалия» и «культурема». Возможно, наиболее характерным признаком для распознавания культуронима служит наличие асимметрии между: а) предположительным культуронимом и его контекстуальным окружением; б) между предположительным культуронимом и его стандартным словарным соответствием.

На первый взгляд, задача для переводчиков в обращении со «странной лексикой», культуронимами, не слишком сложна, достаточно применить наработанные технологии, приемы, позволяющие передать некий смысл, выраженный с помощью знака-культуронима, в целевом языке. Однако приемлемые для лексикологии подходы к классификации таких знаков как единиц словаря оказываются малоэффективными, а то и вовсе не пригодными при переводе текстов, что выражается в появлении деструктем в переводном тексте и способствует стилистической дискомфортности [7, с.].

Например, согласно классификации В.В. Кабакчи, слова типа *село* (*деревня, поселок* и т.п.) следует отнести к полионимам, то есть универсальным элементам земной цивилизации, с которыми не должно возникать осложнений в переводе, поскольку они имеются в лексиконе любого языка. Но если мы внимательнее сопоставим культурные ассоциации, связанные с этими словами и внутреннюю структуру соответствующих синонимических рядов, то увидим, что их информационный потенциал не совпадает в русском и английском языках,

то есть здесь присутствует асимметрия между языковым значением и культурными или контекстуальными смыслами. Двухязычные словари предоставят нам не только соответствие *село / village*, но и *деревня / village*, но если переводчик последует этому универсальному соответствию, то может обмануться сам и (или) ввести в заблуждение читателя, если в исходном тексте различие между *селом* и *деревней* окажется информационно значимым: например, важно, что в деревне нет своей церкви, а в селе она есть. В английском обиходе слово *village* включает имплицитную информацию «наличие церкви», следовательно, это слово оказывается непригодным для передачи знака *деревня*, если этот знак использован в тексте классической русской литературы, в частности, 19 века, когда такое различие было существенным; в современном обиходе такое различие не существенно в русской культуре, поэтому для современных текстов пару *деревня / village* можно отнести к разряду полионимов, тогда как, например, для произведений Гоголя или Тургенева ее следует включить в разряд идионимов, то есть определить как культурно-обусловленную лексику, поскольку за 200 лет языковая картина мира в русском культурном пространстве изменилась более значительно, чем в английском. В этой связи можно привести в качестве примера такую деталь, как перевод слова *village* в произведениях Агаты Кристи словом *деревня*: все же даже для современного восприятия оказывается несколько странным, что речь идет о «деревне», в которой есть магазины, кафе, почта, церковь, библиотека и т.п. Совершенно очевидно, что здесь возникает определенный информационный сдвиг, который, возможно, восполняется культурным домысливанием типа «видимо, в английской деревне все это имеется в отличие от русской».

Данный пример подтверждает, что культурная обусловленность того или иного языкового знака диктуется не только пространством (локальный культуроним), но и временем (темпоральный культуроним). Современные двухязычные словари, как правило, ориентированы на текущие культурно-языковые связи, редко обращаясь к истории слова. Характерным примером является казус с переводом слова *погост* на английский язык в контексте описания музея-заповедника Кижский погост: название заповедника в 1980-е гг. было переведено на английский язык как *Kizhi Graveyard*, что вызывало ложные ассоциации у туристов, которые оглядывались вокруг и, не обнаружив никаких признаков кладбища / *graveyard*, интересовались у гидов, где же оно находится. Исходное слово *погост* было идентифицировано переводчиком как полионим, то есть как архаический синоним слова *кладбище*, поскольку на тот момент в *Oxford Russian Dictionary* отсутствовало его историческое значение «большое торговое село, имеющее собственную церковь» (в настоящее время это значение включено в данную словарную статью), которое впоследствии через метонимический перенос («кладбище при церкви») сохранилось в

просторечии. Здесь мы также имеем дело с нераспознанным культуронимом, при этом отмеченным не только имплицитной, но и прямой предметно-логической информацией, ложная идентификация которой привела к смысловому искажению в переводе.

Многоликость культуронимов, которая предопределяет сложность их идентификации в процессе перевода, усугубляется переводческими решениями при выборе того или иного варианта соответствия. В сущности, информационные, в том числе смысловые потери неизбежны, но они проявляются по-разному в условиях тех или иных переводческих предпочтений. Наиболее распространенными приемами при передаче культуронимов-идионимов можно считать транслитерацию, добавление / описание, лексико-семантическое калькирование и функциональную замену (аналог). Соответствия, полученные при использовании этих приемов, считаются точными, но информационно-смысловые потери любопытным образом игнорируются. Между тем, такие «точные соответствия» представления чужой культуры обычно воспринимаются как чуждые, непонятные, бессмысленные—дискомфортные в широком смысле слова—то есть, свидетельствуют, как минимум, о сдвиге, а то и искажении информации, которая в исходном тексте отличается полнотой культурного смысла.

Переводы произведений Гоголя на английский язык содержат значительное количество таких информационных деструктов вместо исходных культурем. Рассмотрим один такой пример (английский перевод Констанс Гарнетт) из рассказа «Ночь перед Рождеством», где на коротком отрезке текста переводчица вместила почти все перечисленные выше приемы.

Русский текст:

Он знал, что богатый козак Чуб приглашен *дьяком* на *кутью*, где будут: голова, приехавший из архиерейской певческой родич дьяка в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и еще кое-кто где, кроме кутьи, будет *варенуха*, перегонная на шафран водка и много всякого *съестного*.

Английский текст.

He knew that the rich Cossack Chub had been invited by the *deacon* to partake of his *Christmas Eve kutya*, where the guests would include: the headman; a kinsman of the deacon 's who sang in the bishop's choir, wearing a blue frock-coat and endowed with a very deep bass; the Cossack Sverbyguz and some other people; where they would sample, besides the *traditional Christmas kutya*, such delights as *varenuukha*, vodka infused with saffron, and all sorts of *delicacies*.

Выделенные курсивом знаки подверглись в переводе функциональной замене (*дьяк* заменен на *deacon*), транслитерации (*kutya*, *varenuukha*), добавлению-описанию (*Christmas Eve kutya*). Однако при этом,

помимо экспрессивно-эстетической информации (системные знаки авторского идиостиля, создающие комический эффект), сама транслитерация *kutya* является лишенным смысла псевдословом в английском тексте, то есть не содержит предметно-логической информации, а добавленные определения не способствуют восстановлению смысла, передавая только функционально-периферийный признак объекта. Еще более деструктивной является замена: *deacon*, возможно, выбран переводчицей в силу морфологического недоразумения (ложное уподобление: *дьяк* – *дьякон*), но полностью дезинформирует английского читателя, поскольку в англоязычной культуре это слово означает рукоположенного священнослужителя, входящего в церковную иерархию, тогда как в русской православной традиции *дьяк* – это не священник, а своего рода завхоз при настоятеле сельской церкви, то есть примерно соответствует английскому аналогу *clerk, parish clerk*. В целом переводной текст представляет собой образец дискомфортной стилистики, когда из непонятных деталей создается еще менее понятная ситуация, и читателю приходится с напряжением придавать хоть какой-то смысл словам вместо того, чтобы оценить комизм происходящего.

Список использованных источников

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. М., 1997. 156 с.
2. Кабакчи В.В., Е.В. Белоглазова. Введение в интерлингвокультурологию. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 255 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
4. Кретов А. А., Н. А. Фененко. Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7–13.
5. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак. М.: ГНОЗИС, 2005. 472 с.
6. Сорокин Ю. А. Введение в этнопсихолингвистику. Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 1998. 138 с.
7. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: ГНОЗИС, 2003. 160 с.
8. Jakobson R. On Linguistic Aspect of Translation // On Translation. – Cambridge: Harvard University Press, 1959. P. 232–239.

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА В АВИАЦИОННОМ ВУЗЕ

О. А. Калашикова,

кандидат педагогических наук, профессор 107 кафедры иностранных языков, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А.К. Серова, Краснодар

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования базовых компетенций военного переводчика в авиационном вузе. На основе понятия «переводческая компетенция» дается анализ ее общей структуры и входящих в ее состав базовых компетенций, а также конкретизируется их содержание с учетом военно-профессиональной направленности обучения. Отдельное внимание в статье отводится приемам формирования практических навыков и умений по овладению лексикой и грамматикой английского языка для военных целей на материале созданного для этих целей практикума.

Ключевые слова: переводческая компетенция, базовые компетенции переводчика, компонентный состав, практикум, система упражнений.

Summary. The article deals with the problem of development of translator's competence in the Air Force Institute. On the basis of competence definition its structure is analyzed, with an emphasis on basic competencies and their content components with reference to military educational goals. Special attention is given to teaching techniques aimed to develop lexical and grammar skills of military translator on the basis of practical course textbook.

Key words: translator's competence, basic competencies of translator, content components, practical course textbook, system of exercises.

Подготовка военных летчиков в современных условиях требует высокого уровня летного мастерства, глубоких профессиональных знаний, способности оперативно решать разноплановые задачи, в том числе, используя знание иностранного языка. Опыт применения авиации в миротворческих операциях и военных учениях, развитие международного военно-технического сотрудничества и использование современных информационных технологий в профессиональной сфере объективно требуют, чтобы выпускники летного вуза были готовы осуществлять «лингвистическое обеспечение военной деятельности» на иностранном языке [1, с. 3]. Подготовка специалистов такого уровня проводится в рамках программы дополнительного образования по специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Данная статья посвящена описанию формирования базовых компетенций военного переводчика в авиационном вузе. Понимая под компетенцией «способность и готовность применять знания, навыки, умения и личные качества для успешной деятельности в определенной

области» [3, с. 10], следует отметить, что для военного специалиста переводческая деятельность связана с приобретением совершенно новых компетенций, поэтому их описание требует детального рассмотрения и уточнения содержания как планируемых результатов обучения.

Анализ научной литературы свидетельствует об актуальности и многоаспектности проблемы подготовки военных переводчиков. Ученые описывают требования к компетенции военного переводчика (П. П. Банман), анализируют психолого-педагогические аспекты ее формирования (Н. А. Гридякин), условия обучения военных переводчиков в гражданских, языковых вузах (М. А. Шевченко, Дж. Митчелл, В. В. Липатова, А. В. Литвинов) и в условиях современного рынка труда (Л. А. Борисова, Е. А. Княжева). Ряд исследователей описывает компетенции переводчика по основному виду его деятельности – техническому переводу (Ю. С. Фазлыева, О. А. Крапивкина) и устному (Н. Н. Гавриленко). Подходы к описанию содержания переводческой компетенции говорят о признании учеными ее комплексной структуры, но и о расхождении во взглядах относительно терминологии и состава входящих в нее компонентов. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сложный, междисциплинарный характер проблемы компетенций переводчиков требует комплексного рассмотрения, включая предметную деятельность, квалификационные характеристики, условия образовательной среды, где проводится их подготовка. Учитывая военно-прикладную направленность обучения, наиболее приемлемым, с точки зрения практической реализации в военном вузе, является подход Л. К. Латышева и В. И. Провоторова, которые рассматривают переводческую компетенцию как совокупность «базовых, специальных и специфических компетенций» [2, с. 8]. Использование данной терминологии отражает уровневую структуру компетенций переводчика, но требует конкретизации ее содержания с учетом военно-профессиональной направленности обучения в вузе.

Базовые компетенции включают основные навыки и речевые умения, которые получают курсанты на основе теоретико-прикладных знаний о системе языка, переводе как виде речевой деятельности, его видах и особенностях для военных целей. В состав базовых компетенций входят лингвистический, коммуникативный, социокультурный и социолингвистический компоненты.

Специальные компетенции связаны с умениями курсантов осуществлять речевое взаимодействие интерактивно и опосредованно, способностью понимать информацию при чтении и на слух, применять различные виды и стратегии перевода. В их число входят прагматический, дискурсивный, стратегический компоненты.

Специфические компетенции, понимаемые авторами как «знание предмета высказывания и владение терминологией» [3, с. 13], в контексте

статьи имеют более широкое значение. Они связаны со способностью обучаемых переносить и актуализировать предметные компетенции в область профессиональной деятельности, умениями объективно оценивать, интерпретировать и обобщать информацию, творчески подходить к решению профессиональных задач, используя языковые знания. В целом, описанные компетенции следует рассматривать как важные составляющие общей профессиональной компетентности военного специалиста и основные цели обучения по программе дополнительного образования с присвоением квалификации переводчика.

Обучение основам переводческой деятельности в военном вузе начинается на 1 курсе с формирования базовых компетенций. Для создания у обучаемых системного представления о языке для военных целей разработан практикум «Military English», на основе которого курсанты обучаются лексике и грамматике английского языка, знание которых необходимо для чтения и говорения на общепрофессиональные темы. Содержание практикума включает теоретический материал и практические задания, построенные на принципах поэтапного формирования навыков и умений, входящих в состав базовых компетенций.

В теоретической части практикума дается описание особенностей лексического состава и грамматического строя английского языка для военных целей. Словарный состав подъязыка военной специальности иллюстрируется на примерах нейтральной, общенаучной, военной, терминологической лексики, многозначных слов, аббревиатур и сокращений, отобранных на основе анализа учебной литературы по военной специальности, словарей Cambridge Dictionary, English Oxford Living Dictionary. Грамматический материал включает описание морфологических признаков военной лексики, правила ее употребления в составе фраз и предложений, структурные и коммуникативные типы высказываний.

В практической части практикума представлены аутентичные тексты по военной тематике и система тренировочных упражнений, направленная на поэтапное формирование лингвистической компетенции будущих переводчиков в единстве фонетического, лексического и грамматического аспектов.

Фонетический аспект предполагает отработку правильности произношения новых для курсантов лексических единиц, словосочетаний, связанных с военной сферой деятельности, включая иностранные заимствования, омографы, сокращения и аббревиатуры, условные обозначения, способы выражения военного времени. Развитие и совершенствование произносительных навыков регулярно осуществляется и в ходе работы над техникой чтения, включая акцентуацию слов, паузирование при выделении синтагм, правильность интонационного оформления предложений.

Лексический аспект связан со способностью будущих переводчиков свободно и грамотно использовать лексику, выражающую понятия военно-авиационной сферы деятельности. Для формирования лексических навыков, входящих в состав базовых компетенций, предусмотрены тренировочные упражнения рецептивного и продуктивного плана. Рецептивные упражнения формируют умения опознавать и правильно переводить специальную военную и терминологическую лексику при чтении без использования словаря. К числу этих умений относятся умения определять части речи по словообразовательным признакам, догадываться о значении слов по составу и контексту, выбирать значения многозначных слов, правильно дифференцировать интернациональные слова и «ложных друзей переводчика», понимать аббревиатуры и сокращения.

Продуктивные упражнения направлены на развитие умений устной речи употреблять военно-профессиональную лексику в высказываниях разного уровня: во фразах, предложениях, текстах. К умениям этой группы относится способность строить свободные словосочетания и употреблять устойчивые выражения, использовать лексические замены и перефразирование, варьировать высказывания с использованием разных речевых моделей.

Грамматический аспект переводческой компетенции связан с правильностью грамматического оформления высказываний и перевода текстов по основной специальности переводчиков в соответствии с нормами и правилами иностранного и родного языков. Формирование грамматических навыков проводится с использованием теоретического материала практикума и выполнения упражнений рецептивно-продуктивного плана. Умения, формируемые на их основе, включают способность дифференцировать и употреблять грамматические формы разных частей речи, сравнивать грамматические явления и структуры в иностранном и русском языках, членить по составу и конструировать предложения, уметь переводить и использовать в речи предложения разных структурных типов.

Коммуникативная компетенция представляет собой способность реализовать лингвистическую составляющую, включая знание языка, его систему, нормы и правила оперирования языковыми средствами, умения их соотносить с ситуациями речевого общения. Основы формирования коммуникативной компетенции закладываются в процессе выполнения условно-речевых и текстовых упражнений и совершенствуются на протяжении всего курса обучения в рамках практикумов по устной речи, профессионально-ориентированному переводу и аудированию.

Социокультурная компетенция в структуре базовых компетенций интерпретируется как умение понимать и интерпретировать иноязычную информацию с учетом культурных особенностей страны изучаемого языка. В социокультурную компетенцию переводчика, обслуживающего сферу

военной деятельности, входят страноведческий и культурологический компоненты – языковые и экстралингвистические знания, касающиеся организационной структуры вооруженных и военно-воздушных сил ведущих стран мира, представителей военно-политического руководства, деятельности ведущих международных организаций. Формирование социокультурной компетенции осуществляется в ходе выполнения лексических упражнений и работы с текстами, информация которых связана с описанием норм и правил военного этикета, системой воинских званий, особенностями организации военной подготовки, включая переводческую деятельность, требования к военным служащим в армиях англоязычных стран. Знания такого плана необходимы переводчику для преодоления лингвоэтнического барьера, накопления речевого опыта общения с представителями разных национальных культур, повышения общего уровня профессиональной эрудиции.

Социоллингвистическая компетенция является компонентом социокультурной компетенции и понимается как речевое поведение, обусловленное лингвокультурными нормами языка, целью и условиями общения. Формирование этой компетенции в устной речи проводится путем обучения курсантов использованию языковых средств в бытовых, учебных и моделируемых профессиональных ситуациях и овладения ими техникой речевого взаимодействия.

Опыт проведения практических занятий показывает, что организация работы на основе практикума «Military English» позволяет систематизировать знания курсантов из области теории языка, закрепить на практике применение языковых явлений в устной речи и чтении, что является необходимыми условиями формирования базовых компетенций будущих переводчиков.

Список использованных источников

1. Дополнительная профессиональная программа профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Краснодар: КВВАУЛ, 2013. 54 с.
2. Латышев Л. К., Провоторов В. И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. Курск: Изд-во РОСИ, 1999. 136 с.
3. Методические рекомендации по разработке квалификационных требований к уровню подготовки военных специалистов Вооруженных сил Российской Федерации по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации (профессиональной переподготовки). М., 2013. 22 с.

ЗВУЧАЩИЙ ПЕРЕВОД В СМИ (К ТИПОЛОГИИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА)

А. Ю. Калинин,

*старший преподаватель факультета иностранных языков и
регионоведения, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы типологии аудиовизуального перевода – наиболее интенсивно развивающейся области переводческой отрасли, а также обсуждаются некоторые технологии осуществления межъязыкового перевода в сфере аудиовизуальных СМИ. Обосновывается целесообразность категоризации звучащего перевода как формы существования и предъявления транслята реципиенту.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, аудиовизуальные СМИ, медиаконтент, устный перевод, войсовер, звучащий перевод.

Summary. The paper discusses some issues in typology of audiovisual translation, the most intensively evolving area of the translation industry, focusing on modes of interlinguistic translation applied for audiovisual media. The study endorses the rationale for categorizing the spoken translation as a form of existence and delivery of the translated content to the audience.

Key words: audiovisual translation, audiovisual media, media content, interpreting, voice over, spoken translation.

Первые работы, в той или иной степени затрагивающие проблематику аудиовизуального перевода (АВП), появились в 1970-е гг. [5; 8], были естественным образом посвящены вопросам кинодискурса и носили эпизодический характер. Начало систематического изучения проблем АВП в рамках переводоведения (Translation studies) относится 1990-м гг. И, хотя точкой отсчета таких исследований принято считать дату, также непосредственно связанную с историей кинематографа (его столетие в 1995 г. [14]), очевидно, что за прошедшие десятилетия сфера применения АВП чрезвычайно расширилась и далеко шагнула за рамки кинопроизводства. Сегодня термин киноперевод представляет собой гипоним по отношению к гиперониму АВП [7], поскольку последний вбирает в себя не только привычные дубляж или субтитрирование игровых, документальных, анимационных фильмов, но и меж- и внутриязыковой перевод, адаптацию и транскреацию театральных постановок, рекламных роликов, компьютерных игр, а также весьма разнородного по содержанию телевизионного и прочего мультимедийного контента [9]. Неслучайно, в англоязычной литературе в качестве понятия синонимичного АВП прочно закрепился термин *screen translation*, то есть перевод «всего того, что может быть показано нам экране», будь то телевизионный приемник, монитор компьютера или дисплей мобильного устройства [10; 12]. В этом отношении электронные

масс медиа находятся в авангарде производства и дистрибуции переводных аудиовизуальных текстов, т.к. с одной стороны, в настоящее время ни в одной стране мира невозможно представить себе крупную национальную телекомпанию, которая не прибегает к переводу аудиовизуальных материалов, а с другой, телевидение и Всемирная сеть находятся в отношениях не столько комплиментарности, сколько взаимопроникновения, поскольку Интернет становится средой распространения телевизионного контента: большинство крупных телеканалов не только имеют собственные WEB-сайты, но и размещают свои материалы на открытых видеохостингах. Кроме того, во многих странах существуют многоязычные аудиовизуальные СМИ (такие, как *ARTE*, *Euronews*, *RT*) деятельность которых просто немыслима без АВП.

В силу этого, сегодня АВП представляет собой особую сферу переводческой деятельности, которая не может быть изучена и описана без привлечения междисциплинарных методов, поскольку условия и технологии его осуществления и формы подачи аудиовизуального произведения реципиенту, т.е. зрительской аудитории, весьма сложны и разнообразны [12]. Кроме того, необходимость объединения исследований АВП в рамках отдельной области переводоведения обусловлена особым *полимодальным* (многоканальным, полисемантическим) характером аудиовизуального текста, в котором вербальная составляющая не может быть искусственно оторвана от прочих семиотических компонентов [15]. Последнее обстоятельство, по выражению А. В. Козуляева, зачастую «смущает» переводчиков классической школы [4], привыкших ограничиваться рамками межъязыковых преобразований и не готовых к восприятию объекта перевода как сложного целого, результата гетеросемиотических интеракций.

Несмотря на непродолжительную историю систематического изучения АВП целый ряд авторов успели предложить собственные классификации его видов. Наиболее полной и всеобъемлющей представляется типология И. Гамбье [13], сочетающая в себе несколько категориальных критериев: лингвистический, хронологический, технологический и эргономический. Гамбье выделяет 13 видов (*modes*) АВП: 1) перевод кино и видеосценариев; 2) внутриязыковое субтитрование; 3) межъязыковое субтитрование; 4) автоматическое субтитрование в прямом эфире (с использованием систем автоматического распознавания речи - САРР); 5) дубляж; 6) устный перевод (синхронный или последовательный); 7) сурдоперевод; 8) войсовер (закадровое озвучение); 9) закадровый комментарий; 10) супертитрование; 11) перевод с листа; 12) аудиодескрипция 13) адаптация/реконтекстуализация аудиовизуального произведения [13, с. 2–4 – перевод мой – А. К.].

Несмотря на некоторую эклектичность данной классификации (например, включение в инвентарь АВП перевода сценариев, - то есть

преобразование одних письменных текстов в другие, - представляется весьма спорным), она безусловно отличается значительной полнотой описания возможных видов АВП и позволяет, в целях дальнейшего анализа, сгруппировать их в типологические категории в зависимости от способа предъявления переводного контента реципиенту. Исходя из данного принципа, нам представляется целесообразным различать *графические*, *кинетические* и *звуковые* формы предъявления транслята в АВП. К первым стоит отнести все разновидности суб- и супертитрирования, ко вторым – сурдоперевод (перевод на жестовый язык), к третьим – дубляж, перевод для последующего озвучивания – т.н. «войсовер» и устный перевод. Поскольку настоящая статья посвящена вопросам межъязыкового перевода медиаконтента, мы в дальнейшем ограничимся лишь теми видами АВП, которые имеют хождение в СМИ, и поступают к получателю по аудиоканалу. По понятным причинам, дубляж, как технология, требующая значительных финансовых и главное временных затрат, в аудиовизуальных СМИ практически не используется и основным способом предъявления переводного иноязычного контента является, озвученный перевод, наложенный поверх приглушенной оригинальной аудиодорожки. Одной из техник такого перевода является *собственно устный перевод*, который в свою очередь может осуществляться синхронно или последовательно. Устный перевод используется при проведении прямых трансляций официальных мероприятий, инаугураций, пресс-конференций, «горячих линий», новостей категории «срочно в номер» и т.п., и выполняется, как правило, синхронно [3, с. 36]. Так российский многоязычный телекомпания *RT* на регулярной основе организует синхронный перевод на английский, французский и испанский языки наиболее значительных медиа-событий жизни страны, транслируемых в прямом эфире (примые линии с Президентом РФ и его обращения к Федеральному собранию, специальные аналитические выпуски с различных площадок ЧМ по футболу 2018 и т.п.). В силу необходимости экономии эфирного времени последовательный перевод используется на телевидении крайне редко и, в основном, для интервью, транслирующихся в записи. Иногда возможно совмещение в разных фрагментах одного аудиовизуального произведения как синхронного, так и последовательного видов устного перевода. В качестве примера можно привести интервью Президента РФ американскому каналу *NBC* в марте 2018 г., первая часть которого, переводилась в последовательном режиме (при этом перевод ответов В. В. Путина на английский язык в дальнейшем вырезался из трансляции на русскоязычную аудиторию), а вторая – в синхронном [2]. При этом голос переводчика звучит громче, нежели голоса непосредственных участников мероприятия, поскольку звук оригинального аудиоканала приглушается. Примечательно, что в англоязычных работах, описывающих практику АВП широко используется понятие *voice over*, т.е. дословно «наложенный поверх голос»,

однако за ним закрепилось иное значение [11], т.к. речь идет отнюдь не об устном в плане техники выполнения переводе. Текстовый компонент большей части аудиовизуальных материалов, которые транслируются с переводом на телевидении и в сети Интернет (новостные выпуски, информационно-аналитические программы) первоначально графически транскрибируется на исходном языке, затем осуществляется письменный перевод и редакторская правка на языке зрительской аудитории, после чего полученный транслят начитывается диктором, в качестве которого может выступать как профессиональный актер, так и журналист, готовящий материал к эфиру. Наконец, аудиозапись озвученного текста перевода синхронизируется с оригинальным видеорядом, при этом, исходная звуковая дорожка также приглушается, а дорожка с текстом перевода «накладывается» на нее. В отдельных случаях, особенно когда оригинальный ролик сочетает в себе закадровый голос диктора и голоса персонажей (экспертов, очевидцев, интервьюируемых), которые появляются на экране, может использоваться т.н. двухголосное озвучивание («полудубляж», например, женским и мужским голосами). Однако кардинальное отличие такого озвучивания от кинематографического дубляжа состоит в том, что артикуляторно-фонетическая синхронизация здесь отсутствует, а исходная аудиодорожка остается слышна. Такой сценарий АВП широко используется разноязычными каналами *Euronews* как в кратких новостных выпусках, так и для подготовки к эфиру более длительных программ типа *features*.

Как видим, если *voice over* и воспринимается зрителями как устный перевод, поскольку поступает к ним через слуховой канал, в действительности, не является таковым в строгом смысле слова, т.к. представляет собой продукт двойного перекодирования: устная форма текста → письменная форма текста → устная форма текста. Данную разновидность АВП можно было бы назвать «псевдоустным» переводом («квазиустным» по терминологии А.Г.Сонина [8]). Если основные отличия устного и псевдоустного видов АВП состоят в степени подготовленности и наличии, во втором случае, промежуточных стадий существования вербального компонента, то их общность заключается в звуковой форме предъявления транслята зрительской аудитории и, как следствие, в их восприятии реципиентами на слух. Последнее соображение позволяет на наш взгляд объединить оба вида перевода в рамках термина *звучащий перевод*, который, при всех различиях техник выполнения, имеет одну форму физического существования и ориентирован на единую перцептивную модальность. Термин «закадровый перевод» [1], получивший значительное распространение как в специальной литературе, посвященной вопросам киноперевода, так и в обыденном сознании, представляется нам неудачным с концептуальной точки зрения. Не стоит забывать, что практически любой вид АВП (кроме сурдоперевода и тех

редких случаев устного перевода, когда переводчик находится непосредственно в студии и его снимает камера) осуществляется «за кадром», т.е. зрители не имеют возможности ни видеть самого переводчика, ни наблюдать за его работой.

Таким образом, поскольку конечный продукт АВП, включающий оригинальный видеоряд и переводные дополнения, представленные в том или ином виде, предназначен для многоканального восприятия реципиентами, полезным критерием типологизации такого перевода может служить не только техника его выполнения, но и форма предъявления его результата зрительской аудитории.

Список использованных источников

1. Аносова Н.Э. Закадровый перевод и субтитрование: особенности и перспективы [Электронный ресурс] // ПНиО. 2018. №1 (31). URL: <https://pnojournal.wordpress.com/archive18> (дата обращения: 15.01.2019).
2. Интервью американскому телеканалу NBC. [Электронный ресурс] // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57027> (дата обращения 15.01.2018).
3. Калинин А. Ю. Устный перевод в системе аудиовизуального перевода: типологические и дидактические аспекты // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние. Тезисы Третьей международной научной конференции. ВоГУ – НГЛУ Вологда – Нижний Новгород, 2018. С. 36–37.
4. Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода // Царскосельские чтения. – 2013. – №XVII. С. 374–381.
5. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 92 с.
6. Матасов Р. А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты : дис ... кандидата. филол. наук. М, 2009. 211 с.
7. Сонин А.Г. Общепсихологические и когнитивные механизмы понимания мультимедийных текстов // Вопросы психолингвистики. – 2003. – №1. С. 43–56.
8. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
9. Chaume F. Film Studies and Translation Studies. Two disciplines at Stake in Audiovisual Translation // Meta. 2004. Vol. 49, No 1. P. 12–24.
10. Díaz Cintas J., Anderman, G. (eds) Audiovisual Translation. Language Transfer on Screen, L.: Palgrave Macmillan, 2009.
11. Franco E., Matamala A. & Orero P. Voice Over Translation: An Overview. Bern: PeterLang, 2010.
12. Gambier, Y. (ed.) (2003) Screen Translation // The Translator. 2003. Vol. 9, No 1. 3.
13. Gambier Y. La traduction audiovisuelle : un genre en expansion // Meta. 2004. – Vol. 49, No 1. P. 1–11.

14. Gambier Y. The Position of Audiovisual Translation Studies // The Routledge Handbook of Translation Studies, ed. by C. Millan and F. Bartrina, L.: Routledge. 2013. P. 45–59.

15. Zabalbeascoa P. The Nature of the Audiovisual Text and its Parameters // J. Díaz Cintas (ed.) The Didactics of Audiovisual Translation, Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 21–39.

УДК 81:37.016

ЛИНГВОДИДАКТИКА НА СТЫКЕ МЕТОДОВ И МЕТОДИК (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)

А. В. Карпенко,

*кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью статьи является обоснование сочетания рекомендаций различных методологических течений и принципов, отстаиваемых современными подходами в лингводидактике. Как общая теория обучения языкам, основанная на лингвистических данных и законах обучения языкам, лингводидактика разрабатывает разнообразные методики и подходы в зависимости от дидактических целей при изучении иностранного языка и решает целый ряд смежных задач. Так как лингводидактика – это не застывшая наука, находящаяся в постоянном поиске новых, современных, эффективных и реалистичных подходов и методик, преподаватели-практики, опираясь на стремительную эволюцию науки с учетом уже достигнутых результатов, пытаются согласовать вновь сформулированные методологические принципы с уже апробированными и наиболее эффективными методиками. Одним из главных положений, как мы считаем, является адаптация к ожиданиям и учет интересов, потребностей обучающихся. В статье представлена точка зрения преподавателя-практика на процесс обучения и отношение к различным методологиям и методам в процессе изучения иностранных языков.

Ключевые слова: лингводидактика, эволюция, методологические тенденции и подходы, коммуникативный подход, деятельностный подход, профессиональные навыки.

Summary. The purpose of the article is to justify the attempt to combine the recommendations of various methodological trends and principles prescribed by modern approaches in linguodidactics. As a general theory of language learning, based on linguistic data and laws of language learning, it develops a variety of methodologies and approaches depending on didactic goals when learning a foreign language and solves a number of related problems. As the didactics of the language is not a fixed science which is constantly looking for new, modern, effective and realistic approaches and methods the practicing

teachers relying on the rapid evolution of science, taking into account the results already achieved try to reconcile the newly formulated methodological principles with the already tested and the most effective techniques. One of the main theses, we believe, is the adaptation to the expectations and consideration of the interests and needs of students. The article presents the position of the teacher-practitioner on the learning process and the attitude to various methodologies and methods in the study of foreign languages.

Key words: linguodidactics, evolution, methodological tendencies and approaches, communicative method, activity approach, professional skills.

Преподавание иностранных языков как отрасль научного знания не является ни догмой, ни застывшей наукой, не говоря уже о том, что ее можно рассматривать как точную парадигму. Находясь в постоянном поиске и размышлениях в процессе быстрой эволюции науки, преподаватель должен позиционировать себя как рефлектирующего практика, стремящегося согласовать устоявшиеся методологические принципы и вдумчивый прагматизм, способствуя продвижению современных, эффективных и реалистичных методик [3]. Обязательной, на наш взгляд, также является адаптация к интересам обучающихся, их ожиданиям, потребностям и привычкам в обучении. Наконец, любой преподаватель, независимо от опыта, приобретает профессиональные навыки, от которых он иногда вынужден отказаться в пользу более эффективных, или же, наоборот, использовать их, сочетая с новейшими методологическими тенденциями.

Единственная незыблемая цель преподавателя – дать своим обучающимся наиболее эффективный из возможных методов, подразумевающий, в частности, полезное, быстрое, результативное и постоянное обучение. С этой точки зрения каждый преподаватель должен руководствоваться собственным методологическим подходом, основанным как на достижениях научной в дидактической мысли, так и на собственном опыте, навыках и потребностях обучающихся с учетом всегда конкретных контекстуальных элементов, где институциональные ожидания занимают не последнее место.

Целью данной статьи не является изложение эволюции дидактики французского языка как иностранного. Мы хотим выяснить, в какой степени преподаватель может сочетать рекомендации различных методологических течений и согласовывать их с определенными принципами, отстаиваемыми современными подходами (коммуникативным или, например, деятельностным) и другими, более ранними, которые могут иметь радикально разные направления (например, традиционные подходы). Задать себе этот вопрос – значит выявить и проанализировать условия «методологического эклектизма», отказываясь, с одной стороны, от прогрессивных, а с другой стороны, от системных и глобальных аспектов педагогических подходов.

Итак, начнем с рассмотрения некоторых важных принципов применительно к методам и методикам в лингводидактике:

1) более взрослые носители языка являются доказательством того, что каждый из предыдущих методов и методик был в свое время эффективен, но следует также понимать, что цели и задачи обучающихся и их языковые потребности того времени не соответствуют современным требованиям;

2) если некоторые методы кажутся сегодня устаревшими и могут вызвать лишь улыбки, современные методы и методологии, несомненно, постигнет та же участь в течение нескольких десятилетий или даже раньше. Поэтому не следует поручаться за самые современные подходы и методики преподавания языков;

3) не проявляя излишнего консерватизма, все-таки признаем, что современные методики сами по себе не могут быть гарантией качества. Только результаты и, следовательно, эффективность методов и методик могут быть приняты во внимание для оценки их актуальности и качества;

4) избегая путаницы в применении фактически используемых учебников, преподаватель действительно должен принять и адаптировать новые методики, базирующиеся на современных подходах, но использовать их совсем не так, как предлагают авторы, а сочетая наиболее эффективные элементы новых и уже давно используемых методик [2, с. 64–71.]. Заметим, что это замечание справедливо для двух направлений в лингводидактике и распространено при работе традиционным способом с методиками, разработанными для современных подходов;

5) «чудесная» методика преподавания без участия и / или усилий со стороны, как преподавателя, так и обучающихся, в лучшем случае является фантазией авторов учебников, а в худшем – вводит в заблуждение при помощи иллюзорного бизнес аргумента;

б) исследования в лингводидактике, в основном сфокусированные на априорных суждениях, не подходят для всех ситуаций. Это привело бы к результатам и средствам, которые должны быть «универсальными». Сам соблазн «универсальности» может скрыть необходимость учета контекстуальных элементов, позволяющих определить и уточнить специфику ситуации [6, с. 93–95]. Различные наблюдения подтверждают, что в этой области, как и в других, важно сосредоточиться на рефлексивности и не стать объектом экспериментов преподавателей, подверженных нестабильности методологических изменений, которые, могут показаться совершенно инновационными и слишком далекими от предыдущих практик и особенно навыков, эффективно усваиваемых в процессе обучения [8, с. 14].

Методика преподавания иностранных языков постоянно развивается, иногда с помощью простых корректировок, а иногда гораздо более радикальным способом. В самой недавней истории (ограничимся последними двумя – тремя сотнями лет и преподаванием просто

французского языка, не выделяя французский как иностранный, или французский для специальных целей) можно обобщить эволюцию методик в лингводидактике четырьмя великими моментами и четырьмя основными типами методик [4]. Это так называемые «традиционные» методики, структурно-глобальные аудиовизуальные методики, коммуникативный подход и деятельностный подход, особенно формализованный в рамках Общевропейских компетенций владения иностранным языком, позволяющих оценить уровень владения определенным европейским языком, соотнеся навыки с определенными критериями [5, с. 2–14]. С их помощью можно выявить, обладает ли человек необходимым уровнем знаний для работы, учебы или туристических поездок. Для подтверждения уровня владения тем или иным иностранным языком используются специальные международные тесты [9, с. 24–34].

Эта непрерывная эволюция в лингводидактике не обязательно субъективна или случайна. Она опирается, с одной стороны, на эволюцию общества, с другой стороны, на реакцию в сопоставлении с предыдущими научными течениями и тенденциями, а также на признании факта всегда совершенствующейся эффективности и дидактических принципов, опирающихся на прогресс в различных областях знаний, дополняющих друг друга при построении последовательных системных подходов [7, с. 36–38]. Среди этих областей знания и важных характерных черт можно отметить:

- технологические достижения: будь-то видеомэгафоны, компьютеры, Интернет или интерактивные доски, которые оказали или окажут значительное влияние на языковые методики;
- изменения в обществе, которые привели к новым целям в преподавании языков, от подходов к литературе до более прагматичного и более утилитарного коммуникативного подхода;
- эволюция и диверсификация профиля аудитории, а, следовательно, и целей обучения: обучающихся различных возрастов от школьного и вузовского контекстов, до профессионалов, позволяя отличать французский для специальных целей от профессионального французского в профессиональном контексте;
- эволюция в поведении и позиционировании обучающихся по отношению к изучаемому предмету;
- исследования в области педагогики и психологии применительно к образованию;
- исследования в области когнитивных наук;
- выбор, сделанный лингводидактиками в отношении теоретических опций в области языка и его функций.

Чтобы иметь возможность учитывать все контекстуальные переменные и, следовательно, быть как можно более эффективным в своей работе, преподаватель должен воспользоваться всем диапазоном действий и знаний, которые сделают его компетентным и придадут его работе

наибольшую эффективность и качество. Однако существует опасность чрезмерной и бездумной эклектики, которая может привести к сопоставлению иногда несовместимых или даже противоречивых элементов. Все вышесказанное требует глубоко информированных и тщательно подготовленных преподавателей. Действительно, разнородный, эклектичный выбор приемов работы в аудитории означает разумный выбор рефлексивных преподавателей, а не бессвязный набор методов обучения. Это требует подготовки высококвалифицированных преподавателей, способных иметь дело с методологическими элементами, априори не однородными, если не сказать разнородными. Таким образом, только специальные навыки и развитая рефлексивность дадут преподавателям необходимую автономию. Это позволит им выстроить их собственный дидактический подход, который обеспечит согласованность между различными методологическими элементами. Итак, вне зависимости от новейших методик, дающих рекомендации по самым эффективным подходам, преподаватель не может и не должен отказываться от своих профессиональных наиболее эффективных наработок, а согласовывать и сопрягать их с современными методами и подходами.

Список использованных источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: «Русский язык», 1990. 246 с.
2. Гальскова Н. Д., Василевич А. П., Акимова Н. В. Методика обучения иностранным языкам. Учебное пособие. Издательство Феникс, 2017. 352 с.
3. Щукин А. Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы). Издательство «ВК», 2012. 336 с.
4. Beacco J.- C. L' approche par compétences dans l'enseignement des langues. Paris: Didier, 2007. 307 p.
5. Coste D. «Contextualiser les utilisations du Cadre européen commun de référence pour les langues». [Ressource électronique]. Le Cadre européen commun de référence pour les langues (CECR) et l'élaboration de politiques linguistiques: défis et responsabilités. Strasbourg, Conseil de l'Europe, http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/SourceForum07/D-Coste_Contextualise_FR.doc. (дата обращения 25.01.2019)
6. Cuq J.- P., Gruca I., Cours de didactique du français, langue étrangère et seconde, PUG, Grenoble, 2005. P. 93–95.
7. Martin E. L'éclectisme méthodologique dans l'enseignement/apprentissage du français en Chine, Synergies Chine, N 2, 2006. P. 36–38.
8. Puren C. La formation en questions, Paris, CLÉ International, 1999. P.14.
9. Rosen E. Le point sur le CECR, Paris, CLÉ International, 2007. P. 24–34.

МОНОВОКАЛИЗМ ЖОРЖА ПЕРЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В. В. Кириченко,

*аспирант кафедры истории зарубежных литератур, факультет
филологии Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу сложностей перевода и интерпретации текстов, написанных в рамках формальных ограничений, а также их стилистическим особенностям. В исследовании в качестве примера используется произведение французского писателя Жоржа Перека «What a man!», построенное на принципе моновокализма буквы «а».

Ключевые слова: Жорж Перек, УЛИПО, экспериментальная литература, моновокализм, липограмма.

Summary. This paper is devoted to analyzing the difficulties of translation and interpretation of texts written with formal constraints, as well as their stylistic features. In the study, the work of the French writer Georges Perec «What a man!», built on the principle of univocalism of the letter «a», is used as an example.

Key words: Georges Perec, OULIPO, experimental literature, univocalism, lipogram.

Данное исследование появилось на фоне изучения поэтики Жоржа Перека (1936–1982), особенностью которой является частое обращение автора к нетрадиционным стилистическим средствам – к т. н. «формальным ограничениям» (липограмма, моновокализм и т. п.). Эти приемы оказываются достаточно сложными для перевода без серьезных потерь языковой игры и ассоциативного плана оригинала. Одним из знаменитых труднопереводимых мест Перека является фраза из автобиографического романа «W, или Воспоминание детства» (1975): «Histoire avec sa grande hache» [7, р. 13], что буквально переводится как «История со своим большим топором», но также может означать «История с большой буквы». Будучи польским евреем, Перек стал сиротой в раннем возрасте, что повлекло серьезные последствия для его дальнейшей жизни. Эта совершенно неслучайная игра слов определенно стала краеугольным камнем в поэтике Перека. и наглядно демонстрирует значимость истории и воспоминаний в творчестве автора. Данный пример является одним из самых наглядных, в то время как в творчестве автора встречается множество более сложных случаев.

Как пишет исследователь данной темы Т. Б. Бонч-Осмоловская, «под общим термином “ограничения” понимались ограничения грамматические и лексические, ограничения формы и ограничения версификации,

ограничения издавна существующие и вновь изобретенные, ограничения, которые, по мнению членов группы <УЛИПО>, являются стимулом поэтического творчества» [1]. Так, частыми примерами данных ограничений являются палиндромы, анаграммы, акrostихи, липограммы и т. д. Т. Бонч-Осмоловская также писала: «Формальную литературу можно обозначить термином “технэ”, означающим рациональное “мастерство”, “искусство”, противостоящее литературе “мании”, литературе божественного “исступления”, безумного “одержания”» [2, с. 11].

Произведения, основанные на подобных приемах, получили широкое распространение в авангардной литературе XX в. Однако их возникновение можно отсчитывать от дописьменного периода литературы. Так, Лас Гермионский (VI в. до н. э.), о котором Аристофан упоминал в «Осах», был учителем знаменитого лирика Пиндара и прославился как автор первых липограмм, произведений, осознанно созданных без использования одной или нескольких букв алфавита (моновокализм является частным случаем липограммы). В древности эксперименты такого рода рассматривались не просто как упражнения в стиле, но как произведения высокого уровня мастерства, потому что основывались на риторике, требующей серьезного усилия. Тем не менее, как показывает история классической литературы, феномен формальных ограничений не вошел в повседневную писательскую практику и остался несколько маргинальным полем, хотя стилистические и формальные эксперименты никогда не исчезали. Жорж Перек писал о липограммах: «это лексическое неведение сопровождается недооценкой, столь же стойкой, сколь и презрительной. Занятая исключительно большими буквами (Произведение, Стиль, Вдохновение, Видение Мира, Верный Выбор, Гений, Творение), история литературы, кажется, совершенно игнорирует такие качества, как практика, как работа, как игра» [4, р. 79].

В XX в., главным образом благодаря авангардному повороту, литература обращается к более древнему опыту работы с языком художественного произведения, чем было принято в предшествующей традиции. Этот акцент на эксперимент с формой проходит красной нитью сквозь всю модернистскую и постмодернистскую линии искусства и серьезно закрепляется в творчестве некоторых писателей и литературных групп. Одним из таких писателей был французский классик Жорж Перек, почти все произведения которого построены на формальных ограничениях, например, роман «La Disparition» (1969) [5], написанный без употребления буквы «е», или повесть «Les Revenentes» (1972) [6], созданная только с использованием одной буквы «е». Если начальный период творчества Перека отмечен влиянием представителей Нового романа, то с 1967 г. автор начинает создавать экспериментальные сочинения. Это связано с тем, что в этом году Перек вступает в литературно-математическую группу УЛИПО (фр. OULIPO – *Ouvroir de littérature potentielle* – «мастерская потенциальной

литературы)), которая занималась разработкой приемов, стилистических фигур, принципов для новой литературы, чтобы переосмыслить художественное письмо. УЛИПО, подобно «Великим риторикам» (XV–XVI вв.), в произведениях которых форма оказывалась важнее содержания, поставили своей задачей вывести эту маргинальную традицию в основное течение литературной эпохи. Помимо Перека, в этот «кружок» входило множество известных писателей: Р. Кено, И. Кальвино, Ж. Рубо, К. Берж, Ж. Лескюр и др. Один из первых сборников УЛИПО вышел под название «Атлас потенциальной литературы» («Atlas de littérature potentielle», 1981), в котором был опубликован моновокалистический экспериментальный текст Перека «What a man!».

«What a man!» представляет собой рассказ, написанный на французском с использованием одной буквы «а». Рассказ обладает достаточно простой структурой и в основном написан в простом прошедшем времени с употреблением причастий настоящего времени, т. е. именно эти формы позволяют подбирать слова только с гласной «а». История начинается с поимки преступника Андараса МакАдама, который год назад убил некоего Макса Ван Запатту, за это оказался в тюрьме, затем идет перечисление заслуг сыщика Армана Д'Артаньяна, который прославился не только поимкой многих опасных преступников, но и тем, что был мастером на все руки: переводил Кафку, Гадда, Кравана, умел танцевать самбу, яву, чардаш, знал толк в алкогольных напитках, охотился на панд, играл на музыкальных инструментах и т. д. [8, р. 216]. История о детективе оказывается своеобразной сатирой на героев романов Сан-Антонио (Фредерик Дар, 1921–2000), одного из самых читаемых авторов XX в. Отсылка к Сан-Антонио буквально представлена в тексте: «Armand d'Artagnan, crack pas bancal, as à la San A, l'agrafa» («Арман д'Артаньян, ловкий мастак, ас, прям как Сан А., его поймал»). [8, р. 215]. Сатирическая направленность текста поддерживается с помощью комичных, порой абсурдных зарисовок. Так, апогей битвы МакАдама и Ван Запатты ознаменован смертельным попаданием пули в зад Ван Запатты, который претерпевает следующую предсмертную градацию: «flancha, flagada, hagard, garlapla» («Он ослаб, обессилел, одичавший и разбитый») [8, р. 215].

Примечательной особенностью произведения является тот факт, что это не совсем правильный моновокализм, в тексте есть два пассажа: «ayant à dada l'art d'Allan Ladd» («Разбирающийся в искусстве Аллана Лэдда») [8, р. 215] и «sablant à ras hanaps cramant d'Ayala» («Выпивал залпом из гладких кубков, обожженных Аялой») [8, р. 216]. В этих отрывках слова «ayant» и «Ayala» являются нарушением правила моновокализма. Эта особенность обычно обозначается как клинамен (т. е. исключение из правил, возведенное в принцип), что в 1960-е гг. стало одним из главных концептов УЛИПО. Тем не менее стоит заметить, что в подобных случаях «у» не считается полноценной гласной.

Название произведения буквально можно перевести как удивленное восклицание: «Какой человек!». Заметим, что оно написано по-английски, и представляет собой стилистический макаронизм, т. е. ситуацию, когда в одном тексте смешиваются несколько языков. В тексте есть еще несколько случаев вкрапления англоязычных выражений: «at last» («Наконец»). [8, р. 216] и «T'was a man as tall as Caracalla» («Это был мужчина, столь же стройный, как Каракалла») [8, р. 216]. Эти словоупотребления не следует смешивать с другими случаями использования английских слов Переком. Так, в начале рассказа он пишет: «Smart à falzar d'alpaga nasarat» («Модник в штанах из шкуры алой альпаки») [8, р. 214]. Заимствованное слово «smart» («шикарный», «элегантный», «модный») используется во французской разговорной речи, а «Flash-back» [8, р. 215] является кинематографическим термином, причем предложение «Flash-back!» оказывается примером несобственно-прямой речи, усложняющим нарративную структуру, потому что не понятно, кому принадлежит это высказывание.

Другой необычной чертой рассказа «Какой человек!» оказывается использование некоторых имен собственных как средства уточнения детали портрета, например: «frac à rabats, brassard à la Franz Hals, chapka d'astrakhan à glands à la Cranach» («Во фраке с закрывками, с нарукавниками, как у Франса Халса, в ушанке из шерсти каракульской овцы с шишечками в духе Лукаса Краноха») [8, р. 214]. Эти уточнения имеют конкретные примеры. Так, на картине Халса «Семейный портрет Исаака Массы и его жены» (1622) изображены типовые белые нарукавники того времени. С творчеством Краноха более сложная ситуация. Предположительно, Перек имел в виду картину «Сводня» (1548), однако сложно представить себе ушанку с подобными «шишечками». В данном случае живопись двух портретистов служит приемом детализации предмета одежды Андруса МакАдама, что в итоге создает образ несуразно разодетого деревенщины.

Для описания развязавшейся драки между МакАдамом и Ван Запаттой автор применяет разговорную грамматику: «Ça barda. Ça castagna dans la cagna craca. Ça balafra. Ça alla mal» («Обстановка накалилась, началась драка в грязнящем бараке. Друг друга порезали. Дело было плохо») [8, р. 215]. Разговорное местоимение «ça» заменяет здесь нормативное «cela», при этом важно, что в разговорно-обиходном стиле «ça» может заменять собой многие части речи и находиться в различных синтаксических позициях. В первых трех случаях значение «ça» оказывается ближе всего к безличному местоимению «on», потому что под «ça» подразумеваются действия двух субъектов, а в последнем используется классическая конструкция «ça va». При этом данная форма («ça») не свойственна классической наррации. Использование разговорного стиля в повествовании, с одной стороны, вынужденная необходимость приема, а с другой – авангардный подрыв литературной традиции.

Последний абзац произведения представляет собой объемное предложение, осложненное множеством причастных оборотов. Для упрощения этой громоздкости высказывание можно переводить глаголами прошедшего времени, что не повлияет на смысл. Чрезвычайно объемное перечисление занятий Армана Д'Артаньяна свидетельствует о разносторонней эрудиции автора, каком-то «шозистском интересе» (у Перека шозизм становится способом инвентаризации пространства, т. е. энциклопедическим накоплением, упорядочивающим реальность) и возможности интертекстуальной связи с различными культурными контекстами, которые дополняют произведение.

Таким образом, произведение «Какой человек!» конструируется из плотно расположенного множества заимствований («at last»), экзотизмов («alpaga», «chapka», «datcha»), терминов («anthrax nasal»), разговорной лексики («passer à tabac», «malabar»), арго («castagner», «baba»), междометий («Paf», «Scratch», «Bang»), топонимов («l'Arkansas»), антропонимов («Armand d'Artagnan»), религиозных восклицаний («Par Allah», «Par Satan») пр. Появляющаяся из-за формального ограничения густота «сложных слов» серьезно утяжеляет текст и делает его неудобоваримым для читателя. Отсюда же вытекает и множество сложностей перевода: 1) передача близких по значению синонимов, арго, оноματοпеи и т.п.; 2) невозможность актуализации ассоциативных значений оригинала; 3) сохранение оригинальной ритмической структуры текста; 4) распознавание и расшифровка историко-культурных отсылок 5) передача самого приема моновокализма. Кажется, что тексты, написанные в рамках принципа моновокализма, не поддаются адаптации в отличие от более простых формальных ограничений, например, липограммы.

В заключение можно сказать, что произведение с таким стилевым единством, вбирающим в себя большое разнообразие языковых средств, свидетельствует о нарушении классических конвенций французской прозы и об уничтожении однозначности стиля. Эта форма частично совпадает с тем, что хотел показать в демонстративных «Упражнениях в стиле» (1947) Р. Кено: как стиль формирует совершенно разные тексты с одним и тем же содержанием. «Какой человек!» оказывается не самым впечатляющим экспериментом Перека, однако он хорошо показывает, с чего начинал свой путь автор, написавший «La Disparition», роман, формальное ограничение которого было совершенно не заметно для его первых читателей и критиков. В итоге Перек стал одним из немногих авторов, которым удалось вывести формальный прием из периферии на литературную магистраль.

Список использованных источников

1. Бонч-Осмоловская Т. Б. Литературные эксперименты группы «УЛИПО» [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение, №57, 2002. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/57/tbono.html>. (Дата обращения: 03.02.2019).

2. Бонч-Осмоловская Т. Б. Введение в литературу формальных ограничений. Литературы формы и игры от античности до наших дней. Самара: «Бахрам-М», 2009. 560с.
3. Perec G. Espèces d'espaces. Paris: Éditions Galilée, 1985. 126p.
4. Perec G. Histoire du lipogramme // OULIPO. La littérature potentielle. Paris: Gallimard, 1973. 308p.
5. Perec G. La Disparition. Paris: Éditions Gallimard, 1989. 319 p.
6. Perec G. Les Revenentes. Paris: Éditions Julliard, 1997. 140 p.
7. Perec G. W, ou le souvenir d'enfance, Paris: Gallimard, 1975. 224p.
8. Perec G. What a man! // OULIPO. Atlas de littérature potentielle. Paris: Gallimard, 1981. P. 214–216.

УДК 81'25

КОНТЕКСТ И ЗНАЧЕНИЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕДАЧИ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Н. Н. Кислицына,

*кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
иностранных языков № 1 Института иностранной филологии, КФУ им.
В. И. Вернадского, Симферополь*

М. С. Меленцова,

*ведущий специалист по УМР кафедры иностранных языков № 1
Института иностранной филологии, КФУ им. В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Одной из актуальных проблем при переводе текстов является интерпретация оценочной семантики, репрезентируемая единицами языка. В качестве необходимого условия осуществления адекватного перевода предлагается применение когнитивно-дискурсивного подхода. Успешный перевод языковых единиц и речевых структур с оценочной семантикой требует учета ситуативного и социокультурного контекстов, подразумевающих под собой такие когнитивные аспекты, как антропоцентричность, неоднозначность и интегративность.

Ключевые слова: контекст, текст, дискурс, оценочная семантика, перевод, когнитивный подход.

Summary. One of the urgent problems in the field of translation studies is the interpretation of evaluative semantics represented by the evaluative linguistic units. The application of cognitive-discourse approach is the essential requirement to obtain an appropriate rendering of the evaluative component. To achieve the successful translation of evaluative linguistic units it is necessary to take into consideration situational and sociocultural contexts that involve such cognitive aspects as anthropocentricity, ambiguity and integrity.

Key words: context, text, discourse, evaluation, evaluative semantics, translation, cognitive approach.

Вопросы оценочной семантики постоянно находятся в поле зрения философов, логиков, психологов и лингвистов, так как связаны с важнейшими социально обусловленными категориями и концептами: оценка, ценность, добро и зло, ценностное отношение. Так как «оценка как ценностный аспект значения присутствует в самых разных языковых выражениях» [2, с. 6], представляется закономерным и актуальным рассмотрение данного вопроса через призму его значимости для теории и практики перевода. Целью данной статьи является привлечение внимания к вариантам проявления оценки/оценочности в аутентичном тексте произведения и возможным способам их представления в тексте перевода. Основным отличием данной работы от исследований, затрагивающих оценочные значения языковых единиц, выполненных в рамках семантико-прагматического подхода, заключается в использовании в качестве принципиальной позиции когнитивного подхода, который подразумевает «междисциплинарность, антропоцентричность, многоуровневость и структурно-функциональную целостность» [1, с. 11].

Важным представляется также учет того, что среди моделей перевода, которые используются в наше время, многим присуща определенная схема интерпретации, предполагающая сопоставление систем двух языков [6, с. 145]. При этом данные модели в полной мере не учитывают такой немаловажный аспект, как понимание перевода через призму когнитивного подхода, который позволяет рассмотреть перевод как симбиоз текстов и систем языка. Данный подход делает возможным определение процесса перевода как неотъемлемой составляющей речемыслительной деятельности; в этом случае продукт, получаемый в ходе подобной деятельности – текст, или же контекст, имеет некие особенности, обусловленные его природой. Когнитивный подход учитывает то, что контекст является частью сознания переводчика. Когнитивная лингвистика рассматривает интерпретацию как процесс «межъязыкового посредничества», учитывая психолингвистические и ментальные особенности автора контекста, и переводчика, а также получение на выходе определенных трансформаций, возникших из-за данных особенностей, при переводе. Когнитивный подход к изучению характеристик контекста и его перевода предполагает, также, исследование участников данного процесса, в качестве представителей некой социальной группы, культурного сообщества и необходимость анализа обстоятельств коммуникации в социальном контексте.

Исследуя контекст/текст, мы, несомненно, рассматриваем данный продукт мыслительной и речевой деятельности как предмет изучения дискурса. Однако, по утверждению С. А. Прищепчук, «многие исследования построены на противопоставлении дискурса и текста» [4, с. 134]. Принято считать, что дискурс имеет более динамическую, хронологическую структуру, а текст представляет собой, в отличие от дискурса, более статический результат языковой деятельности.

Соответственно, при интерпретации определенного контекста необходимо учитывать такие дискурсивные особенности, как: ситуативность, интенция, задачи и цели автора.

При переводе, прежде всего, необходимо адекватно передать основные функции текста, например, информативную, апеллятивную, контактную и другие. Одним из способов передачи данных функций является эквивалентный перевод языковых единиц, обладающих оценочной семантикой. Так, С. А. Прищепчук указывает: «Воспроизведение в тексте перевода оценочного компонента лексических единиц необходимо для воспроизведения смыслового ядра текста оригинала» [4, с. 127]. Лингвисты, рассматривающие данное понятие с позиции когнитивного подхода, такие как Л. А. Сергеева, Н. Н. Болдырев, Е. М. Вольф, С. А. Прищепчук и другие, определили, что оценочная категория представляет собой одну из значимых интеллектуальных составляющих речемыслительной деятельности человека. Л. А. Сергеева указывает, что оценка – это «результат проявления особого, ценностного отношения субъекта к объекту, специфику которого составляет сознательная целенаправленность, заключающаяся в наличии определенной позиции субъекта, детерминирующей характер данного отношения, то есть определенных «точек зрения», с которых производится оценка» [5, с. 112]. Человеку свойственно оценивать события, которые происходят вокруг него, так как это неотъемлемая часть его когнитивной, а соответственно и коммуникативной деятельности. Именно поэтому оценка может проследиваться в лексико-семантической структуре высказываний, затрагивая, также прагматический аспект. О. А. Дормидонтова трактует оценочный компонент в языке как «результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально, то есть закрепленное в высказывании или элементах языковой системы оценочное отношение говорящего к предмету речи. В оценке постоянно взаимодействуют субъективные и объективные факторы, причем каждый из них затрагивает и субъект, и объект оценки». [3, с. 47–49]. Оценочная деятельность индивида неразрывно связана с системой ценностей лингвосоциума и, соответственно, господствующей в обществе идеологией, которая эксплицитно или имплицитно присутствует в высказываниях носителей языка. Переводчик, будучи, как правило, представителем иной культуры, имея иную систему ценностей, встречается с проблемой, как передать/перевести фрагменты исходного текста, отражающие систему ценностей одного народа, порой являющуюся совершенно неприемлемой в другой культуре/ах, и при этом не вызвать у реципиентов текста перевода неприязни, отвращения или враждебности? В качестве иллюстрации этой проблемы и варианта ее решения приведем пример, представленный Р. Fawcett: при описании жизни Инуитов (этническая группа коренных народов Северной Америки), переводчик заменил слово *Inuktitut*, буквально

означающее «шкура, снятая с годовалого детеныша тюленей» на *sealskin* для того, чтобы, во-первых, не задеть чувства белых европейцев – реципиентов текста, во-вторых, чтобы не создать отрицательный образ описываемого народа [7, с. 110].

Данный пример подтверждает справедливость слов, высказанных P. Newmark: “We do not translate isolated words, we translate words all more or less (...), by their syntactic, collocational, situational cultural and individual idiolectal contexts” [8, с. 73]. Таким образом, встречая в исходном тексте фрагменты, содержащие описание культурных ценностей или оценку определенных событий и фактов, противоречащих системе ценностей лингвосоциума-реципиента перевода, переводчик должен решить для себя дилемму: либо точно отразить особенности мировосприятия и миропонимания, содержащиеся в тексте оригинала, либо генерализировать, представить в обобщенной форме содержание подобного фрагмента текста и, таким образом, лишь частично донести содержание оригинала до потребителей перевода. Выбор тактики и стратегии для успешного перевода в ходе передачи оценочной семантики обуславливается видом дискурса, а также учетом целевой аудитории, необходимостью достижения цели перевода посредством получения определенной реакции реципиента.

Список использованных источников

1. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 11–29.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 229 с.
3. Дормидонтова О. А. Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2. С. 47–49.
4. Прищепчук С. А. Особенности воспроизведения оценочной лексики в переводе: дис. ...кандидата филол. наук. Ставрополь, 2008. 179 с.
5. Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
6. Яковлев А. А. Контекст как опора в речевой деятельности переводчика и в построении модели перевода: дис. ...кандидата филол. наук. Челябинск, 2011. 186 с.
7. Fawcett P. Ideology and translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London, New York: Routledge, 2006. – P. 106–111.
8. Newmark P. A Textbook of translation. London: Longman, 2006. 292 p.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСА RT ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ
ДИСЦИПЛИНЫ «СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД» (В РАМКАХ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ»)**

Н. П. Козел,

*старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. Цель данной статьи состоит в подтверждении целесообразности использования видеосюжетов телеканала RT для преподавания специального курса перевода, ориентированного на межгосударственные отношения. Предложен ряд универсальных упражнений, нацеленных на формирование необходимых профессиональных навыков будущих переводчиков. Упражнения включают элементы аудиовизуального перевода, устного последовательного перевода, реферативного перевода и т.д. Эмпирической базой исследования послужили видеосюжеты испаноязычной версии канала, размещенные в свободном доступе на видеохостинге YouTube.

Ключевые слова: специальный перевод, видеосюжет, развитие профессиональных навыков.

Summary. The purpose of this paper is to prove the efficiency of using the RT television network videos for teaching a specialized translation course focused on interstate relations. Some universal activities aimed to skill development of future interpreters are proposed. These exercises include elements of audiovisual translation, consecutive interpretation; summary translation, etc. The video plots from RT in Spanish, what are freely available on YouTube, served as the empirical base of our paper.

Key words: specialized translation, video plots, professional skills development.

Задачами курса «Специальный перевод IИЯ/2ИЯ» для специальности «Перевод и переводоведение» со специализацией «Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений» согласно ФГОС ВО от 17 октября 2016 г. предусмотрено ознакомление студентов с современным политическим, социально-экономическим, культурным и прочими аспектами сотрудничества России и стран изучаемого языка. В нашем случае это Испания и целый ряд государств Латинской Америки, а также Экваториальная Гвинея, единственная африканская страна, использующая испанский язык в качестве официального.

Выполняя программу курса, каждый преподаватель рано или поздно ощущает, что утвержденные учебники и учебные пособия не позволяют в полной мере выполнить намеченные цели. На фоне происходящих в мире

событий имеющиеся материалы быстро теряют актуальность. Небезразличный преподаватель стремится найти варианты поддержания интереса к своему предмету, шагая в ногу со временем.

Одним из средств оптимизации процесса обучения устному переводу является использование аудиовизуальных технологий, особенно для специального перевода. Возникает логичный вопрос: что использовать и где это брать? В условиях, когда вуз имеет бесперебойное подключение к сети Интернет, подходящим бесплатным источником информации может стать видеохостинг YouTube, на котором размещаются материалы телеканала RT.

В 2005 г. впервые в постсоветской России в эфир вышел телеканал с вещанием на английском языке, рассчитанный на зарубежную аудиторию. Тогда он назывался Russia Today и своей главной задачей считал рассказ о происходящих в нашей стране событиях в манере, отличной от традиционных телеканалов. В 2007 г. был открыт YouTube-канал Russia Today, в 2009 г. запущено вещание на испанском языке. Как отмечает обозреватель издания *Político* (США) Кейси Мичел, «в настоящее время вещание ведется на французском, немецком, испанском, арабском и китайском языках, что позволяет предлагать свою версию событий большей части мировой аудитории» [1].

Директором испаноязычной версии телеканала – RT en español – является В. Воронцова. В одном из недавних интервью она заметила: «RT смотрят около 70 млн. человек в 38 странах мира. В 10 европейских странах, включая Испанию, еженедельная аудитория составляет 36 млн. зрителей. RT на испанском языке входит в государственную телевизионную сеть в Аргентине и Венесуэле. Кроме того, наши передачи включены в программу государственных телеканалов Эквадора, Боливии, Перу, Мексики и других стран Латинской Америки» [2]. Также В. Воронцова сообщает, что «благодаря вхождению RT на испанском в телесеть *Televisa* в США в декабре 2018 г., испаноговорящие жители этой страны также получают альтернативный взгляд RT на события в мире» [3]. В декабре 2018 года руководство RT и власти Аргентины подписали соглашение о продлении вещания RT на испанском в гостелесети TDA (*Television Digital Abierta*). Церемония состоялась в присутствии президента России Владимира Путина и лидера Аргентины Маурисио Макри [4]. По новому соглашению RT на испанском будет доступен в системе Открытого цифрового телевидения на всей территории Аргентины до октября 2022 года. RT стал первым иностранным каналом, который был включён в TDA. Вещание RT на испанском торжественно запустили президент России Владимир Путин и президент Аргентины Кристина Киршнер (2007–2015) в ходе телемоста в 2014 г. [4].

Вещание RT на испанском языке получают более 100 стран, его можно смотреть и в России, используя Интернет или социальные сети, что

значительно расширяет аудиторию. Несомненным преимуществом является доступ к круглосуточному вещанию с использованием платформы Youtube.

Каковы преимущества использования видеоматериалов этого ресурса? В первую очередь, личностный фактор. Состав дикторов и журналистов проходят тщательный отбор, причем почти всегда – это носители языка. Оливер Самора, работавший долгое время международным корреспондентом кубинского телевидения, уже более трех лет является корреспондентом RT в Гаване. По его мнению, привлечение к работе канала местных специалистов обосновано тем, что они лучше знают реальную ситуацию в стране, лучше умеют работать с источниками информации и подбираются к новости или теме с меньшими трудностями [5].

Новости быстро теряют актуальность, поэтому сюжеты следует отбирать «универсальные». Для примера работы с группой 3 курса специалитета мы отобрали файл под названием: «Cuba condena las sanciones contra Rusia y el refuerzo de la OTAN» / «Куба осуждает санкции против России и усиление НАТО» от 2 ноября 2018 г. [6]. Не секрет, что многие нынешние студенты совсем не интересуются политикой и ситуацией в мире, даже учитывая их будущую профессию. Аргументов «за» в данном случае было несколько: 1) группа готовила мини-проекты по странам Латинской Америки, Куба – одна из них; 2) переговоры происходили в Москве, много знакомых лиц на экране; 3) желание оценить работу своих будущих коллег, переводчиков высшего уровня, поскольку треть сюжета составлял перевод с русского языка для первых лиц.

Рассмотрим возможные варианты работы с выбранным видеосюжетом. Продолжительность звучания файла – 3 мин.17 сек. Начинаем просмотр. Первое, что ощущают студенты: манера говорить, интонации и темп речи не привычны. Даже имя и фамилия журналиста «Борис Кузнецов» не определяются с первого раза. На исходе первой минуты многие начинают «узнавать» знакомые слова, выделять их в речи, тем более что «бегущая строка» кратко повторяет содержание.

Практика показала, что процесс идет быстрее и эффективнее, если преподаватель подготовит заранее и раздаст для ознакомления слова по теме сюжета. В нашем тексте содержится примерно 50 слов и выражений, знание которых строго обязательно для понимания. Для нынешнего поколения выражения «гонка вооружений», «договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности», даже «островное государство», «континентальный шельф» и «теплоэлектроцентраль» – ни о чем не говорящие понятия. Здесь преподавателю приходится выступать в роли источника фоновых знаний. На подготовительном этапе должны сниматься трудности понимания смысла отдельных слов на русском языке. К следующему занятию все слова и выражения необходимо знать. Если группа учащихся хорошо успевает, то можно оставить лексический минимум для домашнего ознакомления и запоминания.

Опрос лексики эффективнее проводить на каждом языке отдельно. Для этого в программе Power Point создается два файла, каждый по 52 слайда, 50 – на лексические единицы, первый – с названием темы, последний – с итоговой оценкой. Для перевода устанавливается оптимальное время – 5 минут, выбирается режим автоматического переключения слайдов с интервалом в 10 секунд, начиная со второго слайда. Как правило, сложно первому отвечающему, остальные идут по проторенной дорожке. Подготовленные успевают вовремя. Для вовлечения большего количества студентов в процесс можно попросить кого-то считать правильные ответы или ошибки для полной объективности. На последнем слайде размещается оценка в баллах для рейтинга: 50–45 переведенных верно слов = 3 балла; 44–35 = 2 балла; 34–25 = 1 балл; менее 25 слов=0 баллов. Элемент состязательности мотивирует ответить лучше. Рекомендуется на одном занятии проводить опрос только на одном языке. В качестве альтернативы преподаватель или наиболее успевающие студенты могут записать слова и выражения, используя любое устройство, чередуя русский и иностранный языки, оставляя паузы для перевода длительностью 5–7 секунд. Упражнение считается выполненным успешно, если студент достиг окончания записи без остановок и исправлений.

Следующим этапом работы является прослушивание полного текста в аудитории с последующим переводом на русский язык. Имея под рукой лексический минимум, студенты могут составлять синонимические ряды, например, для обозначения должностей: «кубинский лидер», «глава правительства Кубы», «Председатель Государственного Совета и Совета министров Республики Куба», «первое лицо Кубы» – важно запомнить, что все эти выражения взаимозаменяемы. Необходимо стремиться к 100% пониманию и переводу. Трудно расслышать в тексте названия российских компаний: «Роснефть», «Зарубежнефть», «Интер-РАО». На стыках слов иногда теряются «мелкие» слова, влияющие на смысл и стилистическую окраску фразы. Некоторые дикторы произвольно не делают пауз в речи. Преподавателю необходимо следить за длиной фразы, вовремя останавливая трансляцию записи.

На следующем занятии студенты, предварительно разделившись на группы по три человека и разделив текст на три части (примерно по одной минуте), стоя у экрана вполголоса, воспроизводят подготовленный дома текст на русском языке без записей. При этом звук на компьютере отключен, есть только изображение. Цель – передать точно и полно содержание своего фрагмента, уложившись во времени. Данное упражнение требует от студента умений и навыков, которые крайне необходимы в работе устного переводчика: умения красиво и грамотно говорить, не сбиваться, не частить, не молчать; умения запоминать большое количество фактического материала; навыков преобразования текста оригинала в текст перевода, не

увеличивая времени звучания; и т.д. При успешном выполнении студент получает 2 балла.

Итоговое упражнение: представить себя в роли диктора, рассказать весь сюжет на иностранном языке, можно «сжимать» содержание текста, не упуская важных моментов; можно сокращать, но не увеличивать время звучания. Данное упражнение дает студенту ощущение внутренней причастности к происходящим событиям, убирает «боязнь аудитории», поскольку является обязательным для всех. Максимальная оценка – 3 балла.

Файлы для работы со студентами преподаватель подбирает, ориентируясь на происходящие в определенном регионе интересные события. Это могут быть не только новости, но и сведения из сфер экономики, спорта, сводки погоды. Например, недавно кубинское отделение канала RT показало цикл документальных программ о деятельности Че Гевары в разных странах Латинской Америки. По словам, Оливера Саморы, эта работа была отмечена высокой премией в США [5].

По нашему мнению, всякая деятельность, которая дает студентам шанс получить новые знания, необходимые для будущей профессии, должна быть опробована. По окончанию работы с конкретным файлом преподаватель может задать вопрос группе о впечатлениях от такой работы, что получилось, что не сложилось, готовы ли повторить, что предложите и т.д. Вполне возможно, что кого-то такая деятельность мотивирует получить дополнительное профильное образование, а кого-то заставит задуматься о правильности выбора профессии.

Список использованных источников:

1. Кейси Мичел. Великолепная пропагандистская машина Путина. [Электронный ресурс] // ИНОСМИ.РУ. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/russia/20150826/229878604.html> (дата обращения 20.12.2018).
2. Вилларино А., Ириарте Д. RT на испанском. [Электронный ресурс] // El Confidencial: Что привлекает испанских журналистов. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2017-01-18/El-Confidencial-RT-na-ispanskom> (дата обращения 20.01.2019).
3. РИА-Новости. [Электронный ресурс] // RT на испанском вошел в телесеть Televiva в США. – Режим доступа: <https://ria.ru/20181210/1547734888.html> (дата обращения 11.12.2018).
4. RT на русском. [Электронный ресурс] // Путин и Макри продлили соглашение о вещании RT в гостелесети Аргентины. – Режим доступа: https://russian.rt.com/press_releases/article/578371-putin-makri-rt-argentina (дата обращения 27.09.2018).
5. Portal de la Televisión Cubana. [Recurso electrónico] // Una señal alternativa de Rusia y desde Cuba. – Modo de acceso: <http://www.tvcubana.icrt.cu/destacados/3820-una-senal-alternativa-de-rusia-y-desde-cuba> (дата обращения 10.09.2018).

6. Cuba condena las sanciones contra Rusia y el refuerzo de la OTAN [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <https://www.youtube.com/watch?v=FQChFMOMxhw> (дата обращения 05.11.2018).

УДК 81'255.2:811.134.2

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА МИФОВ И ЛЕГЕНД АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Н. П. Козел,

старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Ю. А. Чеканова,

студентка пятого курса специальности «Перевод и переводоведение», Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Язык мифов насыщен этномаркированными единицами, неадекватная передача которых может стать причиной не только утраты национально-культурной специфики, но и искажения оригинала. Цель данной статьи состоит в классификации отобранной методом сплошной выборки из мифов и легенд американских индейцев культурно-обусловленной лексики, а также в анализе переводческих трансформаций, использованных при её передаче с испанского языка на русский язык. В работе также использовались сравнительно-сопоставительный метод и элементы количественного анализа.

Ключевые слова: миф, приемы перевода, реалии, национальный колорит.

Summary. The language of myths is rich in ethnically-marked units, whose inadequate transmission can cause not only the loss of national and cultural specific attributes, but also a mutilation of the original. The purpose of this paper is to classify the culture-loaded words selected from the myths and legends of American Indians, as well as to analyze the basic techniques in the translation used to transfer them from Spanish to Russian. The continuous sampling method, comparative method and elements of computation were used in this work.

Key words: myth, translation techniques, reality, national atmosphere.

На протяжении всей истории развития культуры человечества только миф отмечался таким многообразием подходов к изучению и таким множеством толкований.

В нашей работе мы принимаем за основу определение мифа, представленное в «Словаре русского языка С. И. Ожегова», согласно которому: «миф – это древнее народное сказание о богах и легендарных героях, о происхождении мира и жизни на земле, передающее

представления людей о мире и месте человека в нем; создание коллективной общенародной фантазии, обобщённо отражающее действительность в виде конкретных персонификаций и одушевлённых существ, которые мыслятся первобытным сознанием как вполне реальные» [7].

Ряд мифологических сюжетов, несмотря на огромное многообразие мифов, повторяется практически во всех мифологических системах. Это свидетельствует о том, что у первобытных людей возникали совершенно одинаковые вопросы, независимо от региона, где они проживали.

О. В. Естрина, М. М. Самчук, О. И. Ситникова [3, с. 25] выделили наиболее распространенные мотивы и составили классификацию, включающую 9 групп: а) мифы о животных. б) мифы о происхождении солнца, луны, звезд; в) космогонические мифы; г) эсхатологические мифы; д) антропогонические мифы; е) мифы о культурных героях; ё) календарные мифы; ж) мифы о близнецах; з) мифы о непорочном зачатии. [3, с. 25]

Березкин Ю. Е. в статье «Проблемы изучения индейской мифологии» дает следующее определение: «Миф есть выстраиваемая по определенным правилам картина мира и определенный образ мышления; вместе с тем миф – это корпус повествовательных текстов определенного рода» [1, с. 15].

Поскольку в мифах отражается мировоззрение народа, его история, обычаи и традиции, этномаркированные единицы являются чуть ли не основной чертой языка мифов. В результате их неудачной передачи на другой язык можно не только утратить национально-культурный колорит, но и исказить оригинал.

По мнению Е. Б. Дзапаровой и Д. В. Сокаевой, «перевод мифологического текста отличается от перевода других типов текстов методом передачи оригинала» [2, с. 3]. Эти авторы выделяют две основные трудности качественного перевода мифологического текста:

- отсутствие соответствующего понятия в языке перевода;
- необходимость передать не только предметное значение реалии, но и ее колорит, национальную и историческую окраску [2, с. 4].

По мнению этих авторов, необходимо понять смысл, место, занимаемое в контексте, смысловую нагрузку национально-специфической реалии, прежде чем приступить к ее переводу [2, с. 5]. Нельзя допускать употребление нехарактерных для языка перевода, искусственных, тяжеловесных, непривычных конструкций.

В нашей работе рассматриваются традиционные мифы американских индейцев с точки зрения их перевода.

Наиболее частотной переводческой трансформацией при переводе этномаркированных элементов является транскрипция / транслитерация. Данный метод позволяет сохранить лаконичность единицы перевода и его национальную специфику. Необходимость такого подхода В. С. Модестов связывает «с важностью соблюдения лексическую краткость обозначения, соответствующую его привычности в языке подлинника, и вместе с тем

подчеркнуть специфичность называемой вещи (или понятия), если нет точного соответствия в языке перевода» [6, с. 49].

Большая трудность заключается в правильной передаче многих имен собственных. В данном случае переводчику постоянно приходится обращаться к словарям традиционных имен коренных американских народов, а также сверяться с уже существующими переводами во избежание двойственности толкования. К примеру: Атуроароддо и Кабайяй – женские имена, мужское – Олониталипипилеле и Пугасо – мужские [4, с. 228–229]. В некоторых случаях авторы перевода вставляют родоразличительное понятие: «девушка Ликурайен – Горный цветок», [4, с.206]. Лучшему пониманию переведенного текста способствует наличие сносок или переводческого комментария, например: «уруку – растение, из семян которого индейцы делают красную краску для раскрашивания» [4, с. 91], «дерево с тягучим соком, смолистое дерево киддогуру» [4, с. 91], «плодовое дерево биэ» [4, с. 91], «повязки (из хлопка) оаримугу» [4, с. 91].

Не меньшую сложность представляют реалии, связанные с предметами быта, названиями местных животных или растений. Для удачной передачи их на русский язык можно воспользоваться такими переводческими приемами, как прямой перевод, если некоторые предметы быта уже успели стать универсальными реалиями и будут понятны русскоговорящему читателю; экспликация; транслитерация/ транскрипция с переводческим комментарием; генерализация значения, но данный путь неизбежно приведет к потере этнического своеобразия текста. Рассмотрим некоторые примеры индейских реалий.

Например, слово «томагавк», по-испански: «tomahawk». Оно появилось в русском и испанском благодаря английскому языку («tomahawk»), в который вошло из языка местного племени поухатаны («tamahaac»). [7, с. 180].

У слова «вампум» похожая история: индейское слово «wampumpeag» изначально вошло в английский как «wampum», а затем перекочевало в испанский («wampum») и русский («вампум»). Вампумами назывались нити с бусинами из кости или камня. Они служили украшением одежды, единицей валюты, и способом передачи различных сообщений. На них также указывали наиболее значимые события из истории племени посредством простейших условных символов. [7, с. 180].

«Пейотль», или «пейоте», «peyote» (исп.) – маленький, незаметный кактус. Так его называет местное население. Это растение специфически действует на нервную систему. Некоторые североамериканские племена употребляли пейотль во время обрядовых, экстатических танцев [7, с. 181].

«Пемикан» – «pemican» (исп.). Данная реалия пришла из языка индейцев кри: «пими-окан» – «род жира». Пемиканом называли высококалорийный и крайне долго хранящийся продукт питания,

изготовленный из высушенного на солнце мяса, смешанного с жиром и ягодами или фруктами [7, с. 182].

В качестве материала для перевода мы отобрали пять традиционных мифов и легенд индейцев Южной и Центральной Америки, размещенных на портале: https://www.taringa.net/+ciencia_educacion в разделе «Selección de Leyendas y Mitos de América Latina». Рассматривались парагвайская «Легенда о чае мате», мексиканская «Луна и солнце», мифы индейцев мапуче «Домо и Литуче», «История о горе, которая гремит» и чилийская «Легенда острова Чилоэ».

Кроме транскрипции и транслитерации (Teotihuacán / Теотиуакан, Nanoatzín / Наноатзин, Lituche / Литуче, Domo / Домо), для передачи имен собственных мы использовали традиционное соответствие: Tecuciztécatl / Тексистэкатль или Текусистэкатль; калькирование: Así, la Luna / Аси-Луна; Aña, la Nube rosada del crepúsculo / Ария – Розоватое облако сумерек; Antú, el sol / Анту, солнце; Padre Sol / Отец – солнце; калькирование с экспликацией: Kuyén, la luna / Куэйэн, то есть Луна; Lituche, el hombre del comienzo / Литуче, первый человек; традиционный эквивалент: Tupá, el Dios padre de los guaraníes / Тупá, Бог-прародитель народа гуарани; инверсия: Ngnechén, el espíritu progenitor / дух-прародитель, Нгнечэн.

В группе мифологических персонажей мы также выделили: Cherruve (варианты написания: Cheruvoue, Cheurvue, Cherufe) – переводим закрепленным эквивалентом «черуфе». В этом случае необходимы сноска или переводческий комментарий, поясняющие, что «черуфе – это злой великан из камней и магмы, часто изображаемый в виде гуманоидной рептилии, дракона или огромного змея. По мнению индейцев мапуче, падение на землю метеоритов, тайфуны и цунами – это дело рук черуфе» [11]. Другое мифическое существо из мифологии индейцев Мапуче – «Анчимайен». Это светящееся существо в форме небольшого шара, слуга колдуна калку. Сложность в переводе данной лексемы составляет огромное количество вариантов её написания: «Anchimallén, Anchimayén, Anchimalén, Auchimalgén, Auchimalguén, Anchimalguén, Anchimalwén, Anchimalhuén, Anchimaluén, Chimalguén и Chimalen» [12]. Еще пара интересных персонажей: la Diosa de la Tierra, Tentén-Vilu (от Ten: земля и vilu: змея) – богиня земли Тентен-Вилу; la Diosa de las Aguas, Coicoi-Vilu (от Co: вода и vilu: змея) – богиня воды Койкой-Вилу. Пояснения, имеющиеся в оригинальном тексте, помогают читателю понять смысл.

При переводе названий флоры отметим словосочетание *yerba Mate*, которое переведем как «чай мате», потому что дословный перевод «трава» в сознании русскоговорящего с чаем не связан. Для передачи реалии *yerbatales* – «заросли мате» использован прием экспликация.

Для описания внешности в одном из мифов используется выражение *la pálida diosa* – дословно «бледная богиня», но такой перевод указывал бы на плохое самочувствие героини, к тому же он обладает

минимальной образностью. Мы предлагаем вариант «бледнолицая богиня», что более соответствует лирической атмосфере мифа. Далее по тексту эту же героиню называют *blanca doncella* («белая девушка»), что свидетельствует о правильности нашего выбора.

Мифологические тексты – это, прежде всего, замечательный способ передачи знаний, мыслей и чувств между народами, их культурами, своеобразная база прогресса человечества. К сожалению, мифологические тексты некоторых народов часто являются одним из немногих источников информации об их традиционном жизненном укладе. Для качественного перевода таких материалов переводчику, кроме блестящего знания языка, нужны обширные фоновые знания, определенное чутье и интуиция, чтобы суметь сохранить национально-культурную окраску оригинала.

Список использованных источников

1. Березкин Ю. Е. Проблемы изучения индейской мифологии // Население Нового Света: проблемы формирования и социокультурного развития. М.: ИЭА РАН, 1999. 250 с.
2. Дзапарова Е. Б., Сокаева Д. В. Особенности передачи этнокультурной специфики фольклорного текста (на материале перевода сказочной прозы осетин) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016.
3. Естрина О. В., Самчук М. М., Ситникова О. И. Культурология: общий курс: учебное пособие. Волгоград, 2011. 103 с.
4. Легенды и сказки индейцев Латинской Америки. Составитель Э. Зиберт. Издательство «Художественная литература». Ленинградское отделение, г. Ленинград, 1972. 288 с.
5. Лиморенко Ю. В. Проблемы перевода фольклорных текстов (на материале фольклора эвенков): автореф. дис. канд. филологич. н. Улан-Удэ: 2007. 17 с.
6. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2006. 461 с.
7. Словарь русского языка С. И. Ожегова / Под. ред. Л. И. Скворцова. – 24-ое изд., испр. М.: ОНИКС. 2007. 556 с.
8. Смыслов П. О понятии «Индийские реалии» // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Лингвистика. 2009. – Вып. № 2. С. 179–185.
9. Ciencia y educación en Taringa. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.taringa.net/+ciencia_educacion/seleccion-de-leyendas-y-mitos-de-america-latina-1-parte_12nqxd (дата обращения 12.12.2018).
10. ANTOLOGÍA. LEYENDAS Y MITOS INDÍGENAS. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.folkloretradiciones.com.ar/literatura/Leyendas_indigenas.pdf. (дата обращения 15.12.2018).

11. Mythological Creations. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ru.mythological-creations.wikia.com/wiki/Mythological_Creation (дата обращения 15.12.2018).

12. Diccionario de Internet y Tecnologías de la Información y la Comunicación (TIC). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.paraisodigital.org/internet/ll-anchimallen-que-es-definicion-y-significado-descargar-videos-y-fotos.html> (дата обращения 15.01.2019).

УДК 378.147

**ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ ЗА 108 ЧАСОВ, ИЛИ НЕМНОГО О
ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНЦИЙ XXI ВЕКА В КОНТЕКСТЕ
ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И
ПЕРЕВОД»**

Е. В. Крюкова,

*магистр лингвистики, старший преподаватель кафедры европейских
языков, Институт лингвистики, Российский государственный
гуманитарный университет, Москва*

Аннотация: В статье рассматривается содержание дисциплины «Межкультурная коммуникация и перевод», недавно появившейся в учебном плане бакалавриата по направлению подготовки «Лингвистика». Дисциплину можно назвать по-настоящему инновационной не только благодаря ее междисциплинарным компонентам, но и с точки зрения тех навыков, которые она позволяет формировать, а именно компетенций XXI века, или так называемых «4К», важность обладания которыми раскрывается в статье. Также в статье представлен опыт апробации дисциплины с учетом всего перечисленного со студентами 2 курса Института лингвистики РГГУ.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; перевод; навыки XXI века; междисциплинарный подход.

Summary: The article considers the scope of the course «Cross-cultural communication and translation», which recently made its way into the syllabus of the bachelor's degree in Linguistics. Indeed the course may be called innovative not only thanks to its interdisciplinary components but also concerning the skills it allows to develop, more specifically the 21st century skills, also called The Four Cs, the importance of acquiring which is argued in the article. The article also presents the outcome of the course approbation with 2nd year students at the Institute for Linguistics of RSUH.

Key words: cross-cultural communication; translation; XXI century skills; interdisciplinary approach.

Дисциплина «Межкультурная коммуникация и перевод», недавно появившаяся в учебном плане бакалавриата по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», является обязательным элементом освоения

студентами-лингвистами и читается на 2 курсе. Можно с уверенностью сказать, что эта дисциплина действительно носит уникальный характер.

Во-первых, речь идет, конечно же, о ее междисциплинарной природе, что очевидно из самого названия. Традиционным является разграничение этих двух компонентов на разные дисциплины. Иными словами, обычно есть отдельно дисциплина о межкультурной коммуникации («Введение в теорию межкультурной коммуникации», «Теория межкультурной коммуникации» и т.д.) и отдельно дисциплина о переводе («Теория перевода», «История перевода» и т.д.). Именно междисциплинарный подход к изучению языка позволяет максимально реализовать тот потенциал, который и лежит в основе «Межкультурной коммуникации и перевода», которые по сути своей являются двумя частями одного целого, неотделимых друг от друга, поскольку язык – это средство коммуникации, а иностранный язык становится средством межкультурной коммуникации. При этом везде, где речь заходит об иностранном языке, невозможно обойтись без перевода. Так, один из ведущих специалистов в области межкультурной коммуникации профессор С. Г. Тер-Минасова отмечает, что языки необходимо изучать «в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [2, с. 28]. Особенно глубоким при этом кажется вывод о том, что «все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми, при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей родной, привычной» [2, с. 34]. Соответственно, здесь уже невозможно не затронуть вопросы перевода.

Во-вторых, эта дисциплина позволяет решить проблему, с которой сталкиваются многие выпускники вуза при трудоустройстве, а именно неготовность к требованиям рынка труда. Здесь, безусловно, стоит отметить, что под влиянием глобализации и высокого темпа развития технологий рынок труда претерпел значительные изменения, за которыми, к сожалению, не всегда успевают наши образовательные программы. Перечень компетенций XXI века, необходимых для достижения успеха в обществе XXI века и профессиональной деятельности был составлен ведущими образовательными организациями, органами публичной власти и лидерами делового мира. Поскольку теперь наше общество является цифровым, со всеми вытекающими из этого последствиями, поменялись и те умения, которые необходимы для успешной интеграции в него. Если традиционные образовательные навыки фокусировались на получении знаний и были именно академически ориентированными, то компетенции XXI века, которые еще называют «4К», поскольку все они начинаются с одной буквы, включают в себя критическое мышление, креативность, коммуникацию и кооперацию [6]. Нетрудно заметить, что при соответствующем подходе дисциплина «Межкультурная коммуникация и перевод» может помочь с

развитием этих компетенций. Таким образом, при написании программы дисциплины задача стояла нелегкая, но крайне интересная, которую я и постаралась решить, учитывая все выше перечисленное.

С самого начала стоит отметить, что распределение нагрузки дисциплины по разным видам учебной работы выглядит следующим образом:

Виды учебной работы	Объём в часах	Количество	Семестр
Общая трудоёмкость	108		3
Аудиторные занятия (всего)	42	21	3
<i>В том числе:</i>			
Лекции	10	5	3
Семинары	32	16	3
Самостоятельная работа (всего)	66		3
Промежуточная аттестация (экзамен)			3

Таблица 1. Распределение нагрузки дисциплины «Межкультурная коммуникация и перевод» по разным видам учебной деятельности.

Как видно из таблицы, часов на дисциплину отводится всего 108, из которых аудиторных лишь 42, а количество лекций 5. Таким образом, проблема выбора наиболее подходящего материала, который бы при этом охватывал все основные вопросы, действительно была актуальной, и один из предлагаемых вариантов содержания дисциплины и его апробации со студентами-лингвистами 2 курса представлен ниже.

Курс начинался с лекционной части из 5 лекций, в которой я постаралась дать общее представление как о межкультурной коммуникации, так и о ее важности при переводе и при этом задать основные векторы работы на семинарских занятиях. Так, на первой лекции студенты познакомились с тем, что такое межкультурная коммуникация, почему, не учитывая ее особенностей, невозможно сделать полноценный перевод, и что такое компетенции XXI века. Стоит отметить, что наиболее наглядным и успешным способом подачи материала стало использование переводческих ошибок из фильмов, поскольку, как показывает практика, молодое поколение, особенно первые курсы, больше смотрит, чем читает. При этом студентам давались непосредственно фразы, которые они должны были проанализировать на наличие переводческих ошибок, прокомментировать их и по возможности предложить свои варианты. Так, особый интерес вызвала фраза из фильма «Аватар» 2009 г. («Avatar») «Вы больше не в Канзасе», где один из персонажей описывал сложность ситуации, в которой все оказались [3]. Задания подобного рода всегда были представлены на занятиях, что помогло студентам развивать не только свои языковые навыки, но и способность критически мыслить, решать задачи креативно и вступать в коллаборацию с другими.

В ходе прохождения лекционного материала были также рассмотрены следующие темы:

- взаимодействие мира, культуры и языка,
- типы культур и особенности перевода при работе с ними,
- культурная и языковая картины мира,
- межкультурная коммуникация, юмор и перевод,
- иностранное слово как «перекресток» культур,
- эквивалентности слов, понятий и реалий,
- лексическая детализация понятий,
- социокультурный аспект цветообозначений,
- понятие социокультурного комментария,
- культурные «идентичности» и культурные ценности,
- невербальная коммуникация.

На семинарских занятиях добавились такие темы, как слэнг и обценная лексика, реклама и ее перевод/лингвокультурная адаптация, культурный шок. Что касается структуры семинарских занятий, то они проходили по одной паре 2 раза в неделю, что позволило более подробно и интенсивно проходить материал и давало студентам достаточно времени на подготовку, избегая при этом стрессовых ситуаций «завала» домашнего задания, ведь на самостоятельную работу студентов в программе отводится больше всего часов. В начале пары происходило обсуждение прочитанного дома теоретического материала, который обычно давался по книгам С. Г. Тер-Минасовой «Война и мир языков и культур» и «Язык и межкультурная коммуникация», Л. А. Samovar «Communication between Cultures», У. Эко «Сказать почти то же самое» и некоторым другим. Практическая часть семинара состояла из обсуждения или презентации домашнего материала, где затрагивались вопросы межкультурной коммуникации и перевода. Так, за время семинарских занятий были проработаны:

- рассказ известного американского антрополога Laura Bohannan «Shakespeare in the Bush» о том, что даже пересказать «Гамлета» У. Шекспира может оказаться очень сложной задачей, когда речь идет об африканском племени,

- фильмы «Прибытие» («Arrival», 2016), «Тайна Коко» («Coco», 2017), «Типа крутые легавые» («Hot Fuzz», 2007), «Испанский английский» («Spanglish», 2004),

- британское шоу «Very British Problems» от канала «Channel 4» о типично британских проблемах, многие из которых нашли отклик среди студентов, и книгу К. Фокс «Watching the English» (2004),

- отдельные вопросы перевода серии «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг на различные языки, «Собачьего сердца» М. Булгакова (1925), «Шляпу, полную неба» Т. Пратчетта (2016), «Дневника Джанни Урагани» Вамбы (2015), «Камеру обскура» В. Набокова (1933),

- рекламные ролики различных стран и проблемы их адаптации/перевода,

- юмористические ролики различных стран и др.

Формой контроля по курсу стал самостоятельный разбор студентами текста, где им требовалось выделить проблематику с точки зрения межкультурной коммуникации и перевода и представить свои решения, опираясь на пройденный курс. Все студенты справились с экзаменационным заданием на высоком уровне.

Стоит отметить, что все материалы прорабатывались студентами самостоятельно или в мини-группах, а результаты необходимо было представлять в виде презентации, что давало им возможность не только максимально развивать все указанные в начале компетенции, но и получить те знания, которые будут необходимы для будущей работы студентов-лингвистов. Сам материал подбирался таким способом, чтобы он был интересен студентам и носил личностную значимость и новизну. Результаты, полученные в результате апробации, позволяют говорить о том, что курс прошел успешно и, действительно, междисциплинарный подход при разработке программы «Межкультурная коммуникация и перевод» помогает формировать компетенции XXI века.

Список использованных источников

1. Бурак А. Translating Culture: Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 1: уровень слова. М.: Р.Валент, 2002. 152 с.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2008. 264 с.
3. Avatar. Twentieth Century Fox Motion Picture, 2009.
4. Samovar L. A., Porter R. E., McDaniel E. R. Communication between Cultures. 8th edition. Wadsworth Publishing, 2012. 432 p.
5. Soler E. A. (ed.) Intercultural Language Use and Language Learning. Dordrecht: Springer, 2006. 287 p.
6. What Are 21st Century Skills? – Mode of access: URL: <https://www.aeseducation.com/careercenter21/what-are-21st-century-skills> (дата обращения 22.01.2019).

УДК 81

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

М. В. Ласкова,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Я. Г. Беликова,

магистрант кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвокультурологических особенностей спортивного дискурса. Дается краткий обзор понятий «дискурс», «лингвокультурология», «спортивный дискурс», «прецедентность», сформулированных отечественными и зарубежными лингвистами. Рассматриваются отдельные компоненты спортивного дискурса.

Ключевые слова: спортивный дискурс, лингвокультурология, прецедентность, аудитория, языковые качества, уровни речевой культуры, компоненты спортивного дискурса.

Summary. The article is devoted to the study of linguistic and cultural characteristics of sports discourse. A brief overview of the concepts of «discourse», «linguistics and cultural studies», «sports discourse», and «precedence» formulated by domestic and foreign linguists is given. The individual components of sports discourse are considered.

Key words: sports discourse, cultural linguistics, precedence, the public, linguistic features, levels of speech culture, components of sports discourse.

Важность темы статьи обусловлена несколькими причинами: во-первых, спортивные репортажи и комментарии – это не только сфера межличностных отношений, но и большая финансовая и общественно-политическая отрасль современного общества. В наше время содержание текстов спортивной тематики содержит социальные, философские, исторические, а также психологические вопросы [1]. В этом отражается необходимость слияния спортивного дискурса с дискурсами многих других областей жизни и деятельности людей. Вторая причина в том, что в спортивный дискурс – это не только заранее подготовленная и отредактированная речь, а импровизация с места событий [4]. Сам комментатор, журналист или репортер должен знать лингвокультурологические особенности спортивной речи и умело использовать их в своей работе.

В. А. Лазарев и М. В. Ласкова отмечают, что в каждой культуре и области знаний есть такие тексты, которые отлично знакомы большинству ее представителей [3], а как же быть с людьми, не относящими к этой профессии или роду деятельности и не владеющими спортивной терминологией? Именно поэтому далее рассмотрим понятие «дискурс», отраженное в статье А. А. Куценко, который понимает под дискурсом «речемыслительное явление событийного характера в комплексе с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» [2]. Вместе с тем,

А. Б. Зильберт рассматривает в своих исследованиях спортивный стиль речи «как особую форму существования языка спортивных новостей, способ выражения ментальности народа. Подобный подход ориентирует на более широкое видение дискурсивного существования языка спорта и физической культуры, чем его отождествление с «живой речью» [1].

Спортивный дискурс в своем становлении прошел ряд этапов:

1. Восходит к эпохе Петра I, спортивная речь началась с фехтования.
2. Второй этап связан с введением обязательной немецкой гимнастики как обязательной подготовки в военных училищах.
3. Третий этап связан с развитием футбола в нашей стране.
4. Это развитие спортивной лексики в наши дни.

А. А. Куценко также связывает спортивный дискурс и культуру, он рассматривает дискурс в виде «синтетической матричной социомодели, происхождение которой находится на стыке трёх отвечающих науке областей:

- лингвокультурологии;
- лингвокогнитивистики;
- социолингвистики [2].

Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, исследующая проявление культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Для изучения лингвокультурологических особенностей спортивного дискурса следует рассмотреть еще одно понятие – «прецедентность», которое введено в научную среду Ю. Н. Карауловым. Для описания особенностей текстов спортивной тематики В. А. Лазарев, М. В. Ласкова обратили внимание на тот факт, что на спортивный дискурс могут влиять следующие факторы:

- 1) многократное повторение одних и тех же слов и словосочетаний (гол, пас, выход, замена и т.д.);
- 2) репортаж с места событий – это ни что иное как переживания болельщика во время игры (они также волнуются или рады победе той или иной команды);
- 3) комментирование определенных персон (личностное отношение к тому или иному участнику спортивных событий не должны учитываться);
- 4) аудитория спортивного дискурса самая разнообразная, как в возрастном, так и в социальном эквиваленте [3].

Если говорить об аудитории, то ее можно условно разделить на 3 группы:

- 1 группа: спортсмены, тренеры, администраторы, которые оценивают спортивный дискурс в качестве своего результата деятельности;
- 2 группа: болельщики и зрители, им важен эмоциональный компонент спортивного дискурса;
- 3 группа: сами спортивные комментаторы и журналисты, которые фиксируют все особенности спортивного дискурса.

Исследователь спортивного дискурса Н. А. Сабурова под лингвокультурологическими особенностями понимает «привлекательность для адресата, которая достигается не столько содержанием текста, сколько насыщенными приемами, которые делают спортивный текст более ярким, оригинальным и запоминающимся» [5, с.159].

Спортивный дискурс раскрывается во всем многообразии современных спортивных журналов: «Футбол. Хоккей», «Советский спорт. Футбол», «Футбол», «Самозащита», «Большой спорт», «Авиация и спорт», «Лыжный спорт», «Биллиардный мир», «Гимнастика», «Рукопашный бой», «Время волейбола», «Легкая атлетика», «Настольный теннис», «Спорт и право», «Спорт – Туризм, здоровье, отдых», «Вестник спортивной науки», «Олимп», «Мир силы», «Мой футбол», «Еврофутбол», «Ледовая арена» и многие другие.

Для наибольшей выразительности и эмоциональной окраски спортивного дискурса комментаторы и репортеры используют следующие приемы:

- 1) ментальная основа;
- 2) использование фразеологизмов;
- 3) пресуппозиция;
- 4) применение тропов;
- 5) неизоллированность;
- 6) линейность;
- 7) авторская модалность;
- 8) проспективность.

Также среди лингвокультурологических особенностей спортивного дискурса обнаруживаются как многофункциональные характеристики, значимые для любого жанра спортивного дискурса, так и редкие, сфера выражения которых ограничивается той или иной манерой. Каждая такая референция обуславливает те или иные языковые качества. Вследствие этого, рассмотрение комплекса лингвокультурологических черт спортивного дискурса позволяет объяснить ту или иную «языковую игру». Кроме того, спортивные комментаторы и репортеры не лишены чувства юмора и зачастую используют сарказм и иронию.

Больше всего встречаются случаи лингвокультурологического словообразования в речи спортивных тележурналистов, к которым П. П. Лебедев относит: аббревиацию, субстантивацию, суффиксальную универбацию. Словосложения, хотя и тяготеют к профессиональной речи, но их представление незначительно. Из этого следует, что стоит говорить об отличиях спортивного дискурса от разговорного: во-первых, разговорный ориентирован на процесс, а спортивный ориентирован на структуру; во-вторых, в разговорном минимум речевых ограничений, в спортивном максимальное количество ограничений; в третьих, в разговорном может происходить свободная смена коммуникативных ролей,

в спортивном же этого не происходит; разговорный дискурс характеризуется большей обусловленностью контекстом, большим количеством целей и локальным характером, спортивный дискурс имеет немного, но глобальных целей.

Требования к речи спортивного комментатора:

1) соблюдение этики общения; 2) владение нормами литературного языка; 3) умение подобрать и организовать языковые средства таким образом, чтобы достичь поставленных целей в коммуникации или репортаже.

Уровни речевой культуры в сфере спортивного дискурса:

Высокий – этический компонент речи, знания правил спортивной речи в определенных ситуациях.

Средний – коммуникативный компонент речи, отбор и употребление языковых средств, ее богатство, точность, выразительность.

Низкий – нормативный компонент речи, случаи нарушения норм языка.

Качество спортивного дискурса зависит от:

- правильности и чистоты речи;
- логичности;
- точности;
- коммуникативной целесообразности;
- выразительности.

К компонентам спортивного дискурса можно отнести газетно-журнальный, радио-, телевизионный, сетевой дискурс.

В заключение хотелось бы резюмировать, что спорт как социальное явление характеризуется полифункциональностью и семиотической насыщенностью. Описанные в работе особенности раскрывают сущность спортивной речи. Спортивный дискурс в своем становлении прошел ряд этапов и характеризуется динамикой своего развития. Большой вклад в изучение и развитие лингвокультурологических особенностей спортивной речи внесли Н. С. Валгина, Г. О. Винокур, Е. А. Замская, В. В. Лопатин, Л. В. Щерба и другие. Нами описаны универсальные лингвокультурологические особенности спортивного дискурса, то есть актуальные для всех его разновидностей. Больше всего встречаются случаи лингвокультурологического словообразования в речи спортивных тележурналистов, к ним относятся: аббревиация, субстантивация, суффиксальную универбация.

Список использованных источников

1. Зильберт А. Б. Существует ли спортивный дискурс? // Материалы IX страховых чтений. Изд. Саратов пед. института СГУ, Саратов, 2012. 76 с.

2. Куценко А. А. Лингвокультурологические особенности языковой личности в дискурсе телеформата // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – 2017. – № 3 (13). С. 34–40.
3. Лазарев В. А. Особенности интерпретации лингвокультурного фона процедентных феноменов в спортивном дискурсе [Электронный ресурс]/ В.А. Лазарев, М.В. Ласкова// Вестник ТГПУ. – 2014. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-interpretatsii-lingvokulturnogo-fona-pretседentnyh-fenomenov-v-sportivnom-diskurse> (дата обращения: 21.11.2018).
4. Лебедев П. П. Особенности функционирования компрессивного словообразования в речи спортивных тележурналистов // Вестник РГПУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – № 1 (34). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-kompressivnogo-slovoobrazovaniya-v-rechi-sportivnyh-telezhurnalistov> (дата обращения: 21.11.2018).
5. Сабурова Н. А., Дудка К. В. Коммуникативно-прагматические особенности спортивного дискурса и их сохранение при переводе (на материале спортивной статьи и обзора) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 9–1 (87). С. 158–161.
6. Тугуз Э. А. Неологизмы в спортивном дискурсе: гендерный аспект // Известия ВГПУ. – 2013. – №.6. С.27–30.

УДК 811.11 – 112

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

А. Э. Левцкий,

*доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода
и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков
и регионоведения, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В статье с позиций современной лингвистической теории перевода определяется подход к определению локализации. Цель работы состоит в раскрытии особенностей локализации как актуальной проблемы в современном переводоведении. Анализ теоретических источников по теории перевода, имеющих отношение к проблеме локализации, а также практический опыт работы стали основанием для получения результатов. Выявлена роль существующих подходов в теории перевода к формированию современного взгляда на локализацию.

Ключевые слова: локализация, теория и практика перевода, адаптивное транскодирование, локаль, междисциплинарность.

Summary. The article defines localization within the framework of the linguistic translation theory. The aim of the paper is to specify localization as a

topical problem of the present-day Translation studies. The review of theoretical sources on Translation studies related to Localization matters with regard to personal experience in this sphere served as the ground for obtaining results. The role of the existing approaches to defining localization on the ground of present-day Translation theories has been pinpointed.

Key words: localization, translation theory and practice, adaptive transcoding, abridged translation, locale, interdisciplinarity.

На современном этапе развития науки перевод все чаще рассматривается как языковое посредничество, при котором происходит не только вербальное транскодирование текста оригинала, но и его преобразование [4]. Частным случаем такого языкового посредничества является локализация.

При адаптивном транскодировании происходит не только перенос информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации [5, с. 112]. Создаваемый в ходе адаптивного транскодирования текст не всегда предназначается для полноценной замены оригинального текста. Перевод больше, чем прочие виды языкового посредничества детерминируется языковыми формами и формальными соответствиями между языковыми единицами исходного и переводящего языков, тогда как адаптивное транскодирование может быть описано как синтез двух последовательных трансформаций: перевода и адаптации текста, выполняемой в соответствии с конкретными коммуникационными целями.

Различные виды адаптивного транскодирования обнаруживают сходства с переводом в разной степени. В максимальной степени характерные для перевода черты сохраняются в таких видах транскодирования, как адаптивный и сокращенный перевод. В адаптивном и сокращенном переводах сохраняется частичная функциональная тождественность между исходным текстом и переводным текстом. Создаваемый в процессе перевода текст отличается от исходного текста в содержательном и структурном аспектах и не предназначается для полноценной коммуникативной замены исходного текста.

Адаптивное транскодирование, ориентированное на передачу определенного объема и характера информации, а также на достижение конкретных коммуникативных целей, осуществляется также с помощью локализации, составления рефератов и аннотаций, резюмирования и использования других форм передачи заключенной в исходном тексте информации, связанных с ее отбором, переработкой или перегруппировкой [1]. Для каждой из этих форм в соответствии с тем или иным социальным заказом задаются определенные требования, касающиеся объема и правил

изложения содержания оригинала. Теперь остановимся подробнее на таком виде адаптивного транскодирования, как локализация.

Первоначально термин «локализация» понимался как полная адаптация продукта к использованию в определенном географическом регионе, который рассматривается в неразрывной связи с доминирующим в нем языком. Это единство региона и языка обозначается термином «локаль» (locale).

Сегодня уже перевод рассматривается лишь как один из частных примеров локализации. Между тем учитывается фактор адресата – адаптация текста к потребностям и ожиданиям получателя рассматривается как одна из собственно переводческих процедур. Если считать локализацию стратегией преобразования текста, то необходимо признать, что на практике локализация может осуществляться в рамках процесса внутриязыкового, или межъязыкового преобразования. Понятие локализации рассматривается применительно к техническому или рекламному тексту, а в меньшей степени – к художественному тексту, хотя многие переводческие трансформации – добавления, замены реалий, целостные переосмысления высказываний и другие – обеспечивают в конечном счете локализацию художественного произведения. Наиболее наглядными примерами языковых конвенций, которые адаптируются к реалиям определенной локали в процессе локализации, являются, например, системы мер, форматы обозначения времени и дат, формы личных обращений, а также разного рода клише – устойчивые речевые формулы, существующие в рамках различных функциональных стилей конкретного языка [2].

Итак, предлагаем рассматривать локализацию как вид адаптивного транскодирования, в основе которого лежит ориентация на лингвистическую и культурную адаптацию текста для той целевой аудитории (локали), которой он предназначен.

С точки зрения лингвистики локализация трактуется как многослойный, многоплановый процесс лингвистической адаптации текста к культурной парадигматике конкретной страны. На основе объединения знаний из сфер маркетинга и теории перевода, мы можем, например, рассматривать локализацию как адаптацию лингвистического кода локальной кампании (художественных, медийных, а также PR и рекламных текстов, выражения концепции бренда в языковом аспекте и так далее) для актуальной экстралингвистической ситуации.

Следует отметить, что важность лингвистического аспекта локализации осознают не только лингвисты, но и представители бизнеса: например, компания «Майкрософт» определяет локализацию именно с точки зрения лингвистики, а не в маркетинговом аспекте: «Мы определяем рынок лингвистически, а не географически. Создавая продукт, например, для испанского рынка, мы учитываем все диалекты испанского языка и их различия» [6, с. 48].

Кроме того, локализация понимается как «процесс адаптации продукта под конкретный международный язык или культуру, задача которого – сделать продукт естественным для этого региона. Процесс включает перевод, но идет намного дальше него. Грамотная локализация учитывает язык, культуру, привычки, технические аспекты целевой локали» [7, с. 149]. В данном определении делается акцент на производстве «естественного» для конкретного географического региона продукта.

Следует также обратить внимание на прагматический аспект локализации: «Если глобализация представляет рост через доступ к международным рынкам, локализация акцентирует внимание на конкретный региональный рынок, его специфику и создание релевантного этой специфике продукта. Конечная цель локализации – выстроить эффективную коммуникацию с потребителем на локальном рынке» [3, с. 58].

В индустрии программных, игровых и веб-разработок осознали важность так называемого «глокализационного» подхода (то есть, такого подхода, который учитывает экстралингвистические особенности локали, где будет продаваться тот или иной продукт) и стали первыми адаптировать свои продукты под локальные рынки. В настоящий момент данная практика перешла и на другие рынки, имеются прецеденты локализации художественной литературы: например, книга Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Философский камень» получила в локализованных версиях другие названия, а многие британские слова и выражения перед выходом книги на рынок США были заменены американскими аналогами.

Большинство компаний индустрии «GILT» понимают локализацию очень узко, сугубо применительно к техническим аспектам, разработке видеоигр, программного обеспечения, в основном рассматривая локализацию лишь как перевод или техническую коррекцию продукта под уже готовый перевод (например, коррекцию графических элементов, включающих языковые единицы; подвергшиеся переводу элементы кнопок, меню и так далее). Это достаточно ограниченное понимание термина. Подобное понимание локализации позволяет рассмотреть данный феномен в рамках классического переводоведения, что не совсем верно, так как локализация требует от специалиста достаточно широких знаний в смежных областях, в частности, маркетинге, дизайне, культуре целевой локали.

С учетом маркетинговых, технических и лингвистических условий происходит адаптация текста под определенную «локаль» путем удаления частей текста, перевода частей текста, замены частей текста, корректировки и создания новых частей. Последнее следует признать одним из ключевых отличий локализации от перевода [8].

Локализацию в этом плане можно рассмотреть в рамках теории «скопоса», и к ней скорее применимы аспекты не эквивалентности исходного и целевого текстов, а аспекты цели и мотива первого из них.

При локализации в отличие от перевода локализованный текст может значительно отличаться от исходного, но, если он реализует эту же цель и выполняет заложенные в текст мотивы, его можно считать удачно локализованным. Таким образом, задача локализации – не создать полноценный эквивалент исходному тексту, а такой аналог текста, который будет таким же образом влиять на реципиента и вызывать схожие действия, ассоциации, эмоции и так далее.

В рамках локализации следует рассматривать не просто текст как застывшую единицу, а учитывать, прежде всего, его миграцию, когда реципиент пропускает текст через свои «фильтры» и через совершенно другое восприятие, таким образом добавляя, модифицируя изначально заложенные в оригинальный текст смыслы [7]. В этом случае мы должны рассматривать работу с таким текстом в рамках реконтекстуализации, то есть, перемещения исходного текста в другой контекст. Для локализации интересен не столько сам текст оригинала, сколько схема, структура, модель прагматических и семиотических процессов, которые лежат в его основе и будут адаптироваться для целевой социокультурной среды.

Чтобы текст воспринимался необходимым образом, он должен содержать отсылку к личности реципиента. Если ее нет, текст не вызывает тех интенций, которые в него были заложены, то есть, текст как объект локализации содержит в себе также элементы изоморфной метафоры (в которой человек ассоциирует себя с героем, обстановкой и так далее). Поэтому одна из ключевых компетенций локализатора – умение не просто адекватно перевести текст (подчас даже простой перевод будет мешать выполнению заложенных интенций, которые могут не работать в новом контексте), а умение оперировать прагматической составляющей информационного продукта.

Итак, локализатор, по сути, не переводит, а ретранслирует прагматическое содержание исходного текста, создавая схожий текст по структуре, но, возможно, и значительно отличающийся своим лексическим составом в том случае, если это обусловлено экстралингвистическим контекстом и отвечает задачам исходного текстового сообщения.

Таким образом, предложим следующее «расширенное» определение изучаемого феномена, которое определяет локализацию не только в контексте теории перевода: локализация – это процесс трансформации структуры и содержания динамического текста, задача которого – адекватно передать заложенные в текст прагматические интенции применительно к экстралингвистической коммуникативной ситуации, которая определяется конкретными социокультурными, маркетинговыми, политическими и другими условиями существования компаний, товаров и информационных продуктов.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика. СПб.: Институт иностранных языков, 2000. 192 с.

2. Батюкова Н. А. Многоязычная локализация в современном виртуальном пространстве // Образовательные технологии в виртуальном лингвокультурном пространстве: материалы по IV Международной виртуальной конференции по русистике, литературе и культуре. 2011. № 1. С. 42– 45.
3. Зинкевич О. В. Брендинговые технологии: локализация // Петербургская школа PR: от теории к практике. Сборник статей. 2014. №8. С. 54– 60.
4. Левицкий А. Э., Кондаков А. И. Трудности англо-русского перевода в сфере локализации видеоигр: монография. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2019. 145 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Brooks D. What Price Globalization? Managing Costs at Microsoft. // Translating Into Success. Cutting-edge strategies for going multilingual in a global age. American Translators Association Scholarly Monograph Series XI. 2000. № 11. P. 43– 52.
7. Cortes O. C. Semiotic alteration in translation. Othering, stereotyping and hybridization in contemporary translations from Arabic into Spanish and Catalan // *Linguistica Antverpiensia*. 2015. №2. P. 141– 146.
8. Moustén B. Globalisation and localisation influences on web site text distribution – a case study of text travel between two VELUX web sites. Copenhagen: Københavns Universitet, 2008. 344 p.

УДК 81:37.016

**О ВАЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОДУКТОВ
РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

А. В. Лоза,

*кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры теории языка
и немецкого языка, Факультет иностранных языков, Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Ярославль*

Аннотация. В статье автор рассматривает вопрос использования рекламных продуктов на уроке иностранного языка в высшей школе, отмечает сочетаемость данного методического подхода с традиционными формами работы, что способствует формированию у учащихся целого ряда компетенций (в том числе социокультурной и межкультурной), а также медиаграмотности. Автор особенно отмечает, что применение рекламных продуктов на занятии способствует усвоению знаний как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Ключевые слова: иностранный язык, межкультурная компетенция, реклама, медиаграмотность, коммуникация, социальная реклама.

Summary. The article considers the issue of using commercial in teaching foreign languages at universities. The author explains its combinative capacity (possibility to be applied together with the traditional methods of working). Special attention is paid to the fact that commercials provide both linguistic and non-linguistic knowledge.

Key words: foreign language, intercultural competence, commercial, advertisement, media competence, communication, public service announcement.

В современном мире высоких технологий и рыночных отношений, развитых средств коммуникации и повышенного спроса на услуги в социальной сфере мы ежедневно сталкиваемся с продуктами рекламной индустрии. Ни для кого не секрет, что реклама, как важная отрасль экономической деятельности, призвана оказывать определенное влияние на потенциального потребителя. Существуют разнообразные методики психологического воздействия (психология рекламы) на сознание человека. Если речь при этом идет о подростках и молодых людях, то, по мнению педагога, специалиста в области медиаобразования Е. Растнер, зачастую рекламные продукты участвуют в формировании их мировоззрения и определяют образ жизни [8, с. 29].

На сегодняшний день педагогическая наука распознала и активно использует продукты рекламы в процессе обучения иностранному языку. Стало совершенно очевидным, что реклама обладает большим лингводидактическим потенциалом.

В рамках современного подхода к обучению иностранному языку большое внимание уделяется формированию межкультурной компетенции. С течением времени наша жизнь становится все более динамичной, требующей от нас не только профессиональных умений, но и социокультурных, а также межкультурных знаний [2, с. 194]. Так, для успешной коммуникации необходимо обладать сведениями о других культурах, традициях, нормах и правилах коммуникативного поведения, принятых в обществе, в противном случае результат общения может быть отрицательным, если коммуниканты сталкиваются с рядом противоречий, обусловленных национальными особенностями [1, с. 93].

Не подлежит сомнению, что язык, будучи культурным феноменом, связан с целым рядом контекстуальных смыслов, вырабатываемых в конкретном культурном поле. Сюда можно отнести ценностные установки, религиозную, этническую, географическую и экономическую составляющие, демографические и гендерные характеристики, социальный статус коммуникантов [3, с. 106].

Согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата) выпускник должен обладать набором

общекультурных компетенций, непосредственным образом связанных с процессами межкультурного взаимодействия.

В условиях образовательного процесса в ВУЗе не всегда представляется возможным обеспечить постоянный контакт с носителями иных языков и культур. В связи с этим, одной из основных задач педагога в данных условиях является выбор максимально аутентичных и наглядных учебных материалов, а также форм работы с ними (интерактивные формы работы, использование информационных технологий).

Одним из характерных признаков современного знания является междисциплинарный подход в науке и образовании. Трансдисциплинарность открывает возможности для многоаспектного изучения предмета исследования, получения объективного (насколько это возможно) знания, формирования всесторонне развитой личности. Использование в процессе обучения иностранному языку продуктов рекламной деятельности объединяет такие отрасли знания, как методика, языкознание, межкультурная коммуникация, переводоведение и медиаведение (Medienwissenschaft). Данный подход, таким образом, позволяет одновременно решать целый ряд образовательных задач и формировать несколько видов компетенций (ОК, ОПК, ПК). Также следует отметить, что использование продуктов рекламной деятельности в совокупности с современными информационными технологиями способствует формированию у учащихся медиаграмотности. В немецкой методике данный термин трактуется в качестве компетенции, необходимой для жизни и дальнейшего обучения в информационном обществе.

В условиях обучения иностранному языку в гомогенной языковой группе использование рекламных продуктов обладает целым рядом положительных моментов. Прежде всего, необходимо отметить их аутентичность и достоверность. Рекламный продукт, представленный на рассмотрение учащимся, отражает реальную действительность носителя языка как с лингвистической, так и с экстралингвистической точек зрения. Языковой аспект оформления рекламного текста оказывает эксплицитное воздействие на реципиента, демонстрируя современный язык, служащий средством повседневного общения. Для текста рекламного продукта характерны стилистическое богатство и выразительность. Лаконичность текста позволяет получить универсальный лексический набор по определенной теме (например, в рамках изучения темы «Мой дом» можно использовать аутентичные рекламные объявления о поиске/аренде квартир, взятые из иностранных газет, Интернета или сфотографированные с досок объявлений в студенческом общежитии).

Рекламный текст может использоваться в качестве богатого источника для изучения словообразования, фразеологизмов, заимствованных слов, стилистических средств, примеров диалектизмов, молодежного сленга, особенностей перевода вышеперечисленного и

прочее. Так, на основе текста рекламы учащиеся могут рассмотреть тему сложных слов в немецком языке, выделяя составные элементы «Wortbausteine» (schlüssel-fertig, löffel-fertig, hals-frei, bauch-frei, knie-frei). Пример звучания австрийского варианта немецкого языка (в рамках курса фонетики) можно наглядно продемонстрировать, используя рекламные ролики о молочных продуктах из Австрии Ja! Natürlich.

Многие рекламные слоганы и тексты изобилуют средствами художественной выразительности; как показали результаты проекта, проведенного в 2004 году, из 752 рекламных слоганов 183 (т.е. 24%) обнаружили наличие стилистических средств (Der Kunde ist tot, es lebe der Kunde – аллюзия; brandneu, extrafein, blitzschnell – метафора; Meine Katze liebt mich. Ich liebe meine Katze – киклос, параллелизм) [6, с. 361].

Вопрос перевода заимствований в рекламе может стать интересной темой для полномасштабного исследования в рамках курсовой или выпускной квалификационной работ. В ходе изучения особенностей перевода рекламных текстов возможно рассмотреть применяемые переводческие трансформации (ср.: рекламное объявление из газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung: Das Angebot gilt aber nur für kurze Zeit! Plus: Großer Spring-Sale – Спешите! Спецпредложение скоро закончится. Не забывайте о большой весенней распродаже/ адекватная замена).

Использование рекламных продуктов на уроке способствует обогащению словарного запаса учащихся. Необычная, стилистически окрашенная лексика запоминается быстрее и остается в памяти надолго еще и потому, что процесс ее изучения сам по себе отличается от традиционного обучения и связан с положительными эмоциями.

Как уже отмечалось выше, реклама может оказывать сильное эмоциональное воздействие на молодых людей. Таким образом, использование материала рекламы на уроке может стать дополнительным источником мотивации к изучению иностранного языка. Нельзя не отметить тот факт, что применение рекламы способствует формированию у учащихся представления о традициях, обычаях и нормах (речевого) поведения носителей языка (имплицитное воздействие). Профессор педагогического университета города Фрайбурга А. Лойполд (Eunag Leupold) пишет, что использование рекламы на уроке иностранного языка дает возможность почувствовать близость страны изучаемого языка, ср.: « Nahe zum Land der Zielsprache» [7, с. 179].

Выбор того или иного рекламного продукта обусловлен целью и задачами урока, уровнем владения иностранным языком и возрастом. Так, на занятии можно использовать инфографику, рекламные плакаты и постеры, текстовую рекламу, рекламный ролик и. т. д. Следует отметить, что авторы современных учебников по немецкому языку активно включают в их состав продукты рекламной деятельности разных видов (например, курс Menschen, издательство Hueber Verlag).

Приведем несколько примеров заданий при работе с опорой на рекламный текст в рамках темы «Туризм»: 1. Прочитать рекламные слоганы туристических компаний (авиакомпаний, отелей...). Выбрать наиболее понравившиеся, объяснить свой выбор, ответив на вопрос, воспользовались бы Вы услугами данной организации и почему. 2. Прочитать рекламный текст туристического буклета/брошюры, придумать к нему рекламный слоган и соответствующую иллюстрацию. 3. Составить глоссарий по теме «Туризм» на основе прочитанного текста. 4. На основе буклета туристической фирмы составить маршрут путешествия (работа в парах, составление диалога, использование элементов ролевой игры).

Большим образовательным потенциалом обладает социальная (некоммерческая) реклама, обращающая внимание на проблемы общества. Такая реклама направлена на формирование и сохранение культурных ценностей, выполняет множество функций, в частности просветительскую.

В зависимости от изучаемой в рамках учебной программы темы можно подобрать рекламный продукт (плакат, брошюра, видео ролик) и сформулировать задания. Например, в рамках изучения темы «Семья» можно предложить к просмотру ролик «Graffiti» биофармацевтической компании Pfizer, основными мотивами которого являются семейные ценности, поддержка и любовь близких в трудных ситуациях. Для обсуждения увиденного можно предложить следующие вопросы: 1). What did you think the boy was doing at the beginning of the video? 2). Why did the boy draw the flowers? 3). How would you describe the boy and his action? 4). What is the main idea of the video? 5). How does the video make you feel?

Следует отметить, что формы и приемы работы с социальной рекламой на уроке, а также ее многоаспектная тематическая палитра делают возможным изучать и самим создавать продукты социальной рекламы благодаря использованию проектной методики. Например, создание собственного информационного плаката в рамках работы над темой «Konsumgesellschaft» (общество потребления).

Поскольку рекламный продукт всегда демонстрирует фрагмент иностранной культуры, отражает нормы поведения и общения, принятые в обществе, он является прекрасным материалом к изучению в рамках курса по межкультурной коммуникации. Так, учащиеся получают возможность выделить и проанализировать элементы иноязычной культуры, выяснить для себя их значение и научиться в дальнейшем находить подобные социально- и культурно-маркированные элементы.

В практике маркетинга существует модель потребительского поведения, описывающая последовательность этапов, которые проходит каждый потенциальный покупатель. Речь идет о формуле AIDA, которую предложил в 1898 году Элмо Льюис (E. St. Elmo Lewis), где A – (attention) внимание потребителя, I – (interest) интерес к продукту, D – (desire) желание приобрести продукт, A – (action) предпринятое действие, т.е. покупка [5,

с. 129]. На наш взгляд данную модель можно транспонировать в область методики обучения иностранному языку. Так же, как и в области маркетинга, основная задача использования рекламы на уроке состоит в привлечении внимания аудитории, повышении ее интереса, поддержании ее мотивации на изучение предмета и направлении на выполнение заданных действий.

В поддержку использования рекламных продуктов на уроке иностранного языка высказался известный германист, профессор Ганс Герингер (Hans Jürgen Heringer). Он отметил, что изучающий иностранный язык, оказавшись в иноязычном обществе, легче найдет общий язык и определит нюансы значений в контексте. Включив телевизор, путешествуя железной дорогой или читая газету, учащийся может наткнуться на цитату из рекламы, встретить известную фразу в форме аллюзии и прочее [4, с. 278].

Вышеперечисленные особенности использования рекламных продуктов на уроках иностранного языка демонстрируют состоятельность данного методического подхода, широкие возможности его реализации и сочетания с большим количеством приемов и форм работы.

Список использованных источников

1. Лоза А. В. Живое страноведение как фактор формирования кросс-культурной компетенции // Инновационные подходы в современной науке. – 2018. – №5(17). С. 92–100.
2. Лоза А. В. Формирование межкультурной компетенции на занятиях по страноведению в языковой гомогенной группе // Перевод. Язык. Культура: сборник статей по материалам IX международной научно-практической конференции. – 2018. С. 194–198.
3. Юрьева Т. В. Проблема кросс-культурных коммуникаций в аспекте практико-ориентированных педагогических технологий // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – №5. С. 104–107.
4. Heringer H. J. Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2004. 322 S.
5. Holzbecher A. Foto plus Text. Handbuch für die Bildungsarbeit. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 462 S.
6. Janich N. Handbuch. Werbekommunikation. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag, 2012. 508 S.
7. Leupold E. Französisch unterrichten: Grundlagen-Methoden-Anregungen. Seelze, Kallmeyer Verlag, 2007. 450 S.
8. Rastner E. M. Zur Wahrnehmung von Werbung in Pädagogik und Deutschdidaktik // Info zur Deutschdidaktik. – 1998. – №3. S. 29–39.

СТРАТЕГИИ ПОИСКА ЭКВИВАЛЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

П. И. Золотаренко,

магистрант кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Юридический перевод – особый тип перевода, включающий межлингвистическую коммуникацию в правовом контексте. В отличие от других видов перевода специальных текстов – медицинских, научных, технических, юридический перевод, как правило, включает в себя больше культурных, чем универсальных элементов. Это обусловлено системным характером юридической терминологии, поскольку правовые концепты обычно являются продуктом национальной правовой системы. Цель работы состоит в изучении некоторых лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на перевод юридической терминологии, выявлении трудностей, стоящих перед переводчиком. Поставленная цель предполагает использование комплексной методики анализа, включающей лингвоправовой, лингвокультурологический, словарно-семантический, понятийный, компонентный и сопоставительный анализ. В результате исследования предлагаются возможные стратегии поиска эквивалентов при переводе юридических терминов и современные ресурсы, имеющиеся в распоряжении переводчика.

Ключевые слова: юридический перевод, юридический термин, юридический концепт, стратегии перевода, эквивалент.

Summary. Legal translation is a special type of translation that includes interlingual communication in a legal context. Unlike other types of translation of special texts - medical, scientific, technical, legal translation, as a rule, includes more cultural than universal elements. This is due to the systemic nature of legal terminology, since legal concepts are usually the product of the national legal system. The purpose of the work is to study linguistic and extralinguistic factors affecting the translation of legal terminology, identifying the difficulties facing the translator. The goal implies the use of an integrated method of analysis, including linguistic, culturological, vocabulary-semantic, conceptual, component and comparative analysis. As a result of the research, possible strategies for searching for equivalents in the translation of legal terms and the existing modern resources at the translator's disposal are proposed.

Keywords: legal translation, legal term, legal concept, translation strategies, equivalent.

Правовые системы имеют свою историю, принципы организации и разработаны с учетом потребностей конкретной нации. Это неизбежно ведет к несоответствию правовых терминов между национальными системами. Рассмотрим более подробно природу подобных несоответствий.

Согласно В. Вилсу, многие аспекты перевода текстов для специальных целей выходят за культурные границы и в некотором смысле универсальны [9, 38]. Иным словами перевод можно представить, как область социокультурно обусловленного языкового поведения, включающего как культурные, так и универсальные компоненты. Х. Сейджер определяет термин как хранилище знаний с конкретной ссылкой на то, что они относятся к дискретным концептуальным объектам, свойствам, деятельности или отношениям, которые составляют пространство знаний конкретной предметной области. Поэтому термины встроены в сложные структуры знаний, и когнитивная лингвистика может послужить для объяснения того, как такие структуры организованы и как из них возникает смысл.

В когнитивном подходе используется энциклопедическая семантика Д. Хаймана, которая различает лингвистические и экстралингвистические знания. Таким образом, значение представляет собой энциклопедию, а не словарь и поэтому воспринимается не как набор признаков, а как динамический мыслительный процесс, возникающий в процессе дискурсивной обработки. Лексическая единица рассматривается не как фиксированный, ограниченный и чисто лингвистический, семантический элемент, а скорее, как обеспечивающий доступ ко многим концепциям и концептуальным системам, открытым, контекстно-зависимым образом. С этой точки зрения лингвистические единицы обладают определенным семантическим потенциалом и способны вызывать сложные элементы познания в ходе использования. Соответственно, юридические термины могут рассматриваться как точки соприкосновения с концептами, которые активизируют соответствующие базовые знания. Для характеристики юридического понятия необходимо обратиться к другим когнитивным областям, которые предполагаются и включаются в такое понятие. Юридическая аргументация основана на ментальной модели «если-тогда», где юридический термин связывает правовые условия с последствиями и функциями как уменьшенное представление правовых норм.

Юридический концепт – «это абстрактное общее понятие или идея, которая выступает в качестве категории правовой мысли или классификации, названия совокупности фактов и обстоятельств, которые соответствуют определенным правовым требованиям и имеют определенные правовые последствия» [7, с. 93]. Важным качеством юридических терминов является их интертекстуальность. Под

интертекстуальностью понимается способность к изменению значения под влиянием других источников, включающих в себя законодательство, принятые законодательные акты и прочие юридически важные элементы дискурса.

В теории перевода выделяют две стратегии перевода юридических терминов: форенизация (выбор эквивалентов направлен на исходный язык) и доместикация (выбор эквивалентов направлен на язык перевода). «Форенизация вызывает чувство иностранного, а доместикация подразумевает ассимиляцию с культурой языка перевода» [6, с. 240]. Л. Венути считал, что форенизация используется в художественном переводе, а технический преимущественно строится вокруг доместикации, поскольку «предназначен для поддержания научных исследований, геополитических переговоров и экономического обмена, он ограничен потребностями коммуникации» [6, с. 241]. Форенизация может, как отмечают теоретики, создать препятствия для четкой коммуникации. Доместикацию же можно рассматривать в качестве предпочтительной стратегии при переводе в сфере языка для специальных целей и даже отраслевого стандарта.

Тенденция к доместикации соотносится со сменой парадигмы в теории перевода от текста оригинала к тексту перевода, существующей в Теории Скопоса и Дескриптивном переводоведении. Переориентация на текст перевода наблюдается и в юридическом переводе: как справедливо подчеркивает Я. Энгберг, юридический перевод воспринимается как самостоятельный текст, способный «функционировать самостоятельно в новой ситуации без необходимости обращения к исходному тексту» [3, с. 376]. Перевод должен быть, по крайней мере, таким же читаемым и естественным, как и его оригинал.

Однако мнения исследователей расходятся в отношении приемлемости подобного приема в юридическом переводе. В то время как М. Уэстон считает доместикацию (функциональную эквивалентность) идеальным методом перевода [8, с. 26], С. Шаревич говорит о приемлемости подобных эквивалентов в соотношении различий между концептами языка оригинала и перевода [5, с. 236]. Читатель автоматически рассматривает текст в рамках привычной ему системы, поскольку ему трудно избежать привычных рамок с точки зрения лингвистического релятивизма (гипотеза Сепира-Уорфа), где наше восприятие мира в определенной степени ограничено нашим языком.

Эквивалент термина должен соответствовать качествам термина, то есть иметь конкретную ссылку на верную правовую систему, из которой вытекает его значение, и он должен быть кратким и практичным. Чтобы функционировать должным образом, в речевом сообществе должно быть какое-то общее мнение относительно того, что он означает. Приведем пример эквивалента ориентированного на язык перевода: в российской

правовой системе существует такая организационно-правовая форма как *товарищество на вере*, которая соотносится с аналогичным термином в английской правовой системе *a limited partnership* (доместикация). Можно также привести пример организационно-правовой формы: профессиональное товарищество, которое посредством форенизации переводят как *professional partnership*, однако имеет также место быть перевод, ориентированный на язык перевода - *limited liability partnership*. Часто в практике перевода выбор эквивалентов сводится к устоявшейся традиции языкового сообщества, что также свидетельствует в пользу доместикации. Некоторые эквиваленты настолько укоренились, что переводчики не пытаются использовать другие эквиваленты, а если они это делают, они имеют риск называться некомпетентными в конкретной сфере. К примеру, *общество с ограниченной ответственностью* зачастую переводится как *limited liability company*, однако для представителя американской правовой системы более верным эквивалентом будет *private corporation*.

Изучив некоторые теоретические аспекты юридического перевода, рассмотрим способы поиска переводчиками эквивалентов и имеющиеся в их распоряжении современные ресурсы.

Одноязычные юридические словари содержат определения правовых понятий, составляющих концептуальную сеть единой правовой системы на одном языке. Их полезность для перевода зависит главным образом от объема энциклопедических знаний, включенных в статью. Некоторые словари, *Oxford Essential Dictionary of Legal Words*, *Oxford Paperback Reference*, *Longman Dictionary of Law*, дают краткие определения, часто сводимые к типичным значениям термина и/или синонимов. Краткие определения подходят для переводчика, который сомневается в значении конкретного термина или сочетания терминов и хочет, чтобы его мнение было подтверждено. Преимущество энциклопедических одноязычных словарей заключается в том, что они позволяют переводчику понять юридический концепт, предоставляя базовые знания.

Двуязычный словарь предоставляет эквиваленты юридических понятий. В большинстве случаев запись имеет ограниченную степень детализации и содержит простой перечень слов без какой-либо информации о различиях между эквивалентами и степени несоответствия концепта на исходном языке. К примеру, *акционерное общество*, имеет 12 эквивалентов в EN>RU юридических словарях: *joint-stock company / joint stock company*, *public limited company*, *public company limited by shares*, *public limited company with share capital*, *public limited liability company*, *publicly held corporation*, *stock company limited by shares*, *incorporated company*, *incorporated enterprise*, *registered company*, *private limited company*, *stock corporation*, *stock company*. В то же время данные словари не дают предпочтительный для США эквивалент *public corporation*. Три

представленных эквивалента *incorporated company, incorporated enterprise and registered company* можно расценивать как гиперонимы, взятые с более высокого уровня таксономической иерархии и поэтому являющиеся слишком общими для передачи значения термина *акционерное общество*. Следует также помнить о том, что существуют некоторые разногласия относительно того, какие эквиваленты следует включать в словарную статью. С. Нильсен [4, с. 172] утверждает, что недопустимо включать частичный эквивалент, который охватывает только 5 или 10% леммы.

Интернет предоставил новые инструменты для юридического перевода. Инструменты САТ, такие как Trados, Word Fast или Déjà vu, позволяют переводчикам быстрее переводить повторяющиеся тексты и улучшать качество перевода, обеспечивая терминологическую согласованность, что имеет основополагающее значение в крупномасштабных проектах. Инструменты САТ также предоставляют память переводов, в которой переводчики хранят свои собственные переводы или могут импортировать внешние. Опция Trados Concordance позволяет переводчику искать в памяти термин на исходном языке и просматривать, как он был ранее переведен в контексте. С Trados Multiterm переводчик может создавать глоссарии или микроглоссарии для каждого клиента и/или проекта. Кроме того, переводчики часто пользуются электронными банками терминов, такими как Eurodicautom. Онлайн-инструменты облегчающие выбор эквивалента и сокращающие время его поиска, включают: онлайн-сборники законов, поисковые системы и дискуссионные форумы (trworkshop.net, translatorscafe.com, multitrans.ru). Сборники правовых документов в режиме онлайн служат авторитетной базой знаний. Эффективными инструментами являются дискуссионные форумы, в которых переводчики задают коллегам терминологические вопросы (например, proz.com.). Вопросы и ответы хранятся в одном месте, доступны для поиска и функционируют как глоссарий типичных терминологических переводческих проблем.

В заключение отметим, что выбор стратегии перевода юридической терминологии обусловлен лингвистическим, культурным и профессиональным опытом переводчика. Новые подходы к переводу терминологии помогают повысить скорость и качество перевода. Применяя их, переводчик может повысить функциональность перевода за счет более естественного языка, средства которого не привлекает к себе внимания как чужие конкретной культуре, языку и правовой системе.

Список использованных источников

1. Выборнов Ю.Б. Основные аспекты перевода юридическо- правовой документации // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 77-81.

2. Пасекова Н.В., Ульяновкина О.Ю. Политический дискурс и особенности его перевода // Аллея науки. – 2017. – Т. 2. – № 8. – С. 56-59.
3. Engberg, Jan. Legal meaning assumptions – what are the consequences for legal interpretation and legal translation? In International Journal of the Semiotics of Law, 2002, vol. 15, no. 4, P. 375–388.
4. Nielsen, Sandro. The Bilingual LSP Dictionary; Principles and Practice for Legal Language. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1994.
5. Šarčević, Susan. New Approach to Legal Translation. The Hague: Kluwer Law International, 1997. P. 234–239.
6. Venuti, Lawrence. Strategies of Translation. In BAKER, M. (ed.). Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London/New York: Routledge, 1998. P. 240–244.
7. Walker, David M. The Scottish Legal System. An Introduction to the Study of Scots Law. Edinburgh: W. Green/Sweet & Maxwell, 2001. 696 p.
8. Weston, Martin. An English Reader's Guide to the French Legal System. New York/Oxford: Berg, 1991. 155 p.
9. Wilss, Wolfram. Translation as a Knowledge-Based Activity: Context, Culture, and Cognition. In de BEAUGRANDE, R. et al. (eds). Language, Discourse and Translation in the West and Middle East. Amsterdam/Philadelphia : J. Benjamins, 1994. P. 35–43.

УДК 412.5 I 413.223

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ В ЯЗЫКЕ И НАУКЕ

Л. Н. Макеева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь*

Аннотация. Основная связь, лежащая в основе всякого знания, состоит в ассоциации между объектами, однако в действительности помимо простой ассимиляции происходит ассимиляция объектов по определенным схемам, которые присущи субъекту.

В ходе взаимодействия индивида с окружающим его миром образы слов усваиваются и наличествуют в лексиконе, как члены определенных групп. «Ментальный» словарь, функционирующий в индивидуальном сознании, организован иначе, чем информация в толковом словаре.

Ключевые слова: семантическая структура, признак, компонент смысла, ассоциация, ментальный, ассимиляция, субъект, объект, лексикон, тезаурус.

Summary. The main links and correlations forming the basis of any type of cognition imply the association between the objects. Yet it's not sufficient, because simple association rejects the subject activity and this is not true to fact, as in reality, besides simple assimilation there occurs the assimilation of the objects according to certain patterns, specific for this or the subject.

Many scholars doing research in linguistics pointed out the existence of the vocabulary in human mind and the context of this vocabulary is compiled on the principle of the communicative competence.

The thesauri of different people never coincide exactly. But there is a common part in them, backing on which people achieve mutual understanding.

Key words: semantic structure, sign, component of the meaning, association, mental, assimilation, subject, object, lexicon, thesaurus.

Изучение языка науки как части языка вообще приводит к поиску критериев, отражающих эту часть словаря. Теория познания в данном случае приобретает первостепенное значение. Вот почему в основе логической семантической классификации слов (в нашем исследовании – глаголов) лежит рассмотрение процесса научного познания и его этапов как вида человеческой деятельности, отражающей реальные факты естественного языка человека, а также семантические отношения языковых единиц, детерминируемые спецификой процесса научного исследования.

Функционирование детерминирует определенные характерные особенности, влияющие на принадлежность к конкретной концептуальной семантической сфере. То есть, с одной стороны, семантическое содержание лексической единицы определяет возможность ее использования в текстах определенного стиля, с другой стороны, употребление этих единиц открывает новую грань семантического содержания слова, связанную с его коммуникативным аспектом: взаимная детерминация этих фактов очевидна.

Идея о параллельности мыслительной и языковой деятельности, возрождающаяся в настоящее время в рамках современной когнитивной лингвистики, постулировалась в свое время Э. Сепиром [4], считавшим, что элементы языка являются символами, фиксирующими явления опыта и должны, следовательно, ассоциироваться с цельными группами, определенными классами этих явлений, а не с единичными явлениями опыта. Рассмотрение реализации характерных признаков в семантической структуре ассоциативного поля позволяет выявить прототип образа, стоящего за тем или иным понятием, а ситуационный компонент смысла представлен в виде информации в некоем фрагменте действительности. Выделенные группы признаков по-разному представлены в языковой сфере, разграничивая их в организации когнитивных моделей.

Основная связь, лежащая в основе всякого знания, состоит в ассоциации между объектами. Однако, по мнению Н. Пиаже [3] этого недостаточно, поскольку простая ассоциация отрицает активность субъекта, а это не соответствует действительности: помимо простой ассоциации происходит ассимиляция объектов по определенным схемам, которые присущи субъекту.

Последнее время намечается тенденция подходить к вопросу системности словарного состава с некоторым учетом позиции самого

носителя языка – говорящего человека, т.е. актуальной становится задача исследования словаря, функционирующего в индивидуальном сознании.

Авторы известных гипотез организации лексикона человека единодушны в том, что «ментальный» словарь организован иначе, чем информация в толковом словаре.

Рассматривая лексику как известную абстракцию, как результат генерализирующей работы человеческого ума, Ю. Н. Караулов понимает под словарем «конкретную манифестацию некоторой части лексики» [1]. Он считает, что «словарь языка, существующий в сознании пользователя языком, представляет собой тоже определенную манифестацию лексики, хотя способ его существования отличается от первого» [1, с. 70].

Переключив внимание на «словарь в голове» исследователи ставят перед собой задачу, вряд ли разрешимую путем лингвистического описания абстрактной языковой системы.

В качестве базы организации лексикона рассматривается его понятийный (концептуальный) аспект, коннотативное, денотативное или психологическое значение слова, признаки, семантические маркеры, лежащие в основе связей между словами.

В основу специфики лексикона легла концепция Л. В. Щербы о тройном аспекте языковых явлений, где он подчеркивает, что речевая деятельность обусловлена сложным речевым механизмом человека, или «психофизиологической речевой организацией индивида», которая:

а) никак не может просто равняться сумме речевого опыта и должна быть какой-то своеобразной его переработкой;

б) может быть только психофизиологической;

в) вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом;

г) служит индивидуальным проявлением выводимой из языкового материала языковой системы [5].

Итак, словарный запас общелитературного языка является базовым.

Однако количество употребляемых индивидуумом лексических единиц ограничивается предельным объемом активного запаса индивидуума и варьируется в зависимости от таких причин, как физиологический порог' объема памяти человека, интеллектуальный уровень, количество словесно дефинируемых понятий в той или иной профессиональной или научной области и т.д.

В ходе взаимодействия индивида с окружающим его миром образы слов (словоформы) усваиваются и наличествуют в лексиконе как члены определенных групп, субъективно переживаемых в качестве «значений» или «смыслов» этих слов.

Как отмечалось выше, на существование словаря в голове индивида и о составе этого словаря по принципу коммуникативной компетенции указывали многие лингвисты.

В данный процесс вносит некоторую ясность понятие о тезаурусе. Ю. Н. Караулов указывает, что тезаурус-это всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими [9] единицами.

В нашем понимании это некий семантический словарь, являющийся упорядоченным набором лексических единиц, отражающих совокупность человеческих знаний внутри данной предметной области.

Анализ лексического материала (специальных текстов по экономике, информатике и т.д.) обнаруживает единую комплексную семантическую систему с лексическими единицами, отражающими концептуальные сферы «говорение», «эксперимент и исследование», «результат эксперимента», «оборудование и материалы», «верификация и выводы», «подведение итогов».

Анализ также обнаруживает, что совокупность этих так называемых кодов занимает особое место и заполняет почти все пространство в общей семантике. В нашем исследовании анализируются семантические или ассоциативные группы, базирующиеся на принципе тезауруса и лексико-семантические группы, отражающие чисто лингвистические связи между словами.

Например, глагол «prove» входит в состав ассоциативной группы «верификация и выводы», а глаголы «depend» и «correspond» – в группу «умозаключение», хотя по своим лексическим связям и семантическим характеристикам они входят в одну и ту же лексико-семантическую группу «систематизация и оценка». Группа глаголов-синонимов с общим значением «понимать» дана в словарях синонимов в следующем составе: understand, apprehend, comprehend, conceive, discern, imply, interpret, know, learn, perceive, recognize.

В ней отсутствует самый распространенный в научных текстах синоним – глагол «realize», являющейся доминантой этой группы в научном стиле при относительно нечастом употреблении глагола «understand», а группу глаголов-синонимов со значением «рассматривать» словари не включают и глагол «discuss» (не менее распространенный, чем глагол «consider», который включен одним из первых), хотя в толковом словаре можно найти соответствующее толкование – существительное.

Итак, семантика какого бы то ни было языка – это не только типичные пучки семантических признаков, но и прежде всего отношение каждого такого пучка или совокупности к чему-то, находящемуся во внеязыковом мире, к какому-то объекту, отражение которого в сознании закрепляется языком в совокупности признаков.

В ходе взаимодействия индивида с окружающим его миром образы слов (словоформы) усваиваются и наличествуют в лексиконе как члены определенных групп, субъективно переживаемых в качестве «значений» или «смыслов» этих слов.

Это также доказывает верность тезиса о том, что связи общелитературного языка и его функциональной разновидности – языка науки нужно рассматривать на фоне концепции стабильности, ограниченности состава активного словарного запаса языкового коллектива, индивидуума, подгруппы языкового коллектива, «объединенной по профессиональному признаку».

Выявление тематического содержания научной речи позволяет организовать и систематизировать определенным образом объем лексического материала изучаемого языка, представляя слова и их сочетания в некотором статическом соотношении, на что указывает само расположение материала в словаре являющееся по отношению к языковым категориям чисто внешним, алфавитным, исключая возможность отражения в нем особенностей слова как функционирующей единицы.

Так, группа глаголов-синонимов с общим значением «понимать» дана в словарях синонимов в следующем составе: understand, apprehend, comprehend, conceive, discern, imply, interpret, know, learn, perceive, recognize. В ней отсутствует самый распространенный в научных текстах синоним – глагол «realize», являющийся доминантой той группы в научном стиле при относительно нечастом употреблении глагола «understand». В группу глаголов-синонимов со значением «рассматривать» словари не включают глагол «discuss» (не менее распространенный, чем глагол «consider», который включен одним из первых), etc.

Следовательно, проблема заключается в том, чтобы сделать классификацию лексики более оперативной, динамичной.

Это ведет к ограничению сочетаемости и сокращению полисемии слова, в частности, в одной и той же области науки. Как называемая моносемия слов в научной литературе выражена в том, что в этой части вокабуляра меньшее количество слов, чем, например, в разговорном, гораздо большей концентрацией значений в одной лексической единице.

Это подтверждает положение о неизоморфизме между планом содержания и выражения, т.е. существует гораздо больше единиц содержательного уровня, чем плана выражения.

Результаты анализа показали, что глаголы, имеющие как терминологические, так и общие значения в своей структуре представляют первостепенный интерес, т.к. в силу своей «двойственной природы» могут функционировать как элементы специального, так и общего словаря, а функционируя в специальных текстах, повышают информационную емкость, актуализируя свои терминологические значения.

Системный метод, дополненный функционально-ситуативным, и примененный к анализу современной науки имеет то преимущество, что он позволяет преодолеть специфику отдельных областей и направлений, сделать обобщения на уровне научной деятельности вообще и одновременно в методическом плане, предусмотреть конкретизацию общих

понятий каждым специалистом в процессе овладения иностранным языком в соответствии с терминологией и спецификой своей области.

Детальное изучение принципов организации лексикона должно пролить свет на такие злободневные проблемы психолингвистики и общего языкознания, как проблема значения слова, проблема отражения в слове энциклопедических и языковых знаний индивида, проблема одновременного учета говорящим или слушающим человеком всего комплекса закрепленной за словом разнородной информации, а затем использование полученных результатов в практической деятельности.

Список использованных источников

1. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография М.: Наука, 1967.
2. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М: Наука, 1981.
3. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. М.: Радуга, 1983.
4. Пиаже Ж. Избранные психолингвистические труды. Психология интеллекта. М. 1994.
5. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия, АН СССР, Отдел общественных наук, 1931.

УДК 372.881.1

КРИТЕРИИ ОТБОРА ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПИСЬМЕННОГО УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА

Т. А. Мальковская,

*кандидат филологических наук, доцент 107 кафедры иностранных языков,
Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Краснодар*

Аннотация. Статья посвящена вопросу отбора текстового материала для обучения письменному учебному переводу в неязыковом вузе. Дается краткая характеристика учебного перевода, рассматриваются критерии отбора текстов, выделяются отличительные характеристики учебных текстов.

Ключевые слова: учебные материалы, письменный учебный перевод, универсальная дидактическая единица, критерии отбора текстов.

Summary. The article deals with the problem of selecting text materials for training translation teaching at the non-linguistic university. It gives brief characteristics of training translation. The principles of text selection are specified. The features of the texts for written translation are clarified.

Key words: teaching materials, written training translation, universal didactic unit, criteria for text selection.

Обучение языку будущей специальности, формирование коммуникативных компетенций в сфере профессионального общения на

английском языке является важнейшей составляющей современного языкового образования.

Интерес к изучению языков для специальных целей, в частности английского языка для специальных целей (ESP), обусловлен широким спектром его использования во многих сферах современной жизни. В некоторых из них, например, в гражданской авиации, английский язык признан единственным рабочим языком для ведения переговоров воздух-земля на международных воздушных трассах. Именно поэтому авиационный английский язык (ААЯ) является одним из наиболее востребованных и широко используемых в практической деятельности.

Т. Хатчинсон и А. Уотерс, изучавшие язык для специальных целей с позиции преподавания, характеризовали ESP как подход в обучении, цель которого удовлетворение конкретных профессиональных потребностей обучаемых. По мнению авторов, каждый курс специального языка индивидуален, и работа над учебными материалами начинается с анализа потребностей обучаемых. [4, с. 106]

Необходимо принимать во внимание тот факт, что по многим специальностям в программу обучения включены узкопрофессиональные темы, а для специальностей, связанных с эксплуатацией воздушных судов и организацией воздушного движения введена новая дисциплина – «Авиационный английский язык», в рамках которой изучаются не только темы, связанные с будущей специальностью, но и даются основы такого узкопрофессионального языка как радиообмен летчик-диспетчер, особенности которого прослеживаются на всех уровнях языковой системы. Дисциплина «Иностранный язык» также ориентирована на язык будущей профессии и рассматривается как переходный этап от общего английского языка, который изучался в рамках школьной программы, к специальному языку.

Кроме этого, современное развитие областей, связанных с авиацией, гражданской и военной, неизбежно приводят к тому, что содержание учебных материалов быстро теряет свою актуальность. Они уже не могут быть источником нового и не представляют интереса для обучаемых с точки зрения профессиональной информации.

Создание новых учебных материалов, в полной мере отвечающих потребностям конкретного профессионального направления – первостепенная задача, решение которой во многом определяет успех обучения.

Данная статья затрагивает вопрос отбора текстового материала для учебного пособия по письменному учебному переводу для курсантов военного авиационного вуза, изучающих английский язык в рамках дисциплин «Иностранный язык» и «Авиационный английский язык». Вопрос принципов (критериев) отбора материалов для формирования профессиональной переводческой компетенции разработан достаточно

детально. Однако при обучении иностранному языку в военном авиационном вузе, принимая во внимание заявленные цели и специфику учебного процесса, речь идет лишь о формировании навыка учебного перевода. Учебный перевод хотя и дает представление об основных приемах трансформации и формирует начальные переводческие навыки, в первую очередь используется как упражнение в образовательном процессе и направлен на изучение языка, а не на формирование профессиональных переводческих навыков. Цель такого пособия в полной мере использовать возможности письменного перевода как методического приема формирования и контроля языковых и речевых навыков.

Современная наука рассматривает текст как универсальную дидактическую единицу. Использование различных видов текста, частично или в полном объеме, на различных этапах работы с целью анализа, перевода или интерпретации позволяет сделать его образцом функционирования языковых единиц, моделью для подражания, а на этапе речевых действий - стимулом самостоятельного порождения высказываний.

В качестве дидактической единицы учебного процесса, текст должен отвечать определенным требованиям. Хотя зачастую преподавателями используются одни и те же тексты для чтения и перевода, очевидно, что они должны отличаться по некоторым критериям.

В научной литературе вопрос отбора текстового материала для обучения чтению профессионально-ориентированных текстов разработан достаточно глубоко.

Среди критериев, предъявляемых к текстам профессиональной направленности С. К. Фоломкина выделяет целостность, смысловую законченность, завершенность, соответствие адаптированных текстов характеристикам оригинальных текстов, языковую доступность, содержание, мотивирующее студентов, информационную насыщенность и объем текста. [3]

На основе анализа научной литературы Т. С. Серова выделяет следующие признаки: связность; когерентность или целостность; непрерывность; завершенность; наличие прагматической установки; информативность. [2]

Разнообразие терминологии и детализация критериев не скрывают общего подхода к выбору учебного текста: смысловая завершенность не должна умалять информативную составляющую, а уровень языковых трудностей соответствовать способности обучаемых их преодолеть.

Очевидно, что при соблюдении общих принципов, отбор зависит от цели использования материалов в учебном процессе. Если один и тот же текст может быть успешно использован для формирования навыка всех видов чтения (изучающего, ознакомительного, поискового и просмотрового), реферирования и интерпретации, то для перевода он должен обладать дополнительными характеристиками.

Читая, мы заинтересованы в информации. Лексический и грамматический анализ не является той задачей, которую необходимо решить. Переводя, мы концентрируемся на языковых средствах выражения, обращаем внимание на структурные расхождения в языках оригинала и перевода. Нас интересует то, какими способами выражается содержание. Поэтому тексты для перевода должны иллюстрировать языковые явления (лексические и грамматические), которые находятся в фокусе обучения. Лексико-грамматический материал должен быть изучен ранее и не представлять сложности в понимании. Данные тексты не учат новому, они иллюстрируют встречавшиеся ранее грамматические конструкции и лексические явления, стимулируя обучаемых использовать имеющиеся у них знания для решения поставленной задачи. Однако, следует заметить, что грамматические и лексические трудности, например, использование омонимичных глагольных форм, не должны рассматриваться как недостаток конкретного текста, наоборот, это заставляет искать решение. Кроме этого, «переводческие загадки» (примеры полисемии, безэквивалентной лексики, «ложных друзей переводчика») делают текст более информативным с точки зрения формирования коммуникативных навыков.

Так как данный учебный материал используется в качестве образца, требование аутентичности имеет особое значение. Текстовые материалы должны быть аутентичны по источнику порождения информации. Адаптация этих материалов с учетом целей обучения, поставленных задач и уровня языковой подготовки обучаемых является не только допустимой, но и необходимой. Мы принимаем точку зрения исследователей, которые полагают, что «допускается методическая обработка текста, не нарушающая его аутентичности, как и специальное составление текста в учебных целях» [1, с. 14].

Учет межпредметных связей является еще одним критерием пригодности информации для обучения. В первую очередь это касается материалов авиационного языка. Знания в областях специальности помогут как при переводе терминологической лексики, так и при осмыслении общего содержания, когда описываемые явления или процессы уже известны из программы других дисциплин. Межпредметные связи – это возможность для обучаемого расширить рамки предмета за счет своего потенциала знаний.

Таким образом, наряду с требованиями связанности, смысловой завершенности и информативности тексты для учебного письменного перевода должны быть:

- аутентичными по источнику, но методически обработаны с учетом уровня обучаемых;

- лексически и грамматически ориентированы на определенный отрезок учебного процесса;

- содержать разумное количество переводческих трудностей, т.е. текст должен быть трудным, но не сложным;
- учитывать межпредметные связи, как опору для понимания содержания и средства мотивации к изучению иностранного языка.

Список использованных источников

1. Носонович Е. В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2000. № 1. С. 11–16.
2. Серова Т. С. Обучение гибкому иноязычному профессионально ориентированному чтению в условиях деловой межкультурной коммуникации: монография. Пермь: Изд-во Пермского государственного технического университета, 2009. 242 с.
3. Фоломкина С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высшая школа, 2005. 256 с.
4. T. Hutchinson, A. Walters English for Special Purposes. Cambridge Cambridge University Press, 1987, 183с.

УДК 82–9

ВОСПРИЯТИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОВАНСА В ТРАВЕЛОГАХ ПИТЕРА МЕЙЛА

Е. Б. Мартынюк,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению параметров рецепции и осмысления многомерности образа Прованса в травелогах Питера Мейла. Травелог изучается как вариативный жанр, синтезирующий элементы многих жанров и наиболее ярко передающий индивидуальную, субъективную картину мира автора - путешественника, и создающий культурный миф об объекте путешествия во всем комплексе его составляющих.

Ключевые слова: травелог, культурный миф, личная история автора, рецепция, пространство, культурный контекст, жанровая специфика

Summary. The article considers the reception and comprehension parameters of the multidimensionality in the image of Provence in Peter Meyle's travelogues. Travelogue is studied as a variable genre, which synthesizes the elements of many genres and most vividly conveys the individual, subjective picture of the world, as it is seen by the author — the traveler, and creates a cultural myth about the object of travel in the whole complex of its components.

Key words: travelogue, cultural myth, personal history of the author, reception, linear space, cultural context, genre specifics.

Всем нам присуща любознательность, жажда познания чего-то нового, неизвестного, неизведанного, того, что происходит с «другими

людьми» и в «другом мире». Мир стал очень мал... «Пространство планеты Земля сжалось до размеров глобуса» и соответственно, стало более привычно «глядеть на привычные вещи новыми глазами» [13]. И, следовательно - поездки по свету становятся, прежде всего, раздумьями. Человек через путешествие пытается узнать себя, разобраться в том, как он воспринимает окружающий мир и каков он, по его мнению [13]. Нужно взглянуть на что-то знакомое глазами путешественника или человека, который видит что-то под особым углом зрения. Автор или главный герой травелога воспринимает обыденное как особого рода экзотику - сравнивает свое «привычное» и «привычное» другого [1].

Здесь возникает вопрос о рецепции и об интерпретации увиденного и пережитого. Что важнее всего в этом жанре - физическое перемещение из пункта А в пункт Б (что конечно тоже обязательно имеет место), или «интерпретация героем или автором увиденного, понятого и пережитого в ходе этого путешествия» [13]. Связь травелога с читателем возникает через ощущение «свободы перемещений, общений, встреч» [11, с.175].

Травелог сложно поместить в узкие жанровые рамки. Автор может писать с позиции репортажа, очерка, вести путевой дневник, создавать эссе, мемуары и т.п. [13, с.175; 3, с.4]. Многие исследователи признают, что жанр травелога часто выступает «некой синтетической жанровой категорией, обобщающей качества иных жанрообразований» [3, с.4], указывают на внутреннюю «полижанровость и вариативность» жанра травелога [9], называя его «сложным жанром, которому пока трудно дать какое-то конкретное определение», поскольку в нем представлены элементы разных жанров и дискурсов [7, с.258]. В результате - авторы травелогов пробуют сочетать в них элементы разных жанров, в том числе художественных - приключения, детективы, любовные истории; а также объективную информацию - советы, иллюстрации, даже прайс-листы и меню – и в результате получается уникальный синтез. К примеру, в травелогах британского писателя Питера Мейла как раз и встречается такой синтез жанров внутри одного произведения.

По целевому назначению и степени художественного осмысления текста Ю. В. Булдакова выделяет:

- профессиональные травелоги-инструкции опытных путешественников для начинающих;
- документально-бытовые (дневниковые) травелоги, в которых предлагается описание впечатлений от личных путешествий;
- беллетризованные травелоги, наиболее близкие литературе о путешествиях, поскольку представляют поездку как художественно выстроенный и эстетически оформленный сюжет.

Отдельно автор выделяет блогосферу, поскольку развитие жанра травелога все больше уходит в особую сферу – фото - и видеоблогов (таких,

как сайт Instagram), где литературный текст дополняет фото или видеоматериал [1].

Естественно, что многомерность пространства в дискурсе травелога будет разной для представителей разных культур. Очень интересным в этой связи представляется образ Франции, и в частности, Прованса в произведениях Питера Мейла – одного из самых ярких и интересных представителей современной британской литературы, посвятившего почти все свое творчество развитию жанра травелога.

Интерес к Франции имеет глубокие исторические корни – это ближайший сосед Британии, а в определенные периоды истории – и соперник, страны связывает общая история, культура, границы и т.п. Франция всегда была «землей обетованной» для туристов, славилась как модная и гастрономическая столица мира. Французы известны своим позитивным менталитетом, видением мира, чувством юмора, что и создает неповторимую ауру, способствует определенной идеализации и питает интерес читателя, способствует возникновению культурного мифа о Франции как стране вечного праздника. Прованс представляется читателю как «земной рай», лучшее место для жизни. Недаром традиционно путешествия на юг – во Францию или Италию, воспринимались как лечение от хандры, способ изменить свое восприятие мира и возможность набраться новых, незабываемых впечатлений. Впрочем, эта тенденция характерна не только для Прованса – о подобном явлении пишет Ю. Е. Пушкарева, исследуя создание мифологизированного образа Италии, с набором сложившихся элементов (южное тепло, синее небо, море, лавры, кипарисы и т.п.) [11, с.175].

В. Н. Колбасин исследует парижский миф – как путешествие в праздник в травелогах Н. М. Карамзина и В. П. Некрасова. Он говорит о русском культурном мифе о Париже – как «городе непрерывного праздника». Этот образ Праздника, также как образ Свободы – являются основой, ядром Парижского мифа [4, с. 129]. Ядром культурного мифа о Провансе тогда являются образы прекрасной природы, позитивного, патриархального, гедонистического уклада жизни, гармонии во всем (в том числе жизни людей в гармонии с природой), «восприятие реальности и себя в ней как составляющей части такой картины мира» [8, с. 377]. К числу элементов, создающих мифологему Прованса, представляется возможным отнести образы бескрайних виноградников и лавандовых полей; горы Люберона, покрытые лесами и дубовыми рощами; южное тепло; синее небо; кипарисы; сады старых оливковых деревьев; старинные шато; винные погреба; деревушки и небольшие городки; изобилие потрясающих свежих фруктов и овощей; и, конечно же, изысканную провансальскую кухню.

Еще один интересный мотив в создании мифологемы Прованса – мотив путешествия, бегства, освобождения, т.е. «вечного возвращения в

мечту», что сопровождает многие культурные мифы в литературе. Например, говоря о создании Парижского мифа в русской культуре, автор отмечает, что «это такое про явление мифологического сознания, в котором дихотомия «пространство – время» циклично: это миф о вечном возвращении» [4, с.126]. Так путешествие – побег или нет? Исследователи указывают три основные причины, по которым человек отправляется в путь и его так манит путешествие и все, что с ним связано: бегство, поиск и возвращение [2, с.213; 8, с.378]. Это бегство от себя, поиск себя, возвращение к себе. Многие писатели, работающие в жанре травелога, удивительно точно пытаются передать это в личной истории автора, его размышлениях и взаимодействии с общекультурным контекстом.

Можно сказать, что Мейл создает энциклопедию жизни в Провансе и самого Прованса - языка, традиций, уклада, менталитета и мировосприятия, даже традиционной кухни. Мейл избрал это место своим обиталищем, вторым домом, местом, где он провел большую часть сознательной жизни. Он посвятил Провансу и югу Франции львиную долю своих произведений – как травелогов, так и детективов и изданий, которые можно назвать справочными и отчасти – путеводителями. Он вводит обширный фольклорный материал - разные истории, традиции, анекдоты, стереотипы, рецепты и т.п. Иногда это просто дотошное описание, как энциклопедическая статья или меню, или рецепт, по которому можно готовить, руководство о том, как правильно выбирать те или иные продукты («Исповедь булочника»). В одном из своих поздних романов он с юмором упоминает об этом, говоря, что некоторые поклонники Прованса и любители его книг путешествуют, используя его книги как справочник или путеводитель - заезжая в те же деревни и городки Прованса, посещая те же кафе, заказывая те же блюда, и любуются теми же великолепными видами («Прованс от А до Z», «Еще один год в Провансе»). Действительность в травелоге тоже важна – реальные факты, история, информация, ведь травелог – не только субъективное, но и объективное восприятие окружающего мира [3, с.24]. Читателю и путешественнику нужна достоверная информация. Это тоже можно рассматривать как особенность и характерную черту жанра травелога.

В созданном Мейлом мифе Прованса примечательным является и образ автора - рассказчика истории или главного героя. Это «мужской голос» иностранца, который может быть именно поэтому видит более яркие, выпуклые картины и образы, замечает что-то, что несколько стерлось и приелось в сознании представителей местной (своей) культуры и воспринимается как нечто обыденное, само собой разумеющееся. Его впечатления свежие и яркие, и может быть, поэтому так интересно читать его травелоги. К тому же, многие его романы носят автобиографический характер. Например, один из его героев - Саймон Шоу («Отель Пастис»),

разочаровавшийся во всем и страшно уставший от работы в престижном рекламном агентстве в Лондоне, уходит из агентства и приезжает на юг Франции, в Прованс. Или еще один главный герой романа - молодой и симпатичный англичанин Луциано Беннетт, который оставляет надоевший рекламный бизнес в Лондоне и хочет поселиться в Провансе, стремясь к жизни в «сельском раю» в южной провинции («Приключение на миллион»). То же самое сделал Питер Мейл - он бежал от цивилизации во французскую провинцию в 1975 году. До этого Питер Мейл проработал 15 лет в рекламной индустрии и на личном опыте знал ее потогонную систему, не всегда честную конкуренцию, и т.п. В других травелогах Мейла о Провансе повествование ведется от первого лица, и главным героем романов-травелогов, таким образом, выступает сам автор. Роман «Год в Провансе» является почти полностью автобиографическим. Сюжет повторяет то, что совершила супружеская пара Мейл - в один прекрасный день, «отвергая все доводы и аргументы благоразумия, они купили старый фермерский дом с виноградником на юге Франции, в деревне Менерб департамента Воклюз, и начали совершенно новую жизнь, полную приключений, смешных происшествий, гастрономических радостей и открытий» (это окажется особой, отдельной, и очень важной частью всех книг Мейла о Франции) [10]. Эта книга сразу по выходу стала международным бестселлером. Ее успех превзошел все ожидания и оказался воистину феноменальным. Прованс вдохновлял Питера Мейла на протяжении всей творческой жизни. Своеобразная «одержимость» Провансом, необходимость, потребность воспеть его - стали для него личными, жизненными.

Роман «Прованс навсегда» продолжает историю Прованса, начатую в первой книге «Год в Провансе». Это еще одна трогательная, забавная и увлекательная история, в которой автор с юмором и любовью показывает жизнь благословенной французской провинции. Это «очаровательный портрет гостеприимной, добродушной и щедрой местности, которая умеет радовать не только гастрономическими изысками, но и дарить незабываемое душевное тепло» [13]. Этим теплом и согреты все книги Питера Мейла.

Таким образом, рецепция и осмысление образа Прованса в травелогах Питера Мейла способствует созданию мифологизированного образа юга Франции как «земного рая». Это всегда авторское переживание пространства, его атмосферы. Прованс в его творчестве предстает как единый, целостный образ - единство культуры, философии, истории, быта, уклада жизни. И поэтому так привлекателен и интересен образ Прованса, созданный в травелогах Питера Мейла.

Список использованных источников

1. Булдакова Ю. В. Повседневность как сюжет травелога [Электронный ресурс] // Теория литературы. Текстология. Филологический аспект. – 2017.

- №7 (17) – <http://scipress.ru/philology/articles/povsednevnost-kak-syuzhet-traveloga.html> (дата обращения 30.01.2019).
2. Быкова Н. А., Куликова Е. А. Путешествие как бегство от себя // Дискурс ПИ. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс – Пи», 2010. №9–10. С. 211–213.
3. Деремедведь Е. Н. Жанровые особенности английской женской литературы путешествия конца XVIII первой половины XIX века (на материале произведений о Крыме): дис. ... канд.филол.наук. Симферополь, 2008. 220 с.
4. Колбасин В. Н. Путешествие в праздник: парижский миф в травелогах Н. М. Карамзина и В. П. Некрасова // Травелоги: рецепция и интерпретация: Сборник статей / Сост., отв. ред. Э. Ф. Шафранская. – СПб.: Свое издательство, 2016. С.125–136.
5. Лукинова М.Ю., Мартынюк Е.Б. Жанр травелога как отражение языковой картины мира // Гуманитарные чтения "Свободная стихия" материалы III Международной научно-практической конференции. ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». – 2018. – С. 92-98.
6. Лукинова М.Ю., Юнак Е.О. Об особенностях перевода жанра травелог (на материале произведений Питера Мейла) // Лингвокультурные пролегомены: мифология, фольклор, религия Сборник научных трудов по материалам II научно-практического форума. – 2017. – С. 183-190.
7. Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. – 2014. – № 3 (37). С. 254–259.
8. Мартынюк Е. Б. Травелог как взаимодействие личной истории автора и общекультурного контекста // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26–28 апреля 2018 г. / гл. ред. М. В. Норец. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 376–381.
9. Мартынюк Е.Б., Лукинова М.Ю. К вопросу об определении термина "травелог" //Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы I всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 261-266.
10. Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25354890> (дата обращения: 27.01.2019).
11. Пушкарева Ю. Е. Рецепция и осмысление итальянской природы в травелогах С. П. Шевырева // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2018. – №2 (191). С.175–179.
12. Сибирский форум–интеллектуальный диалог: интервью О. А. Андреевой [Электронный ресурс] // Сибирский форум – 2015. – Режим доступа URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/776> (дата обращения 27.01.2019).

13. Livelib: электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://www.livelib.ru/author/228229-piter-mejl> (дата обращения 29.01.2019)

УДК 81-11

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Т. В. Марченко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Аннотация. В статье уточняются лингвопрагматические особенности гастрономического дискурса, релевантные как на этапе осуществления предпереводческого анализа текста, так и при выборе коммуникативно адекватного переводческого решения. Методологической основой исследования является дискурсивный подход, базирующийся на принципах современной коммуникативной лингвистики, собственно лингвистический и прагматический аспекты анализа. Наряду с ними задействован индуктивный метод, частными процедурами которого выступают непосредственное наблюдение, анализ и сопоставление.

Ключевые слова: гастрономический дискурс, дискурсивная категория, дискурсивная формула, коммуникативно-адекватный перевод.

Summary. The article specifies linguopragmatic features of gastronomy discourse, which are relevant both at the stage of preliminary text analysis and while choosing a communicatively adequate translation. The methodology of the study is the discourse approach based on communicative linguistics principles, namely the linguistic and pragmatic aspects of analysis. Along with it, the inductive method and its constituent procedures – observation, analysis and comparison – are used.

Key words: gastronomy discourse, discourse category, discourse formula, communicative-adequate translation.

По меткому замечанию А. В. Олянича, сложно представить себе нечто более массовое, «нежели информация о пище (еде), питании и способах (культуре) питания» [5, с. 332]. По сути, весь мир может быть классифицирован по признаку «съедобное – несъедобное». Соответственно, гастрономический дискурс представляет собой один из «основных социальных дискурсов, в котором ситуации, связанные с добычей, обработкой, приготовлением и потреблением пищи, получают вербальную форму» [2, с. 3]. При этом исследователи отмечают, что научный интерес к гастрономической культуре начал активно проявляться только в XIX в. [3, с. 5]. Активное расширение сферы гастрономической коммуникации, затрагивающей различные аспекты пищевого континнума, во многом

обусловлено развитием масс-медиа и социальных медиа, которые принципиально расширили жанровое многообразие данного дискурсивного пространства. На современном этапе это не только такие классические жанры (рецепт, статья, заметка), но и рецензия, кулинарное эссе, рецепт, кулинарная колонка, рекламный текст, блог, пост и другое.

Переводчик, работающий с текстами в сфере гастрономии, является медиатором между двумя культурами и оказывается перед выбором стратегии перевода: в каком ключе работать с прецедентной лексикой и культурными реалиями, как правильно передать названия блюд, продуктов, не создавая при этом сложности при восприятии у рецепторов языка перевода, каким образом наиболее адекватно воспроизвести прагматический эффект, заложенный в оригинальном тексте. Задача статьи состоит в рассмотрении общих лингвопрагматических особенностей гастрономического дискурса и уточнении тех языковых явлений, которые могут повлиять на процесс поиска и выбора адекватного переводческого решения.

Гастрономический дискурс принято выделять в самостоятельный тип дискурса по основополагающей потребности человека – пище. А. В. Олянич утверждает, что человек, воплощая ту или иную потребность, должен соответствовать определенным правилам общения в среде, соответствующей потребности человека, то есть индивид «извлекает необходимый кластер понятий и концептов, облекает их в языковые формулы и особым образом структурирует свою речь, погружая эти формулы в коммуникацию, создавая особый дискурс, соположенный той или иной потребности, или нескольким потребностям сразу» [5, с. 20]. По мнению Н. П. Головницкой, гастрономический дискурс – это «смешанный тип коммуникации, личностно-ориентированный, проявляемый в бытовой (обиходной) сфере общения, и статусно-ориентированный, носящий институциональный характер» [1, с. 15].

Согласно типологии В. И. Карасика, гастрономический дискурс относится к институциональному дискурсу. Это предполагает наличие определенных заданных рамок общения, своего рода клише, которые соответствуют тому или иному социальному институту, например, политический дискурс, экономический дискурс, рекламный дискурс и т.д. Находясь в рамках того или иного дискурса, людям надлежит следовать принятым нормам поведения и, в большинстве своем, «институциональность носит градуальный характер. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации» [4, с. 204]. Аналогичным образом, гастрономический дискурс является коммуникацией неравноправных участников и обладает собственными правилами и характеристиками.

Рассмотрим лингвопрагматические особенности гастрономического дискурса через призму категорий институционального дискурса, выдвинутых В.И. Карасиком, а именно: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели,

4) ценности, 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы.

Участники дискурса делятся на две группы: *агенты* и *клиенты*. К первой группе относятся, занимающие активную позицию в общении, ко второй – участники общения, выступающие «в качестве представителей общества в целом по отношению к представителям института» [4, с. 221]. К первым в гастрономическом дискурсе могут относиться шеф-повара, заместители шеф-поваров, шеф-повара подразделений, бармены, сомелье, ведущие кулинарных колонок, составители кулинарных книг, ресторанные критики, ведущие кулинарных телепередач и многие другие. Ко второй группе, в свою очередь, будут относиться посетители ресторанов, кафе, баров, читатели колонок, книг или рецензий, домохозяйки, зрители или участники телепередач. По критерию отношения участников коммуникации существенным является понятие дистанции, что определяет характер общения либо как *лично-ориентированное*, либо как *статусно-ориентированное общение*. Под лично-ориентированным общением понимают коммуникацию между хорошо знакомыми собеседниками, при таком общении, как правило, собеседники делятся сокровенным, своими секретами. Применительно к гастрономической коммуникации такими собеседниками могут стать, например, домохозяйки, обсуждающие свои любимые десерты, делящиеся друг с другом семейными рецептами бабушек и прабабушек. При статусно-ориентированном общении собеседники обязаны придерживаться установленных рамок общения, представляя определенные социальные группы (начальник, подчиненный, учитель, школьник). В гастрономической коммуникации примером такого общения может послужить коммуникация между шеф-поваром, приглашенным провести лекцию для студентов кулинарного учебного заведения, поделиться опытом работы и ответить на все вопросы, интересующие студентов и, собственно, сами студенты учебного заведения. Или, например, ресторанный критик, написавший рецензию о посещенном им ресторане, и читатель данной рецензии.

Под *хронотопом* понимается взаимосвязь времени и места действия, в котором происходит дискурс. Существует понятие *размытого хронотопа*, которое предполагает под собой отсутствие эталонного пространственно-временного континуума. То есть при экстраполяции данной категории на гастрономический дискурс мы можем сказать, что возможно появление размытого хронотопа, так, например, при чтении кулинарных статей, рецензий, либо рецептов приготовления блюд невозможно выявить время. Однако, существует множество рецептов блюд, характерных для определенного времени года, как, например, оливье (ассоциация с новогодними праздниками), либо фруктовый салат, который легче всего приготовить в летнее время года. Определенного места тоже не существует,

с течением времени количество возможных локаций лишь увеличивается. Так, к потенциальным местам актуализации гастрономического дискурса были добавлены рестораны, кафе, бары, столовые, телевизионные студии, дегустационные залы, аудитории учебных кулинарных заведений и многие другие.

Целью гастрономического дискурса, очевидно, является стремление передать накопленных знаний о приготовлении пищи, продемонстрировать, что еда является не просто жизненно необходимой потребностью, но и искусством, а также приобщить к этому виду искусства широкий круг людей. Будучи искусством, еда уже не несет основную функцию – удовлетворения голода, а отвечает за удовлетворение эстетических потребностей. Посещая рестораны высшего класса, людям не столь важно насытиться, они выходят в свет для получения удовольствия, то есть здесь гастрономический дискурс приобретает еще одну цель – гедонистическую. Но эта цель не является перманентной. В разных культурных контекстах еду воспринимают по-разному. Ее количество (небольшие ресторанные порции и большой кусок мяса), либо качество приготовления и традиция приготовления (стейк «с кровью» и прожаренное мясо), сам продукт, именуемый едой (говядина, свинина и змеи, насекомые и лягушки). Различная культура приема пищи сформировалась на основании доступных средствах к пропитанию.

Ценностями данного вида дискурса являются: передача знаний. Кулинарные рецепты распространяются с целью передачи знаний о том, что лучше употребить в пищу, как скомбинировать ингредиенты для достижения наилучшего сочетания и, как следствие, вкуса. Также, к ценностям относится получение эмоционального и эстетического удовольствия от потребления пищи. Важным остается стремление обучить молодое поколение всем тонкостям готовки. Нельзя не отметить прагматическую цель, которую преследует индустрия питания. Воспроизведение при переводе информации и о ценностях во многом связано с применением прагматической адаптации, дающей возможность эксплицировать заложенную автором интенцию.

Стратегией гастрономического дискурса является обеспечение требований участника коммуникации в сфере гастрономии. Если речь идет о ресторане или приготовлении пищи, то это необыкновенная сервировка блюда, наивысшее обслуживание, атмосфера и декорирование, соответствующие ресторану и кухне, подаваемой в заведении. Стратегия же рецензирования, например, это высказывание своего мнения, с целью оповещения о качестве питания и обслуживания в заведении. Если речь идет об обучении, это организация процесса таким образом, чтобы заинтересовать слушателей и передать им все необходимые знания.

Материалом гастрономического дискурса является совокупность устных и письменных источников, формирующих данный вид общения,

например, кулинарные журналы и книги, учебники для поваров, телевизионные кулинарные шоу, лекции по кулинарии, презентации книг, кулинарные кружки и многое другое. Каждый из указанных видов материала соотносится с определенным видом перевода: устным, письменный и т.д.

Категория *жанров* позволяет «отнести тот или иной текст к определенной сфере общения на основании сложившихся представлений о нормах и правилах общения, об условиях уместности, о типах коммуникативного поведения» [4, с. 202]. Жанрами гастрономического дискурса являются: рецензия, кулинарное эссе, рецепт, кулинарная колонка, заметка, статья, рассказ, рекламный текст и другие.

Прецедентными (культурогенными) текстами гастрономического дискурса могут выступать ГОСТы, кулинарные стандарты, поваренные книги, рецепты, передающиеся из поколения в поколение и представляющие собой фамильную ценность, кулинарные глянцевого и интернет журналы, также, это могут быть произведения художественной литературы и сказки (каша из топора, скатерть самобранка, молодильные яблоки, живая и мертвая вода, Irish stew). Работа переводчика с культуроспецифичными языковыми единицами соотносится с понятием фоновой информации, воспроизведение которой зависит от целого ряда условий: общечеловеческий или уникальный характер, имплицитность / эксплицитность, долговременность / кратковременность и др.

К *дискурсивным формулам*, используемым в гастрономическом дискурсе, относят принятые для данного рода общения устойчивые и идиоматические выражения, функциональные клише, которые, в свою очередь, формируют облик данного типа дискурса и могут иметь устойчивые соответствия при переводе.

Таким образом, гастрономический дискурс является статусно-ориентированном общении, в ходе которого люди должны придерживаться общепринятых норм и правил поведения. Работа переводчика с текстами данного дискурсивного пространства должна опираться на частную теорию дискурса, позволяющую выделить особенности представления об индустрии потребления пищи в современном мире, а также, частную теорию перевода, дающую возможность подобрать адекватные решения перевода, связанные с одной из самых важных сфер человеческой деятельности.

Список использованных источников

1. Головницкая Н. П. Лингвокультурные концепты «пища» и «das Essen» в сопоставительном освещении (семантика русских и немецких глуттонических номинаций) // Известия ВГПУ – 2007. – № 2 (20). С. 14–18.
2. Захаров С. В. Лингвосемиотика англосаксонской институциональной глуттонии: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 165 с.

3. Капкан М. В. Феномен гастрономической культуры: дисс. ...канд. культурологии. Екатеринбург, 2010. 173 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

УДК 81'1(402)

ИДЕОЛОГЕМЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Е. В. Медведева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы перевода современных идеологем, связанные с сохранением эмоционального воздействия на аудиторию. Адекватное понимание идеологемы возможно только в соответствующем контексте, который формируется с помощью образных, символических значений регулярно повторяющихся устойчивых единиц в рамках определенной идеологии. В тексте проанализированы языковые, речевые и контекстуальные трудности, с которыми приходится сталкиваться при переводе идеологем.

Ключевые слова: идеология, идеологема, проблемы перевода, контекст, общественно-политический дискурс, массмедиа, медиатекст.

Summary. The article deals with the problems of translation of modern ideologically-bound units induced by the necessity of preserving of emotional impact. The meaning of an ideologically-bound unit is defined by the context shaped on the base of figurative, symbolic meanings of regularly repeated stable units within a particular ideology. The text analyzes the linguistic and contextual difficulties encountered by the translation of the ideologically-bound units.

Key words: ideology, ideologically-bound unit, translation, problems of translation, context, socio-political discourse, mass media, media text.

Проблема переводимости устойчивых выражений в общественно-политических и медийных текстах уже довольно давно является предметом обсуждения теоретиков и практиков перевода. Наряду с нейтральными клише, которые представляют собой готовые речевые формулы, облегчающие не только процесс коммуникации, но и процесс перевода, в текстах массмедиа активно используются стилистически маркированные речевые средства. Особое внимание при этом привлекает функционирование идеологем, передача которых средствами другого языка нередко становится своеобразным камнем преткновения для переводчика.

Согласно Г. Ч. Гусейнову, идеологема представляет собой «минимальный отрезок <...> текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка – прямая или косвенная – к метаязыку, или к воображаемому своду мировоззренческих норм или фундаментальных идейных установок» [1, с. 26]. Иными словами, под этим термином следует понимать культурно-специфичный концепт, отсылающий к определенной идеологии и объективируемый в тексте языковыми единицами разной структуры (от слова или словосочетания до фигуры речи или законченного высказывания). В такой зафиксированной в виде устойчивой единицы форме идеологема является идеологическим клише, значение которого нередко оказывается невыводимо из прямых значений составляющих его лексических единиц, поскольку оно основано на образном переосмыслении его компонентов.

Следует отметить, что идеологемы, зафиксированные в качестве устойчивых узнаваемых выражений, в декларативной и образной форме интерпретируют, классифицируют и оценивают общественно-политические события, организации и их деятельность и т.д. Более того, использование подобных клише в медийных текстах обеспечивает мгновенную передачу не только фактической, но и экстралингвистической информации эмоционально-образного характера, в частности: авторской оценки происходящего; социально-политической позиции редакции и/или ангажированности того или иного СМИ; официального мнения руководства страны и/или источника информации и т.д.

Отметим, что в зависимости от идеологической платформы и той идеологии, которую разделяет и транслирует СМИ, одно и то же явление, событие и пр. может быть обозначено с помощью разных идеологем. Так, например, в сообщениях массмедиа в 2017 г. можно было встретить по-разному окрашенные идеологемы: «борцы за независимость Каталонии» и «каталонские сепаратисты», по сути, называющие одну и ту же группу людей, но употребляемые в зависимости от отношения того или иного СМИ к процессам, происходящим в Испании.

В целом, можно констатировать, что совокупность идеологем, используемых в определенном ментальном пространстве, образует так называемый «символический зонтик» – идеологическую конструкцию, которая складывается из образных, символических значений регулярно повторяющихся устойчивых единиц и «через которую воспринимаются другие виды содержания массовой информации» [3, с. 436]. В таком случае представляется, что перевод идеологем в общественно-политическом или медийном тексте напрямую зависит от задействованного в данном контексте символического зонтика.

В некоторых случаях выбор переводчика будет обусловлен формулировкой, с помощью которой та или иная идеологема выражена в тексте оригинала. Так, принятое журналистское обозначение крупного

политического скандала в США в конце 1980-х гг. зафиксировано в нескольких вариантах, как в языке оригинала, так и в языках перевода: *англ.*: Iran-Contra affair, Irangate, Contragate; *нем.*: Iran-Contra-Affäre, Irangate; *русск.*: дело «Иран-контрас», Ирангейт.

Приведенные обозначения являются разными по своей стилистической окраске: первые из указанных вариантов во всех трех языках стилистически нейтральны, тогда как единицы, образованные по аналогии с «Уотергейт», являют собой своеобразную аллюзию на Уотергейтский скандал и содержат отрицательные коннотации. Для стилистически верного перевода контекста следует обратить внимание на то, что немецкоязычное обозначение идеологемы изменено и сопровождается компонентом «Skandal»: *«Natürlich gab es auch damals schon unabhängige Intellektuelle, bei denen durch das Studium etwa der Barschel-Affäre in Deutschland oder des Iran-Contra-Skandals in den USA erhebliche Zweifel an den republikanischen Grundlagen des modernen Staates aufgekommen waren»* [8]. Таким образом, идеологема в приведенном отрывке обладает подчеркнуто сниженными коннотациями, а потому в переводе на русский язык предпочтителен вариант «Ирангейт».

Другой сложностью может оказаться степень употребительности устойчивых единиц, обозначающих ту или иную идеологему, в разных языках. Так, выражение «Оранжевая революция», казалось бы, не должно вызывать сложностей при переводе, поскольку имеет точные однозначные эквиваленты в других языках (ср.: *англ.* the Orange Revolution, *нем.* die Orange Revolution). Однако в контексте данное обозначение требует особого внимания переводчика, например: *«In ganz ähnlicher Weise hat auch Russland in seiner Einflusszone sogenannte «Orangene Revolutionen» erlebt. Die Berichterstattung der westlichen Presse über diese Vorkommnisse ist nicht neutral. So hat Peter Scholl Latour darauf hingewiesen, dass sich bei der «Orangenen Revolution» in der Ukraine dezidiert die Beteiligung US-amerikanischer Stiftungen und Institutionen nachweisen lässt und sie ohne diese Einflussnahme wohl nicht zu Stande gekommen wäre»* [7].

В данном случае, по-видимому, необходимы переводческие замены в силу того, что обозначение «Orangene Revolutionen» в немецком общественно-политическом и медийном дискурсах гораздо более употребительно, нежели «Farbrevolutionen»/ «Farbenrevolutionen» (цветные революции), и часто распространяется на все крупномасштабные политические волнения, происходившие на постсоветском пространстве в 2004-2014 гг. Кроме того, вероятнее всего, следует отказаться от буквальной передачи выражения «Einflusszone» (зона влияния) и заменить его более нейтральным, например, «зона политических интересов».

Общеизвестно, что переводчику нередко приходится сталкиваться и с так называемыми «лакунами» – в данном случае отсутствием аналогичной устойчивой единицы для идеологемы в языке перевода. В таких случаях

приходится предлагать собственный вариант перевода, причем, с точки зрения передачи семантики идеологемы, такая задача вполне может представлять собой серьезную сложность, однако обычно оказывается решаемой. Так, А. Ю. Калинин, исследуя процесс проникновения американской идеологемы «hate speech» в другие культуры и поиска соответствующих речевых выражений для ее объективации, указывает на то, что в настоящее время в русском языке зафиксированы два основных варианта: «язык вражды» и «риторика ненависти», семантически не полностью тождественных друг другу [2, с. 217]. При этом автор отмечает и другие возможные контекстуальные эквиваленты, например, «призывы к (насилию, дискриминации и пр.)», «разжигание (национальной, религиозной и т.п.) розни/ ненависти» [2, с. 219].

Приведенный пример отчасти иллюстрирует гораздо более серьезную проблему при заполнении лакун, а именно – трудности передачи формы идеологического клише, как правило, лаконичной и при этом нередко ритмически организованной в языке оригинала. Данная проблема является комплексной: переводчику необходимо, с одной стороны, подобрать соответствующую синтаксическую конструкцию, не противоречащую нормам языка перевода и одновременно соответствующую синтаксическому оформлению идеологического клише в языке оригинала, а с другой, – сохранить яркость, образность или даже хлесткость идеологемы. С этой точки зрения, приведенные ниже зафиксированные в русскоязычном употреблении варианты следует признать не совсем удачными, поскольку они нарушают «синтаксический ритм текста», с которым связаны основные различия грамматических структур английского и русского языков [4, с. 108]:

- *Keep Calm and Carry On* – «Соблюдайте спокойствие и продолжайте в том же духе» (лозунг, перешедший с плакатов Великобритании времен II Мировой войны в газетные статьи);
- *Black is Beautiful* – «Черный цвет прекрасен»; варианты: «Черное красиво»; «Черный – прекрасен» (лозунг негритянского движения за равноправие в США в 1960-х г., широко используемый и в наши дни).

Особую сложность представляет собой перевод идеологем, раскрывающих свой потенциал лишь в соответствующем контексте (под влиянием символического зонтика), поскольку они принадлежат к общеупотребительным единицам языка и в своем основном значении не являются идеологически маркированными. В контексте же в них актуализируются те смыслы, которые представляются значимыми именно в данном случае. Так, немецкое слово «Lifestylekultur» не является строго маркированным и может означать любую культуру, соответствующую тому или иному стилю жизни, например:

- «*Dänemark erfreut sich ja bei deutschen Urlaubern konstanter Beliebtheit – und das nicht erst, seit Buchmarkt und Lifestylekultur entdeckt*

haben, wie hoch der Bedarf an «Hygge» ausserhalb des kleinen inselreichen Landes zwischen den Meeren ist» [5].

• *«STYLE AFRICA steht für exklusive Objekte der faszinierenden Wohn- und Lifestylekultur Südafrikas. <...> ist damit stets eine unwiderstehliche Einladung zu verweilen, die inspirierende Atmosphäre auf sich wirken zu lassen und den Reichtum afrikanischer Kultur zu entdecken» [11].*

Однако в ином контексте и (подчеркнем!) при наличии определенного символического зонтика единица «Lifestylekultur» проявляет идеологическую маркированность обычно сниженного характера, обозначая культуру и стиль жизни, чуждые говорящему или пишущему, а потому являющиеся неправильными, неистинными: *«Das galt sowohl für die Kultur der Arbeiterbewegung mit ihren politischen Utopien und ihren sozialen Gerechtigkeitsforderungen als auch für die Kultur des Bürgertums mit ihrer humanistischen Bildung, ihrem Geschichtsbewusstsein und ihrer Unterscheidung zwischen hoher und niedriger Kunst. <...> Man könnte sagen, dass an ihre Stelle eine Art Lifestylekultur getreten war. Die Etablierung dieser Pop- und Lifestylekultur vollzog sich in Westeuropa und den USA zwischen den 1960er und 1980er Jahren» [6].*

Из более широкого контекста следует, что автор, являющийся приверженцем традиционной «классической» культуры, отвергает экспансию или даже намеренное насаждение культуры массовой. Сочетание с компонентом «Pop-» («Pop- und Lifestylekultur») ясно дает понять, что автор в данном случае критикует массовую культуру, которую иногда можно обозначить и с помощью более сильных оценочных единиц, например, «гедонизм»/ «гедонистическая культура» или «потребительская культура», семантически не являющихся тождественными обозначению «массовая культура», но акцентирующих те или иные ее негативные проявления.

В целом, представляется, что перевод идеологом в общественно-политическом медийном дискурсе непосредственно связан со структурой символического зонтика, представленного в контексте, в связи с чем внимание переводчика должно быть направлено, в первую очередь, на анализ образных, символических значений регулярно повторяющихся устойчивых единиц в тексте перевода. Среди основных сложностей, с которыми приходится сталкиваться при переводе идеологом, следует особо выделить (1) вариативность формы, с помощью которой идеологема обозначена в тексте оригинала; (2) степень употребительности устойчивых единиц, обозначающих ту или иную идеологему в разных языках; (3) лакуны, затрудняющие передачу не столько идеологического концепта, сколько лаконичной формы идеологического клише, не всегда совпадающей с синтаксическими нормами языка перевода; (4) контекстуальные идеологемы, являющиеся общеупотребительными

единицами и зависящие от специфики смыслового зонтика, использованного в сообщении.

Список использованных источников

1. Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов. М.: Три квадрата, 2003. 272 с.
2. Калинин А. Ю. «Язык вражды», «Риторика ненависти» или ... как перевести hate speech на русский язык? // Сборник научных статей XX международной конференции «Россия и Запад: Диалог культур». М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2018. – Вып. 20. С. 213–221.
3. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1999. 482 с.
4. Хайрова С. Р. Официальный сайт как инструмент глобализации имиджа вуза: переводческие аспекты // Homo Loquens: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. – Вып. 11. С. 102-111.
5. Borchert T. Gebrauchsanweisung für Dänemark. [Электронный ресурс]. URL: <https://jargsblog.com/tag/danemark/> (дата обращения: 25.01.2019).
6. Ritz H. Besitzt der gegenwärtige Konflikt mit Russland eine kulturelle Dimension? [Электронный ресурс]. URL: https://www.ostinstitut.de/documents/Besitzt_der_gegenwrtige_Konflikt_mit_Russland_eine_kulturelle_Dimension.pdf (дата обращения: 25.01.2019).
7. Ritz H. Finanzpolitische Hintergründe der aktuellen Geopolitik. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hintergrund.de/wirtschaft/finanzwelt/finanzpolitische-hintergruende-der-aktuellen-geopolitik/?highlight=Hauke%20Ritz> (дата обращения: 25.01.2019).
8. Ritz H. Vom Sturm auf die Bastille bis zum 11. September 2001 // Hintergrund. #3. 2017. S. 84–89.
9. Wer wir sind. [Электронный ресурс]. URL: <https://styleafrica.houzz.de/about> (дата обращения: 25.01.2019).

УДК 811.12

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ДЕНЬГИ И ПРОБЛЕМА ИХ ОТОБРАЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В. В. Мельник,

*магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Н. В. Пасекова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной работы является исследование национально-культурных особенностей английских фразеологических

единиц с компонентом деньги. В статье рассматриваются национально-культурные особенности английских фразеологических единиц с компонентом деньги с позиции лингвокультурологического подхода. На примере таких ФЕ было продемонстрировано, как повседневная жизнь человека богато отражается в языке. Анализ данного материала показывает, что метафоры, применяемые для номинации денег, могут нести в себе как универсальные знания о мире, так и знания, присущие англоязычной среде, а именно способу осмысления действительности посредством метафоры.

Ключевые слова: фразеологические единицы с компонентом деньги, языковая картина мира, национально-культурная специфика/

Summary: The purpose of this work is to research national and cultural features of the English phraseological units with a component of money which are observed from the position of linguoculturological approach. It has been shown how everyday life is richly reflected in the language. The analysis of this material describes that the metaphors applied to the nomination of money can bear both universal knowledge about the world, and knowledge of the English-speaking environment, namely a way of judgment reality by means of a metaphor.

Key words: phraseological units with a component of money, a language picture of the world, national and cultural specifics

Фразеология хранит в себе и передает знания народа, накопленные веками, об окружающем мире, обычаях, традициях. Это позволяет ученым определить ФЕ как «средства вербализации тех или иных концептов – ментальных образований, обобщенно-целостных мыслительных единиц, кодирующих в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы [1, с. 225–226].

Возросший интерес к ФЕ с точки зрения их культурной коннотации привел к формированию новой науки – лингвокультурологии, которая определяется, как «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологи и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [8, с. 9]. В. Н. Телия приравнивает фразеологический состав любого языка к своему роду «лингвокультурному зеркалу», где общество отображает свое национально сознание. Закрепленная в составе ФЕ система образов служит ярким маркером мировидения и тесно связана с духовной, материальной или социальной культурой определенной языковой общности, а потому и свидетельствует о ее традициях и накопленном опыте [9, с. 215].

Основным компонентом основного количества ФЕ выступают названия предметов национальной культуры. В своем лексическом составе фразеологизмы с такими элементами имеют указатель на сферу материальной культуры народа. Картина мира представляет собой базисный компонент мировосприятия народа. Ее можно определить как сложный механизм, где хранится познавательный опыт, приобретенный человечеством.

Ученые-лингвисты полагают, что человеческому сознанию характерны общие черты. Причиной этому являются как общее биологическое происхождение, так и образ жизни, быт. Таким образом, общение между носителями разных языков, обмен материальной и духовной культурой способствовали созданию одного и того же строя мышления, реализации мыслей и познания. Следовательно, любая система языка обладает основными универсальными значениями. Такие значения адекватно и полно передаются в каждом языке, но определяются и закрепляются по-разному. Выражая универсальные значения, языковые средства несут дополнительную национальную и культурную информацию, что неизбежно влияет на выражения основных значений [3, с. 285–286]. Такое понятие как языковая картина мира позволяет определить роль взаимодействия действительности и языка в качестве сложного процесса мировосприятия человека.

Каждый язык отражает способ восприятия и организации мира. Выражаемые значения языка образуют систему взглядов, которая представляется обязательной для всех носителей языка. Важным фактором является то, что свойственный для языка взгляд на мир в какой-то степени универсален, а отчасти национально окрашен. Таким образом, носители разных языков видят мир по-разному, через призму своих языков [2, с. 40].

Денежная тематика интересовала людей с древнейших времен. Фразеологизмы с компонентом деньги несут различные символические знания, формировавшиеся веками в той или иной культуре. Это представляет сложность как для тех, кто изучает другие языки и культуру, так и для тех, кто осуществляет перевод с английского на русский язык.

История происхождения денег играет большую роль в культурно-историческом развитии. Существовали разные формы денег, которые определялись хозяйственными условиями разных народов – денежной единицей могло быть, что угодно. Зачастую в первобытном товарообмене деньгами служили предметы окружающей среды. Например, люди племен майя и ацтеков в качестве денег использовали какао бобы и золото, а исландцы – треску.

Позднее на замену товаро-деньгам приходят металлы, что свидетельствует о новой ступени эволюции денег, поскольку добывание металла является признаком относительно высокой культуры. Золото и серебро становятся главными денежными единицами. Завершающим этапом в формировании денег становится появление монет. В современном мире люди активно пользуются безналичными деньгами.

Выбранное для рассмотрения понятие «деньги» является очень разнообразным и значимым, что подтверждается большим количеством лексико-фразеологических средств для его номинации и описания.

Нами было отобрано 140 лексем, применяемых относительно наименования денег. Все лексеммы распределены по группам, что позволяет

определить феномен концептуализации различных идей, связанных с деньгами. Например, имена для бумажных денег, «зеленые» имена, имена президентов, «съедобные» имена для денег, наличные, абстрактные имена, металлы и т.д.

В основном выбор именованья для денег зависит от восприятия их говорящим, например, по внешнему виду, форме, цвету.

Одним из принципов наименования денег осуществляется преимущественно благодаря метафоре. В некоторых случаях для перевода таких метафор необходимо задействовать экстралингвистические знания, поскольку номинация денег была создана не на основе поверхностных свойств денег, а на имплицитной информации.

В исследуемую группу сочетаний были взяты те фразеологические единицы, в лексическом составе которых есть компонент, указывающий на деньги или их косвенную номинацию. Осмысление феномена деньги при помощи метафоры в английской картине мира своеобразно. Метафора – одно из основных средств языковой экспликации современной картины денег. Определенные признаки объясняют выбор метафоры того или иного слова в качестве основы для создания нового метафорического смысла. Такой общий признак лежит в основе метафоры и формирует самую важную часть ее значения.

Отношение англоговорящего народа к деньгам неоднозначно. Приведенные фразеологизмы и фразеологические выражения отражают противоположные взгляды на деньги, характерные для менталитета различных групп одной нации.

Они могут определяться как зло:

Money is the root of all evil. (Деньги-корень всего зла)

Money is welcome though it comes in a dirty clout. (Деньги желанны, даже если они завернуты в грязную тряпку).

Пословицы, представленные Oxford Dictionary of English Proverbs характеризуют деньги, как нечто всемогущее:

What will not money do? (Что только не делают деньги!)

Money answers all things. (Деньги решают любую проблему)

Money will do more than my lord's letter. (Деньги помогут мне больше, чем письмо лорда)

Некоторые – уточняют возможности денег:

Money makes a man free. (Деньги делают человека свободным)

Money makes the man. (Деньги делают человека)

Money makes the mare go. (За деньги и кляча поскачет)

Описание взаимосвязи культуры и языка ставят своей целью определить те единицы языка, которые напрямую связаны с национальными фактами материальной, социальной и духовной культуры, а также являются прототипом таких единиц.

Ярким примером является фразеологизм «rip money», который переводится как «карманные деньги», но в буквальном смысле – это «деньги на булавки». Это выражение берет свое начало с середины 17 века, означавшее сбереженные деньги для покупки булавок, которые на тот период были очень дорогими, поскольку производство находилось под контролем монополии, получавшей дотацию от короля. В настоящее время это образное выражение, которое применяется относительно сбережений, принадлежащих исключительно жене.

Выражение «slush fund» переводится как «1) деньги, предназначенные для взяток» и впервые было отмечено в лексиконе моряков торговых судов в прошлом веке. На жаргоне моряков это выражение обозначало вырученные деньги от продажи излишка жиров, которые входили в общий фонд для покупки предметов, которые не могли себе позволить. Позже термин приобрел политическое значение, обозначающее деньги для взяток. Человек, принявший взятку в свою очередь могу позволить себе предметы роскоши, которые не мог раньше.

При сопоставлении таких фразеологизмов с «кодами» культуры, известными говорящему, возможно определить национально-культурную значимость фразеологизмов.

Для полного перевода фразеологизмов недостаточно применить дословный перевод, так как в таком случае переводчик не передаст культурную значимость фразеологизма, а значит изначальный смысл будет утерян. Также не всегда представляется возможным подобрать эквивалент. Несмотря на большое количество методов перевода фразеологизмов, переводчику следует учитывать речевую ситуацию, стиль произведения, идею автора. Главное при переводе фразеологизмов – это сохранить национальную специфику и образность выражения, но в то же время, не изменив изначального смысла фразеологизма, наилучшим способом перевести его на язык перевода.

Список использованных источников

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград, 1993. С. 225–226.
2. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. тр. 2–е изд. – М.: РАН, 1995. – Т. 2. 767 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / Отв.ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари. 1996. 416 с.
4. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лиигвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, Костомаров В.Г. – 3–е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1983. 269 с.
5. Зеленцова М.Г., Козлова А.Т. Предтермины в англоязычном экономическом дискурсе: переводческий аспект //Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-

- практической конференции. – 2018. – С. 177-182. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: 1984.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Издат. центр «Академия», 2004.
7. Норец М.В, Любеева С.В. Особенность перевода фразеологизмов на материале романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста» /М.В. Норец, С.В. Любеева // Международная научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых», Грозный. – 2019.
8. Телия В. Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурные аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 285 с.
9. Шевчук-Черногородова М.А. Универсалии фразеологических систем русского, английского и французского языков // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 643-648.
10. ODEE – The Oxford Dictionary of English Etymology. C.T.Onions. Oxford, 1966. 1024 p.

УДК [27-23:84'25]:81-115

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИТОНИМОВ В ТЕКСТАХ АНГЛО-, ФРАНКО- И ЯПОНОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ БИБЛИИ

Е. В. Михайлова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. В данной статье изучаются особенности субституции фитонимов в текстах англо-, франко- и японоязычных версий Библии. Сравнительно-сопоставительный анализ слов и словосочетаний, принадлежащих фитонимической лексике, функционирующих в ранних и поздних версиях Библии, проводится в лингвокультурологическом аспекте. На замены слов в библейских текстах современных изданий влияют как лингвальные, так и экстралингвальные факторы.

Ключевые слова: фитоним, субституция, лингвокультурологический аспект, англо-, франко-, и японоязычная версии Библии, лингвальный фактор, экстралингвальный фактор.

Annotation. This article examines the features of the phytonyms substitution in the texts of the English, French and Japanese versions of the Bible. Comparative analysis of words and phrases belonging to phytonymic vocabulary, functioning in the early and late versions of the Bible, is carried out in the

linguocultural aspect. The replacement of words in the biblical texts of modern editions is influenced by both lingual and extra-lingual factors.

Key words: phytonym, substitution, linguocultural aspect, English, French, and Japanese Bible Versions, lingual factor, extra-lingual factor.

Исследования библейских текстов и библейской лексики в таких современных лингвистических направлениях, как лингвокультурология, этнопсихолингвистика, когнитивная лингвистика и межкультурная коммуникация, продолжают оставаться актуальными, а интерес к ним будет только возрастать в свете религиозных событий, разворачивающихся в современном мире.

Фитонимическая лексика, функционирующая в разноязычных библейских текстах, отражает этнокультурные особенности народов, на язык которых они переводились, и является вербализованной частью религиозной картины мира. Изучение вопросов, связанных с механизмами и способами передачи информации, заложенной в словах и выражениях ранних версий Библии, в сравнении с той, которая закладывается в современных разноязычных изданиях, под влиянием тех или иных факторов, как лингвального, так и экстралингвального характера, в определенной степени поможет развитию прикладных аспектов перевода.

Цель данной статьи заключается в выявлении характера и особенностей функционирования в текстах ранних англо-, франко- и японоязычных версий Библии слов и словосочетаний, обозначающих названия флоры, видов их субституций под влиянием лингвальных и экстралингвальных факторов в современных версиях в лингвокультурологическом аспекте.

Объектом исследования служат лексические единицы и словосочетания, обозначающие названия растений из разноязычных версий Библии. Предметом анализа являются лингвокультурологические особенности субституций фитонимов в текстах Библии, в зависимости от культурного наследия народов Великобритании, Франции и Японии.

Материалом исследования послужили тексты из англо-, франко- и японоязычных версий Библии, ранних и современных переводов соответственно: King James Version (KJV), New International Version (NIV); La Bible d'Ostervald (BO), La Bible de Jérusalem (BJ); Japanese Colloquial Bible (JCB), Japanese Living Bible (JLB) [2-7].

Методика исследования в данной работе имеет комплексный характер: методы лингвокультурологических исследований применяются в совокупности с методами сопоставительной лексикологии.

Многие слова и словосочетания, относящиеся к тематической группе «деревья и кустарники» и функционирующие в ранних англо-, франко- и японоязычных версиях Библии, не подвергаются субституции в современных их переводах: (англ.) *bush, palm tree, fig tree, cedar, oil tree, oak,*

myrrh; (фран.) *buisson, palmier, figuier*; (япон.) なつめやし (рус. "пальмовое дерево"), いちじく (рус. "фиговое дерево, смоковница"), アカシヤ材 (рус. "акация") и др.

Данное явление объясняется тем, что деревья, которые произрастали в те далекие времена, встречаются и в наше время, а слова их обозначающие, не приобрели новых коннотаций, понятны для читателя и не нуждаются в дополнительном описании. Однако, выявлены и факты замены некоторых фитонимов в современных разноязычных версиях Библии. Рассмотрим наиболее яркие примеры субституции фитонимической лексики и постараемся дать объяснение причин таких замещений в каждом из вышеуказанных переводов Библии.

Словосочетание *gopher wood* - «дерево гофер», функционирующее в британской версии KJV, подвергается замене на словосочетание *cypress wood* - «кипарис» в современной версии NIV. В данном примере произошла синонимичная субституция слова, согипонима, в словосочетании с сохранением гиперонимического понятия «дерево»:

KJV:...Make thee an ark of gopher wood;...

NIV:...So make yourself an ark of cypress wood;.../Gen. 6:14/.

Этот вид субституции можно объяснить тем, что значение слова *gopher* (рус. «гофер») в еврейском оригинальном тексте неясно. Это растение представляет собой «смолистое дерево», упоминается только в Библии, в контексте, когда Бог повелел Ною построить ковчег. В природе такого растения не существует в настоящее время. Некоторые исследователи склоняются к тому, что это был кипарис или кедр, так как в той местности, где жил Ной, кипарис рос в изобилии. Это растение является смолистым и водонепроницаемым, оно может не подвергаться гниению тысячи лет [1].

Во франкоязычной версии ВО словосочетание *bois de gopher*, означающее «дерево гофер», подвергается субституции слова в сторону расширения понятия в современном переводе ВJ. Оно заменяется словосочетанием *bois résineux*, обозначающим «мягкая древесина хвойных пород» и являющимся гиперонимом для всех видов хвойных деревьев:

BO:... Fais-toi une arche de bois de gopher; tu feras l'arche par loges...

VJ:...Fais-toi une arche en bois résineux, tu la feras en roseaux...

В этом примере генерализация использована для более ясного понимания европейским читателем материала, из которого был сделан Ноев ковчег.

В ранней японоязычной версии JCB, в данном тексте словосочетание *いとすぎの木*, обозначающее «кипарис», подвергается синонимической субституции с сохранением понятия «дерево» в современном переводе JLB, и заменяется на словосочетание *ゴフェルの木*, означающее «дерево гофер»:

JCB:...あなたは、いとすぎの木で箱舟を造り、箱舟の中にへやを設け、JLB:...ただ、あなただけは助けよう。あなたは樹脂の多いゴフェル

の木 Следует заметить, что первыми миссионерами на территории Японии были англичане, которые и принесли христианство в эту страну, поэтому в раннем переводе JCB используется словосочетание *いとすぎの木*, написанное хираганой, и состоит из родных японских слов. Словосочетание же *ゴフエルの木*, написанное катаканой, является заимствованным. Этот факт можно также объяснить тем, что в наше время современный перевод Библии в Японии стараются делать максимально приближенным к оригинальному тексту.

Следующим примером является словосочетание – *juniper tree*, обозначающее «можжевельник», используемое в британской канонической версии KJV. Оно заменяется в современной версии на языковую единицу *bush*, которая обозначает «куст» и является согипонимом в отношении к слову «можжевельник». В данном примере прослеживается синонимичная субституция согипонимом в смысле отношения сополженности и с сохранением гиперонимического понятия «растение»:

KJV:...And as he lay and slept under a juniper tree...

NIV:...Then he lay down under the bush and fell asleep./2 Kings 19:5/

Эту замену можно объяснить таким экстралингвальным фактором, как природный ландшафт и климатические условия. Поскольку можжевельник произрастает не везде, а только в определенных уголках земного шара, то для понимания размера данного дерева, для тех читателей Библии, которым это дерево незнакомо, используется понятие «куст». В текстах версий на других языках подобная ситуация решается иначе.

Во франкоязычной версии ВО, к примеру, лексическая единица *genêt*, означающая «дрок» – низкорослые кустарники, полукустарники и лианы, произрастающих по всему Средиземноморью, в Европе, Северной Америке и на Ближнем Востоке – замене не подвергается. В современном переводе ВJ, создатели версии просто опустили это слово и не использовали никакого его эквивалента:

ВО: *Puis il se coucha, et s'endormit sous un genêt; et voici, un ange le toucha...* ВJ: *Il se coucha et s'endormit. Mais voici qu'un ange le toucha.../Gen. 6:14/*

В ранней же японоязычной версии JCB языковая единица *れだまの木*, обозначающая «испанский дрок, тутовник», подверглась генерализации в современном переводе JLB и была заменена на иероглиф 木, обозначающий «дерево»:

*JCB:...彼はれだまの木の下に伏して眠ったが、天の使が彼にさわ
り、JLB:...そのまま木の下で横になって眠り込むと、御使いが来て彼にさわ
り* Данная замена объясняется влиянием природного фактора, поскольку растительность в европейской части земного шара отличается от произрастающих видов растений в Стране восходящего солнца. Носителям

японского языка может быть незнаком испанский дрок, поэтому создатели версии заменяют это понятие-гипоним гиперонимом, словом с расширенным денотативным значением – 木 «дерево».

Используемое в версии KJV слово *shittim*, обозначающее «ситтим», подвергается синонимической субституции с сохранением понятия «дерево» в современной версии NIV и заменяется на лексическую единицу *acacia* – «акация»:

KJV:...*And Bezaleel made the ark of shittim wood...*

NIV:...*Bezaleel made the ark of acacia wood .../Ex. 37:1/*

Данный вид субституции объясняется тем, что дерево ситтим упоминается только в Библии. Полагают, что оно было из рода акаций и произрастало в пустынях от Северной Аравии до Эфиопии. Акация растет только в засушливых местах, поэтому она оказалась единственным пригодным растением для постройки скинии. Следовательно, для современного читателя была сделана замена слова *shittim* на лексему *acacia*, для более ясного представления из чего строилась скиния.

Аналогичная ситуация прослеживается и во франкоязычных версиях Библии. Лексическая единица *sittim* – «ситтим», функционирующая в ранней версии ВО и являющаяся частью словосочетания *bois de Sittim*, подвергается замене в современной версии ВJ на лексему *acacia*, которая переводится как «акация»:

ВО:...*Puis Betsaleel fit l'arche, de bois de Sittim.*

ВJ:...*Beçaléel fit l'arche en bois d'acacia.*

Замена в этом примере вызвана еще и таким лингвальным фактором, как модернизация языка Библии. В природе в связи с изменением климата, а также по другим причинам, исчезают растения, а в языке – слова, обозначающие их. Создатели версий, используя правила герменевтики, подбирают названия современных видов растений, по своим параметрам и качествам схожими с растениями, которые произрастали в библейские времена.

В ранней японоязычной версии JCB функционирует словосочетание アカシヤ材, которое означает «дерево акация». Образ данного вида растения остается неизменным для японцев, поэтому его название не подвергается субституции в современном переводе JLB:

JCB:... ベザレルはアカシヤ材の箱を造った。長さは二キュビト半、

JLB:...次に、ベツアルエルは契約の箱を作りました。アカシヤ材で作

Интерес вызывает следующая языковая единица 香柏, функционирующая в версии JCB и означающая «кедр». В современном переводе JLB данный фитоним подвергается синонимической субституции с сужением понятия и меняется на иероглиф 杉, обозначающий «японский кедр» или «криптомерия японская (лат. *Cryptomeria japonica*)»:

JCB:...わたしは荒野に香柏、アカシヤ、ミルトスおよびオリーブの木をえ JLB:...わたしは不毛の地に、杉、アカシヤ、ミルトス、オリーブ、糸杉

Экстралингвистическим фактором, повлиявшим на замену в современной версии Библии, является тот факт, что «криптомерия», или «японский кедр», считается национальным деревом и эндемиком Японии. Данный вид растения более понятен для коренного населения Японии и тем самым вносит свой национальный колорит в библейские тексты.

Таким образом, лингвокультурологический анализ языковых единиц и словосочетаний, условно объединенных в тематическую группу «деревья и кустарники», позволил выявить следующие виды субституций: 1) синонимичная субституция слова или словосочетания с сохранением понятия (Англ.: *gopher – cypress; shittim – acacia; juniper tree – bush; pine – fir; box tree – cypress; fir tree – juniper; ash – pine*; Фр.: *bois de Sittim – bois d'acacia; l'orme – le platane*; Яп.: *いとすぎの木 – ゴフェルの木; 柳の木 – ポプラ; からまつ – 松の木*); 2) субституция словосочетания и понятия в сторону его расширения (Фр.: *bois de gopher – bois résineux*; Яп.: *すずかけ – プラタナス; ヘンナ樹の花ぶさ – 花束*); 3) субституции слова или словосочетания, соответственно, и понятия в сторону его сужения (Англ.: *oil tree – olive*; Яп.: *香柏 – 杉*).

Основными экстралингвальными факторами таких замен служат природные и климатические условия, влияющие на выбор и использование фитонимической лексики создателями современных версий Библии, написанных неродственными языками для людей проживающих в разных регионах земного шара, а основным лингвальным фактором является модернизация этих языков.

Список использованных источников

1. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>
2. Bible. Old and New Testament. King James Version. New York: American Bible Society, 1945. 742 p.
3. Bible. Old and New Testament. New International Version. International Bible Society, 2011. 1751 p.
4. La Bible. Ancien et du Nouveau Testament. La Bible de Jérusalem. Editions de Cerf, 1955. 1051 p.
5. La Bible. Ancien et du Nouveau Testament. La Bible d'Ostervald. Ministère de louange, 1996. 1011 p.
6. Holy Bible. Japanese Colloquial Bible [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bible.com/tr/bible/81/GEN.23.ja1955>
7. Holy Bible. Japanese Living Bible [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bible.com/ru/bible/83/JHN.1.jlb>

ИРОНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

М. В. Михайловская,

*старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и
межкультурной коммуникации, Факультет иностранных языков и
регионоведения, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. Ирония является важным компонентом современного общественно-политического дискурса. В настоящее время ирония исследуется как проблема устного перевода, поскольку представляет объективную сложность для адекватной передачи с одного языка на другой. Тем не менее, иронические высказывания, вербализованные с помощью лексических, стилистических и синтаксических средств, важно передавать в устном переводе, для сохранения функции воздействия всего исходного сообщения.

Ключевые слова: синхронный перевод, общественно-политический дискурс, ирония, речевой портрет, контекст.

Summary. Irony proves to be an important component of the modern socio-political discourse. Presently, irony is being explored as an overall interpreting problem as it represents an obvious difficulty in rendering from the source language into the target one. Still, ironic utterances, verbalized by various lexical, stylistic and syntactic means, are not to be distorted and need to be rendered into another language, so that the proper effect of a speech is produced.

Key words: simultaneous interpreting, socio-political discourse, irony, speech portrait, context.

Общественно-политический дискурс представляет собой особый тип институционального дискурса, отличающийся сложной многомерной структурой, в свою очередь, включающей в себя различные речевые жанры. Общественно-политический дискурс принято рассматривать как «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [4, с. 9]. Языковые особенности текстов общественно-политического дискурса обусловлены идеологическими и прагматическими установками, а также целями и условиями коммуникативного события. В связи с этим, представляется целесообразным изучать данный тип дискурса с позиций прагмалингвистики и исследовать как

«совокупность речевых актов, используемых в политической коммуникации с целью борьбы за власть и ее удержание» [1, с. 58].

Согласно Е.А. Шейгал, среди основных характеристик общественно-политического дискурса можно выделить следующие: а) преобладание массового адресата; б) доминирующая роль фактора эмотивности и значительный удельный вес фатического общения (во многих случаях сам факт произнесения сообщения оказывается более значимым, чем его содержание); в) смысловая неопределенность, связанная с фантомностью ряда денотатов и фидеичностью; г) эзотеричность как результат использования таких манипулятивных стратегий, как эвфемизация, намеренная уклончивость; д) опосредованность политической коммуникации фактором средств массовой информации; е) театральность (эпатажность, стремление шокировать публику); д) динамичность языка политики, обусловленная злободневностью отражаемых реалий и изменчивостью политической ситуации [4, с. 9-10].

Основной целью общественно-политического дискурса является воздействие на политическую ситуацию с помощью пропаганды определенных идей и идеологических установок, оказания эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям [1, с. 57].

Следует отметить тот факт, что русскоязычный общественно-политический дискурс за последние сто лет уже несколько раз претерпевал революционный, резкий слом и коренную перестройку (царская Россия начала XX века – постреволюционный СССР 1920 - 1930-х годов – «зрелый» советский период – новая постсоветская Россия), тогда как англоязычный общественно-политический дискурс развивался гораздо более плавно, эволюционно, но тоже, вероятно, существует сегодня в нескольких национальных вариантах. Лингвистическая сущность советского дискурса блестяще показана Патриком Серио, франко-швейцарским лингвистом, который в своей известной книге «Анализ советского политического дискурса» («Analyse du discours politique soviétique», Paris, 1985) осветил воздействие, которое «советский способ оперирования языком» оказал на русский язык. Им были выделены следующие особенности политического дискурса хрущевско-брежневского времени: а) гипертрофированные масштабы номинализации, в результате которой исчезает субъект и происходит обезличивание высказывания, что в свою очередь дает возможность для различных «идеологических манипуляций с поименованными сущностями»; б) сочинительные связи выступают в двух формах: либо два понятия, не являющиеся синонимами за пределами данного дискурса, соединяются с помощью союза «и», либо сочинительный союз не используется вообще, что приводит к тому, что логические отношения между сочиненными понятиями перестают поддаваться интерпретации; таким образом, огромное количество различных понятий

оказывается синонимами друг друга, чем и навязывается идея об их якобы тождественности, что представляет собой своеобразный семантический парадокс; в) «исчезновение авторства» и «исчезновение ответственности» при выступлении ведущих политиков того времени с «отчетными докладами» [3, с. 35–73].

У общественно-политического дискурса новой России сегодня есть хорошо осязаемое индивидуальное «лицо» – это конкретно путинский дискурс, который определяет, по существу, настрой и развитие «норм» русскоязычного общественно-политического институционального дискурса. Важно отметить, что публичные выступления В.В. Путина являются органичным смешением разных языковых стилей. Его речи представляют собой логично выстроенные, порой лаконичные высказывания с четкой аргументацией своей позиции, которые изобилуют не только общественно-политическими и экономическими терминами, но и жаргонизмами, просторечиями, молодежными сленговыми выражениями, что придает им яркость, эмоциональность и образность, привлекает внимание общества, российской и мировой прессы, дополняет имидж Президента и повышает его популярность среди разных слоев населения, становится своеобразной «визитной карточкой». Сниженный регистр делает его выступления более понятными и доступными для обычных людей. Многие выражения становятся афоризмами или, как их стали называть, «путинизмами» [2, с. 119–120].

Наряду с вышесказанным, следует обратить внимание на тот факт, что еще одной характерной чертой выступлений данного политика является ирония. В настоящее время ирония исследуется как один из ключевых компонентов современного общественно-политического дискурса. Безусловно, ирония представляет собой сложный лингвостилистический феномен. Согласно А. А. Горностаевой, ирония представляет собой речевой жанр, имеющий в основе языковую манипуляцию, которая заключается в употреблении слова, выражения или высказывания, смысл которого отличается от буквального. Ирония выполняет функцию, соответствующую коммуникативной интенции говорящего, является отражением менталитета народа и имеет этнокультурные особенности [1, с. 59]. Также, необходимо отметить, что «ирония представляет собой синтез идеологического процесса и лингвистического явления, функционирующий в общественно-политическом дискурсе как механизм смыслопорождения и интерпретации политических реалий» [1, с. 59].

Ирония может быть подготовлена заранее и намеренно включена в речь политика. Наряду с этим, ироническое высказывание может быть неким экспромтом, выступая не как продуманный инструмент воздействия, а как категория дискурса, продукт взаимодействия между говорящим и реципиентом [1, с. 60].

Совершенно очевиден тот факт, что ирония представляет собой объективную сложность для устного перевода, синхронного перевода в частности. Данное обстоятельство объясняет целесообразность постановки вопроса об иронии как проблеме устного перевода.

Разберем наиболее яркие примеры передачи иронических высказываний с русского на английский язык в синхронном переводе.

На пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, состоявшегося 2 июня 2017 года, американская журналистка Мегин Келли задала В. Путину вопрос о том, обсуждалась ли когда-нибудь между Д. Трампом и представителями российской стороны возможность того, что в случае избрания президентом США, Д. Трамп будет способствовать смягчению антироссийских санкций. В. Путин ответил следующим образом: «Это просто истерия какая-то, и никак не можете прекратить. Таблетку, что ли, надо дать Вам какую-нибудь. Есть таблетка у кого-нибудь? Дайте таблетку какую-нибудь». В прямом эфире ответ был переведен синхронно: “This is some sort of hysteria, and this hysteria never seems to stop. Maybe someone has a pill that is going to cure this hysteria”. Переводчик передал иронические высказывания Президента достаточно нейтрально, сгладив всю экспрессию и эмоциональность. В. Путин обращался непосредственно к журналистке, иронично предлагая найти для нее таблетку («никак не можете прекратить», «таблетку, что ли Вам надо дать какую-нибудь»), и к самой публике с призывом найти некое лекарство («дайте таблетку...») от так называемой истерии по поводу предполагаемых связей между Д. Трампом и российскими властями. Переводчик опустил обращение к журналистике и аудитории, обезличив исходные высказывания (“this hysteria never seems to stop”) и объединив несколько реплик в одну (“maybe someone has a pill that is going to cure this hysteria”). Ирония, к которой прибегнул Президент, отвечая на вопрос, чтобы, возможно, разрядить обстановку или установить контакт с присутствующей там публикой, передана не была. К тому же, переводчик говорил достаточно монотонно, что также могло помешать реципиентам перевода понять суть происходящего и причины смеха русскоязычной аудитории.

Рассмотрим еще один пример, прозвучавший на том же пленарном заседании, по завершении которого Мегин Келли предоставила последнее слово В. Путину. Президент отметил следующее: «Господин Додон сказал, что мир перестал быть однополярным. Нет, американка сидит, всеми командует, мне последнее слово дает». Комментарий был переведен синхронно: “Mr Dodon said that the world ceased to be a unipolar world, and the American woman is sitting and telling us what we are going to do, and I am getting the last word”. Переводчик не почувствовал и не передал структурно-логическую связь, соединяющую первую и вторую фразы. В. Путин использовал слово «нет» для противопоставления двух озвученных мыслей. В переводе противопоставление было заменено на сочинительный союз

“and”. Таким образом, искажается не только логическая связь между высказываниями, но и сглаживается их иронический эффект. Также, переводчик существенно смягчил и нейтрализовал ответ Президента, передав фразу «всеми командует» с помощью “...is telling us what we are going to do”. Определенные сомнения вызывает целесообразность использования в переводе фразы “I am getting the last word” для передачи предложения «мне последнее слово дает». Если мы обратимся к словарю “Cambridge Dictionary”, то обнаружим выражение “have the last word, которое имеет следующее значение: “to say the last thing in a discussion or argument, or make the final decision about something”⁵. Иными словами, соответствие “to get the last word” представляется не совсем удачным. Таким образом, опущенная структурно-логическая связь, не совсем корректно подобранные соответствия, искажение стиля высказывания не позволили переводчику передать ироничность заключительного слова В. Путина.

Как показывают вышеприведенные примеры, иронические высказывания представляют объективную сложность для синхронного перевода. Переводчики стремятся передать общий смысл высказывания, но при этом не чувствуют и искажают структурно-логические связи, нейтрализуют экспрессивную лексику и стиль высказывания. К сожалению, в большинстве случаев переводчикам не удается адекватно передать иронию. Иронические высказывания зачастую остаются особенностью исходного сообщения. Реципиенту перевода остается лишь догадываться об иронической составляющей, судя по реакции русскоязычной аудитории. Таким образом, переводчикам не всегда удается передать воздействие высказывания и, соответственно, интенции говорящего.

В заключение хотелось бы отметить, что ирония в общественно-политическом дискурсе может выполнять различные функции, а именно: воздействие, установление контакта, сближение, поддержка интереса аудитории, дистанцирование, критика, защита и намеренное уклонение от ответа. Иронию можно отнести к своего рода манипулятивной технологии. Адекватное понимание данного компонента общественно-политического дискурса вне контекста не представляется возможным. Также, ирония является неотъемлемой составляющей речевого портрета политика, становится его «визитной карточкой». Иронические высказывания, вербализованные с помощью лексических, стилистических и синтаксических средств, важно передавать в устном переводе, для сохранения функции воздействия всего исходного сообщения.

⁵ URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/have-the-last-word> (дата обращения 30.01.2019)

Список использованных источников

1. Горностаева А. А. Границы дозволенного в политическом дискурсе: ироничность, черный юмор, деструктивность, сквернословие // Политическая лингвистика. – №1. – 2018.
2. Михайловская М. В. К постановке вопроса о глобальном вертикальном контексте дискурса и его передаче в устном переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №4.
3. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995.
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000.

УДК 811.111

ПЕРЕВОД КАК ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

А. С. Музыка,

*магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается концепт эквивалентности и понятие перевода как эквивалентной переориентации в диахроническом аспекте зарубежных лингвистических исследований. Выделяются типы и виды эквивалентности, языковая и культурная эквивалентность и определяющие ее факторы вместе с уровнями и типами степеней эквивалентности.

Ключевые слова: эквивалентность, калька, транспозиция, модуляция, семантический сдвиг, эквивалент, оптимальный перевод.

Summary. The article discusses the concept of equivalence and the concept of translation as an equivalent reorientation in the diachronic aspect of foreign linguistic studies. It provides the types and modes of equivalence, linguistic and cultural equivalence and its determining factors along with the levels and types of equivalence degrees.

Key words: equivalence, tracing, transposition, modulation, semantic shift, equivalent, optimal translation.

Поиск соответствующих эквивалентов в языке перевода, несомненно, является одним из наиболее важных аспектов процесса перевода не только в художественной, но и в публицистической прозе. Особенно заметной проблема эквивалентности перевода выступает в узконаправленных лингвистических исследованиях, например, при анализе передачи заголовков английских газет на русский язык, перевод которых имеет свою специфику. Быстротечность и изменчивость публицистической лексики, ее экспрессивно-эмоциональный характер, так же как возрастающее внимание

к зарубежной периодике среди российских читателей обуславливает актуальность исследования вопросов эквивалентности касательно названий статей периодических средств массовой информации.

В основном, эквивалентность базируется на уровне слова, фразы или текста, поэтому она связана с единицами эквивалентности, которые могут быть морфемами, словами, словосочетаниями, предложениями, идиомами, пословицами и т.д., другими словами, уровень эквивалентности и единицы эквивалентности взаимосвязаны. При создании и анализе переводов следует учитывать не только лингвистическую эквивалентность, но и культурную, которая тоже имеет важное значение.

Хотя много исследователей работали над теориями эквивалентности, наиболее распространены два основных подхода: лингвистический подход и прагматический подход. Большинство способов перевода основаны на переводческих преобразованиях с эквивалентностью. Так, например, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне выделили следующие способы перевода [7]:

- заимствование (когда слова берутся непосредственно из языка оригинала с целью возможного избегания семантического сдвига);
- калька (исходное выражение передается средствами языка перевода, но в таком случае возможно появление семантических отклонений);
- буквальный перевод (перевод словесный);
- транспозиция (одна часть речи заменяется другой с сохранением смысла);
- модуляция (отклонение от буквального перевода с добавлением разъяснения, другими словами, лексико-семантическая замена с расширением);
- эквивалентность;
- адаптация (тексты адаптированы к культуре языков перевода, при этом часто используются совершенно разные формулировки).

Фактически исследователи рассматривают перевод как эквивалентную переориентацию, когда сообщение исходного текста (ИТ) переводится совершенно другими словами ПЯ, но стилистическое воздействие сохраняется. Целью переводческого процесса является замена конструкции ЯО на конструкцию ПЯ, которая описывает одну и ту же ситуацию, хотя отсутствует формальное или семантическое соответствие. Таким образом, семантический уровень гораздо важнее лексического. Согласно Дж. Мандей [5], эквивалентность для Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне представляется идеальным переводческим способом, когда речь идет о переводе пословицы, идиомы, клише, номинальных или прилагательных фраз. Данный тип эквивалентности можно сравнить с процессом локализации, когда переводятся устойчивые выражения, применяются эквиваленты с тем же значением, но с другой словесной формулировкой ПЯ,

поскольку при буквальном переводе они могут потерять значение и экспрессивность.

Р. Якобсон [4] вводит понятие эквивалентности при существовании различия, которая считается самой важной проблемой в различных языках. Он предлагает три вида эквивалентности: интралингвистическую (переформулирование или перефразирование в рамках одного языка), интерлингвистическую (между двумя языками) и межсемиотическую (между знаковыми системами). По его словам, в интерлингвистическом переводе не возникают абсолютные эквиваленты, поскольку языки различаются. Тем не менее, лингвист утверждает, что не существует непереводимых текстов. Когда не удается найти лучшего эквивалента единице ЯО, существует возможность использования заимствований, неологизмов, семантических сдвигов и перефразы. Таким образом, исследователь считает, что самой большой проблемой эквивалентности является терминология и структура языков, а не способность передавать языковое сообщение.

Более того, Ю. А. Нида и Ч. Р. Табер [6] заявляют, что невозможно иметь абсолютно точные переводы, поскольку не существует одинаковых языков. Ю. А. Нида и Ч. Р. Табер выделяют два типа эквивалентности: формальную и динамическую (или функциональную) эквивалентность. Формальная эквивалентность основана на форме и содержании сообщения. Например, может быть «поэзия-поэзия, предложение-предложение и концепт-концепт эквивалентность» [6]. Этот тип эквивалентности возможен, когда элемент текста перевода (ТП) почти такой же, как и в ЯО. Более того, формальная эквивалентность связана с грамматическими единицами, согласованностью слов и значений в рамках исходного контекста. Данный факт связан с культурными ценностями, тогда как динамическая эквивалентность больше ассоциируется с эквивалентной связью между реципиентом и целевым сообщением и связью между реципиентом и исходным сообщением. Таким образом, динамическая эквивалентность основывается на принципе эквивалентности значений, а ТП звучит также естественно, как ИТ. При таком типе эквивалентности переводчики могут столкнуться с трудностями, когда культуры довольно похожи, но языки сильно различаются и наоборот.

Весьма известные в лингвистических кругах теории Дж. Кэтфорда [8] по эквивалентности в переводе базируются на лингвистических принципах. Исследователь определяет различные уровни эквивалентности и факторы, влияющие на эквивалентность (языковую и культурную). Кроме того, он также дифференцирует два типа эквивалентности в переводе: текстовую и формальную [8]. Дж. Кэтфорд описывает сдвиги в языках, которые основаны на разнообразии формальной и текстовой эквивалентности и определенным образом связаны с проблемами неэквивалентности. Более того, он делит сдвиги между языками на сдвиги уровней и сдвиги категорий.

Сдвиги категорий основаны на структурных (грамматическая структура, например, порядок слов), классовых (части речи), единичных (лингвистическая единица, такая как предложение, словосочетание или слово) и внутрисистемных (вид, количество и т.д.), сдвигах. Сдвиги уровней возникают, когда единица ЯО на одном лингвистическом уровне появляется на другом уровне ПЯ (время, род и т.д.), в этом случае в процессе перевода участвуют трансформации.

М. Бейкер вводит новые подходы и новые типы эквивалентности в переводе. Лингвист анализирует эквивалентность на разных уровнях [1]:

- эквивалентность на уровне слова;
- эквивалентность над уровнем слова;
- грамматическая эквивалентность;
- текстуальная эквивалентность (информация и согласованность);
- прагматическая эквивалентность.

В соответствии с М. Бейкером [1], в процессе перевода внимание уделяется смыслу отдельного слова (или морфемы). трудности возникают в тех случаях, когда речь заходит о значении такого слова, которое имеет больше одного значения или даже не имеет соответствия с аналогичным значением в ПЯ. Кроме того, он уделяет внимание эквивалентности над уровнем слова, другими словами, переводу словосочетаний, таких как фразеологизмы, идиомы и коллокации. Что касается грамматической эквивалентности, лингвист отмечает, что грамматические системы языков (время, число, род и т.д.) сильно отличаются друг от друга, и абсолютная грамматическая эквивалентность практически невозможна. Текстуальная эквивалентность включает в себя лексические единства (союзы и т.д.), в то время как прагматическая эквивалентность основывается на согласованности текста (логического соединения или последовательности текста).

Однако В. Коллер выделяет четыре уровня эквивалентности: денотативный, коннотативный, текстуальный и прагматический [3]. Кроме того, исследователь предполагает, что типы эквивалентности должны быть связаны с уровнем эквивалентности. В этой связи он обобщил основные типы эквивалентности в переводе:

- денотативная или референтная эквивалентность – в одном тексте приводится один и тот же общий объект или понятие (эквивалентность экстралингвистического содержания текста);
- коннотативная эквивалентность – коннотативное значение сохраняется как в исходном тексте, так и в переводе (лексический выбор, особенно между близкими синонимами);
- текстуальная эквивалентность – типовые особенности текста сохранены (разные типы текстов и их дифференциация);

- прагматическая или коммуникативная эквивалентность – имеет отношение к форме текста, включает в себя игру слов и отдельные стилистические особенности ИТ (ориентируемся на ожидания читателя);

- формальная эквивалентность.

Предложенная В. Коллер типология подобна таковой у М. Бейкер и представляется наиболее подробной и точной.

Кроме того, эквивалентность в переводе связана не только с ее типологией, но и с различными степенями эквивалентности, т.е. эквиваленты анализируются на основе того, как единицы эквивалентности в переводах соответствуют единицам в исходных текстах. М. Баяр [2], например, предлагает семь типов степеней эквивалентности:

- оптимальный перевод – текст семантически и грамматически построен правильно, предложения связаны друг с другом так, чтобы построить сообщение ИТ и сохранить его содержание (ТП понятный и легко читается);

- почти оптимальный перевод – сообщение ИТ передается логически и согласованно, тем не менее, не достигнута хорошая степень читаемость с текстовой точки зрения;

- частичный перевод – сообщение переведено частично;

- перевод слабее или сильнее – сообщение ИТ передано с помощью более слабых или сильных слов, так что экспрессивность текста либо слабее, либо сильнее, чем в ТП;

- слабый перевод – основная проблема заключается в читаемости текста, основная идея прослеживается с трудом;

- неправильный перевод – ИТ не читаемый;

- нулевая эквивалентность (без перевода) – нет прямой эквивалентности между ИТ и ТП.

В целом, эквивалентность в переводе действительно является одним из важнейших направлений в теории перевода, которая имеет существенное значение при процессе и анализе переводов, как художественных, так и публицистических текстов. Однако, следует заметить, что оптимальной или абсолютной эквивалентности невозможно достичь, поскольку структуры различных языков различаются между собой. Тем не менее, стремление к оптимальному переводу с сохранением и передачей исходного языкового сообщения читателю должно оставаться первостепенной переводческой задачей.

Список использованных источников

1. Baker M., Saldanha G. Routledge encyclopedia of translation studies (2nd ed.). L. and N.Y.: Routledge, 2008.
2. Bayar M. To mean or not to mean. Kadmos Cultural Foundation. Damascus: Khatawat for Publishing and Distribution, 2007.

3. Dordevic J. Equivalence and the cogno-ultural dimension in scientific, professional and official translations // *Facta Universitatis, S. Linguistics and Literature*, Vol. 8, No 1, 2010.
4. Jia H. Roman Jakobson's triadic division of translation revisited // *Chinese Semiotic Studies* 13(1). – 2017. – pp. 31-46.
5. Munday J. *Introducing translation studies: theories and applications*. N.Y.: Routledge, Taylor and Francis Group, 2016.
6. Nida E. A., Taber C. R. *The theory and practice of translation*. Leiden: Brill, 2015.
7. Pym A. *Vinay and Darbelnet and the politics of translation solutions*. Montreal: Concordia University, 2014.
8. Steiner E. *Exploring translation and multilingual text production: beyond content*. Berlin: Walter de Gruyter, 2015.

УДК 811

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ: КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

М. О. Надеина,

Ростовский торгово-экономический колледж, Ростов-на-Дону

Аннотация. В данной статье рассматривается один из новых и достаточно успешных способов изучения иностранного языка для студентов неязыковых специальностей СПО. Отмечается актуальность этой методики, формируется более привлекательный способ для освоения профессиональных иноязычных компетенций обучающихся. Отмечаются инновации, принесенные ею в образовательный процесс.

Ключевые слова: СПО, английский язык, визуализация, практика, колледж.

Summary. This article discusses one of the new and fairly successful ways of learning a foreign language for students of non-linguistic specialties of vocational education. The relevance of this technique is noted, a more attractive way is being developed for the development of students' professional foreign language competencies. The innovations brought by it to educational process are marked.

Key words: Secondary vocational education (SVE), English, visualization, practice, college.

Визуализация или мысленное представление, относится к способности мозга видеть предметы в образах. Визуализация является самым мощным инструментом добровольного внушения, которое известно на сегодняшний день. Мозг не может отличить представляемые события от реальных. Для него представляемые в разуме события являются реальностью. Это процесс представления элементов реальности в виде изображения для максимального удобства их понимания; придание

визуальной формы любому субъекту, объекту, процессу, который существует в мысленном представлении; механическое вызывание образа; создание четких, устойчивых и ярких образов любой сложности и специфики (как реально существующих, так и созданных в сознании автора) при помощи технических устройств или мыслительных образов непосредственно в своем уме, что является мысленной визуализацией [1, с. 17].

В данной статье рассматривается одна из методик успешного преподавания иностранного языка – визуализация. Эксперимент преподавания проводился на студентах СПО специальностей 43.02.01 «Организация обслуживания в общественном питании», 38.02.01 «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)». Данные специальности являются неязыковыми. Основной проблемой преподавания является то, что студенты имеют низкий уровень знаний иностранного языка при поступлении в колледж. Во время обучения студентам необходимо уяснить общеобразовательные и профессиональные компетенции своей будущей специальности. Дисциплину «Английский язык в сфере профессиональной коммуникации» студенты начинают изучать со 2 курса обучения, закончив общеобразовательный цикл. Главная цель преподавателя – донести до студентов иноязычные компетенции. Преподавание может быть в различных формах: ролевые игры, монологическая и диалогическая речь, синхронный и письменный перевод, аудирование и тд. Наибольший успех преподавания иностранного языка, вызывает практическое применение изучение иноязычных компетенций. Например: специальность 43.02.01 «Организация обслуживания в общественном питании» требует от студента знания и умения общаться на иностранном языке. Для большего усвоения знаний, студентам предлагается изучение профессиональной лексики и ее отработка на практике.

Для большего интереса и мотивации к изучению, студентам предлагается ролевая игра с элементами визуализации. Заранее студентам выдается блок профессиональных терминов, с которыми нужно ознакомиться и выучить наизусть. Для большего запоминания и закрепления, обучающимся студентам, предлагается отработать иноязычные компетенции на практике.

Для каждого блока иноязычной компетенции, были подобраны практические упражнения, на закрепление ранее полученных знаний. Студенты изучали тему: «Предметы сервировки». Им выдавался Visual Dictionary (Визуальный словарь), где на каждое понятие прикреплялась соответствующая картинка. Во время обучения, у студентов появлялась визуальная связь «понятие-картинка» и наоборот. После теоретического изучения, переходили к практике, а именно:

Упражнение 1: обучающийся должен расставить предметы сервировки, озвучив каждый предмет на иностранном языке, параллельно выполняя сервировку стола.

Подобные упражнения благоприятно влияют на обучающегося и включает в себя:

- закрепления знаний, умений обучающегося;
- развитие иноязычных компетенций;
- отработка монологической и диалогической речи;
- практическое закрепление знаний общеобразовательной дисциплины «Иностранный язык» и профессиональных модулей;

Как правило, после подобных упражнений у будущих специалистов появляется мотивация изучения иностранного языка, улучшается концентрация внимания.

Каждую тему абсолютно любой специальности можно связать с визуализацией. Когда студент выполняет различные практические упражнения, применяя ранее полученные знания, связывая их с практическим применением (см. *упражнение 1*), полученные знания усваиваются намного лучше.

Специальность 38.02.01 «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)» включает в себя изучение различных тем иностранного языка, которые направлены на изучение профессиональных иноязычных компетенций. Профессиональный иностранный язык «бухгалтеров» достаточно сложен для восприятия. Чтобы закрепить полученные знания, нужна постоянная практика. Обратившись к визуализации, мною были предложены различные упражнения на отработку полученных знаний.

Упражнение 2: Студентам выдается список терминов по теме *Μονοπόλυ* (Монополия), на каждый термин, нужно придумать свой собственный пример. После представления описания термина, нужно зарисовать рисунок к каждому термину.

Это упражнение хорошо закрепляет ранее полученные знания, проводя невидимую параллель между «понятие-рисунок». Студент, видя свой собственный рисунок, автоматически будет вспоминать нужное слово к нему.

Упражнение 3: Стенгазета. Для отработки различных экономических тем, ситуаций, обучающимся предлагается графически изобразить ее (тему) на бумаге. Показывая схему, рисунок, студент поясняет его, тем самым запоминая лексику.

Подобные упражнения развивают монологическую речь студента, закрепляют полученные знания, развивают иноязычные компетенции.

Подводя итоги, можно отметить, что визуализация является одним из самых интересных и продуктивных способов изучения иностранного языка. Следует продолжить внедрять данный способ в учебный процесс СПО. Благодаря практическим играм, студенты повышают активность изучения иностранного языка, развивают профессиональные компетенции, соответствующие их будущей специальности. Именно при включении визуализации в процесс обучения, можно улучшить лексический и

грамматический уровень обучающихся. Чем лучше проработана наглядная информация для студентов, тем выше вероятность запоминания материала.

Список использованных источников:

1. Пятигор Т. В. Визуализация и ее использование в процессе обучения иностранному языку. Минск: Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка, 2015. 17с.

УДК 811.13

**СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АВТОРСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ
В РОМАНЕ «ВОКЗАЛ ПОТЕРЯННЫХ СНОВ» ЧАЙНЫ МЬЕВИЛЯ**

М. В. Норец,

*доктор филол. наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, Симферополь*

В. И. Цирульник,

*старший преподаватель, Крымский университет культуры, искусств и
туризма, Симферополь*

Аннотация. Исследование посвящено анализу способов перевода на русский язык авторских окказионализмов в романе Чайны Мьевиль «Вокзал потерянных снов», выполненном Г. Корчагиным и О. Акимовой в 2006 году. Также, в фокус научного интереса исследователей попадают способы перевода диалектов, созданных автором для межрасового общения в художественном мире.

Ключевые слова: Чайна Мьевиль, авторские окказионализмы, способы перевода, диалект.

Summary. The investigation is dedicated to the analysis of the ways of translation of the author's occasionalisms into Russian in the novel "Perdido street station" by China Tom Miéville, made by G. Korchagin and O. Akimova in 2006. Also, the subject of great interest is the way of translation of dialects created by the author for interracial communication inside the literary world.

Key words: China Miéville, author's occasionalisms, ways of translation, dialect.

На первый взгляд кажется, что сегодня англоязычная фантастика достаточно изучена, классика научной фантастики была неоднократно переиздана, а большинство авторов давно известны. Но неожиданно в литературе появляется новый писатель-фантаст – Чайна Мьевиль. Сам автор также принадлежит к группе авторов (newweird), которые называют себя «новыми странными». Они работают над тем, чтобы разнообразить литературу, внести в нее что-то новое и необычное для читателя, отойти от привычной всем фантастики.

Так как Чайна Мьевиль является социалистом, марксистом и специалистом по международному праву, очень часто в его произведениях можно наблюдать отражение политических взглядов. Автор создает

фантастические миры, где нередко описываются революции и забастовки. Именно в романе «Вокзал потерянных снов» Мьевиль наиболее детально воплотил всю свою безграничную фантазию и раскрыл читателю уникальный авторский стиль, который не обходится без метафор, авторских неологизмов и реалий.

В романе «Вокзал потерянных снов» рассказываются события, которые происходят в огромном городе-государстве Нью-Кробюзоне, в котором живут не только люди, и так находящиеся в меньшинстве, но и множество других фантастических существ.

Вокруг основной сюжетной линии разворачиваются захватывающие события – мафиозные и политические интриги, социальные вопросы, романтические отношения. Роман похож на сложное многоплановое произведение, знакомство с которым подобно изучению новой вселенной.

Все то, о чем пишет автор, каждая мелкая деталь невероятно важны, ни одна сюжетная линия не оказывается лишней, ни одно событие не происходит беспричинно. Постепенно Мьевиль вводит читателя в курс дела и погружает его в нереальный мир, знакомит его с жизнью в Нью-Кробюзоне. Автор с легкостью разворачивает перед читателем картину мира таким образом, что она становится очень реалистичной, понятной и логичной.

В результате, «Вокзал потерянных снов» оказывается не самым легким произведением для прочтения – сказывается и огромное количество информации, которую нужно усвоить читателю, и многоплановость, и отдельные шокирующие сцены – Мьевиль показывает и близость особей разных видов, и мир наркотиков, и еще многое другое, о чем предстоит узнать читателю.

«The dreamshit was a mass of brown, sticky pellets that smelt like very burnt sugar» [9].

«Сонная дурь представляла собой массу из клейких коричневых шариков, пахнущих, как жженный сахар» [7].

«Isaac felt briefly nauseous, then aflame with the most consuming and uncompromised ecstasy he had ever felt. After less than half a second the inhuman sensations spewed instantaneously out of him. He felt as if they left by his nose» [9].

«Айзек почувствовал короткий прилив тошноты, а затем его охватил самый всепоглощающий и устойчивый экстаз, какой он когда-либо испытывал. Менее чем через полсекунды эти нечеловеческие ощущения вырвались из него наружу. Ему показалось, будто они выходят через нос» [7].

Мир Мьевиля – это очень самобытный мир, где все легко, четко, естественно и последовательно выстроено, и объяснено самим автором. Автор создает такую атмосферу, при погружении в которую мы видим мир глазами героев, живущих в нем. Художественный мир подается через призму восприятия его жителей. В нем присутствует необычная атмосфера, причудливые персонажи, уникальность, а также что-то невероятное и

завораживающее, что притягивает и самого писателя. В этом мире Чайны Мьевиля есть и совершенно особенный персонаж, которым является сам город, и этот город – хранитель секретов и тайн, молчаливый наблюдатель, свидетель заговоров, преступлений, темных дел. В произведении автор уделяет особое место описанию города, наделяет его символизмом. По этим ярким описаниям можно представить себе Нью-Кробюзон, очутиться на его улицах, закоулках, железных дорогах вместе с его персонажами.

На первый взгляд может показаться, что перевод романов будет не такой яркий и колоритный как их оригинал, так как не будет такого обилия неологизмов, анаграмм, говорящих имен, которые создают атмосферу произведения. Но перед переводчиком стоит трудная задача перевести все эти средства не потеряв их смысл.

Языковые семантические универсалии обуславливают потенциальную возможность перевода художественного текста. А семантические расхождения, существующие между языками, нивелируются посредством языкового и ситуативного контекста. При этом, семантическая эквивалентность достигается между текстами в целом, а не между отдельными их элементами.

Параметры текста содержат различную потенциальную возможность при их переводе. При этом, рационально-информативное содержание передается в наибольшей степени по сравнению с другими параметрами. Чтобы перевод был адекватным необходимо в полной мере передать смысловое содержание оригинала и воспроизвести его прагматичный потенциал. Поэтому переводчик постоянно должен вносить в текст перевода изменения, учитывая все экстралингвистические факторы.

Исследование посвящено сравнению оригинала фантастического романа Чайны Мьевиля «Perdido street station» с переводом на русский язык, выполненным Г. Корчагиным и О. Акимовой («Вокзал потерянных снов») в 2006 году.

Очевидно, что любая фантастика характеризуется изображением альтернативных миров, отличающихся от реальных, которые наполнены реалиями, несуществующими в обычной жизни.

Естественно, это влечёт за собой создание автором текста новых понятий – новых лексических единиц. Подобные авторские окказионализмы не имеют соответствий в языке перевода. Обязанность переводчика найти существующее соответствие в лексическом корпусе языка или создавать свой авторский «окказионализм».

Оба переводчика передают имена собственные с помощью транскрипции и транслитерации. Выбор способов перевода продиктован представленными в тексте фонетическими окказионализмами.

Например, рассмотрим перевод личных имен:

Isaac Dander Grimnebulin – Айзек Дэн дер Гримнебулин; Vermishank – Вермишенк; Lin–Лин; Sil–Сил; David Serachin– Дэвид Серачин; Lublamai

Dadscatt–Лубламай Дэдскэтт; Gazid–Газид; Mr. Motley–Господин Попурри; Yagharek– Ягарек; Teafortwo – Чай–для–Двоих; Lemuel – Лемюэль; Cornfed – Корнфед; Thighs Growing – Растущий Стебель; Derkhan – Дерхан.

Мы видим, что при переводе имен собственных переводчики использовали способ транслитерации, что не вызвало у них затруднений. Большой интерес представляет имя «Teafortwo» – «Чай–для–двоих». Данный окказионализм Мьевиль образовал путем словосложения и использовал в контексте как имя собственное. Здесь можно выделить три компонента: tea – чай, for – для, two – два. В переводе окказионализм образуется также, как и в оригинале и переведен с помощью калькирования.

В романе Чайна Мьевиль употребляет много реалий, к которым относятся географические названия, названия рек, сел, улиц, которые тоже переведены с помощью транслитерации и транскрибирования.

New Crobuzon – Нью-Кробюзон; Aspic Hole – Пряная долина; Food stalls – Съестные ряды; Howl Barrow – Шумные холмы; Shadrach Street – Седрахская улица; Selchit Pass – Селчитский бульвар; Barrackham village – Барачное село.

Название «Aspic Hole» состоит из двух существительных в английском языке – aspic и hole, которые переводятся как «заливное (блюдо)» и «дыра» [4]. Переводчик использовал адъективизацию, сделав из существительного aspic (заливное) прилагательное «пряный». Далее переводчик использовал замену, переведя «hole» как «долина» [4].

В оригинале Howl Barrow (Шумные холмы) представляет собой сочетание существительного howl, которое означает «рев, завывание» и существительного barrow (гора, холм). Переводчик снова прибегает к адъективизации, предлагая вариант «Шумные холмы»[2].

Кроме географических названий и имен собственных в романе присутствуют и другие авторские новообразования. Например, автор использует окказионализмы для замены названий дней недели или месяцев года.

Melluary – меллуарий; Dustday – пыледельник; Fishday – пяльница.

Так как калькированию подвергаются в основном сложные слова, состоящие из двух слов, то переводчики использовали именно этот способ при переводе слов dustday и fishday, в отличие от первого, которое было переведено с помощью транскрибирования. Слово dustday состоит из «dust» и «day», которые означают «пыль» и «день» [3]. Также, и в случае со словом fishday, которое состоит из fish (рыба) и day (день). Из-за отсутствия аналогов в переводимом языке переводчики сохранили уникальность и создали свои собственные окказионализмы, такие как «пыледельник» и «пяльница».

В «Вокзале потерянных снов» очень много авторских окказионализмов, которые Мьевиль создал для названия фантастических

существ и выдуманных рас: refflick–рефклик, khepri – хепри, chimerist – химерист.

Приведенные выше окказионализмы представляют собой названия выдуманных существ. Уже сами эти названия создают в романе образы героев, которые читатель может детально представить в своем воображении. Проблему перевода данных окказионализмов переводчики решили следующим образом: они использовали метод транскрибирования, передав фонетическую форму слов. Sactus – people – люди – кактусы, birdman – человек – птица, hotchi – хотчи.

Также интересным для рассмотрения может показаться перевод выдуманных автором диалектов, для перевода которых переводчик использовал метод транслитерации:

«...New Crobuzon was a dialect; hotchi; Fellid vodyanoi and Southern vodyanoi; high khepri...» [9].

«...Нью-кробюзонский диалект; хотчи; феллид и южно-водяной; верхне хеприйский...» [7].

В романе также встречаются окказионализмы, означающие названия оружия, которое используют персонажи, например: handlinger, переведенный как рукохват, состоит из двух частей hand, что означает существительное «рука» и linger, что означает глагол «медлить, тянуть, задерживаться». Как мы видим переводчики частично использовали калькирование, а затем дополнили его корнем «хват» образованного от глагола «хватать», создав тем самым свой окказионализм.

Так произошло и в случае с окказионализмом stingbox, который перевели как «жаломет», несмотря на то, что слово «box» переводится на русский как «коробка» [1].

Промежуточный анализ свидетельствует о богатстве языка романа Ч. Мьевиля, с обязательным присутствием «лёгких» для восприятия неологизмов и имён собственных.

В романе Чайны Мьевиля большая часть окказионализмов относится к фонетическому типу, что обуславливает применение транскрипции и транслитерации при переводе. Текст романа изобилует также словообразовательными окказионализмами. Анализ корреляции моделей словообразования окказионализмов в оригинальном тексте и в тексте перевода свидетельствует об использовании как перевода окказионализма, образованного идентичным способом, так и перевода окказионализма, образованного другим способом.

Часто используются такие способы образования окказионализмов, как сращение, словосложение и аффиксация. Это можно наблюдать как в оригинальном произведении, так и в переводе. Так как большинство окказионализмов являются сложными словами, переводчики часто используют при переводе калькирование.

Так как фонетический и словообразовательный тип является превалирующим в образовании окказионализмов, переводчики руководствовались соответствующими способами их передачи.

Таким образом, в ходе анализа мы пришли к выводу, что факторы, оказывающие влияние на художественную интерпретацию и перевод в произведении Ч. Мьевеля занимают следующие позиции: структура слова, контекст и фоновые знания.

Список использованных источников

1. Longman Dictionary of Contemporary English. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com>
2. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>
3. Mieville C. Perdido street station. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=80555>
4. Oxford Advanced Learners Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>
5. Зеленцова М. Г., Шило С. А. Окказиональное преобразование фразеологических единиц при переводе (на материале романа А. Кристи «Смерть на Ниле») // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы I международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 143–148.
6. Касапская А. Г., Шевчук-Черногородова М. А. Специфика перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. 2018. С.244–248.
7. Мьевиль Ч. Вокзал потерянных снов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knijku.ru/books/vokzal-poteryannyh-snov>
8. Норец М. В., Сёмченко Р. А. Авторские неологизмы в художественном тексте: способы образования и особенности перевода (на примере произведения Чака Паланика «Колыбельная») // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. С. 420–424.
9. Словарь Лингво [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvo.ua/ru>
10. Чемезова Е. Р. Антономасия в произведениях Ч. Паланика: интерпретация и перевод // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 617–622.

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АББРЕВИАТУР
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
НА МАТЕРИАЛЕ ПРИРОДООХРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ**

Т. М. Норец,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Института иностранной филологии
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

А. А. Байракова,

*аспирант кафедры геоэкологии факультета географии, геоэкологии
и туризма Таврической академии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается происхождение понятия «аббревиатура» и истоки появления первых сокращений. Излагаются причины, которые способствовали появлению и распространению аббревиатур. Упоминаются литературные источники, посвященные вопросам аббревиации. В статье рассматриваются основные типы аббревиатур – усечение, словослияние и сокращение слов и словосочетаний. Приводятся примеры употребления во французском языке этих типов сокращений в докладах Международного союза по охране природы и Продовольственной сельскохозяйственной организации ООН. Освящаются особенности перевода сокращений слов и словосочетаний с французского на русский язык. Выделяются тематические группы аббревиатур. При проведении исследования использовались следующие методы: теоретический анализ и синтез, сравнение, описательный метод, сопоставительный метод, метод сплошной выборки.

Ключевые слова: аббревиатура, внутрilingвальный фактор, перевод, словообразование, словослияние, словосочетание, сокращение, усечение, экстралингвальный фактор.

Summary: The article discusses the origin of the concept of "abbreviation" and the origins of the origin of the first abbreviations. A brief historical sketch of the appearance and use of abbreviations is made. A small review of literature and linguists dealing with abbreviations is done. The article discusses the main types of abbreviations - truncation, word mix and abbreviation of words and phrases. Examples of the using of these types of abbreviations in the reports of the International Union for Conservation of Nature and the Food and Agriculture of Organization of the United Nations are given too. The features of the translation of abbreviations of words and phrases from French into Russian are consecrated. During working on the article, some methods were used: theoretical analysis and synthesis, observation, description, comparison.

Keywords: abbreviation, translation, vocabulary, reduction, truncation, word combination.

В условиях современной жизни необходимость экономии речевых усилий имеет важное значение для языка и речи. Аббревиатуры позволяют помещать в ограниченный объем текста значительный объем информации, что в свою очередь дает возможность передать собеседнику большое количество знаний, при этом не затрачивая много усилий и времени [2, с. 199].

Кроме экономии речевых средств и времени, процесс аббревиации является одним из важнейших способов словообразования и непосредственно образования неологизмов. Неологизмы, образованные этим способом, постепенно замещают первичные номинативные единицы и активно регистрируются в словарях [5].

Предметом анализа в настоящей статье стало употребление сокращений в докладах UICN (Union Internationale pour la conservation de la nature – МСОП (Международный союз по охране природы) и FAO (Organisation des Nations Unies pour l'alimentation et l'agriculture) – ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН).

Понятия «аббревиатура» и «аббревиация» происходят от латинского слова «brevis» – краткий [цит. по: 4, с. 37].

Вопросы аббревиации рассматривались различными лингвистами, как отечественными, так и зарубежными. Значительный вклад в развитие теории аббревиации внесли работы, выполненные на основе различных европейских языков: английского (G. Stern, H. Marchand, K. Sunden, M. M. Сегаль, Е. П. Волошин и др.), немецкого (G. Bellmann, A. Buchner; К. В. Манерова и др.), французского (A. Cappelli, К. Н. Редозубов, А. П. Шаповалова и др.), представлены различные классификации аббревиатур (H. Marchand, M. Schlauch, С. Шадыко, Л. П. Нелюбин, А. Д. Краев, В. И. Солопов, Е. Н. Ожогин, Ю. Г. Кочарян, О. С. Баринава, М. Д. Жигалова и др.) [1, с. 187].

Таким образом, в отечественной и зарубежной литературе языковеды выделяют экстралингвальные и внутрилингвальные факторы, способствующие образованию аббревиатур. Среди внутрилингвальных факторов В. В. Борисов, например, выделяет общность языковых навыков говорящих, контекст, языковую привычку, частоту употребления в речи и «стереотипность» производящей единицы [1, с. 188]. Ускоренный темп жизни современного общества, как один из экстралингвальных факторов, и его результат сохранение языковых усилий привел к так называемому «аббревиатурному взрыву» [6].

Так как особую популярность употребление сокращений получило в XX столетии, этот процесс остается достаточно частотным и в начале XXI века. Следует различать: 1) сокращение слов при помощи усечений (truncation) – морфологический способ словообразования, 2) сокращение

словосочетаний (*siglaison*), результатом которого являются инициальные сложносокращенные слова, и 3) словослияние (*télescopage*) – морфологосинтаксический способ словообразования [1, 3, 9, 10].

По результатам исследования текстовых документов, были сделаны следующие выводы:

1. К такому типу аббревиации, как усечение, относятся преимущественно многосложные слова в основном при их широком употреблении в разговорной речи: *un habitat – une habitation, une géo – une géographie*. Это обусловлено стремлением французского языка к значительному сокращению и редукции слов.

2. Достаточно редко в текстах рассматриваемых докладов встречаются два типа усечения слов: усечение конечных слогов – апокопа: *un laboratoire – un labo*. Усеченные слова могут оканчиваться на гласный (*une météo, une sécheresse – une sèche*) и на согласный (*un mont – une montagne*) [9]. Значительно менее активен другой тип усечения – усечение начальных слогов – афреза: *municipal – cipal*.

3. Буквенные аббревиатуры достаточно популярны и наиболее часто встречаются в тексте анализируемых материалов: AIE – Agence internationale de l'énergie, OMS Organisation mondiale de la Santé, RRC – réduction des risques de catastrophe, PFNL – produits forestiers non ligneux, SPM – site du patrimoine mondial, UICN – Union internationale pour la conservation de la nature; REDD – Réduction des émissions causées par le déboisement et la dégradation des forêts аббревиатуры, которые имеют международное общеупотребляемое название UNESCO – Organisation des Nations Unies pour l'éducation, la science et la culture, FAO – Organisation pour l'alimentation et l'agriculture, UNEP – Programme des Nations Unies pour l'environnement (PNUE), ONU-HABITAT Programme des Nations Unies pour les établissements humains. При их переводе используются соответствующие в русском языке аббревиатуры (AIE – Agence internationale de l'énergie / МЭА—Международное энергетическое агентство, ONUDI Organisation des Nations Unies pour le développement industriel / ООН по промышленному развитию, OMT – Organisation mondiale du tourisme / ВТО – Всемирная организация по туризму, REDD + – Réduction des émissions causées par le déboisement et la dégradation des forêts / СВОДЛ-ПЛИОС – Программы сокращения выбросов, обусловленных обезлесением и деградацией лесов.

Приемы перевода сокращений – транслитерация (UNESCO – ЮНЕСКО, FAO – ФАО, UNEP – ЮНЕП, SEDAPAL services d'approvisionnement en eau et d'évacuation des eaux usées de Lima (Pérou) / СЕДАПАЛ службы водоснабжения и канализации Лимы (Перу)), FECOFUN Federation of Community Forest User Groups Nepal / ФЕКОФУН – Федерация общинных групп пользователей лесов Непала, ICRAF Centre mondial d'agroforesterie / ИКРАФ Всемирный центр агролесоводства [9]. И развернутый перевод на русский язык (образование русской аббревиатуры),

(FNL – produits forestiers non ligneux / НДЛП – не древесная лесная продукция, FIDA – Fonds international de développement agricole / МФСР – Международный фонд сельскохозяйственного развития [11].

4. Словослияние – это способ, при котором соединяются части слов или часть одного слова с целым словом для образования единого слова. Такой тип сокращений получил значительное распространение в языке: *écosystème* = *écologique* + *système*; *biodiversité* = *diversité* + *biologique*; *écorégion* = *écologique* + *region*, *biogéographique* = *biologique* + *géographique*; *biomasse* = *biologique* + *masse*; *agroforesterie* = *agronomique* + *foresterie*; *arboriculteur* = *arboricole* + *culteur* [10]; *écotourisme* = *écologique* + *tourisme*; *biophysique* = *biologique*+*physique*; *horticulture* = *horticole*+*culture* [11]; *hydrographique* = *hydrologique* + *graphique*; *intergouvernementale* = *international* + *gouvernementale*; *socioculturelle* = *social* + *culturelle* [10].

Сокращения разных типов с той или иной частотой встречаются в документах природоохранных организаций. Наиболее часто употребляется такой тип сокращений, как буквенные сокращения слов. В ходе исследования было обнаружено тридцать семь слов, образованных этим способом. Это объясняется тем, что в исследуемом тексте присутствуют названия различных природоохранных организаций, принятых соглашений, программ, которые удобнее употреблять в сокращенном виде. По итогам исследования были сделаны выводы о большом количестве сокращений, которые не переводятся на русский язык. Это, чаще всего, сокращенные названия международных организаций. Кроме того, в текстах анализируемых документов, было отмечено достаточно частое использование аббревиатур, образованных посредством телескопии – тринадцать слов, периодически, повторяющихся в тексте. Причиной употребления этого типа сокращений является потребность в использовании терминов из разных отраслей знаний, которые объединены в одно слово. Таким образом, этот тип сокращений позволяет подобрать определение новым междисциплинарным понятиям. Усечения как тип сокращения в анализируемых документах употребляются крайне редко. В текстах изучаемых докладов было зафиксировано семь слов, образованных таким способом. Среди них можно выделить единичные случаи употребления апокопы.

Список использованных источников

1. Блох М. Я., Сергеева Т. С. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков [Электронный ресурс] Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 186–199. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/abbreviatsiya-kak-produktivnyy-sposob-slovoobrazovaniya-v-istorii-evropeyskih-yazykov>. (Дата обращения: 22.12.2018).
2. Галлямова Н. С., Кленовая Н. В. Приемы перевода при работе с аббревиатурами в рамках делового письма [Электронный ресурс] // Вестник

КГУ им. Н.А. Некрасова № 2, 2016. С. 199–201. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_25939102_67260415.pdf f. (Дата обращения: 30.11.2018).

3. Козельская Е. А. Частные проблемы преподавания перевода: передача сокращений с французского языка на русский. [Электронный ресурс] Проблемы современной лингводидактики, Смоленск. 2016. С. 39-43 Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_27634138_23898751.pdf. (Дата обращения: 02.12.2018).

4. Касапская А.Г., Шевчук-Черногородова М.А. Специфика перевода фразеологизмов с компонентом-зоонимом // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 244-248.

5. Махмудова Н. К. Причины образования аббревиаций в различных языках [Электронный ресурс] // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2(15) С. 58–60. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/prichiny-obrazovaniya-abbreviatsiy-v-razlichnyh-yazykah> (Дата обращения: 22.12.2018).

6. Норец Т. М., Дмитриева Е. Н. Аббревиация как одна из характерных черт французской прессы // Переводческий дискурс. Материалы II международной научно-практической конференции. Симферополь: ИТ Ариал, 2017. С. 305–308.

7. Серебренников Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. [Текст]. Москва: Наука, 1970. 602 с.

8. Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений. [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 174-179. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_19034660_16161630.pdf (Дата обращения: 02.12.2018).

9. Цыбова И. А. Словообразование в современном французском языке. М.: Высш. шк., 2008. 128 с.

1. Davies J., Poulsen L., Schulte-Herbrüggen B., Mackinnon K., Crawhall N., Henwood W.D., Dudley N., Smith, J. et Gudka M. Conservation de la biodiversité des zones arides. UICN, PNUE-WCMC et CNULCD, [Электронный ресурс] Union Internationale pour la conservation de la nature: [офиц. web-сайт]. – Режим доступа: <https://portals.iucn.org/library/dir/publications-list>. (Дата обращения: 15.11.2018).

2. Directives relatives à la planification et à la gestion des espèces envahissantes dans les îles. Cambridge, Royaume-Uni et Gland, Suisse: UICN. [Электронный ресурс] // Union Internationale pour la conservation de la nature: [офиц. web-сайт]. Режим доступа: <https://portals.iucn.org/library/dir/publications-list>. (Дата обращения: 15.11.2018).

3. FAO. 2018. La situation des forêts du monde 2018. Les forêts au service du développement durable. Rome. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.

[Электронный ресурс]. // Organisation des Nations Unies pour l'alimentation et l'agriculture: [офиц. веб-сайт]. – Режим доступа: [http://www.fao.org/publications/en/?page=1&ipp=4&tx_dynalist_pi1\[par\]=YToxOntzOjE6IkwiO3M6MT0iMCI7fQ==](http://www.fao.org/publications/en/?page=1&ipp=4&tx_dynalist_pi1[par]=YToxOntzOjE6IkwiO3M6MT0iMCI7fQ==). (Дата обращения: 15.11.2018).

УДК 811.12

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ ВЫСТУПЛЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИКОВ

Т. М. Норец,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

В. А. Воробьева,

магистрант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Целью представленной статьи является изучение просодических характеристик современного французского языка на материале речей известных политиков. Для реализации поставленной цели были использованы такие методы, как теоретический анализ лингвистической литературы, аналитический метод, наблюдение, сравнение и описание. В ходе исследования были выделены и классифицированы характерные просодемы: паузы и тон. Анализ практической базы позволяет сделать вывод о высокой частотности употребления физиологических, логических, ситуативных и хезитационных пауз, которые выражаются не только непосредственно прерыванием речевого потока, но и удлинением конечных слогов, повтором служебных слов и «паузами замещения», которые проявляются звуками /œ/, /ø/, /m/.

Ключевые слова: суперсегментные фонетические единицы, просодема, пауза, тон, речевой поток.

Summary. The purpose of this article is to study prosodic features in modern French on the material of speeches by famous politicians. To achieve this purpose, such methods as theoretical analysis of linguistic literature, analytical method, observation, comparison and description were used. During the research specific prosodemes as tone and pause were distinguished and classified. The analysis of the practical base permits to conclude that there are a lot of physiological, logical, situational and pauses of hesitation in the speech, which are expressed not only as an interrupted speech stream, but as lengthening of end syllables, repetition of prepositions and conjunctions, and «pauses of substitution» which are manifest as sounds /œ/, /ø/, /m/.

Key words: super-segment units, prosodeme, pause, tone, speech stream.

Звуковой поток французского языка, как и любого другого, образуют сегментные и суперсегментные единицы. К сегментным, или как их ещё называют – линейным, относятся отрезки, сегменты непрерывно звучащего речевого потока. Среди них выделяют следующие фонетические единицы: фраза, синтагма (речевой такт), фонетическое слово, слог и звук.

Просодическая фонология (или суперсегментная (сверхсегментная) фонология, просодика) изучает различительные средства нелинейных элементов, которые не являются отрезками, сегментами речевого потока и, следовательно, не могут существовать отдельно от сегментных единиц. Просодическими единицами являются ударение (словесное и фразовое), тон, долгота, пауза, темп, тембр, мелодия, средства реализации слога (усиление и примыкание слогов, вершина слога). Эти суперсегментные единицы называются просодемами. Однако, в современной лингвистике не существует единого мнения о том, что следует считать просодией и её составляющими.

Термин «просодия» трактуется учёными довольно широко. Лингвисты Н. С. Трубецкой и Е. И. Григорьев придерживаются мнения, что просодия – это совокупность суперсегментных характеристик, то есть динамических, высотных и временных изменений, характеризующих непрерывный речевой поток (слог, фонетическое слово, фразу) [3, 11].

Французский языковед Жюль Марузо определяет просодию как «...совокупность просодических характеристик этого языка, т.е. звуковых (динамических, мелодических, количественных и т.д.) элементов, характеризующих тот или иной отрезок речевого потока» [11].

В работе Т. М. Надеиной, вслед за Л. В. Бондаренко просодические характеристики речевого потока подразделяются на четыре основные группы в зависимости от того акустического параметра, с которым они коррелируют:

1. тональные просодические характеристики,
2. темпоральные просодические характеристики,
3. динамические просодические характеристики,
4. фонационные просодические [5, с. 14].

Таким образом, речевой поток может быть описан как совокупность особенностей тона, длительности, интенсивности и фонации говорящего соответственно.

Звучащая речь характеризуется комплексом названных просодических характеристик и средств, которые и определяют ее просодическую организацию. Следовательно, просодическая организация речи – это комплекс ее тональных, темпоральных, динамических и фонационных просодических характеристик и средств.

Как отмечает Н. Д. Светозарова, для просодических характеристик, которые функционируют на уровне слога и слова, используют термины тон

и ударение. Тон и ударение представляют собой отдельные просодические подсистемы, со своими особенными функциями [8; с. 502].

Таким образом, если в фонетическом аспекте изучается непосредственно материальная составляющая звуков, то в фонологическом аспекте исследуется их различительная функция в процессе общения. Объекты исследования сегментной и суперсегментной фонологии хотя и различны, но тесно взаимосвязаны, так как характеризуют различительные возможности звуковых средств языка. Именно поэтому исследование просодии неразрывно связано с дискурсологией. Таким образом изучение просодических характеристик выступлений французских политиков представляет собой наиболее показательный материал для исследования.

Главная отличительная черта политического дискурса – это способность воздействовать на чувства слушателей, вызывать у них эмоции, пропагандировать какие-либо идеи и призывать к действию. Следовательно, речь политиков должна быть чрезвычайно эмоциональной и выразительной. Именно эмоциональная функция, по мнению Л. Р. Зиндера, является одной из значимых функций просодии, и она противопоставлена коммуникативной, под которой подразумевается связь просодии со смысловой и синтаксической упорядоченностью предложения [4]. Наиболее выразительными единицами являются тон и пауза.

Настоящая статья посвящена анализу выступления французских политиков на предмет функционирования в речевом потоке таких просодических характеристик, как тон и пауза. Поэтому прежде чем непосредственно приступить к исследованию, следует выделить их основные маркеры.

Описывая мелодическую структуру высказывания, исследователи оперируют порой выражениями восходящий или нисходящий тон, наряду с выражением восходящая либо нисходящая интонация (мелодика). Фонетисты связывают нисходящий тон с реализацией определенности, надежности, завершенности. «*Bon et bien moi je suis la candidate du peuple, je suis la candidate de la France telle que nous l'aimons, de sa culture, de sa civilisation, de son unité*» (Marine Le Pen). «*C'est l'esprit de défaite dans la lutte contre le terrorisme*» (Emmanuel Macron). Восходящий тон, напротив, ассоциируется с неопределенностью, неточностью утверждения, неполной уверенностью. Интеррогативный тон служит кроме прочего для выражения вежливого характера общения. «*Monsieur Macron est le candidat de la mondialisation sauvage, de l'ubérisation, de la précarité, de la brutalité sociale, de la guerre du tous contre tous, du saccage économique, notamment de nos grands groupes, du dépeçage de la France par les grands intérêts économiques, du communautarisme...*» (Marine Le Pen). «*Oui, cherchez dans vos dossiers*» (Emmanuel Macron) [12].

Процесс коммуникативного взаимодействия подразумевает не только непрерывность речевого потока, но и его членение, которое осуществляется

различными фонетическими средствами, главным из которых считается пауза. Паузация определяется лингвистами как феномен, который служит для сегментации речевого континуума на смысловые единицы. Она является частью внутренней ритмической структуры и связана с темпом речи.

Причины возникновения пауз в речевом потоке различны. Говорящий может прерываться чтобы сделать вдох, найти подходящее слово, спланировать содержание высказывания, структурировать свою речь, подчеркнуть важную информацию, привлечь внимание к вопросу или чтобы воздействовать на аудиторию, демонстрируя свою уверенность. В связи с различной природой возникновения в речи пауз, выделяют следующие их виды:

- физиологические паузы, связанные с недостатком воздуха в легких «*Mais c'est formidable, moi || je vous écoute parler de tout || et de rien*» (Emmanuel Macron),
- индивидуальные, вызванные особенностями дикции оратора, например, заикание,
- грамматические, передающие синтаксическую упорядоченность текста «*Oui, || on y reviendra*» (Emmanuel Macron),
- логические, служащие для разделение речевого потока на смысловые отрезки «*C'est triste || pour vous ||, car ça montre || votre || impréparation à nos concitoyens*» (Emmanuel Macron),
- хезитационные, так называемые паузы обдумывания «*Vous pouvez aller || remuer les choses*» (Emmanuel Macron),
- ситуативные «*C'est || fra || tri || cide*» (Marine Le Pen),
- эмоциональные «*Moi || je veux que || les négociations || aient lieu par branche*» (Marine Le Pen) [12].

Всё вышесказанное можно подкрепить примерами из речей кандидатов в президенты Франции Марин Ле Пен и Эмманюэля Макрона в рамках теледебатов, прошедших 3 мая 2017 года. Вступительная речь Марин Ле Пен состоит из длинных повествовательных предложений, что значительно повышает частотность употребления физиологических, логических и хезитационных пауз, которые выражаются не только непосредственно прерыванием речевого потока, но и удлинением конечных слогов, повтором служебных слов и «паузами замещения», которые проявляются звуками /œ/, /ø/, /m/. Что касается тона, то его можно охарактеризовать как восходящий.

«...*Ecoutez, || je suis || extrêmement heureuse || de la manière dont se déroule || ce second tour parce que la réalité c'est que || le choix politique que les Français || vont devoir faire est clair...*»

«...*Et puis, || somme toute, || les Français ont aussi pu voir || le vrai Macron || dans ce second tour, || la bienveillance || a fait place à la médisance, || la || stratégie marketing a été reprise en main par la machine du PS, || et puis || le*

sourire étudié se transforme en rictus au fur et à mesure || des meetings, || l'enfant chéri du système || et des élites || en réalité a tombé le masque...» [12].

Речь Эмманюэля Макрона построена иначе. Её основную часть составляют короткие отрывочные фразы, тон которых нисходящий. Широко функционируют грамматические, логические и эмоциональные паузы. Отдельно стоит подчеркнуть стремление говорящего привлечь внимание к таким словам как «я», «наш», «мы (французы)» при помощи длинных пауз и повторений этих слов.

« ...Ecoutez, || vous avez donc démontré || que vous n'êtes en tout cas pas || la candidate || de l'esprit de finesse, || de || la volonté d'un débat démocratique équilibré ouvert...»

« ...Face à cet esprit de défaite, || moi je porte l'esprit de conquête français. || Parce que la France a toujours réussi. || Et elle a toujours réussi dans le monde. || Parce qu'elle est au monde. || Sa langue, || elle se parle sur tous les continents, || son histoire, sa civilisation, || ce qui fait sa force, || c'est précisément qu'elle rayonne partout... » [12].

В ходе дебатов речь кандидатов меняется, однако общая тенденция сохраняется. Тон спонтанной речи непосредственно зависит от смыслового наполнения реплики говорящего и меняется от нисходящего к восходящему и наоборот. Значительно увеличивается количество хезитационных, физиологических и ситуативных пауз. Неподготовленная речь характеризуется общим увеличением небрежности интонирования, а также ускорением темпа речи, которое приводит к артикуляционным неточностям.

«...Alors || d'abord, || Mme || Le Pen || propose || de partir à soixante ans. || Donc elle proposait naguère || que || on puisse le faire || dès son élection, || maintenant elle a || reporté la chose. || Ça coûte trente milliards...» (Emmanuel Macron) [12].

«...Il faut que || les magistrats || reçoivent || un certain nombre d'instructions, || notamment || sur || la || suppression || de || le || retour des peines planchers, || par exemple, || sur || notamment || le renvoi || dans leur pays || des || étrangers condamnés, || parce que la double peine, || ça a été supprimé, || il y a un certain nombre d'années...» (Marine Le Pen) [12].

На основании изученного материала было подтверждено, что убеждение слушающего реализуется при помощи паузации и тона. Эти просодические характеристики проявляются в речевом потоке посредством физиологических, хезитационных, грамматических, логических, ситуативных и эмоциональных пауз, пауз замещения, повторения и удлинения конечных слогов, а также восходящим и нисходящим тоном. Частотность их употребления коррелирует со степенью подготовленности и эмоциональности речи и может служить методом психологического воздействия на окружающих. Следовательно, просодия является одним из ведущих средств в передаче социолингвистической информации в

спонтанной речи, а просодическая структура устного текста в чтении, пересказе и спонтанной речи выражает отличительные черты отдельно взятого индивида.

Список использованных источников

1. Выборнов Ю. Б. Основные аспекты перевода юридическо-правовой документации // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 77–81.
2. Гайдучик С. М. Просодическая система современного немецкого языка. Минск, 1972. 108 с.
3. Григорьев Е. И. Основы фонопрагматики немецкого языка: Монография / Е. И. Григорьев. Днепропетровск: Навчальна книга, 1997. 169 с.
4. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.
5. Костюченко Ю. В., Шевчук-Черногородова М. А. Специфические черты современного газетного заголовка на примере франкоязычной прессы // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 275-280.
6. Надеина Т. М. Фразовая просодия как фактор речевого воздействия: монография. М.: Моск. гос. Университет сервиса, 2003. 144 с.
7. Реформатский А. А. Фонологические этюды: Сборник. М.: Наука, 1975. 136 с.
8. Светозарова Н. Д. Некоторые проблемы терминологических соответствий в области просодики и интонации // Языкознание в теории и эксперимента: Сб. науч. Тр. М.: Изд-во «Пробел», 2000-2001. С. 500–509.
9. Торсуева И. Г. Интонация: Коллективная монография под ред. А. И. Чередниченко / И. Г. Торсуева, Е. А. Брызгунова, М. М. Гайдучик и др. Киев: Вища школа, 1978. 240 с.
10. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
11. Марузо Ж. Пятиязычный словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms-maruzo/fc/slovar-80-3.html> (дата обращения: 23.01.2019).
12. Débat de l'entre-deux-tours: Marine Le Pen - Emmanuel Macron / YouTube. – 2017. – 4 мая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=iOAbBdlWgz0> (дата обращения: 16.01.2019).

**АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМОЙ «ЗДОРОВЬЕ»
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Т. М. Норец,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь*

Т. С. Мацерук,

*магистрант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению фразеологических единиц с семой «здоровье» и их семантических особенностей во французском и русском языках. В ходе анализа выяснены сущность, функции, семантическое значение фразеологических моделей. Эти единицы часто употребляемы в обоих языках, т. к. способствуют более точному и лаконичному языковому выражению физического состояния человека.

Ключевые слова: фразеологическая единица, здоровье, сема, семантическая особенность, язык.

Summary. This article is dedicated to the study of the phraseological units with the seme «health» and to their semantic peculiarities in French and Russian languages. During the analysis the essence, functions, the semantic meaning of the phraseological models were found out. These units are often used in both languages because they help people to express their physical state more linguistically accurate and succinctly.

Key words: phraseological unit, health, seme, semantic peculiarity, language.

Фразеология как раздел языкознания утвердилась относительно недавно, однако начало ее становления восходит к самой ранней стадии развития языка. Исследования известных ученых доказывают, что фразеологические единицы возникают и развиваются вместе с языком. Они обогащают язык, являются одним из источников пополнения его словарного запаса. Уже в первых лексикографических работах, изданных во Франции, наряду со словами приводятся устойчивые словосочетания, многие из которых являются фразеологизмами в современном понимании [3, с. 35]. В отечественной лингвистике ученые А. Г. Назарян и В. Г. Гак в своих работах прослеживают, как фразеологические единицы объединяются с пословицами, поговорками, афоризмами, крылатыми изречениями и т. п. под одной рубрикой *proverbes*.

Данные единицы характеризуют жизненные процессы на языковом уровне. Они носят либо прескриптивный характер, либо указывают на действия, которые следует выполнить, советуют и судят, предостерегают и учат. Особый интерес представляет часть прецедентных текстов с темой «здоровье», поскольку эта категория является базовой частью самого существования человечества. Столь значимые категории широко распространены в языке, они наделены коммуникативным статусом, играют значительную роль в выполнении коммуникативных функций, обладают образной основой и характеризуются экспрессивностью и оценочностью.

В ходе исследования были поставлены определенные задачи, в соответствии с которыми были изучены семантические модели выражений, содержащие указание на название определенного органа человека, единицы, которые описывают общее состояние и окончание жизненного цикла. Физиологическое состояние человека признается важнейшим аспектом его жизни, и отсюда вытекает система приоритетов его поведения (соблюдение норм гигиены, здорового образа жизни). Народ передает свое отношение к здоровью посредством языка, однако в основном такие выражения описывают общее состояние здоровья. В значительно меньшей степени упоминаются названия конкретных органов. Это связано с тем, что людей гораздо чаще беспокоит общее недомогание, вялость, усталость, плохое самочувствие. Конкретные органы могут беспокоить людей только в определенный период времени, или при определенном движении, которое можно не совершать. Общая слабость мешает работе человеческого организма в полную силу, многим людям в такие моменты хочется быть менее активными.

Однако такое самочувствие может быть выражено не только с помощью фразеологических единиц, характеризующих общее состояние. Для описания здоровья используются как выражения с указанием на название определенного органа (*des yeux de lynx* – острое зрение, *avoir qch dans le ventre* – быть энергичным), так и единицы, указывающие на какие-либо предметы (*avoir/prendre de la bouteille* – стареть), представителей животного мира (*avoir un chat dans la gorge* – охрипнуть), объективно существующие предметы и предметы, созданные человеком (*tomber sur ses bottes* – быть очень уставшим), лекарства (*aux grands maux les grands remèdes* – для сильных болей – сильные средства) [5, с. 154]. Говорящему гораздо проще выразить свои чувства, эмоции и состояние здоровья через упоминание объективно существующих предметов, так как собеседнику легче его понять. Однако люди воспринимают все, что с ними происходит, субъективно. Каждый воспринимает окружающий мир по-своему, поэтому восприятие окружающих явлений и феноменов для каждого человека является индивидуальным. В этом смысле фразеологизмы стереотипизируют описание состояний и восприятие такой информации и эмоций слушателями.

Стоит принять во внимание не только то, что каждый видит мир индивидуально, но и то, что представители другого лингвокультурного сообщества могут по-разному переводить фразеологизмы о здоровье. Некоторые выражения мы можем перевести дословно и понимать их буквально, но некоторые имеют переносное значение. Например, выражение «*tomber dans les pommes* – упасть в обморок» по одной версии является народной аллитерацией выражения «*tomber dans les râteaux*» и относится к научному стилю. По созвучию «*râteaux*» превратилось в «*rommes*». По другой версии, выражение приписывается Жорж Санд, написавшей в 1830 году своей матери: «*Je suis un peu dans les pommes cuites*» [5, с. 780].

Характерной особенностью выражений со значением «здоровье» является присутствие в них несочетаемых сем. Такими являются выражения *avoir les jambes coupées* – не иметь сил, чтобы идти (досл. иметь отрубленные ноги); *avoir les jambes en coton, en pâté de foie* – еле держаться на ногах (досл. иметь ватные ноги, ноги из паштета) [5, с. 446]. Употребление таких единиц в речи помогает человеку как можно ярче выразить физические ощущения.

Приведенные данные являются результатом сплошной выборки из французско-русского фразеологического словаря. В результате применения данного метода было найдено 117 фразеологизмов с семой «здоровье», из которых 40 составляют фразеологизмы, характеризующие общее состояние здоровья человека, 18 – физическое состояние, 6 – психическое состояние, 5 фразеологизмов характеризуют лечение, 12 – состояние здоровья, связанное с возрастом, 2 – состояние здоровья головы, 8 – глаз, 1 – зубов, 1 – носа, 1 – шеи, 3 – легких, 4 – брюшной полости, 1 – рук, 1 – ног, 10 – характеризуют окончание жизненного цикла. Проведя статистический анализ семантических моделей, можно увидеть, что большинство выражений, рассмотренных в данной работе, касаются общего состояния здоровья человека. Это может быть связано с тем, что на протяжении многих веков у людей были проблемы с общим самочувствием из-за различных факторов. Эти ощущения необходимо было выразить, и для этого они использовали язык своего народа. Они сообщали о состоянии своего здоровья на экспрессивном уровне, старались в языке передать свои ощущения. Данные выражения сохранились и до наших дней, так как даже в наше время, несмотря на движение прогресса, у людей остались те же насущные проблемы, касающиеся здоровья. Их необходимо выразить посредством языка. Меньше всего найдено фразеологизмов, выражающих состояние отдельных органов, в особенности состояние шеи, носа, ног, рук и зубов. Это связано с тем, что на первый взгляд нельзя установить конкретную причину их заболевания. Зачастую это может сделать только специалист, квалифицированный врач. Конкретные части тела не так часто беспокоят людей, как общее недомогание, слабость и т. д.

Употребление фразеологических единиц в речи любого человека остается актуальным даже на сегодняшний день. На данном этапе в языке происходит тенденция к упрощению и экономии языковых средств. Представителям лингвокультурного сообщества гораздо проще выражать свои мысли в лаконичной форме.

Таким образом, фразеологизмы, пословицы и поговорки играют существенную роль в акте коммуникации. Они являются неотъемлемой частью фразеологической системы, которая позволяет обогатить речь говорящего, сделать ее более яркой и помогает лучше выразить эмоции. Владеть фразеологией иностранного языка – значит добиться высокой степени владения языком, так как фразеология является одним из наиболее сложных аспектов изучения языка.

Список использованных источников

1. Гак В. Г. Французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, И. А. Кунина, И. П. Лалаев: под ред. Я. И. Рецкера. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963.
2. Зеленцова М.Г., Шило С.А. Оказиональное преобразование фразеологических единиц при переводе (на материале романа а. Кристи "смерть на ниле") // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы I всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 143-148.
3. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1976.
4. Норец М.В, Любеева С.В. Особенность перевода фразеологизмов на материале романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста» /М.В. Норец, С.В. Любеева // Международная научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых», Грозный. – 2019. – С.
5. Alain Rey. Dictionnaire des expressions et locutions / Alain Rey, Chantreau S. – Paris: Les usuels, 1993.

УДК82.0 (091) + 811.133.1

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ СМЫСЛОВЫХ КОННОТАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ БАЙРОНА «ЧАЙЛЬД–ГАРОЛЬД»

Е. Э. Овчарова,

*кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассмотрена проблема передачи реалий при художественном переводе на основе анализа двух стрóf классического перевода В. Левика поэмы Байрона «Чайльд–Гарольд». В случае, когда речь идет о корифеях перевода, каким был Вильгельм Вениаминович Левик, представляет большой интерес изучение различий в мировосприятии и

опыте автора и переводчика. Качество художественного перевода определяется не только умением передать буквальный смысл текста. Очевидно, что не меньшую роль играют здесь и учет реалий эпохи его создания, а также системы образов автора и фактов его биографии. При недооценке роли этих факторов может произойти весьма существенная перемена смысла.

Ключевые слова. Художественный перевод, В. Левик, Байрон, «Чайльд–Гарольд», смысловые коннотации

Summary. The article deals with the problem of transfer of realities in literary translation based on the analysis of two stanzas of W. Levik's classical translation of "Childe Harold's Pilgrimage". It is of great interest to study the differences in the perception of the world and the experience of the author and translator in the case when we are talking about the luminaries of the translation. The quality of literary translation is determined not only by the ability to convey the literal meaning of the text. Obviously, the realities of the era of its creation as well as the system of images of the author and the facts of his biography play here a very important role. If the role of these factors is underestimated, a very significant change in meaning may occur.

Key words: literary translation, W. Levik, George Gordon Byron, semantic connotations.

Качество художественного перевода определяется не только умением передать буквальный смысл текста. Очевидно, что не меньшую роль играют здесь и учет реалий эпохи создания текста, а также системы образов автора и фактов его биографии. При недооценке роли этих факторов может произойти столь существенная перемена смысла, что даже виртуозное владение языком оригинала, равно как и родным языком, не всегда может исправить ситуацию. Данное положение проиллюстрировано ниже примером классического перевода В. Левика двух строф поэмы Байрона «Чайльд–Гарольд».

Отметим некоторые существенные для дальнейшего изложения моменты. Текст художественного произведения может быть сконструирован таким образом, что читатель имеет возможность как бы «увидеть» произошедшее и судить о нем на основании собственных представлений, а не на основании прямых описаний. В этом случае очевидно, что автор старается предугадать все ассоциации и аллюзии, которые должны возникнуть у читателя, для чего автор должен быть о них хорошо осведомлен. Иначе ожидаемого эффекта может не получиться (подробнее об этом см., например, [1]). Замена действия вербальным представлением видеоряда картин природы и окружающих событий, разница в пространственных точках зрения (если воспользоваться терминологией Б. Успенского [3]) между героями, рассказчиком и автором, использование дополнительного языка, связанного с явлениями природы – приемы, изначально свойственные поэтическому тексту. Здесь всегда

существовал особый язык, связанный с явлениями природы, например, растениями [1, 2]. Чтобы его понимать, надо быть хорошо осведомленным о литературной традиции; в Новое время литературное пространство стало общим, и этот язык был всем понятен.

Поэма Байрона в полной мере продолжает эту поэтическую традицию, но, несмотря на богатейший арсенал образов, сравнений и метафор, поэт не оставляет читателя в неопределенности. Трактовка образов должна быть предсказуема, поэтому они снабжаются должной и вполне определенной коннотацией. Порой коннотация в оригинале и переводе совершенно различна.

Итак, рассмотрим отплытие героя из Англии в оригинале и переводе:
XII.

The sails were filled, and fair the light winds blew
As glad to waft him from his native home;
And fast the white rocks faded from his view,
And soon were lost in circumambient foam;
And then, it may be, of his wish to roam
Repented he, but in his bosom slept
The silent thought, nor from his lips did come
One word of wail, whilst others sate and wept,
And to the reckless gales unmanly moaning kept.

12

Дул свежий бриз, шумели паруса,
Все дальше в море судно уходило,
Бледнела скал прибрежных полоса,
И вскоре их пространство поглотило.
Быть может, сердце Чайльда и грустило,
Что повлеклось в неведомый простор,
Но слез не лил он, не вздыхал уныло,
Как спутники, чей увлажненный взор,
Казалось, обращал к ветрам немой укор.

Буквальный перевод начала строфы Ω «The sails were filled, and fair the light winds blew / As glad to waft him from his native home ; / And fast the white rocks faded from his view, / And soon were lost in circumambient foam...» можно представить следующим образом: «Паруса были наполнены, и попутный легкий бриз веял, радостный, что уносит его от родной земли. Вскоре белые скалы исчезли из виду и скоро они были потеряны в окружающей пене». Казалось бы разница небольшая между исчезающими белыми скалами и бледнеющей полосой прибрежных скал. И нет большой разницы между пеной, в которой теряются пресловутые белые скалы – и потерей их в пространстве. Поскольку и так ясно, что ветер попутный, то в переводе об этом не сообщается, таким образом, легкий попутный ветер,

наполняющий паруса, оригинала обращается в переводе в свежий бриз, шумящий в парусах, что уже может предвещать шторм, чего совсем нет в идиллической и радостной картине оригинала. Но главная перемена смысла состоит в том, что белые скалы, исчезнувшие в пене и бледнеющая гряда скал, теряющиеся в пространстве – это разные образы, они наполнены совсем разным смыслом. Белые скалы, всем известная географическая деталь, олицетворение неназываемой тут прямо Англии, опостылевшей герою и автору. С легким попутным ветром герой ускользает от ее берегов и они скрываются в пене, так что их как бы уже не существует. Побледневшая гряда скал, теряющая в безмерном пространстве, причем скал неопределенных, ни с чем ассоциативно не связанных, свежий бриз и шумящие паруса создает впечатление потерянности и тревоги.

Далее перевод несколько изменяет характер героя поэмы. Чайльд–Гарольд, возможно, и сожалеет о своем желании уехать, о своей страсти к странствиям «And then, it may be, of his wish to roam / Repented he», но сожаления не связаны с его чувствами, «...but in his bosom slept / The silent thought, nor from his lips did come. / One word of wail... » он сожалеет, но сердце его молчит и уста немы. Это настоящий байронический герой, лишенный сантиментов. В переводе его сердце грустит и герой приобретает некоторые сентиментальные черты.

Рассмотрим еще перевод 14 строфы.

XIV.

On, on the vessel flies, the land is gone,
And winds are rude in Biscay's sleepless bay.
Four days are sped, but with the fifth, anon,
New shores descried make every bosom gay;
And Cintra's mountain greets them on their way,
And Tagus dashing onward to the deep,
His fabled golden tribute bent to pay;
And soon on board the Lusian pilots leap,
And steer 'twixt fertile shores where yet few rustics reap.

14

Плывет корабль унылых вод равниной.
Шумит Бискай и пасмурный залив.
На пятый день из волн крутой вершиной,
Усталых и печальных ободрив,
Роскошной Синтры горный встал массив.
Вот, моря данник, меж холмов покатых
Струится Тахо, быстр и говорлив,
Они плывут меж берегов богатых,
Где волнам вторит шум хлебов, увы, несжатых.

Здесь речь идет о плавании в Бискайском заливе. У Байрона судно летит на волнах и ветры, как обычно грубы в никогда не спящем Бискайском заливе: «And winds are rude in Biscay's sleepless bay». Что должно вызвать привычные ассоциации с путешествием в этом месте, где пролегли популярные в эпоху Байрона маршруты. Многие путешественники описывали залив, так что это общее место, элемент видеоряда, рассчитанный на привычное восприятие. В заливе действительно часты достаточно сильные штормы. В переводе же перед читателем унылая равнина волн, то есть водное пространство, которое хотя и постоянно шумит, но также постоянно спокойно и пасмурно. Далее, путешествие у Байрона должно вызывать у читателя воспоминания о хорошо ему известных описаниях путешествий, которым не было числа и которые были весьма популярным чтением во времена Байрона, собственно, столь многократно повторенное действие напоминает уже ритуал: знакомое многим и многократно описанное чувство радости при виде берегов Португалии после странствия по бескрайнему водному пространству, гора Синтра, приветствующая путешественников («роскошная» в оригинале отсутствует, и хотя данное словоупотребление вполне оправдано дальнейшим текстом, но здесь просто радость от вида долгожданной земли), стремительно несущая свои воды к океану река Тахо (заметим, что говорливость более свойственна ручью, чем большой реке), чьи берега покрыты щедрой растительностью и недостаточно используемы в сельском хозяйстве, выпрыгивающие из воды и падающие на палубу корабля летучие рыбы (местного вида, которые, несомненно, тоже много раз описывались путешественниками). Картина в переводе более бледная и не слишком определенная, вряд ли вызывающая какие-либо литературные ассоциации с описаниями путешествий, популярными в первой половине XIX в. и потерявшими свою актуальность в XX в. Оттого нет ощущения той реализации мечты о путешествии, которая незримо присутствует в оригинале. Но возникает другая, неожиданная и не слишком уместная в данном случае коннотация; здесь весьма смущают все еще, увы, несжатые хлеба. Для советского читателя, а перевод В. Левика издавался именно в советское время, эта фраза может вызвать ассоциацию с трагической «несжатой полоской» Некрасова и навести на размышления о том, что и здесь, на берегах Тахо, царит полная социальная несправедливость. Несомненно, что так оно и было, но в данной строфе о том речи нет.

Представляется, что разность смыслов в оригинале и переводе во многом определялась разностью опыта, интересов и личностей их создателей. Можно здесь отметить, что пафос социалистического строительства и побед на трудовом и военном фронтах, жизнь в достаточно жестких рамках советского общества никак не соответствуют романтическому горению свободного английского гения с его ничем не сдерживаемым полетом мысли, выбираемым по собственному

предпочтению литературным окружением и независимостью как от общественных установлений, так и от норм обыденной морали. В случае, когда речь идет о корифеях перевода, каким был Вильгельм Вениаминович Левик, бывает весьма любопытно обнаружить, как разница мировосприятия и опыта автора и переводчика, а также разность эпох, в которых они существуют, влияет на конечный результат.

Список использованных источников

1. Овчарова Е. Э. О кинематографичности литературы в докинематографическую эру // Пограничные процессы в литературе и культуре: Сборник статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Василия Каменского (17–19 апреля 2009 г.) / Под общ. ред. Н. С. Бочкарева, И. А. Пикулева. Пермь: Перм.ун-т, 2009. С. 273–277.
2. Горбовская С. Г. Флорообраз во французской литературе XIX века: Монография – СПб: СПбГУ, 2017. – 276 с. Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/999711> (дата обращения 01.12.2018).
3. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
4. Byron, George Gordon. Childe Harold's Pilgrimage. [Электронный ресурс] /URL<https://www.poemhunter.com/poem/childe-harold-s-pilgrimage-a-romaunt-canto-i/> (Дата обращения 03.09.2018).

УДК 378.016:811

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРЕВОДУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОРПУСОВ

Е. С. Осипова,

кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы иностранных языков, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматривается содержание обучения будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации переводу фразеологизмов с использованием ресурсов корпусной лингвистики. Содержание обучения представлено риторическим, лингвокультурным, техническим и инструментальным компонентами. Автор приводит примеры упражнений по обучению переводу фразеологизмов с использованием ресурсов корпусной лингвистики и соотносит их с компонентами содержания обучения.

Ключевые слова: обучение переводу фразеологизмов, переводчики в сфере профессиональной коммуникации, ресурсы корпусной лингвистики.

Summary. The article considers the content of teaching future interpreters in the sphere of professional communication to translate phraseological units via

corpus linguistics resources. The content of the training is represented by rhetorical, linguo-cultural, technical and instrumental components. The author gives examples of exercises for teaching the translation of phraseological units using the resources of corpus linguistics and correlates the exercises with the components of the content of teaching.

Keywords: teaching of phraseological units translation, interpreters in the sphere of professional communication, corpus linguistics resources.

Переводчики в сфере профессиональной коммуникации в своей профессиональной деятельности зачастую сталкиваются с переводом фразеологизмов, которыми насыщены профессионально-ориентированные тексты институционального дискурса. Следовательно, при подготовке переводчиков необходимо уделять внимание технологии обучения переводу фразеологизмов, под которой понимается совокупность знаний и умений, составляющих способность будущих переводчиков распознавать фразеологизмы в исходном тексте, корректно интерпретировать их значение и транслировать средствами языка перевода смыслы, заложенные в них [3, с. 198].

Содержание обучения представляет собой взаимосвязанный комплекс, состоящий из лингвокультурного, риторического, технического и инструментального компонентов.

Лингвокультурный компонент представлен знаниями и умениями, к которым переводчик прибегает с целью извлечения и последующей трансляции другой стороне межкультурного общения культурно-маркированной информации, заключённой во фразеологизме.

Риторический компонент представлен знаниями языковых средств, необходимых для стилистического оформления профессионально-ориентированных текстов и умениями использовать эти знания для перевода фразеологизмов.

Технический компонент включает знания переводческих трансформаций, необходимых для осуществления перевода фразеологизмов, а также умения грамотно использовать переводческие преобразования с целью адекватной трансляции смыслов, заключённых в них.

Инструментальный компонент включает знания и умения, которые необходимы переводчику для использования ресурсов корпусной лингвистики при переводе фразеологизмов [1, с.186-187].

Приведем фрагменты упражнений, нацеленных на обучение переводу фразеологизмов из разработанного методического комплекса и соотнесем их с компонентами содержания обучения.

I. Риторический компонент.

Упражнение на усвоение знаний о специфике функционирования фразеологизмов в институциональном дискурсе.

Соотнесите название городов / стран и их метафорические соответствия. Не все из них широко используются. Обращаясь к Британскому Национальному корпусу (BNC), корпусу современного американского английского языка (COCA), историческому корпусу американского английского языка (COHA), определите, какие из этих метафорических наименований встречаются в институциональном дискурсе. Переведите найденные вами предложения.

BigApple	Великобритания
CityoftheAngels	Нью-Йорк
City of Brotherly Love	Рим
City of Magnificent Distances	Филадельфия
City of the Seven Hills	Вашингтон
Empire City	Лос-Анджелес
Eternal City	

Упражнение на формирование умений сохранять интенцию автора текста при передаче смыслов фразеологизмов средствами языка перевода.

Переведите заголовки газетных статей, воспользовавшись приведенными ниже толкованиями фразеологизмов. Как вы передадите значение фразеологизмов, чтобы сохранить экспрессивность и эмоциональность заголовка? Обсудите варианты перевода в группах, выберите лучший перевод.

Найдите не менее трех случаев использования нижеприведенных фразеологизмов в известных вам лингвистических корпусах.

NB! Для перевода заголовка необходимо ознакомиться с содержанием статьи!

1. **Golden handcuffs deal for teachers in struggling areas.** Teachers who stay in schools in poorer areas to receive £10,000 bonus (The Guardian, January, 2009).
2. **Don't bet your bottom dollar on US shares** (The Telegraph, January, 2003).
3. **Budget: Tighten your belt – it's crunch time.** Hard times lie ahead, but you can do your bit on the home front by making your money stretch further (The Telegraph, June, 2010).

II. Лингвокультурный компонент.

Упражнение на формирование умений распознавать фразеологизмы, требующие сохранения идиоматичности.

Проанализируйте параллельные переводы. Обратите внимание на перевод выделенных фразеологизмов. Какие из них требуют передачи идиоматичности? Изучите параллельные переводы этих фразеологизмов по параллельному национальному корпусу русского языка.

И как после этого могут ужиться чопорные немцы, англичане и французы с «**понаехавшими тут**» мусульманами, с их любовью к «**побиванию камнями**»? / And how the prudish Germans, British and French can get on with Muslims who “**come in large numbers here**” with their love to “**beating by stones**”?

Упражнение на формирование умений понимать межкультурные различия фразеологизмов в исходном языке и языке перевода.

Переведите пословицы, подобрав аналог на русском языке. Прокомментируйте межкультурные различия. Найдите примеры их функционирования в известных вам лингвистических корпусах. В каких видах дискурса они функционируют? Какие из них употребляются в современном английском, а какие используются редко или вышли из употребления?

Where drums beat, laws are silent.
The act proves the intention.
Custom rules the law.
Every land has its own law.

III. Технический компонент.

Упражнение на формирование умений догадываться о значении фразеологизма.

Распределите фразеологизмы в соответствии с таблицей. Не используйте словарь, руководствуйтесь вашим языковым опытом и догадкой. Подберите переводческое соответствие в русском языке. Проверьте свои решения по лингвистическим корпусам.

Idioms: **chicken feed, cost an arm and a leg, cost the earth, cut one's losses ...**

lots of money	lack of money	Rich	Poor	Expensive	Cheap

Упражнение на формирование умений догадываться о значении фразеологизма по узкому контексту.

Воспользуйтесь Британским национальным корпусом, изучите контексты выделенных фразеологизмов и выберите их правильные переводы.

1. He **was in the red** because he has plunged \$ 37 million into the project.

а) стал должником б) покраснел в) обанкротился

Упражнение на формирование умений догадываться о значении фразеологизма по широкому контексту.

Не пользуясь словарем, переведите следующий фрагмент текста, обращая внимание на выделенные словосочетания. Проверьте свои предположения по параллельному корпусу НКРЯ.

Reduce turtle mortalities, Greenpeace asks Orissa

Greenpeace also asked the government to reduce the current rate of turtle mortalities by 20 per cent, **at the very least**, until the end of April, 2008.

As a first step, the government should commit to keeping the total casualties this year on par with those in previous years, it said adding this would require intensive patrolling **to keep mechanised fishing out of** turtle congregation areas.

IV. Инструментальный компонент.

Упражнения на формирование умений составлять диаграммы частотности употребления фразеологизмов по параметрам жанра и года и подбирать необходимые типы соответствий фразеологизмам (аналог, полный и частичный эквивалент, описательный перевод).

Воспользуйтесь корпусом современного американского английского языка (СОНА), выясните в каких жанрах и стилях употребляются выделенные фразеологизмы. Перефразируйте выделенные слова и словосочетания. Переведите предложения, сохраняя их идиоматичность.

1. My friend, a real **big gun**, believed it was best **to strike while the iron is hot**.

2. He offered me a **ball park estimate** of the amount he would pay to buy my company.

Упражнение на формирование умений генерировать строки конкорданса и использовать полученные корпусные данные для перевода фразеологизмов.

*Воспользуйтесь корпусом современного американского английского языка (СОСА). Постройте конкордансы на следующие фразеологизмы **by the same token, play ball, make a loss, be in red, cut corners**. Изучите их лексико-грамматическую сочетаемость. Используйте результаты корпусного анализа при переводе следующих предложений.*

1. Наши поставщики отказались **сотрудничать** с нами из-за смены руководства.

2. Он пользуется репутацией человека, который никогда не **обходит острые углы.**

3. После того как мы продавали продукт по высокой цене, компания **понесла серьезные убытки.**

Овладение знаниями и умениями лингвокультурного, риторического, технического и инструментального компонентов содержания обучения имеет важное значение для переводчиков в сфере профессиональной коммуникации. Работая с профессионально-ориентированными текстами, которым присуща высокая степень идиоматичности [2; 4], переводчики сталкиваются с трудностями передачи значения фразеологизмов и зачастую прибегают к приему нейтрализации. Передавая общий смысл, заложенный во фразеологизме, переводчик неизбежно теряет национально-культурный колорит исходного текста. Очевидно, что в задачу переводчика входит не только передача коммуникативной установки, но и знакомство получателя текста перевода с определенными пояснениями межкультурных различий.

Список использованных источников

1. Осипова Е. С. Формирование идиоматической компетенции на основе ресурсов корпусной лингвистики в процессе подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации // Дидактика перевода: традиции и инновации: коллективная монография / под общ.ред. Н. Н. Гавриленко. М.: ФЛИНТА. 2018. 224 С.
2. Тарнаева Л. П. Идиоматичность лексического слоя профессионального дискурса в межъязыковом сопоставлении // Мир русского слова. – 2017. № 2. С. 23–27.
3. Тарнаева Л. П., Осипова Е. С. Когнитивная деятельность студентов в процессе использования ресурсов корпусной лингвистики при формировании идиоматической компетенции переводчика в сфере профессиональной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (65). С. 198–201.
4. Шаврова А. В. Особенности перевода идиоматичных речевых единиц англоязычного политического дискурса // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II международной научно-практической конференции, Симферополь, 26-28 апреля 2018 г. / гл. ред. М. В. Норец. С. 625-629

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Н. И. Пантыкина,

*преподаватель кафедры английской и восточной филологии,
филологический факультет, Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко, Луганск*

Аннотация. В статье рассматривается специфика передачи образности английских пословиц. Целью работы является характеристика основных способов перевода английских пословиц на русский язык. В статье использованы следующие методы: сравнительный, сопоставительный и дескриптивный. Результаты исследования заключаются в описании таких трансформаций, как синтаксическое уподобление, добавление и опущение на примере перевода пословиц с английского на русский язык.

Ключевые слова: английский язык, добавление, опущение, перевод, пословица, русский язык, синтаксическое уподобление, трансформация.

Summary. The article deals with the specificity of English proverbs. The purpose of the work is to characterize the main ways of translation of English proverbs into Russian. The comparative, contrastive and descriptive methods of analyses are used in the given article. The results contain the following transformations: literal translation, addition, omission in the translation of English proverbs.

Key words: addition, English, literal translation, omission, proverb, Russian, translation, transformation.

В теории перевода особое место занимает проблема переводческих трансформаций. Для того чтобы верно передать смысл иноязычного текста переводчики используют разнообразные трансформации, которые полностью или частично меняют структуру оригинального предложения.

В настоящее время существуют различные подходы к определению понятия «трансформация» и классификации трансформаций. Изучением переводческих трансформаций в разные годы занимались Л. С. Бархударов, Т. А. Казакова, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев и другие. Но сейчас не наблюдается единой системы классификации трансформаций, более того, существуют различные мнения по поводу того, какие именно переводческие приемы относить к трансформациям. Однако, большинство ученых согласно с мнением, что сутью межъязыковых трансформаций можно считать межъязыковые операции по преобразованию текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке [2].

Краеугольным вопросом для специалистов в области перевода является передача смысла английских пословиц на русский язык, используя трансформации. Следует отметить, что пословицы являются частью

культуры и традиций определенного народа, а также неотъемлемой частью богатства его языка, являясь объектом внимания для перевода и исследования. Некоторые пословицы не нуждаются в переводе как таковом, потому что имеют эквиваленты в языке перевода. При переводе пословиц перед переводчиком стоят две основные задачи: 1) строгое соблюдение норм сочетаемости слов в переводимом языке; 2) передача образности пословицы. Но достичь этих задач не всегда удается, так как в процессе перевода мы сталкиваемся со многими трудностями, такими как сходство пословиц со свободным сочетанием, ассоциативная схожесть идиом, многозначность пословиц, особенности грамматической и лексической структуры языков.

По нашему мнению, наиболее распространенными видами трансформаций при переводе английских пословиц на русский язык являются синтаксическое уподобление, добавление и опущение.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) представляет собой тип «нулевой» трансформации, который встречается только в тех случаях, когда и в иностранном, и переводческом языках есть параллельные синтаксические структуры. Это такой перевод, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в абсолютно аналогичную структуру языка перевода [2, 125].

Приведем примеры синтаксического уподобления при переводе английских пословиц на русский язык:

The lame tongue gets nothing. – Хромой язык не получает ничего.

Dumb men get no lands. – Немые люди не получают земель.

Hard words break no bones. – Жесткие слова не ломают костей.

Example is better than precept. – Пример лучше, чем наставление.

Doing is better than saying. – Делать лучше, чем говорить.

В этих примерах синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру языка перевода с сохранением набора значимых слов и порядка их расположения в оригинале и переводе.

В некоторых пословицах при переводе могут быть сделаны незначительные перестановки членов предложения, изменены морфологические формы слов, использованы некоторые близкие по значению слова:

The tongue breaks bone, and herself has none. – Язык ломает кости, сам их не имеет.

Better the foot's lip than the tongue. – Лучше оступиться, чем оговориться. (изменены морфологические формы).

An ounce of practice is worth a pound of precept. – Унция практики стоит фунта наставлений (изменение структурных компонентов: опущен артикль).

A good tongue is a good weapon. – Острый язык – это хорошее оружие (использованы некоторые близкие по значению слова).

Все эти изменения не затрагивают основной структуры предложения, которая передается с помощью аналогичной русской структуры, сохраняя одинаковый набор членов предложения и последовательность их расположения в тексте.

Значимым видом трансформации при переводе пословиц является добавление. Ученый Л. П. Науменко характеризует добавление как грамматическую или лексическую трансформацию, в результате которой в переводе увеличивается количество слов, словоформ или членов предложения с целью правильной передачи содержания оригинала [3].

Рассмотрим несколько примеров добавления лексических элементов в пословицах с целью устранения неясности контекста с помощью объяснения и уточнения:

Saying and doing are two things. – *Сказать и сделать – две разные вещи.*

Words cut more than swords. – *Злые языки – острый меч.*

В других пословицах необходимо введение дополнительных слов или словосочетаний для замены слова или словосочетания с узким референтным значением на более широкое:

The tongue stings. – *Злые языки страшнее пистолета.*

Fair words will not make the potplay. – *Красивые слова не заставят горшок кипеть.*

Good words cool more than cold water. – *Хорошие слова утоляют жажду лучше, чем холодная вода.*

Следующим видом трансформации при переводе английских пословиц является опущение. Опущение – это прием перевода, который характеризуется пропуском единиц, которые присутствуют в языке оригинала, сохраняя при этом семантическую эквивалентность. Чаще опущению подлежат семантически избыточные слова, то есть слова, которые выражают значение, которое может быть понятным и без этих слов [2].

Опущение при переводе часто вызывается тем, что отдельные слова, словосочетания могут оказаться ненужными, с точки зрения их смыслового содержания. В большинстве случаев при переводе с русского языка на английский – английское предложение не складывается с русским, не совпадает с ним по своей структуре. Часто структура английского предложения в переводе значительно отличается от структуры русского предложения. В нем другой порядок слов, другое происхождение частей предложения. Кроме того, следует отметить тенденцию английского языка к краткости, лаконичности. Поэтому употребляется опущение как характерный вид переводческой трансформации, который способствует сокращению содержания или формы языковой единицы языка по сравнению с языком перевода [1].

Рассмотрим примеры опущения при переводе английских пословиц на русский язык:

The tongue is small in size, but it is the master over the whole body. – *Мал язык, да всем телом владеет.*

Deeds will show themselves, and words will pass away. – *Нужны дела, а не слова.*

Таким образом, перевод английских пословиц должен быть адекватным оригиналу в воспроизведении его значения, включая эмоционально-экспрессивные элементы содержания. Для максимального достижения этой цели следует выбирать различные виды трансформаций. Проведенное исследование показывает, что во многих случаях синтаксическое уподобление, добавление и опущение в переводе пословиц преимущественно может быть целесообразным приемом перевода при условии учета всех прагматических, семантических и стилистических параметров исходного текста.

Список использованных источников

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
2. Карабан В. І., Мейс Дж. Теорія і практика перекладу з української мови на англійську мову: навч. посібник-довідник для студентів вищих навчальних закладів. Вінниця: Нова книга, 2003. 608 с.
3. Науменко Л. П., Гордеев А. Практичний курс перекладу з англійської мови на українську. Вінниця: Нова Книга, 2011. 136 с.
4. Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. London: Claremont Books Ltd., 1995. 331 p.
5. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman Ltd., 2000. 1568 p.

УДК 801.732

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И КВАЗИНАУЧНОСТЬ АРХЕТИПА ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

С. Магальяш же Соуза Остапенко,

докторант Университет Порту, Португалия, Порту

И. В. Остапенко,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Перевод, как высокоинтеллектуальная и творческая задача, требует от переводчика особых навыков и умений. Перевод же философского текста, как текста с особыми трактовками и смыслами подразумевает использование не только технического умения, практических навыков, а также и определенного философско-религиозного мировосприятия.

Ключевые слова: философский текст, перевод, научный текст, философия, проблемы перевода.

Summary Translation activity as the intellectual and creative task demands special skills on the translator. The translation of philosophical text as the text with extra sense and comprehension means using not only technical skills but special philosophic-religious worldview.

Key words: philosophic text, translation, scientific text, philosophy, the problems of translation.

Очень часто текст определяют, как зафиксированную на бумаге устную речь, образующую сообщение, путем последовательных сочетаний предложений и слов [10, с. 791]. Согласно И. Р. Гальперину, на основе данного определения следует отметить ряд неточностей. Понимая под текстом только как организованную последовательность письменного произведения, мы рассматриваем его не как особую разновидность речи как таковой, которой присуще свои отличительные аспекты, а как самопроизвольную устную речь, зафиксированную на письме и лишенную всякой организации. Однако, устная речь - это ни что иное как рассчитанное на слуховое восприятие постоянное поступательное движение, которое представляет собой нестабильный процесс. При фиксации устной речи достигается, так называемый, «снятый момент текста», подразумевающий как слуховое восприятие, так и возможность проследить отдельные части высказывания. По причине того, что текст при чтении содержит в себе последовательность отдельных единиц (обуславливающие его стабильность), стилистическую и композиционную обработку в соответствии с его литературным жанром, характеристики устной речи находятся в оппозиции к характеристикам текста. И. Р. Гальперин верно замечает, что текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [5, с. 18].

Согласно классификации функциональных стилей И. Р. Гальперина, философские тексты отвечают требованиям стиля научной прозы (научного стиля, а именно главным факторам – подтверждение гипотез, создание новых понятий, раскрытие внутренних законов существования, развития и отношений между различными явлениями и т.д. [4, с. 307].

Немаловажно, в рамках философской литературы отечественные лингвисты выделяют лексико-грамматические особенности, которые значительно влияют на результат и ход процесса перевода. Во-первых, это ведущая роль в использовании терминологии. Помимо общих особенностей, научный функциональный стиль, к которым относятся

философские материалы, обладает спецификой языковых черт. С. Н. Шишацкая выделяет следующие характерные особенности данного стиля, а именно информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность и четкая связь между основной идеей и деталями), точность и объективность, из которых вытекает ясность и понятность [15, с. 2].

Нередко философским текстам предписывают черты художественного стиля. Дихотомия «философский научный - философский художественный» тексты весьма распространена. Ю. М. Лотман отмечает, что философское прочтение какого-либо художественного произведения более чем возможно. Однако, художественные тексты в первую очередь нацелены на эстетическое наслаждение читателя и затрагивают какую-либо философскую проблему или ряд проблем в своем содержании лишь частично. Научный философский текст же ищет ее решение, в соответствии с целью философии как науки, то есть поиском истины [7, с. 37].

Согласно Т. М. Дридзе, для выявления содержательной и смысловой структуры научного текста используются два основных подхода к его анализу: предметно-содержательный и мотивационно-целевой [6, с. 36]. Первый ориентирован на выявление предмета повествования, предметного содержания текста, который можно обусловить вопросами: «О чем говорится в тексте?», «Что говорится?», «Как говорится?» (с помощью каких языковых средств), второй – на анализ цели сообщения, коммуникативного намерения автора.

Таким образом, предметным содержанием философского текста является наличие в нем предмета философского описания. Его коммуникативной целью будет вызов определенного поведения у реципиента перевода.

Согласно А. Ю. Серебряковой, философской литературе свойственна и огромная информативно-когнитивная ёмкость, в отличие от стиля изложения научного текста вообще [13, с. 87]. Поэтому перед переводчиком возникает ряд проблем, главная из которых – уловить все оттенки мысли автора и тем более отразить их в тексте перевода.

Продолжая идею исследователя, общественно-отвлеченный характер играет роль специфики научного мышления, и тем самым определяет его отличительную особенность стиля изложения. Философия как наука включает в себя поиск истины, затрагивая тем самым наиболее общие концепции мироздания, в свою очередь философский текст – это текст, «содержание которого представляет собой предельно обобщенное описание устройства мира» [1, с. 58]. Исходя из вышесказанного, правомерно полагать наличие в философских текстах той самой отличительной черты научного стиля вообще, а именно его отвлеченную обобщенность.

В целях удовлетворения философского дискурса используются специфические языковые средства, к которым относятся аспекты в лексике, грамматике, а также в синтаксисе.

Согласно М. П. Брандес, отвлеченность и обобщенность в лексическом плане достигается, прежде всего, тем, что в философских текстах, как и в научных, в целом, каждый термин выступает в качестве обозначения общего понятия или абстрактного предмета [3, с. 21]. Однако, здесь стоит отметить, что в научных философских материалах широко используется не только терминологическая или специальная лексика. Речь идет об употреблении и общенародной лексики, в которую входят слова, понимание и употребление которых не ограничено местом жительства, профессией и т.д., однако, в данном дискурсе она не менее абстрактна, например, “nature of things” – «природа вещей»; „die Substanzbewegung“ – «движение материи» [13, с. 87]. По А. В. Фёдорову, общенародные слова – это ядро лексической системы языка, обозначающие жизненно и социально важные понятия, действия и свойства, имеющие определенные устойчивые значения, которые являются универсальными для всех носителей языка, и не изменяются в течении длительных периодов времени [14, с. 165]. Продолжая идею А. Ю. Серебряковой, перевод таких лексических единиц, порой более характерных для разговорного стиля, употребляемых в любых функциональных стилях, вызывает необходимость в выборе экспрессивно-стилистических вариантов с сохранением их обобщенно-отвлеченного характера; в качестве примеров она приводит глаголы, которые в философских материалах не обозначают конкретные действия (abbilden – изображать, представлять, отображать; inherere – быть неотъемлемым, принадлежать, быть присущим), а также глагольно-именные сочетания (eine Rolle spielen – играть роль, иметь значение, оказывать влияние; underlain – лежать в основе) [13, с. 88]. Отсюда следует, что познания в области терминологии и специальной лексики оказываются недостаточными, что обязывает переводчика философских текстов первым делом владеть всеми богатствами языков, но при этом, как верно заметил Л. С. Бархударов: «Переводчику научной литературы совершенно необходимо обладать определенной суммой знаний из той области, к которой относится переводимый текст, будь то биология, физика, астрономия, или какая-нибудь другая отрасль знания» [2, с. 37].

Стоит отметить, что одни грамматические явления в философских текстах, чьи синтаксические и морфологические формы являются основой всех функциональных стилей, более свойственны для данного стиля, другие же встречаются исключительно редко.

В целом исследователи отмечают «громоздкость» предложений в философской литературе, которая достигается за счет сложноподчиненных структур. Что же касается простых предложений, то они осложняются

оборотами с подчинительной связью, что является основной причиной увеличения длины предложения.

Как мы уже выяснили, языковая специфика философских материалов ориентирована на удовлетворение сообщения некой информации. При переводе английских и немецких философских текстов крайне важно достигнуть такой эквивалентности, которая удовлетворяла бы желаемое воздействие автора на русских реципиентов. По В. Н. Комиссарову, уровень подобного воздействия зависит как от лексических и грамматических особенностей оригинального текста, так и от возможности их соотношения при переводе на русский язык. Ход и результат переводческого процесса во многом обусловлен тем какими общими и отличительными языковыми чертами обладают аналогичные виды материалов в русском, английском и немецком языках [8, с. 123]. Следовательно, крайне важно выявить языковую специфику русских философских текстов.

В первую очередь, русский философский текст отличается от научного тем, что ему присуще «подчеркнутое авторство». Данный аспект обуславливает присутствие экспрессивных элементов, например, метафор, осложняющих его синтаксис, но вместе с тем выражающих его персональность [9, с. 153].

В качестве отличительного аспекта лексики русского философского текста выступает его терминологическая составляющая, которой присуще расширение общенационального языка. По словам А. А. Реформатского «за термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной мысли, ограниченной определенным полем» [12, с. 3]. Однако в случае с философским термином, «если даже термин соотнесен со специальной мыслью, то одновременно соотнесен и с мыслью вообще» [1, с. 46].

Однако, как замечает В. Н. Комиссаров, языковые особенности аналогичных стилей в английском, немецком и русском языках нередко не совпадают: принадлежность текстов оригинала и перевода к научному функциональному стилю предъявляет особые требования к переводчику и оказывает влияние на ход и результат переводческого процесса. Специфика определенного вида перевода зависит не только от языковых особенностей, которые обнаруживаются в соответствующем стиле каждого из языков, участвующих в переводе, но, главным образом, тем, как соотносятся эти особенности между собой, насколько совпадают стилистические характеристики данного типа материалов в обоих языках. Если какие-то особенности обнаруживаются только в одном из языков, то при переводе происходит своеобразная стилистическая адаптация: специфические средства изложения в оригинале заменяются языковыми средствами, отвечающими требованиям данного стиля в английском или же в немецком языках [8, с. 125].

Подобная адаптация обуславливается не только языковыми различиями, о которых шла речь. Стилистическая адаптация при переводе

может оказаться необходимой и в отношении тех стилистических признаков, которые одновременно обнаруживаются в аналогичных стилях английского, русского и немецкого языков. Одна и та же стилистическая черта может в различной степени проявляться в каждом из языков, и ее присутствие в оригинале еще не означает, что она может быть просто воспроизведена в тексте перевода [11, с. 13].

Принято считать, что философским материалам присущ нейтральный способ изложения, при котором переводчик исключает вариацию произвольного сообщения научной информации. Однако, по мнению А. В. Федорова, понятие "нейтрального" стиля, т.е. стиля сухого, лишённого образности, эмоциональности, понятие очень относительное, так как само отсутствие этих свойств составляет отчетливый стилистически негативный признак [14, с. 100]. По мнению специалистов, главная особенность научно-философского текста заключается в соблюдении всех аспектов и тонкостей философского материала, а также его понимание и способность объяснения его доступным для реципиента перевода языком.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство «Союз», 2001. 118 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008. 239 с.
3. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФА – М, 2004. 171 с.
4. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. М.: Либроком, 2010. 336 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
6. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М.: Высшая Школа, 1980. 282 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Искусство СПб, 1998. - 220 с.
8. Лукинова М. Ю. Амбивалентность перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы I всероссийской научно-практической конференции. (Симферополь, 27–29 апреля 2017 г.). Симферополь, 2017. С. 244–249.
9. Норец М. В. Способы сохранения жанровой структуры при переводе массовой литературы // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского: материалы III науч. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. (Симферополь, 26–28 октября 2018 г.). Симферополь, 2018. С. 285–286.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. 736 с.

11. Пасекова Н. В. К вопросу о критериях оценки художественного перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II международной научно-практической конференции. (Симферополь, 26-28 апреля 2018 г.). Симферополь, 2018. С. 458–462.
12. Реформатский А. А. Введение в языкознание: учеб. для филол. фак. пед. ин-тов. 4-е изд-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1967. 542 с.
13. Серебрякова А. Ю. Обобщённость содержания как свойство философского текста. Журнал Вестник Южно-Уральского государственного университета. Выпуск №11 (51) / 2005. 87–88 с.
14. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк). М. Высш. шк., 1986. 395 с.
15. Шишацкая С.Н. Специфика перевода научных текстов. Институт Биофизики СО РАН, 2002. 36 с.

УДК 81'25

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИЗАЦИЯ

Н. В. Пасекова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, КФУ имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается процесс перевода художественного произведения как создание нового текста, вторичного по отношению к оригиналу, который, в свою очередь, в определенной степени является переводческой интерпретацией, имеющей определённую вариативность. Основное внимание уделяется принципам исторической стилизации и модернизации при переводе текстов с исторической составляющей.

Ключевые слова: художественный перевод, историческая стилизация, модернизация, интерпретация художественного произведения.

Summary. The article discusses the process of translating a work of fiction as the creation of a new text, secondary to the original, which, in its turn, is a certain translational interpretation with some variability. The principles of historical stylization and modernization of texts with a historical component are observed.

Keywords: literary translation, historical stylization, modernization, interpretation of a work of fiction.

Особым видом перевода является перевод художественных произведений. Художественное творчество, как известно, является особым способом освоения и/или познания человеком окружающей действительности. Особый интерес представляет связь и сопоставимость понятий художественного перевода и интерпретации. Процесс перевода как

создания нового текста, вторичного по отношению к оригиналу, в определенной степени является переводческой интерпретацией, имеющей определённую вариативность.

Современное переводоведение оперирует большим количеством определений термина «интерпретация». Автор создаёт своё произведение, используя специфические стилистические и эстетические средства, а переводчик старается воссоздать эту систему образности на переводном языке, работа над текстом требует передачи авторского видения произведения, написанного на иностранном языке. Следует заметить, что любое переведённое художественное произведение является версией оригинала, иногда занимая не менее важное место в мировой культуре. Вопрос же качества перевода и степени адекватности выходит на второй план. Поэтому, говоря о художественном переводе как об интерпретации, следует определить, каким произведение предстаёт читателям перевода, отличаются ли его переводные трактовки от его восприятия в культуре оригинала, и в чём причины существующих изменений.

Языковые системы оригинала и перевода не имеют полного соответствия в стилистических, грамматических и лексических аспектах. В этой ситуации при переводе на язык другой культуры переводчик вынужден переводить соединения слов, понятий, подбирать самый правдоподобный смысл для конкретного контекста, используя интерпретацию. А это, в свою очередь, не происходит без изменений, и возникает необходимость в интерпретации при переводе. Таким образом, интерпретация – это истолкование текста, направленное на понимание его смысла. Вполне очевидно, что деятельность переводчиков начинается именно с анализа текста оригинала художественного произведения, его восприятия и понимания – этот этап анализа является начальным во всех традиционных моделях перевода.

Поскольку перевод является формой существования художественного произведения, к нему применимы все наработанные литературоведением способы анализа, к которым добавляется ряд специфических приемов сопоставления с оригиналом. Наибольший интерес для исследователя составляет «зазор» между текстами оригинала и перевода.

Процесс интерпретации представляет собой сложные мыслительные операции, которые, как считает И. Г. Богин, могут приводить к непониманию отдельных смыслов текста. Бывают случаи неправильного понимания и, следовательно, неверного истолкования его интерпретатором (переводчиком) [1, с. 32].

В связи с этим, можно заметить, что задачей переводчика художественной литературы является то, что он должен дать читателям перевода этого произведения равный шанс по сравнению с читателями оригинала, на понимание произведения. Но понимание текста часто усложняется временными, культурными и языковыми разрывами между

автором оригинала художественного произведения и его переводчиком, а затем и читателем. Так, по мнению Е. А. Морозкиной, процесс раскрытия смыслов происходит последовательно по «герменевтическим кругам» как внутри текста, так и вне его с опорой на экстралингвистический контекст, к которому относятся другие работы автора, биография и эстетические принципы писателя, а также контекст исторической эпохи. Также важно помнить, что временная дистанция между написанием оригинала и версиями его переводов иногда может и помочь переводчику, так как некоторые понятия со временем становятся менее значительными, а наиболее важное для смысла произведения становится ярче. [6, с. 155].

Размышляя над понятием интерпретации, Ю. Д. Левин отмечает, что художественный текст обладает некоторым «интерпретационным диапазоном», поэтому количество его интерпретаций становится почти неограниченным. В связи с этим, возможно существование нескольких переводов одного и того же литературного произведения. Переводная множественность является свидетельством того, что произведение имеет особое значение для принимающей литературы. Каждый из таких переводов будет неизбежно содержать индивидуальные черты, отличающие его как от оригинала, так и от остальных переводов того же текста [3].

Теоретически при переводе текстов с исторической составляющей можно пойти двумя путями. Очень часто первые переводы произведений зарубежных авторов осуществлялись в то время, когда в русский язык ещё не вошли ряд англоязычных заимствований, которые сейчас являются распространёнными и часто используемыми словами. Поэтому перед переводчиком стоит задача передать значение этих слов доступными средствами. Так, для интерпретации некоторых понятий, а также с целью создания атмосферы места и времени действия произведения переводчику следует использовать стилизацию по времени. Опираясь на определение В. С. Виноградова, мы понимаем переводческую историческую стилизацию как «создание в переводе, с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств, связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого стилистического эффекта соотнесенности с прошлым». [2, с. 142]. В первую очередь, историческая стилизация необходима, если время написания оригинала значительно дистанцировано от времени выполнения перевода, и конечно же переводчик вынужден прибегать к исторической стилизации, если автор оригинала намеренно стилизует язык описания во временном аспекте.

Также можно дать читателям возможность прочесть текст переводимого автора глазами его современников и одновременно облегчить читателю задачу понимания текста, то есть модернизировать текст. Во время создания современных переводов уже появляется возможность следовать ближе к оригиналу, использовать доступную современную лексику, тем самым приближая перевод по времени к современности.

Следует сделать вывод о том, что, как правило, первые переводы текстов с исторической составляющей в большей степени содержат приемы исторической стилизации, тем самым сокращая временную дистанцию между читателем и временем действия произведения, что особенно положительно оценено многими современными читателями. Более современные переводы подобных текстов в большей степени содержат приемы модернизации, тем самым сокращая временную дистанцию между происходящими в романе событиями и современным читателем. Можем наблюдать насыщение текста разговорной лексикой, некоторые современные интерпретации отдельных художественных образов, что также находит положительную оценку в отдельном круге отечественных читателей.

Мы говорим об идеальной модели действий переводчика, однако, понимаем, что не существует единых для всех переводчиков правил.

В связи с появлением новых переводов как вариантов интерпретации художественного произведения читателю предоставляется возможность иначе рассмотреть и оценить действия главных героев, многочисленные художественные образы, мотивы их поступков. Художественный образ действующих персонажей, характер взаимоотношений главных героев, а также персонажная речь могут подвергаться некоторым непреднамеренным или намеренным трансформациям в зависимости от вариантов переводческой интерпретации тех или иных элементов оригинального текста, культурных явлений и индивидуальных мотивов отдельных персонажей романа.

Список использованных источников

1. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин: КГУ, 1982. 50 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. Левин Ю. Д. Проблема переводной множественности // Литература и перевод: проблемы теории. М.: Прогресс, 1992. С. 213–223.
4. Лукинова М.Ю. Переводческая деятельность – один из факторов формирования мировосприятия // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов к юбилею профессора Г. Г. Молчановой. – Москва, 2015. – С. 369–374.
5. Лукинова М.Ю. К вопросу о переводе и реинтерпретации современной британской поэзии // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2015. – № 4 (12). – С. 92-103.
6. Морозкина Е. А., Насанбаева Э. Р. Смысловая интерпретация художественного текста в герменевтической модели перевода // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, № 1. С. 86–88.

РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ В РЕШЕНИИ ВАЖНЕЙШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

О. А. Пекарская,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные науки» Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье показано, что в настоящее время роль библиотеки в современном информационном обществе объективно возрастает. Ускорение темпов развития и внедрение информационных, компьютерных и других коммуникационных технологий, формирующаяся всемирная система знаний в наши дни не только открывают человечеству новые горизонты возможностей, но и порождают серьезные проблемы. Библиотеки, не теряя своей самобытности, могут помочь в решении проблем существующего информационно насыщенного общества.

Ключевые слова: информационное пространство, цифровой барьер, доступная информатизационная среда, культурно-просветительская миссия, социальные проблемы.

Summary. The article shows that at present the role of the library in the modern information society is objectively increasing. Acceleration of development and introducing of information, computer and other communication technologies, the emerging world knowledge system in our days not only opens up new horizons of opportunities for humanity, but also produces serious problems. Libraries, without losing their identity, can help in solving the problems of the existing informationally rich society.

Key words: information space, digital barrier, accessible informatization environment, cultural and educational mission, social problems.

Характерные особенности современного информационного пространства, связанные, в первую очередь, с непрерывно совершенствующимися технологиями, с повсеместным использованием информационных систем, доказывают человечеству, что оно вступило в эпоху научной информационной революции, осуществив переход от традиционных моделей социума к модели информационного социума, имеющего новую информационную культуру, и с все более возрастающей ролью библиотек в ее «коррекции»[1, с. 59–60].

Степень развития информационной культуры, способной внести масштабные изменения и преобразования в производственную сферу, во внутреннюю и даже и внешнюю политику (сегодня государственные, географические разграничения дополняются еще и информационными границами, которые разделяют людей и общество по критерию доступа к информации).

Научно-технический прогресс, сформировавший единое информационное пространство, позволил удовлетворить информационные потребности социума, но в то же время усугубил многие духовные и моральные проблемы общества, а также породил и новые серьезнейшие проблемы [2].

Остановимся на двух основных социальных проблемах.

Первая социальная проблема затрагивает информационное неравенство. Это, уже давно существующее неравенство, ставшее социально-политическим термином, часто называют «цифровым барьером». Разберемся в его причинах. Телекоммуникационная инфраструктура нашей страны не является достаточно развитой, стоимость Интернета и различных гаджетов высока по сравнению, например, со стоимостью этих ресурсов в странах Европы. Ограниченный доступ (а нередко и полное отсутствие доступа) не только к Интернету, но и к телевидению, к мобильной связи очень многих социальных групп сковывает возможности этих групп в поиске работы, культурном обмене и крайне негативно влияет на экономическую эффективность страны, на сохранение культуры, на уровень образования. Отключенными от информационного пространства часто становятся образованные и высокомотивированные люди (чаще всего, люди предпенсионного и пенсионного возраста), просто не имеющие достаточных материальных возможностей, а ведь именно они могли бы быть особенно ценными для новой информационной культуры.

Культурно-просветительская миссия современной библиотеки может помочь в решении этой проблемы. На территориях с недостаточно развитой информационной инфраструктурой муниципальная библиотека становится основным субъектом, формирующим территориальное информационное пространство. Она может выступить не только в качестве центра, который организует использование общедоступных документальных источников, но и обеспечить доступ к необходимым интернет-ресурсам тем слоям населения, которые не имеют возможности использовать современные гаджеты. Тем самым научно-библиографическая деятельность создает «необходимые условия доступной информатизационной среды в области образования, здравоохранения, культуры не только для тех людей, которые не были заинтересованы в приобщении к информатизационному пространству, но и для стремящихся адаптироваться в нем, но часто, по причине отсутствия материальных ресурсов, не имеющих такой возможности» [2, с.467–468].

Лекции, семинары, курсы, повышающие компьютерную грамотность, – все это является прекрасными проектами библиотек и библиотечных объединений, которые повышают степень мотивационной готовности населения к использованию новых технологий,

Вторая важнейшая социальная проблема информационного пространства неразрывно связана с наличием широких возможностей Интернета, в части, касающейся воздействия на сознание людей и, самое страшное, манипуляции этим сознанием. Интернет, бесспорно, являясь полезным универсальным источником разнообразной информации, к сожалению, почти неподконтролен цензуре. Киберболезни, чрезмерная психологическая зависимость от опасных и циничных сайтов «всемирной паутины», увлечение компьютерными играми, особенно такими, где пропагандируется жестокость, насилие и даже суицид, сейчас очень распространены» [3, с. 399].

Проблема очень серьезная, и, на первый взгляд, не совсем понятно, как научно-библиографическая деятельность связана с ее решением. В этой связи нельзя не отметить, что персонал библиотеки, является активным субъектом информационного библиотечного пространства и библиотечной культуры, и координирует правильный доступ к документам и Интернет-ресурсам с помощью грамотного навигационно-поискового аппарата. В библиотеках проводятся выездные школьные занятия, организуются встречи с известными писателями, психологами, артистами. Нередко для нашей молодежи библиотека, формируя культуру чтения, укрепляя интеллектуальную активность, «становится единственным местом, где молодые люди могут подготовиться к уроку, лекции, семинару, используя Книгу, а не примитивные сайты с готовыми рефератами, курсовыми и дипломами» [4, с. 37].

Библиотека, бесспорно, способна сформировать позитивное культурно-воспитательное информационное пространство развития духовно богатой личности, резистентной к негативному воздействию Интернета, к адекватному восприятию различной информации. Гражданско-патриотическое, нравственно-эстетическое направления работы современных библиотек, а также формирование основ правовых знаний, профориентация, пропаганда здорового образа жизни – все это важнейшие ресурсы научно-библиографической деятельности, которые помогают людям приобщаться к историко-культурному наследию, развивают их медийную компетенцию [5].

В заключение хотелось бы отметить, что внедрение инновационных технологий увеличивает комплекс услуг, оказываемых библиотеками, повышает их востребованность, их рейтинг в обществе, позволяет многофункциональному образовательно-культурному институту библиографической деятельности, сохранив при этом свою самобытность, стать неотъемлемой частью единого информационного социума.

Список использованных источников

1. Волокобинский М. Ю., Пекарская О. А. Влияние модернизационной и инновационной политики на экономическое развитие // Вестник САМГУПС. – №4. – 2016. С. 57–62.

2. Пекарская О. А. Интегративная функция библиотеки вуза в организации научной и творческой активности студентов // Материалы II международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход». – 2018. С. 466–470.
3. Пекарская О. А. Интеграционные образовательные технологии, применяемые в дистанционном обучении студентов, - важнейший ресурс образования / Сборник научных статей V Международной научно-технической и научно-методической конференции «Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании». – 2016. С. 396–400.
4. Ходакова Н. П. Роль информационных технологий в организации предметно-пространственной среды образовательного учреждения // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2013. – №2 (22). С. 36–38.
5. Берестова Т. Ф. Общедоступная библиотека как часть информационного пространства (теоретико-методологические основания): автореферат дис. д-ра пед. наук. – М., 2005. Режим доступа: www.dslib.net/dokument-informacia/obwedostupnaja-biblioteka-kak-chast-informacionnogo-prostranstva.htm (дата обращения: 27.12.2018).

УДК 81'23:81'25

О ПЕРЕВОДЕ ОДНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ИЛИ ЧЕМУ ЖЕ МЫ УЧИМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ

О. В. Петрова,

*кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и практики
английского языка и перевода, Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Аннотация. В статье рассматриваются типичные недостатки в подготовке студентов-переводчиков, формулируются пути преодоления этих недостатков и основные задачи преподавателей.

Ключевые слова: текст, контекст, смысл, анализ, понимание.

Summary. The article discusses typical drawbacks in professional training of translation students, possible ways of solving the problems and translation teachers' major objectives.

Key words: text, context, content, analysis, understanding.

Каждый раз, подбирая текст для конкурса письменного перевода, проводимого в Нижегородском государственном лингвистическом университете в рамках ежегодной молодежной научно-практической конференции «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире», организаторы тщательно взвешивают потенциальные возможности конкурсантов. С учетом того, что в большинстве вузов переводчиков готовят по программам бакалавриата, текст подбирается таким образом, чтобы содержащиеся в нем трудности были посильны для студентов четвертого курса. Иногда при этом текст содержит какую-то «изюминку»,

требующую не столько знания приемов и способов перевода, сколько творческого мышления. Однако на этот раз, наученные горьким опытом предыдущих лет, организаторы выбрали текст, казалось бы, не предвещавший никаких сюрпризов ни для переводчиков, ни для членов жюри.

Конкурсантам был предложен текст о том, как, по мнению экспертов, внедрение инновационных методов в образование может в предстоящие пять лет изменить учебный процесс. Переводы, как обычно, содержали много самых разных ошибок, как чисто переводческих, так и языковых. Это и фактические и смысловые ошибки, и произвольное употребление временных форм (несмотря на то, что речь идет о прогнозе на будущее, некоторые студенты не только писали в настоящем времени, но и добавляли такие обстоятельства времени, как «сегодня» или «сейчас»), и ошибки в формах рода (употребление женского имени с глагольной формой мужского рода даже в случаях, когда это имя в тексте соотносится с местоимением she), и ошибки в согласовании и предложном управлении, и многое другое. Но речь сейчас не об этом. Для того чтобы понять, в чем заключается главная проблема подготовки переводчиков, достаточно посмотреть на переводы всего одного предложения, а точнее – одного его фрагмента. В обобщенном виде наиболее типичные переводы выглядят так:

... дети могут (смогут) выйти (выходить) за пределы классных комнат (стен своего класса) и общаться с другими учениками (студентами), учителями, знаменитыми писателями, учеными и экспертами...

... дети могут общаться (поддерживать общение, устанавливать связи) и вне стен классной аудитории (своего класса) со своими одноклассниками (с другими учениками), преподавателями, известными писателями, учеными и экспертами...

Даже за пределами учебного класса ученики могут контактировать с другими школьниками, учителями, известными авторами, учеными и профессионалами своего дела...

... дети могут узнать много нового и углубить свои знания за пределами классных кабинетов, общаясь с другими детьми, с новыми учителями, знаменитыми авторами, учеными, экспертами.

... взаимодействие детей с другими учениками, учителями может выходить за пределы стен кабинета...

Этот список можно продолжать. В 43 работах из 48 так или иначе выражается мысль, что дети в течение ближайших пяти лет смогут выходить из класса и там, на свободе, общаться со своими одноклассниками, учителями и прочими людьми. Вот такая предвидится инновация в образовании. Впрочем, оказывается, кое-где это возможно уже и сегодня. И только 5 человек поняли и сумели выразить (пусть и не всегда изящно) то, что сказано в оригинале:

Дети могут выйти на связь для общения и более углубленного обучения вне их классной комнаты с другими учениками, учителями, широко известными авторами, учеными и экспертами.

Находясь в стенах классной комнаты, ученики смогут «выйти» за её пределы, чтобы пообщаться с другими учениками, преподавателями, знаменитыми писателями, учеными и экспертами, что положительно скажется на уровне их знаний.

Учащиеся смогут взаимодействовать друг с другом, с преподавателями, выдающимися авторами и учеными и специалистами далеко за пределами своих кабинетов, школ и городов.

Сегодня дети могут общаться с другими студентами, преподавателями, известными авторами и учеными из самых разных уголков света.

Хедли Фергюсон также считает, что с помощью образовательных технологий ученики смогут дистанционно взаимодействовать друг с другом, с известными писателями, учеными и экспертами.

Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, приведу полностью абзац, из которого взят этот фрагмент:

Williams predicts that education tech will continue the push towards individualized instruction for students. Hadley Ferguson, executive director of the Edcamp Foundation, agrees: Kids can «reach out beyond the walls of their classrooms to interact with other students, other teachers, and renowned authors, scientists, and experts to enhance their learning», she says.

Предположим, студенты не нашли в словарях значения reach out (to try to communicate with a person or a group of people), хотя у каждого был выход в Интернет, так что найти было несложно. Предположим, они неверно расчленили предложение синтаксически и решили, что это не reach out | beyond the walls, a reach | out beyond the walls (допущение достаточно экзотичное, но все же допустим). И у них получилось, что дети как-то оказываются «за стенами» классных комнат. Неужели на этом месте не возникла мысль: «О чем это автор? Разве сегодня, в обычной, повседневной жизни дети не имеют права выходить из класса и там с кем-то общаться? Неужели это и есть то новое, что высокие технологии привнесут в школьную жизнь? И вообще – как это связано с теми самыми высокими технологиями, о которых идет речь в тексте?». По-видимому, не возникла. И в этом заключается наша основная беда и основная проблема.

Посмотрим на приведенные варианты переводов с чисто, так сказать, технологической точки зрения. Если не считать некоторых несуразностей вроде «общаться с другими учениками, учителями, знаменитыми писателями, учеными и экспертами, что позволит им усовершенствовать их обучение» или «пообщаться с другими студентами, другими учителями и известными авторами, учеными и экспертами для повышения их уровня знаний» и путаницы с «детьми» и «другими студентами», то ведь

технически все правильно. Почему появилось настоящее время? Потому что в оригинале *can*. Там же не *will be able!* Ну, а дальше – весь набор переводческих трансформаций: и конкретизация (скажем, *other students* – одноклассники), и модуляция (*to enhance their learning* – узнать много нового), и замены (*to enhance their learning* – для повышения уровня знаний), и перестановки (перенос обстоятельства цели в начало предложения), и добавления (дети могут узнать много нового и углубить свои знания), и опущения... Многие использовали переводческие пояснения и даже примечания. Таким образом, расчет организаторов оправдался: теоретических знаний у конкурсантов хватило. Не хватило самого главного. Того, без чего просто не может быть профессионального переводчика: умения видеть текст как целостную единицу, умения воспринимать содержание текста в контексте реальной действительности.

Приходится констатировать, что студенты (а ведь это – лучшие, присланные на конкурс представлять свои вузы!) переводят не тексты, а слова и предложения. Даже не абзацы. Ведь если бы в голове удерживалось содержание хотя бы одного абзаца, то было бы очевидно, что *can* в данном случае – это будущее время, так называемое ‘*can* + уточнение времени’. Только формально это уточнение находится в предыдущем предложении, причем там на будущее время указано дважды: Williams **predicts** that education tech **will** continue the push towards individualized instruction for students. И связь с этим предложением не вызывает сомнения: Hadley Ferguson, executive director of the Edcamp Foundation, **agrees**... Т.е. она продолжает его предсказание. Но в сознании студента каждое предложение существует само по себе. И получается «сегодня дети могут...». Откуда взялось «сегодня»? Как – откуда? Ведь переводчик имеет право на добавление! А раз это настоящее время, то значит, сегодня.

О том, что студенты не воспринимают исходный текст как целостную единицу, не видят его структуры, внутритекстовых связей, о том, что процесс перевода в этом случае превращается в механическую, «речебезмыслительную» деятельность, автору этих строк уже приходилось писать – в том числе и в серии статей по поводу конкурсов перевода (все эти статьи включены в [2]). Однако с годами проблема не только не уменьшается, но, напротив, обостряется, о чем свидетельствует приведенное количественное соотношение тех, кто подумал, о чем идет речь в тексте об образовании, и тех, кому в голову не пришло об этом задуматься. А это означает, что мы по-прежнему неверно расставляем акценты в обучении переводу.

Недавний анализ содержания экзаменационных билетов для итоговой государственной аттестации показал, что в некоторых вузах по-прежнему от студентов требуется анализ использованных ими в переводе приемов и трансформаций. Спору нет, технологии перевода на начальном этапе студентов учить нужно. Даже необходимо. В противном случае они

неизбежно скатятся либо в буквализм, либо в пересказ. Но после того как им показали, какими инструментами они располагают, в каких случаях и в каких пределах они могут отходить от структуры исходных предложений, все внимание на занятиях должно быть сосредоточено на смысле. Причем прежде всего – на смысле текста в целом. И только в этом общем контексте – уже на смысле отдельных фрагментов. До тех пор, пока студент не может ответить на вопрос, **что** каждое переводимое им предложение делает в этом тексте, как оно связано с тем, что сказано перед ним, и с тем, что идет после него, до тех пор, пока он не видит функции этого предложения в тексте (равно как и каждого слова в предложении), он не сможет полноценно перевести сам текст.

Приведенный пример, увы, не был единственной неудачей конкурсантов, свидетельствующей о механическом подходе к переводу. В тексте, где про инновационные технологии прямо сказано: «*This is powerful when combined with curricula and programming created and led by practitioner educators. The human factor is always important*», слово *still* в подзаголовке «*The success of tech will still rely on skilled teachers*» многие перевели как «*все еще*». Наученные тому, что при переводе требуется прагматическая адаптация текста, студенты во многих случаях сообщают дополнительную информацию (скажем, о называемых в текстах компаниях), не имеющую никакого отношения к содержанию текста и никак не способствующую лучшему его пониманию получателем перевода. Так, например, название компании Bridge International Academies, одного из соучредителей которой попросили дать прогноз относительно внедрения цифровых технологий в образование, сопровождается в разных работах разной дополнительной информацией. Сообщают, что это частная, компания, что она американская, что она открывает школы в разных азиатских и африканских странах (причем разные переводчики выбирают из списка таких стран разные, совершенно произвольно) и т.д. Но никто не написал, что всех своих успехов эта компания добивается за счёт высокой технологичности и стандартизации всех процессов, что в основе обучения у них лежит учебная программа, которая по шагам расписывает уроки, вплоть до того, что и в какой момент должен сказать учитель в зависимости от обстоятельств, что эти данные выводятся на планшеты/смартфоны преподавателей, а сами программы/сценарии создаются специалистами, в том числе и из Кембриджа. А ведь именно по этой причине за прогнозом развития технологий в образовании обратились к Bridge International Academies. И все это сказано в той же самой предельно краткой статье в Википедии, из которой студенты почерпнули информацию об открытии дешевых школ в Кении, Уганде, Нигерии, Индии. И сказать это можно было сколь угодно кратко (к примеру, «компания, известная внедрением высоких технологий в образовательный процесс»). Причина та же самая: студенты не видят связи того, что они сами пишут, с текстом. А ведь всех их учили

предпереводческому анализу, выяснению цели создания оригинала и цели выполнения перевода. Но и здесь все происходит механически, этот анализ часто существует сам по себе. Выясняют все, кроме основного: как полученная в ходе анализа информация должна учитываться в самом переводе.

О важности предпереводческого анализа много сказано и в литературе по теории перевода (взять, хотя бы классическую работу К. Норд [4]), и в литературе по дидактике перевода (скажем, в [1]). Необходимость соотносить переводческие решения с коммуникативными ситуациями создания оригинала и перевода убедительно показана не только представителями скопос-теории, но и отечественными переводоведами (см., например, [3]). Вряд ли есть смысл здесь кого-то в этом убеждать – теоретически все это понимают. Однако когда дело доходит до практических занятий по переводу, мы по-прежнему позволяем студентам переводить слова и предложения, отрабатывая всевозможные технические приемы. И до тех пор, пока мы не осознаем, что **переводчика нужно в первую очередь учить думать** и соотносить переводимый текст хотя бы с его, переводчика, собственным жизненным опытом, у нас главные достижения высоких технологий так и будут заключаться в том, что дети получают возможность выходить из классов и общаться друг с другом даже за пределами классной комнаты.

Список использованных источников

1. Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта: монография / Под общ ред. В. В. Сдобникова. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. 238 с.
2. Петрова О. В. Подготовка переводчиков. Размышления преподавателя перевода. М.: Р. Валент, 2018. 264 с.
3. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: дис. ... доктора филол. наук. Нижний Новгород, 2015. 492 с.
4. Nord Ch. Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis, translated from German by C. Nord and P. Sparrow. Amsterdam/Atlanta GA, Rodopi, 1991. 250 p.

УДК 81.26

ГРАФОН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ВОЗМОЖНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕДАЧИ И АДЕКВАТНОСТЬ

Е. В. Петухова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и методики преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков, Курский государственный университет, Курск

И. Г. Никитичев,

*студент третьего курса факультета иностранных языков, Курский
государственный университет, Курск*

Аннотация. В статье рассматривается возможность передачи графона в художественном переводе англоязычных произведений на русский язык. Представлены значение данного термина, его виды и функции. На материале произведения британской художественной литературы проанализированы варианты механизмов адаптации графона в процессе перевода. Сделан вывод об относительности сохранения функций графона в языке перевода.

Ключевые слова: графон, орфография, художественный перевод, адаптация, адекватность перевода

Summary: The paper concerns the prospects of adapting the graphone in literary translation of English-language works into Russian. The meaning of the term, its types and functions were introduced. Possible ways of adapting the graphone in translation were analysed based on a British work of fiction. The paper concludes that possibilities of preserving the functions of the graphone in literary pieces translated into Russian are relative.

Key words: graphone, orthography, literary translation, adaptation, adequacy of translation

Термин «графон» в лингвистике впервые был предложен доктором филологических наук Валерией Андреевной Кухаренко. Согласно её определению, графон представляет собой «преднамеренное нарушение графической формы слова или словосочетания, используемое для отражения его подлинного произношения» [4].

По мнению М. В. Ползуновой, графон можно рассматривать как объединение нескольких понятий, а именно: зрительного диалекта (фонематического принципа записи стандартного произношения), стяжения (полуформальной устной и письменной речи) и расслабленного произношения (неформальной устной и письменной речи). Таким образом, в самом общем виде графон можно определить как стилистическую форму написания слова или групп слов, используемую для отражения особенностей произношения и характера речи, которая реализуется через искажение орфографических норм. Так, в художественных произведениях изменение в написании предоставляет некоторую дополнительную информацию о культурном и образовательном уровнях персонажа, его возрасте, физических и уникальных эмоциональных чертах, характеризует его как представителя определенной социальной среды [4]. Например: *Ah may not be able to read eve'then' so good but they ain't a thing* [3, с. 18]

Графоны используются в печатном и письменном вариантах, при этом как носителями английского языка, так и людьми, для которых английский не является родным языком.

Можно сказать, что графон является достаточно распространённой фигурой речи. Его сфера употребления не ограничивается художественными произведениями; этот приём характерен, в частности, и для публицистических и рекламных текстов. Тем не менее, эта фигура речи на данный момент не изучена достаточно подробно. Очень немногие исследователи выделяют понятие «графон», говоря вместо этого о графических альтернативах слова, графической перифразе и так далее, обращая внимание на функционирование графонов в различных видах текстов и такие функции рассматриваемого явления, как эмоционально-экспрессивную, выделительно-актуализирующую и другие частные функции (Н. В. Кухаренко, А. П. Сковородников, Л. Л. Емельянова и другие).

В. А. Кухаренко говорит о том, что причины, породившие отступления от произносительной нормы, зафиксированные графически, не похожи одна на другую, и поэтому графоны могут быть разделены на две группы: окказиональные и рекуррентные [3]. Первая группа графонов отражает настроение, эмоциональное состояние в момент говорения, возраст, т. е. имеет окказиональный, преходящий, характер. Вторая – отражает происхождение, образовательный, социальный статус героя и носит рекуррентный, постоянный характер. Одним из наиболее часто встречающихся типов графона является отклонение от орфографической нормы. Например: *alWAYS great food, alWAYS great prices* [2].

По нашему мнению, среди вопросов, которые следуют из отмеченных функций графона и его широкого употребления в текстах художественного стиля, одним из наиболее важных является проблема передачи художественной функции графона при переводе художественного произведения с английского языка на русский. Достаточно очевидно, что различия в системе двух языков не позволяют напрямую перенести в текст русского перевода намеренные искажения орфографии в оригинале. В этом случае необходимо подобрать другое языковое средство, способное выполнить ту же художественную функцию. Варианты реализации таких переводческих трансформаций была рассмотрена нами в данной работе на материале романа Чарльза Диккенса «Большие надежды» [5] и его перевода на русский язык, выполненного М. Ф. Лорие [1].

Рассмотрим фрагмент текста романа, содержащий реплику персонажа Абея Мэгвича: «Darn me if I couldn't eat **em** [cheeks],» said the man, with a threatening shake of his head, «and if I **han't** half a mind **to't!**». Русский перевод этого фрагмента выглядит следующим образом: «Так бы вот и съел их, – сказал человек и яростно мотнул головой, – а может, черт подери, я и взаправду их съем». Как мы видим, в оригинальном тексте Ч. Диккенс применяет искажение орфографически верной формы слов трижды: *them* записывается как *em*, *haven't* – как *han't*, *to it* – как *to't*. Можно отметить, что в этих примерах автор использует графон в рекуррентной функции:

написание слова становится инструментом демонстрации низкого социального статуса и уровня образования персонажа. В русской адаптации переводчик игнорирует графон, заменяя орфографическое средство выразительности на синтаксические и лексические: разговорное выражение так бы с частицей так, инверсия в отрывке «Я и взаправду их съем».

Ещё один отрывок, в котором писатель употребляет графон, находим в следующей главе: «*Manners is manners, but still your elth's your elth.*» Здесь намеренно искажается орфографическая форма существительного *health* – из него исключаются буквы *h* и *a*. Как и в примере выше, графон в данном случае – способ формирования образа персонажа. Обратившись к переводу романа на русский язык, замечаем, что отсутствие графона компенсируется использованием частицы *то*: «Ты не смотри, что это некрасиво, ведь здоровье-то важнее». Значение экспрессивности, заключённое в этой частице, выполняет отличную по сравнению с графоном в исходном тексте функцию в характеристике Джо Гарджери. Если в тексте оригинала неверная орфография – выражение специфических свойств произношения героя, вызванных его социальным и образовательным уровнем, то в переводе на русский язык был сделан акцент на экспрессивность высказывания. Можно отметить, что в данном случае при переводе используется приём компенсации, и он не вполне точно передаёт смысл, заложенный писателем.

Два примера из второй и третьей глав также иллюстрируют замену графона на лексические средства, а именно выражения разговорного стиля речи. Фраза, произнесённая персонажем Джо Гарджери во второй главе – «*There's another conwict off*» – в русском переводе звучит следующим образом: «Опять арестант дал тягу». Аналогичный подход применяется переводчиком во втором предложении – реплике персонажа Авеля Мэгвича: «*You'd be but a fierce young hound indeed, if at your time of life you could help to hunt a wretched warmint <...>!*», которая была переведена как «Никудышным ты был бы щенком, ежели бы с этих лет тоже стал травить колодника несчастного <...>». Форма *conwict* представляет собой неверно написанное существительное *convict*, а слово *warmint* – существительное *vermin*. Как и в указанных выше примерах, мы видим здесь рекуррентные графоны, характеризующие особенности выговора героев. В тексте русского перевода для замены графона в первом случае используется просторечное экспрессивное выражение *дать тягу*, во втором – историзм *колодник*, а также инверсия и прилагательное *несчастный* в разговорном значении *злополучный*. В этих примерах удаётся достичь высокой адекватности перевода, так как художественная функция графона выполняется средствами, использованными в качестве его замены.

В одном отрывке из седьмой главы мы видим два случая использования графона: «*It can't be supposed,*» said Joe. «*Tho' I'm uncommon fond of reading, too. <...> On-common*» В первом случае союз *though*

сокращается до формы *tho*. Во втором случае встречаем нарушение орфографии в слове *uncommon*, которое получает форму *on-common*. Этот фрагмент примечателен тем, что в нём используются как верная запись слова, так и графон. Можно предположить, что таким образом писатель добивается большей выразительности, демонстрируя с помощью средств орфографии, что персонаж особым образом выделяет в речи данное слово. Другими словами, это окказиональный графон, передающий эмоции героя в момент речи. В переводе на русский язык в соответствующей художественной функции мы видим лексический повтор: «*Этого никак не представишь, – сказал Джо. – А я, между прочим, чтение тоже очень уважаю. <...> Очень уважаю*». Выбранная стилистическая фигура заменяет графон в тексте оригинала, сохраняя его значение.

В последнем из рассматриваемых нами примеров, взятом из пятьдесят седьмой главы романа, снова находим графон, передающий выговор героя: «*Which you **meantersay**, Pip, how long have your illness lasted, dear old chap?*» Здесь *meantersay* представляет собой искажённое словосочетание *mean to say*. В переводе мы не отмечаем его полноценной замены на другое художественное средство: *Это ты о том, Пип, что сколько, мол, времени ты проболел, дружок?* Разговорная частица *мол* вводит в предложение чужую речь, как и выражение фраза *mean to say*, но не включает в себе смысла характеристики персонажа.

Таким образом, графон как *графическое* художественное средство можно заменить при переводе на приёмы иного качества (*лексические* либо *синтаксические*), при этом добиваясь относительной аппроксимации смысла, заложенного в языке оригинала. Исследование может быть продолжено рассмотрением иных примеров переводов художественных произведений на английском языке, содержащих графон, и анализом использованных в них переводческих решений.

Список использованных источников

1. Диккенс Ч. Большие надежды // Библиотека Максима Мошкова. – Режим доступа: URL: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d23.txt_with-big-pictures.html. (дата обращения 26.01.2019).
2. Исакова А. Ш., Каболова Б. С., Сатанова А. С. Языковое манипулирование через графон в рекламных текстах [Электронный ресурс] // Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова. – 2010. – Режим доступа: URL: http://www.rusnauka.com/9_DN_2010/Philologia/61052.doc.htm (дата обращения 26.01.2019).
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. С. 17–19, 21–23.
4. Ползунова М. В., Никитин С. С. Графон как феномен современного языкового пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9–1 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grafon->

как-phenomen-sovremennogo-yazykovogo-prostranstva (дата обращения 26.01.2019).

5. Dickens Ch. Great Expectations [Electronic resource] // Project Gutenberg. 2008. – Mode of access: URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm>. (дата обращения 26.01.2019).

УДК 81'33

ИЗ ОПЫТА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ НА РУССКИЙ И УКРАИНСКИЙ ЯЗЫКИ

Э. В. Пиванова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

А. А. Стогний,

студент пятого курса кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Аннотация. Цель работы – выявить специфику перевода текстов жанра фэнтези и систематизировать способы преодоления типовых переводческих трудностей путем сравнительного анализа оригинального и переводных текстов. Методы исследования – описательный метод, сопоставительный метод, семантический анализ, стилистический анализ. Результаты работы показали, что более удовлетворяющим критериям адекватности оказался перевод на украинский язык, в котором переводческих потерь было заметно меньше, а ценных переводческих находок (в частности, при передаче стилистически маркированных единиц) – больше. В заключение приводятся положения художественного перевода, релевантные для перевода произведений жанра фэнтези.

Ключевые слова: художественный дискурс, фэнтези, сопоставительный метод, художественный перевод, переводческие потери.

Summary. The purpose of this work is to identify the specifics of translating texts that belong to the fantasy genre, as well as to systematize the options used to overcome typical translation issues, through a comparative analysis of the source and the target texts. The research involved the descriptive and the comparative methods along with semantic analysis and statistical analysis. The outcomes show that the translation that best fit with the appropriateness criteria was that into the Ukrainian language, which featured much fewer translation losses at the same time demonstrating more of valuable solutions (namely, when rendering stylistically marked units). The conclusion contains certain statements regarding literary translation, which shall be relevant when translating fantasy texts.

Key words: literary discourse, fantasy, comparative method, literary translation, translation losses

Статья подготовлена в ходе разработки темы «Коммуникативно-прагматические особенности контрастных оппозиций в произведениях жанра фэнтези». Исследование проводится в сравнительно-сопоставительном ключе, материалом послужил оригинальный англоязычный текст романа Дж. Р. Р. Мартина (*A Dance with Dragons: Part 1 Dreams and Dust*) и его переводы на русский («Танец с драконами. Грезы и пыль») и украинский («Танок з драконами. Мрії і пил») языки.

Сопоставительный метод в переводоведении в онтологическом и гносеологическом плане можно считать основным. Сравнение переводов одного и того же текста или хотя бы его фрагментов – один из самых востребованных и наглядных по своей эмпирике способов критики перевода; еще в 1976 году В. В. Бибихин писал, что такое сравнение помогает, в том числе, и лучшему пониманию оригинала, некоторые возможности которого раскрываются лишь в переводе [1, с. 37–38] (заметим, как минимум потому, что этот процесс потребует максимально сосредоточенного внимания ко всем элементам сравниваемых текстов, внимания, «замешанного» на высокой коммуникативной культуре исследователя, знании истории литературы и лингвистики текста, герменевтических моделей и собственно переводческих принципов, методов и конкретных приемов).

Практическая переводческая деятельность наводит на мысль о том, что при работе с любым текстом мы в первую очередь не просто определяем его функционально-стилистическую и жанровую принадлежность (что дает ценные «общие» ориентиры в отношении того, как его корректно перевести), – мы пытаемся отыскать конкретный образец. Только гениальное сознание (к каковым мы относим в частности, и Р. Толкиена, основоположника жанра фэнтези в том виде, в котором он завоевал любовь и признание читателей по всему миру) может совершить качественный скачок; любой же просто творчески одаренный писатель или переводчик всегда опирается на уже созданное. Перевод мы пишем, имея перед умственным взором «образ образца», и всегда задаемся вопросом: «На что это должно быть похоже?».

Именно в силу того, что степень переводческой инициативы ограничивается конвенциями функционального стиля, жанра, художественного направления, идиостиля автора, коммуникативно-равноценные замены следует искать в корпусе параллельных текстов; параллельными (в широком понимании) считаются близкие по структуре и смыслу тексты одной и той же проблематики на разных языках [2, с. 11].

Николай Любимов признавался: «Когда я перевожу какого-нибудь автора, я всегда стараюсь найти ему некое, хотя бы приблизительное, соответствие в русской литературе. <...> Когда я переводил роман

Мопассана «Милый друг», я перечитал всего Чехова» [3, с. 68]. Если ориентация на подобное – способ оптимизации переводческого процесса, в таком случае на какие тексты следует ориентироваться при работе с фэнтези? Начиная переводчик может задаться вопросом, есть ли отечественные авторы фэнтези (возможно, подражавшие зарубежным), тексты которых можно признать в качестве ориентиров для переводческой работы?

Лингвопрагматическая специфика литературы фэнтези во многом определяется ее англоязычным происхождением. Жанр возник в первой половине XX века в английской и американской прозе, место его в литературных координатах – на полпути между научной фантастикой и сказкой. Фэнтези – литература, основанная на необычном, немотивированном для обыденной логики, иррациональном допущении, напоминающая историко-приключенческий роман, события которого происходят в условной реальности. Эта реальность детально разработана: нам известна ее география, история, жизненный уклад населяющих ее народов, эндемичные культурные реалии – и многочисленные волшебные артефакты. Магия и волшебство могут принимать самые разнообразные формы, неизменным для фэнтези остается психологическая достоверность, точность описания характеров и отношений, в чем, как принято считать, кроется одна из причин популярности жанра. Эта литература с доставшейся ей от сказки завуалированной назидательностью обращается к вечным ценностям человеческого бытия, актуализирует понятия чести, свободы, личного достоинства героя, с которым ассоциирует себя читатель. Погружаясь в вымышленную реальность с ее собственной внутренней логикой (а логичность, дающая возможность морально-этической трактовки и даже некоторого предвосхищения сюжетных событий – несмотря на волшебную составляющую, – способствует ее более эффективному освоению), читатель удовлетворяет свои эскапистские потребности. И переводчик – лишь при условии кропотливой работы с корпусом параллельных текстов – сможет воспринять и адекватно передать особые социокультурные, эстетические и эмоциональные компоненты, надстраиваемые авторами фэнтези над базисом конвенций художественного дискурса вообще.

Любой языковой элемент художественного дискурса (прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно) представляет картину мира автора и репрезентирует его интенцию, благодаря чему «чужой», т. е. авторский мир, становится для читателя «своим», присваивается его сознанием и превращается в эффективный способ познания мира и себя. Такое воздействие не является прямым, оно опосредовано спецификой поэтического языка, особенностями его индивидуально-авторского использования и множественностью предлагаемых читателю игровых повествовательных масок [4, с. 87]. Задача переводчика – установить

закономерные связи между средствами художественной выразительности и системой авторских смыслов, передаваемых при помощи этих средств, и попытаться разработать для них столь же непротиворечивую систему средств языка перевода.

Несмотря на родство украинского и русского языков, переводы на них одного и того же текста могут отличаться кардинальным образом. При сопоставительном анализе двух переводов можно заметить, что один очевидно проигрывает в адекватности другому. Рассмотрим примеры из нашей картотеки.

Язык произведения оригинала представлен в основном нейтральной лексикой, однако в речи героев широко используется сниженная и возвышенная лексика. Ее употребление зависит от ситуации общения, социального статуса говорящего: «*He's going to pull my guts out*» – «*Сейчас он мне кишки выпустит*» – «*Він мені всі тельбухи витягне!*»). Перевод данной фразы на украинский нарушает эмоциональную тональность и степень экспрессивности выражения. В оригинале персонаж мрачно констатирует факт надвигающейся смерти, а в украинском переводе восклицательным знаком передается внутренняя динамика состояния героя, его обеспокоенность – активная, он не сдаётся, ищет выход из сложной ситуации.

Однако в целом для перевода произведения на русский (в большей степени) и украинский языки характерны переводческие потери, а не добавления информации. Так, в текстах перевода произведения на оба языка мы часто можем заметить использование переводческой трансформации объединения предложений: «*Hodor screamed. He twisted, stumbled, fell*» – «*Ходор завопил, оступился, упал*» – «*Ходор заверещав, крутнувся, запнувся і впаав*». В русском переводе происходит опущение глагола «*twisted*» («*крутанулся, повернулся*»), что, казалось бы, лишает предложения излишней громоздкости, в то время как в украинском варианте наблюдаем полностью эквивалентный перевод фразы, при этом эффекта перегруженности мы не отмечаем.

Зачастую при переводе на оба языка происходит потеря стилистически маркированных единиц, что лишает текст определенной степени выразительности: «*For half a heartbeat Bran thought maybe a root had gotten tangled round his ankle*» – «*Корень, подумал Бран, но нет...*» – «*На пів-удару серця Брана охопила надія, що то корінь заплутався навколо гомілки...*». Мы видим, что в русском варианте перевода отсутствует перифраз «на пол удара сердца», тогда как в украинском он остался.

Опущение стилистических элементов в обоих переводах мы можем наблюдать в следующем примере: «*His white hair was fine and thin as root hair and long enough to brush against the earthen floor*» – «*Тонкие, редкие белые волосы отросли до самого пола...*» – «*Біле волосся було тонке та ріденьке, але таке довге, що спадало на земляну підлогу.*». Отсутствие

сравнения волос с «корневыми волосками» в обоих языках уменьшает степень впечатления об их тонкости и редкости.

Все же есть некоторые моменты в текстах перевода, когда стилистические средства компенсируются иными средствами. Например: «*When Rhaegal roared, a gout of yellow flame turned darkness into day for half a heartbeat*» – «Рейегаль взревел, и язык желтого пламени на миг осветил тьму» – «Раегал заревів. Вибух жовтого полум'я на пів-удару серця перетворив нічну темряву на яскравий день». И хотя мы наблюдаем здесь прием контекстуальной конкретизации, когда в каждом языке было найдено удовлетворяющее нормам лексической сочетаемости выражение для фразы «*a gout of yellow flame*» («язык желтого пламени» и «вибух жовтого полум'я»), образная составляющая лексем «*gout*» передана неточно, так как она имеет значение «капли, брызги, поток».

Говоря о неточности семантической передачи, можно также привести следующий пример: «*A hand, he saw, as the rest of the wight came bursting from beneath the snow*» – «...из-под снега высунулась рука, а за ней показался и весь упырь» – «“Рука!”» – зрозумів Бран, і тут з-під снігу вигулькнула решта мертв'яка». Выражение «*came bursting*» несет ярко выраженную семантику резкого движения, но в русском языке этот признак вовсе не передан, а в украинском слабо обозначается разговорным выражением «вигулькнути» («выскочить, вынырнуть»).

Весьма некорректно на украинский язык переведен следующий фрагмент: «*It was a girl, but smaller than Arya, her skin dappled like a doe's beneath a cloak of leaves*» – «Меньше Арьи, кожа в пятнышках, как у лани...» – «На вигляд то й справді була дівчинка, проте менша за Ар'ю, з плямистою, наче в сарни, шкірою під накидкою з листя». Сравнение не с ланью (как это происходит в оригинале и русском переводе), а с серной неуместно, ведь у серны далеко не всегда пятнистая окраска, в отличие от лани.

В этом же отрывке текста мы можем отметить наиболее грубую ошибку, допущенную при переводе на русский язык: «*Her eyes were queer – large and liquid, gold and green, slitted like a cat's eyes. No one has eyes like that*» – «...глаза с узкими как у кошки зрачками наполнены золотистой зеленью» – «Очі вона мала чудернацькі: великі та мінливі, наче рідина, золоті з зеленим, зі схожою на котячу щілиною зіниці. “Таких очей не буває”». Выделенные фрагменты вовсе не были переведены на русский язык, хотя описание необычности, сверхъестественности какого-либо явления – один из самых ярких признаков текста жанра фэнтези.

В целом более удовлетворяющим критериям адекватности оказался перевод на украинский язык, в котором переводческих потерь было заметно меньше, а ценных переводческих находок (в частности, при передаче стилистически маркированных единиц) – больше.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы. Трудности перевода литературы фэнтези обусловлены в первую очередь тем, что в этих текстах создается «иная», вымышленная реальность, описать все детали которой не представляется возможным, в силу чего переводчик «достраивает» ее в соответствии с личной литературной компетенцией; именно по этой причине мы постулируем необходимость регулярно знакомиться с корпусом параллельных текстов избранной для переводческой работы области. Во-вторых, переводчик, как уже доказано лингвистической наукой, не может исключить влияние лингвистических параметров языка оригинала, но в случае с переводом фэнтези трансференция может оказаться особенно полезной, поскольку более частое использование структур, аналогичных таковым ИЯ, большая частотность искусственно созданных единиц по моделям языка оригинала может усилить впечатление другой реальности.

Сопоставительный анализ оригинала и перевода (и переводов между собой) позволяет обосновать необходимость и правомерность тех или иных переводческих преобразований, совершаемых в условиях объективно наличествующих неконгруэнтных отношений между системами сравниваемых языков и структурами дискурсов.

Список использованных источников

1. Бибихин В. В. Опыт сравнения разных переводов одного текста // Тетради переводчика. Вып XIII. М.: Международные отношения, 1976. С. 37–46.
2. Ковалева К. И. Оригинал и перевод: два лица одного текста. М.: Всероссийский центр переводов, 2001. 158 с.
3. Любимов Н. М. Перевод – искусство. М.: Сов. Россия, 1982. 128 с.
4. Сердюк Е.Н. К проблеме определения признаков художественного дискурса // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 226. С. 85–87.

УДК 82.21

ФУНКЦИИ РЕАЛИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДРАМЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Е. В. Полховская,

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

П. Ю. Нечипас,

обучающаяся третьего курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье дается определение понятию «реалия» в художественном тексте, а также приводится классификация реалий и основные функции. Определяются основные варианты перевода

политических реалий на материале пьесы Дэвида Хейра *Stuff Happens*. Делается вывод о том, что большинство реалий переводятся с помощью кальки или подбора эквивалента. Использование большого количества реалий в драме объясняется как жанровой направленностью пьесы, так и желанием автора просветить читателя относительно особенностей политического устройства США и таким образом облегчить его восприятие пьесы.

Ключевые слова: политическая драма, современная английская драматургия, Дэвид Хейр, политическая речь, реалии.

Summary. This article defines the concept of “realia” in the literary work, as well as introduces classification of realia and main functions. It identifies the main options for translating political realia on the material of David Heir’s play *Stuff Happens*. It is concluded that most realia are translated using a calque or selecting an equivalent. The use of a sufficiently large number of realia in the drama is explained both by the genre of the play, and by the author’s desire to enlighten the reader in the features of the US political structure and thus ease his perception of the play.

Key words: political drama, modern English drama, David Heir, political speech, realia.

Перевод политических реалий по праву считается достаточно трудоемким и ответственным процессом. В силу того, что некоторые реалии являются национальными или культурными, могут возникать трудности, связанные с отсутствием аналогов в языке перевода. В таком случае переводчики вынуждены использовать разные переводческие трансформации для достижения перевода максимально приближенного к оригиналу. В данной статье нами будут рассмотрены функции политических реалий и особенности их перевода на материале современной политической драмы Дэвида Хейра *Stuff Happens*.

Таким образом, цель данной статьи заключается в определении политических реалий в пьесе Дэвида Хейра «Всякое Бывает», выявлении их функций и особенностей перевода.

Задачи данной работы представлены следующим образом:

- выявить реалии, функционирующие в пьесе Дэвида Хейра «Всякое бывает»
- наметить стратегию перевода политических реалий в пьесе

Актуальность данного исследования обусловлена как высокой социальной значимостью такого явления как политическая драма, так и важностью ее адекватного перевода. Новизна исследования обусловлена новизной предлагаемой нами научной проблемы, а также малоизученностью современной английской драматургии в целом.

При написании данной статьи были использованы ряд методов: метод вербального анализа, метод текстового анализа, сравнительный метод,

метод тщательного прочтения, метод структурного анализа и метод переводческого анализа.

Пьеса, на материале которой мы рассмотрим функции и особенности перевода политических реалий, написана в 2014 году в жанре политической драмы. Данный жанр возник в начале XX века, но лишь к 70-ым годам того же века достиг расцвета. Произведения данного жанра нашли положительный отклик у читателей благодаря отображению общественного мнения на те или иные события социального, политического или экономического характера, происходящие в стране. Наиболее известными авторами, чьи произведения написаны в жанре политической драмы являются: Бернард Шоу, Дж. Арден и Маргарита Д'Арси, позже Баркер и Хейр.

Прежде чем приступить к рассмотрению функций и особенностей перевода политических реалий в пьесе Дэвида Хейра «Всякое бывает», следует дать определение понятию «реалия» и привести основные ее виды.

В словаре иностранных слов под редакцией Комлева Н. Г. дается следующее определение понятию «реалия»: 1) предмет; действительно существующая, конкретная вещь; 2) *реалии* – объективные факты как исторический фон литературного или иного описания; в методике преподавания иностранных языков – этнические или национальные особенности, получившие отражение в данном языке, но не переводимые на другие (или переводимые только описательно) [1, с. 189]. Иными словами, в интересующем нас контексте, реалия – это предмет, явление или персонаж, существующий в рамках лишь одной культуры и не имеющий эквивалентов в прочих культурах. К примеру, **витязь** в славянской культуре, **самурай** в восточной культуре, **ковбой** в американской культуре и т.д. Существуют различные классификации реалий, в данной статье мы приведем одну из самых распространенных, предложенной Г. Томахиным [2].

Итак, по предметному содержанию реалии делятся на:

- общественно-политические
- этнографические
- географические

Также по времени возникновения и употреблению выделяют исторические и современные реалии.

К **общественно-политическим реалиям** относят названия титулов (**князь**), названия организаций, органов власти и единиц территориально-административного устройства (**губерния, штат, станица**).

К **этнографическим реалиям** относят понятия, связанные с бытом и культурой (**лапти, казак**) и т.д.

К **географическим реалиям** относят названия объектов физической географии: названия рек, горных вершин и населенных пунктов.

Говоря о **функциях** реалий в художественном тексте, стоит отметить, что они тесно связаны с конкретным типом, к которому относится та или иная реалия. Так, использование реалий может быть обусловлено необходимостью достичь национального колорита за счет упоминания понятий, напрямую связанных с бытом и культурой, воссоздать местный (географический колорит), а также для более динамичного и достоверного описания. Это могут быть слова-реалии, связанные с национальной одеждой, предметами утвари и т.д. Помимо данных функций, выделяют также воссоздание исторического колорита, посредством ссылок на тех или иных исторических личностей.

Как уже упоминалось ранее, для перевода реалий необходимо прибегнуть к **переводческим трансформациям**: транскрипции и транслитерации, подбору функционального аналога, эквивалента, замене, а также кальке.

Транскрипция и транслитерация зачастую используется в художественном тексте и в публицистике. Данные виды трансформации предполагают воспроизведение буквенного или звукового состава слова. Таким образом, переводчик достигнет сразу две цели: передаст национальный колорит той или иной реалии, а также в полной мере донесет ее смысл. Примерами реалий, переведенных с помощью транскрипции и транслитерации могут служить различные названия компаний, а также общественно-политических реалий и географических. К примеру, *Al Qaeda* – *Аль-Каида*, *Ramadan* – *Рамадан*, *Pentagon* – *Пентагон* [3, с. 28–29]. Однако при использовании данных трансформаций стоит обратить внимание на целевую аудиторию, а также ассоциации, которые могут возникнуть из-за фонетических сходств различных слов в тех или иных языках.

Калька используется при необходимости сохранить непосредственный смысл реалии. Однако в таком случае, перевод может утратить национальный и культурный колорит. Примерами реалий, переведенных с помощью данной трансформации могут служить: *Liberal Party* – *партия либералов*, *White House* – *Белый Дом* [3, с. 45].

Подбор функционального аналога также является достаточно популярным среди переводчиков приемом перевода реалий. Уподобление основывается на сходстве понятий, которые будут вызывать похожие ассоциации у читателей перевода, как и у читателей исходного текста. Примерами могут послужить: *Vice-President* – *премьер-министр* [3, с. 56].

Подбор эквивалента представляется возможным только при условии наличия в языке перевода того или иного понятия из языка оригинала.

Замена также может быть применена при переводе реалий. Однако следует отметить, что при замене реалии будет утрачен не только национальный колорит, но и слово будет явно выделяться из всего контекста.

В пьесе Дэвида Хейра *Stuff Happens* нами было выявлено большое количество общественно-политических реалий, которые в основном являются либо названиями политических структурных подразделений, либо должностей военной или политической направленности. В процентном соотношении приблизительное количество реалий в данной пьесе составляет 70% из которых 60% – общественно-политические. Далее мы приведем примеры выбранных нами реалий и предложим вариант их перевода.

1) **Secretary of Defense – Министр Обороны** [3, с. 15]. Данная реалия означает министерскую должность в Кабинете Президента США в чьи обязанности входит контроль и регулирование всех вопросов, касающихся вооруженных сил страны. Если переводить дословно (Секретарь Защиты), то реалия теряет свой смысл и звучит больше как юридическая должность. В данном случае, следует подобрать эквивалент в соответствии с языком перевода.

2) **Legion of Merit – Легион Почета** [3, с. 25] – военная награда в США. В России подобной награды не имеется, поэтому эквивалент подобран быть не может. В таком случае, следует применить калькирование и сделать сноску с кратким комментарием от переводчика.

3) **Labour MP (Labour Member of Parliament) – Лейборист** [3, с. 27] – член политической партии в Великобритании. В данном случае, мы предлагаем применить смешанный перевод: транскрипцию и грамматическую замену для того, чтобы читателям было ясно о чем именно идет речь.

4) **Downing Street – Даунинг-стрит** [3, с. 14] – это улица в Вестминстере, на которой проживают известные политики. В данном случае реалия представлена названием улицы и по правилам перевода следует применить транскрипцию для успешной передачи как смысла, так и национального колорита.

5) **Oval Office – Овальный Кабинет** [3, с. 47] – это кабинет президента США в Белом доме. Так как в нашей культуре не существует эквивалента данному понятию, и кабинет президента Российской Федерации не имеет какого-либо названия, подбор аналога в русском языке не представляется возможным. Следовательно, перевод следует осуществить с помощью калькирования и сделать сноску с кратким комментарием от переводчика.

6) **Presidential Emergency Operations Center – Штаб президента по регулированию экстренных ситуаций** [3, с. 53] – секретный кабинет под Белым домом для переговоров в случае экстренных ситуаций. В данном случае мы предлагаем применить калькирование в виду отсутствия аналога данного понятия в русском языке.

7) **New York Stock Exchange** — **Нью-Йоркская биржа** [3, с. 34] – главная фондовая биржа в США. В данном случае мы применили транскрипцию и подбор эквивалента.

8) **Deputy Under-Secretary Defense** – **Заместитель Министра обороны** [3, с. 43] – министерская должность в Кабинете Президента США. В виду того, что дословный перевод не может передать суть реалии русским читателям, стоит применить подбор эквивалента и вызвать у читателей похожие ассоциации.

9) **National Security Council** – **Совет национальной безопасности США** [3, с. 60] – консультативный орган при президенте США для решения вопросов национальной безопасности и внешней политики. При официальном переводе было применено калькирование и отклонение от нормы не допускается.

10) **The CIA** – **The Central Intelligence Agency** – **ЦРУ/ Центральное разведывательное управление** [3, с. 65] – агентство Федерального правительства США, основной функцией которого является сбор и анализ информации о деятельности иностранных организаций и граждан. В данном случае, следует применить калькирование, так как перевод является официально принятым и отклонение от нормы может вызвать недопонимание.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в пьесе Дэвида Хейра *Stuff Happens* содержится достаточно большое количество реалий либо общественно-политических, либо географических. Из 10 выбранных нами реалий две имели официально принятый перевод, остальные были в основном переведены с помощью калькирования или же подбора эквивалента. Использование достаточно большого количества реалий в драме может быть объяснено как жанровой направленностью пьесы, так и желанием автора просветить читателя в особенностях политического устройства США и таким образом облегчить его восприятие пьесы.

Список использованных источников:

1. Словарь иностранных слов. Автор: Комлев Н. Г. Издательство: Москва, ЭКСМО-Пресс, 2000.
2. Феденко И. С. Реалия как объект перевода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study-english.info/article075.php> (дата обращения 15.01.2019)
3. Hare, David. *Stuff Happens*. New York. Faber and Faber, Inc., 2004, P.120.

РОЛЬ ДОМАШНЕЙ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Т. Ю. Прожого,

*студентка 6 курса, ОО ВПО «Горловский институт иностранных
языков», Горловка, ДНР*

Аннотация. В статье рассматривается роль самостоятельной и домашней работы в формировании навыков самостоятельной деятельности учащихся. Особое внимание уделяется организации самостоятельной работы по иностранному языку на разных этапах обучения и роли домашних заданий в обучении. Помимо этого, уделяется внимание формированию таких личных качеств как чувство ответственности, сознание обязательности выполнения задания, самоконтроль и самоорганизация.

Ключевые слова: самостоятельная работа, домашняя работа, самоорганизация.

Summary. This article discusses the role of individual work, homework in the formation of skills of independent activity of the students. Special attention is paid to the organization of independent work in a foreign language at different stages of learning and the role of homework in studying. In addition, the attention is paid to the formation of such personal qualities as a sense of responsibility, the consciousness of the obligation to perform the task of self-control and self-organization.

Key words: individual work, homework, self-education, self-discipline.

В современной системе образования нет единого определения понятия «самостоятельная работа». По мнению Б. П. Есипова, самостоятельная работа – это такая работа учащихся, которая включается в процесс обучения и выполняется без непосредственного участия учителя, но по его заданию [3, с. 15]. Ученики стремятся достигнуть поставленной задачи, проявляя усилия и выражая результаты своих действий.

Г. М. Коджаспирова определяет самостоятельную учебную работу как вид учебной деятельности, при котором предполагается определенный уровень самостоятельности ученика во всех структурных компонентах: постановка проблемы и осуществление контроля над ней, самоконтроль и коррекция с переходом от простых заданий к более сложным [5, с. 134].

И. И. Прокопьев дает свое определение, в котором самостоятельная работа выступает как индивидуальная или коллективная учебная деятельность по заданиям, но при непосредственном участии педагога. Автор выделяет 3 главные функции самостоятельной работы: образовательная, воспитательная и развивающая [7, с. 86].

Самостоятельная работа призвана решать следующие задачи в обучении:

- развитие умений и навыков планировать работу, подбирать нужные источники информации, использовать учебник, организовать свое рабочее место и т.д.;

- формирование мотивации учащихся к самообразованию: проявлению любознательности, познавательных интересов и потребностей, стремления самостоятельно пополнять знания и расширять кругозор;

- формирование навыков самообразования и организации учебной деятельности.

Выделяют следующие этапы самостоятельной работы:

1. Принятие учеником цели и задач работы, сформулированных учителем.

2. Выполнение учебных действий. Вслед за осознанием цели и задачи происходит восприятие учебного материала, его усвоение и получение результата. Для достижения лучшего результата рекомендуется повторение учебных действий.

3. Самоконтроль. Важным элементом самостоятельной работы является умение проверять себя и оценивать результаты своих действий. Однако многие школьники не умеют контролировать себя, т.к. не владеют приемами самоконтроля [6, с. 49].

Эффективность самостоятельной работы обусловлена рядом требований. Важнейшее значение здесь имеет правильный подбор материала для самостоятельного изучения по учебнику. В беседе, предваряющей задание, учитель точно определяет тему материала, проводит общее ознакомление с его содержанием, обращает особое внимание на те вопросы, которые ученики должны усвоить в процессе работы, а также дает советы о правильном порядке самостоятельной работы и самоконтроле.

В целом, самостоятельная работа способствует более эффективному усвоению изучаемого материала, стимулирует личностные и профессиональные интересы школьников, активизирует творческую активность, а также способствует росту мотивации. Урок иностранного языка тому не исключение. При изучении иностранного языка для развития самостоятельной деятельности школьников выносятся следующие требования:

- Ученик должен осознать цель и задачи каждого конкретного упражнения. Он должен знать, что он будет с ним делать, какой результат желает увидеть в конце, и чем данное упражнение сможет обогатить его опыт.

- Ученик должен знать процедуру выполнения задания. Для этого учителю необходимо вооружить учащихся всеми необходимыми знаниями, исходя из возможностей класса и их опыта на иностранном языке.

- Ученик должен уметь пользоваться необходимыми материалами для выполнения задания: звукозапись, учебный дидактический материал, справочная литература (словари, справочники) [10, с. 168].

Неотъемлемой частью самостоятельной работы учащихся в школе является домашняя работа, которая занимает немало времени и сил. Так, младшие школьники должны уделять около 4 часов в неделю на изучение иностранного языка, средние классы – от 3 до 3,5 часов в неделю, и старшая школа – от 2,5 до 3 часов самостоятельных занятий по иностранному языку.

В современной педагогике принято выделять 3 уровня самостоятельной работы: воспроизводящий, полутворческий и творческий [11, с. 134].

Воспроизводящий уровень отвечает за формирование вербальной лексико-грамматической базы. На данном уровне школьникам предлагается такие упражнения, как чтение за диктором или списывания с учебника. Такие типы упражнений помогут учащимся подготовиться к решению задач более высокого уровня.

Полутворческий уровень является следующим по сложности после воспроизводящего. Главной задачей является умение школьников переносить приобретенные знания на аналогичные ситуации. Данный уровень выражен в таких упражнениях, как: чтение слов, словосочетаний и предложений без примера-образца, не списывание с учебника, а собственная интерпретация прочитанного в письменной форме, формирование высказываний в аналогичных ситуациях. Самостоятельная работа полутворческого уровня связана с такими операциями, как подстановка, расширение и трансформация.

Творческий уровень помогает сформировать и усовершенствовать умения и навыки осуществления поиска при решении более сложных задач, таких как: подготовить устное или письменное сообщение, прослушать доклад и выразить свое отношение к нему, прочитать рассказ и ответить на проблемные вопросы и т.д. На данном этапе самостоятельной работы происходит творческое формирование личности [5, с. 223].

Исследования показали, что многие школьники просто незнакомы с рациональными приемами самостоятельной работы при изучении иностранного языка. При выполнении такого задания, как прочитать и перевести текст, большая часть учеников, не читая текст и не зная, о чем идет речь в тексте, сразу берутся за словари и начинают искать незнакомые слова. Найдя необходимое слово, они не пытаются выяснить его семантическое значение в тексте. Вместо этого дети просто берут первое попавшееся значение данного слова, поэтому перевод текста довольно часто бывает неправильным.

По нашему мнению, развитие навыков самостоятельной работы будет целесообразно проводить в следующих направлениях:

- учить школьников осознано и ответственно относиться к домашним заданиям;

- искать наиболее эффективные и доступные пути усвоения нового материала;

- показать ученикам, как нужно работать с учебником и словарями [4, с. 90].

Самостоятельная работа эффективна лишь в том случае, если когда она предварительно хорошо подготовлена учителем. Система работы на уроке должна готовить учащихся к самостоятельному домашнему выполнению поставленных учителем задач. Именно на уроке учитель должен показать схему работы над конкретным упражнением, по которой класс дома будет самостоятельно выполнять домашние задания. Однако в современной школе объяснению домашнего задания практически не уделяется внимание. Учитель просто называет страницу и номер упражнения, не давая никаких объяснений или рекомендаций по его выполнению. Поэтому ученик всегда выполняет домашнее задание по своему усмотрению, как он его понимает. Все это приводит к проблемам в изучении материала и неэффективности в его усвоении.

Важной частью подготовки учащихся к выполнению домашней самостоятельной работы является формирование общеучебных умений, таких как: умение планировать свое время; выделять главное и второстепенное в учебном материале; работать с дополнительной литературой, справочниками и словарями; составлять тезисы и план своего выступления и т.д.

В качестве примера мы можем взять текст для 7 класса «English schools». Ученик читает текст первый раз для того, чтобы понять общий смысл. После второго прочтения ему предлагается выписать из него основные сведения, которые касаются распорядка дня в школе. Следующее задание для детей – выписать предложения, которые характеризуют только английскую школу. После прочтения текста в последний раз, ученик запоминает основную информацию и выходит на уровень монологической или диалогической речи по теме «Day regulations at schools in our country and in Great Britain».

Обучение школьников приемам и способам самостоятельной работы поможет ему овладеть основными приемами учения, методологией познания по изучаемому предмету. Данный вид работы поможет также расширить знания учащихся об изучаемом языке, тем самым обеспечив возможность достигнуть практических, воспитательных и образовательных целей при изучении иностранного языка [6, с. 25].

Таким образом, самостоятельная работа должна не только способствовать усвоению школьного курса по иностранному языку, но и готовить учащихся к дальнейшему самообразованию после окончания школы. Она должна заложить основы для чтения неадаптированных

текстов. В процессе такой работы у учеников формируются некие автоматизмы, умения анализировать и синтезировать текстовый материал, вырабатываются навыки работы со словарем и справочной литературой, расширяется информативность школьников в различных областях знаний, поддерживается мотивация учащихся [2, с. 104].

Список использованных источников

1. Горчев А. Ю. Самостоятельная работа школьников по иностранному языку: условия эффективности. // Иностранные языки в школе. – 1988. – № 4. С. 104.
2. Есинов Б. П. Самостоятельная работа учащихся на уроке. М.: Учпедгиз, 1961. 240 с.
3. Златогорская Р. Л. Развитие навыка самостоятельной работы при обучении иностранному языку. // Иностранные языки в школе. – 1970. – № 6. С. 90–93.
4. Коджаспирова Г. М. Словарь по педагогике. М.: МарТ, 2005. 448 с.
5. Махмутов М. И. Современный урок: вопросы теории. М.: Педагогика, 1985. 49 с.
6. Прокопьев И. И. Педагогика. Избранные лекции: Учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 3. – Дидактика. Гродно: ГрГУ, 2000. 138 с.
7. Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе (Б-ка учителя иностр. языков). М.: Просвещение, 1991. С. 223–227.
8. Рогова Г. В. Некоторые предложения по организации самостоятельной работы учащихся. // Иностранные языки в школе. – 1980. – № 5. С. 25–31.
9. Семушина Л. Г., Ярошенко Н. Г. Содержание и технологии обучения в средних специальных учебных заведениях: учеб. пособие для преп. сред. проф. образования. М.: Мастерство, 2001. 168 с.
10. Сололова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. – 4-е изд. М.: Просвещение, 2006. 239 с.

УДК 81

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕАЛИИ «AMERICAN DREAM» В СТРАТЕГИИ АРГУМЕНТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М. Д. Рыжикова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Реалии представляются как безэквивалентная лексика, характеризующаяся фоновыми знаниями. На материале корпуса современного американского языка компонентным анализом определены

виды реалий, которые служат способом имплицитной аргументации. Целью статьи является демонстрация использования такой лексики в качестве средства убеждения в английском языке на примере употребления реалии «American Dream». Коммуникативная нагрузка исследуемой лексической единицы выявлена и описана приемом лингвокультурного метода. Установлено, что реалия «American Dream» является эффективной техникой аргументативной стратегии в политическом дискурсе.

Ключевые слова: реалия, политический дискурс, стратегия аргументации, безэквивалентная лексика, «американская мечта».

Summary. Realia are viewed as non-equivalent lexis featured with background knowledge. On the data of the Corpus of Contemporary American English types of realia used to give implicit argumentation are determined by means of componential analysis. The article aims at demonstrating functioning of the researched lexis as a way of persuasion in English by illustrating usage of the American Dream realia. Communicative role of the investigated lexical unit is revealed and described with the help of linguacultural method. The study proves that the American Dream realia serves as an effective technique in the argumentative strategy in political discourse.

Key words: realia, political discourse, strategy of argumentation, non-equivalent lexis, American Dream.

Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к изучению приемов и правил эффективного речевого воздействия в разных сферах человеческой жизнедеятельности с целью формирования успешной коммуникации. Среди отечественных научных трудов последнего десятилетия в этой области отмечаются работы П. А. Черновой (2008), В. Н. Базылева (2009), Л. В. Уховой (2011), О. И. Тимофеевой (2011), М. В. Костюниной (2011), Ю. Ю. Генкина (2013), Ю. В. Работкина (2013), Т. П. Третьяковой (2015), М. В. Никифоровой (2015), Д. Ц. Доржиевой (2018) и пр. Объектом изучения становятся средства аргументации в политическом, рекламном, педагогическом, юридическом и других видах дискурса. Однако накопленный теоретический материал свидетельствует о том, что реалии как прием убеждения недостаточно освещены.

Целью настоящей работы является демонстрация использования реалий в качестве техники аргументативной стратегии в англоязычном политическом дискурсе. Материалом исследования послужили газетные тексты, относящиеся к разным жанрам политической коммуникации, размещенные в корпусе современного американского языка (СОСА [5]). Достижению цели способствовали компонентный анализ [3] и приемы лингвокультурологического анализа, в частности коммуникативно-прагматический метод [2].

Вслед за Г. Д. Томахиным, реалии определяются как «названия присущих только определенным нациям и народам предметов

материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п.» [4, с. 5]. Другими словами, это – безэквивалентная лексика, отличительной чертой которой считаются национально значимые фоновые знания [1].

Анализ показал, что именно фоновые знания играют решающую роль в аргументации. Говорящий апеллирует к ним при описании какой-либо ситуации. Как правило, такими лексическими единицами являются ономастические реалии (названия компаний, географические названия улиц и зданий, достопримечательных мест и районов, имена политических и общественных деятелей, названия печатных изданий, футбольных команд, сервисных служб, общественных учреждений) и реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой.

Реалия «American Dream» (русск. «американская мечта») относится ко второй группе согласно классификации, предложенной Г. Д. Томахиным [4]. Эта лексическая единица, относящаяся к общественной жизни, символична и отражает национальный менталитет. Выбор данной единицы для изучения обусловлен актуальностью «американской мечты» в современных политических условиях, в том числе на фоне повышенной миграционной волны.

В частности, описывая недовольство жителей США большим количеством иммигрантов, авторы статьи прибегали к проведению сравнения между жизнью до активной миграции и после. В нижеследующем примере в качестве аргумента, который американцы приводят в свою защиту, – их усилия и стремления на пути к достижению своей мечты. Жители США утверждают, что иммигранты нарушают их обычный уклад, тем не менее, подчеркивая, что не являются негативно настроенными в связи с демографическими изменениями: «*But staying within the city's borders could have its downside. An, 41, a sales director, recalled being initially startled by the changing demographics. "This is a wonderful, family-friendly place, but you can be ostracized if you don't easily adjust," said the mother of two boys. "The people who live here are here to symbolize the American dream kind of lifestyle. You kind of look the part, act the part". Fred Myers, a 30-year resident, stressed that he does not feel "any bias" against Asians. "On the one hand, as a property owner, I'm not adverse to it", he says about the overwhelming number of people from Asia and Asian Americans settling in Irvine*». Несмотря на преобладание отрицательного отношения к увеличению миграции, та же реалия может употребляться для того, чтобы подчеркнуть многонациональность Америки, что рассматривается в положительном ключе: «*Mario is living the American dream and is the epitome of what all Americans can accomplish when they make their dreams a reality with determination and hard work. Mario is exactly the type of person that President Ronald Reagan envisioned when implementing Hispanic Heritage Month back in*

1988. *President Reagan intended for this month to be a time to celebrate and honor the vast achievements of Hispanics and recognize their positive influence on our country. Hispanics are vibrant members of our communities and their culture and traditions are part of the very fabric that make our country».*

Популярно использование реалии «American Dream» в контексте, связанным с выборами кандидатов на пост президента США. Например, говоря о достоинствах того или иного претендента, апеллирование к «американской мечте» может стать аргументом в пользу определенной кандидатуры: «*But in 2016, Trump's message resonated deeply in DeWitt, and Trump beat Hillary Clinton by well over 2-to-1. "It was stunning -- stunning -- the Trump margins in rural Nebraska", said Brian Depew, director of the Center for Rural Affairs in Lyons. "People feel like the American dream doesn't exist for their children like it did for them and their parents. The frustration was real. Trump could tap into that frustration».* Так подчеркивается способность Д. Трампа вернуть людям веру в лучшее будущее.

Еще одной сферой употребления реалии является контекст ведения внутренней политики. В следующем примере исследуемая реалья служит дополнительным аргументом, который позволяет объяснить, почему говорящий не поддерживает продвигаемый Конгрессом законопроект. Имплицитно, автор намекает на то, как трудно человек идет к своей цели – осуществлению своей собственной американской мечты (тем самым подчеркивая, что она разная у каждого жителя США). В этом конкретном случае заветное открытие ресторана и вероятное его процветание может быть омрачено введением нового налога на зарплату, в том числе, и обслуживающего персонала, которая зависит напрямую от чаевых: «*Heather Bray worked as a server for more than a decade before achieving her version of the American dream: opening her own restaurant. After more than six years, though, the owner of The Lowbrow in south Minneapolis is worried about what will happen if the City Council approves a \$15 minimum wage without an exemption for tipped workers, also known as a tip credit. To keep paying her 43 employees, Bray said, she'd have to significantly raise prices. "I fear that everything we worked so hard for will crumble", she said».*

Аргументация критики того или иного политического действия также сопровождается апелляцией к «американской мечте». Реалия «напоминает» о действительной исторически сложившейся ценности народа США: «*I officially rebuke our president and attorney general for ending the DACA program. I commend New York Gov. Andrew Cuomo for declaring that his state will sue to protect dreamers from the overwhelmingly brutal horror of mass deportation. I call on governors across the nation to join Cuomo. I also call on Congress to reinstate the DACA program along with a clear pathway to citizenship in less than six months. America is multi-ethnic and multicultural, and we must strongly rebuke the actions of Trump, who sadly promotes the division, disruption and destruction of the American dream».*

Было отмечено, что реалия «American Dream» служит средством убеждения в политическом дискурсе имплицитно. Так, при разработке одной из рекламных кампаний напитка популярного в США производителя использовался скрытый призыв к американской мечте как средство критики миграционной политики президента. Вероятно, реалия служит аргументацией в пользу изменения управленческих тенденций: *«The spot prompted a backlash on social media from some conservative critics who saw it as a thinly veiled attack on President Trump's immigration policy. The company defended the commercial this month in a statement from Marcel Marcondes, vice president of marketing at Anheuser-Busch. "We created the Budweiser commercial to highlight the ambition of our founder, Adolphus Busch, and his unrelenting pursuit of the American dream", Marcondes said».*

Таким образом, реалия «American Dream» выступает эффективным приемом убеждения в политическом дискурсе при характеристике актуальных политических явлений.

Направлением дальнейших исследований может быть изучение потенциала аргументативной функции реалий в других видах дискурса.

Список использованных источников

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М: Высшая школа, 1968. с 144.
2. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
3. Распопов И. П. Методология и методика лингвистических исследований (методы синхронного изучения языка): Пособие по спецкурсу. Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1976. 111 с.
4. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по лингвострановедению. М.: Высшая школа, 1988. 239с.
5. Corpus of Contemporary American English [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения 29.01.2019 г.).

УДК 811.11

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

И. В. Самарина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ,
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону*

Е. О. Героник,

магистрант второго курса кафедры перевода и ИТЛ, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Иноязычные вкрапления стали неотъемлемой частью современной туристической рекламы. Статья посвящена описанию термина «иноязычное вкрапление», анализу способов перевода иноязычных вкраплений в англоязычных и испаноязычных рекламных текстах туристической тематики. В ходе работы над статьей использовался описательный метод и метод контекстуального анализа.

Ключевые слова: иноязычное вкрапление, способы перевода, транслитерация, транскрипция.

Summary. Foreign language inclusions have become an integral part of modern tourist advertising. The article is devoted to the description of the term “foreign language inclusion”, analysis of the methods of translation of foreign language inclusion in English-speaking and Spanish-speaking advertising tourist texts.

Keywords: foreign language inclusion, methods of translation, transliteration, transcription.

Иноязычные вкрапления являются важной частью возникновения современного англоязычного и испаноязычного рекламного туристического дискурса, несмотря на то, они не являются в прямом смысле элементами данных языков. Изучение перевода иноязычных вкраплений актуально в связи с их обилием в рекламных туристических текстах, которые в условиях глобализации активно и массово переводятся на другие языки.

Понятие «иноязычное вкрапление» было предложено А. А. Леонтьевым и В. Г. Костомаровым, которые выделяли 16 типов данных вкраплений. К ним исследователи относили такие разнообразные феномены как употребление русских слов с нарушением семантики, случаи передачи «иностранный акцента» и варваризмы [3, с. 60–68].

Л. П. Крысин определяет иноязычные вкрапления как «незамкнутые группы слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [2, с. 47]. Использование иноязычных вкраплений в речи может быть обусловлено тематикой, необходимостью описания реалий той страны, на чьем языке вводится вкрапление. Также употребление вкраплений может быть объяснено стилистическими и жанровыми факторами.

Наиболее полное, по нашему мнению, определение иноязычным вкраплениям дают С. Влахов и С. Флорин, характеризуя их как «слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для

создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда – оттенка комичности или иронии» [1, с. 263].

Рассматривая способы передачи иноязычных вкраплений в тексте перевода, исследователи (Влахов и Флорин) выделяют два основных подхода – введение вкрапления без изменения и пояснения или же доведение до читателя каким-либо образом значение вкрапления. В. Ю. Немонежная в своей работе расширяет данный подход и выделяет следующие способы передачи иноязычных вкраплений [4, с. 78–95]:

1. Сохранение исходной формы иноязычного вкрапления в тексте перевода без перевода в сноске:

And, later this year, you'll get the chance to dine al fresco in the flower garden, so you'll get to soak up the stunning scents as you tuck into a mouth-watering Parisian meal. Très chic. [5]

И позже в этом году у вас будет шанс поужинать на свежем воздухе в цветочном саду, вдыхая невероятные запахи и наслаждаясь аппетитными французскими блюдами. Très chic.

Данный способ используется в случае необходимости передачи колорита и атмосферы. Переводчик не рассчитывает на предварительное знакомство аудитории с языком вкрапления, потому что оно не является семантически значимым.

Le espera la ciudad más romántica del mundo, Bon voyage! [6]

Вас ждет самый романтический город мира. Bon voyage!

Сохранение исходной формы вкрапления может происходить также в случае, если вкрапление является широко известным словом или выражением, как это можно наблюдать в предложенном выше примере.

2. Сохранение исходной формы иноязычного вкрапления в тексте перевода при наличии перевода в сноске.

París, La vie en rose.

Dejadnos mostraros lo mejor de la capital francesa, para que vuestro viaje sea realmente una experiencia inolvidable, alejada de los clichés, mientras suena como música de fondo:

Quand il me prend dans ses bras

Il me parle tout bas,

Je vois la vie en rose... Bienvenidos al viaje de vuestra vida. [6]

Париж, жизнь в розовом свете. Позвольте нам рассказать о лучшем, что есть в столице Франции, чтобы ваше путешествие стало по-настоящему незабываемым, далеким от клише. А в это время пусть на фоне звучит музыка:

Quand il me prend dans ses bras

Il me parle tout bas,

Je vois la vie en rose...⁶

⁶ Когда он меня обнимает,

Добро пожаловать в путешествие всей вашей жизни.

В данном случае мы видим перед собой строчки из песни Эдит Пиаф. Перевод песни необходим для понимания рекламного объявления, однако отсутствие оригинала может испортить прагматический эффект – именно в таких ситуациях и применяется перевод в сноске.

3. Перевод иноязычного вкрапления на ПЯ без сохранения иноязычности.

You'll rewind back to the final scene of ET with an eery sense of déjà-vu. Tear yourself away from the woodland hideaway (trust us, it's hard) and you'll find plenty of activities on offer, too. [5]

Вы вспомните последнюю сцену фильма «Инопланетянин» и почувствуете навевающее ужас чувство дежавю. Выходите из своего укрытия в лесу (поверьте, это будет трудно), и вы найдете для себя множество занятий.

Перевод вкрапления в данном случае осуществляется в связи с тем, что слово «дежавю» активно используется в русском языке и не несет в себе яркого оттенка иноязычности.

Italia, La Dolce Vita! [6]

Италия, сладкая жизнь!

Кроме того, вкрапление может переводиться в случае, если у него есть традиционный устоявшийся перевод, как в приведенном выше примере, где *La Dolce Vita* является знаменитым фильмом Федерико Феллини. Также, следует отметить, что в оригинале используется данное вкрапление в связи с тем, что испанский и итальянский языки схожи лексически и испаноязычному потребителю было бы легко понять перевод данной фразы.

4. Перевод иноязычного вкрапления с культурологическими дополнениями

The traditional Love Knot Feast is back in Borghetto, event that celebrates the “tortellino”. The Love Knot Feast is surely one of the most beautiful and fascinating events of Verona's traditional culture. [5]

Традиционный фестиваль Love Knot Feast вновь проводится в Боргетто. Данное событие посвящено «тортеллино» – традиционному местному продукту. Фестиваль Love Knot Feast – это определённо одно из самых красивых и необычных событий традиционной культуры Вероны.

This all-Spanish city is where the country's stereotypes meet – bullfighting, flamenco, tapas. [5]

В этом типичном испанском городе встречаются все стереотипы – коррида, фламенко, традиционные закуски тапас.

A new survey carried out by TUI has revealed that 86% of us aren't scared to try out a few foreign words while we're away – from a quick “hola”, to full-

Он мне тихо говорит,
Я вижу жизнь в розовом свете.

blown sentences. [5]

Новое исследование, проведенное TUI выявило, что 86% людей не боятся использовать иностранные слова за границей – от быстрого испанского приветствия «hola» до целых предложений.

Подобный тип перевода применяется в случае, если иноязычное вкрапление является реалией – в таком случае само вкрапление не подвергается транслитерации или транслитерируется / транскрибируется, а в тексте следует объяснение его значения.

Таки образом, стоит отметить разнообразие способов перевода иноязычных вкраплений в рекламных туристических текстах.

Список использованных источников

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 263 с.
2. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 47 с.
3. Костомаров В. Г., Леонтьев А. А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи. // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. С. 3–15.
4. Немонетная В. Ю. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема: На материале русских переводов произведений А. Конан Дойла на историческую тематику автореферат: дис. ... кандидата филологических наук. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/inojazychnye-vkraplenija-v-hudozhestvennom-tekste-kak-perevodcheskaja-problema-na.html> (дата обращения 01.11.2018)
5. Официальный сайт туроператора TUI [Электронный ресурс] – URL: <https://www.tui.co.uk/> (дата обращения 01.11.2018)
6. Catai, expertos en grandes viajes. ¡Viajemos! [Электронный ресурс] – URL: <https://www.catai.es/> (дата обращения 01.11.2018)

УДК 81'25

ОБ АСИММЕТРИИ ОТТЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ И СПОСОБАХ ИХ ПЕРЕВОДА

Л. И. Сидорова,

кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар

Аннотация. Статья ставит своей целью изучение явления асимметрии тех единиц английского и русского языков, которые составляют подсистемы оттеночных прилагательных в лингвоцветовой картине мира обоих языков. Работа носит междисциплинарный характер, так как анализирует материал, сопряженный с переводческим дискурсом и лексической семантикой. В работе представлены результаты контрастивного анализа указанных подсистем, выявляющего совпадающие

и несовпадающие маркеры оттеночных прилагательных (ОЦО) в русском и английском языках; описываются типичные способы переводческих решений в передаче английских ОЦО на русский язык. В описание также включены и те прилагательные ОЦО, которые встречаются в рекламных каталогах, рассматриваются как экзотизмы и нуждаются в специфическом подходе при их семантизации.

Ключевые слова: оттеночные прилагательные цвета, асимметрия, маркеры оттеночных прилагательных цвета, контрастивный анализ, компоненты значения слова, способы перевода, цветообозначения-экзотизмы.

Summary. The article sets up the aim to study the phenomenon of asymmetry of those units of English and Russian which constitute the subsystems of tint colour adjectives in the linguo-colour picture of the world of both languages. The work has an interdisciplinary character as it analyses the material related to translation discourse and lexical semantics. The results of contrastive analysis of the mentioned languages which have revealed coinciding and non-coinciding markers of tint colour terms (TCT) in Russian and English, are represented here; besides translators' decisions in rendering TCT from English into Russian are also described here. The analysis has also a part, analysing the TCT which are typical of modern catalogues; they are considered as exotisms and need specific treatment in their semantization.

Key words: tint colour terms, asymmetry, tint colour markers, contrastive analysis, word meaning components, ways of translation, exotic colour terms.

Статья ставит своей целью изучить случаи асимметрии в лексических системах оттеночных прилагательных английского и русского языков и описать способы передачи английских прилагательных указанного типа на русский язык. Объектом изучения в работе выступают лексемы типа *шоколадный, оранжевый, васильковый, малиновый, кремовый* и др. в русском языке; *watermelon* (арбуз) – розовый, ярко-розовый; *salmon* (лосось) – коралловый, *daffodil-yellow* (*daffodil* – нарцисс) – желтоватый; *fawn* (молодой олень) – светло-коричневый и др. в английском языке. В анализ включены также и те прилагательные, которые появились на страницах модных журналов и каталогов, издаваемых в России (или за рубежом для русского читателя) и которые еще нельзя отнести к ассимилированным лексическим единицам. Это единицы цветообозначений типа *цвет камня, серый* (*stone-coloured*), *пепельно-розовый* (*ashen-pink*); *омаровый, оранжево-розовый* (*lobster*) и др.

Прилагательные указанного типа, или оттеночные прилагательные (ОЦО) составляют многочисленную подсистему как в английском, так и в русском языках; изучение этих подсистем представляет несомненный интерес и в нашей работе предполагает использование основ лексической семантики в сочетании с нормами переводческого дискурса, с учетом информации общей теории перевода, т.е. междисциплинарный подход. В

исследовании применяются приемы семантического анализа (дефиниционный, контекстуальный), а также процедуры лексических трансформаций и контрастивный анализ, без которого невозможно выявить симметрию и асимметрию в межъязыковом пространстве.

Материалом для исследования стал список из 116 английских ОЦО и их русских переводческих эквивалентов (более 300), полученный выборкой из толковых словарей (одно- и двуязычных) английского и русского языков. Как будет отмечено дальше, переводческая вариативность – это закономерное явление, поэтому русских переводческих эквивалентов по количеству больше. Иллюстративным материалом служат извлечения из художественных произведений английских и американских авторов и их русских переводческих версий (всего более 60 произведений). В список для анализа включались те ОЦО, в словарных дефинициях которых ядерным компонентом выступает прилагательное – название *базового* цвета. Так, английские ОЦО *purple*, *scarlet* и *coral* входят в наш материал, т.к. в просмотренных нами словарях они определяются почти одинаково: *purple* – a dark colour made of a mixture of *red* and blue; (in former times) dark red or purple garments worn only by people of high rank. *Scarlet* – having a very bright *red* colour: His face was scarlet with embarrassment. *Coral* – having a pink or *reddish* colour: coral lipstick [14].

Отечественными и зарубежными лингвистами написано значительное количество работ по изучению прилагательных ЦО. Многочисленность ЦО, богатство и разнообразие функциональных характеристик позволили лингвистам обозначать эту подсистему как лингвоцветовую картину мира (ЦКМ) [1, 2, 5, 10, 12]. Учеными отмечается, что существует взаимосвязь между числом наименований цвета и уровнем культурной эволюции общества. В толковых словарях таких языков как русский, английский, французский число ОЦО составляет несколько сотен [5, с. 16].

Для нашего исследования интересным представляется тот факт, что число цветоразличителей в изучаемой подсистеме увеличивается за счет образования ОЦО от названий предметов – "носителей" определенного цвета, что дает возможность некоторым лингвистам называть их *объектными* ЦО [5, с. 4]. Те объекты, которые для данного этноса выступают носителями определенного цвета называют обычно маркерами цвета.

В работе выделяем *традиционные* для каждого изучаемого языка маркеры. Образованные от них прилагательные ОЦО могут иметь и не иметь полные эквиваленты, другими словами, в сравниваемых языках наблюдаются случаи симметрии и асимметрии ОЦО.

Приведем примеры ОЦО, которые в английском и русском языках образованы от одних и тех же маркеров цвета: *brassy* (медь) – медный; *blood* (кровь) – кроваво-красный, ярко-красный; *apricot* (абрикос) – абрикосовый; *peach* (персик) – персиковый, желтовато-розовый; *silver* (серебро) –

серебряный; gold (золото) – золотистый; honey (мед) – золотой, медовый; leaden (свинец) – свинцовый; lemon (лимон) – желто-зеленый, лимонный; olive (оливка) – оливковый; pearl (жемчуг) – жемчужный; sand (песок) – песочный, желтый; sapphire (сапфир) – сапфировый, ярко-синий; cinnamon – коричневый, коричный; sable (соболь) – соболиный, черный; plum (слива) – сливовый, фиолетово-синий; violet (фиалка) – сиреневый, фиалковый.

Однако, в традиционных для английского языка ОЦО обнаруживаются такие, которые соотносятся с нетипичными для русского языка маркерами. Например: shell (ракушка, раковина) – перламутровый; biscuit (печенье) – светло-коричневый, желтый, темно-желтый; buff (буйвол), buff-coloured – светло-желтый, бурый, кофейного цвета; crocus (крокус) – шафранный; gooseberry (крыжовник) – цвет крыжовника; gunmetal (металл пушки) – серо-стальной; liver, liver-coloured (печень) – темно-рыжий, цвета желчи; kingfisher (зимородок) – ярко-синий, цвета оперенья зимородка; watermelon (арбуз) – ярко-розовый, цвета арбузной мякоти; pepper and salt (перец и соль) – цвет черного перца с солью. Частотность их употребления в текстах художественной литературы и соответствующие словарные дефиниции вторичных значений убеждают нас в объективности наблюдений.

Утверждение, что ОЦО – это мотивированные лексемы в переводческой практике не является абсолютным. Необычность маркеров и отсутствие в некоторых словарях описаний компонентного состава цвета заставляют переводчика использовать приемы, описываемые в статье. А именно: анализ словарей помогает переводчику выяснить компонентный состав значения, отражающий сложную цветовую гамму ОЦО: напр.: buff – 2. цвета буйволового кожи; светло-желтый; желтовато-коричневый [2, с. 197]; rust – приобретать цвет ржавчины; порыжеть, выщести [2, с. 377].

Однако, по нашим наблюдениям, сведения в англо-русских словарях недостаточны; необходимо обращение к фундаментальным англо-английским словарям, их дескрипциям ОЦО. Но важной составляющей при комплексной работе переводчика при передаче ОЦО является анализ контекста. Именно контекст оказывает решающую роль при выборе одного из видов переводческих решений: 1) выбор эквивалентных соответствий, 2) выбор вариантных соответствий, 3) применение переводческих трансформаций [7].

Приведем примеры *полных* соответствий: silvery – серебристый, lemon – лимонный, canary – желтый, канареечный, olive – оливковый, flaxen – льняной, leaden – свинцовый и др.

Вариантные соответствия диктуются контекстом и определяются наличием нескольких эквивалентов исходному слову в языке-переводчике. Так, rosy – это румяный, розовый; sable – это черный, мрачный, соболий. Например: «...the *rosy-cheeked*, bright-eyed quartet looked so charming» [13, с. 152] – «...четыре девушки, *румяные*, ясноглазые были так

очаровательны» [6, с. 158]; «...she was dark, with sloe eyes under *sable* eyebrows» [11, с. 83] – «...она была брюнетка с глазами маленькими и черными, как две дикие сливы» [9, с. 86].

К переводческим трансформациям в нашем материале отнесем случаи разного рода *добавлений* (чаще всего, введение слова "цвет"); использование компаративной конструкции с союзом *как*, а также *опущение* некоторых элементов, составляющих структурную модель ОЦО в оригинале. Например: «...his watermelon-pink tongue» [13, с. 156] – «...розовый, *цвета* арбузной мякоти язык» [6, с. 159]; «...her mobile *peon* – mouth» [13, с. 201] – «...подвижный *алый*, как *пион*, рот» [6, с. 208]; «she had such a fine head of hair: *raven-black*» [11, с. 56] – «...у нее замечательные волосы – черные как воронье крыло» [9, с. 59]. Таким образом, основываясь на личных предпочтениях при учете дефиниций и контекста, переводчик выбирает один из вариантов перевода ОЦО.

Учеными отмечается возникшая в обществе потребность в большем количестве наименований цвета, что связано с продвижением импортных товаров на отечественные рынки, с появлением каталогов, рекламирующих различные товары, машины, бытовую технику, где цвет составляет важную часть описания товара [7, с. 214].

К числу немотивированных ОЦО отнесем: *clay-coloured* – цвет глины; *tarpaulin grey* – серый, цвет брезента; *zink-yellow* – желтовато-серый; *magnolia-coloured* – легко-кремовый, серовато-белый. Шведская компания "Орифлейм" в рекламных текстах, предлагающих губную помаду, использует такие русские ОЦО для описания цветов губной помады: *феерически красный, мистерия красного, бежевая роза, теплая корица, лиловый клевер*. Словесная маркировка ОЦО-экзотизмов недостаточна для русскоговорящих для осознания оттенков цвета, таких как *цвет голубой ели, цвет цинка, омаровый, цвет камня, ванили, бензина*. Рекламируемые товары сопровождаются визуально (фото товаров с надписями, уточняющими цвет). В русских переводах англоязычной художественной литературы такие ОЦО не встречаются [4].

Отметим, что не всегда экзотические названия – результат появления нового цвета, отличающегося оригинальным оттенком. Иногда необычные для русского потребителя ОЦО используются, по нашему мнению, для того, чтобы реклама была броской, привлекательной.

Итак, в статье описаны традиционные для англичан маркеры цвета, совпадающие и несовпадающие с русскими. Перевод предполагает тщательный анализ словарных дефиниций, учет сочетаемостных характеристик ОЦО, применение некоторых процедур переводческих трансформаций. Изучение экзотических ОЦО, описанных в работе, должно опираться на психолингвистическую информацию, и, как показывает изученный материал, в настоящее время их перевод невозможен без визуальной поддержки.

Список использованных источников

1. Бахилина Н. Б. Структура цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 222 с.
2. Большой англо-русский словарь. В двух томах / Под общей ред. проф. И. Р. Гальперина. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Том I – 822 с. Том II – 863 с.
3. Василевич А. П., Кузнецова С. Н. и др. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
4. Из русской художественной прозы. Pages from Russian Fiction / Книга для чтения с параллельными текстами на русском и английском языках / Сост. Н. А. Еремина. М.: Русский язык, 1989. 352 с.
5. Лопатина Н. Р. Структурно-семантический анализ объектных цветообозначений (на материале англ. и рус языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 167 с.
6. Митчелл М. Унесенные ветром / Пер. с англ.: т. 1. Т. Озерской, т. 2 Т. Кудрявцевой. Кишинев, 1990. 607 с.
7. Сидорова Л. И., Лопатина Н. Р. Глаза как васильки или цвета оперенья зимородка? (К вопросу об особенностях английских объектных прилагательных и их русских параллелях) // Университетское переводоведение. Вып. 12: Материалы XII межд. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения» 2012. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 395–401.
8. Сидорова Л. И. Типология лакун в системе цветообозначений современного русского языка в сопоставлении с английским и варианты перевода // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. Сб. науч. тр. Кн. 9. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2016. С. 212–216.
9. Харди Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей / Пер. с англ. А. В. Кривцовой. М.: Правда, 1981. 431 с.
10. Berlin V., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. University of California Press, 1969. 178 p.
11. Hardy T. Tess of the D'Urbervilles. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. 1443 p.
12. Kay P. The Linguistics of Color Terms. Amsterdam, New York: Elsevier, 2001. 126 p.
13. Mitchell M. Gone with the Wind. London: Pan Books., 1988. 1011 p.
14. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman Group Limited., 1992. 827 p.

**БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА**

О. Г. Скидан,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода произведений смешанного жанра, содержащих безэквивалентную лексику. В статье представлен переводческий анализ приемов передачи безэквивалентной лексики цикла романов Дж. Ффорде «Thursday Next» на русский язык. Анализируются наиболее частотные приемы передачи реалий, квазиреалий, имен собственных.

Ключевые слова: художественный перевод, безэквивалентная лексика, реалия, квазиреалия.

Summary. The article is devoted to the problem of translation of mixed-genre literature containing non-equivalent lexis. The paper presents the comparative translation analysis of the fragments with non-equivalent elements from the series of novels «Thursday Next» by J. Fforde. The main methods for transference of realias, quasi-realias and proper names are analyzed.

Key words: literary translation, non-equivalent lexis, realia, quasi-realialia.

Анализируемый цикл романов валлийского писателя Джаспера Ффорде находится на стыке таких литературных жанров, как фэнтези, фантастика и альтернативная история. Жанровые особенности данной серии обусловили наличие большого количества безэквивалентной лексики. Ее доминирование в тексте создает некий эффект фантасмагории, что выделяет серию романов на фоне других произведений обозначенных жанров.

Проанализировав тексты оригинальных произведений и их русскоязычные переводы, выполненные Натальей Некрасовой (известной под литературным псевдонимом Иллет), мы выделили следующие категории безэквивалентной лексики: реалии, квазиреалии, имена собственные. Отдельного внимания заслуживают графо-фонетические средства, широко представленные в цикле произведений, а также особенности их передачи на русский язык.

Целью статьи является сопоставительный переводческий анализ безэквивалентных лексических единиц в оригинальном тексте смешанного жанра и в его переводе на русский язык.

Для обозначения безэквивалентных лексических единиц в современной лингвистике и переводоведении существуют различные термины. Для лексики, отражающей особый национальный колорит языка

оригинала, встречаются такие названия, как «безэквивалентная лексика» (Л. С. Бархударов), «экзотическая лексика», «экзотизмы» (А. Е. Супрун, И. С. Алексеева), «реалии» (И. С. Алексеева, С. Влахов, С. Флорин), «ксенонимы», «культуронимы» (В. В. Кабакчи), «логоэпистемы» (В. Г. Костомаров), «варваризмы», «локализмы» и т.д. Но самыми распространенными среди них являются «реалии» и «безэквивалентная лексика». Однако следует подчеркнуть, что понятия «реалия» и «безэквивалентная лексика» не являются полностью тождественными.

Одним из воплощений реалий в художественном произведении являются реалии вымышленного мира научной фантастики, или квазиреалии. Такие лексические единицы также могут называться окказионализмами и потенциальными словами (Е. А. Земская), квазитерминами (Е. М. Медникова), эгологизмами (В. С. Виноградов); квазилексемами, окказиональными образованиями (С. Н. Соскина); лексикой виртуального пространства (Е. А. Луговая); авторскими неологизмами (Р. Ю. Намитокова), авторскими художественными новообразованиями (В. М. Беренкова). В нашей работе мы будем оперировать наиболее характерным для фантастической литературы и фэнтези термином «квазиреалии», предложенным Ю. Е. Таракановой. В ее терминологии квазиреалии – это «слова (словосочетания), связанные с тематикой научно-фантастических произведений, с описанием теоретически возможных, но не осуществленных в настоящее время, решений научных или технических проблем, с описанием элементов окружающей среды вымышленного мира» [1, с. 295].

Во всех книгах серии автор представляет читателю не столь вымышленный мир в привычном его понимании, сколько уже существующий, но измененный другим ходом истории. Так Ффорде описывает современную Англию, которая все еще (т.е. на протяжении 150 лет) ведет войну с Российской Империей и Уэльсом. На страницах серии оживают давно вымершие виды животных, например, дронты, тасманские тигры и пр.

Помимо широкой тематики, квазиреалии, встречающиеся в произведениях смешанного жанра, отличаются от квазиреалий фантастики и фэнтези способами образования. Для создания фантастических квазиреалий чаще всего характерна аффиксация с использованием суффиксов греческого и латинского происхождения. Что касается фэнтези, то квазиреалии этого жанра, как правило, являются ксенонимами или полионимами (в терминологии Е. М. Божко). Чаще всего они являются чуждыми и для исходного языка (ксенонимы), многие обладают имплицитной, немотивированной внутренней формой (квазиреалии третьего порядка). Что касается квазиреалий, встречающихся в серии романов Дж. Ффорде «Четверг Нонетот», то среди основных способов их образования можно выделить следующие: блендинг основ (создание

телескопизмов): *stresspert* (*stress* + *expert*, перевод: «стрессперт»), *Gravitube* (*gravitation* + *tube*, перевод: «гравиметро»), *chronupt* (*chronos* + *corrupt*, перевод: «хронумпированный»), *grammasite* (*grammar* + *parasite*, перевод: «граммазит»); аффиксация: *ProCaths* (*Pro* + *Cath* (*Catherine*) + *s*, перевод: «кэтринисты»), *tensionologist* (*tension* + *o* + *log* + *ist*, перевод: «напрягометрист»), *rebookment* (*re* + *book* + *ment*, перевод: «возвращение на страницы книги»). Ряд квазиреалий был создан по принципу сочетания двух или более лексических единиц, не имеющих определенного предметного значения в рамках реальной действительности в английском языке. Например: *fictional legislative* (литзаконность), *wheyving cheese* (заварной крем), *Prose Operatives* (оперативники прозопесурса), *Book operating system* (книжная операционная система), *The Well of Lost Plots* (Кладезь погибших сюжетов).

Нередки случаи заимствования автором квазиреалий из других произведений и придания им нового значения или формы. Наиболее частотными являются заимствования из произведений Льюиса Кэрролла. В качестве примера можно выделить квазиреалию *the boojummed* (убуджумленные), изначально – квазитермин, обозначающий несуществующее животное *boojum* (нечто вроде дельфинов с человеческими зубами), встречается в поэме Кэрролла «Охота на снарка»; у Ффорде это глагол, а затем уже отглагольное прилагательное. По такому же принципу было создано слово *Boojumorial* (Буджумморил). Однако в данном случае, помимо заимствования названия, был применен еще блендинг основ: *boojum* + *memorial*.

В следующем фрагменте представлены номинативные единицы, связанные с сюжетной линией об одном специальном отделе, занимающимся проблемой эпидемии грамматических ошибок.

After five years heading the mispeling Protection Squad, he was transferred to grammasite inspection and eradication and in 1983 took over leadership of the grammasite research facility [4, с. 105].

В течение пяти лет руководил Антиочепяточной группой быстрого реагирования, затем переведен в отдел выявления и уничтожения граммазитов; в 1983 принял руководство отделом граммазитных расследований [3, с. 112].

При передаче словосочетания *the mispeling Protection Squad* был использован аналоговый перевод. Следует также отметить, что русскоязычный перевод несет более яркую эмоциональную окраску, более экспрессивно коннотирован. Если в английском тексте, по сути, говорится о некотором защитном отряде, то в переводе это уже более серьезная спецслужба, соответствующая англоязычной реалии «SWAT». Что касается перевода слова *mispeling*, то используется уже укоренившийся просторечный русский аналог. Слово *grammasite* выступает в качестве существительного и прилагательного в оригинальном тексте, что было

также сохранено при переводе. Сама квазиреалия калькируется с сохранением способа словообразования (*grammasite* = *grammar* + *parasite*; *граммзит* = *грамматика* + *паразит*).

Наиболее распространенными стратегиями при переводе «говорящих» имен и фамилий в романах смешанного жанра являются аналоговый или калькированный перевод основы с сохранением иноязычных суффиксов и окончаний, которые указывают на национальность персонажа. По такому принципу были переданы на русский язык следующие имена собственные: *Harold Flex* – *Гарольд Гибкинсон*; *Professor M. Blessington* – *профессор М. Блаженсон*; *Agent Walker* – *Агент Броддид* (в данном случае при передаче основы используется прием дифференциации значения, а уподобление фамилии происходит за счет удваивания согласной «д»); *Warwick Fridge* – *Уорик Морозилло* (примечательно, что при передаче фамилии переводчик использует суффикс «-илло», свойственный итальянским фамилиям); *Flanker* – *Скользом* (при передаче основы наблюдается прием смыслового развития); *Mr. Trotswell* – *Мистер Тропыга* (фамилия передана посредством аналога: передается глагол *to trot*: «*to trot* – *to run at a moderate pace with short steps*» [2], компонент «well» компенсируется в переводе за счет использования просторечного отглагольного существительного).

Интересно переводческое решение при передаче имени телеведущего, являющегося сквозным персонажем в серии: *Adrian Lush* – *Эдриен Выпендрайзер*. В данном случае при передаче основы используется экспрессивная конкретизация. Одно из значений прилагательного «*lush*» описано следующим образом: «*lush* – *very good or impressive*» [2]. В переводе оно передано более эмоционально окрашенным аналогом, что объясняется большей эмоциональностью русского языка, а также контекстом – в романах поведение данного персонажа, очевидно, соответствует фамилии. Кроме того, переводчик добавляет суффикс «-ер», который является маркером, свойственным для фамилий. Еще один не менее примечательный работник телеиндустрии в серии романов «Четверг Нонетот» носит имя *Joe Public* – *Джо Тренач*. В данном случае используется тот же прием перевода – фамилия передана более экспрессивно окрашенным аналогом.

Имя центрального персонажа является литературной аллюзией. Предположительно, идею именовать своих персонажей названиями дней недели Джаспер Ффорде заимствовал у писателя Гилберта Честертона. Его творчеству принадлежит философский роман «*The Man Who Was Thursday*» («Человек, который был Четвергом»), в котором члены тайного общества получали прозвища по названиям дней недели. Так как вся исследуемая серия романов является своего рода пародией и аллюзией на разные литературные произведения, мы можем считать передачу имени «*Thursday Next*» в переводе на русский язык как «*Четверг Нонетот*»

адекватной. В оригинале фамилия персонажа подчеркивает, что с персонажем Честертон у героини общее только имя. В переводе используется аналог «Нонетот». Слитное написание союза, частицы и местоимения объясняется тем, что эти элементы служат для образования фамилии.

Таким образом, при передаче квазиреалий на русский язык используются следующие способы перевода: калькирование, аналог, трансформационный перевод (часто в сочетании с другими способами), транскрибирование, описательный перевод. Незначительная часть квазиреалий подверглась опущению или нейтрализации в тексте перевода.

В романах присутствуют имена как реальных исторических личностей, которые передаются в переводе посредством закрепленных словарных транскрипций, имена литературных героев из других произведений, для которых также уже существуют готовые эквиваленты, а также «говорящие» имена персонажей самих исследуемых романов, при передаче которых используется дифференцированный подход. Большинство имен, внутренняя форма которых обладает характеризующей функцией, переданы с помощью калькирования или аналогового перевода основы и добавления иноязычного суффикса, свойственного фамилиям. При переводе имен с явной имплицитной формой, но отсутствием характеризующей функции использовался трансформационный перевод (контекстуальная замена). Незначительная часть имен была передана при помощи этимологического соответствия, т.е. транспозицией.

Список использованных источников

1. Тараканова Ю. Е. Квазиреалии как лексический элемент научно-фантастического текста на примере перевода рассказа «Февраль 1999: Илла» Рэя Брэдбери на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. – 2009. – № 1. С. 294–299.
2. Oxford English Dictionary [Electronic Resource] – Mode of access: <http://www.oed.com/> (дата обращения 20.01.2019).
3. Ффорде Дж. Кладезь Погибших Сюжетов, или Марш генератов. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. 512 с.
4. Fforde J. The Well of Lost Plots. London: Hodder & Stoughton, 2005. 384 p.

TRANSLATING «GREEK POEMS» VIA RECEPTION THEORY

М. С. Слоистова,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
методики обучения английскому языку и деловой коммуникации,
Институт иностранных языков, Московский городской педагогический
университет, Москва*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей художественного перевода английского свободного стиха второй половины XX века. Целью статьи является изучение перевода поэзии с помощью теории рецепции и в контексте интертекстуальных связей с более ранними произведениями. В качестве примера выбрано стихотворения Дж. Фаулза, переведенное автором статьи. Анализируя перевод указанного стихотворения, автор доказывает эффективность применения теории рецепции с целью создания переведенного текста, адекватного оригиналу.

Ключевые слова: поэзия, перевод, свободный стих (верлибр), рецепция, креативная рецепция, стратегии креативной рецепции, Дж. Г. Байрон, Дж. Фаулз, Греция, острова.

Summary. The paper focuses on artistic translation of English late XX century free verse. The author aims to study translation of poetry via reception theory and within the framework of its intertextual relations with earlier texts. A poem by John Fowles artistically translated by the author of the present paper has been taken as an example. Analyzing the translation of the poem the author proves the effectiveness of using reception theory in order to create a translation corresponding to the original poem.

Key words: poetry, translation, free verse, reception, creative reception, strategies of creative reception, G. G. Byron, J. Fowles, Greece, islands.

Among the landmarks of the recent year 2018 there was an event which can be defined as outstanding and important for both Russian and foreign literary studies. It is the anniversary of the great English romantic poet George Gordon Byron (1788–1824). Although 230 years has passed since his birthday, his poetry still remains topical. Hence, within this period there has been plenty of authors dealing with reception of Lord Byron's legacy. One of them is the famous English postmodernist writer John Robert Fowles (1926–2005).

The present paper focuses on analyzing the way to translate Fowles's poetry, namely *Apollo: A Sequence of Greek Poems*. The «Apollo Sequence» was written on the island of Spetsai (mentioned as Phraxos in his well-known novel *The Magus*) and was described by Fowles «as the ground from which the novel eventually grew» [6, p. 5]. As we stated in our previous works [3, c. 159], Fowles's poems are difficult for artistic translation due to their complicated rhythmic structure and full or partial absence of rhyme (free verse). Furthermore, poems of the Apollo Sequence may be viewed through intertextuality that is

allusions and reminiscences to ancient Greek and more modern authors, such as Lord Byron.

Despite a gap of over a century and a half in their lifetime two poets have surprisingly much in common. Both of them in their youth fell in love with Greece with its nature, cultural, literary and philosophic legacy. It is common knowledge that in 1824 Lord Byron sacrificed his life for the sake of the independence of the country. Since then he has been cherished by the Greeks as a national hero. John Fowles also treats him as a hero, mostly a romantic one, which can be traced in the above mentioned sequence of poems. Therefore, we need to analyze them within the framework of reception theory in order to translate them into Russian appropriately so that the reader will feel relation to Byron's works.

Reception theory is defined as «a branch of modern literary studies concerned with the ways in which literary works are received by readers» [7, p. 213]. **Reception** in literature can be regarded as perception of a text by the reader leading to their own ideas, statements, conclusions, etc. According to the type of its object and result, there are two types of reception: cultural-philosophical and artistic (S. E. Trunin's typology) [4, p. 17].

The result of reception can be either implicit or explicit, expressed in another text. If there is some explicit result or product, this type of reception is called productive (M. Naumann's term). Productive artistic, or **creative** (E. V. Abramovskikh's term), reception is under analysis in the present paper.

E. V. Abramovskikh singles out two levels, or types, of creative reception – classic and more complicated [1, p. 37]. We argue that the second type of creative reception should be called **postmodernist** as it involves dealing with different text levels, both the form and the content, which is typical of postmodernist literature. The ways of expressing an artistically received text in one's own work (we define them as **strategies**) differ according to the type of creative reception. The classic type strategies (formal, authentic, neutral, antithetical) focus primarily on plot transformation.

The formal strategy of creative reception is borrowing of the plot or its parts, motifs, etc. The authentic strategy is development of the author's idea but not pure borrowing. It usually strengthens the creative potential (V. I. Tupa's term) of the original text. The antithetical strategy also involves creative development but in the opposite direction. The neutral strategy does not contradict the author's idea. Neither does it strengthen it.

As for the postmodernist type of creative reception, it employs development of different levels of the original text. It is characterized by two strategies – congenial and playing. The congenial strategy involves developing the creative potential of the original text according to the author's idea. At the same time, unlike the classic type strategies, the recipient writer develops the implicit sense of the text rather than its plot. The playing strategy parodies the original text. It implies postmodernist irony, intertextual «colliding» of different (or even opposite) in content literary works in one text. Using the above mentioned

strategies the recipient author fulfils the creative potential of the original text in their work.

In order to substantiate the theory with an appropriate example we chose a poem from *Apollo: A Sequence of Greek Poems* by John Fowles which had not been translated into Russian before. Then we prepared our own translation basing on reception theory as well as the idea of keeping most of the author's ideas, images, rhyme, rhythm and stylistic devices in the Russian version.

Islanders is the initial poem of the sequence. It deals with the inhabitants of Spetsai and is based on Fowles's impressions of life on the island. The poem lacks capital letters and has poor punctuation, which gives an impression of a friendly talk with the reader.

The poem has simple style and language and is not rich with stylistic devices. On the lexical level one can observe two metaphors describing people. In the first case Fowles compares Greek men to inanimate objects made of stone or wood (*these carved immobile men*, in my Russian translation it turns into a simile «мужчины, словно скалы»). In the second case an island boy is made similar to an image in some painting (*this canvas seaward boy*, in my translation it is a simile again «мальчишка, как с картины»).

There is also an interesting human image in the poem – female islanders reluctantly going up the stairs. The upward staircase symbolizes the running of time and a person's development but the women will not take it. All the people on the island seem to be standing still and looking at the sea in waiting.

Islanders

they look to sea and wait
these carved immobile men
beneath the cool catalpas
these aged women pausing
by the polished upward steps
they look to sea and wait
for what they cannot say
he waits
for what he cannot say
this canvas seaward boy
by the corner of my house
never the ship that comes
never a bird never a cloud
what it is they cannot say
whether good luck or unkind fate
but look to sea and wait
at first I laughed but now
I look to sea and wait
for what I cannot say:
but look to sea and wait

Островитяне

глядят на море, ждут
мужчины, словно скалы
под кронами катальп
и женщины, что медлят,
поднимаясь вверх устало,
глядят на море, ждут
чего – сказать нельзя
он ждёт
чего – сказать нельзя
мальчишка, как с картины,
что идёт дорогой к морю
нет корабля вдали
нет облаков, птиц тоже нет
что же есть – сказать нельзя
грядёт удача иль злой рок
все, глядя в море, ждут
сперва смеялся я,
но вот гляжу и жду
чего – сказать нельзя:
но я гляжу и жду

There are also several bright genuine epithets in the poem:

1) *beneath the cool catalpas* (literary: «под прохладными катальпами», in the artistic translation «под кронами катальп») – the epithet containing alliteration creates an image of high trees with lots of big heart-shaped leaves protecting from the hot sun and keeping the islanders' peaceful waiting;

2) *good luck or unkind fate* (literary: «добрая удача или злой рок», in my translation «грядет удача иль злой рок») – these contrastive epithets make an antithesis highlighting the atmosphere of suspense on the island. There is also a stylistic device of personification preserved in the Russian version.

The syntactic level of the poem is marked with anaphoric (the initial *this/these* in several lines) and epiphoric (*wait(s)*, *cannot say* as a refrain) repetition (in the translation it repeats as «чего – сказать нельзя»).

The object of our special attention in the poem *Islanders* is the image of the sea. The sea in this poem is the source of the mystery everybody is waiting for. In European and American literature sea traditionally symbolizes a rough power, often hostile to human beings. But in John Fowles's poem it can bring «good luck» as well.

Sea is traditionally regarded as the birthplace of life on the Earth. Science and religion (Christianity) agree that the Earth was initially covered with water (Быт. 1:2). That makes clear the people's waiting for something by the sea. Nevertheless, the sea still remains an enigma both for the author and the reader, which is an important feature of Fowles's idea of nature.

We argue that the poem *Islanders* is architextually connected to George Gordon Byron's works, namely his poem *The Isles of Greece (Don Juan, Canto III, 1819-1820)* [5]. These lines also focus on Greek islands, the beauty of their nature and the spirit of their people. Moreover, they also deal with a waiting gaze at the sea (*And Marathon looks on the sea... Which looks o'er sea-born Salamis...*). At first, the reader thinks that it is waiting for the Greeks' independence. But at a deeper level of analysis we can see that it is waiting for something greater and more typical for romanticism: something supernatural, implying salvation not only on the earth but also in the eternal life. The same motifs are characteristic of Fowles's poem and make it a typical example of the congenial strategy of the postmodernist type of creative reception.

This type of creative reception can be kept in the Russian version of the poem under analysis only if the translator carefully examines the text on its different levels (graphic, lexical, syntactic), studies its intertextuality (allusions and reminiscences) and goes deep into both authors' ideas and their common features, which is available due to reception theory. As it was proved on the example, under all these conditions the translation will be appropriate and will give the reader images, feelings and emotions similar to those given by the original poem.

Список использованных источников

1. Абрамовских Е. В. Креативная рецепция незаконченных произведений как литературоведческая проблема: на материале дописываний

- незаконченных отрывков А.С. Пушкина: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.08. М., 2007. 44 с.
2. Библия. РБО, 2013. 1248 с.
 3. Дроздова М. С. Особенности художественного перевода английского свободного стиха второй половины XX века // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы II международной научно-практической конференции. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. С. 157–162.
 4. Трунин С. Е. Рецепция Достоевского в русской прозе конца XX–начала XXI вв. Минск: Логвинов, 2006. 156 с.
 5. Byron J. G. Lord Byron: The Major Works. Oxford University Press, 2008. 1080 p.
 6. Fowles J. R. Selected Poems. Introduced and edited by Adam Thorpe. Hexham: Flambard Press, 2012. 132 p.
 7. The Oxford Dictionary of Literary Terms / C. Baldick. 3rd ed. Oxford University Press, 2009. 384 p.

УДК 81-26: 347.78.034

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ПРОЗЫ
СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЗАПОВЕДНИК»**

К. В. Слюсарева,

магистрант специальности «Лингвистика», Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

Аннотация: Повесть Сергея Довлатова «Заповедник», которую многие исследователи считают одним из лучших произведений автора, оказалась переведенной на английский язык лишь в последние годы. Текст Сергея Довлатова ставит перед переводчиками ряд непростых задач, связанных как с языковыми особенностями и стилистическими приемами, так и с многочисленными отсылками к феноменам русской и советской культуры. В данной статье рассматриваются проблемы перевода прозы Сергея Довлатова на английский язык.

Ключевые слова: Сергей Довлатов, перевод, сленг

Summary: The novelette by S. Dovlatov «Pushkin Hills», which many researchers consider to be one of the best of his works, turned out to be translated into English only in recent years. Dovlatov's text poses a number of difficult tasks for translators, connected both with linguistic features and stylistic techniques, and numerous references to the phenomena of Russian and Soviet culture. This article deals with the problems of translating S. Dovlatov's prose into English.

Keywords: S. Dovlatov, translation, slang

Сергей Донатович Довлатов – один из крупнейших русских прозаиков второй половины XX в., ставший знаменитым после эмиграции в США в 1978 г. Именно там почти все его произведения были опубликованы на английском языке. Советский читательзнакомился с его творчеством благодаря зарубежным издательствам. Книги тем или иным способом

привозились в СССР, поэтому Сергей Довлатов не был ограничен кругом читателей из русскоязычной диаспоры.

Следует отметить, что Сергей Довлатов считал себя «рассказчиком», а не писателем, что еще в большей мере актуализует значение поиска правильного выражения «речевого послания» в переводе. Как полагает В. С. Виноградов, в переводе не столько важно подобрать соответствие отдельному слову, сколько наиболее точно выразить смысл оригинальной фразы. [1, с. 16]. А. В. Фёдоров отмечает ряд причин, осложняющих работу по художественному переводу: «Характерные особенности художественной литературы, проявление в каждом случае индивидуальной художественной манеры писателя, обусловленное его мировоззрением, влиянием эстетики эпохи и литературной школы, необозримое разнообразие как лексических, так и грамматических (в частности, синтаксических) средств языка в их различных соотношениях друг с другом, многообразное сочетаний книжно-письменной и устной речи в литературно преломлённых стилистических разновидностях той и другой, – всё это, вместе взятое, делает вопрос о художественном переводе чрезвычайно сложным» [5, с. 227]. Многие критики и исследователи называют повесть «Заповедник» одним из лучших произведений Сергея Довлатова и одним из наиболее сложных для перевода [3, с. 328].

«Заповедник» (Pushkin Hills) – седьмая книга Сергея Довлатова, переведенная на английский язык. Перевод книги является наиболее необычным среди всех других переводов, его осуществила дочь писателя Екатерина Довлатова. Впервые книга в ее переводе была издана в сентябре 2013 г. в Лондоне издательством «Alma Classics». В 2014 г. издательство «Counterpoint» переиздало повесть в переводе Екатерины Довлатовой в Нью-Йорке. Изменение названия «Заповедник» на «Pushkin Hills» обусловлено тем, что так в англоязычной географической литературе называют Пушкинские горы, где расположен заповедник и происходит действие повести.

В одной из крупнейших лондонских газет The Guardian Фиби Таплин писал: «Перевод Екатерины Довлатовой передает остроумие и горьковатую иронию провинциальной комедии, которую написал ее отец» [4]. Переводчик Екатерина Довлатова бережно отнеслась к творчеству своего отца. Ее перевод обладает своими достоинствами и недостатками. Переводчику не удалось полностью сохранить авторский замысел и юмор исходного текста. Екатерина Довлатова, выросла и сформировалась уже в США, поэтому многие бытовые ситуации и выражения ей, видимо, не совсем понятны. Перевод не всегда соответствует эмоциональной окраске исходного текста, насыщенного также культурными маркерами, «говорящими фамилиями», сознательными перестановками слов (бухар эмирский) и т.д.

Мы предприняли попытку вычленив некоторые, на наш взгляд, неточные элементы перевода и предлагаем свои.

<i>Заповедник</i>	<i>Pushkin Hills</i> (tr. By K. Dovlatov)	<i>Предлагаемый вариант</i>
<p>Между тем из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач. – Борька, хрен моржовый, – дико заорал он, – Ты ли это?!</p>	<p>Meanwhile, it was Lenya Gurianov, a former college snitch, who appeared from around the corner. “Boris, <u>you giant dildo</u>”, he bellowed, “is it really you?!”</p>	<p>В русском варианте «хрен моржовый» выражение метафорическое, означающее часто чудака или заменяющее грубое ругательство. Перевод К. Довлатовой более прямолинеен. Варианты замены: - wackadoodle – чудила, чудо в перьях, чудак; - screwball – сумасброд; - redneck – деревенщина, мужлан (амер. англ.: южанин; бедный необразованный белый фермер).</p>
<p>Ложился в брюках, доставал коробку из-под торта «Сказка». И начинал читать открытки, полученные за всю жизнь. Читал и комментировал: «...Здравствуй, папа крестный!... Ну, здравствуй, здравствуй, выблядок овечий!.. Желаю тебе успехов в работе... ..Вечно твой, вечно твой... Да на хрен ты мне сдался?..»</p>	<p>He would lie down on the bed in his trousers, <u>pull out a box marked “Fairy Cake”</u> and read out loud postcards received over the course of his life. He read and expounded: “Hello Godfather!... Well, hello, <u>you ovine spermatoid</u>... I’d like to wish you success at work... ..Well, <u>fuck your mama in the ear!</u> Always yours, Radik... Always yours, always yours... The hell I need you for?”</p>	<p>...pull out a cake box marked “Fairytale” (название торта «Сказка», а не «Сказочный торт») ...you maggot-eating bastard (перевод К. Довлатовой буквальный, тогда как в английском сленге существует свой аналог) Well, what the fucking fuck!</p>
<p>— Видел я его на базе, — говорил Никитин, орудуя фуганком, — с утра подмалевавши.</p>	<p>“I saw him at the <u>centre</u>,” said Nikitin, wielding a jointer plane. “<u>Laced</u> since the morning.”</p>	<p>At the loge (сторожка, тур база) Laced – чаще применяется для описания человека собранного, успешного. Plowed (пьяный в дрова) since the morning.</p>
<p>День работаешь, неделю пьешь... Другим водяра — праздник. А для меня — суровые будни... То вытрезвитель, то милиция — сплошное диссидентство... Жена, конечно, недовольна. Давай, говорит, корову заведем... Или</p>	<p>A day of work followed by a <u>week of drink</u>... For some, vodka is a celebration, For me, it’s a hard reality. It’s either the drunk tank or the <u>militia</u> – it’s pure dissidence... Needless to say, the wife’s not happy. We need a cow, she says... Or a child... Provided you don’t drink. But for now</p>	<p>By a week of drinking Police (используется в последующих упоминаниях правоохранительных органов) As in/Meaning I keep drinking (более простые, подходящий</p>

ребенка... С условием, что ты не будешь пить. Но я пока воздерживаюсь. В смысле — пью...	I'm abstaining. <u>In the sense that I still drink...</u> "	характеру персонажа, варианты)
Люда чуточку гордилась проницательностью и всеведением злосчастного майора. — Товарищ Беляев сказал — пусть зайдет до отъезда. А то ему будет взъебка... Так прямо и выразился...	Lyuda was a tiny bit proud of the acuity and omniscience of this foreboding major. "Comrade Belyaev said that you should see him before you leave. Or you'll get an <u>ass-kicking</u> ... His exact word..."	Bollocking (С. Довлатов намеренно использовал в произведении ненормативное выражение для передачи характера персонажа)
Да еще и загудел по черному с Валерой-мудозвоном.	And to top it all, he's <u>been geezed up to the eyeballs</u> with that windbag Valera...	went on a binge (более простой, соответствующий характеру повествования, вариант)
Беляев посмотрел на часы: — Ты, я знаю, в Ленинград собрался. Мой тебе совет — не возникай. Культурно выражаясь — не чирикай. Органы воспитывают, воспитывают, но могут и покарать.	Belyaev looked at his watch: "I know you're headed to Leningrad. My advice to you – don't make noise. To put it politely – zip your trap. <u>The organization</u> may teach and teach, but then it may suddenly be fool enough to punish.	The big brother (для англоговорящего читателя слово «organization» не несет того же метафорического значения, что и «органы» для русскоговорящего читателя. Понятие «big brother» ближе по смыслу понятию, выраженному в речи персонажа»)
Если во двор заходил наряд милиции, Смирнов отодвигал бутылку. Он звонил мне по телефону и четко выговаривал единственную фразу: — Бляди идут!	If a police squad showed up in our yard, Smirnov would push aside the bottle and call me. He would articulate just the one single phrase: " <u>The bitches</u> are coming!"	The pigs (для передачи того же эмоционального подтекста логичнее использовать общеизвестный, пусть и табуированный, вариант обращения к представителям правоохранительных органов)
– Давайте познакомимся. – Аврора, – сказала она, Протягивая липкую руку. – А я, – говорю, – танкер Дербент.	"Let's get acquainted." "Aurora," she said, extending a sticky hand. "And I am," I said, " <u>Borealis</u> ."	К. Довлатова использовала игру слов, но, наш взгляд, логичнее было бы сделать сноску (tanker Derbent), так как в таком случае ассоциативный ряд Аврора – крейсер был бы сохранен.

В английском переводе, к сожалению, не удалось сохранить уникальную систему Сергея Довлатова, когда не одно слово в предложении не начинается с одной и той же буквы. На наш взгляд – это существенная потеря. Однако возможности английского языка не позволяют выполнить это требование без потери смысла.

Умберто Эко сравнивал процесс перевода с переговорами, в ходе которых, «дабы нечто получить, отказываются от чего-то другого; и в конечном счете договаривающиеся стороны должны выйти из этого процесса с чувством разумного и взаимного удовлетворения, памятуя о золотом правиле, согласно которому обладать всем невозможно» [6, с. 26]. Сегодня благодаря сложным компромиссным решениям переводчиков произведения Сергея Довлатова читают на английском, испанском, итальянском, финском и других языках.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы. М.: Издательство института общего и среднего образования РАО. 2001.
2. Довлатов С. Последняя книга. СПб.: Азбука, 2012.
3. Довлатов С. Заповедник. // Соб. соч. в 4 томах. СПб.: «Азбука классик», 2008 г. – Т.1 – С. 325-415
4. Русский базар [Электронный ресурс] – №13 (936). – <http://www.russian-bazaar.com/ru/content/146418.htm> (дата обращения 9.01.2019)
5. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. Пособие. М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 277 с.
6. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М.: АСТ: Корпус, 2015. 736 с.
7. Dovlatov S. Pushkin Hills. Alma Classics, 2013.

УДК: 82.02

К ВОПРОСУ О «ЯДРЕ» И «ПЕРИФЕРИИ» ЖАНРА

А. С. Соина,

ассистент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь;

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье кратко рассматривается поход к восприятию проблемы наличия у жанра «ядра» и «периферии» различными исследователями на протяжении двух периодов развития науки жанрологии. Первый период – от античности до XVIII в. – известен формированием «ядра» жанра, а второй – с конца XVIII в. по настоящее время – ярко показывает наличие у жанра «периферии», вторичных признаков. Автор приходит к выводу, что проблема «ядра» и «периферии» окончательно сформировалась к середине XX в., когда широкое распространение получил содержательно-формальный поход к изучению жанра.

Ключевые слова: жанр, «ядро» и «периферия», Аристотель, классицизм, романтизм, жанрология.

Summary. This paper briefly discusses the approach to the perception of the genre “core” and “periphery” problem by various researchers during two periods of the development of genreology as a science. The first period – from antiquity to the XVIII century – is known for the formation of the “core” of the genre, and the second one – from the end of the XVIII century to the present times – clearly shows the presence of the genre “periphery”. The author comes to the conclusion that the problem of the “core” and “periphery” was finally formed by the middle of the XX century, where Bakhtin’s method to the genre study showed itself as the most prosperous.

Key words: genre, “core” and “periphery”, Aristotle, Classicism, Romanticism, genreology.

История изучения жанра началась с работ философов Древней Греции – Аристотеля, Платона, Горация, – однако назвать жанр полностью изученной категорией невозможно до сих пор. Перед современными исследователями по-прежнему стоят вопросы понимания природы жанра, его сущности, классификации жанровых форм, систем и модификаций. В данной работе мы коротко рассмотрим эволюцию проблемы наличия у жанра «ядра» и «периферии» от античности до XX в.

Известно, что изучением жанра занимается наука жанрология. Согласно Н.И. Бернадской, жанрология – это область литературоведения, которая изучает специфику классификации текстов художественной литературы на рода, виды и жанры. Наряду с термином «жанрология» также используются понятия «генология» и «генерика» [6]. Термины «жанрология» и «генология» предложил французский литературовед П. ван Тигер в 30-е годы XX в. В русском языке данным терминам соответствует понятие «теория литературных родов и жанров» [19].

В исследовании родо-видовых (жанровых) особенностей художественных текстов, то есть, в истории науки жанрологии, выделяют два периода: первый период от Аристотеля до конца XVIII в., когда нормативная поэтика разрабатывала чёткие правила для построения художественных текстов (например, трагедия в период классицизма); и второй период с конца XVIII в., то есть, начиная с эпохи романтизма, когда жанровые границы «ослабли» и проявилась тенденция смешения жанров, и по настоящее время.

В период античности Аристотель очертил модель жанра в целом через определение трагедии: «подражание действию важному и законченному, производимое речью, услащенной по-разному в различных ее частях; производимое в действии, а не в повествовании; совершающее посредством сострадания и страха очищение подобных страстей» [1]. Одним из современных толкователей высказывания Аристотеля является Н. Л. Лейдерман. Согласно Н. Л. Лейдерману, открытые Аристотелем

«способы подражания» предполагают практически неисчерпаемое количество жанровых структур [6].

Одним из крупнейших теоретиков французского классицизма считается Н. Буало с его работой «Поэтическое искусство» (1674) [7]. Подобно Аристотелю, Н. Буало ставит во главу угла принцип подражания природе; прекрасное для него тождественно разумному. Именно Н. Буало формирует понимание «хорошего вкуса», – то, что в будущем, по нашему мнению, послужит основой для элитарного искусства. Также существует мнение, что именно в указанной работе Н. Буало жанрология представлена в своей классической форме [19].

Известно, что в классицистический период (особенно в XVIII в.), границам жанра придавалось большое значение. Ещё в литературе позднего итальянского Ренессанса (XVI в.) появляются драмы с опорой на «Поэтику» Аристотеля, то есть, в подражание античным. Философской основой классицизма становится учение Р. Декарта «Правила для руководства ума» [10], особое значение в котором уделяется логике. Теоретики классицизма делят жанры на высокие и низкие, запрещают смешение жанров, то есть, разрабатывают строгую систему, согласно которой жанры устойчивы и неподвижны.

По нашим данным, на рубеже XIX–XX вв. перед исследователями теории литературы возникла проблема поиска жанрового «ядра». Это связано с тем, что в течение первого периода жанры считались устойчивыми и неподвижными (по терминологии Н. Д. Тмарченко – «каноническими»). Однако позиция романтизма, провозглашающего свободу творческой мысли, «размыла» жанровые границы («неканонические» жанровые формы). Следовательно, восприятие устойчивого жанра, регламентированного чёткими границами, и жанра, находящегося в процессе трансформации, даёт возможность, с одной стороны, проследить функционирование устойчивого компонента, а с другой – подвижной составляющей. Романтическая эстетика строилась «как всеобщая теория искусства»; живопись, музыка, поэзия, архитектура рассматривались у романтиков как выявление единого художественного мышления [18, с. 77]. То есть, на первый план романтики выносят проблему синтеза искусств, размывая родовые и жанровые границы. Таким образом, культурная философия романтиков строилась на идее искусства без границ.

Заметим, что, согласно Н. Д. Тмарченко, существует заблуждение о том, что устойчивые жанровые структуры существовали в европейской литературе до эпохи романтизма и отказ от них и выражается в господстве романа: на протяжении последних двух веков в литературе господствуют исторически новые жанры, в большей или меньшей степени родственные роману, – этим и объясняется распространённое мнение об «отмене» жанров [25, с. 10]. Эта идея отражает процесс перехода от канонических жанровых структур к неканоническим. В работах Н. Д. Тмарченко указано, что неканонические жанровые структуры обладают «внутренней мерой жанра».

Внутренняя мера указывает не на устойчивые признаки неканонического жанра, а на направление его развития и изменения; фиксирует границы выбора жанровой разновидности (модификации). Таким образом, количество жанровых разновидностей (модификаций) очень велико, однако в них прослеживается связь с первоисточником, с «ядром».

Вышеназванные историко-литературные явления стали предпосылкой для возникновения и популярности в литературоведении XIX–XX вв. идеи энтропии или атрофии жанра (В. Д. Сквозников [22], М. Н. Эпштейн [29]). То есть, писатели стали реже использовать жёстко регламентированные структуры, в результате чего их произведения стало трудно отнести к какому-либо традиционному жанру. Такие явления получили название «промежуточных», «переходных жанров», «метажанров», «мультижанров», «смешанных повествований», «наджанров», «застывших жанровых промежутков», «виртуальных жанров» и так далее. Однако, забегая вперёд, отметим, что идее атрофии жанра противостоит идея жанрового мышления, основанная на работах М. М. Бахтина [2–4] и формалистов. Такие исследователи как Н. И. Бернадская [5–6], В. М. Головкин [9], О. В. Зырянов, В. И. Козлов [11], Н. Л. Лейдерман [16–17], И. П. Смирнов [23], Н. Д. Тамарченко [25] считают, что послежанровой эпохи не существует.

В XX в. существовало два основных подхода к восприятию жанра как содержательной категории: содержательно-проблемный и содержательно-формальный, он же структурно-семантический. Указанные подходы нашли отражение в работах Г. Н. Пospelова и М. М. Бахтина.

Среди сторонников содержательно-проблемного подхода можно назвать Л. В. Чернец [8], А. Я. Эсалнека [28], Г. Н. Пospelова [21], И. К. Кузьмичёва [15] и других, в то время как приверженцами содержательно-формального подхода являются Ю. Н. Тынянова [26], М. Б. Храпченко, Н. Д. Тамарченко [25], В. В. Кожина [12–14], Ю. В. Стенник [24], Н. Л. Лейдерман [16–17], И. П. Смирнова [23] и др.

Г. Н. Пospelов и его последователи расценивали восприятие жанра как единства содержания и формы методологическим препятствием при изучении его проблематики и не считали, что жанр содержит подвижную категорию, управляемую литературным процессом. В результате исследований они пришли к противоречиям (жанровая форма выражает разное жанровое содержание) и отождествлением (например, понятий «жанр» и «жанровая форма»).

По мнению М. М. Бахтина, изучение жанра невозможно без раскрытия эстетической природы познавательных возможностей жанра. Исследователь рассматривает его аспекты именно с позиций единства содержания и формы, то есть, в противоположность Г. Н. Пospelову.

Наиболее значимыми проблемами учёный полагает целостность, «устойчивое», «повторяющееся», в своих работах М. М. Бахтин говорит об архаике жанра и «затвердевшем жанровом костяке» [4, с.199].

Исследователь О. М. Фрейдинберг, в труде «Поэтика сюжета и жанра» (1936) сосредотачивает внимание на так называемом «жанровом шаблоне». Речь идёт о стандартизации, которая «поддерживается всеми поэтами, всеми лириками Греции без исключения» [27]. На примере древнегреческих жанров О. М. Фрейдинберг пытается отыскать что-то вроде «жанрового костяка», о котором говорит М. М. Бахтин.

Таким образом, основополагающее понятие жанрологии – жанр – не было досконально изучено в XX в. и требует от исследователей современности новых подходов и методик. Идея о наличии у жанра «ядра» и «периферии» была высказана ещё Аристотелем, однако окончательно она сформировалась относительно недавно. Наиболее продуктивным в XX в. показал себя содержательно-формальный подход, где жанр исследуется «в динамике». Жанр «движется», меняется с ходом истории, однако некие черты остаются в нём неизменными, что помогает исследователям провести разграничение между «ядром» и «периферией».

Список использованных источников

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 502 с.
3. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров, В. Кожин. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
4. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
5. Бернадська Н. І. Теорія роману як жанру в українському літературознавстві: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.01.06. К., 2005. 36 с.
6. Бернадська Н. І. Жанрологія // Енциклопедія сучасної України [Електронний ресурс]. – URL: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=20331 (дата обращения 10.12.2018)
7. Буало Н. Поэтическое искусство // Перевод А. Л. Линецкой. М., 1958 [Электронный ресурс]. – URL: http://literatura5.narod.ru/bualo_poeti.html (дата обращения 19.12.2018)
8. Введение в литературоведение: Учеб. пособие/ Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. 680 с.
9. Головкин В. М. Историческая поэтика русской классической повести: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. 280 с.
10. Декарт Р. Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М., Мысль, 1989. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3958> (дата обращения 09.12.2018)
11. Козлов В. И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013. 280 с.
12. Кожин В. В. Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991. 526 с.
13. Кожин В. В. Статьи о современной литературе. М., 1982. 303 с.
14. Кожин В. В. Статьи о современной литературе. М., 1990. 544 с.

15. Кузьмичёв И. К. Литературные перекрёстки. Типология жанров, их историческая судьба. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. 208 с.
16. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60-70-е годы / Ред. М. А. Федотовских. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.
17. Лейдерман Н. Л. Теория жанра [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.academia.edu/35300427/%D0%9B%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD> (дата обращения 16.01.2019)
18. Литературная теория немецкого романтизма: Документы / Под ред. Н. Я. Берковского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 336 с.
19. Літературознавчий словник-довідник за редакцією Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка. К.: ВЦ «Академія», 2007. 752 с.
20. Норец М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография. Симферополь: Бизнес-информ, 2014. 364 с.
21. Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М.: Просвещение, 1972. 272 с.
22. Сквозников В. Д. Лирика // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964. С.173–237.
23. Смирнов И. П. Олитературенное время. (Гипо)теория литературных жанров. СПб: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2008. 264 с.
24. Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. 174 с.
25. Тамарченко Н. Д. Теория литературных жанров / Учебное пособие для студентов. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 256 с.
26. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
27. Фрейденберг О. В. Поэтика сюжета и жанра [Электронный ресурс]. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/sacra/freydenberg-poetika-s-i-zh.htm> (дата обращения 11.01.2019)
28. Эсалнек А. Я. Внутрижанровая типология и пути её изучения. М., 1985. 183 с.
29. Эпштейн М. Законы свободного жанра // Вопросы литературы. – 1987. – №7. – С. 120–152

УДК 82.09

**ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ В СОВРЕМЕННОМ ШПИОНСКОМ
РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЯНА ФЛЕМИНГА
«КАЗИНО РОЯЛЬ»)**

А. А. Сокол,

*аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета
славянской филологии и журналистики, Таврическая академия Крымского
федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь,*

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет, Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению образа России и русских в современном шпионском романе. Рассмотрен и проанализирован образ «Другого», конструируемый в романе Яна Флеминга «Казино Рояль».

Ключевые слова: имагология, образ «Другого», образ России, Ян Флеминг, шпионский роман.

Summary. The article focuses on the study of the image of Russia and the Russians in a modern spy novel. The image of 'the Other' built in the novel by Ian Fleming 'Casino Royale' is examined and analyzed.

Key words: imagology, the image of 'the Other', the image of Russia, Ian Fleming, spy novel.

Интерес зарубежных писателей, литературных критиков, лингвистов и литературоведов к теме России и русских не утихает на протяжении длительного времени. Попытки понять Россию и ее народ возобновляются с новой силой в особенно сложные периоды истории страны. Сейчас один из таких периодов, когда Российская Федерация находится под экономическим давлением со стороны Соединенных штатов Америки и стран Евросоюза и введением санкций, призванных изолировать ее от остального мира. Тема русского и России проникает в сюжеты литературы и кино, формируя образ нашей страны в представлении зарубежного зрителя и читателя, что дает исследователям почву для размышлений: какой видит Россию иностранная аудитория, насколько образ нашей страны адекватен, насколько он негативен или позитивен.

Обращаясь к теме образа России и русских в современном шпионском романе, мы затрагиваем сферу исследований, проводимых в рамках достаточно юной научной дисциплины имагологии или – в русском варианте наименования, предложенного С. К. Милославской – «образоведения» [2, с. 29]. Согласно определению А. Р. Ощепкова, имагология занимается «изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [4, с. 251]. Имагология носит междисциплинарный характер, затрагивая сферы интересов различных гуманитарных наук: языкознания и литературоведения, психологии, политологии, перевода и переводоведения, истории, культурологии, социологии и др.

Образ России (а точнее ее предшественника СССР) и русских как образ «другого», конструируемый в художественной литературе Великобритании, нами рассматривается на примере шпионского романа британского писателя Яна Флеминга о приключениях агента британской разведки Джеймса Бонда «Казино Рояль». Данное произведение периода холодной войны открыло путь еще одиннадцати романам и двум сборникам рассказов Флеминга об агенте 007 и породило целую серию романов, рассказов, новеллизаций и спин-оффов других авторов. Главный персонаж,

вымышленный агент МИ6, настолько пришелся по душе читателям, что со страниц художественной литературы перешел на экраны кинотеатров и телевизоров. «Бондиана» стала одной из самых успешных и продолжительных серий фильмов в истории кинематографа. Первый фильм «Доктор Ноу» вышел в 1962 г., а премьера последнего, двадцать четвертого, фильма «007: Спектр» состоялась в 2015 г. Премьерный показ двадцать пятого фильма «Бонд 25» запланирован на февраль 2020 г. Вымышленный агент и его мир приковывает к себе зрителей, читателей, критиков и ученых уже более полувека – с 1953 года.

Первая мысль о карьере писателя шпионских романов пришла в голову Яну Флемингу в Австрии, на горнолыжном курорте Кицбюэль, где он познакомился с Эрнаном Форбсом Деннисом, бывшим британским шпионом, и его женой Филлис Боттом, признанной писательницей. Они отметили склонность Яна к языкам и побудили юное дарование написать свои первые рассказы. В период с 1939 г. по 1942 г. Флеминг сотрудничал с военно-морской разведкой и другими спецслужбами Великобритании и уже был твердо уверен в своем желании писать шпионские романы, о чем рассказывал всем друзьям. Но прошло еще десять лет, прежде чем Ян Ланкастер перешел от желаний к действиям [7].

За два месяца в начале 1952 г. Ян Флеминг написал свою первую книгу о Джеймсе Бонде, тайном агенте, противостоящем советской разведке, в лице шпиона Ле Шиффра (Намбера, в переводе С. Козицкого) и контрразведывательного ведомства СМЕРШ – «самой мощной и уважаемой организации в СССР» [6]. После успешного выхода романа в апреле 1953 г., наблюдая массовый читательский спрос на шпионскую литературу, Флеминг каждый год вплоть до своей преждевременной смерти в 1964 г. пишет новый роман об этом герое [7].

Прототипом Бонда был сам автор. И у персонажа, и у его создателя было много общего: работа на секретные разведывательные службы, красивая и богатая жизнь, статус плейбоя и любителя красивых и умных женщин. Кроме того, прообразами для создания агента 007 послужили два известных английских разведчика: Сидней Рейли и Душко Попов [3, с. 242]. В большинстве романов Флеминга о Джеймсе Бонде главной опасностью для страны Ее Величества и всего Западного мира представляла «красная угроза» со стороны Советского Союза [1, с. 27]. Сам жанр шпионского романа по своему характеру является политической литературой и зачастую используется в качестве «пропагандистских средств идеологической борьбы» [1, с. 92]. Роман Яна Флеминга «Казино Рояль» был написан в период холодной войны и противостояния социалистической и капиталистической систем, когда в Советском Союзе видели врага демократии, распространителя зловредных и опасных для западной идеологии идей. Основным содержанием шпионских романов в этот период становятся идеи советского заговора по распространению коммунизма на

западные страны, тем самым культивируется страх перед «восточным противником».

Цементирующим сюжетообразующим элементом шпионского романа является противостояние «свой-чужой», «мы-они», «друг-враг», которое становится основой для создания образа «другого», являясь совокупностью стереотипов и коллективных представлений о противоборствующих сторонах.

Завязкой сюжета романа «Казино Рояль» становится контроперация, проводимая в отношении «крупного советского агента» с целью «помешать финансированию коммунистического профсоюза» СМЕРШ – чрезвычайно оперативной советской организации по уничтожению предателей родины, которая, по мнению британской разведки, может стать «пятой колонной» в случае конфликта с «красными». Советским агентом предстает некий «Намбер (он же «месье Ньюмеро», «герр Нуммер», «герр Циффер» и т. п.)» [6]. Примечательно, что кодовое имя советского агента дается в английской, французской и немецкой интерпретации. Особенно ярко звучит немецкий вариант позывного, он неуклонно ассоциируется у читателя с нацистской Германией, что усиливает негативное восприятие врага. Сам Намбер предстает как личность весьма неприятная, с полным отсутствием нравственности и морали, не отличающаяся умом и дальновидностью, но при этом крайне опасная. Описание внешности Намбера призвано вызвать отвращение читателя к персонажу и к той силе, которую он представляет: «рост 1 м 75 см, вес 110 кг, цвет лица – матово-бледный... Рот маленький, женский. Вставные зубы... Уши маленькие... Руки узкие...» «...широкое бледное лицо... мокрые пунцовые, никогда не улыбающиеся губы...», одет в широкий смокинг, похожий «на черную шкуру на торсе Минотавра», «глаза... красные, в прожилках лопнувших сосудов; в них, как смородины в крови, плавали зрачки» [6].

Полной противоположностью ему предстает Бонд: высокий, статный, внешне привлекательный, с хорошим чувством юмора, всегда элегантно одетый, универсальный боец, первоклассный игрок, отличный водитель. Джеймс во всем стремится быть профессионалом, даже в курении, распитии спиртных напитков и обхождении с женщинами. Примечателен и его союзник, американец родом из Техаса, Феликс Лейтер, работающий в штабе разведки НАТО. Флеминг словами Бонда описывает его как симпатичного высокого парня, в котором «чувствовались скрытая сила, хорошая реакция и то, что в любой потасовке он не останется без дела» [6]. Столь же привлекательными перед читателями предстают и остальные помощники агента на службе Ее Величества: связной Рене Матис, сотрудник Второго бюро, и его команда.

Такой контраст в образах противников усиливает негативное восприятие идеологического врага и позитивное, пусть и идеализированное, представление о себе, «своих». Флеминг создает образ национального героя – воплощение ценностей, стремлений и свобод либерального Запада в

противовес лишенной свободы, варварской, тотально зависящей от центральной власти России. В глазах читателей советские агенты – это обездоленные, вынужденные подчиняться своим «хозяевам», глубоко несчастные люди. Именно это слово употребляет Флеминг, описывая отношения Намбера и его телохранителей (он их хозяин), Намбера и СМЕРШ (они его хозяева).

Сам СМЕРШ предстает в романе страшной террористической организацией исключительно высококвалифицированных, безжалостных и не знающих пощады профессионалов, которая «оставляет в живых только случайно или по ошибке». Создавая СМЕРШ, Флеминг лишь отдаленно опирался на реально существовавшие в СССР с 1943 по 1946 годы три контрразведывательных подразделения «Смерш»: 1) Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР; 2) Управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата Военно-Морского флота СССР; 3) Отдел контрразведки (ОКР) «Смерш» НКВД СССР [5]. Скорее всего, его привлекло название этих особых организаций: сокращение от «Смерть шпионам!» – и их репутация репрессивного органа, устраивавшего расправы над «изменниками родины» без суда и следствия.

В произведениях Флеминга СМЕРШ становится всесильной организацией «террора и насилия». В своей предсмертной записке Веспер Линд, двойной агент Советского Союза, вынужденная работать на русских, чтобы сохранить жизнь своему мужу, написала своему возлюбленному Джеймсу: «Я хотела иметь от тебя ребенка и начать другую жизнь. Но нас нашли. От них невозможно убежать». Так главным врагом Джеймса Бонда становится всемогущая советская контрразведка: «Для него есть подходящая цель, и она совсем рядом. Он займется СМЕРШ и будет охотиться на него, пока не затравит этого зверя. Без СМЕРШ – этого орудия мести и смерти – МВД будет самой обычной организацией, обычной разведкой, той, которая не хуже и не лучше, чем любая разведка других стран. СМЕРШ – это кнут. Будьте послушными, делайте, что прикажут, или умрете. Само собой разумеется, что вас будут преследовать до самой смерти. В этом была вся суть русской машины. Ее двигателем был страх, при котором человеку безопаснее идти вперед, чем отступить. Иди на врага, и его пуля, может быть, пролетит мимо. Отступи, сделай шаг в сторону, и пуля не пощадит. Теперь его цель – рука с кнутом и пистолетом» [6].

Из этого же абзаца мы видим, какими представляются мотивы русских агентов в восприятии зарубежной аудитории: ими движет страх перед властью, страх перед своим государством, а не патриотизм, гордость за свою страну, идущее от сердца желание отстаивать ее интересы и готовность пожертвовать собой ради блага родины, которую любишь.

В целом, образ России и русских в романе Яна Флеминга «Казино Рояль» получается достаточно мрачным и устрашающим. Советский Союз представлен деспотичным и всесильным злом, которое работает в тени, бесшумно и без промахов. В то же время устами Бонда Флеминг рассуждает

на тему зла и Дьявола, в образе которого читается СССР и коммунизм: «Его судят заочно. Мы не знаем про него ничего, кроме множества сказок» [6]. Тем самым автор признает, что реальное положение вещей может в корне отличаться от того, что мы себе представляем, и враги наши могут быть не столь чудовищны, как нас заставляют считать, и нет ничего полностью черного и белого, абсолютного добра и зла.

Список использованных источников

1. Благин А. А. Английские шпионские романы как оружие идеологического противоборства (1950 – начало 1970-х гг.): дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Ярославль, 2012. 256 с.
2. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. Москва: Флинта: Наука, 2012. 400 с.
3. Норец М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе. Симферополь: Бизнес-информ, 2014. 364 с.
4. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.
5. Смерш [Электронный ресурс] // Википедия: своб. энцикл. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Смерш>. (дата обращения: 18.01.2019).
6. Флеминг Ян. Казино «Руаяль» [Электронный ресурс]; Электронная библиотека Lib.Ru. – URL: <http://www.lib.ru/DETEKTIWY/FLEMING/kasinoruajl.txt>. (дата обращения: 16.01.2019).
7. Fleming Ian Lancaster (1908–1964) [Electronic Resource] // Oxford Dictionary of National Biography. – Mode of access: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/33168>. (дата обращения: 16.01.2019).

УДК 81'255.4

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ЦИТАТ И АЛЛЮЗИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ДРАМЫ К. КРАУСА «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»)

С. С. Субботенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Курский государственный университет, Курск

Аннотация. Целью данного исследования является выявление типов аллюзий в драме К. Крауса «Последние дни человечества» и оценка возможности их перевода на русский язык. В работе используются описательно-аналитический и сопоставительный методы. Автор дает характеристику пьесы К. Крауса, обозначает общий подход к ее переводу, рассматривает типы цитат и аллюзий, используемых в оригинале пьесы, и комментирует варианты их перевода на русский язык с позиции сохранения прагматического потенциала текста.

Ключевые слова: аллюзия, цитата, интертекстуальность, драма, художественный перевод, прагматический потенциал.

Summary. The aim of this research is to identify the types of allusions in K. Kraus's drama «The Last Days of Humanity» and to estimate the possibility of their translation into Russian. The descriptive-analytical and comparative methods are used in the work. The characteristic of the play by K. Kraus is given, the general approach to its translation is indicated. The author examines the types of quotations and allusions used in the original play and comments upon the variants of their translation into Russian from the perspective of preserving the pragmatic potential of the text.

Key words: allusion, quotation, intertextuality, drama, literary translation, pragmatic potential.

В 1915 году австрийский писатель, критик и публицист Карл Краус начинает работу над драмой «Последние дни человечества», ставшей вершиной его творчества. В окончательной редакции драма была опубликована в 1922 году и, по мнению известного германиста Й. М. Фишера, именно это произведение, а не роман Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» достойно называться «главной книгой о Первой мировой войне» [3, с. 30]. Тем не менее, драма «Последние дни человечества» не получила столь широкой известности, и тому есть несколько причин. Во-первых, спорным является вопрос о жанровой принадлежности произведения. Являясь по форме пьесой, драма «Последние дни человечества» ни разу не была поставлена на сцене в полном объеме. Сам К. Краус отрицал возможность такой постановки и даже выступал категорически против нее. Немецкий писатель и журналист Курт Тухольский тоже называл эту драму несценичной («*unaufführbar*»), поскольку ее смысловое богатство выходит за рамки формы [4]. Во-вторых, как в содержательном, так и в языковом плане, произведение можно назвать очень «австрийским». Текст изобилует реалиями, литературными, социально-культурными и прочими аллюзиями, что ставит вопрос о степени переводимости драмы. До недавнего времени попытки полностью перевести произведение на русский язык не предпринимались. Но в 2016 году издательство «libra» поставило перед собой задачу опубликовать драму «Последние дни человечества» на русском языке. Значительный объем произведения потребовал работы коллектива переводчиков. К настоящему моменту переведены и отредактированы пролог и первый акт пьесы, почти закончен перевод второго и начинается работа над третьим актом. Здесь хотелось бы осветить вопрос перевода цитат и аллюзий в этом произведении, и частично обобщить варианты переводческих решений.

Следует подчеркнуть, что работа предполагает перевод пьесы в первую очередь как литературного, а не как сценического произведения, т.е., ориентирован на неоднократное восприятие мыслящего читателя. Поэтому перед переводчиками не стоит цель ориентироваться на «критерий “удобопонятности” перевода», предполагающий «успешную коммуникацию со зрителем постановки» [1, с. 21]. Изначально не планируется «расшифровывать» текст и давать читателю «подсказки»,

облегчающие восприятие произведения. Несмотря на это переводчикам необходимо разобраться в скрытых смыслах произведения, чтобы сделать перевод, насколько это возможно, адекватным оригиналу и сохранить его прагматический потенциал.

Пожалуй, главное, что нужно учитывать при работе над переводом, это интертекстуальность произведения. В его основе лежит «техника монтажа цитат», драма «на две трети смонтирована на основе газетно-журнальных цитат, правительственных манифестов, военных рапортов» [2, с. 19]. Кроме того, для всего творчества К. Крауса характерно использование цитат из классической литературы, в частности И. В. Гете, У. Шекспира, Ф. Шиллера, А. Шопегауэра. Аллюзии и цитаты выполняют, таким образом, прежде всего текстообразующую функцию. Следует сказать, что сейчас не представляется возможным, в том числе для носителей языка, обнаружить в тексте все цитаты из публицистики или военных документов того времени. С другой стороны, для специалистов в области истории или литературы многие отсылки могут раскрыть глубинный смысл произведения. Некоторые цитаты и аллюзии в свою очередь выполняют окказиональную или оценочную функцию, служат созданию колорита эпохи или характеристике отдельных персонажей (коллективных образов пьесы). Поэтому одной из переводческих задач является выявление семантически и прагматически важных отсылок в тексте, чтобы попытаться сохранить их потенциал в переводе на русский язык.

Для начала представляется необходимым обозначить несколько видов цитат и аллюзий, характерных для драмы Крауса. Во-первых, это имплицитные отсылки, потерявшие свое знаковое значение для носителей языка оригинала и, соответственно, переставшие выполнять свою семантическую роль в качестве символов эпохи. В основном, это аллюзии на прессу и военные документы. В тексте перевода подобные выдержки из статей, манифестов и т. п. сохраняются, но никак не комментируются.

Во-вторых, К. Краус часто прибегает к эксплицитным аллюзиям (прямое цитирование). Чаще всего они встречаются в речи Брюзги (по признанию большинства исследователей этот персонаж представляет собой alter ego самого автора). Часто это цитаты в неизменном виде с указанием авторства.

Оригинал	Перевод (перевод мой – С. С.)
<p>Оптимист: Blicken Sie auf Kernstock... Брюзга: Nicht gern. Оптимист: Ein Dichter christlicher Milde, in seinem Beruf sogar ein Geistlicher. Брюзга: Ja, das gebe ich zu, der ist außerordentlich gestählt worden. Ich denke vor allem an die Verse, in denen er seine Steirerbuam auffordert, aus Welschlandfrüchtchen blutroten Wein zu pressen.</p>	<p>Оптимист: Рассмотрим Кернштока... Брюзга: Без особого удовольствия. Оптимист: Поэт христианского милосердия, даже священник по профессии. Брюзга: Соглашусь, уж этот-то исключительно закалил себя. Прежде всего, мне приходят на ум строки, в которых он призывает своих соотечественников штирийцев выжимать кроваво-красное вино из иноземцев.</p>

Официальные опубликованные переводы стихотворения О. Кернштока «Steirischer Waffensegen» отсутствуют, поэтому у переводчика нет возможности на них опираться. В этой связи возникает необходимость перевода «произведения в произведении».

Другой разновидностью эксплицитных аллюзий, где К. Краус сам обозначает источник цитирования, являются упоминания об афишах, объявлениях, табличках, выдержках из газет и документов и т.п. Эти фрагменты вносят в произведение дополнительную информацию и служат слиянию документального и художественного, ср.:

Оригинал	Перевод (перевод мой – С.С.)
Nörgler: Ich habe eine Filmanzeige gesehen, mit dem packenden Titel: <i>Deutsche Treue... welsche Tücke!</i>	Брюзга: Я видел афишу, у фильма захватывающее название: <i>Преданность немцев ... Коварство иноземцев</i>
Optimist: Nun, das ist doch in Ordnung?	Оптимист: И что не так?
Nörgler: Das würden Sie nicht finden, wenn Sie es gesehen hätten. Ein Dämon hatte im dritten Wort einen Buchstaben weggelassen...	Брюзга: Вы бы сразу поняли, если бы увидели. В первом слове дьявол заменил одну букву ...
Optimist: <i>Welche Tücke!</i>	Оптимист: <i>Проданность!</i>
Nörgler: Ganz richtig: welche Tücke. Zum Glück wurde aber der Buchstabe von einem gewissenhaften Korrektor wenigstens handschriftlich nachgetragen. Er gab der Wahrheit die Ehre и dem Worte das s.	Брюзга: Верно, проданность. К счастью, добросовестный корректор исправил букву от руки. Тем самым он отдал должное правде, а слову – букву е.

Вероятно, речь идет об экранизации произведения Оскара Хёкера «Deutsche Treue, welsche Tücke. Kulturgeschichtliche Erzählung aus der Zeit der großen Revolution, der Knechtschaft und der Befreiung. Für die reifere Jugend». Опечатка, допущенная в афише, придает названию фильма язвительный оттенок. Для сохранения смысла в переводе необходимо опираться на более широкий контекст. В 10-й сцене второго акта Брюзга намекает своему постоянному собеседнику Оптимисту, что американские военные предприятия, принадлежащие на самом деле немцам, поставляют оружие странам Антанты. Этим и обусловлен перевод «преданность». Опечатка, допущенная в слове «преданность» становится намеком на готовность немецких промышленников пожертвовать жизнями соотечественников ради выгоды.

Литературные аллюзии часто встречаются и в речи других персонажей, которые в произведении сливаются в единую безликую массу. Подобные отсылки выполняют оценочную функцию, служат созданию характеристики персонажей, выражению авторского отношения к ним. Во многих случаях эти цитаты придают тем или иным сценам язвительный, сатирический оттенок:

Оригинал	Перевод (перевод мой – С. С.)
<p>1) Frau Funk-Feigl: Ich bin für Sie keine Dame, ich bin Aufsichtsrat von der Gekawe und hab ebenso ein Recht (hier zu kochen) wie jede von der Rohö! Es ist leicht am grünen Holz Verordnungen ausarbeiten lassen, aber dann? (In der Praxis?) Wie sagt doch Schiller, bitte <i>«greif nur herein ins volle Menschenleben...»</i></p> <p>2) Riedl (<i>sich die Stirn wischend</i>): Ich danke euch — ich danke euch — gleich telefonier ich zhaus, что sie's zum Roten Kreuz hintragen. Morgen werds ihr schon lesen können — (<i>er wird nachdenklich</i>) <i>Hier steh ich, ein entleibter Stamm.</i></p> <p>Der Zweite Cafetier: Schauts, wie gebildet der Riedl is, jetzt redt er sogar schon klassisch.</p> <p>Riedl: Das is nicht klassisch, das sagt immer der Doktor vom Exrablatt, wenn er im Angehn verliert.</p>	<p>1) Госпожа Функ-Файгль: Я вам не госпожа, я член наблюдательного совета в «Gekawe» и у меня те же права, что и у любой в «Rohö»! Легко составлять распоряжения для зеленеющего дерева, а потом что? Как сказал Шиллер: пожалуйста, <i>«смелей лишь черпайте из жизни всех людей ...»</i></p> <p>2) Ридль (потирает лоб): Спасибо ... спасибо вам ... сейчас домой позвоню, пусть сообщат в Красный Крест. Завтра уже будете читать ... (задумывается). <i>Стою я, обнаженный ствол.</i></p> <p>Второй владелец кафе: Смотрите-ка, какой у нас Ридль образованный, классиков цитирует.</p> <p>Ридль: Это не классик, так доктор из экстренного выпуска говорит, когда в карты проигрывает.</p>

В первом примере цитата из произведения «Фауст» И. В. Гете приписывается персонажем Ф. Шиллеру. В данном случае искажение не касается самого текста цитаты, нарушение достоверности наблюдается только в отсылке. Поэтому здесь очевидным вариантом является использование соответствующей цитаты из перевода «Фауста» на русский язык (пер. Н. Холодковской). Второй пример требует иного, скорее творческого, подхода. Фраза, которую произносит один из персонажей сцены и которую его собеседники называют классической, является искаженной цитатой из драмы Ф. Шиллера «Смерть Валленштейна». В оригинале она звучит следующим образом: «Da steh' ich, ein entlaubter Stamm!». Меняя причастие *entlaubt* (лишенный листьев) на *entleibt* (лишенный жизни), К. Краус создает определенный портрет, но не одного персонажа, а сразу нескольких (Ридль, его собеседники, доктор), которые бездумно повторяют одну и ту же исковерканную фразу. Тем самым подчеркивается идея о превалирующей роли массы, толпы, а персонажи пьесы обезличиваются. При переводе данной реплики возникла необходимость опираться опять же на готовый перевод. В переводе К. Павловой указанная цитата звучит «Стою я, обнаженный ствол». Прилагательное «обнаженный» не дает возможности допустить в переводе искажения, аналогичные искажению в пьесе К. Крауса, поэтому для изменений был выбран другой элемент цитаты, существительное «ствол». В переводе оно заменяется словом «стволб», что позволяет сохранить сатирический эффект.

Анализ приведенных отрывков из пьесы и предложенных вариантов перевода на русский язык показывает, что для сохранения прагматического

потенциала оригинального текста часто требуется творческий подход в сочетании с адаптацией к языку перевода. Необходимо еще раз подчеркнуть, что по замыслу издательства в большинстве случаев не планируется давать какие-либо сноски и комментарии к тексту. Язык самой пьесы должен стать единственным источником информации для потенциального читателя, в том числе имплицитной. Задача переводчиков заключается в том, чтобы не облегчить восприятие, но дать возможность почувствовать глубинный смысл произведения.

Список использованных источников

1. Олицкая Д. А. Перевод драмы: специфика, проблемы, подходы [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – Выпуск № 357. – URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=870&article_id=5525 (дата обращения 15.01.2019).
2. Шалгинова Н. С. Художественный мир Карла Крауса: автореф. дис. кандидата филол. наук. Нижний Новгород, 2017. 18 с.
3. Fischer J. M. Karl Kraus. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1974.
4. Tucholsky K. Karl Kraus liest. [Electronic Resource] // Berliner Tageblatt. 1920. – Mode of access: <https://www.textlog.de/tucholsky-karl-kraus-liest.html>. (дата обращения 12.01.2019).

УДК 81'255.2

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКОГО В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕМАХ

Л. И. Тарарина,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Лингвистический факультет, Российский государственный социальный
университет, Москва*

С. М. Платова,

*студентка четвёртого курса кафедры лингвистики и перевода,
Лингвистический факультет, Российский государственный социальный
университет, Москва*

Аннотация. В статье рассмотрены феномен интернет-мемов, их классификация, а также выявлены особенности и способы перевода интернет-мемов в связи с их комической природой. С этой целью исследуются приёмы комического и анализируется их проявление в приведенных примерах интернет-мемов. Делается вывод о том, что специфика перевода англоязычных мемов определяется не только используемыми языковыми средствами, но и фоновой картинкой.

Ключевые слова: интернет-мем, мем, комическое, комический эффект, приёмы комического, перевод.

Annotation: The paper analyses the phenomenon of internet-memes, their classification. The peculiarities and ways of translation of internet-memes in connection with their comic nature are defined. For this purpose we examine comic methods and analyze how they are displayed in the given examples of internet-memes. The conclusion is made that the specificity of translation of internet memes is determined not only by the used linguistic means but also by the background image.

Key words: internet-meme, meme, the comic, comic effect, comic methods, translation.

Явление под названием *интернет-мемы* не так давно вошло в нашу жизнь и прочно обосновалось в ней. В наши дни с термином *мем* знакомы практически все. Первоначально термин *мем* был введен Ричардом Докинзом в книге «Эгоистичный ген», где он охарактеризовал его как «единицу культурной информации» [2].

Под понятием *мем* обычно подразумевают забавное изображение, запоминающуюся фразу или другую единицу информации, в которой заложен определенный смысл и которая отсылает нас к какому-либо явлению культуры.

Изначально мем бывает понятен лишь небольшой группе людей, которые, как правило, имеют отношение к его возникновению [4]. Благодаря общедоступному характеру Сети мем быстро распространяется [5] при условии, что он находит отклик у своей целевой аудитории.

Мемы удобны в использовании для общения в Сети. Вместо того чтобы описывать что-либо вербально, пользователю Интернета достаточно отправить мем при условии, что собеседник сможет его правильно интерпретировать.

Не существует общепринятой классификации мемов по причине их недостаточной изученности и их разнообразия. Хотя некоторыми исследователями предприняты попытки классифицировать мемы. Так, по мнению Ю. В. Щуриной, мемы делятся на текстовые, мемы-картинки, видеомемы и креолизованные мемы, состоящие из текстовой и визуальной части. Текстовым мемом становится слово, фраза или высказывание, которое приобрело популярность среди пользователей Сети («You Know Nothing, Jon Snow», «28 Stab Wounds»). Мемы-картинки могут делиться на 2 вида: изображения, знакомы пользователям Сети («друг», «Кот Вжух»), и картинки, созданные с помощью фотошопа и называемые фотожабами. Креолизованные мемы представляют собой изображения с различными подписями. Эта разновидность мемов преобладает в Сети. И поэтому именно они используются как примеры для анализа перевода мемов.

В связи с тем, что все мемы приходят в русскоязычное Интернет-пространство с Запада, встаёт вопрос специфики их перевода. Особенностью мемов является комический эффект, производимый ими. Рассмотрим определение *комического* и приёмы его создания.

Комическое – это эстетическая категория, в которой отражается всё, что человек находит смешным в окружающей его действительности или в своём воображении. Не стоит путать комическое и юмор. Юмор является более узким понятием по отношению к комическому.

Исследователи выделяют множество разных классификаций комического в соответствии с самыми разнообразными принципами. Остановимся на языковых средствах создания комического эффекта, которые представляют собой основную проблему в процессе перевода мемов и определяют специфику их перевода. В качестве наиболее часто используемых выделим:

- Ложное противопоставление. Высказывание начинается таким образом, что во второй его части ожидается отрицание сказанного в начале, но заключительная часть подтверждает и то, что утверждалось в начале.

- Ложное усиление. В данном приёме заключительная часть высказывания должна усиливать его окончание, но фактически она отрицает его.

- Намёк. Слово, которое выражает смысл шутки либо высказывается в завуалированном виде, например, посредством аллюзии или эвфемизма, либо вовсе не высказывается, но додумать его обычно можно без особых затруднений.

- Смещение стилей. Говорить о смещении стилей можно в том случае, когда в одном тексте, произведении, шутке употребляется слова различных речевых стилей или, когда речь персонажа не соответствует ситуации стилистически и по этой причине является неуместной.

А. Н. Лук отмечает такие разновидности этого приема как *«псевдоглубокомыслие*, то есть употребление высокопарных выражений, сложнейших словесных конструкций и грамматических оборотов для выражения тривиальных истин, плоских мыслей, пошловатых сентенций» и прием несоответствия речевого стиля и окружающей обстановки, выражается чаще всего в использовании стилистически сниженной лексики в местах, где принято использовать официально-деловую лексику [3].

- Двойное истолкование: появляется благодаря разным значениям одного слова. Самой известной его разновидностью является каламбур, который образовывается с помощью омонимов или нескольких слов, которые при произнесении их вместе дают другое слово.

- Парадокс. Выражается в изменении какой-либо части стандартной, привычной фразы, что ведет к изменению смысла, часто на абсолютно противоположный первоначальному.

- Повторение. Суть данного приема заключается в повторе какого-либо элемента, который во время первого произнесения не вызывает смеха, но с каждым разом комический эффект, производимый им возрастает.

- Остроумие нелепости. Данный приём обычно выражается в соединении двух противоречащих друг другу по смыслу высказываний.

Также это может быть шутка, идущая вразрез со здравым смыслом. Хорошим примером здесь может послужить мем *guess I'll die*, известный в русскоязычном Интернет-сообществе как *ребята, я умираю*:

when the solution to a problem is to call someone

Рис. 1. Мем “Guess I’ll die”

Перевести данный мем можно следующим образом: «когда для того, чтобы решить проблему нужно кому-то позвонить: ребята, я умираю». Очевидно, что следствием нерешенной проблемы не служит смерть, в чем и состоит нелепость мема.

Как можно увидеть при переводе данного мема вместо фразы *guess I'll die* использовался эквивалент *ребята, я умираю* и замена существительного *the solution* глаголом «решить». Эти трансформации были произведены для благозвучия.

Ирония понимается как двойное высказывание, в котором сказанное прямо противоположно подразумеваемому. Ю.Б. Боров пишет, что «чем более глубоко скрыт ее истинный смысл, тем ирония более язвительна» [1, с. 98].

Фраза «*When the real world isn't as dank as ur memes*» переводится

«Когда реальный мир не такой крутой как твои мемы». К сожалению, слово *крутой* не передаёт всей полноты значения слова *dank*, которое используется иронически и обозначает объект или явление не смешные до такой степени, что их нелепость вызывает смех. К тому же мем отсылает нас к разновидности мемов под названием *dank memes*, которые по своей природе являются ироничными. Здесь возможно использование переводческого комментария. Также без перевода остаётся слово *ur*, фонетический вариант *your*, подчёркивающий шуточный характер фразы, в которой он употреблен. Впрочем, изображение прекрасного пейзажа в качестве фона также помогает передать всю ироничность мема.

Сравнение по отдалённому или случайному признаку. Данный комический прием заключается в том, что сравниваются два непохожих на первый взгляд объекта и потом неожиданно приводится признак, роднящий

их. Рассмотрим пример: нижеприведенный мем сравнивает двух гениальных мальчиков Финеса и Ферба из одноименного мультфильма и известного американского изобретателя Илона Маска. Это на первый взгляд нелепое сравнение не лишено смысла (что видно из изображения, передающего ироничность): Илон Маск, как и Финес с Фербом постоянно придумывает и изобретает что-то новое, но комический эффект мема состоит в том, что вымышленные изобретения детей из мультфильма ставятся автором мема выше реальных изобретений Маска.

Перевод данного мема не представляет особой трудности: имена собственные передаются при помощи приёмов транскрибирования и транслитерации. Сложность для понимания может заключаться в отсутствии экстралингвистической информации.

Анализ приведенных примеров позволяет прийти к заключению, что не всегда удастся передать полноту значений слов в интернет-мемах, но используя, например, такие приемы, как подбор эквивалентов и аналогов, а также

переводческий комментарий, транскрибирование и транслитерацию, различные грамматические трансформации можно передать смысл и сохранить комический эффект. Впрочем, в переводе каждого интернет-мема необходим особый подход ввиду разнообразия данных единиц культурной информации. Также можно сделать вывод, что комический эффект в мемах строится не только при помощи языковых средств, но и на ситуации, которая вырисовывается из самой картинке, что и определяет специфику их перевода.

Список использованных источников

1. Борев Ю. Комическое. М.: Искусство, 1970. 272 с.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.
3. Лук А. Н. О чувстве юмора и остроумии. М.: Искусство, 1968. 191 с.
4. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры [Электронный ресурс] // Культура в современном мире. – 2013. – №3. – <http://infoculture.rsl.ru> (дата обращения 10.01.2019).
5. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Научный диалог. – 2012. – №3. – <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-fenomen-internet-kommunikatsii> (дата обращения 11.01.2019).

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ НА ОСНОВЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Л. П. Тарнаева,

*доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Цель работы заключается в исследовании лингводидактического аспекта дискурс-анализа. Предлагается методическая технология формирования дискурсивной компетенции переводчика в сфере профессионального общения на основе дискурс-анализа. Представлены методические приёмы формирования умений анализа дискурса, направленного на выявление системообразующих признаков дискурсивных практик профессиональной сферы. Анализ профессионального дискурса осуществляется в терминах прагмалингвистических категорий с целью обозначить статусные роли участников профессионального общения, раскрыть смысл, заключённый в ключевых концептах профессионально-ориентированных текстов, охарактеризовать коммуникативные стратегии с точки зрения релевантности коммуникативным намерениям, выявить роль дискурсивных формул и дискурсивных маркеров в обеспечении когерентности дискурса. Сделан вывод о целесообразности построения технологии формирования дискурсивной компетенции переводчика в сфере профессиональной коммуникации на основе дискурс-анализа.

Ключевые слова: дискурсивная компетенция, дискурс-анализ, профессиональное общение, когерентность, коммуникативные стратегии, национальный дискурс, прагмалингвистические характеристики.

Summary. The article focuses on the problem of applying discourse-analysis in linguodidactic perspective for developing discourse competence of translators and interpreters in the sphere of professional communication. The author describes techniques of developing students' skills in discourse analysis to contribute to their ability of adequate rendering the content of the source text by means of the target language. Analysis is aimed at revealing pragmalinguistic characteristics of the professional discourse: specifying the status roles of discourse participants, highlighting the main message of the text key concepts, characterizing communicative strategies, identifying discourse formulae and discourse markers that contribute to the text coherence.

Key words: discourse competence, discourse analysis, professional communication, coherence, communicative strategies, national discourse, pragmalinguistic characteristics.

Учёт всех аспектов межкультурного профессионального общения позволяет подойти к трактовке дискурсивной компетенции переводчика,

работающего в данной сфере, как к совокупности знаний, речевых навыков и коммуникативных умений, лежащих в основе способности обеспечить корректную интерпретацию и порождение определённого вида профессионального дискурса в устной или письменной форме с учётом культурной специфики вербальных и невербальных компонентов национальных дискурсов, контактирующих в межкультурном профессиональном взаимодействии. Таким образом, дискурсивная компетенция переводчика в сфере профессионального общения проявляется в следующем: (а) в корректной передаче композиционно-смысловой целостности исходного текста средствами языка перевода; (б) в понимании смысла, заложенного в коммуникативных стратегиях, реализующих интенции автора исходного высказывания; (в) в передаче содержательного плана риторических стратегий средствами языка перевода с учётом национально-культурной специфики контактирующих дискурсов; (г) в адекватной трансляции смыслов, заключённых в лексико-грамматических, фразеологических, стилистических средствах, реализующих композиционно-смысловое и структурно-семантическое содержание исходного текста.

Теоретико-методологическое осмысление дискурсивного анализа с лингводидактических позиций предложено в ряде работ зарубежных и отечественных исследователей [8; 9; 1; 5; 6]. Вместе с тем следует отметить, что при наличии ряда лингводидактических работ по проблемам перевода, в которых представлены элементы дискурс-анализа [3; 4; 7], в целом дискурсивная парадигма в подготовке переводчиков разработана недостаточно – отсутствует система обучения переводу с использованием дискурс-анализа, хотя в свете современных дискурсивных практик потребность в этом вполне очевидна.

Предлагаемая в рамках данной работы методическая технология формирования дискурсивной компетенции переводчика в сфере профессионального общения строится на основе системообразующих признаков дискурсивных практик данной сферы с учётом принципа профессиональной направленности корпуса лингвистического материала, отражающего различные виды профессионального дискурса (деловой, социологический, научно-технический, естественно-научный и т.д.).

В соответствии с прагмалингвистическими характеристиками институционального дискурса [2], дискурс-анализ, направленный на формирование дискурсивной компетенции переводчика в сфере профессионального общения, должен отражать следующие параметры межкультурного профессионального общения: (а) характерные черты конкретной дискурсивной практики профессионального общения (участники, хронотоп, тема, жанр, дискурсивные формулы, ключевой концепт); (б) способы развёртывания темы (обеспечение когерентности текста, коммуникативные стратегии и речевые тактики); (в) языковые средства реализации коммуникативных интенций (лексическо-

фразеологические, грамматические, стилистические средства). Обязательным компонентом всех заданий на анализ дискурса является поиск переводческих соответствий и/или перевод текста (или его фрагмента) с установкой на сохранение коммуникативного эффекта исходного высказывания. В качестве примера ниже приводится фрагмент анализа делового дискурса.

Студентам предлагается отрывок из речи Аниты Роддик – основателя компании ***Body Shop International***.

- *Read an extract from the speech made by Anita Roddick, founder and managing director of the Body Shop International.*

A good business should be part of society, and you should lead by example. You have to have pride in what you do. There is no pride in making millions of pounds, but there is pride in helping people and the environment.

Далее предлагаются задания, предусматривающие анализ отрывка дискурса по следующим параметрам: **участники дискурса**, в данном случае идентификация аудитории, которой адресовано высказывание (*Think who is the speech aimed at*); **ключевой концепт** высказывания (*Discuss in small groups what values the company pursues. Present your opinion to the rest of the group*); **дискурсивные формулы**, сигнализирующие о принадлежности данного фрагмента к деловому дискурсу (*What type of discourse do you think the extract belongs to? What words and word combinations signal about it? In the extract, point out discourse formulae characteristic for professional discourse*); **коммуникативные стратегии**, используемые для реализации замысла высказывания (*What strategy does Anita Roddick use to express her ideas about social responsibilities of business: **supposition, assertion, appeal, persuasion, giving evidence?***); **стилистические средства**, обеспечивающие коммуникативный эффект высказывания: лексические повторы, антитеза, параллелизм с использованием антонимических структур и т.д. (*What stylistic means are used to make the statement emotionally colored? What is the difference in meaning of the modal verb **should** and the modal structure **have to + infinitive**? What effect does their succession create? What Russian equivalents can you suggest to them?*); **перевод с установкой на сохранение коммуникативного эффекта** исходного текста (*Translate the extract trying to achieve the same communicative effect*).

Значительное внимание в анализе дискурса уделяется дискурсивным стратегиям и способам их реализации. При этом выявляются универсальные и культурные особенности национальных дискурсов на лексическом, грамматическом, фразеологическом, стилистическом уровне. Например, при межкультурном анализе аргументативных стратегий, к которым прибегают участники русскоязычного и англоязычного профессионального общения, студенты выявляют, что в обоих национальных дискурсах в аргументации частотными являются тактики *категоричного утверждения, иллюстрирования, контрастности*. Вместе с тем, среди частотных

тактик русскоязычной аргументации отмечается *указание на перспективу*, в то время, как в англоязычной аргументации данная тактика в качестве частотной не отмечена. В числе различий также отмечается, что в англоязычном дискурсе стратегия аргументации часто начинается с тактики заявления о личной позиции, в то время как в русскоязычном дискурсе данная тактика чаще встречается как итог предшествующих аргументов.

В целях формирования умений корректной передачи композиционно-смысловой целостности дискурса большое внимание уделяется способам обеспечения когерентности текста. Задания направлены на овладение студентами знаниями как общих, так и специфических для контактирующих национальных дискурсов способов обеспечения смысловых и формальных связей высказываний. Выполняя задания, студенты овладевают знаниями, на основе которых формируются дискурсивные умения ввести, развить и завершить макро- и микро-тему дискурса, используя формально-логические и смысловые средства когезии. Обращается внимание на культурную специфику дискурсных маркеров, обеспечивающих в контактирующих дискурсах последовательность, преемственность, очерёдность, соотносённость в пространстве и/или времени, противопоставление, причинно-следственные, параллельные и т.п. отношения. В упражнениях содержатся задания идентифицировать дискурсные маркеры, определить и прокомментировать выраженные ими смысловые связи, составить сложное предложение из нескольких простых, используя заданные дискурсные маркеры, выбрать дискурсный маркер в соответствии с логикой изложения, исправить неправильно употреблённый дискурсный маркер, передать логико-смысловые связи исходного текста средствами языка перевода и т.д. например: (а) *Read the fragments of professional discourse and identify discourse markers for expressing the following thought relationships: **succession, time, consequence...*** (идентификация дискурсных маркеров, выражающих заданные типы связей); (б) *Comment on thought relationship expressed through the following discourse markers: **so, thus, while, however ...*** (выявление смысловых связей, выраженных выделенными дискурсными маркерами); (в) *Read two simple sentences in English (Russian) and translate them into Russian (English) as a complex sentence. (б) Listen to two simple sentences in English (Russian) and translate them into Russian (English) as a compound sentence* (перевод двух простых предложений одним сложным с подчинительной или сочинительной связью).

Важная роль принадлежит упражнениям на формирование коммуникативных умений развить мысль ключевого предложения, задающего микро- или макро-тему дискурса (*topic sentence*). Такие упражнения могут сопровождаться комментарием о роли ключевого предложения в построении англоязычного дискурса, о способах развития идеи ключевого предложения в абзаце, о роли дискурсивных формул в раскрытии смысла, о дискурсных маркерах, которые обеспечивают связность при развёртывании темы. После комментария даётся образец

развития темы, заданной в ключевом предложении. Например, предьявляется фрагмент текста:

The culture – beliefs, attitudes, aspirations, pragmatic designs and fantasies, actions and reactions – is studied by advertisers all over the world. Advertisers try to find ways that might inspire people of a given culture to buy a product of one manufacturer rather than that of another. Cultural awareness of advertisers can make advertising campaigns more efficient, bringing major practical results.

Затем описывается способ развития темы ключевого предложения:

- *the key words of the first sentence (culture, advertisers) and their derivatives are used in the paragraph several times;*

- *the second sentence contains the discourse marker (rather than), which emphasizes the role of cultural awareness for successful advertising;*

- *the last sentence contains two descriptive adjectives (efficient and major) that underline the role of cultural awareness in advertising, thus summing up the previous ideas.*

Подводя итог краткому описанию технологии формирования дискурсивной компетенции переводчика в сфере профессионального общения, следует подчеркнуть, что введение дискурс-анализа в обучение переводу в значительной степени будет способствовать корректной интерпретации информации исходного текста и её адекватной передаче на язык перевода в соответствии с языковыми, общекультурными и профессионально-значимыми традициями принимающей лингвокультуры.

Список использованных источников

1. Гураль С. К. Язык как саморазвивающаяся система. Томск. Изд-во Том. ун-та, 2012. 118 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 390 с.
3. Мощанская Е. Ю. Руцкая Е. А. Формирование дискурсивной компетенции при обучении устных переводчиков // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 5. С. 69 –74.
4. Осипова Е. С. Использование ресурсов корпусной лингвистики на разных этапах переводческого анализа // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Симферополь. – 2018. – С. 444 – 449.
5. Попова Н. В. Междисциплинарная дискурсивная эстафета в программе подготовки лингвистов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – № 145. С. 171 – 179.
6. Тарнаева Л. П. Перевод в сфере делового общения: диалог языков и культур (лингводидактический аспект). Монография. СПб.: Книжный дом, 2017. 134 стр.
7. Шевченко М. А., Гураль С. К. Цели, задачи, принципы и содержание обучения военных переводчиков иноязычному военному дискурсу // Язык и культура. – 2017. – № 40. С. 330 – 344.

8. Olshtein E., Celce-Murcia M. Discourse Analysis and Language Teaching // Schiffrin D. et al. The Handbook of Discourse Analysis. Blackwell Publishers Ltd. – 2001– P. 707–724.

9. Münchow P. Cross-Cultural Discourse Analysis and Intercultural Education in Foreign Language Teaching and Learning. [Electronic Resource] // Journal of Intercultural Communication, issue 29, 2012. Mode of access: URL: <https://www.immi.se/intercultural/nr29/munchow.html>. (Дата обращения: 25.01.2019).

УДК 378.126+808.3

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ - БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Л. А. Тархова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт социальных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования творческих способностей будущих переводчиков как неотъемлемого компонента их профессиональной подготовки. Цель работы заключается в том, чтобы показать влияние проблемных заданий на формирование творческих способностей будущих переводчиков и совершенствование их подготовки. Основные методы исследования: анализ, синтез, наблюдение, тестирование. Даются рекомендации по организации учебного процесса с помощью самостоятельных творческих заданий. Делается вывод, что предложенные приёмы и задания способствует формированию творческих способностей будущих переводчиков.

Ключевые слова. Будущие переводчики, профессиональная подготовка, формирование творческих способностей, проблемные задания.

Summary. The article deals with the problem of future translators' creative abilities formation as an integral part of their professional training. The aim of the paper is to show that problem-solving tasks influence the creative abilities formation and their professional training development. The research methods used in this paper: analysis, synthesis, observation, testing. Recommendations concerning the development of this phenomenon through creative activities are given. The author comes to a conclusion that the suggested methods and tasks provide the creative abilities formation of future translators.

Key words. Future translators, professional training, creative abilities formation, problem-solving tasks.

Проблема обучения языку и переводу сегодня очень актуальна в связи с использованием новых способов коммуникации и массовой информации. В настоящее время уделяется огромное значение повышению уровня профессиональной подготовки переводчиков. Обеспечение квалифицированного перевода, который отвечает быстромениющимся

условиям нашего времени, становится важной частью экономического и культурного роста страны. Учебный процесс всё больше направлен на развитие самой личности студента, выявление и совершенствование его творческих способностей.

Выполняя перевод большого объёма информации, переводчики зачастую выполняют буквальный перевод, в результате чего перевод становится некачественным и непонятным. На данный момент, несмотря на, казалось бы, достаточное количество переводчиков, только лишь часть из них может успешно выполнять перевод с учётом общепринятых норм и требований. Поэтому проблема заключается в том, что традиционный подход к профессиональной подготовке будущих переводчиков недостаточно эффективно способствует формированию творческой личности специалиста. Всё ещё актуальным является вопрос создания условий организации обучения, которое оценивается результатами самостоятельной творческой деятельности.

Переводческая деятельность подразумевает каждодневный поиск адекватных способов решения профессиональных задач, учитывая индивидуальный опыт переводчика, его качества и возможности. Но иногда переводчику приходится выходить за границы общепринятой теории перевода, действуя порой в экстремальных ситуациях, когда он вынужден принимать нестандартные переводческие решения, вносить элементы новизны в традиционные способы выполнения перевода. Поэтому проблема обучения и воспитания студентов - будущих переводчиков как творческих личностей на основе интенсификации их творческой деятельности является актуальной, социально значимой и приоритетной.

Многие учёные исследовали данную проблему. С точки зрения философии, понятие «творчество» изучалось ещё Аристотелем, Сократом, Н. А. Бердяевым и др. В психологии данное явление рассматривалось Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, и др. Педагогический аспект творческой деятельности рассматривали К. Д. Ушинский, В. А. Сухомлинский, В. А. Сластёнин, В. М. Вергасов и др. Проблема профессиональной творческой деятельности будущих переводчиков рассматривалась в работах Г. Э. Мирама, И. С. Алексеевой, Г. Р. Гачечиладзе, О. В. Шупты и др.

Известный философ Н. А. Бердяев считал, что фактором, который стимулирует индивидуальность, является формирование потребности личности в творческой индивидуальной деятельности [2]. Л. С. Выготский подчёркивал, что «наивысшее проявление творчества доступно лишь избранным гениям, а в повседневной жизни творчество – это необходимое условие существования» [3, с. 128].

Многие известные переводчики поднимали вопрос о творческой индивидуальности переводчика. Так, учёный и переводчик Г. Р. Гачечиладзе считал, что творческая индивидуальность переводчика действительно существует, и необходимо выявить её закономерности и

оценить объективное место в методологической системе перевода [5]. Известно, что далеко не каждый человек, который знает язык, может хорошо переводить. Именно адекватность, правильность и полнота передачи мысли являются главными признаками хорошего перевода.

О. В. Шупта исследовала влияние творческого подхода на уровень перевода и выявила, что даже если перевод легко читается, но не вызывает весь тот комплекс эмоций, которые возникают при чтении оригинала, невозможно говорить про адекватность перевода, которая является основным критерием качественного перевода [8].

Таким образом, мы видим, что в работе переводчика, особенно работающего с художественными произведениями, творческий аспект деятельности является крайне важным. По наблюдению О. В. Шупты, в процессе выполнения своих профессиональных функций переводчик создаёт творческий продукт в виде передачи текста оригинала с помощью языка перевода, учитывая уровень своей профессиональной подготовки, уровень сформированности профессионально важных качеств, творческий потенциал [8].

Существующая система профессиональной подготовки студентов в вузе в значительной степени направлена на теоретическое осмысление сути переводческой деятельности. К сожалению, не всегда уделяется должное внимание формированию творческих способностей, обеспечивающих высокий уровень их профессионализма. Идеалом обучения является не просто личность с энциклопедическими знаниями. Следует поощрять творческий подход к работе, стремление к постоянному самосовершенствованию и познанию нового.

Основным принципом подготовки будущих переводчиков является принцип автономии творческой деятельности. Это предусматривает развитие умений самостоятельно овладеть профессией переводчика на протяжении всей жизни. Как считает О. Б. Тарнопольский, автономия творческой учебной деятельности возникает тогда, когда обучающиеся самостоятельно решают проблемные творческие задачи с помощью изучаемого языка, т.е. занимаются творческой учебной деятельностью [7, с. 92]. Автономия творческой учебной деятельности должна пронизывать весь учебный процесс, при этом творческих заданий проблемного характера должно быть как можно больше. Таким образом, без автономии, т.е. без самостоятельного выполнения проблемных заданий, невозможно в полной мере способствовать формированию творческих способностей будущего переводчика.

Рассмотрим примеры заданий, направленных на формирование творческих способностей будущих переводчиков. Обучающимся рекомендовалось выполнить творческие задания, требующие принятия нестандартных решений, что давало студентам возможность проявить свои способности, выйти за рамки традиционных упражнений и почувствовать себя творческим человеком. Такие задания помогают осознать, что

профессия переводчика требует творческого подхода к решению возникающих переводческих задач. Например, студентам можно предложить закончить рассказ, познакомив их только с завязкой и кульминацией. Читая стихи, намеренно делать пропуски, предлагая студентам их заполнить, а затем дать задание сделать литературный перевод стихотворений.

Ещё один приём творческого подхода – написание синквейна, который включает в себе графический образ изученной темы, идею произведения или стихотворения и способствует формированию образного мышления. Студентам предлагается написать нерифмованное стихотворение из пяти строк. В первой строке тема или идея называется одним словом. Во второй – понятие описывается двумя прилагательными или причастиями. В третьей – действие передаётся двумя глаголами. Четвёртый ряд – фраза, которая передаёт отношение автора к данному явлению. Пятая строка – это синоним, выражающий суть темы или идею произведения. Способность резюмировать информацию, излагать сложные понятия в простой форме – важное умение, которое развивает абстрактно-логическое мышление. Синквейн пополняет словарный запас, помогает обобщать материал, способствует развитию критического мышления и является одним из способов творческого самовыражения.

Целесообразно выполнять упражнение, которое развивает умение находить новое решение. Студентам даётся текст и несколько вариантов перевода, в каждом из которых они находят наиболее удачные переводческие решения и создают свой вариант перевода.

Для переводчика чрезвычайно важным показателем является объём зрительной памяти, которую также необходимо тренировать. Студентам можно предложить прочитать статью из газеты или журнала и зафиксировать её содержание с помощью знаков, рисунков и других индивидуальных кодовых знаков.

Приведём пример упражнений творческого характера на развитие контекстуальной догадки. Преподаватель читает текст студентам, в некоторых местах делая пропуски. Студенты дополняют и восстанавливают текст. При этом используется метод информационной недостаточности. Данный вид упражнения является очень полезным для развития всех видов устного перевода, т.к. в условиях реального общения переводчик не всегда может всё услышать и понять и ему приходится компенсировать пропущенную информацию.

Переводческая практика, конечно же, является наивысшим показателем профессиональной самостоятельности будущих переводчиков. Данный вид деятельности помогает сформировать отношение студента к профессиональной реальности и определиться в системе профессиональных ожиданий и ценностей. Во время прохождения практики студенты осознают себя как творческую личность, приобретают опыт, который в дальнейшем помогает им самореализоваться и добиться профессионального роста.

Таким образом, в процессе подготовки будущих переводчиков в целях формирования творческих способностей следует применять как традиционные, так и нестандартные методы обучения. Особое значение необходимо уделять проблемным методам обучения и творческим заданиям, которые активизируют мышление, мотивируют студентов к овладению профессией переводчика, способствуют осознанию того, что переводческая деятельность – творческий процесс.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб.: Изд-во «Союз», 2004.- 288с.
2. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. – М.: Искусство, 1994. – Т.1. – С.122-124.
3. Выготский Л. С. Психология искусства. - М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
4. Гакова Е. В. Роль креативности в процессе формирования профессиональной компетентности переводчика [Электронный ресурс] // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2012, №1. <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-kreativnosti-v-protssesse-formirovaniya-professionalnoy-kompetentsii-perevodchika> (Дата обращения 31.01.2019).
5. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М., 1980. – 249 с.
6. Королёва Л. Ю. Проблема формирования креативной личности в психолого-педагогических исследованиях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Педагогика. № 2(38), 2016. <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-formirovaniya-kreativnoy-lichnosti-v-psihologo-pedagogicheskikh-issledovaniyah> (Дата обращения 31.01.2019).
7. Тарнопольский О. Б., Кожушко С.П. Методика обучения английскому языку для делового общения. – К.: Ленвит, 2004. – 192 с.
8. Шупта О. В. Роль творческих заданий в подготовке будущих переводчиков к профессиональной творческой деятельности // Научный часопис, Луцьк, 2004. - №3(27). – С.135-140.

УДК 811.511.131

ПЕРЕВОД ИДИОМ, ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Н. Н. Тимерханова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики, Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики, Удмуртский государственный университет, Ижевск.

Аннотация. В связи с афористичностью и выразительностью идиомы, пословицы и поговорки представляют проблемы для перевода, особенно фразеологические сращения и единства. Морфологические различия (агглютинативность и флективность) и синтаксическое своеобразие удмуртского и русского языков отражается в специфике форм выражения и порядка слов. Идиомы имеют три категории: нейтральные, национально-окрашенные и содержащие каламбур.

Ключевые слова: идиомы нейтральные и национально-окрашенные, поговорки, перевод эквивалентный и аналоговый, каламбур и его перевод.

Summary. Due to the aphoristic nature and expressiveness of an idiom, proverbs and sayings represent problems for the translation, especially phraseological unities. Morphological distinctions (agglutinative and flective character) and a syntactic originality of the two considered languages Udmurt and Russian is reflected in specific forms of expression and word order. Idioms have three categories: neutral, nationally coloured and containing a pun.

Keywords: idioms neutral and nationally coloured, sayings, equivalent and analogical translation, a pun and its translation.

Теоретический аспект перевода идиом, пословиц и поговорок в науке разработан довольно подробно. Наибольшая сложность при переводе подобных единиц связана с их афористичностью и их принадлежностью к выразительным единицам конкретного языка. Поэтому при отсутствии в языке перевода подобных конструкций, необходимо максимально сохранять их выразительность и афористичность. Но сразу же можно отметить, что в некоторой степени и удмурты, и русские издревле имеют общий житейский опыт: земледелие, охота и собирательство, бортничество и т.д., кроме этого проживают на сопредельных территориях, имеют одинаковое географическое положение – на равнинной территории, а также их окружает большей частью одинаковый растительный и животный мир, поэтому носители удмуртского и русского языков зачастую используют подобные сравнения и ассоциации, что отражается в паремии удмуртского и русского языков, и зачастую можно идиоматические выражения просто полностью или частично калькировать. Например, *эгесэз лябомем* – обручи ослабли ‘1) расклеился человек; 2) есть захотел’ (перевод адекватный). *Чиданлэн пумыз öвöл.* – Терпению нет конца (не совпадает лишь падеж существительного *пумыз* – *конца* из-за разного управления слов *öвöл* и *нет*: в удмуртском языке – именительный, в русском – родительный).

Если говорить об изученности паремии удмуртского языка, можно отметить, что она на данный момент изучена слабо. Существуют лишь отдельные работы, посвященные таким языковым единицам. Так, например, паремии удмуртского языка посвящена работа К. Н. Дзюиной «Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь» (Ижевск, 1967), хотя автор обозначает в названии лишь фразеологизмы, но на самом деле в работе встречаются и пословицы, и поговорки, а также каламбуры. Изучением фразеологии также продуктивно занималась Г. Н. Лесникова. Ее

диссертация «Фразеология удмуртского языка» (Ижевск, 1994) привлекла заслуженное внимание финно-угроведов. Очередным этапом в исследовании удмуртской фразеологии стала монография А. В. Егорова «Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской)» (Екатеринбург–Ижевск, 2011). Но тем не менее вопросов, требующих детального исследования, в этой области немало. Речь идет о вышеуказанных работах и в связи с нашей темой, так как в них даются переводы фразеологизмов на русский язык. Их анализ предлагается в данном исследовании.

В удмуртском языке, как и в русском, фразеологические единицы (ФЕ) подразделяются на 3 основные группы:

1) фразеологические сращения: *дард мешок* (букв. мешок злости (приблизительный перевод, так как в современном языке слово не используется, в словаре не приводится)) – бука-букой ‘злюка’; *азьтэм какал* (ругательное; *азьтэм* ‘ленивый’, *какал* – диалектное ‘ленивец’) – ленивый паршивец, жеребец стоялый ‘ленивый’. К таким ФЕ труднее всего найти адекватный перевод, так как в них имеются слова, не используемые в современном удмуртском языке, и они всегда имеют национальный колорит, поэтому перевод бывает лишь аналоговый;

2) фразеологические единства: *быжзэ но уд адзэ* (букв. и хвоста не увидишь) – поминай как звали ‘бесследно исчез’; *төл вуко* (букв. ветряная мельница) – ветряная мельница, семь пятниц на неделе ‘легкомысленный, непоследовательный человек’. К подобным ФЕ также не всегда можно найти адекватный перевод;

3) фразеологические сочетания: *көйыз голя* (букв. жир течет) – с жиру бесится ‘привередничает’; *начар кенак* (букв. худая тетка) – как худая баба ‘болтливый мужчина’; *лы но ку* – кожа да кости ‘очень худой’. ФЕ данной группы зачастую имеют эквиваленты в русском языке.

Таким образом, из этих групп проблемы для перевода могут представлять фразеологические сращения и единства, так как в русском языке не всегда можно найти идиому с адекватным переводом, а к сочетаниям чаще есть аналогичное и в русском языке.

При сопоставлении ФЕ удмуртского и русского языков можно встретить эквивалентные единицы: *тютюпи* – цыпленок ‘беспомощный’; *пересь зичы* – старая лиса ‘хитрый’; *зязег ку* – гусяная кожа; *тысэра* – пиявка ‘зануда’; *Ведрa дурын как кисьтэ*. – Льет как из ведра. *Пиын из нуллыны*. – Носить камень за пазухой. *Лекаськись скаллы сюр кулэ өвёл*. – Бодливой корове рога не нужны. *Кочыш тодэ, кинлэсь сйльзэ сииз*. – Знает кошка, чьё мясо съела. *Валлэн пыдыз ньыль ке но, чөмтылэ*. – Конь в четырёх ногах, да и тот спотыкается. *Кочышен пуны кадь улыны*. – Жить как кошка с собакой. *Куака каукалэсь синзэ уз кокчалты*. – Ворон ворону глаз не выклюет. *Чорыг йырысен сисьме*. – Рыба гниет с головы. *Пуны утэ – төл нуллэ*. – Сабока лает – ветер носит.

Морфологические различия (агглютинативность и флективность языков) и синтаксическое своеобразие удмуртского и русского языков отражается в специфике форм выражения и порядка слов. Остановимся на синтаксическом порядке слов вышеназванных пословиц и поговорок. В русском языке прямой порядок слов отличается от прямого порядка слов в удмуртском языке: в удмуртском порядок SOP, язык с левосторонним ветвлением; в русском языке – SPO, язык с правосторонним ветвлением. Поэтому при переводе прямой порядок в большинстве случаев сохраняется: *Чорыг (S) йырысен (O) сисьме (P)*. – Рыба (S) гниет (P) с головы (O); *Вебра дурын как (O сравнения) кисьтэ (P)*. – Льет (P) как из ведра (O сравнения). Порядок при переводе совпадает в следующих поговорках: *Лекасъкись скаллы (дательный субъекта принадлежности) сюр (S) кулэ öвёл (P)*. – Бодливой корове (дательный субъекта принадлежности) рога (S) не нужны (P). *Куака (S) каукалэсь (O воздействия) синзэ (O) уз кокчалты (P)*. – Ворон (S) ворону (O воздействия) глаз (O) не выклюет (P).

В связи с морфологическим своеобразием обоих языков ФЕ могут лексически совпадать, но различаться в морфологических формах, в частности, в форме числа: *атасэн ёош султыны* – вставать вместе с петухами, *гырпумез куртчылыны* – кусать локти, *выжы лэзьыны* – пустить корни (в удмуртском языке единственное число, в русском – множественное). В некоторых случаях различаются послелого (в удмуртском) и предлоги (в русском): *пыд аез учкыны* (букв. смотреть, что находится перед ногами) – смотреть под ноги. Удмуртские и русские фразеологизмы могут полностью совпадать в лексико-морфологическом отношении только в том случае, если эквивалентные слова имеют одинаковую сочетаемость и управление одинаковым падежом.

Если сравнивать идиомы по трем категориям: нейтральные, национально-окрашенные и содержащие каламбур – можно сделать следующие выводы:

- 1) нейтральные ФЕ, пословицы и поговорки легко переводятся на русский язык, обнаруживается эквивалент: *вож кунян* – новорожденный теленок, *йö вырзиз* – лед тронулся, *иназ уг мыны* – впрок не идет.

Совпадающие, но не полностью: *Ымысь ыме, пельысь пеле* (букв. из уст в уста, из уха в ухо) – из уст в уста. *Кёт висъытозь серекъяны* (букв. смеяться до боли в животе) – смеяться до коликов. *Гогыез вырзытыны* (букв. пупок надорвать) – живот надорвать. *Уллёе кечтака сюрем* (букв. В стадо козёл попал). – Пустили козла в огород. *Гогыоссы одйг сйньысэн думемын* (букв. пупки одной ниткой связаны) – пупки срослись (аналоговые переводы).

- 2) национально-окрашенные невозможно дословно перевести так, чтобы они не потеряли своей афористичности в русском языке: *юмал визь* (букв. пресный ум) – молодо-зелено ‘наивный, неопытный’, *пурысьтам юш* (букв. поседевший окунь) – седой как

лунь, *суй-пыд юскиськиз* (букв. рука-нога расхомуталась / руки-ноги расхомутились) – руки опускаются, *ыж йыр* (букв. овечья голова) – куриная башка, *мешокен чын нуллыны* (букв. в мешке дым носить) – носить воду в решете.

Некоторые удмуртские ФЕ, не имеющие эквивалентов или аналогий в русском языке, можно перевести как описательные обороты: *ваментул* (букв. поперечный клин) – упрямый осел ‘упрямый человек’, *шунянь* (букв. пирог с калиной) – тульский валенок ‘недотепа, несмелый человек’, *вуэм пушмыльы кадь* (букв. как спелый орех (лещины)) – кровь с молоком, *гын пель* (букв. войлочное ухо) – глухая тетеря, *зёк кисы* (букв. толстый карман) – толстосум, денежный мешок.

3) ФЕ, содержащие каламбур, не имеют аналогов в русском языке: *Вал но скал луиз* (букв. был да коровой стал). – Было да сплыло. *Не уж не быж* (букв. ни работа, ни хвост) – валять дурака ‘пустая трата времени’. *Марымлэн марымез трос* (букв. У этого этого много) – примерный перевод: У Егорки всегда отговорки. «*Малылэн*» *лыэз вань* (букв. У «почему» есть кость) – примерный перевод: У Егорки всегда отговорки. *Микта выль кутэз но сикта* (букв. Никита и новые лапти починит). *Макар коралоз, Пиля пильылоз* (букв. Макар будет рубить, Филипп будет колоть) – примерный перевод: Каждому свое. *Пиля пильылоз, Лёгор лёгалоз* (букв. Филипп будет колоть, Егор будет топтать) – примерный перевод: Каждому свое. *Кызьы карод, мар карод, пичи ке но чуп карод* (букв. Что же делать, как же быть, хоть чуточку поцеловать). *Нимыз – нимыш, пыдыз – падыш* (букв. имя – зовутка, ноги – белоноги) – Зовут зовуткой, а величают уткой.

Несомненно, интересным было бы также сопоставление ФЕ с компонентом сравнения в обоих заявленных языках. Но данной проблеме, в виду ограниченности объема данного научного жанра, посвятим отдельную статью.

Таким образом, перевод единиц удмуртской паремии на русский язык помогает выявить их внутриязыковую и внеязыковую специфику. Так же можно выявить их национальную специфику, колорит.

Список использованных источников

1. Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1967. 131 с.
2. Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской). Екатеринбург – Ижевск, 2011. 200 с.
3. Лесникова Г. Н. Фразеология удмуртского языка: Диссертация на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Ижевск, 1994. 233 с.

УДК: 81.25

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕКЛАРАЦИЙ В ПАРЕ РУССКИЙ↔АНГЛИЙСКИЙ

В. С. Толстомятова,

*магистрант кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике Южного федерального университета, Ростов-на-Дону*

Аннотация: Статья посвящена изучению лексических особенностей перевода Деклараций в паре русский-английский. Актуальность исследования обусловлена малой изученностью проблемы перевода дипломатических документов. Дано определение понятия «дипломатический дискурс». Выявлены основные лексические особенности дипломатического дискурса. Проведён статистический анализ англо- и русскоязычных текстов Нью-Йоркской декларации ООН о беженцах и мигрантах 2016 г.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, количественный анализ, способы перевода, Декларации ООН.

Abstract: The subject of the given article is features of translation of declarations in pair Russian-English. The importance of this research is caused by the insufficient elaboration of translation of diplomatic documents. The term «diplomatic discourse» is defined. The main lexical features of the diplomatic discourse are revealed. The statistical analysis of the English and Russian texts of the New York Declaration for Refugees and Migrants 2016 is conducted.

Key words: diplomatic discourse, quantitative analysis, translation techniques, UN Declarations.

Сегодня в виду сложной и нестабильной геополитической ситуации в отдельных регионах мира, институт дипломатии как одна из ключевых форм осуществления внешней политики государств приобретает всё большее значение. В этой связи особый интерес исследователей вызывает изучение дипломатического языка как базового инструмента дипломатического дискурса.

Дипломатический дискурс традиционно принято считать производной от политического дискурса, т.к. основное поле его функционирования – внешняя политика и международные отношения [6, с. 48]. Однако в последнее время нередко звучат предположения о том, что дипломатический дискурс – понятие интердискурсивное, т.е. его отличительной особенностью является возможность проникновения в него элементов других дискурсов (прежде всего политического, медийного, экономического, военного и т.п.) [3, с. 57; 8, с. 167].

Будучи многомерным и, как отмечалось выше, интердискурсивным понятием, дипломатический дискурс является довольно популярным объектом исследований разных областей научного знания. Так, известный отечественный лингвист-культуролог В.И. Карасик в своих работах описывает дипломатический дискурс с точки зрения институционального подхода [2].

Другой отечественный лингвист Т. А. Волкова занимается изучением стратегий перевода дипломатического дискурса [1]. Также различные аспекты дипломатического дискурса исследуются в работах Яппаровой В. Н. [8], И. В. Сединой [5], Н. П. Чепель [7], О. А. Прохорова [4] и др.

Таким образом, в данном исследовании под дипломатическим дискурсом мы будем понимать особую форму коммуникативной деятельности, предполагающую взаимодействие дипломатических агентов на основе норм и принципов международных отношений и публичной дипломатии, а также обладающую специфическими языковыми характеристиками.

Тем не менее следует отметить, что малоизученной остаётся проблема перевода дипломатических документов. В этой связи в данной статье мы бы хотели провести статистический анализ англо- и русскоязычных текстов Нью-Йоркской декларации ООН о беженцах и мигрантах 2016 г. (New York Declaration for Refugees and Migrants 2016). Для проведения анализа в данной статье используется программа анализа текста wordTabulator.

Однако прежде чем проводить статистический анализ, необходимо выявить основные лексические особенности дипломатического дискурса. К ним относятся:

- широкое использование лексики политического дискурса (например, политическое решение (political solution), вооружённый конфликт (an armed conflict) и т.п.);
- употребление терминов и выражений делового дискурса (например, рассмотреть проблему (give the consideration), достичь прогресса (make the progress) и др.);
- насыщенность интернациональными терминами (например, нация (nation), контроль (control), конфликт (conflict) и пр.);
- использование дипломатических клише (например, от имени и по поручению (on behalf and instruction), высокие договаривающиеся стороны (high contracting parties) и т.д.).

В результате проведённого анализа был составлен частотный словарь словоупотреблений английского и русского вариантов текста исследуемой Декларации.

Таблица 1. Имя существительное

Русскоязычное слово		Англоязычное слово	
беженцы	140	refugees	131
мигранты	69	migrants	83
Организация	57	migration	81
миграция	53	country	70
развитие	50	development	64
нация	46	nation	52
человек	34	state	50
право	32	support	47

В Таблице 1 представлен частотный словарь встречающихся в анализируемой Декларации существительных. В обоих текстах самыми популярными являются понятия «беженцы» («refugees») и «мигранты» («migrants»), что вполне объяснимо, поскольку именно они являются объектом Декларации (следует отметить, что в рамках исследуемой Декларации отсутствует формальное разделение данных понятий). Однако наблюдается расхождение в количестве случаев их употребления («refugees» – 131, «беженцы» – 140; «migrants» – 83, «мигранты» – 69). Данное несоответствие объясняется использованием приёма конверсии при переводе на русский язык (происходит замена существительных «migrant» и «refugee» на прилагательные «мигрантский» и «беженский»). Также использованием приёма конверсии объясняется количественное расхождение употребления слов «миграция» и «migration» (53 случая против 81, т.е. английское существительное «migration» 28 раз было переведено русским прилагательным «мигрантский»), а также слов «государство» и «state» (30 случаев против 50, т.е. английское существительное «state» 20 раз было переведено русским прилагательным «государственный»). Вторым по частоте употребления в русскоязычном тексте является слово «Организация» (имеется в виду Организация Объединённых Наций). В русскоязычной версии Декларации данное слово встречается намного чаще, чем в англоязычной (в английском языке Организация Объединённых Наций звучит как United Nations), что связано с использованием приёма развёртывания. Кроме того, важно отметить более частое употребление слова «право» в русскоязычном тексте по сравнению со словом «law» в англоязычной версии (11 случаев). Дело в том, что слову «право» в англоязычном тексте соответствуют две лексические единицы – «law» и «right» (16 случаев употребления). Таким образом, суммируя количество случаев использования слов «law» и «right» в англоязычном тексте Декларации, можно заключить, что в 5 случаях при переводе на английский язык используется приём опущения.

Отдельно следует упомянуть о количественном соотношении таких синонимичных понятий, как «страна», «государство» и «нация». Их суммарное количество в русскоязычном тексте – 198 (102, 50 и 46 соответственно). В англоязычном тексте используются понятия «country», «state» и «nation». Их суммарное количество – 185 (87, 43 и 55 соответственно). Суммарное расхождение в русско- и англоязычных текстах объясняется использованием приёма конверсии (в 13 случаях английские существительные переводились с помощью русских прилагательных).

Таблица 2. Имя прилагательное

Русскоязычное слово		Англоязычное слово	
международный	112	international	114
национальный	37	human	55

Верховный	37	united	51
гуманитарный	12	national	37

В Таблице 2 представлен частотный словарь встречающихся в анализируемой Декларации прилагательных. Наиболее частотным в обоих текстах Декларации является слово «международный» («international»), что обусловлено тематикой данного документа. Однако существует небольшое количественное расхождение в употреблении данных слов (112 случаев в русскоязычном тексте против 114 в англоязычном). Дело в том, что в русскоязычной версии есть 2 случая употребления слова «международный» в составе другой отдельной лексемы (прилагательное «международно-правовой»), которая в англоязычной версии переведена двумя словами – «international legal», т.е. использован приём развёртывания. Вторым по частотности употребления является прилагательное «национальный» («national»), которое переведено словарным соответствием.

Говоря о лексических особенностях англоязычного текста Декларации, следует отметить большое количество случаев употребления слова «human» (важно отметить, что в анализируемой Декларации данное слово употребляется в двух словосочетаниях: «human rights» / «права человека» (52 случая) и «human being» / «человек» (3 случая). Таким образом, при переводе на русский язык в первом случае мы наблюдаем приём конверсии (английскому прилагательному «human» соответствует русское существительное «человек»), а во втором – приём компрессии. Также довольно частотным является прилагательное «united» (51 случай употребления), которое в русскоязычном тексте соответствует причастию «объединённый» (47 случаев употребления, используется в отношении Организации Объединённых Наций). Однако следует отметить, что в англоязычном тексте прилагательное «united» употребляется чаще, чем русское причастие «объединённый», что связано с использованием данного прилагательного помимо обозначения ООН в названии страны – США (the United States of America), которое на русский язык переводится как Соединённые Штаты Америки.

Таблица 3. Глагол

Русскоязычное слово		Англоязычное слово	
перемещаться	6	move	4
оказывать	14	assist	7

В Таблице 3 представлен частотный словарь встречающихся в анализируемой Декларации глаголов. Интересным представляется расхождение в употреблении слов «перемещаться» и «move» (6 случаев в русскоязычном тексте и 4 в англоязычном). Дело в том, что в двух случаях русскому глаголу «перемещаться» соответствует английское выражение «be on the move», т.е. использован приём развёртывания. Другой отличительной чертой глагольных употреблений данной Декларации является употребление синонимичных глаголов «assist» (7 случаев употребления),

«help» (4 случая) и «support» (3 случая). В русскоязычном тексте данным глаголам соответствует один русский глагол – «оказывать» (например, словосочетание «оказывать помощь»).

Отдельно стоит упомянуть о глаголе «быть, являться» («to be»). В англоязычном тексте он употребляется чаще, чем в русскоязычном (165 случаев против 144), что обусловлено тем, что в английском языке глагол «to be» может выполнять также роль глагола-связки в именном сказуемом. Также расхождения наблюдаются в частотности использования глагола «иметь» («have») (31 случай употребления в англоязычной версии против 20 в русскоязычной). Это вызвано тем, что глагол «have» может также передавать грамматическое время (на русском языке это передаётся путем изменения окончания глагола). То есть особенностью англоязычного текста Декларации является использование перфекта.

Продолжая тему лексической характеристики анализируемой Декларации, отдельно следует отметить особенности перевода причастий. Так, причастие «принимающий» (23 случая употребления, используется в отношении стран, в которые прибывают беженцы) на английский язык переводится как «host» («host countries»). Необходимо отметить, что данное слово в английском языке имеет форму либо существительного, либо глагола. Поэтому в данном случае при переводе используется приём конверсии (русское причастие преобразуется в английское существительное).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с лексической точки зрения основной особенностью дипломатического дискурса является его интердискурсивность, которая предполагает заимствование терминов из других дискурсов. Говоря о лексических особенностях перевода дипломатического дискурса на примере проанализированной Декларации, следует отметить, что основными способами перевода являются: конверсия, развёртывание, компрессия и словарное соответствие.

Список использованных источников

1. Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков): дис. канд. филол. наук. Челябинск. 2007.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // языковая личность: институциональный и персональный дискурс. сб. науч. тр. Волгоград. Перемена. 2000. С.30.
3. Кожетева А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: современные лингвистические и методико-дидактические исследования. №17. 2012. С. 54-63.
4. Прохорова О. А., Ардасова О. О. Дипломатический дискурс в системе смежных дискурсов / Science and World. № 5. 2014.

5. Седина И. В., Тоцкая Е. И. Особенности дипломатического дискурса // Дневник науки. 2017. №5. С.17.
6. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. №1. 2010. С. 47-57.
7. Чепель Н. П. Особенности перевода международных дипломатических документов // Научное мнение. №5. 2015. С. 158-161.
8. Яппарова В. Н. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования // Филология и культура. 2016. №2 (44). С.165-170.

УДК: 81.27

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АУКЦИОННОГО ДИСКУРСА

Ю. С. Толстомятова,

*магистрант кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике Южного федерального университета, Ростов-на-Дону*

Аннотация: Статья посвящена определению аукционного дискурса. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью данной темы в научной литературе. Исследована этимология и дано определение слова «аукцион». Выявлены характерные особенности и структурные компоненты аукционного дискурса. Предложено авторское определение понятия «аукционный дискурс».

Ключевые слова: *аукцион, аукционный дискурс, аукционное скандирование, аукционная лексика.*

Summary: The paper studies the problem of definition of auction discourse. The importance of this research is caused by the insufficient elaboration of this topic in the scientific literature. The etymology of the term «auction» is analyzed. The term «auction» is defined. The characteristic features and structural components of the auction discourse are revealed. The author's definition of the concept of «auction discourse» is proposed.

Key words: *auction, auction discourse, auction chant, auction lexicon.*

Аукционы как форма публичных торгов имеют довольно древнюю историю. Первые упоминания о них восходят к 500 г. до н.э., когда древние римляне проводили ежегодные торги по продаже конфискованного имущества должника. В латинском языке существовало слово *auctionis*, которое обозначало «увеличение, рост». Оно произошло от латинского слова *augere*, которое имеет значение «увеличивать, увеличение». Однако затем аукционы утратили свою значимость и были возобновлены лишь на рубеже XVI-XVII веков в Голландии, когда Нидерланды освободились от испанского владычества и стали одной из наиболее развитых в экономическом плане европейских стран. Вскоре феномен аукциона распространился по всей Европе. Главными лотами на первых европейских аукционах были произведения искусства: картины, книги, гравюры [3, с. 23].

Известно, что в русский язык слово «аукцион» пришло из западноевропейских языков в первой половине XVIII века и имело значение публичного торга (среди потенциальных покупателей определяли того, кто мог предложить за товар самую высокую цену, тем самым максимально увеличить доходы продавца). Видный отечественный языковед Н. А. Смирнов полагает, что оно могло иметь голландское (от гол. «auktie») или немецкое (от нем. «auktion») происхождение, поскольку, согласно данным «Словаря русского языка XVIII века», слово «аукцион» закрепилось в русском языке в 1740-х годах, когда основными торговыми партнёрами России были именно Голландия и Германия [4, с.11].

Говоря о методологических основах изучения феномена аукциона, следует отметить, что данная тема отличается недостаточной разработанностью в научной литературе. Тем не менее прародителем теории аукциона считается американская экономическая школа (следует отметить, что зарубежные учёные исследовали феномен аукциона именно в рамках теории аукциона, а не собственно аукционного дискурса). Теоретическая база изучения аукциона как формы торговли была заложена на рубеже 60-х–70-х гг. XX века американскими исследователями-экономистами. Классическим трудом по теории аукциона является работа известного американского экономиста У. Викри «Counterspeculation, Auctions, and Competitive Sealed Tenders», опубликованная в 1961 году [10]. Среди других пионеров теории аукциона следует отметить Р. Кассади [6], в работах которого представлен один из наиболее полных исторических обзоров функционирования аукционов начиная со времен Геродота. Также значительный вклад в формирование методологической базы теории аукциона внесли такие исследователи, как П. Клемперер [8], П. Макафи [9], Д. Макмилан [9], П. Милгром [7] и др.

Что касается исследований аукциона отечественными учёными, то важно отметить, что работ по теории аукциона в российской науке нет, поэтому данный феномен изучается в рамках смежных дискурсов, а именно экономического. Так, среди основных трудов по данной теме можно выделить монографию проф. О. А. Беляевой «Торги: основы теории и проблемы практики» [1], которая посвящена исследованию института торгов и обладает довольно богатой эмпирической базой. Кроме того, можно отметить диссертацию К. Н. Волкова «Торги как способ заключения договора» [2], в которой приведён подробный анализ торгов как традиционного для гражданского права способа заключения договоров.

Говоря об определении понятия «аукцион», следует отметить, что оно имеет различные трактовки в зависимости от подхода к его рассмотрению. Так, известный американский экономист и педагог П. Милгром понимает под аукционом «механизм распределения ресурсов среди группы участников торгов» [7]. Другие американские исследователи П. Макафи и Д. Макмилан трактуют аукцион как «рыночный институт, обладающий подробным набором правил для распределения ресурсов и определения цен

на основе ставок» [9]. Кроме того, анализируя определение понятия «аукцион», зафиксированное в Оксфордском Словаре (Аукцион есть «публичная продажа лота участнику торгов, предложившему наивысшую цену» [11]), П. Макафи и Д. Макмилан акцентируют внимание на том, что аукцион представляет собой не только продажу, но и покупку лотов.

Что касается трактовки понятия «аукцион» в отечественных толковых словарях, то следует отметить, что в целом она совпадает с определениями, предложенными в англоязычных словарях (в частности, в Оксфордском). Так, например, согласно Толковому словарю русского языка С. А. Кузнецова, аукцион – это «продажа какого-нибудь имущества или товара с публичного торга, причем имущество достается предложившему наивысшую цену» [5].

Таким образом, в данном исследовании под термином «аукцион» мы будем понимать публичную продажу различных товаров (лотов) на условиях ценовой состязательности участников торгов.

Несмотря на то, что феномен аукциона функционирует в рамках экономического дискурса, характерные особенности и уникальная сфера употребления позволяют, на наш взгляд, говорить о существовании самостоятельного аукционного дискурса.

Итак, с лингвистической точки зрения, среди наиболее важных характеристик аукционного дискурса можно выделить следующие аспекты:

Во-первых, аукционный дискурс имеет свой собственный уникальный профессиональный язык. Речь идёт о специализированной терминологии, которую используют участники аукциона. Поскольку каждая аукционная школа предлагает собственный (нередко сленговый) лексикон, терминов, характерных для аукционного дискурса, довольно много. В качестве базовых универсальных терминов ниже приведены слова и словосочетания из сборника, составленного одним из старейших аукционных домов мира Sotheby's (Сотбис):

- Аукцион / Auction (Sale) – процесс торгов за лоты каталога, основанный на принципе ценовой состязательности участников.
- Аукционер / Bidder – официально зарегистрированный участник аукциона (потенциальный покупатель/продавец на аукционе).
- Аукционист / Auctioneer – человек, ведущий аукцион.
- Бидовый номер (карточка) / Bidder Number (Paddle) – табличка с номером, которую получает каждый участник аукциона (поднятие бидового номера является знаком того, что участник желает сделать ставку).
- Каталог / Catalog – список лотов в электронном или бумажном виде (каталог обычно содержит номер, описание, предварительную оценку и в некоторых случаях фотографию лота).
- Лот / Lot – предмет или группа предметов, которые выставляются на торги.

- Ставка (бид) / Bid – предложение цены от зарегистрированного участника аукциона (обычно ставка равняется шагу аукциона – 10% от текущей цены на лот).

- Цена молотка / Hammer price – максимальная цена лота, зафиксированная в ходе торгов при ударе молотка (без учёта комиссии).

- Эстимейт / Estimate – предпродажная оценка стоимости какой-либо вещи, выставяемой на аукцион (условный ценовой ориентир).

Во-вторых, на аукционе используется уникальный профессиональный сленг. Ввиду того, что каждый аукционист имеет свой собственный набор специфических слов, профессиональный аукционный сленг отличается большим разнообразием. Тем не менее среди основных наиболее универсальных слов можно выделить следующие:

- Go on the block / Выставлять на продажу – Аукционист использует данную фразу, когда объявляет очередной лот (термином «block» обозначают подиум аукциониста, т.е. буквальный перевод гласит: «быть выставленным на подиум аукциониста»).

- Специальные термины используются для определения цены на лоты, состоящие из нескольких товаров. Например, некий лот стоимостью \$100 состоит из пяти картин. Если аукционист употребляет фразу «One Money», это означает, что цена в \$100 распространяется на все пять картин. Если же аукционист использует выражение «Times The Money», это означает, что каждая из пяти картин стоит \$100.

- Peter Funk – данное сленговое выражение обозначает сообщника аукциониста, который набивает цену на аукционе в случае пассивности участников торгов.

В-третьих, аукционный дискурс отличается уникальным речевым поведением участников торгов. Профессиональный сленг аукционистов в совокупности со специфическим способом его произношения составляют так называемое скандирование или речитатив аукциониста. Аукционное скандирование (англ. «auction chant», «bid calling») представляет собой метод быстрой речи, который используется аукционистами в процессе продажи лотов. Ввиду экстремально быстрого произношения, простому обывателю аукционное скандирование кажется бессмысленным набором слов, однако оно имеет вполне прагматичные цели. Суть данного метода заключается в ритмичном и распевном повторении слов с целью сконцентрировать внимание участников торгов на конкретном лоте, а также сэкономить время, которое на многих аукционах ограничено.

Традиционная речь аукциониста состоит из двух повторяющихся чисел, связанных с продажей товара: первое – текущее предложение (the statement), также известное как the «have», второе – сумма следующего предложения, которое перебьет текущее (the suggestion), известное также как the «want». Однако с тем чтобы возыметь необходимое влияние на участников торгов, аукционное скандирование должно быть плавным и

мелодичным. В этой связи помимо двух ключевых чисел, аукционисты используют так называемые слова-связки (filler words), которые призваны сделать речь звучной и ритмичной. Из-за того, что слова-связки произносятся нечётко, возникает иллюзия, что аукционист говорит быстро, это и создаёт ажиотаж у участников аукциона.

Кроме того, важную роль в аукционном дискурсе играет язык жестов. Среди наиболее популярных можно выделить следующие знаки. Поднятая вверх рука означает повышение ставки (количество пальцев символизирует то, на сколько повышается ставка; один палец – один шаг аукциона). Если участнику торгов необходимо привлечь внимание аукциониста, самый популярный способ — это сделать – громкий и резкий щелчок пальцами.

Наконец, специфичной является сфера функционирования аукционного дискурса. Несмотря на то, что в отличие от первых европейских аукционов, где главными лотами были преимущественно предметы роскоши, современные публичные торги реализуют самые разные товары, круг участников аукциона тем не менее ограничен. Традиционной практикой является плата за доступ в аукционный зал или за разрешение на участие в аукционе, причем данная сумма нередко может превышать стоимость выставленных на торги предметов.

Поскольку в данной статье мы говорим об аукционном дискурсе как о самостоятельном феномене, то необходимо отметить, что, как и любой другой коммуникативный акт, он обладает собственной структурой. Так, основными компонентами аукционного дискурса выступают: адресант/говорящий, представленный аукционистом; адресаты/слушающие, представленные участниками торгов; референт/предмет речи, представленный информацией о том или ином лоте; коммуникативный код, представленный особой профессиональной терминологией аукционного дискурса.

Таким образом, анализ характерных особенностей и уникальной сферы реализации феномена аукциона позволяет сформулировать следующее определение аукционного дискурса. Аукционный дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, подразумевающее социальное взаимодействие участников и организаторов аукциона на основе норм и принципов проведения публичных торгов, а также обладающее уникальными лингвистическими характеристиками (профессиональная терминология и специфическое речевое поведение).

Список использованных источников

1. Беляева О. А. Торги: основы теории и проблемы практики. ООО "Научно-издательский центр ИНФРА-М". 2015. 250 с.
2. Волков К. Н. Торги как способ заключения договора. Автореф... дис. кан. юр. наук. – Екатеринбург: 2006. – 149 с.
3. Мурыгина Н. В. Дизайн теории аукционов в контексте обеспечения экономической безопасности государства и бизнеса // Вестник

Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. №3 (62). С. 23–27.

4. Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху // Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук. Спб. 1910. Т. 88. № 2.

5. Кузнецов С. А. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. М. Норинт. Рипол классик. 2008. 1534 с.

6. Cassady R. J. Auctions and Auctioneering. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967. 327 p.

7. Milgrom P., Weber R. J. A Theory of Auctions and Competitive Bidding // Econometrica. 1982. Vol. 50. September.

8. Klemperer. P. Auctions: Theory and Practice. Princeton University Press. Princeton. US. 2004.

9. Preston R. McAfee, John McMillan Auctions And Bidding // Journal of Economic Literature. 1987. pp. 699-738.

10. Vickrey W. Counterspeculation, Auctions and Competitive Sealed Tenders // Journal of Finance. 1961. Vol. 16. March.

11. Oxford English Dictionary, second edition, edited by John Simpson and Edmund Weiner, Clarendon Press. 1989.

УДК 811.134.2

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Ю. А. Топоркова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. Данная статья посвящена изучению проблемы художественного образа в переводческом аспекте. Целью статьи является рассмотрение теоретических аспектов передачи образа и национальной окраски в процессе перевода. Актуализирована проблема воспроизведения образа в переводе. Дается характеристика образа в художественной литературе; приводятся основные типы образов, рассматриваемых в переводоведении. Охарактеризованы средства создания образа в художественном произведении. Рассмотрены основные трудности, с которыми сталкивается переводчик при воссоздании образа в переводе; раскрыта взаимосвязь между образом и содержанием, а также языковыми категориями, лежащими в основе образа. Установлено, что для воссоздания художественного образа в переводе необходимо адекватно передать как вещественное содержание, так и грамматическую форму исходного текста, с учетом его национальной специфики и идиоматичности.

Ключевые слова: образ, исходный текст, переводной текст, национальная окраска, функциональные соответствия.

Summary. The article deals with the problem of literary image in the aspect of translation. The aim of the article is to study theoretical aspects of reproducing the image and national specificity in the process of translation. The problem of conveying the image while translating is actualized. The literary image is characterized; the main types of images in translation studies are showed. The means of conveying the image in the literary work are revealed. The main difficulties connected with the process of reproducing the image in the process of translation are examined; the correlation between the image, the content and the language categories is showed. It's proved that for correct reproducing the literary image a translator needs to reveal adequately both the content and grammatical form of the original text considering its national specificity and idiomatic nature.

Key words: image, original text, translation text, national specificity, functional equivalents.

Проблема воспроизведения образа и сохранения национальной окраски при переводе литературных художественных произведений всегда являлась одной из самых актуальных в переводоведении.

В художественной литературе образ является изображением картины человеческой жизни, при помощи которой писатель раскрывает свое отношение к различным аспектам и стремится вызвать у читателей определенную реакцию. Идейность и жизненные идеалы писателя, а также художественное воображение и вымысел играют решающую роль при создании образа, так как совокупность данных факторов позволяет писателю изобразить картину жизни убедительно и достоверно. Таким образом, писатель отражает жизнь персонажей и свое к ней отношение посредством художественных образов, а читатель должен самостоятельно прийти к определенным выводам и понять то, что намеревался передать автор.

В современном переводоведении существуют различные классификации художественных образов, в частности: предметная, в соответствии с которой можно выделить образы-детали, образы-события, образы характеров и обстоятельства, и образы судьбы и мира; обобщенно-смысловая (индивидуальные, характерные, типические образы, образы-мотивы, топосы и архетипы); структурная (автологические, металогические, аллегорические и символические образы). Исходя из данных классификаций, можно прийти к выводу, что в художественной литературе существуют все разновидности образов, хотя соотношение их основных компонентов (предметного и смыслового) часто меняется от равновесия и слияния до противостояния и стремления преобладать.

Говоря об образе в литературном произведении, следует учитывать средства его создания (например, гендерные характеристики персонажей, говорящие имена собственные, особенности изображения портрета героев). Понятие образа также неотделимо от понятия национальной окраски, в котором одним из самых важных параметров являются национальные реалии, связанные с тематикой произведения и той страной, где это произведение было написано.

Рассмотрим вопрос о воссоздании образа в переводе. Переводчику художественной литературы не приходится выдумывать образ, так как автор произведения уже сделал это за него; он отобрал подходящие языковые средства, обозначил композицию текста, создал систему персонажей и определил их взаимоотношения. Единственная задача переводчика заключается в том, чтобы сохранить все это в переводе.

В каждом языке существует своя устойчивая система художественных образов и фоновых знаний, приводящая к возникновению тех или иных ассоциаций, поэтому механический перенос образов из одного языка в другой может не только разрушить их, но и создать образы, абсолютно противоположные созданным автором. Кроме того, в языке перевода не всегда существуют языковые средства, которые использовал автор [1].

Наличие в литературном тексте фонетических, лексических и синтаксических средств сильно усложняет работу переводчика, которому необходимо не только найти лексическое соответствие, но и учесть все его коннотативные значения и сочетаемость, а также применить переводческие решения, сохранив при этом особенности композиции и объем информации [5].

Из всего этого следует, что переводчик художественного текста должен тщательно проанализировать текст оригинала, выявить роль каждой единицы языка и композиции в создании образов и найти для них функциональные соответствия в языке перевода. Таким образом, в тексте оригинала, так и в тексте перевода нет случайностей, а все элементы произведения либо создают и поддерживают образ, либо разрушают его.

Перевод художественного произведения не только раскрывает различные стороны человеческой природы (например, психологическую, этнографическую), но и объединяет в себе историю и культуру той или иной страны [4].

Национальная окраска художественного произведения – это одна из особенностей любого художественного произведения, которая может быть выражена более или менее ярко в каком-либо отдельном случае. Чаще всего национальная окраска выражается через образы, которые наиболее непосредственно отражают материальную сторону и социальные условия жизни народа (например, в характере и поступках персонажей), или через насыщение текста идиоматикой.

Как указывает А. В. Федоров, в связи с национальной окраской художественный образ в литературном произведении имеет двойную обусловленность. Во-первых, это содержание, которое выражается через образ, а во-вторых, если говорить о языковом образе, он обусловлен языковыми категориями, лежащими в его основе [6, с. 318].

Поэтому одной из самых важных задач для переводчика любого художественного произведения является способность передать национальное своеобразие подлинника на переводящий язык, так как именно в произведениях художественной литературы посредством образов

отображается действительность, присущая жизни конкретного народа, на языке которого раскрываются все образы переводимого произведения.

Разумеется, сохранение национального своеобразия оригинального текста (то есть передача целого сочетания различных элементов и функционально верное восприятие их читателем) является крайне сложной задачей не только в плане теоретического анализа, но и в плане практического решения. Кроме того, возможность решения таких переводческих задач во многом зависит от имеющихся у переводчика и у читателя фонового багажа знаний о жизни и культуре народа, изображенного в оригинальном произведении. Следует также отметить, что с расширением фоновых знаний может измениться и представление о национальном своеобразии подлинника, так как культура и особенности определенной страны становятся более привычными и знакомыми.

Решение проблемы передачи национальной окраски в процессе перевода возможно только на основе единства содержания и формы литературного произведения в его национальной обусловленности с учетом специфики жизни народа, переданной посредством образов, а также языка народа, который эти образы воплощает. Тем не менее, было бы ошибочно утверждать, что вещественная сторона образов относится не к форме произведения, а к его содержанию, или что форма ограничивается только средствами построения образов, использованием грамматических и лексико-фразеологических связей между словами. Если речь идет о сюжетно-тематической стороне литературного произведения (то есть о вещественном содержании образов), переводческие проблемы возникают достаточно редко. Однако, когда национальная окраска выражается посредством идиоматичности произведения, которая, в свою очередь, сочетается с национальной спецификой образов, работа переводчика может быть затруднена.

Кроме того, работа переводчика усложняется в связи с тем, что читатели, для которых язык оригинала произведения является родным языком, воспринимают национальную окраску такого произведения как нечто привычное и естественное для них.

Данная особенность литературного произведения способствует возникновению так называемой переводческой дилеммы; иными словами, переводчик может либо показать специфику и «экзотичность» литературного произведения, либо сохранить привычность, утратить специфику и заменить ее спецификой одного из стилей переводного языка [3].

Тем не менее, данная задача все же разрешима, и поиски путей ее решения важны, так как, вопрос о передаче национального своеобразия оригинального текста, а также его особой окраски, связанной с национальной средой, в которой он создан, относится к основным проблемам теории перевода, от которых зависит решение вопроса о переводимости [2].

Следует также учитывать тот факт, что национальная окраска не может быть сведена к какой-либо отдельной формальной особенности литературного произведения (например, тот или иной элемент словарного состава языка,

грамматическая форма и тому подобное), и поэтому не может рассматриваться наравне с ними. Она всегда охватывает целую совокупность черт в произведении, а также целое сочетание особенностей, однако одни из них могут быть выражены ярче других [6, с. 319].

Следовательно, передачу национальной окраски нельзя свести к какому-либо общему переводческому приему. Для решения проблемы адекватной передачи образа и национального своеобразия необходимо учитывать всю систему исходного текста, с одной стороны, и всю систему средств переводящего языка, с другой.

Таким образом, сохранение национальной окраски при переводе литературного произведения во многом зависит от полноценности перевода в целом, то есть от того, насколько верна передача художественных образов, связанных как с вещественным смыслом, так и с их грамматической формой; а также от характера средств общенационального языка, применяемых в переводе.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика. Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Институт иностр. языков, 2000. 192 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Казакова Т. А. Практические основы перевода. СПб.: Союз, 2002. 320 с.
4. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. – СПб.: ООО «Инъязизадт», 2006. 544 с.
5. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. 2-е изд. М.: Эдитус, 2012. 234 с.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 347 с.

УДК 347.78.034

ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Э. В. Фомин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Аннотация. В работе сравниваются чувашские оригинальные тексты и их переводы, осуществленные самими авторами. Как правило, в переводном тексте появляются новые нюансы, уточняющие и расширяющие содержание оригинального текста. Таким образом формируется обобщенное восприятие текстов как единого целого.

Ключевые слова: чувашская литература, авторский перевод, трансформация текста.

Summary. The work compares the Chuvash original texts and their translations made by the authors themselves. As a rule, new nuances appear in the translation text, clarifying and expanding the content of the original text. Thus, a generalized perception of texts as a whole is formed.

Keywords: Chuvash literature, author's translation, text transformation.

Переводы произведений на другой язык, осуществленные самими авторами, – явление в художественной литературе редкое. Мало кто из писателей обладает полновесным двуязычием, позволяющим создавать (писать или переводить) качественные тексты на разных языках.

Авторский перевод имеет свои преимущества: писатель знает свой материал лучше других. Но именно это обстоятельство может стать преградой для осуществления перевода, поскольку автор понимает, насколько сложная работа ему предстоит, а если он и решится на этот шаг, то может создать далекий от оригинала текст, в любом случае результат вряд ли будет равноценным.

В советскую эпоху чувашская литература транслировалась на русский язык в переводе профессионалов с родным русским языком. Справедливости ради следует отметить, что переводчикам не всегда удавалось на высоком уровне преподнести национальный материал. Показателен пример с Ю. Скворцовым, в оценке литературоведа Г. И. Федорова, писателя мирового уровня, чье творчество не уступает литературному наследию Ч. Айтматова: произведения чувашского писателя, в отличие от киргизского, не нашли достойного переводчика.

В настоящее время переводами озабочены сами авторы, в связи с чем начал развиваться творческий билингвизм.

В настоящей работе рассматриваются рассказ Е. Лисиной «Сăкăр чĕлли» («Кусок хлеба») [1; 2] и драма Б. Чиндыкова «Сатан карта çинчи хура хăмла сырли» («Ежевика вдоль плетня») [5; 7].

Рассказ Е. Лисиной «Сăкăр чĕлли» основан на реальных событиях. В основе сюжета – история о том, как девятилетняя девочка Еля в голодное послевоенное время по просьбе занятой на колхозных полях матери повела больную сестру Лизук в районную больницу на оформление инвалидности. В этом случае им разрешили бы косить жнивье, необходимое для коровы («Без коровы мы пропадем!»). Побудительным мотивом, пересилившим все страхи перед дальними неведомыми краями, стал хлеб, который можно купить в столовой. Но все складывается так, что ее мечте поесть хлеба не суждено было сбыться.

Рассказ в 1991 г. стал победителем конкурса радиостанции «Deutsche Welle». Произведение переведено с чувашского через русское посредство на башкирский, немецкий, осетинский, татарский, шведский языки, русский перевод сделан самой писательницей, венгерский осуществлен напрямую с чувашского.

Сравниваемые тексты отличаются значительными трансформациями. Автор часто использует свободный – уточненный – перевод, пропускает часть фраз и включает новые.

Уточнения начинаются уже с названия. Чувашская фраза *çăкăр чĕлли* соответствует русскому *ломть хлеба*, но по-русски рассказ Е. Лисиной называется «Кусок хлеба»: кусок меньше ломтя, и эта та самая фраза, которая значительно углубляет трагизм повествования.

Материал не просто передается средствами русского языка, но формируется заново в тех рамках, которые предоставляет содержание, ср.:

Оригинальный текст	Дословный перевод	Перевод автора
Пирĕн Лисукан ялан пуçĕ ыратать.	У нашей Лизук всегда голова кружится.	Сама же видишь – наша Лизук совсем больная.
Райун пулницине çавăтса кай-ха а́на, тухтăрсене кăтарт.	В районную больницу поведи, пожалуйста, ее, докторам покажи.	Сводила бы ты ее в больницу.
Чуна хурлăх пусса пырать.	Душу горе накрывает.	А на сердце у меня так тоскливо, как будто заблудилась в темном лесу.
Лисук ман çине çаврăнса пăхрĕ.	Лизук на меня обернувшись посмотрела.	Лизук оборачивается ко мне, словно ждет от меня помощи.
Эпĕ сас памарăм.	Я голос не подала.	Но доктор делает мне знак, чтоб я молчала.

Такого рода трансформации, переименовывающие и уточняющие исходный текст, пронизывают все произведение и иногда приводят к фактическим расхождениям. Так, в русском переводе название села Турмыши (*Тăрмăш*) заменено другим – Турхан, ср.:

Оригинальный текст	Перевод автора
<i>Тăрмăш йăмрисем пирĕн ялтисенчен çулĕрех пек, вĕсем: «Эсир кунта мĕн туса çуретĕр?» – тесе ыйтнăн туйăнать.</i>	<i>Ветлы села Турхан кажутся выше и темнее наших, они слово спрашивают: «Что вы тут делаете?»</i>

И Турмыши, и Турхан – реальные села, находящиеся по соседству с Шаймурзино, родным селением героев рассказа. Для понимания текста указанная замена не существенна. Однако она показывает пределы свободы, которыми может обладать писатель в качестве переводчика своих произведений.

В русском переводе имеются пропуски. Во-первых, эпиграф «Памяти детей села Шаймурзино, умерших в послевоенное время от голода» в русском переводе опущен. Во-вторых, если чувашский оригинальный текст начинается с развернутого зачина – эпизода из современной жизни, то в русском переводе он сжат до нескольких общих фраз: «“Нет ничего дороже хлеба”», – говорят чуваша. Я это знаю, знаю с малых лет».

Оригинальный и переводной тексты зачина сходятся лишь в его финальной части: «Дни, когда мне удавалось поесть хлеба, остались вехами в моем детстве. Вспоминается один из таких дней...»

Значительные расхождения текстов связаны с пропуском чувашских фраз и включением новых. Но это делается автором аккуратно и почти незаметно. В итоге текст обретает подлинно русское звучание.

Такой подход невозможен в случае с профессиональным переводом. Автор же волен делать с текстом все, что угодно.

По сути оригинальный и переводной тексты Е. Лисиной сосуществуют в двуединстве. Максимальную полноту рассказ получает лишь при содержательном сращении обоих текстов.

Иначе обстоят дела с переводом драматических произведений.

Авторский перевод драмы Б. Чиндыкова «Ежевика вдоль плетня» максимально приближен к русскому оригиналу. Здесь даже чувашские песни передаются в смысловом переводе без соблюдения ритма и структуры рифмы оригинальных строк. Настоящий подход обусловлен утилитарными целями – необходимостью обеспечить синхронный перевод спектакля на сцене драматического театра.

Примечательная сторона русского текста пьесы Б. Чиндыкова – использование экзотизмов, выполняющих в пьесе ключевую роль: чув. *апи* [аб'и́] ‘мать’ → рус. *аби*; чув. *мамак* [мама́к] ‘бабушка’ → рус. *мамак*.

В том же русле оформлены поэтонимы (анализ чувашских поэтонимов см.: 3; 4). Они приспособлены под чувашское произношение и в очувашенном виде в русской орфографии возвращены в переводной текст: рус. *Василий* → чув. *Васили* [вас'ил'и́] → рус. *Васили*; рус. *Егор* → чув. *Якур* [јагу́р] → рус. *Ягур*; рус. *Иосиф* → чув. *Йоççăх* [јоç:ъх] → рус. *Йоссех*; рус. *Марина* → чув. *Марине* [мар'ин'э́] → рус. *Марине*; рус. *Устиния* → чув. *Устини* [ус'т'ин'и́] → рус. *Устини*.

В свою очередь экзотизмы в контексте чувашского литературного языка являются диалектными словами: диал. *апи* – лит. *анне* [ан':э́], диал. *мамак* – лит. *асанне* [азан':э́]. Сохранение их в переводе в качестве экзотизмов – уместное решение автора, переносящее в русский контекст исходную специфику произведения.

Между тем в переводе драмы, осуществленной Д. Виноградовой [6], экзотичная лексика передается в русской интерпретации, ср.:

Оригинальный текст	Перевод автора	Перевод Д. Виноградовой
Радик (<i>хавасланса</i>). Ма-ама-ак, эп те юйласа пайам-и Майинине?	Радик (<i>с нарочитой радостью</i>). Мамак, можно и я спою?	Радик (<i>радостно</i>). Бабуля, а можно я тоже спою Майине?
Васили Шевли. Апи!.. Эп пур! Ак эп. Илтместён-им? Курмастён-им? Ак эп. Эп пур. Эп чёрё. Эп урăхла чёрё, апи!..	Призрак Василия. Аби!.. Я жив!.. Это я, аби. Ты разве не слышишь меня, аби? Не видишь разве? Вот я. Я жив. Я по-другому жив, аби. Жив я!	Призрак Василия: Мама!.. Я здесь!.. Это я, мама! Не слышишь? Не видишь? Да вот же я! Здесь. Я жив. Просто у меня новая жизнь началась, мама!

То же касается имен православного происхождения, в переводе Д. Виноградовой, как правило, возвращающих русское звучание: чув.

Васили → рус. Василий; Йоççăх → рус. Иосиф; чув. Устини → рус. Устинья; чув. Якур → рус. Егор.

В обоих переводах наблюдаются незначительное, на первый взгляд, стилистическое отступление от оригинального текста, ср.:

Оригинальный текст	Перевод автора	Перевод Д. Виноградовой
Амăшĕ. Э-эй, ачу-пăчупа! (Хайне хай.) Çил-тăвал умĕн ўлесĕĕ тет те анчăксем...	Мать. Да ну вас! (Про себя.) Сказывают, перед бурей щенята вот так же воют...	Мать. Да ну, вас, несмышленьшей! (Про себя.) Щенята вот тоже перед бурей скулят...

Чувашская фраза *Э-эй, ачу-пăчупа!* (< ача-пăча ‘дети, детвора’) – скорее отмечена оттенком жалости к внукам, в переводах же она имеет явный отпечаток раздражения («Да ну вас!»). Данная реплика в русских текстах вряд ли является преднамеренной. Она разрушает образ матери как воплощения чистоты помыслов и интеллигентности, создаваемых всем содержанием драмы.

Итак, авторский перевод – важный показатель творческих возможностей писателя. В ходе перевода своих произведений он привносит в них новые элементы. Это происходит хотя бы потому, что писателем перевод признается в качестве продолжения работы над оригинальным текстом. В данных условиях представляется, что изучение художественного наследия писателя должно производиться с учетом дихотомических связей оригинала и авторского перевода.

Список использованных источников

1. Лисина Е. Кусок хлеба // Чувашская литература. Чебоксары, 2007. 274–283.
2. Лисина Е. Çăкăр чĕлли // Чăваш литературин антологийĕ: проза. Шупашкар, 2003. С. 398–403.
3. Фомин Э. В. К проблеме транслитерации чувашских поэтонимов // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Симферополь, 26–28 апр. 2018 г. Симферополь, 2018. С. 586–591.
4. Фомин Э. В., Иванова А. М. Личные имена в контексте чувашской литературы: опыт лингвистического анализа // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2018. – № 4. С. 105–110.
5. Чиндыков Б. Ежевика вдоль плетня: пер. авт. // Чувашская литература. Чебоксары, 2007. С. 236–364.
6. Чиндыков Б. Ежевика вдоль плетня: пер. Д. Виноградовой [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2005/01/19-98> (дата обращения: 29.01.2019).
7. Чиндыков Б. Çатан карта çинчи хура хăмла сырли // Чăваш литературин антологийĕ: драматурги. Шупашкар, 2014. С. 440–459.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Э. А. Хабибулина

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутский государственный педагогический университет, Сургут

Аннотация: Целью данного исследования является анализ способов передачи значений фразеологических единиц с компонентом зоонимом при переводе с немецкого языка на русский. Выбор данной группы лексических единиц обусловлен значительной ролью животных в жизни человека, что находит отражение во фразеологическом фрагменте немецкой языковой картины мира. Основным методом исследования послужил сравнительный анализ фразеологических единиц немецкого языка и их переводов на русский язык. Анализ показал, что для передачи значения исследуемых единиц в первую очередь используются фразеологические способы перевода: т.е. поиск фразеологических эквивалентов или фразеологических аналогов. При их отсутствии допускаются нефразеологические способы: калькирование и описательный перевод, однако при этом происходят значительные потери образности и экспрессивности.

Ключевые слова: фразеологическая единица, зооним, немецкий язык, перевод, фразеологические и нефразеологические способы передачи значения.

Summary: The purpose of this study is to analyze the means of transferring the meanings of phraseological units with the zoonym component in the process of translation from German into Russian. The choice of this group of lexical units is due to the significant role of animals in human life, which is reflected in the phraseological fragment of the German language picture of the world. The main research method was a comparative analysis of phraseological units of the German language and their translations into Russian. Analysis has shown that phraseological translation methods are used primarily to convey the meaning of the units being studied: i.e. search for phraseological equivalents or phraseological analogues. In their absence, non-phraseological methods are allowed: tracing and descriptive translation, but never the less significant figurative and expressive losses occur.

Keywords: phraseological unit, zoonym, German, translation, phraseological and non-phraseological means of transferring the meaning.

Фразеология представляет собой яркую и национально-своеобразную часть языковой картины мира любого народа. В ней концентрируется и сохраняется коллективная память народа, говорящего на том, или ином языке, раскрывается его самобытность и уникальность, выражаются национально-культурные особенности речевого поведения.

Тот факт, что животные имеют важное значение для людей, сопровождают их на протяжении всей жизни, находит отражение в языковой картине мира многих народов. Названия животных вошли в состав множества фразеологизмов и приобрели символическое значение. В немецком языке фразеологизмы с компонентом зоонимом также представлены многочисленной группой.

Фразеологизмы с компонентом зоонимом являются антропоцентрически направленными, т.е. характеризуют человека и отражают все многообразие проявлений жизни языкового сообщества. При переводе фразеологизмов важно адекватно передать культурные коннотации и образы, заключенные в этом фразеологическом фрагменте, чтобы воссоздать национально-культурную специфику немецкоязычной картины мира.

Трудности перевода фразеологических единиц, объясняются сложностью их семантической структуры. Основной особенностью фразеологизмов является «частичное или полное несоответствие плана содержания плану выражения, что определяет специфику фразеологизма и безусловно будет влиять на выбор приемов и способов перевода» [3, с 12].

С. В. Влахов, С. С. Флорин подчеркивают, что адекватный перевод фразеологической единицы зависит от соотношений между единицами исходного и переводного языка и выделяют три типа таких соотношений:

1) Фразеологическая единица исходного языка имеет точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (эквивалент) в переводящем языке;

2) Фразеологическую единицу исходного языка можно передать на переводящем языке соответствием, имеющим некоторые отступления от оригинала (аналогом);

3) Фразеологическая единица исходного языка не имеет в переводном языке ни эквивалентов, ни аналогов. В этом случае фразеологическое значение передается иными, нефразеологическими средствами [2, с. 183–190].

Следует отметить, что большая часть устоявшихся в языке фразеологических единиц, имеют соответствия в двуязычных переводных словарях. Материалом данного исследования послужили более 200 немецких фразеологических единиц с компонентом зоонимом и их соответствия в русском языке, выделенные методом сплошной выборки из немецко-русских фразеологических словарей [1, 4].

Взяв за основу структурно-семантическую классификацию фразеологизмов немецкого языка И. И. Чернышевой, мы включили в состав исследуемых фразеологических единиц:

1) фразеологические единства (идиомы) (*phraseologische Einheiten*, bzw. *Ganzheiten*): *auf der **Bären**haut liegen* – *бездельничать, лежать на печи*; *den **Bock** zum Gärtner machen* – *пустить козла в огород*; *auf den **Esel** kommen* ≈ *променять сапоги на лапти (обеднеть, опуститься)*

2) фразеологические соединения (phraseologische Verbindungen): *Hundewetter* – собачья погода, *Bärendienst* – медвежья услуга.

3) устойчивые выражения (festgeprägte Sätze), пословицы: *Alter Hund macht gute Jagd.* - Старый конь борозды не испортит; *Ein blöder Hund wird selten fett.* – Злая собака жиром не обрастает; поговорки: *Mach mir nicht die Pferde scheu!* — Не наводи панику! Не мешай! *Er schüttelt's ab wie der Hund den Regen.* — С него как с гуся вода.

Наибольшим числом в немецкой фразеологии представлены фразеологические единства [5, с.180].

В исследуемом нами материале примерно в равном количестве представлены фразеологические единства (идиомы) и устойчивые выражения (пословицы и поговорки). Фразеологические соединения встречаются лишь в единичных случаях

Принадлежность фразеологической единицы к определенной группе в некоторой степени определяет тот или иной подход к передаче ее значения на другой язык.

Значительная часть исследуемых фразеологических единиц немецкого языка может быть переведена на русский язык при помощи фразеологических способов, т.е. способом фразеологического эквивалента и способом фразеологического аналога.

Эквивалентные в двух языках фразеологизмы полностью совпадают по лексическому составу, значению, стилистической окрашенности, грамматической структуре. У них одинаковые денотативные и коннотативные значения, аналогичный компонентный состав, схожие лексико-грамматические показатели: лексическая сочетаемость, грамматические категории, употребительность. Они характеризуются отсутствием национального колорита. К полным эквивалентам относятся, прежде всего, фразеологические единицы интернационального характера, основанные на мифологических преданиях, библейских легендах и исторических фактах, баснях: *Perlen vor die Säue werfen* – метать бисер перед свиньями; *ein verlorenes Schaf* – заблудшая овца; *das goldene Kalb* – золотой телец; *weißer Rabe* – белая ворона.

Кроме того, абсолютно эквивалентными можно считать компаративные фразеологизмы, содержащие в своей семантике характеристику различных качеств человека, основанных на символических значениях зоонимов: *arm wie eine Kirchenmaus* – бедный как церковная мышь; *glatt wie ein Aal* – скользкий как угорь; *leben wie Hund und Katze* – жить как кошка с собакой.

Некоторые устойчивые выражения немецкого языка, т.е. пословицы и поговорки, также имеют фразеологические эквиваленты в русском языке: *Zwei Bären vertragen sich nicht in einer Höhle.* – Два медведя в одной берлоге не уживутся. *Bei Nacht sind alle Katzen grau.* – Ночью все кошки серы.

Наличие полных эквивалентов во фразеосистеме двух языков обусловлено общностью культурно-исторических факторов, единством

мышления, сходными условиями жизни и быта народов. Первоначально фразеологические единицы могли заимствоваться из другого языка путем калькирования, а затем закрепились в языке.

Гораздо более значительную роль при передаче фразеологического значения немецких единиц на русский язык играют частичные эквиваленты или фразеологические аналоги. Частичные эквиваленты также обладают одинаковым значением и стилистической окрашенностью, но проявляют различия в лексическом наполнении и грамматических структурах, соответственно фразеологические аналоги делятся на частичные лексические эквиваленты и частичные грамматические эквиваленты.

Частичные лексические эквиваленты, в свою очередь, также можно разделить на две группы:

а) Русские эквиваленты немецких фразеологизмов, совпадающие по значению, стилистической направленности и близкие по образности, но различающиеся по лексическому составу: *einen Bären dienst erweisen* – оказывать медвежьёу услугу; *den Stier bei den Hörnen fassen* – взять быка за рога.

К ним относится также значительное количество устойчивых выражений: *Der Katze Scherz, der Mäuse Tod.* – Кошке игрушки, а мышке слёзки. *Hunger treibt den Wolf ins Dorf.* – Голод и волка из лесу гонит.

б) Русские эквиваленты немецких фразеологических единиц, совпадающие с ними по значению, по стилистической окрашенности, но различающиеся по образности. Образы могут быть очень близкими, соприкасающимися, например, родовое понятие (гипоним) может заменяться видовым (гипонимом): *Jedem Vogel (птица) gefällt sein Nest.* Всяк кулик свое болото хвалит.

Но гораздо чаще образ одного животного, заменяется в частичном фразеологическом аналоге русского языка на образ другого животного: *einen Bären hunger haben* ≈ быть голодным как волк; *den Hund nach Bratwürsten schicken* ≈ пустить козла в огород.

Особенно часто фразеологическим аналогом, основанном на ином зоонимическом образе, обладают устойчивые выражения: *Da liegt der Hase im Pfeffer!* ≈ вот где собака зарыта! *Mein Name ist Hase (ich weiß von nichts)* ≈ я не я, лошадь не моя! *Alter Hund macht gute Jagd* ≈ старый конь борозды не испортит.

Нередко зоонимический образ в частичном эквиваленте заменяется абстрактным понятием, с которым часто этот образ и ассоциируется. Так, например, осел символизирует глупость, лев – силу, лиса – хитрость, обезьяна – веселье: *was der Löwe nicht kann, das kann der Fuchs* ≈ где силой не возьмёшь, там хитрость поможет; *den Esel erkennt man an den Ohren* ≈ глупость трудно скрыть; *einen Bock schießen* ≈ совершить ошибку, дать маху; *seinem Affen Zucker geben* ≈ предаться безудержному веселью.

Часто образы в исходном и переводном языке не имеют между собой ничего общего, что не мешает эквивалентам исполнять исправно свою

функцию в переводе: *getroffener Hund bellt* ≈ *на воре шапка горит*; *der graue Esel fährt heraus* ≈ *седина в бороду*;

Возможность передавать ФЕ аналогами с образностью, совершенно не имеющей точек соприкосновения в двух языках, объясняется главным образом тем, что по большей части это стертые или полустертые метафоры, не воспринимаемые или воспринимаемые носителем языка лишь подсознательно.

Частичные грамматические эквиваленты совпадают по значению, по стилистической окраске и образности, но отличаются некоторыми грамматическими характеристиками, например синтаксической конструкцией, числом, порядком слов.

О разнице синтаксических конструкций речь идет только тогда, когда мы анализируем синтаксическую структуру устойчивых выражений, поскольку только пословицы и поговорки имеют форму законченного предложения. Мы выявили следующие, наиболее часто встречающиеся несовпадающие синтаксические конструкции у фразеологических аналогов:

1. Сложноподчиненному предложению немецкого языка соответствует простое предложение русского языка: *Er findet den Esel nicht, auf dem er sitzt.* – *Он не видит у себя под носом.* *Wenn die Maus satt, ist das Mehl bitter.* – *Сытую мышь мукой не соблазнишь.* – *Es sind die Beine, die den Wolf ernähren.* *Волка ноги кормят.*

2. Сложноподчиненному предложению немецкого языка соответствует сложносочиненное предложение русского языка: *Das Pferd, das den Hafer verdient, kriegt ihn nicht.* – *Рабочий конь на соломе, а пустопляс на овсе.*

3. Придаточное предложение немецкого языка передается на русский язык деепричастным оборотом: *Man soll nie die Bärenhaut verkaufen, bevor man den Bären erlegt hat.* – *Не убив медведя, шкуры не продавай.*

4. Простому предложению немецкого языка соответствует сложное предложение русского языка: *Viele Hunde sind des Hasen Tod.* *Где много гончих, там зайцу смерть.* *Der Wolf stirbt in seiner Haut.* ≈ *Как волка ни корми, он всё в лес смотрит.*

5. Очень часто в русском языке используются неполные бессоюзные сложные предложения, которые более соответствуют разговорному стилю русского языка: *Wer sich zum Esel macht, muß Säcke tragen.* ≈ *Назвался груздём - полезай в кузов.* *Wenn der Fuchs predigt, nimm die Gänse in acht.* ≈ *Заговелась лиса - загоняй гусей.* *Wenn die Katze fort ist, tanzen die Mäuse.* ≈ *Кошка из дома – мышкам воля.*

Расхождения синтаксических конструкций вызваны разницей в языковых системах двух языков и обуславливают, в основном, различия во внешней оболочке ФЕ, но не влияют на адекватную передачу их значения ФЕ. Еще меньшее значение имеет разница в морфологических признаках, например, расхождения в числе: *Alte Spatzen fängt man nicht mit Spreu.* – *Старого воробья на мякине не проведешь.*

Таким образом, значительная часть фразеологических единиц с компонентом зоонимом имеют в русском языке частичные соответствия.

При отсутствии эквивалентов и аналогов, допускаются нефразеологические способы перевода: калькирование и описательный перевод, однако при этом происходят значительные потери образности и экспрессивности.

Нередко, фразеологическую единицу с компонентом зоонимом можно перевести разными способами, тогда переводчику следует определить, какой из них является оптимальным для определенного контекста.

Список использованных источников

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 768 с.
2. Влахов С. В., Флорин С. С. Непере译имое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
3. Казакова Т. А. Практические основы перевода. СПб.: «Издательство Союз», 2001.-320 с.
4. Мальцева Д. Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. М.: Азбуковник, 2002 . 350 с.
5. Stepanova M. D., Černyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Moskau: ACADEMA, 2005. 252с.

УДК 811.111-26

ЭПИТЕТЫ И МЕТАФОРЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО «ВОРОН»

Ю. Л. Цветков,

*доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы, профессор, Ивановский государственный университет,
Иваново*

Н. А. Урсова,

магистр кафедры зарубежной литературы, Ивановский государственный университет, Иваново

Аннотация. Отечественные переводчики XIX века С. А. Андреевский, К. Д. Бальмонт, Л. И. Пальмин и Д. С. Мережковский – основатели богатой традиции переводов стихотворения американского поэта Э. А. По «Ворон» (1845). Они попытались сохранить авторские эпитеты, используя добавления, опущения, компенсацию и описательный перевод. Однако частые добавления и опущения эпитетов, а также нарушения метафорической целостности отдельных строк снижали качество перевода, поскольку переводчики адаптировали свой поэтический язык к стихотворению По. Далёкими от оригинала представляются переводы С. А. Андреевского и Д. С. Мережковского. Богатая образность языка По, частое использование лично окрашенных эпитетов и ярких метафор служили достижению «тотального эффекта» (суггестивного

воздействия на читателя), что не вполне учитывалось переводчиками.

Ключевые слова: искусство перевода, суггестия, эпитет, метафора, опущение, добавление, компенсация, описательный перевод.

Summary. Russian translators of the XIX century S. A. Andreevsky, K. D. Balmont, L. I. Palmin and D. S. Merezhkovsky has established a rich tradition of translation of the poem "The Raven" (1845) by the American poet E. A. Poe. They tried to preserve the author's epithets, using additions, omissions, compensation and descriptive translation. However, frequent additions and omissions of epithets, as well as violations of the metaphorical integrity of individual lines, reduced the quality of translation, because translators adapted their poetic language to the poem by Edgar Poe. Far from the original translations are presented S. A. Andreevsky and D. S. Merezhkovsky. The rich imagery of Poe's language, the frequent use of personally colored epithets and bright metaphors served to achieve a "total effect" (suggestive effect on the reader), which was not fully taken into account by translators.

Keywords: art of translation, suggestion, epithet, metaphor, omission, addition, compensation, descriptive translation.

Одним из ярких представителей позднего американского романтизма является Эдгар Аллан По (Edgar Allan Poe, 1809-1849) – выдающийся поэт, писатель, основоположник детективного жанра и научной фантастики. Его творениями восхищались французские символисты, а за ними и русские поэты и писатели XIX века: «Этот образ Э. По настолько вошёл в сознание читателей и переводчиков, что отойти от него кажется невозможно. Он сохраняется неизменным в новых переводах, статьях и публикациях» [4, с. 3]. В настоящее время проявляется большой интерес к наследию По. Одной из интересных диссертаций стал труд Е. Ю. Забаевой. Предмет её исследования – проза По: «специфика эстетики и художественных произведений (тематика, жанровое своеобразие, символика, стилистика) Э. По в контексте поэтики романтизма и символизма...» [3]. Однако о поэтических переводах в исследовании речь не идёт. Фундаментальным обобщающим трудом по переводу «Ворона» на русский язык стало академическое издание в серии «Литературные памятники» [5]. В нём собраны все известные до настоящего времени переводы «Ворона», однако их лингвостилистической оценки в этом исследовании нет.

Основными стилистическими приёмами лирики По являются эпитет и метафора. В статье проводится сравнительный анализ оригинала «Ворона» и его переводов на русский язык, выполненных С. А. Андреевским (1878) [6], Л. И. Пальминым (1890) [9], Д. С. Мережковским (1890) [8] и К. Д. Бальмонтом (1894) [7]. Анализ различных вариантов переводов одних и тех же стилистических приёмов позволяет выявить переводческие трансформации и определить степень их эффективности.

Всего в поэме «Ворон» присутствует двадцать один *enumem* (*midnight dreary; bleak December; rare and radiant maiden; silken, sad, uncertain rustling; fantastic terrors; stately Raven; ebony bird; grave and stern decorum;*

grim and ancient Raven; ungainly fowl; ominous bird; grim, ungainly, ghastly, gaunt bird; unmerciful Disaster; melancholy bore; ashore desolate). По словам И. Р. Гальперина, в «поэме Эдгара По "Ворон" эпитеты dreary (мрачный), bleak (хмурый), sad (печальный), uncertain (неясный), fantastic (фантастический), ominous (зловещий), unmerciful (безжалостный), melancholy (унылый), evil (порочный), desolate (безлюдный) и другие создают атмосферу, которой поэт окружает факты и эпизоды содержательно-фактуальной информации: стук в дверь, появление ворона, обращение к ночному гостю, воспоминания, мечты и т. п.» [2, с. 118].

1. *a midnight dreary* (10, p. 148) – «угрюмая/унылая полночь» (подстрочный перевод авторов статьи). Все переводчики сохраняют эпитет, варьируя, в основном, между определениями «унылая» и «угрюмая», кроме Мережковского, который употребляет эпитет «глухая». У Бальмонта есть добавление «в час угрюмый», либо замена слова «полночь» на «ночь» (у Мережковского «в ночь глухую»).

2. *For the rare and radiant maiden* (148) – «Та замечательная/необыкновенная и лучезарная девушка». Эпитеты «rare» и «radiant» сохранили Андреевский: «Подруги светлой, неземной» и Пальмин: «О моей незабвенной, утраченной мной». Бальмонт ограничивается выражением «светило прежних дней», которое имеет описательный характер. У Мережковского вовсе не сохраняется эпитет. Андреевский сохраняет оба прилагательных «светлая» и «неземная» и существительное «подруга», которое отличается от существительных «девушка/дева/девица». Пальмин не сохраняет существительное, но употребляет эпитеты «незабвенной, утраченной мной».

3. *Ghastly grim and ancient Raven* (152) – «ужасно мрачный и древний ворон». Андреевский из трех эпитетов сохраняет только один, используя трансформацию опущение. Эпитет оформляется в форме восклицательного предложения: «Старинный ворон!». Пальмин так же сохраняет только один эпитет, используя опущение и создавая восклицательную форму: «Старый ворон!». Мережковский добавляет ещё одно предложение, используя повтор для передачи целостного образа ворона: «Ворон древний. Ворон вещий». Бальмонт прибегает к компенсации, намеренно отходя от смысла эпитетов для сохранения целостного смысла фразы: «гордый ворон».

4. *ungainly fowl* (152) – «неуклюжая птица». Андреевский не сохраняет эпитет, используя местоимение «она». Пальмин так же не использует в переводе эпитет, но даёт описательный перевод, раскрывая образ «птицы»: «услыхал я птицы ответ, Хоть ума в нём и не было сильных примет». Мережковский так же не сохраняет эпитет, используя добавление, чтобы заполнить этот пропуск в переводе для сохранения образа «птицы».

5. ... *grim, ungainly, ghastly, gaunt, and ominous bird* (154) – «мрачная, неуклюжая, ужасная, тощая и зловещая птица». Андреевский сохраняет эпитеты «худой, уродливый», используя после этого компенсацию, сменив «птицу» на «пророка»; далее следует добавление ещё одного высказывания

с использованием определения «печальный» к образу «ворона» и определения «древних» к существительному «дней», используя добавление, чтобы показать возраст птицы: «Худой, уродливый пророк, Печальный ворон древних дней». Пальмин сохраняет всего лишь два эпитета «вещий» и «мрачный», так же используя описательный перевод: «Ворон, вещий когда-то в былые года, Ворон вещий и мрачный». Мережковский сохраняет два эпитета «страшный» и «древний» (хотя у автора такого определения ворону нет в этой фразе) и использует добавление «горе возвещающий всегда» для создания целостного образа: «Страшный, древний Ворон, горе возвещающий всегда». Бальмонт оставляет лишь один эпитет «зловещий».

В стихотворении «Ворон» **метафоры** играют важную роль, так как несут в себе маркеры эмоционального состояния лирического героя.

1. *Presently my soul grew stronger* (148) – «Вскоре, когда моя душа окрепла». Андреевский не использует слово «душа» и переводит: «я ощутил себя храбрей», тем самым не отдаляясь от смысла, который хотел передать автор. Пальмин использует деепричастие «ободрившись» и сохраняет в переводе значение слова «presently»: «В этот миг, ободрившись». Мережковский переводит «soul» другим его значением – «сердце» и сохраняет смысл метафоры: «и когда преодолело сердце страх». Бальмонт использует в переводе деепричастные обороты, не сохраняя тем самым метафору. Он вводит дополнительные лексемы: «сомненья» и «опасенья», которые несут отличную от авторского замысла смысловую нагрузку: «Подавив свои сомненья, победивши опасенья». При переводе метафоры «*Presently my soul grew stronger*» – «Вскоре, когда моя душа окрепла» Мережковский использует слово «сердце», тем самым заменяя ключевое слова. Но в данном контексте сердце не обозначает человеческий орган, а несёт в себе общие признаки со словом «душа», поэтому качество перевода не понизилось.

2. *all my soul within me burning* (150) – «вся моя душа во мне пылала». Андреевский и Бальмонт не переводят метафору. Пальмин не использует слово «душа», которое несёт важную смысловую нагрузку, а использует замену на фразу: «Весь волненьем тревожным невольно объят». Мережковский сохраняет метафору, не изменяя слово «душа» и не искажая смысла. Он сохраняет основное значение, точно передавая стилистический прием автора. Здесь можно согласиться с утверждение Норы Галь, что «чем конкретнее слово, тем лучше, образней, убедительней текст (все равно, оригинальный или переводной) и тем меньше нелепых сдвигов и ошибок» [1, с. 30].

3. *To the fowl whose fiery eyes now burned into my bosom's core* (154) – «Птица, огненные глаза которой теперь жгли мне сердце изнутри». Все переводчики сохраняют метафору, и никто не отходит от основной мысли автора. Андреевский вместо слова «жгли» использует «пронизывал» (ворон) и не упоминает слово «сердце»: «А он пронизывал меня глазами, полными огня». Пальмин вместо глагола «жгли» использует «проникал», но

сохраняет все остальные элементы высказывания: «Птицы огненный взгляд в сердце мне проникал». Мережковский использует глагол «заронил», добавляя новый смысл в высказывание: «заронил навсегда», хотя другие авторы используют другие временные рамки «сейчас» и «теперь»: «Свой горящий взор мне в сердце заронил он навсегда». Бальмонт сохраняет глагол, но добавляет сравнение «как огнистая звезда», тем самым передавая взгляд птицы в тот момент: «Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда».

4. *Take thy beak from out my heart* (158) – «Убери твой клюв из моего сердца». Андреевский сохраняет мысль автора при помощи компенсации. Мы видим, что у переводчика наличествует повелительное предложение, но есть обращение к ворону и восклицательный знак: «Исчезни, ворон, без следа!». Пальмин так же сохраняет повелительное наклонение, прибавляя эпитет к слову «сердце» («из сердца, разбитого») и к слову «клюв» («клюв кровожадный»), тем самым акцентируя трагичность высказывания. Мережковский в переводе заменяет ключевые слова: «клюв» на «образ» и «сердце» на «душу» и использует не повелительное предложение, а личное восклицательное: «Из души моей твой образ я исторгну навсегда!». Бальмонт сохраняет повелительное наклонение, добавляя определение к слову «клюв» («жесткий клюв»), и использует добавление («где скорбь всегда»), что несёт в себе дополнительную эмоциональную нагрузку.

Богатое воображение как основа художественного творчества стали краеугольным камнем поэтики американского автора. В большинстве случаев русские переводчики сохранили эпитеты, хотя изменили их количество и образную основу исходного эпитета. При переводе метафор, в основном, использовались деэпричастные обороты и заменялись лексические единицы. Несомненно, эти трудности вызваны несоответствием систем разных языков. Переводчики использовали следующие трансформации: добавление (7), опущение (8), компенсация (5), описательный перевод (5) и целостное переосмысление (2). Лексические добавления эпитетов применялись с целью создания более яркого образа, но не для более точной передачи мысли автора. Частые добавления и опущения, а также другие трансформации снизили уровень перевода и не прояснили авторские интенции. Каждый переводчик стремился передать своё понимание стихотворения. С. А. Андреевский и Д. С. Мережковский чаще других отходили от авторских приёмов. В «Вороне» По мы наблюдаем богатую образность языка, частое использование различных личностно окрашенных эпитетов и ярких метафор. Все они служат для достижения «тотального эффекта» с целью эмоционального воздействия на читателя, поэтому смысловая потеря даже некоторых из них снижает градус суггестивной энергии, заложенной оригиналом.

Список использованных источников

1. Галь Н. Слово живое и мёртвое. М.: Междунар. отношения, 2001. -368 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., КомКнига, 2006. -144 с.

3. Забаева Е. Ю. Эдгар Аллан По и «старшие» русские символисты: Проблемы рецепции. [Электронный ресурс]. Автореф... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2011. URL:<http://www.dissercat.com/content/edgar-allan-po-i-starshie-russkie-poety-simvolisty#ixzz5eAn7FMi9>. (дата обращения 08.04.2018).
4. Осипова Э. Ф. Загадки Эдгара По: исследования и комментарии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. -171 с.
5. По Э. А. Ворон / изд. подгот. В. И. Чередниченко. М.: Наука, 2009. (Литературные памятники). - 400 с.
6. По Э. А. Ворон / пер. Андреевского С. А. // Рое Е.А. Poems. По Э. А. Стихотворения / сост. Е.К. Нестерова. М.: Радуга, 1988. С. 288-295.
7. По Э. А. Ворон / пер. Бальмонта К. Д. // Рое Е. А. Poems. По Э. А. Стихотворения. Указ. соч. С. 309-312.
8. По Э. А. Ворон / пер. Мережковского Д. С. // Рое Е. А. Poems. По Э. А. Стихотворения. Указ. соч. С. 302-309.
9. По Э. А. Ворон / пер. Пальмина Л. И. // Рое Е. А. Poems. По Э. А. Стихотворения. Указ. соч. С. 295-299.
10. Рое Е. А. The Raven // Рое Е.А. Poems. По Э.А. Стихотворения. Указ соч. С. 148-158.

УДК 81'25:929.6/7

ТИТУЛЫ И НАГРАДЫ ВИКТОРИАНЦЕВ В ОРИГИНАЛАХ И ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ю. П. Чалая,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет,
Севастополь*

Аннотация. Особенности употребления англичанами разнообразных титулов и наград часто представляют значительные трудности для восприятия и понимания социокультурных несовпадений в английской и русской культурах. Такого рода нюансы викторианской культуры должны учитываться в переводе. Цель данной статьи – определить приемы воспроизведения культурно маркированных знаков, обозначающих викторианские титулы и награды. Для достижения цели использовался комплексный сравнительно-переводоведческий анализ, который основывается на методах сравнительного, контекстуального и историко-культурного анализов. В результате исследования были определены приемы, которые чаще всего используются переводчиками для воспроизведения культурно маркированных знаков текста.

Ключевые слова: перевод, Викторианская культура, титулы, награды.

Summary. The features the Englishmen use various titles and rewards present considerable difficulties for perception and understanding of sociocultural lacks of coincidence in the English and Russian cultures. Such nuances of Victorian culture have to be taken into account in the process of translation. The purpose of this article is to determine the methods of reproduction of culturally marked signs, which represent Victorian titles and rewards. To achieve this goal, we used a comprehensive comparative translation analysis, which is based on the methods of comparative, contextual, historically-cultural analysis. In the study there have been identified techniques that are most often used by translators to reproduce culturally marked signs of the text.

Keywords: translation, Victorian culture, titles, rewards.

Междисциплинарный характер художественного перевода не вызывает сомнения, исследования в области художественного перевода дополняются научными исследованиями многих ученых, чьи интересы лежат в сферах лингвистики, литературоведения, культурологии, психологии творчества, истории, стилистики. Каждое художественное произведение, художественное направление, литература какой-либо исторической эпохи порождает специфические проблемы для переводчика. Решение проблем такого рода возможно лишь при условии усвоения переводчиком достижений всех названных дисциплин в комплексе.

Классовая структура английского общества (особенно высшие его слои) имеет сложную иерархию званий и рангов и подразумевает существование сложной системы обращений, которые использовались в процессе общения. В своем произведении «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси изобразил портрет миссис Бейнз, женщины, которая своим поведением и внешним видом претендовала на право называться аристократкой: «*The only thing against her was that she had not a double name*» [8, с. 224]. – «*Единственное, чего ей не хватало, - это второго имени*» [1, с. 221]. Читателю перевода может быть непонятно, что означает эта фраза, поэтому в переводе полезно было бы пояснить, что «*Double-barrelled name*» (фамилия из двух частей) в Англии является признаком родовитости. Такая фамилия увеличивает престиж ее носителя, а в английском обществе такого рода нюансы воспринимались довольно выразительно. В начале XX века Сомса Форсайта, выходца из среднего класса, приятно щекочет аристократическое происхождение его зятя Майкла Монта, история семьи которого занесена в «Книгу баронетов». В тексте перевода объяснение английской социокультурной единицы «*баронет*» отсутствует. «**Bart**» – сокращение от «**baronet**» – первый (согласно иерархии) наследный дворянский титул. «Первый» совсем не означает «самый главный», «наиболее привилегированный». Баронет – это самый низкий из английских титулов. Знание такой информации может помочь читателю понять скрытый смысл многих викторианских романов, так как титул «баронет» часто встречается в произведениях английской литературы. Например, Джон Фаулз, представляя персонажа романа

«Любовница французского лейтенанта» Фримена, пишет: «...*or pouncing on the first chance of a title that offered for his dearly beloved daughter. To give him his due, he might have turned down a viscount as excessive; a baronetcy was so eminently proper*» [7, с. 245]. – «...он ухватился за первую же возможность раздобыть дворянский титул для своей горячо любимой дочери. Надо, впрочем, отдать ему справедливость: если бы представился случай сделать ее **виконтессой**, он, скорее всего, решил бы, что это чересчур; но Чарльз был **только баронет** – как раз то, что нужно» [4, с. 120]. Переводчица романа И. Комарова подчеркивает более низкий статус титула «**баронет**», по сравнению с «виконтом» с помощью наречия «только». «**Viscount**» – означает довольно невысокий титул, который находится между графом – «*earl*» и бароном «*baron*». **Виконт** – выше, чем барон, а барон, в свою очередь, выше, чем баронет. Успешный коммерсант мистер Фримен, который разбогател благодаря своим прибылям от галантерейных магазинов, мечтал ввести свою дочь в аристократическое общество. Такой переход в Британии нельзя было купить за деньги, но можно было приобрести, став женой аристократа. Персонаж романа У. Коллинза «Женщина в белом» Сэр Персиваль Глайд идет на преступление: для того, чтобы присвоить себе титул баронета, он мошенническим путем исправляет запись в церковной книге.

Сложным для перевода является слово «**Dowager**», которое часто встречается в произведениях викторианцев. «**Dowager**» – жена, которая унаследовала титул и высокий социальный статус от умершего мужа, землевладелица. «**Dowager**» – не просто «вдова», а благородная и богатая вдова. «*But the three most distinguished ... were the Dowager Lady Ingram and her daughters, Blanche and Mary*» [6, с. 184]. – «Но самыми эффектными ... показались мне **вдовствующая** леди Ингрэм и ее дочери Блэнш и Мери» [2, с. 185]. Переводчик романа В. Станевич выбрал для передачи «Dowager» нейтральный вариант «вдовствующая», что ведет к утрате таких коннотаций как богатство, знатность, аристократическое происхождение. Они нивелируются в переводе, тем самым обедняя сюжетные параметры и искажая авторский замысел.

Неправильно считать, что такие нюансы британской культуры не имеют существенного значения. Изучение английской литературы убеждает, что это не так. Социокультурные несовпадения такого рода нередко обыгрываются авторами в самых разнообразных ситуациях. Титулованные особы в Англии во все времена носили над головой особенный ореол, поэтому классы, которые были ниже, буржуа и чиновники считали большой честью быть представленными аристократу. Таким был Лестер Дедлок («Bleak House» Ч. Диккенса), для которого человек без титула (сам он носил титул баронета), вообще был не человеком, а каким-то более низким существом, созданным служить таким, как он.

Еще в начале пьесы О. Уайльд представляет в ремарке сжатую характеристику своих персонажей: «**The Earl of Caversham**» [10, с. 123] в

переводе – «*Граф Кавершем, кавалер ордена Подвязки*» [3, с. 1]. Подчеркивая значимость в английской культуре титулов, следует отметить, что титул «*Earl*» – «граф» в британской культуре не тождественен титулу «граф» в культуре других европейских народов. У англичан существует два слова для определения этого титула: «*count*» (романского происхождения) и «*earl*» (германского происхождения). «*Count*» – почетный титул, который даровали человеку в качестве вознаграждения за заслуги перед государством. «*Earl*» – наследуемый титул, который принадлежал только аристократу, который вел свою родословную с самых древних времен. Следовательно, он означал принадлежность к коренной англо-саксонской аристократии. Для англичан эти два титула имеют разное значение. В переводе эти коннотации утрачены, но переводчик добавляет характеристику «кавалер ордена Подвязки» для того, чтобы сразу полнее охарактеризовать героя пьесы.

Сына графа Кавершема О. Уайльд представляет как «*Viscount Goring*», а в переводе – *Лорд Горинг*. В этой же пьесе мы встречаем и титул «*vicomte*», который носит французский дипломат де Нанжак. Такое написание сразу же указывает на иностранца, француза. Во Франции титул «*vicomte*» на одну ступень ниже, чем «*comte*» (*граф*), а мы уже отмечали, что *comte* и *earl* далеко не одно и то же в социальном плане. В переводе же это понятное британцам различие нивелируется.

Важными для понимания художественного произведения английской литературы являются также особенности употребления титула «*Sir*» – «сэр» (не путать с официально-вежливым обращением). Этот титул также присуждали за личные заслуги перед государством, и он становился наследуемым. Англичане, которые получали звание «*knight*» («рыцарь»), носили титул «*Sir*» («сэр»), который употреблялся не перед фамилией, а перед именем, например, *Sir Francis Drake*, *Sir Alec Guinness*, *Sir Lawrence Olivier*, *Sir Elton Jones*. Британцы сразу же понимают, что это не наследуемый (как например, *Lord Goring*) титул, а то, что в царской России называлось «личным дворянством». Жена, которая получает такое «личное дворянство» за большие заслуги, называется «*Lady*», или «*Dame*»: *Dame Agatha Christie*, *Lady Thatcher*. Но нужно заметить, что «сэр» не всегда был «баронетом».

Определенные трудности для перевода представляют различные награды, которые в сопровождении других характеристик помогают изобразить портрет героя. Ордена и регалии вызывают в воображении читателя оригинального произведения четкий ассоциативный шлейф, связанный с многочисленными символическими значениями, воспроизведение которых требует от переводчика дополнительных знаний и общей эрудиции.

«*Enter Lord Caversham, an old gentleman of seventy, wearing the riband and star of the Garter. A fine Whig type*» [10, с. 126]. – «*Входит лорд Кавершем, представительный джентльмен лет семидесяти, с*

лентой и орденом Подвязки на шее. Тип старого вига» [3, с. 1]. Семиотическая единица, представленная в тексте оригинала лишь одним словом, может иметь значительную смысловую нагрузку, передавать оттенки, которые у читателя-англичанина не вызывают трудностей для понимания, вместо этого остаются неясными, непрозрачными для читателя перевода. Слово «*whig*» вмещает коннотации, чуждые для носителей русской культуры. Если обратиться к дополнительным источникам, мы узнаем, что «виги» - это члены политической партии, которая после так называемой «Славной революции» («*Glorious Revolution*») 1688 года, вела курс на подчинение королевской власти парламенту и высшим (аристократическим) классам общества. Виги были представителями старинных аристократических родов, что подразумевает целый ряд определяющих характеристик. В переводе эти характеристики остаются нераскрытыми и требуют объяснения. Поэтому когда О. Уайльд указывает в паратексте пьесы «Идеальный муж», что лорд Кавершем – «тип старого вига», то тут можно понять и давность рода, и аристократический гонор, и неизменность взглядов, и авторитарность характера.

Особенности английской культуры должны отображаться в переводе, поскольку при их отсутствии в картине мира русского народа они могут становиться причиной возникновения лакун в процессе восприятия и понимания художественного текста. Например, название пьесы Бернарда Шоу «*O'Flaherty, V.C.*» в переводе передана «*О'Флаэрти, кавалер ордена Виктории*» [5, с. 431]. На наш взгляд, переводчик пьесы выбирает правильный путь расшифровки аббревиатуры в названии пьесы. А также корректно объясняет значение ордена Виктории в комментарии: орден Виктории – это орден, которым награждали за выдающиеся заслуги перед Родиной. Вынесенная автором в название аббревиатура «*V.C.*» может остаться неизвестной читателю перевода, если переводчик не будет использовать комплексный подход к переводу: описательный перевод и объяснения в комментарии.

В ремарке к пьесе Б. Шоу «*Too True to Be Good*» («Горько, но правда») переводчица В. Топер верно передает предложение: «*His full style and title is Colonel Tallboys, V.C., D.S.O.*» [9, с. 1141] – «*Полностью его чин и звание гласят: полковник Толбойс, удостоенный креста Виктории и ордена “За примерную службу”*» [5, с. 428]. Переводчица расшифровывает аббревиатуры непосредственно в тексте ремарки, что дает возможность читателям перевода понять значение британских наград.

«*Star of the Garter*» является выразительным маркером британской культуры в целом и Викторианской эпохи, в частности (Лорд Стайн, персонаж романа «Ярмарка тщеславия», также был кавалером этого ордена). «Орден Подвязки» всегда был и до сих пор остается самой высокой наградой английского дворянства. На наш взгляд, этот маркер требует дополнительного объяснения в тексте перевода, так как его ассоциативный шлейф в переводе теряется.

Приходим к выводу, что культурно маркированные знаки, означающие титулы и награды, занимают важное место в британской картине мира и заслуживают вдумчивого воспроизведения в переводе.

Список использованных источников:

1. Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах / Под общ. ред. М. Лорие. Киев: государственное издательство худ. лит-ры, 1960. – Т.1. 368 с.
2. Бронте Ш. Джен Эйр: Роман/ Пер. с англ. В. Станевич. Минск: Оракул, 1992. 494 с.
3. Уайльд О. Портрет Дориана Грея: Роман. Рассказы. Пьесы / Пер. с англ. послесл. С.И. Бэлзы; Ил. А.П. Мелик-Саркисяна. М.: Правда, 1987. 480 с.
4. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта / Пер. с англ. М. Беккер, И. Комаровой. М.: ООО Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2000. 231 с.
5. Шоу Б.: Полное собрание сочинений в шести томах / Пер. с английского. Под общ. ред. А.А. Аникста и др. Л.: Искусство, 1979. – Т.3. 655 с.
6. Bronte, Charlotte. Jane Eyre. Cambridge: Galley Press, 1987. 476 p.
7. Fowles, John. The French Lieutenant's Woman. L.: Vintage, 2004. 445 p.
8. Galsworthy, J. The Man of Property / The Forsyte Saga. Moscow: Progress publishers, 1975. 383 p.
9. Shaw, G. B.: The Complete Plays. L.: Odhams Press Limited Long Acre, W.C., 1996. 1404 p.
10. Wilde O. An Ideal Husband / Five plays by O. Wilde (with an Introduction by Hesketh Pearson). USA and Canada: Bantam Books, 1961. P. 123-208.

УДК 372.881.111.

**ОТБОР ИДИОМАТИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ
В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИХ ПЕРЕВОДУ**

А. В. Шаврова,

*ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме определения критериев отбора идиоматичных речевых единиц англоязычного политического дискурса для обучения студентов-международников их переводу. Обоснована необходимость формирования переводческих умений у данного контингента обучаемых. В статье рассматривается понятие идиоматичных речевых единиц. Большое внимание уделено описанию их типов и выявлению их роли в политическом дискурсе. На примере фрагментов из политических речей определяется значимость критериев отбора идиоматичных речевых единиц для обучения студентов-международников их переводу.

Ключевые слова: политический дискурс, идиоматичные речевые единицы, критерии отбора идиоматичных речевых единиц.

Summary. The article is concerned with the problem of determining the criteria for selecting the idiomatic expressions functioning in English political discourse for teaching the students studying international relations to translate them. The need for acquiring skills in translation by these students is justified. The definition of idiomatic expressions is considered. Much attention is given to the description of their types and examination of their role in political discourse. The importance of the criteria for selecting the idiomatic expressions for teaching the students studying international relations to translate them is analyzed on the examples extracted from political speeches.

Key words: political discourse, idiomatic expressions, criteria for selecting idiomatic expressions.

Выразительность речи политика зачастую обеспечивается благодаря широкому использованию идиоматичных речевых единиц (далее – ИРЕ), под которыми понимаются «целостно воспроизводимые, устойчивые по структуре и значению, специфичные для определенного языка, национально-обусловленные смысловые единства различного языкового уровня, функционирующие в естественной и аутентичной речи носителей определенного языка» [13, с. 206].

В настоящей статье ИРЕ представлены на уровне словосочетаний: 1) фразеологические сращения, характеризующиеся наибольшей спаянностью элементов (*to sink under* / идти ко дну); 2) фразеологические единства, обладающие признаками семантической раздельности элементов (*by hook or by crook* / всеми правдами и неправдами); 3) фразеологические сочетания, один из компонентов которых употребляется в своем реальном значении (*to meet a demand* / удовлетворять требование) [2, с. 1]; и на уровне предикативных структур, которые А. В. Кунин называет коммуникативными фразеологическими единицами (поговорки, афоризмы и цитаты (*Hope springs eternal* / Надежда умирает последней)) [4].

В политическом дискурсе фразеологизмы выполняют ряд функций: директивную (реализует основную цель данного типа дискурса – борьбу за власть), экспрессивно-образную, эмоционально-образную, оценочную, контактоустанавливающую, кумулятивную (накопление и фиксация знаний) и гиперболизации [3].

Учёт важной роли фразеологизмов в политическом дискурсе обуславливает требование в образовательных стандартах и программах к формированию умений у будущих специалистов в сфере международных отношений вычленять в речевом потоке фразеологические единицы, интерпретировать их смысл и знать способы их передачи на иной язык при осуществлении перевода текстов профессиональной направленности [6; 8; 9; 10; 11; 12].

Эффективность обучения любому аспекту языка зависит от выделения критериев отбора материала, которые ряд исследователей предлагает разделять на основные и дополнительные [7, с. 14].

В настоящей статье в качестве ведущего выступает **критерий ориентации на выразительность речи**. В следующем фрагменте использование ИРЕ придает эмоциональную окраску высказыванию, что позволяет привлечь внимание адресата к проблеме. При переводе на русский язык данный эффект сохраняется лишь частично: ... *to compete with one hand tied beyond her back* [18] / ... **соревноваться на одинаковых условиях** [5].

Основному критерию отбора ИРЕ подчиняется ряд других.

Критерий частотности предполагает отбор наиболее употребительных ИРЕ, например: фразеологические сращения (*a ward heeler* / **мелкий политикан**), фразеологические сочетания (*big stick policy* / политика «большой дубинки») и т.д.

В соответствии с **тематическим критерием** осуществляется отбор ИРЕ согласно заданной тематике. Например, к теме “Government and political parties” относятся такие ИРЕ, как *invisible government* / **фактические правители**, *shadow cabinet* / **теневого кабинет** и др.

Критерий функционально-стилистической дифференциации учитывает возможность ИРЕ выступать в качестве средств, дифференцирующих функциональные стили речи. Так, в синонимичном ряду *lame duck – walking corpse – dead beat* (побежденный кандидат) все ИРЕ обладают эмоционально-экспрессивной окраской (*lame duck* имеет иронический оттенок, *walking corpse* и *dead beat* – презрительный), но имеют разную стилистическую маркированность (*lame duck* и *walking corpse* относятся к общелитературному пласту, а *dead beat* – к сленгу).

Согласно **критерию культурологической значимости** отбор ИРЕ осуществляется с учётом национального своеобразия культуры страны изучаемого языка и родной культуры, например: *the Old Glory* / американский флаг, *the White House* / Белый Дом и др.

Критерием контекстуальной соотнесенности подразумевает отбор ИРЕ, которые могли бы служить примером того, как контекст помогает переводчику выбрать правильный вариант перевода. Например, фразовый глагол *to hole up* может иметь несколько контекстных значений: 1) ... *who is currently holed up at the Ecuadorian embassy* ... [15] / ...**который на настоящий момент скрывается в посольстве Эквадора** ...; 2) ... *the bears hole up* ... [16, с. 34] / ... **медведи впадают в спячку** ... (здесь и далее перевод автора статьи – А. Ш.).

Согласно **критерию интенционального соответствия ИРЕ цели политического высказывания** осуществляется отбор ИРЕ, выполняющих свои основные функции в рамках различных жанров англоязычного политического дискурса. В следующем фрагменте из предвыборной речи ИРЕ выполняет директивную функцию: ... *we were not going to take a knee* ... [17] / ... **мы не собираемся сдаваться**.

Критерий учета межъязыковой и межкультурной интерференции предусматривает отбор ИРЕ, иллюстрирующих полное

или частичное несовпадение культурологических фонов с целью предотвращения культурной интерференции. Так, фразеологизм *быть в чей-то шкуре* в ходе обучающего эксперимента был переведен некоторыми студентами дословно как *to be in someone's skin* (skin - шкура) вместо *to be in someone's shoes* (shoes - ботинки).

На основе **критерия жанровой дифференциации** отбираются ИРЕ, функционирующие в текстах того или иного жанра. Например, фразеологизм *a lame duck* (провалившийся на выборах кандидат) используется исключительно в предвыборном дискурсе.

Критерий ориентации на коммуникативные стратегии предполагает отбор ИРЕ, используемых для реализации коммуникативных стратегий и тактик англоязычного политического дискурса. Следующий пример иллюстрирует реализацию персуазивной стратегии и тактики призыва в ее рамках: ... *you have to fight fire with fire* [19] / ... *вам придется вышибать клин клином*.

Критерий соответствия отбираемого материала профилю обучения означает отбор ИРЕ, семантика которых должна соотноситься с будущей профессиональной деятельностью обучаемых.

Критерий посильности предполагает соответствие корпуса ИРЕ программным требованиям, когнитивным и психологическим особенностям студентов-международников.

Под **критерием достаточности** подразумевается отбор определенного объема ИРЕ, необходимого для достижения цели учебной деятельности на данном этапе обучения.

Отобранные ИРЕ организуются по структурному типу: на уровне словосочетаний и предикативных структур.

Таким образом, отбор и организация ИРЕ составят содержательную основу комплекса упражнений, направленных на обучение будущих специалистов в сфере международных отношений переводу ИРЕ англоязычного политического дискурса.

Список использованных источников

1. Гаврин С. Г. Фразеология русского языка. М.: Просвещение, 1967. 192 с.
2. Кунин А. Н. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. 381 с.
3. Никсон Р. Обращение к нации, обосновывающее новую экономическую политику: «Проблема мира» [Электронный ресурс] // Golden Front. 1971. URL: <https://goldenfront.ru/articles/view/mrachnyj-yubilej-rech-prezidenta-ssha-richarda-niksona-ob-otmene-zoloto-obmennogo-standarta-ot-15-av/> (дата обращения: 16.12.2018).
4. Паспорт компетенции ОК-5. 2017. 4 с.
5. Перевёрткина М. С. Методика обучения переводу английских фразовых глаголов студентов переводческого отделения (3 – 5 курсы): дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010. 256 с.

6. Приказ Минобрнауки России № 202 от 12.03.2015 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 41.03.01 Зарубежное регионоведение (уровень бакалавриата)», 2015. 11 с.
7. Приказ Минобрнауки России № 465 от 21.04.2016 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 41.03.05 Международные отношения (уровень бакалавриата)», 2016. 21 с.
8. Приказ Минобрнауки России № 939 от 07.08.2014 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 41.03.04 Политология (уровень бакалавриата)», 2014. 14 с.
9. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 № 941 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 41.03.03 Востоковедение и африканистика (уровень бакалавриата)», 2014. 18 с.
10. Рабочая программа дисциплины «Иностранный язык (английский, основной продолжающий)». Направление подготовки 41.03.05 – Международные отношения (МИЭП). Направленность (профиль) подготовки – Международные отношения и энергетическая дипломатия. Квалификация (степень) выпускника – бакалавр. Форма обучения – очная. М: МГИМО, 2017. 132 с.
11. Тарнаева Л. П., Осипова Е. С. Использование ресурсов корпусной лингвистики при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9. Ч. 1. С. 205-209.
12. Шатилов С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе: учеб. пособие для студентов фак-тов и ин-тов иностранных языков. М.: Просвещение, 1977. 295 с.
13. David Smith. Arresting Julian Assange is a priority, says US attorney general Jeff Sessions [Electronic Resource] // The Guardian. 2017. – Mode of access: URL: <https://www.theguardian.com/media/2017/apr/21/arresting-julian-assange-is-a-priority-says-us-attorney-general-jeff-sessions> (дата обращения: 12.03.2018).
14. Lynn & Ed Readicker-Henderson. The Alaska Highway. Hunter Publishing, Inc., 2001. 462 p.
15. Michael Wayland. Transcript: Obama's remarks during UAW conference in Washington D.C. [Electronic Resource] // MLive. 2012. – Mode of access: URL: http://www.mlive.com/auto/index.ssf/2012/02/transcript_obamas_remarks_duri.html (дата обращения: 03.05.2018).
16. Nixon Richard. The end of Gold to Dollar Convertibility [Electronic Resource] // Beer&Politics. 1971. – Mode of access: URL: <http://www.beersandpolitics.com/discursos/richard-nixon/the-end-of-gold-to-dollar-convertibility-/1007> (дата обращения: 16.12.2018).

17. Waldman Paul. Trump's response to terrorism is both weak and barbaric. [Electronic Resource] // Washington Post. 2016. – Mode of access: URL: https://www.washingtonpost.com/blogs/plum-line/wp/2016/06/29/trumps-response-to-terrorism-is-both-weak-and-barbaric/?noredirect=on&utm_term=.830d9d0515cb (дата обращения: 20.12.2018).
18. Авдевич Н. В. Семиотические и когнитивные аспекты исследования фразовых глаголов // Вестник МГЛУ. 2009. № 572. С. 89 – 99.
19. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140 – 161.

УДК 81-26: 347.78.034

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА ИСТОРИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ КРЫМА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Д. А. Шалыга,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена вопросам перевода исторических топонимов Крыма на немецкий язык. Для передачи крымских исторических топонимов в немецкоязычном тексте важен язык происхождения названия. В работе представлен ряд топонимов, происходящих из греческого языка, их традиционная передача в немецкоязычном научном тексте и возможная вариативность в туристическом дискурсе.

Ключевые слова. Исторические топонимы Крыма, репрезентация топонимов в немецком языке, транслитерация из греческого языка, транскрипция из русского языка.

Summary. The article is devoted to the translation of Crimean historical toponyms into German language. For the translation of the Crimean historical toponyms in the German-language text, the language of origin of the name is important. The article presents a number of toponyms originating from the Greek language, their traditional transliteration in the German-language scientific text and the possible variability in the tourist discourse.

Keywords. Crimean historical toponyms, representation of toponyms in German, transliteration from Greek, transcription from Russian.

Изучение способов перевода исторических топонимов Крыма, названий государственных образований, населенных пунктов и более мелких объектов, например, культовых и т.п., существовавших в разные периоды истории полуострова, имеет большое практическое значение. Научное сотрудничество и развитие туристической инфраструктуры обуславливает потребность в качественном переводе довольно широкого спектра текстов о памятниках истории, археологии, архитектуры

Крымского полуострова. Данные тексты отличает не только их жанр (публикация в научном журнале, монография, туристический справочник, путеводитель, сайт туристического объекта и т.д.), но и целевая аудитория (специалисты, интересующиеся неспециалисты). В задачи представленного здесь исследования входит обобщение переводческого опыта и рассмотрение возможной вариативности перевода исторических топонимов в зависимости от жанровой и прагматической специфики текста.

Для передачи крымских исторических топонимов в немецкоязычном тексте большое значение имеет язык происхождения названия. Многие исторические топонимы Крыма происходят из древнегреческого / греческого языка. К ним, например, относятся названия городов, основанных в античный период греческими колонистами на территории Крымского полуострова: Пантикапей – *Pantikapaion*, Нимфей – *Nymphaiion*, Китей – *Kytaion*, Тиритака – *Tyritake*, Илурат – *Iuraton*, Мирмекий – *Murmekion*, Феодосия – *Theodosia*, Херсонес – *Chersonesos*, Керкинитида – *Kerkinitis*, Калос Лимен – *Kalos Limen* и др. Как показывают приведенные примеры, в немецкоязычных научных трудах по истории и археологии используется транслитерация этих топонимов из древнегреческого языка.

В эту группу также входит название столицы позднескифского государства: Неаполь – *Neapolis*. Топоним упоминается двумя письменными источниками, он известен из «Географии» Страбона и херсонесского Декрета в честь Диофанта, сына Асклепиодора, из Синопы [2, с. 8; 6, VII, IV, 7; 12, VII, IV, 7, с. 428; 7, III, 8]. Определение «скифский» в структуру названия вошло позже, очевидно, для уточнения, о каком именно Неаполе идет речь. В немецкоязычных работах историков и археологов наибольшее распространение получили следующие варианты передачи латиницей: Неаполь скифский – **Neapolis Scythica** / *Neapolis Skythika*, **Neapolis Scythicae** / *Neapolis Skythike*. Они используются как в сугубо научных публикациях, так и в научно-популярных изданиях для широкого круга читателей (см., например, каталог выставки «Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden» [13]).

В рекламно-информационных текстах для туристов, авторы или переводчики которых, вероятно, мало знакомы с объектом описания, встречаются довольно разнообразные, часто содержащие ошибки обозначения данного туристического объекта: *skyphisches Neapel*, *die antike Stadt Neapel-skythische*, *Skythen Neapel* и т.д. Параллели между названиями городов в Крыму и Италии провести можно (оба названия происходят из греческого языка и означают «Новый город»), но в данном случае они приведут к передаче исторического топонима обозначением другого современного города и к ложным ассоциациям. Переводческое решение должно учитывать задачи рекламно-информационного текста в туристическом дискурсе: привлечь внимание к достопримечательности, мотивировать к ее посещению и помочь к ней добраться. Принимая во внимание также описываемую В. В. Кабакчи тенденцию к

«ксенонимической реставрации» [4], считаем целесообразным при первом назывании туристического объекта указать два варианта топонима. Сначала с помощью транскрипции / транслитерации обеспечить иностранцу, находящемуся в русскоязычной языковой среде, правильную идентификацию объекта, а потом в скобках указать традиционное название: Neapol' Skifskij (Neapolis Skythika).

К группе греческих названий можно отнести и крымский исторический топоним Боспор (Bosporos / Bosporus). Он использовался как название пролива, государственного образования на его берегах, а с IV в. наряду с названием Пантикапей применялся и по отношению к столице Боспорского государства [3, с. 1]. В современной русскоязычной научной литературе сохраняется многозначность обозначения, что обуславливает дифференцированный подход к его передаче в немецкоязычном тексте: *der Kimmerrische Bosporos* – название пролива, *das Bosporanische Reich* – название государства, *Bosporos* – название города. Выражение «на Боспоре», часто используемое историками и археологами в значениях: 1. на берегах Боспора Киммерийского; 2. на территории Боспорского государства, в зависимости от контекста соответственно может получить следующие варианты перевода: *am Bosporos*, *am Kimmerischen Bosporos*, *im Bosporanischen Reich*. Если первый вариант допустим в тексте, написанном и переводимом для специалистов, то в текстах туристического дискурса более уместно использование конкретизированных вариантов, т.е. полных названий. Топоним «Боспор Киммерийский» (*der Kimmerische Bosporos*) является историческим и менее известен, чем топоним «Босфор» (*der Bosporus*) – название пролива между Европой и Малой Азией, соединяющий Черное море с Мраморным. Необходимо также отметить, что в немецкоязычных текстах термин «государство» (*der Staat*) по отношению к когда-то существовавшим государственным образованиям, как правило, не используется. В структуре названия отражение получает форма государства, например, Боспорское государство, Боспорское царство – *das Bosporanische Reich*.

Исторические топонимы Алустон и Горзувиты известны из произведения Прокопия Кесарийского «О постройках», написанного на греческом языке [1, с. 7; 5, III, VII, 11]. В переводах его труда или у исследователей, ссылающихся на Прокопия Кесарийского, встречаются варианты транслитерации / транскрипции этих названий латиницей: *Aluston* и *Gorzuvitae* [14, p. 71], *Aloustou* и *Gorzoubitae* [11, III, VII, 11], *Alustu*, *Gorzubitai* [10, S. 77–78, Abb. 1, S. 94], *Aluston und Gorzuvitae (Gorzubity)* [9, S. 94]. Наличие вариантов в авторитетных научных работах – как в этом случае, так и в случае вариантов передачи латиницей названия Неаполя Скифского – предполагает консультации переводчика с редактором издания или принятия переводческого решения в соответствии с общим подходом издания к способам перевода исторических топонимов.

Таким образом, целый ряд исторических топонимов Крыма, происходящих из греческого языка, требует знакомства переводчика с традиционными способами их передачи латиницей в авторитетных научных изданиях. Задачи массовой рекламно-информационной печатной продукции в туристической сфере обуславливают введение в текст перевода наряду с традиционным обозначением транскрипции названия из русского языка.

Список использованных источников

1. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские Готы страны Дори (середина III – VII в.) / приложение Д. А. Шалыги. Симферополь: ООО «Антиква», 2017. 368 с.
2. Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.): Монография. Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.
3. Иваненко П. И., Иванина О. А. Керчь: история имени. Этимологический очерк. Керчь: Керченский государственный историко-культурный заповедник, 1996. 16 с.
4. Кабакчи В. В. Святой Мартин и Петербургская капелла [Электронный ресурс] // vorto: Информационно-публицистический образовательный портал о языке в эпоху глобализации. URL: <http://vorto.ru/statyi/svyatoy-martin-i-peterburgskaya-kapella> (дата обращения: 18.02.2019).
5. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. / Пер. С. П. Кондратьев. М.: Арктос, 1996. [Электронный ресурс] URL: http://myriobiblion.byzantion.ru/prokorij/p_aed3.htm (дата обращения: 05.02.2019).
6. Страбон. География. Книга VII. [Электронный ресурс] // История Древнего Рима. Античная литература. Страбон. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1260070000#7-4> (дата обращения: 08.02.2019).
7. Херсонес. Декрет в честь Диофанта, сына Асклепиодора, из Синопы, около 110 г. до н. э. [Электронный ресурс] // IOSPE. Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea. III 8. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/3.8-ru.html> (дата обращения: 08.02.2019).
8. Шалыга Д. А. Специфика перевода на немецкий язык крымской топонимики // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 630-634.
9. Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim im Frühmittelalter // Monographien des RGZM. Bd. 98. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2011. 276 S. 1–32 Taf.
10. Khrushkova L. G. Krim (Chersonesus Taurica) // Reallexikon für Antike und Christentum: Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt / Hrsg. G. Schöllgen u.a. Stuttgart: Anton Hiersemann Verlag, 2007. – Bd. XXII. – P. 75–125.

11. Procopius. Volume VII. On Buildings / Translated by H. B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940. P. 3–363.
12. Strabonis Geographica. / Recogn. A. Meineke. 1877. [Electronic Resource] Mode of access: <http://www.archive.org/stream/strabonisgeogra01meingoog#page/n49/mode/2up> (дата обращения: 08.02.2019)
13. Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg: Kehrer Verlag, 1999. 176 S.
14. Vasiliev A. A. The Goth in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. 292 p.

УДК 811.12

ТОПОНИМИКА ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И СЕВАСТОПОЛЯ: НЮАНСЫ ПЕРЕВОДА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ЭТИМОЛОГИЯ

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Д. И. Гординов,

магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Исследование и перевод топонимов Крыма на иностранный язык – нелегкое, но весьма интересное занятие. Нередко возникают проблемы при переводе, связанные с выбором приемов перевода. В таком случае есть необходимость обратиться к истории и этимологии имени собственного, чтобы объяснить замысловатые названия, порой формировавшиеся тысячелетиями. В данной работе рассматриваются топонимы Гераклейского полуострова и Севастополя и предлагается их перевод на французский язык.

Ключевые слова: топонимы, перевод, реалии, Севастополь, Крым, Гераклейский полуостров, ономастика, этимология.

Summary. The research and translation of Crimean toponyms into foreign languages are not easy but a very interesting work. There are some problems in translation in choosing the appropriate equivalents. In this case there is a necessity to turn to the history and etymology of the proper name to explain tricky names which were formed for millennia. The article deals with toponyms of Heracleic Peninsula and Sevastopol and their translation into French.

Key words: toponyms, translation, realia, Sevastopol, Crimea, Heracleic Peninsula, onomastics, etymology.

Перевод имен собственных, в целом, а в частности топонимов, может показаться странным. Зачем переводить то, что на всех языках будет иметь

одинаковое звучание? Севастополь будет Севастополем, но может возникнуть необходимость объяснить данный топоним, его происхождение. Учеными отмечается, что топонимы являются своего рода историческими памятниками. Даже изменив свой облик со временем, став более похожими на слова современного языка, они могут рассказать о прошлом.

Крым – место межъязыковых контактов и смешения культур, народов. Таким образом топонимы Крыма, хранят в себе культурную информацию и позволяют ознакомиться с особенностями интерпретации реалий данного региона.

Что же такое имя собственное? «Имена собственные – это группа лексики, обладающей однозначной соотнесенностью с явлениями действительности. Следовательно, они способны представлять объект не только как лингвокультурную реалию, но и – в первую очередь – как особое, исключительное, не обобщаемое явление в мире» [1, с. 194]. Учитывая вышесказанное, передача имен собственных, в частности топонимов, представляет некоторые сложности. Имена собственные передаются с помощью уже существующих, закрепленных эквивалентов (**Крым** – «*la Crimée*»), с помощью транскрипции (**Керчь** – «*Kertch*»), с помощью транслитерации (Крым – Krim). Реже используется «традиционный», учитывающий семантику корневой морфемы перевод.

В настоящее время лингвисты чаще прибегают к переводческой транскрипции топонимов, не закрепленных в ЯП согласно современным правилам переводческой транскрипции. Так, например, российский лингвист Д.И. Ермолович считает, что звуковая система первична, а письменная вторична. Согласно ученому, топонимы можно разделить на *единичные* и *множественные*. Известность объекта часто способствует тому, что коммуникативная сфера, в которой реализуется референция топонима, расширяется до всего языкового коллектива. В этом случае признаки референта, подразумеваемые в значении топонима в речи, приобретают общеязыковой статус.

Практически каждый говорящий связывает с топонимом **Paris** такие признаки, как крупный город на реке Сене, столица Франции, топоним **Florida** ассоциируется со штатом и полуостровом на юго-востоке США. Поскольку информация об этих языковых единицах заключена в самих названиях для всего языкового коллектива, она кодифицируется на уровне языка-системы. Такие топонимы известный лингвист называет *единичными*. Автор отмечает, что остальные топонимы, существующие практически в речи и лишь потенциально способных получить языковой статус с полнозначным индивидуализирующим значением, – топонимы *множественные*. На топографической карте мы можем встретить большое множество топонимов, образованных по продуктивным моделям (*Трудовое, Пшеничное, Орехово, Прибрежное, Орлиное* и др.). Нередко одно и то же название может встречаться в одном регионе. Например, в Республике Крым: с. *Пшеничное* Нижнегорского района и Первомайского.

Слово *топоним* происходит от греческого: «*topos*» – «место» и «*ονομα*» – «имя, название». Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» под редакцией В. Н. Ярцевой, топоним – это «собственное наименование географического объекта (реки, населенного пункта и т.п.)» [6]. Наука, занимающаяся их изучением – топонимика. Топонимика – «раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени. Совокупность топонимов на какой-либо территории составляет ее топонимию» [6, с. 515–516].

В наше время ни одна наука не возникает и не развивается обособленно. Происходит взаимовлияние различных наук. Это затрагивает и топонимику, так как наука развивается на стыке географии, истории и языкознания. Топонимы являются одной из наиболее ранних форм отражения географической действительности в сознании человека, они возникли для удобства людей при ориентировании на местности.

В учебном пособии «Введение в переводоведение» И. С. Алексеева [1] уточняет, что межъязыковая переводческая транскрипция – это пофонемное уподобление слова, звучащего на языке оригинала, новому слову, формируемому в тексте перевода.

Проанализировав таблицы межъязыковой транскрипции некоторые ученые отмечают, что процесс транскрибирования с русского языка на иностранные основан на принципе фонетического сходства типичного звучания русской графемы с соответствующей графемой ЯП в ее звучании.

Материалом данного исследования являются топонимы Севастополя и Гераклейского полуострова.

Топоним **Севастополь** образован из двух греческих слов «*sebastos*» – «священный», «высокочтимый» и «*polis*» – «город». Такое название город получил благодаря указу Екатерины II в 1783 году. На месте нынешнего Севастополя существовал небольшой татарский город **Ахтиар** (от татарского “*Ах/ак* – белый, *яр/ар* – крутой берег, обрыв у моря). Павел I, правивший после Екатерины II вернул городу прежнее название будучи противником политики своего предшественника, но после его смерти городу было возвращено греческое название. На Генеральной карте Таврической губернии 1822 года (на французском языке) встречается топоним *Sewastopol*, в современном французском языке – *Sébastopol*. Н. А. Съедин уточняет: «Свое название получил в память бывшего у древних греков на Черном море города *Себастополис* (он же *Диоскурида*), который находился на кавказском побережье в районе Сухумской бухты» [4, с. 126]. В зависимости от ситуации может потребоваться разъяснительный комментарий, который переводчик должен уметь сделать.

Гераклейский полуостров расположен на крайнем юго-западе Крымского полуострова. С севера ограничен Севастопольской бухтой (узкий залив, протянувшийся на 8 км вглубь полуострова до Инкермана), с юго-запада – морем, на севере и северо-востоке его ограничивает долина

реки Черной, с востока и юго-запада – Балаклавские высоты. В древнем мире полуостров был территорией города-государства Херсонеса Таврического, основанного в V в. до н. э. греками, выходцами из города Гераклея Понтийская (ныне Эрегли в Турции) в Малой Азии. Название города, а, следовательно, и полуострова, связано с героем греческой филологии – Гераклом. Было и другое название у этого полуострова – **Трахейский**, обязанное своим происхождением, возможно, неровной поверхности каменистой равнины (от греч. *trahis* – *грубый, шероховатый*). Другая версия происхождения названия также связана с греческим происхождением. Слово «*trahia*» – *горло*, что отражает изрезанный бухтами рельеф полуострова. В XIX веке полуостров нередко именовали как «Ираклийский».

При переводе на французский язык используем смешанный тип перевода: 1. *presqu'île d'Héraclès*; 2. *presqu'île Guérakleïskii*. Вариант 1: топоним переведен учитывая его происхождение от имени древнегреческого героя мифологии – антропонима «Геракл». Вариант 2: переведен с помощью транскрипции.

Херсонес Таврический – древний город в Крыму расположившийся на Гераклейском полуострове. Основан в V в. до н. э. Основан в период древнегреческой колонизации берегов Черного моря выходцами из Гераклеи Понтийской. С греческого «*hersonisos*» – «*полуостров*». Другие название Херсонеса в разные эпохи: в генуэзский период – **Сарсона**, в летописях Древней Руси – **Корсунь**. Стоит отметить, что город Корсунь связан с крещением Руси.

В данном случае во французском языке существует традиционное готовое соответствие: ***Chersonèse Taurique***.

Аскети – гора, расположенная на побережье Черного моря в 2 км восточнее входа в Севастопольскую бухту. Оврагом Шайтан-Дере она отделена от находящейся западнее горы Крепостной. На склоне горы Аскети имеется родник Кефало-Вриси или Мане Тунеро, водой которого снабжалась крепость Чембало. Название горы происходит из греческого языка «*askitis*» – «*аскет*». Греческое название горы исследователи связывают с легендой о жившем когда-то на ней отшельнике-аскете. Известно и другое название горы – **Спилия** (от греческого «*spilio*» – «*пещера*»).

На французский язык передаем с помощью транскрипции: ***Askéti***. Возможен переводческий комментарий: *Askéti (un ascète) est une montagne située au bord de la mer Noire à l'ouest de la Crimée. Connue aussi sous le nom Spilia (une caverne).*

Кефало-Вриси, с греческого – «*голова источника*». Родник, находящийся на западном склоне горы Аскети (Спилия) в вершине одноименной балки. От этого родника по балке в средние века был проложен керамический водовод в одну из генуэзских башен, находящейся на Крепостной горе, где был установлен накопительный резервуар для

обеспечения водой крепости Чембало. Известно и другое его название – *Мане-Тунеро* (с греческого – «*Мать вод*»).

На французский язык переводим с помощью транскрипции: *Kéfalo-Vrissi*. Переводческий комментарий: *Kéfalo-Vrissi est une source d'eau située sur la montagne Askéti Spilia. Auparavant d'ici commençait un conduit d'eau qui alimentait une forteresse génoise Cembalo. Connue aussi sous le nom Mané-Tounéro (la Mère d'eau).*

Крепость Чембало – средневековое укрепление генуэзцев над Балаклавой XIV века. Крымский хан, заключив с ними в 1380 году мирный договор, признал за генуэзцами право владения крепостью, которая с этого времени стала именоваться Чембало (Цембало, Цембальдо). Летом 1475 года Чембало захватывают турки, дав крепости новое название – Балык-юве (Рыбье гнездо) или Балык-кая (Рыбная скала).

При переводе на французский язык используем смешанный тип перевода: *forteresse Cembalo*. Переводческий комментарий: *Cembalo est une forteresse génoise médiévale située à Balaklava, construite au XIV siècle.*

Малахов курган – господствующая высота на юго-восточной части Севастополя. Название кургана, как поясняет одна из версий, связано с именем отставного военного моряка Михаила Малахова, который был весьма уважаемым человеком на Корабельной стороне, одним из первых, поселившихся у подножия кургана. Во время обороны Севастополя в 1854-1855 гг. Малахов курган был ключевой позицией левого фланга обороны. Тут находился главный бастион Корабельной стороны, который после гибели вице-адмирала В. А. Корнилова стали называть Корниловским. Здесь французские войска вели самые яростные штурмы. Однако овладеть курганом неприятелю удалось лишь после 11-месячных боев. Потеря Малахова кургана предрешила исход обороны города.

Во французском языке данный топоним закрепился в значении: *Malakoff*, «курган» передаем с помощью кальки: *un tumulus – tumulus Malakoff*.

Интересно отметить, что в швейцарском варианте французском языке появился ксеноним «*Malakoff*». Это своего рода гастрономический свидетель Крымской войны. Из швейцарского издания «Наша Газета» мы узнаем, что во время осады Севастополя войсками француско-английской коалиции, в которых служили и швейцарские солдаты. Бои затянулись более чем на год. На бивуаках солдаты часто ели маленькие кусочки сыра, которые поджаривали на сковородке или просто разогревали у костра. 8 сентября 1855 года французской армии удалось овладеть Малаховым курганом. Севастополь пал, а через полгода завершилась и Крымская война. Швейцарские солдаты из кантона Во, вернувшись на родину, решили каждый год отмечать годовщину взятия Севастополя. Как когда-то на отдыхе они собирались вокруг костров и поджаривали кучки сыра в масле, закусывая их хлебом и запивая вином. В память о штурме неприступной

севастопольской крепости солдаты назвали блюдо в честь знаменитого кургана – *le Malakoff*.

Как было отмечено ранее заниматься топонимикой невозможно обособленно. Необходимы знания в области географии и истории. Этимологические словари и исторические источники нам дают более широкую информацию о топонимах. Представленные примеры являются лишь небольшой наглядной частью работы. В них продемонстрирована динамика изменения с течением времени. При переводе топонимов на французский язык необходимо проверять есть ли уже существующие варианты перевода, и как показывает практика, предпочтительнее использовать транскрипцию при переводе, не забывая об особенностях фонетической системы французского языка. При необходимости можно дать переводческий комментарий.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, М.: Издательский центр «Академия», 2012. 368 с.
2. Кесменджи П. А., Кесменджи Г. П. История княжества Феодоро. Греческая топонимика Крыма. Симферополь: КРП Издательство «Крымучпедгиз», 2011. 196 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Съедин Н. А. Что в имени твоём? О значении крымских названий. Симферополь: Оригинал-М, 2008. 181 с.
5. Шалыга Д.А. Специфика перевода на немецкий язык крымской топонимики // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 630–634.
6. Ярцева В. Н. Языкознание. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

УДК 811.12

ПЕРЕВОД ИДИОНИМОВ И КСЕНОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ НАТАЛИ САРРОТ «ДЕТСТВО»

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

К. А. Заикина,

магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Идиокультуронимы и способы их перевода с одного языка на другой нередко вызывают трудности. Главной проблемой их перевода является отсутствие эквивалентов и восприятие культуронимов представителями другой культуры. Таким образом возникает вопрос выбора способа перевода, который бы обеспечивал обратимость данных единиц для иноязычной культуры. В статье анализируются идиокультуронимы, встречающиеся в произведении Н. Саррот «Детство» и способы их перевода, как во время «внутреннего» перевода самой писательницы при создании франкоязычного текста, так и в русскоязычном тексте переводчика Л. Зониной.

Ключевые слова: идиокультуроним, перевод, идионим, ксеноним, Натали Саррот, культура.

Summary. Idioculturonyms and ways of translating them from one language to another often cause difficulties. The main problem of their translation is the lack of equivalents and the perception of culturonyms by representatives of another culture. Thus, the question arises of choosing a translation method that would ensure the reversibility of these units for a foreign language culture. The article analyzes the idioculturonyms in the work of N. Sarrot “Childhood” and the methods of their translation, both during the “internal” translation of the writer herself when creating the French text, and in the Russian text, translated by L. Zonina.

Keywords: idioculturonym, translation, idionym, xenonym, Natalie Sarrot, culture.

Материалом исследования послужила автобиографическая повесть Натали Саррот «Детство» и перевод данного произведения на русский язык Л. Зониной.

Натали Саррот – французская романистка, критик, драматург. Своё детство она провела в России, в 8 лет переехала во Францию и всю жизнь прожила там, занимаясь литературой. Автор является носителем французского языка, но в произведениях изображает реалии своей культуры народа. Её произведение «Детство» представляет интерес для исследования реалий русского народа и их отображения во французском языке, а также изображение французских реалий.

В тексте оригинала содержатся единицы, передающие специфику русской культуры, которые сама автор Н. Саррот перевела с русского на французский, осуществив так называемый «внутренний перевод». Они переданы с помощью заимствования, калькирования и гибридных образований, характеризующихся уверенной обратимостью, что позволило переводчику Л. Зониной впоследствии легко сопоставить их с русским коррелятом при переводе текста на русский.

Когда человек соприкасается с иной национально-культурной и языковой средой, он сталкивается с непривычными ему ценностями, явлениями и правилами, которые необходимо знать и учитывать для полного понимания других лингвокультур. Для понимания таких явлений

необходимо охарактеризовать культуру и язык народа, а также модели поведения, традиции, образы жизни той или иной социальной группы.

В повести «Детство» в подробностях описаны ранние годы автора, проведённые в России, поэтому, читая произведение, можно окунуться в русскую культуру, а русскоязычные люди, прочитав перевод, могут ознакомиться и с французскими реалиями.

Таким образом, благодаря соприкосновению русской и французской культур, данное произведение наполнено идиокультуронимами, которые зачастую представляют трудности для переводчика. Идиокультуронимы – это специальная культурная лексика, закреплённая за специфическими элементами культур. Определение этим единицам дают В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазова: «культуронимы, закреплённые за специфическими элементами культур, будем называть идиокультуронимами (от греч. «идиос», «своеобразный» + «оним»), независимо от конкретного языка и конкретной культуры [2, с. 26]. Авторы также отмечают, что в традиционной лингвистике данная лексика часто называется «языковыми реалиями», например, в трудах М. М. Морозова, А. А. Реформатского, А. В. Кунина, С. Влахова и С. Флорина и др.

Согласно классификации В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазовой, идиокультуронимы делятся на две группы:

- идионимы («свои» идиокультуронимы),
- ксенонимы («чужие» идиокультуронимы).

Идионимы (от греческого *idios*, «своеобразный» + «оним») – это идиокультуронимы, закреплённые за специфическими элементами «своей», внутренней культуры. Идионимы – это внутрикультурная специфическая лексика (внутрикультурные языковые реалии), возникшая в результате первичного обозначения культурных элементов [2, с. 27].

Рассмотрим идионимы на примере французского текста, так как он является аутентичным и их передачу на русский язык в переводе Зониной. В качестве идионимов можно отметить употребление имён собственных, таких как: *Paris* – Париж, *France* – Франция, которые были переданы способом замены идионима аналогом, так как в русском языке данные топонимы вошли в слой общеупотребительной лексики; *la rue Flatters* – улица Флаттер, *la place de Medicis* – площадь Медичи, *boulevard Port-Royal* – бульвар Пор-Руаяль, *les grilles du Grand Luxembourg* – ворота Люксембургского сада, такие топонимы представляют собой гибридный перевод, так как сочетают в себе перевод с помощью эквивалентов, например «la rue» – «улица», и перевод с помощью транскрипции «Flatters» – «Флаттер» или эквивалент «la place» – «площадь» и перевод посредством транскрипции «Médicis» – «Медичи».

Также в тексте встречаются и бытовые идионимы, переданные с помощью транскрипции или транслитерации например: *un canapé* – канапе, *des cerceaux* – серсо (игра в обруч), *le salon* – салон, *les sabots* – сабо (обувь на деревянной подошве), *le pince-nez* – пенсне (вид очков). Проанализировав

передачу данных единиц на русский язык в переводе Зониной, можно сделать вывод, что они были переданы с помощью транскрипции, транслитерации, аналога или гибридным переводом, для сохранения образности французской культуры.

Ксенонимы (от греческого *xenos*, «чужой» + «оним») – это идиокультуронимы, относящиеся к наименованиям специфических элементов иноязычной, внешней культуры, которые вошли в слой общеупотребительной лексики языка межкультурного общения.

Можно привести в пример употребление слов «бонн» и «гувернантки» в тексте перевода Л. Зониной. Для начала, рассмотрим контекст с данными словами в тексте оригинала: *C'est la salle à manger des enfants où ils prennent leurs repas, sous la surveillance de leurs bonnes et gouvernantes* [5, с. 6] (Это столовая, где дети принимают пищу под надзором своих *бонн и гувернанток*) [4, с. 7]. Несмотря на то что, в русском языке и культуре существует прототип данных слов – «няня», в переводе сохраняется французские реалии «бонн» и «гувернантка», переданные с помощью транскрипции. Данные реалии используются для придания местного колорита. Далее в тексте перевода слово «*la bonne*» переведено как «няня» для понимания произведения русским читателем. Также в аутентичном тексте используется вариант «*niania*» с целью отобразить русскую культуру для французского читателя: *Les domestiques sont comme il se doit gentiment familiers et dévoués... Rien ne manque... même la vieille «niania» douce et molle dans son châle et ses jupes amples...* [5, с. 25]. (Слуги, как это положено, дружелюбно-непринужденны и преданны... Ничто не нарушает полноты картины... есть даже старая «нянюшка», милая и мягкая, с шалью на плечах, в необъятных юбках) [4, с. 27].

Существует несколько способов образования ксенонимов. К способам, обеспечивающим межъязыковую обратимость относятся следующие:

- заимствования
- калькирование
- гибридные образования.

К способам, характеризующимся неуверенной обратимости можно отнести такие как:

- описательные обороты
- использование полионимов
- замена идионима аналогом
- замена родовым понятием [2, с. 29].

Реалии русской культуры являются ксенонимами для французского языка, так как они имеют свою специфику для иноязычной, в данном случае для французской культуры. Произведение «Детство» – это автобиографическая повесть автора русского происхождения, написанная на французском языке, поэтому ксенонимы часто отображают явления русской культуры.

Рассмотрим примеры ксенонимов во французском тексте и способ их передачи. Используются описательные обороты, например: столовая – *une salle à manger*, кладовка – *un garde-manger*, булочка – *un petit pain*, разинув рот – *bouche bée*, исподтишка – *à la dérobée*. Также используется приём замены идионима аналогом, например: деревянная кадка – *un baquet*, коляска – *la voiture*, трещотка – *une crécelle*, няня – *une gouvernante*, лавка – *une boutique*, деревянные наличники – *des auvents de bois*, валенки – *des bottes de feutres*, фалды – *des basques flottantes*. Имена собственные переданы с помощью транскрипции или транслитерации: Вера – *Vera*, Наташа – *Natacha*, Коля – *Kolia*, Иваново – *Ivanovo*, Мишка – *Michka*.

Проанализировав перевод Л. Зониной произведения «Детство», можно отметить ксенонимы русской культуры. Топонимы переданы с помощью кальки, например: *площадь Медичи* (*la place de Medicis*), *королева Франции* (*une reine de France*), *ворота Люксембургского сада* (*les grilles du Grand Luxembourg*). Также используются заимствования, как способ образования ксенонимов, например: *канане* (*un canapé*), *салон* (*un salon*), *суп* (*une soupe*), *фасад* (*une façade*), *тротуар* (*un trottoir*), *балюстрада* (*une balustrade*), *барак* (*un baraquement*). Меньше встречается способ замены идионима аналогом, например: *экипаж* (*une voiture fermée*).

Проанализировав автобиографическую повесть «Детство» Натали Саррот и её перевод на русский язык Л. Зониной, можно отметить, что произведение наполнено идиокультуронимами двух культур. Данные единицы в тексте перевода были переданы с помощью калькирования, транскрипции, транслитерации, гибридных образований и употребления аналога. Идиокультуронимы данной повести позволяют как французскому читателю погрузиться в русскую культуру, так и русскому во французскую, но уже благодаря переводу. Идионимы и ксенонимы, переданные в произведении Натали Саррот «Детство», обогащают произведение мировосприятием двух народов, делая произведение богаче и глубже.

Список использованных источников:

1. Зубанова Т. Французские реалии и способы их передачи на русский язык (на материале романа А. Гавальда «Просто вместе»): науч. работа / Научно-практическая конференция исследовательских работ учащихся «Эрудит-2010». Кемерово, 2014. 35 с.
2. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.
3. Попова Т.Г. Перевод как взаимодействие культур // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 12-3. С. 403–404.
4. Саррот Н. «Детство»/ [перевод Л. Зониной]. 1986. 161 с.
5. Sarraute N. «Enfance» // Edition Gallimard. P. 1983. P. 182 p.

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАГОЛОВКОВ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ
НА ПРИМЕРЕ «ФИГАРО» (LE FIGARO)**

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ю. В. Костюченко,

магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию функций языка и анализу сохранения оценочности в газетных заголовках. Язык аккумулирует определенные эмоциональные и культурные элементы. Письменный текст имеет графологический уровень, а все тексты – лексический и структурный. Целью статьи является анализ языковых средств, которые помогают людям осознать и оценить посыл в новостях и газетных заголовках. Объектом исследования являются новостные и газетные заголовки и тексты ежедневной французской газеты «Фигаро» (Le Figaro). Важным аспектом исследования является анализ средств оценки, благодаря которой в газетах осуществляется прагматическая функция, а также особенности перевода заголовков с применением переводческих трансформаций. Исследование основано на аналитическом и описательном методах.

Ключевые слова: заголовок, пресса, газета, языковые средства, читатель

Abstract. This article is devoted to the study of the functions of language and the analysis of the preservation of evaluation in newspaper headlines. A language accumulates certain emotional and cultural elements. Written text has a graphological level, and all texts - lexical and structural levels. The purpose of the article is to analyze the language means that help people understand and appreciate the message in the news and newspaper headlines. The subject of the study is the newspaper headlines of the daily French newspaper "Figaro" (Le Figaro). An important aspect of the study is the analysis of evaluation means. The pragmatic function is realized in newspapers through evaluation parameters. As well as the titles features of the translation with the use of translation transformations. The study is based on analytical and descriptive methods.

Key words: headline, press, newspaper, language means, reader.

Общеизвестно, что заголовок создается с целью привлечения внимания читателей к основному содержанию статьи. Для этого автор должен учитывать определенные характеристики заголовков: краткость, акцентирование внимания на ключевых словах, оригинальность, уникальность. Эти характеристики будут побуждать читателей к

дальнейшему прочтению и покупке газеты. Заголовок представляет историю и дает читателю общую картину текущих новостей. Однако создание такого заголовка – нелегкая работа. Заголовок уникален сам по себе, невзирая на остальное содержание статьи.

Основная функция газетного стиля – прагматическая функция, или, как ее называют некоторые лингвисты, функция убеждения. Она направлена на то, чтобы влиять на мнение читателя с целью изменения его отношения к вопросу или изменения поведения. Обычно это делается не через логическую аргументацию, а через эмоционально-оценочные высказывания, наиболее подходящие для этой цели языковых средств. Газетные заголовки не имеют универсальной формы. В зависимости от страны, культурных аспектов и повседневной жизни (быта) они имеют особый синтаксис и стиль. При переводе заголовков автор пользуется приемом, предложенным в классификации А. Нойберта, согласно которому газетно-публицистические материалы ориентированы на аудиторию ИЯ, поэтому практически невозможно передать прагматический потенциал в тексте перевода, пользуясь средствами другого языка [3]. Исходя из этого, стратегия перевода заголовков не базируется на обязательном равенстве влиянии ИЯ и ПЯ на соответствующих получателей.

Возможные сложности при переводе заголовков возникают в связи с их сложными структурами, различиями в синтаксической структуре заголовков в разных языках, отсутствием эквивалентных терминов и слов в языке перевода, культуронимами в составе заголовка (аббревиатур, акронимов, имен и т.д.). В связи с этим, перевод основывается на переводческих трансформациях, призванных максимально точно передать информацию ИЯ, придерживаясь норм ПЯ.

На данный момент не существует единого определения «переводческая трансформация», но большинство лингвистов сходятся во мнении, что она представляет собой разнообразные преобразования форм выражения из ИЯ в ПЯ на лексическом, грамматическом и семантическом уровнях с сохранением основной информации.

Как правило, газетный стиль характеризуется двумя аспектами: выразительностью, которая проявляется через оценочный аспект и индивидуальным отношением автора. Согласно А. В. Зубову, существует несколько видов оценки: интеллектуальная или эмоциональная; ее реализация может быть эксплицитная или имплицитная; языковые средства, используемые для реализации-лексические, синтаксические, графические и стилистические [1]. Основываясь на данные виды оценки, приведем примеры, которые иллюстрируют присутствие в заголовках интеллектуальной и эмоциональной оценки: *Des œuvres de Banksy, estimées à 15 millions d'euros au total, saisies en Belgique* (В Бельгии изъяли работы Бэнкси, оцененные в 15 миллионов евро) – перестановка, опущение; *Angelina Jolie "jalouse" et "dépressive", une ex-gouvernante des Brangelina se*

confie (Анджелина Джоли «ревнива» и «депрессивна», заявила бывшая экономка «Бранджелины») – транскрипция, перестановка.

В первом предложении оценка апеллирует к рациональному восприятию аудитории, а во втором – выражается эмоциональными средствами языка. Эксплицитная оценка обычно содержит эмоциональные слова или словосочетания и экспрессивную лексику. ИмPLICITная оценка может и не содержать оценочной лексики. Например, в заголовке: *La formidable histoire des jardins collectifs et familiaux* (Великолепная история коллективных и семейных садов) – перестановка, может нести положительную или отрицательную оценку в зависимости от ситуации. В данном случае она положительна, ее можно интерпретировать как «прогресс развития садов», а отрицательная оценка появляется при рассмотрении прилагательного «великолепная» как ирония «неудавшаяся работа над садами».

По мнению Л. Киселевой, имPLICITная оценка зависит от «качества» печатных СМИ их жанров [2]. Хотя мнение автора в большинстве случаев является мнением газеты или журнала и зависит от ранга газеты, мнения государственных органов, общественных институтов или политических партий, во всяком случае при написании статьи автор основывается на личный опыт. Это обычно выражается выбором той или иной формы оценки и особенно языковых средств.

Еще один важный вопрос, касающийся оценки в газетном стиле – широкое использование цитат. Используя прямую цитату без каких-либо замечаний, автор, не дает никакой оценки: *Stefano Pilati: «Dépenser des millions dans un défilé pour séduire les jeunes est vulgaire»* (Стефано Пилати: «Тратить миллионы на парад, чтобы подкупить молодежь – вульгарно») – морфологическая замена. Второй способ цитирования – включать только часть фактического высказывания: *«Les impôts et les taxes, ça suffit! » lance de Maire devant le Sénat* («Довольно повышать налоги и сборы!» – заявил мэр перед сенатом) – перестановка, морфологическая замена, опущение. Этот способ оценки наиболее распространен в газетно-публицистическом стиле, так как является наиболее целесообразным. Третий способ – отсутствие цитаты, когда присутствует только косвенная речь. Слова говорящего могут быть истолкованы автором статьи со своей точки зрения: *Le journal du Mercato: le PSG prêt à offrir 80m€ pour arracher de Jong?* (Газета Меркато пишет, что французский футбольный клуб «ПСЖ» готов заплатить 80 млн евро за переход Джонга) – синтаксическая замена, добавление, транскрипция, морфологическая замена.

Используя цитаты, автор статьи не несет ответственность за выразительность и оценку. Выбор того или иного способа выражения зависит от уровня газет. В «массовых газетах» и таблоидах автор высказывается более открыто, выражая собственную точку зрения.

При рассмотрении регулятивной теории следует учитывать и другие факторы, такие как особенности газетной лексики и грамматики. Прежде

всего, авторы склонны опускать артикли перед именами существительными, особенно вначале заголовка, что делает его более кратким, акцентируя внимание. Например, *Relativisme, postvérité, discrédit des experts: le nouvel anti-intellectualisme* (Релятивизм, пост-правда, дискредитация экспертов: новый антиинтеллектуализм) – буквальный перевод. Кроме того, в газетно-публицистическом тексте часто опускается сказуемое, то есть превалируют именные заголовки, например, *Du spam au chantage, l'exploitation juteuse des données personnelles des journalistes* (От спама к шантажу, ловкое злоупотребление персональными данными журналистов) – перестановка, добавление; *De Paris à Tel Aviv, les tribulations de la statue du capitaine Dreyfus* (От Парижа до Тель-Авива, злоключения статуи капитана Дрейфуса) – буквальный перевод.

Также одной из основных функций газетно-публицистического стиля является номинация событий, подчеркивающая обозначающее событий. Она имеет двойную структуру: описывает текущие и актуальные новости, выступает важным средством в формировании истории. Такие заголовки фиксируют место, время и основных героев, которые будут в разной степени запоминаться читателями в соответствии с характерным для сообщества событиями. Это явление дискурсивной памяти может наблюдаться в целом ряде примеров:

Mer d'Azov: Tusk condamne «l'usage de la force» (Азовское море: Раймонд Таск осуждает «применение силы») – перестановка, добавление;

Détroit/Kertch: la Russie a agi «en stricte conformité avec le droit international» (Керченский пролив: Россия действовала «в строгом соответствии с международным правом») – морфологическая замена, перестановка;

Mbappé, l'homme pressé (Мбаппе, человек-молния) – морфологическая замена;

Climat : un rapport publié par son Administration corrige Donald Trump (Климат: Дональд Трамп вносит поправки в отчет администрации) – перестановка, опущение.

Так, процесс номинации связан с газетно-публицистическим стилем и основными законами написания статей, которые влияют на структуру. При номинации событий в заголовках преобладают топонимы и даты. Также, важным для автора является экономия пространства, отведенного для заголовка. В связи с этим, заголовки чаще представлены в сокращенном виде, а читатель самостоятельно должен его расширить, основываясь на текстовых подсказках (языковых и семиотических, чтобы «дополнить» недостающую информацию. По словам Даниэля Даяна в классической газетной статье создается «таинственная связь между текстом и читателем» [9]. Если текст интересен, то «восприятие сообщения – это земля обетованная для исследователя», пишет Джером Бурдон [8]. В заголовках опускается много информации для их краткости. Таким образом, текст требует «от читателя тяжелой работы по заполнению пробелов

невысказанного или уже хорошо известного», как писал Умберто Эко в «Роль читателя. Исследования по семиотике текста» [6].

Во франкоязычной прессе это особенно заметно в классической конфигурации «двусоставных заголовков с двоеточием», как их называют лингвисты Босредон и Тамба. В таких заголовках двоеточие разделяет либо два существительных, либо имя существительное и предложения:

Élections à la SNCF: CGT et SUD indébouillonnables (Выборы в НОЖД: ВКТ и объединенные профсоюзы непоколебимы) – адаптация, добавление;

Barbara Lefebvre : «Christophe Castaner et le 6 février 1934: la double faute du ministre» (Барбара Лефевр: «Кристоф Кастанер и 6 февраля 1934: двойная ошибка министра») – транскрипция;

Maison : comment gagner en luminosité sans se ruiner ? (Дом: как сэкономить на освещении?) – опущение, модуляция;

Fruits et légumes : faut-il choisir entre bio et local ? (Фрукты и овощи: нужно ли выбирать между органическими и местными?) – буквальный перевод.

В обоих случаях обе части заголовка связаны между собой, то есть первый сегмент может быть идентифицирован как «актуальная тема, которая может сгруппировать события за разный период времени, фиксируемых изо дня в день в прессе» [5], в то время как второй сегмент устанавливает новый элемент, который должен быть связан с актуальным. Босредон и Тамба описывают такие заголовки как письменно-визуальные маркеры, так как они помогают классифицировать информацию для читателей и, следовательно, восстановить хронологию событий:

Brexit: pour le Royaume-Uni, des siècles d'efforts ruinés (Брексит: для Великобритании разрушены годы усилий) – транскрипция;

Brexit : ce que contient l'accord de retrait (Брексит: содержание соглашения о выходе из ЕС) – транскрипция, опущение, добавление, модуляция, синтаксическая замена;

Brexit: quelles sont les prochaines étapes ? (Брексит: каким будет следующий шаг?) – транскрипция, конкретизация, морфологическая замена.

Проанализировав заголовки исходя из разных параметров, можно заключить, что наиболее употребимыми переводческими трансформациями с французского на русский язык являются: перестановка, замена, опущение, добавление и буквальный перевод.

Вывод: Функциональный стиль периодики тесно связан с культурой поскольку газетные статьи несут информацию о текущем положении дел в обществе, стране, мире. Принимая во внимание данную связь и функции, выполняемые заголовками СМИ, проясняется важность заголовка как для авторов, так и для читателя. Для создания эффективного заголовка авторы используют весь арсенал доступных языковых средств на лексическом, грамматическом и стилистическом уровне. Также в заголовках проявляется видение ситуации автором в виде оценки тех или иных фактов. Разные

культуры накладывают свой отпечаток, то автор прибегает к разного рода переводческим трансформациям.

Список использованных источников

1. Зубов А. В. О языковых средствах выражения категоричности оценки в современном английском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1974.
2. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
3. Костюченко Ю. В., Шевчук-Черногородова М. А. Специфические черты современного газетного заголовка на примере франкоязычной прессы // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 275-280.
4. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 172–198.
5. Пасекова Н. В. Особенности перевода газетных заголовков // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы международного научного конгресса. – 2016. – С. 471–474.
6. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. С. 27.
7. Bosredon B, Tamba I. (1992) Thème et titre de presse : Les formules bisegmentales articulées par un « deux points », pp. 36–44.
8. Bourdon J. (2004). Old and new ghosts. Public service and the popular, a history. European Journal of Cultural Studies, Vol 7(3), P. 12.
9. Calabrese L. Recherches en communication, n.33. 2010.
10. Charaudeau P. (2006). "Discours journalistique et positionnements énonciatifs. Frontières et dérives". Semen no 22. Consulté le 09 janvier 2019, sur <http://semen.revues.org/2793>.
11. Le Figaro [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <http://www.lefigaro.fr/>. (дата обращения 26.11.2018).

УДК 81'25

КРЫМСКИЕ КСЕНОНИМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются идиокультуронимы с точки зрения их отнесения к внешней или внутренней культуре. С этой позиции выделяются лексические единицы – идионимы и ксенонимы. Анализируются ксенонимы, функционирующие во французском языке и отражающие особенности культуры народов, населяющих Крымский полуостров.

Ключевые слова: язык, культура, культуроним, ксеноним, Крым.

Summary. The article deals with the analysis of idioculturonyms in terms of their reference to external or internal culture. From this position two types of lexical units – idionyms and xenonyms are allocated. The functioning of xenonyms reflecting features of culture of the people inhabiting the Crimean peninsula has been analyzed in the French language.

Keywords: language, culture, culturonym, xenonym, Crimea.

Культура каждого лингвосоциума меняется с течением времени, а язык является свидетелем этих изменений, хранителем информации, передающим ее следующим поколениям.

Одним из первых к такому выводу пришел В. фон Гумбольдт, утверждая, что материальная и духовная культура воплощаются в языке, а внутренняя форма языка – это выражение «народного духа», его культуры.

Идеи В. фон Гумбольдта развиваются в работах А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. Мейе, В. Бенвениста. Обращение к определению культуры с помощью средств лингвистики способствовало формированию отдельной науки – лингвокультурологии. В данной области лингвистических исследований можно назвать такие имена ученых, как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Верещагин, В. В. Воробьев, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др.

Культура создается деятельностью человека, и результаты этой деятельности, будь она ментальная, психическая или физическая, индивидуальная или общественная, проявляются в языке.

Современные авторы обращаются также к изучению лингвистики языка вторичной культурной ориентации, обращенного в область иноязычной культуры, то есть с позиций интерлингвокультурологии. К исследованию способов адекватного наименования элементов русской культуры, построению текста иноязычного описания культуры обращаются В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазова [2]. Решение этих вопросов необычайно актуально в эпоху **глобализации**, эпоху расширения влияния английского языка. Используя метод опосредованного наблюдения и экстраполяции, ученые анализируют закономерности английского как языка межкультурного общения и выделяют **культуронимы** в иноязычном описании культуры. Подчеркивается, что культурная ориентация языка – это адаптация его вербального арсенала в соответствии со спецификой окружающего мультикультурного мира.

Совокупность элементов различных культур, прошедших этап вербализации в том или ином языке, называют **культуронимами** (*cowboy*, *Дума*, *Louvre*). В зависимости от **универсальности**, или, наоборот, **специфичности** вербализованных элементов культур ученые выделяют **полионимы** и **идиокультуронимы**. **Полионимы** представляются как универсальная культурная лексика, **идиокультуронимы** – специальная. **Идиокультуронимы** закреплены за специфическими элементами культур и часто в лингвистике называются языковыми реалиями.

Однако такой подход не дает возможности разграничить идиокультуронимы внешней и внутренней культур. Внедрение в практику терминов **идионимы** и **ксенонимы** позволяет рассмотреть свои и чужие реалии в отдельности. Итак, **идионимы** – это идиокультуронимы, закрепленные за специфическими элементами свое, внутренней культуры. Обратимся к подобным единицам в контексте культуры Крыма: *Балаклава, КФУ им. В. И. Вернадского, крымчак, мыс Ая*. То есть единицы, возникшие в результате первичной вербализации культурного континуума Крыма.

Ксенонимы же предстают как идиокультуронимы, закрепленные за специфическими элементами чужой, иноязычной, внешней культуры. В русском языке мы находим такие ксенонимы, отражающие французскую культуру: *Лувр, макарон, Эйфелева башня, Пино Нуар* и т.д.

Мы попытаемся обратиться к ксенонимам, функционирующим во французском языке и отражающим особенности культуры народов, населяющих Крымский полуостров. Рассматривая эти ксенонимы, возникает вопрос о том, являются ли они составной частью французского языка. В таком случае следует прибегнуть к обращению к словарным статьям авторитетных словарей. Лексикографическая практика показывает очень интересные моменты. Мы можем проследить, как трансформируется толкование одного и того же элементы культуры, в зависимости от того, является он ксенонимом или идионимом.

Обратимся к географическому названию **Севастополь**.

Севастóполь

город (с 1784 г.) на ЮЗ. Крыма, в 87 км от Симферополя, на берегу Севастопольской бухты Чёрного моря. Главная база Черноморского флота России и Украины. 342 тыс. жителей (2001), в агломерации 407 тыс. чел. (вкл. Инкерман). В V в. до н.э. здесь возникла др.-греческая колония Херсонес (Корсунь); в сред. века была татарская деревня Ахтиар. В 1783 г. заложена военная крепость Севастополь (в 1797–1801 гг. называлась Ахтиар). В 1939–59 и 1984–96 гг. закрытый город. Крупный экон. и военный центр. Судостроение и судоремонт, приборостроение; хим., лёгкая, пищ., строит. пром-сть. Добыча флюсов. Рыбный порт (Камышовая Бухта). Быв. военный аэропорт. Город сильно изрезан глубокими бухтами и балками, что придает ему особый колорит. Владимирский и Покровский соборы. Музеи: героической обороны и освобождения Севастополя, Черноморского флота, худож. и др. Аквариум ин-та биологии юж. морей. 2 театра. Приборостроит. и военно-инженерный ин-ты. Морская библиотека. Символы С. – памятник затопленным кораблям и Графская пристань. Панорама "Оборона Севастополя 1854–55 гг.", диорама "Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.". Малахов курган, Братское кладбище 1-й обороны с часовней; английское, французское и итальянское кладбища в пригородах. Разв. др.-греческой колонии Херсонес (историко-археол. заповедник), генуэзской крепости Чембало в Балаклаве (археол. заповедник), Инкерманского (пещерного),

Георгиевского и Херсонесского монастырей. С С. связана слава адмиралов П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, лейтенанта П. П. Шмидта [3].

Севастополь

город, Крым, Украина. Основан в 1783 г. как воен. морской порт и город в Ахтиарской бухте; название бухты по татар, деревне Ахтияр или Акъяр (*татар, ак 'белый', яр 'крутой берег, обрыв у моря'*). В 1784 г. городу присвоено название Севастополь – '*священный город*' (*греч. себастос 'высокочитимый, священный', полис 'город'*). В 1797 г. Павел I переименовал город в Ахтияр, но с начала XIX в. в употребление снова входит название Севастополь. См. также Корсунь-Шевченковский [1].

Рассмотрим этот же топоним в толковом словаре французского языка:

Sébastopol

Ville d'Ukraine, sur la mer Noire. 340 360 habitants.

Port.

Constructions navales.

Centrale électrique.

La ville fut une place stratégique pendant la guerre de Crimée (1854–1855) et la Seconde Guerre mondiale [5].

Обратим внимание на то, как иноязычная культура выделяет главное, основное, что является характерным для существования данного ксенонима во французском языке – принадлежность государству, наличие порта и стратегическое значение во время воин.

Также нужно обратить внимание, что в переводческой практике звук [v] заменяется на звук [b]. Это характерно и для английского языка, однако все чаще встречаются в английском языке варианты Sevastopol.

Что интересно, ксеноним Sébastopol, стал единицей идионима французского языка: Le **boulevard de Sébastopol**. Таким образом, мы видим, идионим, созданный во французской культуре и характерный для нее, но имеющий в своем составе ксеноним – отсылку к истории Крыма.

Крымская война оставила и другие отпечатки на географических названиях Франции. Так, в Париже есть Альминские мост, проспект, дворец и площадь – **le Pont de l'Alma, la place de l'Alma, le palais de l'Alma, l'avenue de l'Alma**, названные в память о сражении на Альме, Альминском сражении 8 (20) сентября 1854 года.

В городе Рен мы также находим **Porte d'Alma, rue de l'Alma et centre commercial Alma**, а в Брюсселе – одноименную станцию метро.

Еще один интересный пример встречаем в предместьях Парижа – городок **Malakoff**, названный в честь Малахова кургана. Топоним отражает память французов о Крымской войне и непосредственно о битве за Малахов Курган в Севастополе, который был захвачен французским генералом 8 сентября 1855 года. Так как во французском языке не существует звука "х", название звучит как **Malakoff**. Жители этого поселения зовутся **Malakoffiot**.

Как же нам рассматривать этот топоним? Как идионим или ксеноним?

Поскольку город является французской административной единицей, то это уже французская реалия, значит, это идионим для французского языка. Однако он является вторичным, отражающим в себе некий прототип-ксеноним, послуживший его созданию.

В Швейцарии в честь этой битвы назвали блюдо **Malakoff**. Швейцарские солдаты, вернувшись с Крымской войны, решили отмечать каждый год победу. Собираясь, они жарили кусочки сыра в масле, как когда-то в окопах и назвали это блюдо в честь Малаховской битвы. Намного позднее, в конце XIX века, рецепт был усовершенствован и подавался во время чествования ветеранов крымской войны. Сегодня **Malakoff** является традиционным блюдом кантона Во.

Таким образом мы можем утверждать, что в следствии взаимодействия с иной культурой идиокультуронимы могут заимствоваться, зачастую сохраняя свою внешнюю форму и преимущественно содержание, выступая таким образом в роли ксенонимов для французской культуры. Однако фиксируются единицы, которые в процессе заимствования адаптировались настолько во французской культуре, что послужили базой для создания идионимов, т. е. родных уже для французской культуры реалий.

Тема изучения крымских идиокультуронимов во французской культуре на этом не оканчивается, поскольку взаимоотношения между нашей малой родиной и Францией были продуктивными и после окончания Крымской войны.

Список использованных источников

1. Географические названия мира: Топонимический словарь. М: АСТ. Поспелов Е. М. 2001.
2. Кабакчи В.В. Введение в интерлингвокультурологию. Учебное пособие / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.
3. Словарь современных географических названий. Екатеринбург: У-Фактория. Под общей редакцией акад. В. М. Котлякова. 2006.
4. Шалыга Д.А. Специфика перевода на немецкий язык крымской топонимики // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 630-634.
5. Dictionnaire Le Robert Mobile.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: КОНТРОЛЬНЫЙ СПИСОК РУКОВОДЯЩИХ ПРИНЦИПОВ

Д. Н. Шленнев,

*доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода,
Нижегородский государственный лингвистический университет имени
Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Аннотация. Задача настоящей статьи – составить перечень проблем и руководящих принципов юридического перевода. Речь идет не о списке действий и не об алгоритме работы, а, что более реалистично, о наборе тех представлений, которыми необходимо обзавестись переводчику для работы с юридическими текстами. Получившийся контрольный список призван стать рабочим справочным инструментом для начинающего переводчика, а также для преподавателя юридического перевода.

Ключевые слова: юридический перевод, контрольный список, чеклист, руководящие принципы, дидактика перевода, подготовка переводчиков, юрислингвистика.

Summary. The paper aims to build up a list of problems and guiding principles of legal translation. This is neither a to do list nor an algorithm, but, more realistically, a list of what a translator needs to keep in mind when working on legal texts. The resulting checklist is intended to be a working reference tool or a reminder for novice translators and/or for translator trainers.

Key words: legal translation, checklist, guiding principles, didactics of translation, translator training, legal linguistics.

Формат выступления на конференции благоприятен для реализации поставленной здесь прикладной задачи: суммировать существенные вопросы и руководящие принципы юридического перевода (ЮП) в виде своего рода контрольного списка. Этот перечень призван послужить инструментом для начинающего переводчика и для преподавателя ЮП, причем, по-видимому, двояко: а) вот что мне необходимо принимать во внимание, когда я имею дело с ЮП, и б) вот что необходимо прояснить при обнаружении пробела в моих знаниях. Итак:

☑ **Главная проблема ЮП – различие правовых систем, и ЮП представляет собой перевод между разными правовыми системами [5, с. 44]⁷.** Существенные различия могут наблюдаться даже между системами, принадлежащими к одной правовой семье. Сказанное остается верным даже в условиях сближения правопорядков и даже при осуществлении перевода в рамках единой правовой системы (ср. ЕС).

☑ **Таким образом, иные проблемы ЮП подчинены главной проблеме и так или иначе обусловлены ею.**

⁷ Подчеркну, что юридическому переводчику, особенно начинающему, можно смело порекомендовать любые труды Ж.-К. Жемара, а не только указанные в библиографическом списке.

☑ Соответственно, ЮП неизбежно сочетает в себе акт сравнительного правоведения и собственно акт перевода, а переводчик производит толкование текста подобно юристу-компаративисту, но с иными, нежели юрист, целями и иными способами [7, с. 481]. Изучение предметной области – общее правило для всякого перевода. Однако специфика ЮП в том, что предметная область не едина: она как бы двоятся в силу различия правовых систем, – откуда и возникает необходимость в сопоставительном правовом анализе. И лишь на этой основе мы приходим, в частности, к решениям по терминологии.

☑ При этом перевод не должен превращать текст, принадлежащий иной системе права, в текст правовой системы ПЯ.

☑ От юридического переводчика требуется высокая точность.

☑ Однако точность перевода и недопустимость подмены правовых систем не должны вести к буквалистическим ошибкам, неудобочитаемости текста и прочему надругательству над ПЯ.

☑ Функционирование юридического текста специфично. Это особенно касается текстов, в т.ч. переводов, имеющих юридическую силу, т.е. способных порождать правовые последствия. Так, если тексты на разных языках имеют равную юридическую силу, то ПТ как бы утрачивает вторичность – и это принципиальное отличие ЮП. И если между ИТ и ПТ имеются отличия (искажения, неясность и т.д.), то, в дополнение к неприятностям, характерным и для иных видов специального перевода, проблема усложняется юридически. Это общепризнанная правовая проблема (толкование многоязычных текстов), о которой нередко забывают «общие» теоретики перевода и «чистые» лингвисты.

☑ Проблема установления эквивалентов обусловлена главной проблемой ЮП. Возможные ситуации: *часть терминов представлена в той или иной мере в обеих системах* (вопрос в степени их соотносимости; кроме того, в одной из культур термин может иметь более широкое хождение, в частности, среди неспециалистов, тогда как в другой он будет известен лишь специалистам); *различная дифференциация понятий и, соответственно, обозначающих их терминов*; *развитие и вариативность терминологии* (появление и устаревание терминов, расширение и сужение значений, приобретение новых значений, причем в разных культурах эти процессы могут не совпадать); *наличие реалий*; *наличие лакун*; *терминологическая асимметрия между языками*; *ложные друзья переводчика*; *приращение дополнительных смыслов (коннотаций)*. Можно даже говорить о *неустойчивости юридической терминологии в переводе*: а) неустойчивость эквивалентов; б) уже упомянутое развитие терминологии, в свою очередь, способствующее неустойчивости эквивалентов. Последняя вызвана также отсутствием практики постоянного применения. Здесь и ниже см. также примеры в [1].

☑ Типичные решения при работе с терминами: *прямой (регулярный) эквивалент* (требует не создания, а отыскания, что не всегда

просто, ибо в словарях эквивалент может быть не зафиксирован); *описательный перевод (перифраза)*; *функциональный аналог* (для ЮП нередко опасный вариант, чреватый существенными искажениями); *калька (дословный перевод)*; *транскрипция / транслитерация*; *семантический неологизм*; *генерализация*; *конкретизация*; *иные, в т.ч. смешанные и переходные случаи*, в частности, с использованием смыслового развития, добавления информации и т.п.; *любой из вариантов с комментарием*. Однако эти варианты сами по себе неравноценны, не взаимозаменяемы, могут быть спорны или неуместны и **требуют оценки текста, ситуации, поставленной задачи и сопоставительного правового анализа.**

☑ **Наибольшие сложности и наибольшая ответственность при работе с термином возникают при одновременном действии трех условий:** а) *термин употреблен системно*; б) *термин требует системной передачи*; в) *нет устойчивой традиции перевода, а выбор решения неоднозначен*. И прежде всего в документе, исключающем возможность внесения пояснений или комментариев непосредственно в текст.

☑ **Не забывать о принципе единства терминологии.**

☑ **Ошибки неспециалистов в употреблении терминов не совпадают в разных языках.** Точная передача ошибочного словоупотребления может привести к непонятности и искажению смысла (так, у нас часто говорят «арест» вместо «заключение под стражу»).

☑ **Не только термины...** **Переводчику необходимо изучение юридического стиля и профессионального юридического узуса**, весьма далекого от словоупотребления «обычного» человека. Общее правило: нарушение общезыкового узуса создает впечатление акцента, а нарушение профессионального – человека со стороны, профана.

☑ **При этом в некоторых случаях типичные, привычные, узуальные формулировки могут оказаться в переводе неуместными или невозможными, т.к. они описывают принципиально иную реальность** (например, процессуальную сторону).

☑ **Необходимо изучение разновидностей юридических текстов, специфики их функционирования и соблюдение жанровых и стилистических норм.** В целях перевода можно выделить следующие категории юридических текстов – каждая с целым набором письменных и устных жанров и своей спецификой как в юрислингвистическом, так и в собственно переводческом плане: *нормативный дискурс законодательной и исполнительной власти* (в центре – *законодательный текст*); *индивидуальный административный* (условно, т.к. не представляет интереса для перевода); *процессуальный* (в центре – *судебное решение*, но также иные тексты, связанные с отправлением правосудия и охраной правопорядка); *доктринальный* (теория права); *корпоративный* (в центре – *устав организации*); *дискурс частных юридических актов* (в центре – *договор*; но также иные документы, фиксирующие волеизъявление субъектов); *канцелярский, или трафаретный* (максимально шаблонные

документы). См. подробнее [2]. **Каждый из жанров требует изучения и понимания соответствующих принципов (стандартов) работы с ним.**

☑ **Различия между правовыми культурами проявляются не только содержательно, но также в лингвистическом и невербальном оформлении** (различия в жанровых конвенциях). Неуместная адаптация оформления способна привести к подмене правовой культуры. Так, многие документы оформляются в ЮП один-в-один, а не подгоняются под форму, принятую в культуре ПЯ, особенно если они сильно отличаются.

☑ **Право в целом – очень филологическая отрасль, ибо оно в значительной степени есть искусство формулирования.** В идеале **право стремится к точности и ясности.** Однако на практике, что бы об этом ни писали в учебниках, это не обязательно получается (пишут живые люди). Но таков идеал и важнейший ориентир. Соответственно, см. след. пункт.

☑ **Быть готовым к двум противоположным ситуациям: плохое качество ИТ или его пассажи vs. высокое и даже выдающееся качество ИТ.** В первом случае – прежде всего выявить аномалии и решить с ними вопрос. Единого рецепта нет. Могут потребоваться: выправление стиля при соблюдении точности; выправление двусмысленности, неясности, алогизма; напротив, их оставление; исправления дефекта в ИТ, после чего исправление в ПТ; оставление дефекта с комментарием-пояснением... **Всё, что затрагивает смысл, требует особого отношения, прояснения, согласования и не решается с наскока.** Во втором случае, особо характерном, например, для высоких образцов доктрины, перед переводчиком возносится высокая же планка, как в стилистическом, так и в содержательном отношении.

☑ Часто говорят о консервативности юридического языка. Однако **консервативность сочетается с поразительным динамизмом:** право непрестанно развивается – и содержательно, и в терминологии. Проверять!

☑ **Получатель ПТ может отличаться по специализации и по глубине познаний.** При этом **если в задачу не входит адаптация-упрощение, а ИТ не является популяризаторским текстом, изначально предназначенным для неспециалистов, то фигура юриста, по видимому, подразумевается всегда, как минимум, в качестве вторичного, но обязательного получателя.** Этот принцип особенно важен при работе с документами. Это означает соответствующее лингвистическое оформление ПТ: терминология плюс юридический узус.

☑ Порой возможна специфическая аберрация сознания даже получателя ПТ – специалиста. Фоновые знания специалиста-юриста могут относиться лишь к его родной правовой системе, и естественный импульс – исходить в трактовке некоторых импликаций именно из нее.

☑ Если не предусматривается переработка материала, то принципом ЮП считается достижение функциональной эквивалентности. Характер ее, однако, амбивалентен, ибо: а) системы различаются; б) даже полный качественный перевод не обязательно способен выполнять строго те же

функции, что и ИТ; б) это понятие применяют и к тексту, и к терминам, что по-разному выстраивает и характеризует проблему (см., например, [4, с. 32–36; 6; 7; 8]). Можно выдвинуть следующие постулаты эквивалентности как *ориентиры* для нас. **Если ПТ имеет юридическую силу и то же назначение, что и ИТ, то это значит, что он должен быть способным порождать те же правовые последствия.** В иных случаях ПТ должны быть способны порождать те же интерпретации, что и ИТ (но полное тождество малодостижимо), или **максимально близкие к ним.**

☑ Возможные цели ЮП можно обобщенно представить в виде четырех оппозиций: а) по применению – *по исходному назначению или нет* (частотно, например, *информирование, изучение*; но могут преследоваться, например, и маркетингово-рекламные цели...); б) по полноте информации – *для полного ознакомления с информацией или нет* (ср. полный перевод и, например, реферирование и т.д.); в) по наличию у ПТ юридической силы – *для использования в качестве юридического документа или нет*; г) по опубликованию – *для публикации или нет*; д) по характеру циркуляции – *для внутреннего пользования или для использования вовне* (для широкого круга, за пределами организации и т.п.). Пункты а-в предполагают также дальнейшую детализацию: см. подробнее [3].

☑ В заключение вспомним о задаче всякого перевода: **создать качественный перевод – значит обеспечить функциональность ПТ.** Перевод должен иметь способность: а) *обеспечивать коммуникацию*; б) *использоваться по назначению*; в) *быть эффективным и удобным в использовании для конечного пользователя.* На это работает соблюдение целого ряда требований – от надлежащего соотношения между ИТ и ПТ до стилистического оформления и т.д. Простой пример: договор купли-продажи в переводе должен быть способен использоваться именно как договор купли-продажи (а не просто как «юридический» или «инструктивный» и т.п. текст «вообще»), выглядеть и звучать как такой договор и точно передавать релевантную информацию вменяемым языком.

Предложенный список не претендует на исчерпывающее описание. По каждому пункту возможна детализация, а также обширный комментарий и множество примеров. Но хотелось бы думать, что в этом виде он способен послужить одной из точек опоры и немного помочь начинающему переводчику сориентироваться в огромном пространстве ЮП и избежать некоторых промахов в своем *отношении* к этой сфере, в ее *трактовке* и, в конечном итоге, в *надлежащей подготовке* к работе.

Список использованных источников

1. Шлепнев Д. Н. Курс юридического перевода // Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта: Монография / Под общ. ред. В. В. Сдобникова. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. С. 59–110.
2. Шлепнев Д. Н. Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 185–188.

3. Шлепнев Д. Н. Цели перевода: попытка типологии. Юридический перевод и иные виды перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80): в 2-х ч. Ч. 2. С. 398–401.
4. Cao D. Translating Law. Clevedon – Buffalo – Toronto: Multilingual Matters, 2007. XII+189 p.
5. Gémar J.-C. La traduction juridique et son enseignement: aspects théoriques et pratiques // Meta. 1979. Vol. 24. № 1. P. 35–53.
6. Gémar J.-C. Le plus et le moins-disant culturel du texte juridique. Langue, culture et équivalence // Meta. 2002. Vol. 47. № 2. P. 163–176.
7. Gémar J.-C. De la traduction juridique à la jurilinguistique: la quête de l'équivalence // Meta. 2015. Vol. 60. № 3. P. 476–493.
8. Šarčević S. New Approach to Legal Translation. The Hague – London – Boston: Kluwer Law International, 1997. 308 p.

УДК 811 111 378

ЛЕКСИКА В ПЛАНЕ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Э. Н. Эмирусейнова,

И. А. Гулакова,

*старшие преподаватели кафедры иностранных языков №3, Институт
иностранной филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению явления сочетаемости слов в рамках обучения переводу с английского языка на русский с учетом лингвистических и экстралингвистических особенностей, присутствующих в межкультурной коммуникации представителей разных культур. Авторы предпринимают попытку провести сопоставительный анализ некоторых типовых моделей сочетаемости в английском языке с переводом на русский язык. Учитывая частое нарушение границ диапазона сочетаемости этих лексических форм в изучаемом языке, в статье рассматриваются способы исправления подобных ошибок обучающихся.

Ключевые слова: сочетаемость слов, типовая сочетаемость, сопоставление близких по значению слов, межкультурная коммуникация.

Summary. The article is devoted to the study of the phenomenon of word combinability in the framework of learning to translate from English into Russian, taking into account the linguistic and extralinguistic features that are present in the intercultural communication of representatives of different cultures. The authors make an attempt to conduct a comparative analysis of some typical models of combinability in English with their translation into Russian. Taking into consideration frequent breaking the boundaries of the range of compatibility of these lexical forms in the language of study, the article considers the ways of correcting such mistakes of students.

Key words: word combinability, typical word combinability, comparison of related words, intercultural communication.

В зарубежной и отечественной лингводидактике существует множество публикаций, посвященных вопросам формирования и развития коммуникативной компетенции в процессе обучения иностранному языку. Межкультурная коммуникация является особой моделью коммуникации, в которой национально-культурные особенности собеседников выражаются и вербально (лексика, грамматические структуры, высказывания), и невербально (жесты, мимика). Таким образом, в рамках межкультурной коммуникации при обучении английскому языку в вузе надо учитывать не только языковые, но и прагматические, эстетические и этические проблемы.

Изучая иностранные языки, мы усваиваем не только отдельные слова, но и сочетания слов. Сопоставление близких по значению слов становится необходимым, как только обучающиеся узнают эти слова. И чем больше лексический запас, тем чаще возникает такая необходимость. Сопоставление близких по значению слов особенно важно, если они активно употребляются: не зная тонкостей значения, нельзя выбрать подходящие слова и словосочетания. Любая лексическая единица языка обладает возможностью сочетаемости, характерной именно для этого языка. Иначе говоря, с одними словами она сочетается, а с другими – нет. К возникновению речевых ошибок приводит несоблюдение возможности лексической сочетаемости. Различия в сочетаемости слов – проблема при переводе.

В теории сочетаемости имеется богатый материал фундаментального характера. Проблемами сочетаемости занимались такие исследователи, как Виноградов В. В., Апресян Ю. Д., Арутюнова Н. Д., Гак В. Г., Кацнельсон С. Д., Котелова Н. З., Морковкин В. В., Степанова М. Д., Шмелев Д. Н. В целом, точки зрения зарубежных и отечественных лингвистов на сочетаемость слов имеют много общего. Сочетаемость – это свойство двух и более лексических единиц (слов) семантически, логически, прагматически, синтагматически объединяться в речи, образуя единицы более высокого порядка, создавая при этом разнообразные смыслы, отличные от значения и коннотации составляющих компонентов. Ученые сходятся во мнении, что сочетаемость слов – это важное явление в коммуникативном плане. Проблема сочетаемости слов остаётся чрезвычайно актуальной, прежде всего, в плане прикладного аспекта языка (обучения неродному языку, лексикографии, переводу). В рамках обучения неродному языку результаты работ таких лингвистов как П. Н. Денисов, В. В. Морковкин, Л. А. Новиков, М. Lewis, М. Powell широко используются и в наше время, так как одной из важных задач обучения иностранному языку является формирование умения правильно сочетать слова, что способствует обогащению словаря, помогает понять связи, существующие в системе изучаемого языка.

Нормы словоупотребления в различных языках, как известно, различны, и между объемом значений слов в разных словах часто встречаются несоответствия. Так, русскому слову *пожалуйста* в английском языке могут соответствовать разные слова и выражения в зависимости от ситуации, в которой оно употребляется. Например: *please, not at all, that's all right, don't mention it, here you are, you are welcome*.

В качестве другого примера несоответствия между русским и английским языком можно привести русский предлог *по*, требующий дательный падеж, которому в английском, в зависимости от контекста, соответствуют предлоги: *according to* (according to the rule); *along* (along the path, along the road, along the street); *about* (to walk about the town); *by* (by name, by profession, by right, by air, by nature, by mistake, by post); *on* (to walk on the grass); *over* (over the telephone, over the radio); *to* (to one's address); *through* (through illness, through a country).

Изучая иностранное слово, очень важно изучать его типовую сочетаемость с другими словами. Например, если в русском языке мы говорим *последние новости, последние события, последняя мода*, то в английском языке соответствующие слова *news, events, fashion* сочетаются со словом *latest* (the latest news, the latest events, the latest fashion). Если взять глагол *проводить* (проводить конференцию, проводить симпозиум) то в сочетании с английскими словами *meeting, conference, symposium, competition*, в английском языке употребляется глагол *to hold* (to hold a meeting, to hold a conference, to hold a symposium, a competition); тогда как со словами *research, propaganda, campaign, struggle*, сочетается уже другой английский глагол – *to carry on* (to carry on research, propaganda, campaign). Обучающийся, как правило, допускает ошибки и неточности, не зная сочетаемости слов в английском языке. Принимая во внимание все вышесказанное, изучая иностранный язык, целесообразнее заучивать не отдельные слова, а лексику в наиболее устойчивых сочетаниях, присущих данному языку.

Обращая внимание на типовую сочетаемость слов в иностранном языке, необходимо также иметь в виду, что и структура словосочетаний в разных языках может быть различной. Изучая английское слово в его типовой сочетаемости с другими словами, не менее важно изучать структуру модели, в которой данное слово употребляется. Не зная структуры модели, изучающие английский язык механически переносят навыки словоупотребления русского языка на изучаемый, что также является источником многочисленных ошибок: *to be absent at the lesson* вместо *to be absent from the lesson*; *to be proud by* вместо *to be proud of*, *an exception from the rule*, вместо *an exception to the rule*. Подобными ошибками нередко пестрит речь начинающих изучать английский язык.

Диапазон сочетаемости – важнейшее понятие в изучении вопросов лексической сочетаемости. Каждое слово или фразеологизм может сочетаться лишь с определенным набором других единиц, которые и

определяют ее диапазон сочетаемости. При нарушении диапазона предложение становится неестественным, а иногда и бессмысленным. Данная проблема продолжает оставаться актуальной, потому что до сих пор в переводческой и преподавательской деятельности встречаются подобные ошибки.

Итак, с целью предупреждения ошибок, изучая иностранное слово, необходимо проанализировать структуру модели, в которой данное слово употребляется. Это особенно важно при изучении многочисленных случаев употребления английских глаголов, существительных и прилагательных с фиксированными предлогами: Например, *to succeed in, to listen to, to object to, a specialist in, an attempt at, typical of, peculiar to, fit for*. При этом, изучая английские глаголы с фиксированными предлогами, необходимо обращать внимание обучающихся на то, что некоторые английские глаголы употребляются с разными предлогами. Например, *to compare with* – сравнивать (сопоставлять) (*to compare the copy with the original*); *to compare to* – сравнивать (уподоблять) (*He compared the heart to a pump*); глагол *to remind of* и *about*: *He reminds me of his son*, но *I must remind him about our meeting*.

Отдельно следует выделить глаголы, которые употребляются с наречными частицами (чаще их называют послелогами) *up, down, in, on, off, away, back*, образуя в них единое лексическое целое типа *to put on, to put off, to put down, to take off, to give away, to pick up*. Подобных сочетаний в английском языке очень много, и, обычно, их приходится заучивать целиком. Анализ и активизации подлежат также весьма распространенные в английском языке сочетания глагола *to be* с предложными оборотами типа *to be of importance (interest, value, advantage), to be in progress (operation, order, control of)*.

Очень часто в английском языке в сочетании с глаголом встречаются прилагательные или причастия прошедшего времени, и те и другие также требуют после себя определенного предлога и подлежат активному усвоению, например, *to be responsible for, to be sure of; to be interested in; to be concerned with*. Подобно глаголам некоторые английские прилагательные употребляются с несколькими предлогами, и поэтому нуждаются в самостоятельном рассмотрении. Например, *to be anxious for news* и *to be anxious about one's health*. Незнание или отождествление этих двух конструкций приводит к образованию неправильных предложений.

Значительную трудность при изучении лексики английского языка представляет сложные союзы: предлог + существительное + *that*-phrase. Например: *in view of the fact that, on the supposition that*, так называемые групповые предлоги: предлог существительное + предлог. Например: *by virtue of, in accordance with, with regard to*. Подобные сочетания часто встречаются в английской научной литературе, и их необходимо знать для правильного понимания научных текстов.

Лексическая интерференция – это следствие расхождений в семантической структуре и сочетаемости соотносительных пар двух языков. Чтобы выявить возможности проявления интерференции на лексическом уровне, необходимо провести сопоставительный анализ семантической структуры соответствующих слов двух языков и их сочетаемости. При изучении лексики иностранного языка многие обучающиеся сталкиваются с проблемой усвоения различных тонкостей, связанных с употреблением новых слов. Часто возникает необходимость сопоставления близких по значению слов, например, to study, to learn, to teach, to educate. Семантическое сходство является основной причиной трудностей выбора слова, которые многие испытывают при активной речевой деятельности на изучаемом языке. Неправильное усвоение одного слова в большинстве случаев означает неправильное усвоение всей группы близких в смысловом отношении слов, что затрудняет коммуникацию. Поэтому для активного использования лексики необходимо, чтобы ее описание включало в себя как общую информацию, так и тонкие различия между близкими по смыслу словами.

Психологи установили, что чем больше ассоциаций и мыслительных операций связано с объектом запоминания, тем прочнее и активнее он запоминается. Поэтому над каждым словосочетанием, подлежащим усвоению, должно быть проделано как можно больше операций. Его следует проанализировать, правильно перевести и закрепить путем многократного повторения. Большую помощь здесь могут оказать наглядные пособия: таблицы, «базисные» модели, памятки-инструкции по работе с новыми словами.

Обучение должно быть организовано таким образом, чтобы прослеживался системный характер сочетаемости слов изучаемого языка. Наглядный материал должен отражать не случайные, а характерные признаки тех или иных языковых единиц и словосочетаний изучаемого языка, общие закономерности их построения. Обучение сочетаемости слов проводится в органической связи с изучаемым языковым материалом, не требует дополнительного времени и носит сквозной характер. Одним из средств запоминания и усвоения изучаемых словосочетаний, конструкций и оборотов является составление обучающимися собственных словарей-справочников. Для активации обучения на занятиях по английскому языку обучаемым следует подбирать как можно больше сочетаний выученных слов с изучаемым существительным, прилагательным или глаголом.

Проблема сочетаемости лексем занимает важное место в работах многих ученых, и интерес к ней постоянно увеличивается. Это объясняется тем, что знание данного лингвистического понятия значительно упрощает и систематизирует изучение языка, улучшает качество перевода и помогает в процессе обучения иностранному языку. В процессе изучения английского языка в вузе, обучаемые усваивают основные навыки межкультурной коммуникации – это и требуемый минимум, и одновременно достаточное количество знаний и умений обучающихся, которые они смогут успешно

использовать в знакомых ситуациях профессионального, делового и ежедневного общения. Национальная специфика изучаемого языка четко видна в правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов сочетаний слов. Связи, которые возникают между словами, сложны. Самые сложные и противоречивые нормы в языке относятся именно к сфере сочетаемости. Сочетаемость слова обуславливается как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Поскольку в процессе перевода устанавливается определенное отношение между словами и словосочетаниями на разных языках, изучение перевода, естественно, предполагает использование процедуры сопоставительного анализа.

Список использованных источников

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение: общие и лексические вопросы М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. 224 с.
2. Джагарян М.В., Гюрджян Н.С., Карацева Н.В. Проблема лексической сочетаемости [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.pglu.ru/upload/iblock/eb9/m.v.-dzhagaryan_-n.s.-gyurdzhyan_-n.v.-_-karatseva-n.v.-_-problema-leksicheskoy-sochetamesoti-_iv_.pdf
3. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2003. 192 с.
4. Фалькова Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях: Методическое пособие. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. 77 с.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ НАПИСАНИЯ ИСТОРИЙ БОЛЕЗНЕЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Л. В. Ягенич,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4,
Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной статье, автор представил анализ такого медицинского документа, как «История болезни» на русском и английском языках. Проведен сравнительный анализ используемых языковых средств в данном документе. Определены основные лингвистические признаки как одной из форм письменного медицинского текста. Медицинский текст, применение и понимание терминологии в истории болезни находятся в прямой зависимости от профессиональной и коммуникативной врачебной компетенции.

Ключевые слова: медицинский текст, история болезни, документ, лингвистические средства, термин.

Summary. The article is devoted to the text analysis of such medical document as “Case History” in Russian and English. The language means are used for the comparative analysis. The form of written medical text is identified as the

main linguistic feature. The use and understanding of terminology in the case history illustrate the professional and communicative medical competence.

Key words: medical text, case history, document, linguistic means, term.

Медицина – обширная область знаний, с которой тесно связаны различные науки и сферы деятельности человека – от биологии и химии до современных исследований в области нанотехнологий. Врач в современных условиях заполняет историю болезни пациента, где фиксирует жалобы и состояние пациента. История болезни пациента – это информация, полученная врачом, путем задавания конкретных вопросов, как пациенту, так и другим людям, знающим человека, которые могут предоставить соответствующую информацию, полезную для формулировки диагноза и оказания медицинской помощи больному. Медицинские жалобы, сообщенные пациентом или его родственниками, называются симптомами, и отличаются от клинических признаков, которые определяются путем непосредственного обследования со стороны медицинского персонала [1]. Следует отметить, что в различных лингвокультурах, истории болезни также отличается, как с точки зрения структуры, так и лексических и грамматических средств, используемых при ее составлении [1, с. 3].

Целью данной статьи является сравнение и анализ «историй болезней» в русской и английской лингвокультурах.

Вступительная часть истории болезни на обоих языках идентична. Там обычно заполняются личные данные пациентов, такие как: имя, фамилия (на русском языке еще и отчество), возраст, семейное положение, адрес проживания, телефон, причина обращения (жалобы больного). Например:

Жалобы на ноющую боль в грудной клетке справа, усиливающиеся при глубоком дыхании и повороте туловища; одышку смешанного характера, возникающую при обычной ходьбе; кашель со слизисто- гнойной мокротой до 100 мл. равномерно в течение суток; повышение температуры до 39С; потливость; выраженную слабость.

На данном этапе врач представляет данные о пациенте в виде диаграммы или схемы, что помогает ему дальше строить беседу. Этот раздел истории болезни также включает в себя такие рубрики, как «Направление на госпитализацию» и «Информированное согласие больного на медицинское вмешательство». Последний пункт особенно важен в медицинской практике. Лингвистическая специфика информированного согласия – отсутствие различных медицинских терминов, наличие таких местоимений как «я» и «мне» [7; 8]:

я осознаю; я извещена, я получила информацию; я понимаю необходимость; мне известны возможности осложнения.

I am aware; I am notified, I received information; I understand the necessity; I know the possibilities of complication.

Все это еще раз доказывает, что больной несет прямую ответственность за свое здоровье и снимает ответственность с врача. Надо

отметить, что в историях болезней на английском данный пункт несколько длиннее, чем в русском варианте. В некоторых клиниках в нашей стране этот пункт и вовсе представляет несколько предложений, в которых пациент просто информируется о возможных последствиях.

История болезни является официальным документом [4]. На титульном листе документа жителей европейских стран фиксируются данные о вере и религии (Religion: Beliefs and Practices), принадлежность к той или иной расе/этнической группе (race/ethnic origin), имя и фамилия семейного лечащего врача (General practitioner), сведения о ценностях, личных вещах и семейных обстоятельствах пациента (Belongings, Valuables, Home Circumstances [6] – мы полагаем, что возможность получения таких данных демонстрируют уважение со стороны медицинского работника к пациенту.

Структура историй болезни в Европе имеет несколько отличий по сравнению с историей болезни России. На Западе заполняется только титульный лист, а все остальные назначения вешаются над кроватью больного. В России же история болезни представляет огромный документ, где самым тщательным образом не только написана история болезни и заболевания, но и все назначения, которые делаются врачом [5].

Далее следует информация об анемезе заболевания больного, то есть когда данное заболевание стало проявляться, что способствовало этому. Сюда также можно включить информацию о предыдущем лечении, если такое было, о том, где пациент его получил, какие лекарства принимал, и кто был его врачом.

Такой документ, как история болезни имеет определенный синтаксис записи. Предложения краткие, лаконичные и простые (преимущественно в английском языке, так как в русском присутствуют сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, что можно объяснить грамматической структурой языка).

В английской лингвокультуре, врач привык слушать пациента, задавать ему большое количество вопросов, но записывать не всю информацию, а некоторую. Из пятнадцатиминутного разговора врач может записать 2 – 3 предложений, а иногда меньше [1]. Развертыванию мысли служит создание крупных отрезков речи, членение на абзацы, которые будучи завершенными высказываниями относительно содержания, продолжают другое высказывание. Заполняя историю болезни, врач хочет добиться того, чтобы лингвистическое выражение отразило всю точность его научного мышления, и чтобы терминология приближалась к логическим понятиям, а сами предложения становились суждениями. В рассуждении, повествовании и описании врач употребляет все необходимые медицинские термины, которые подтверждают его компетентность и выражаются в формулировании диагноза и описании лечения, которые записываются в истории болезни.

В документе больше повествования, а вот рассуждение применяется с целью изложения и анализа, полученных ранее сведений при постановке как предварительного, так и заключительного диагнозов.

В медицинском тексте, который представлен документом «история болезни» используются медицинские термины. Особенно много их во втором разделе данного документа, который посвящен непосредственно медицинской диагностике пациента.

М. М. Глушко акцентирует тот факт, что «термин – является словом или словосочетанием, используемом с целью выражения понятий и обозначения предметов, которые обладают, благодаря присутствию у него точной и строгой дефиниции, четких семантических границ и поэтому являющиеся однозначным в пределах той или иной классификационной системы» [2, с. 46].

Следует отметить, что большинство терминов, используемых в истории болезни, как на русском, так и на английском языках представляют собой весьма сложную комбинацию слов. Очень редко термины состоят из одного слова. В большинстве своем это целые словосочетания, а иногда и предложения.

T1-weighted image – ‘T1-взвешенное изображение’,

officinal formula – ‘официальный лекарственный препарат’.

Стоит отметить, что в различных контекстах значение одного и того же термина может быть различным:

marrow – ‘спинной мозг’ (тоже самое, что *spinal marrow*), ‘костный мозг’ (тоже самое, что *bone marrow*);

TS: tricuspidstenosis – ‘сужение апертуры трехстворчатого клапана’,
testsolution – ‘испытуемый раствор’).

Медицинские термины, которые были обнаружены в историях болезней можно сгруппировать по двум темам: «Диагноз» и «Обследование» [6]. Ядром же этого раздела является термин «обследование». Третий раздел представляет собой описание диагноза и эпикриза. В истории болезни на русском языке диагноз описывается кратко и лаконично и представляет собой некое «абстрактно–формальное заключение» [1, с. 226]. Мы полагаем, что необходимо писать полный диагноз, так как «диагностическая формулировка – это результат ментальной категоризации на базе трех уровней категорий дисциплинарных, гносеологических и языковых» [1, с. 227].

Например, такой диагноз, как: «сахарный диабет I типа, стадия декомпенсации» записывается следующим образом «сахарный диабет I типа, стадия декомпенсации, склонность к кетоацидозу, гипогликемии, тяжелой степени. Осложнения: кетоацидоз от (дата); гипогликемия от (дата); нефропатия II степени, диабетическая нейропатия».

В подобном описании диагноза можно найти отражение таких категорий, как признак, состояние, время, причина, пространство, величина, следствие. В английском языке, несмотря на краткость и лаконичность

самой языковой структуры, диагнозы описываются очень подробно, чтобы пациент имел полное представление о своем состоянии. Иногда даже в скобках даются пояснения, специально для пациентов, для того, чтобы они понимали, о чем идет речь. Особенно в случаях со сложной терминологией.

Как можно увидеть, логико - смысловая структура истории болезни – довольно комплексное понятие. Каждый уровень может быть репрезентирован отдельным набором языковых средств.

Итак, история болезни как главный медицинский документ является сложным лингвистическим объектом, «испытывающим воздействие не только интралингвистических, но и экстралингвистических механизмов на все основных этапах его создания и функционирования» [5, с. 3]. История болезни – это источник «профессиональной самопрезентации», которая выражается как в компетенции врача, так и в умении применить все свои знания, при помощи специальной лексики. По нашему мнению, самопрезентация в истории болезни отражается как некое «весомое заключение о существующей и решаемой всеми способами проблеме» [2, с. 12].

Анализируя «истории болезни» русско- и англоязычные можно выделить следующие характеристики:

1) История болезни включает в себя сигнификативный составляющей план содержания и план выражения – буквенно-цифрового и информационного, может рассматриваться в качестве сферы знаний, информационной сферы, цифровой сферы;

2) История болезни – это знаковая форма представления знаний в истории болезни, где применяется специальная и общемедицинская лексика;

3) Высокая информативность, лаконичность, четкость изложения, ясность мышления, так как этот документ «существует в качестве связующее звена между человеком, передающим информацию, и реципиентом, то есть происходит контакт между автором и получателем информации» [9, с. 12];

4) Использование и понимание терминов истории болезни находятся в зависимости от уровня коммуникативной профессиональной компетенции;

5) Терминология в истории болезни зависит от результатов тех лабораторных исследований, осмотра больного специалистами, эпикриза.

Таким образом, проведен сравнительный анализ истории болезней на русском и английском языках, выделили их сходства и различия, рассмотрели структуру и основные лингвистические признаки. Перевод текста, относящегося к истории болезни или результатам проведенных анализов, доверяется специалистам, имеющим соответствующее образование и высокую квалификационную категорию. Разумеется, наилучшим вариантом является переводчик, имеющий высшее медицинское образование.

Список использованных источников

1. Бекишева Е.В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем: монография. Самара: ООО «ИПК Содружество» Самар. гос. мед. ун-та, 2007. – 356 с.
2. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. – 46 с.
3. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М.: Высшая школа, 2000. – 456 с.
4. Косова М.В. Идеи профессора Б.Н. Головина в аспекте документной лингвистики // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб ст. Междунар. конф., посвящ. 90-летию Б. Н. Головина. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2006. 467 с.
5. Кушнерук С.П. Лингвистика документной коммуникации (теоретические аспекты): монография. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2007. 478 с.
6. Кушнерук С.П. Теория современного документного текста: автореф. дис... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 45 с.
7. Маджаева С.И. Лингвистическая характеристика медицинского документа «История болезни» // Известия ВГПУ. – 2011. – №2 (56). С. 24-27.
8. На приеме у английского врача = English in Medical Practice: англ.–рус. мед. словарь–справочник. М.: РУССО, 2002. 1890 с.
9. Петров В.И. Русско–английский медицинский словарь –разговорник. М.: Рус. яз.; Медиа, 2004. 597 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдурашитова С. Я., преподаватель кафедры английской филологии, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь

Абрамова Н. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов

Алмазова Н. И., доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Аносова Н. Э., кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Ачилова В. П., кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ачилова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Базылев В. Н., доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков им. М. Тореза, Московский государственный лингвистический университет, Москва

Байракова А. А., аспирант кафедры геоэкологии факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Баканова М. В., ФГОУ ВО Пензенский государственный университет, Пенза

Бармина Е. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Беликова Я. Г., студентка второго курса магистратуры кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Беспалова Е. К., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и

журналистики, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Бойченко К. В., магистрант второго года обучения кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Бочкарева Т. В., старший преподаватель кафедры иностранных языков №2, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Варлагина М. В., старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Вартанова Л. Р., кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский Федеральный университет, Ставрополь, Россия

Веретенникова В. Е., ассистент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики, Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Вершинина Т. С., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и педагогики, Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург

Воложанина Т. С., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка в сфере философии и социальных наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Воробьёва В. А., студент I курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Выборнов Ю. Б., ассистент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Ганиева А. О., студентка четвертого курса специальности крымскотатарский язык и литература, английский язык и литература, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь

Героник Е. О., магистрант второго курса кафедры перевода и ИТЛ, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону

Глухенькая Л. Н., аспирант I года обучения кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Голубкова О. Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Гончарова В. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Гордилов Д. И., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Горев И. И., магистрант 1-го года обучения факультета математики и информатики Таврической академии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Гришаева Е. Б., доктор филологических наук, профессор кафедры делового иностранного языка, Институт экономики, управления и природопользования, Сибирский федеральный университет, Красноярск

Гузикова В. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург

Гулакова И. А., старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Давыдова Н. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Демидова О. Р., доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Джапарова Э. К., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь

Ермоленко О. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь,

Заикина К. А., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Закотнова П. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омск

Зеленцова М. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Золотаренко П. И., студент второго курса магистратуры кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Изволенская А. С., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Илёсов Б. А., кандидат филологических наук, доцент, свободный соискатель Термезского государственного университета, Термез, Узбекистан

Исаев Э. Ш., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Исаева О. В., старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кадырова О. Х., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой Термезского филиала Ташкентского государственного педагогического университета, Термез, Узбекистан

Кадырова У. Р., младший научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь

Казакова Т. А., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Калашишникова О. А., кандидат педагогических наук, профессор 107 кафедры иностранных языков, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А.К. Серова, Краснодар

Калинин А. Ю., старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Карпенко А. В., кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кириченко В. В., аспирант первого курса кафедры истории зарубежных литератур, факультет филологии Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Кислицына Н. Н., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 1 Института иностранной филологии (сп), КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь

Козел Н. П., старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и

межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Козлова А. Т., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Костюченко Ю. В., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Краснова Т. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики, Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Крюкова Е. В., магистр лингвистики, старший преподаватель кафедры европейских языков, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Ласкова М. В., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Левицкий А. Э., доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Леонтьева А. Ф., магистрант кафедры лингвистической типологии и лингводидактики, Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Лоза А. В., кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры теории языка и немецкого языка, Факультет иностранных языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль

Лукинова М. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Магальяйш же Союза Остапенко С., докторант Университет Порту, Португалия, Порту

Макеева Л. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь

Мальковская Т. А., кандидат филологических наук, доцент 107 кафедры иностранных языков, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Краснодар

Мартынюк Е. Б., старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Марченко Т. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Мацерук Т. С., магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Медведева Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Меленцова М. С., ведущий специалист по УМР кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии, КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь

Мельник В. В., студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Михайлова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Михайловская М. В., старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Музыка А. С., студентка второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Надеина, М. О., Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Ростовской области «Ростовский торгово-экономический колледж», Ростов-на-Дону

Нечипас П. Ю., обучающаяся третьего курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Никитичев И. Г., студент третьего курса факультета иностранных языков, Курский государственный университет, Курск

Норец М. В., доктор филологических наук, доцент, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Норец Т. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Института иностранной

филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Овчарова Е. Э., кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, Санкт-Петербург

Осипова Е. С., кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы иностранных языков, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Остапенко И. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Пантыкина Н. И., преподаватель кафедры английской и восточной филологии, филологический факультет, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

Пасекова Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Пекарская, О. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные науки», Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербург

Петрова О. В., кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Петухова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и методики преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков, Курский государственный университет, Курск

Пиванова Э. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Платова С. М., студентка четвёртого курса кафедры лингвистики и перевода, Лингвистический факультет, Российский государственный социальный университет, Москва

Полховская Е. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Попова Н. В., доктор педагогических наук, профессор кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Прожога Т. Ю., студентка 6 курса, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», Горловка, ДНР

Разумовская С. В., кандидат философских наук, руководитель проекта «Славянский мост», Дом Учителя Уральского федерального округа, Екатеринбург

Рыжикова М. Д., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Самарина И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону

Сидорова Л. И., кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар

Скидан О. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Слоистова М. С., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва

Слюсарева К. В., студентка второго курса магистратуры по специальности «Лингвистика», Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

Соина А. С., ассистент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь; аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Сокол А. А., аспирант второго года обучения кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Стогний А. А., студент пятого курса кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Субботенко С. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Курский государственный университет, Курск

Талашова Н. Г., кандидат филологических наук, ведущий специалист, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Тарарина Л. И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Лингвистический факультет, Российский государственный социальный университет, Москва

Тарнаева Л. П., доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Тархова Л. А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт социальных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Тимерханова Н. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики, Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Толстопятова В. С., магистрант кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

Толстопятова Ю. С., магистрант кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета, Ростов-на-Дону

Топоркова Ю. А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Урусова Н. А., магистр 2 курса кафедры зарубежной литературы, Ивановский государственный университет, Иваново

Фомин Э. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Хабибулина Э. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутский государственный педагогический университет, Сургут

Цветков Ю. Л., доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново

Цирульник В. И., ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», Симферополь

Чалая Ю. П., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Чеканова Ю. А., студентка пятого курса специальности «Перевод и переводоведение», Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Шаврова А. В., ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Шалыга Д. А., старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шевчук-Черногородова М. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шлепнев Д. Н., доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Эмирусеинова Э. Н., старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Юрченко О. А., студентка пятого курса кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский Федеральный университет, Ставрополь, Россия

Ягенич Л. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдурашитова С. Я., Ганиева А. О.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕНСТВЕННОСТЬ» СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ.....	3
<i>Абрамова Н. В.</i> УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ПРОЦЕСС И ПРЕДМЕТ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	8
<i>Аносова Н. Э., Попова Н.В., Алмазова Н.И.</i> СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ В МАГИСТРАТУРЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЛИНГВИСТИКА».....	14
<i>Ачилова Е. Л., Ачилова В.П.</i> ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ Н. НОСОВА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ НЕЗНАЙКИ И ЕГО ДРУЗЕЙ»).....	19
<i>Базылев В.Н.</i> ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА С ПОЗИЦИЙ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА	24
<i>Баканова М. В.</i> К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....	29
<i>Бармина Е. А.</i> ГИБРИДНЫЙ ДЕТЕКТИВ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	33
<i>Бойченко К. В.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	38
<i>Бочкарева Т. В.</i> ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ НАУЧНОМУ ПЕРЕВОДУ ОБУЧАЮЩИХСЯ ФАУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ	43
<i>Варлагина М. В.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ САМАНТЫ СМИТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ США	47
<i>Вартанова Л. Р., Юрченко О. А.</i> ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ УБЕЖДЕНИЯ	52
<i>Веретенникова В. Е., Краснова Т. А., Леонтьева А. Ф., Тимерханова Н. Н.</i> СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО НАЗВАНИЙ (В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА).....	56
<i>Вершинина Т. С., Разумовская С. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА В ЗОНЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	62

Воложанина Т. С., Талашова Н. Г. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДУШНАЯ НОЧЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....	67
Выборнов Ю. Б. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО СТРАХОВАНИЮ.....	72
Глухенькая Л. Н., Беспалова Е. К. «ВЕЧНАЯ ЖЕНА» К. Э. ДАФФИ: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД	77
Голубкова О. Н. ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ.....	83
Гончарова В. В. СТРУКТУРНАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВЫПОЛНЕННЫХ СПРАВОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ.....	87
Гришаева Е. Б. В ПОИСКАХ ИДЕАЛА: ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....	92
Гузикова В. В. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПРОЗЕ С. МОЭМА	97
Давыдова Н. А. СЛОВАРЬ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ.....	102
Демидова О. Р. RETRANSLATION: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ	106
Джапарова Э. К. ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА РОБЕРТА ГРЕЙВСА	111
Ермоленко О. В., Горев И. И. МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ЛИНГВИСТИКЕ: ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В СИСТЕМЕ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА.....	115
Закотнова П. В. МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОНЛАЙН РЕСУРСА LEARNINGAPPS.ORG В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	119
Зеленцова М. Г., Козлова А. Т. ФРАЗЕОЛОГИЯ И ИДИОМАТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА.....	124
Изволенская А. С. «ЛОВЯЩИЙ ВО РЖИ», ИЛИ ОЧЕРЕДНОЙ ПЕРЕВОД ПОВЕСТИ СЭЛИНДЖЕРА.....	129
Илёсов Б. А., Кадырова, О. Х. ПОЭЗИИ А. БЛОКА В УЗБЕКСКИХ ПЕРЕВОДАХ.....	133

<i>Исаев Э. Ш., Исаева О. В.</i> ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	139
<i>Кадырова У. Р.</i> ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АШЫКА УМЕРА	143
<i>Казакова Т. А.</i> КУЛЬТУРОНИМ КАК ИНФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕВОДА	148
<i>Калашикова О. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ БАЗОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА В АВИАЦИОННОМ ВУЗЕ	154
<i>Калинин А. Ю.</i> ЗВУЧАЩИЙ ПЕРЕВОД В СМИ (К ТИПОЛОГИИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА)	159
<i>Карпенко А. В.</i> ЛИНГВОДИДАКТИКА НА СТЫКЕ МЕТОДОВ И МЕТОДИК (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)	164
<i>Кириченко В. В.</i> МОНОВОКАЛИЗМ ЖОРЖА ПЕРЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	169
<i>Кислицына Н. Н., Меленцова М. С.</i> КОНТЕКСТ И ЗНАЧЕНИЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕДАЧИ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ	174
<i>Козел Н. П.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСА RT ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД» (В РАМКАХ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ»)	178
<i>Козел Н. П., Чеканова Ю. А.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА МИФОВ И ЛЕГЕНД АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ	183
<i>Крюкова Е. В.</i> ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ ЗА 108 ЧАСОВ, ИЛИ НЕМНОГО О ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНЦИЙ XXI ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД»	188
<i>Ласкова М. В., Беликова Я. Г.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА	192
<i>Левцкий А. Э.</i> ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	197

Лоза А. В. О ВАЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОДУКТОВ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....	202
Лукинова М. Ю., Золотаренко П. И. СТРАТЕГИИ ПОИСКА ЭКВИВАЛЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ.....	208
Макеева Л. Н. КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ В ЯЗЫКЕ И НАУКЕ	213
Мальковская Т. А. КРИТЕРИИ ОТБОРА ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПИСЬМЕННОГО УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА	218
Мартынюк Е. Б. ВОСПРИЯТИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОВАНСА В ТРАВЕЛОГАХ ПИТЕРА МЕЙЛА.....	222
Марченко Т. В. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	228
Медведева Е. В. ИДЕОЛОГЕМЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	233
Мельник В. В., Пасекова Н. В. АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ДЕНЬГИ И ПРОБЛЕМА ИХ ОТОБРАЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....	238
Михайлова Е. В. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИТОНИМОВ В ТЕКСТАХ АНГЛО-, ФРАНКО- И ЯПОНОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ БИБЛИИ.....	243
Михайловская М. В. ИРОНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ	249
Музыка А. С. ПЕРЕВОД КАК ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ.....	254
Надеина М. О. ВИЗУАЛИЗАЦИЯ: КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	259
Норец М. В., Цирульник В. И. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АВТОРСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В РОМАНЕ «ВОКЗАЛ ПОТЕРЯННЫХ СНОВ» ЧАЙНЫ МЪЕВИЛЯ	262
Норец Т. М., Байракова А. А. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АББРЕВИАТУР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПРИРОДООХРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ.....	268

<i>Норец Т. М., Воробьева В. А.</i> <i>ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ ВЫСТУПЛЕНИЙ</i> <i>ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИКОВ.....</i>	<i>273</i>
<i>Норец Т. М., Мацарук Т. С.</i> <i>АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ</i> <i>ЕДИНИЦ С СЕМОЙ «ЗДОРОВЬЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....</i>	<i>279</i>
<i>Овчарова Е. Э.</i> <i>К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ СМЫСЛОВЫХ КОННОТАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ</i> <i>ПОЭМЫ БАЙРОНА «ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬД».....</i>	<i>282</i>
<i>Осипова Е.С.</i> <i>К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В СФЕРЕ</i> <i>ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРЕВОДУ</i> <i>ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ</i> <i>КОРПУСОВ.....</i>	<i>287</i>
<i>Пантыкина Н. И.</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКИХ</i> <i>ПОСЛОВИЦ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....</i>	<i>293</i>
<i>Магальяйш же Соуза Остапенко С., Остапенко И. В.</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И КВАЗИНАУЧНОСТЬ АРХЕТИПА</i> <i>ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА.....</i>	<i>296</i>
<i>Пасекова Н. В.</i> <i>ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ</i> <i>СТИЛИЗАЦИЯ.....</i>	<i>302</i>
<i>Пекарская О. А.</i> <i>РОЛЬ БИБЛИОТЕКИ В РЕШЕНИИ ВАЖНЕЙШИХ СОЦИАЛЬНЫХ</i> <i>ПРОБЛЕМ НОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА.....</i>	<i>306</i>
<i>Петрова О. В.</i> <i>О ПЕРЕВОДЕ ОДНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ИЛИ ЧЕМУ ЖЕ МЫ УЧИМ НА</i> <i>ЗАНЯТИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ.....</i>	<i>309</i>
<i>Петухова Е. В., Никитичев И. Г.</i> <i>ГРАФОН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ВОЗМОЖНЫЕ</i> <i>МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕДАЧИ И АДЕКВАТНОСТЬ.....</i>	<i>314</i>
<i>Пиванова Э. В., Стогний А. А.</i> <i>ИЗ ОПЫТА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПЕРЕВОДОВ</i> <i>ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ НА РУССКИЙ И УКРАИНСКИЙ</i> <i>ЯЗЫКИ.....</i>	<i>319</i>
<i>Полховская Е. В., Нечипас П. Ю.</i> <i>ФУНКЦИИ РЕАЛИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДРАМЕ И</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА.....</i>	<i>324</i>
<i>Прожога Т. Ю.</i> <i>РОЛЬ ДОМАШНЕЙ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОБУЧЕНИИ</i> <i>ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....</i>	<i>330</i>

<i>Рыжикова М. Д.</i> <i>ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕАЛИИ «AMERICAN DREAM» В СТРАТЕГИИ АРГУМЕНТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ</i>	334
<i>Самарина И. В., Героник Е. О.</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ</i>	338
<i>Сидорова Л. И.</i> <i>ОБ АСИММЕТРИИ ОТТЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ И СПОСОБАХ ИХ ПЕРЕВОДА</i>	342
<i>Скидан О. Г.</i> <i>БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА</i>	348
<i>Слоистова М. С.</i> <i>TRANSLATING «GREEK POEMS» VIA RECEPTION THEORY</i>	353
<i>Слюсарева К. В.</i> <i>ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ПРОЗЫ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЗАПОВЕДНИК»</i>	357
<i>Соина А. С.</i> <i>К ВОПРОСУ О «ЯДРЕ» И «ПЕРИФЕРИИ» ЖАНРА</i>	361
<i>Сокол А. А.</i> <i>ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ В СОВРЕМЕННОМ ШПИОНСКОМ РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЯНА ФЛЕМИНГА «КАЗИНО РОЯЛЬ»)</i>	366
<i>Субботенко С. С.</i> <i>К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ЦИТАТ И АЛЛЮЗИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ДРАМЫ К. КРАУСА «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»)</i>	371
<i>Тарарина Л. И., Платова С. М.,</i>	371
<i>СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКОГО В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕМАХ</i>	376
<i>Тарнаева Л. П.</i> <i>ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ НА ОСНОВЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА</i>	381
<i>Тархова Л. А.</i> <i>ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ - БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ</i>	386
<i>Тимерханова Н. Н.</i> <i>ПЕРЕВОД ИДИОМ, ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОВ С УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК</i>	390
<i>Толстопятова В. С.</i> <i>ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕКЛАРАЦИЙ В ПАРЕ РУССКИЙ↔АНГЛИЙСКИЙ</i>	395

Толстопятова Ю. С. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АУКЦИОННОГО ДИСКУРСА.....	400
Топоркова Ю. А. ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ПРИ ПЕРЕВОДЕ	405
Фомин Э. В. ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	409
Хабибулина Э. А. СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ.....	414
Цветков Ю. Л., Урусова Н. А. ЭПИТЕТЫ И МЕТАФОРЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ ЭДГАРА АЛЛАНА ПО «ВОРОН».....	419
Чалая Ю. П. ТИТУЛЫ И НАГРАДЫ ВИКТОРИАНЦЕВ В ОРИГИНАЛАХ И ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	424
Шаврова А. В. ОТБОР ИДИОМАТИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ВСФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИХ ПЕРЕВОДУ.....	429
Шалыга Д. А. К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА ИСТОРИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ КРЫМА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК.....	434
Шевчук-Черногородова М. А., Гординов Д. И. ТОПОНИМИКА ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И СЕВАСТОПОЛЯ: НЮАНСЫ ПЕРЕВОДА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ЭТИМОЛОГИЯ.	438
Шевчук-Черногородова М. А., Заикина К. А., ПЕРЕВОД ИДИОНИМОВ И КСЕНОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ НАТАЛИ САРРОТ «ДЕТСТВО».....	443
Шевчук-Черногородова М. А., Костюченко Ю. В. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАГОЛОВКОВ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ НА ПРИМЕРЕ «ФИГАРО» (LE FIGARO).....	448
Шевчук-Черногородова М. А. КРЫМСКИЕ КСЕНОНИМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	453
Шлепнев Д. Н. ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: КОНТРОЛЬНЫЙ СПИСОК РУКОВОДЯЩИХ ПРИНЦИПОВ.....	458
Эмирусейнова Э. Н. Гулакова И. А. ЛЕКСИКА В ПЛАНЕ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	463

Ягенич Л. В.

*ОСОБЕННОСТИ НАПИСАНИЯ ИСТОРИЙ БОЛЕЗНЕЙ НА РУССКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ..... 468*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....474

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы III международной научно-практической конференции

*Симферополь
25 – 27 апреля 2019 года*

Верстка: М. А. Шевчук-Черногородова

Сборник печатается в авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 28,60. Тираж 78 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru